ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КРЫМА

Научно-практический
дискуссионно-аналитический сборник

Выпуск 16

Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы

Симферополь
"СОНАТ»
2012

ББК 65.2/4:66.3 (6Крм)
УДК 332:323(05)
В 748

ISBN - 978-966-2178-26-5

Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник «Вопросы развития Крыма» *является продолжающимся изданием, осуществляемым Крымской академией наук с 1995 года.*

Редакционный совет сборника «Вопросы развития Крыма»: *П.П.Толочко (председатель), В.А.Боков (зам. председателя), С.А.Ефимов (зам. председателя), А.М.Авидзба, Н.В.Багров, Я.И.Барков, В.А.Брянцев, В.Н.Ежов, В.Г.Ена, В.А.Загоруйко, В.Е.Заика, Н.Н.Каладзе, А.В.Кубышкин, Ф.В.Лазарев, Е.В.Николаев, Ю.Н.Новиков, А.Н.Олиферов, И.Х.Османов, В.А.Подсолонко, Ю.Ф.Прадид, В.Ф.Русяев, А.А.Ручка, А.С.Слепокуров, Н.В.Стешенко, Н.П.Сысоев, В.С.Тарасенко, Э.И.Терез, П.А.Хриенко, Н.А.Шульга, Ф.Я.Якубов, А.М.Ярош*

Редакционная коллегия выпуска: *С.А.Ефимов (председатель), Н.В.Киселева (зам. председателя), П.А.Хриенко (зам. председателя), Н.В.Бекиров, И.В.Евтюшкин, С.Н.Киселев, Р.Д.Куртсеитов, А.В.Мальгин, А.Р.Никифоров, А.В.Проноза, Т.А.Сенюшкина, В.А.Темненко, В.А.Урсина, Т.В.Хриенко*

Вопросы развития Крыма. *Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник.* ***Выпуск 16.*** **Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы**.- Симферополь: СОНАТ, 2012. - 408 с.

Основу сборника составили материалы научной конференции «Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы», проведенной Крымским региональным отделением Социологической ассоциации Украины совместно с отделением социологии Крымской академии наук и Союзом научных и инженерных обществ (объединений) Крыма.
.

Ответственность за достоверность фактов, цитат, собственных имен, географических названий и иных сведений несут авторы.

ISBN - 978-966-2178-26-5

© Крымская академия наук, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМИРОВАНИЕ КРЫМСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА: ПРЕДПОСЫЛКИ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ…… 5

Евтюшкин И.В. Многонационально-территориальная автономия в Крыму: историко-политологический анализ концепта……. 5

Ефимов С.А. К вопросу о «Путях самоопределения крымскотатарского народа» 22

Давыдова В.Р. Глобализация как фактор внутриконфессиональных противоречий в мусульманском сообществе Крыма……... 44

Зарубин В.Г. К вопросу о статусе русского и других языков в Крыму в первой половине XX в……. 49

Зіятдінова Е.Б. Націотворчі процеси в кримськотатарській спільноті…… 61

Каджаметов Л. Р. Основные критерии социокультурной адаптации крымских татар в условиях современного Крыма ……. 70

Каповская Н.В. Проблемы и пути гармонизации этноконфессиональных отношений в АР Крым ……... 75

Никифоров А.Р. Этапы становления крымского регионального сообщества (в контексте изучения истории крымских городов XIII-XV вв.)…… 78

Петроградская А.С. Этнодемографическая структура современного крымского Сообщества…….. 83

Темненко В.А. Конституция Автономной Республики Крым: Реквием 88

Хриенко П.А. Социально-экономический сегмент современной государственной идентификации Крыма…… 95

Шатохин А.Н., Вуйченко М.А. Динамика развития сельской поселенческой сети в Автономной Республике Крым на фоне общегосударственных и региональных тенденций ……. 100

Эмирова А.М. Актуальные проблемы сохранения языков и культур коренных народов Крыма…….. 106

Яковлев А.Н. Географический подход к типологии социокультурных противоречий в современном Крыму……. 110

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ КРЫМСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА……... 117

Бекиров Н.В. Об отношении крымских татар к институтам национального самоуправления (по материалам исследования социологической службы «Крымсоцис»)…….. 117

Ефимов С.А. Крымское село на рубеже тысячелетий: материалы социологического опроса…….. 122

Зіятдінова Е.Б. Соціальні уявлення про сім'ю та шлюб у кримськотатарських чоловіків 20-25 років …… 128

Киселева Н.В. Социологическое измерение угрозы межэтнического конфликта в Крыму……... 139

Куртсеитов Р.Д. Этносоциологические аспекты развития образования на крымскотатарском языке в Автономной Республике Крым…….. 145

Сомов М.В. К вопросу об изучении политической коммуникации в Автономной Республике Крым……... 158

Темненко В.А. Население Автономной Республики Крым как электоральная машина……..... 167

Филатов А.С. Крым: этнокультурные ориентиры и политические установки. Крымский ирредентизм и украинский сепаратизм……. 184

Хриенко Т.В. Социальная идентификация молодежи Крыма (опыт социологического анализа) 194

Шульга Н.А. Языковая компетентность и языковые предпочтения населения Украины в региональном и возрастном аспектах…….. 198

Эмирова А.М. Крымскотатарские собственные имена как кумулятивные знаки этнической культуры…… 208

РЕГИОНАЛИЗМ, РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ…… 214
Горюнова Е.А. Крымский регион в контексте теории рубежной коммуникации……. 214
Ефимов С.А. Некоторые социологические штрихи к вопросу об идентичности крымчан…….. 221
Зоткин А.А. Регионализация по-европейски: опыт для Украины…….. 228
Кальной И.И. Контуры крымской региональной идентичности: pro et contra……... 244
Киселев А.С. Европейские регионы с высоким потенциалом сецессионного конфликта …….. 248
Киселева Н.В. Представительство регионов в бикамеральных парламентах: мировой опыт и украинские перспективы…….. 251
Лантух Н.А. Об «островной» направленности крымской региональной идентичности…….. 257
Темненко В.А. Крым – выпавшее звено конфликтной дуги…… 268
Шевчук А.Г. Обзорно–аналитическая оценка текущей социокультурной и этно-конфессиональной ситуации в циркумпонтийском геополитическом пространстве …….. 275

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КРЫМУ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ОБЩЕУКРАИНСКИЙ КОНТЕКСТЫ……... 283
Вакулова Т.В. Этнополитические процессы в Крыму: цивилизационный дискурс… 283
Велешко Е.Н. Политическое поведение крымскотатарских репатриантов как виктимологическая проблема…….. 289
Гаспарян Л.С. Концептуализация феномена «политическая сила»…….. 296
Ефимов С.А. Отношение крымчан к электоральным деформациям: некоторые материалы социологического опроса……. 304
Кононов И.Ф. Крым: общественный организм и его политическая форма……. 307
Кузьмин Н.Н. Тупики крымского пограничья…… 321
Э.С. Кульпин – Губайдулин Национальные цели крымских татар……... 328
Мальгин А.В. «Русский Крым» в посторанжевой Украине: новые реалии – старые проблемы…… 333
Могаричев Ю.М. Парадоксы Крыма……... 347
Проноза А.В. О навязывании своего образа мышления «инакомыслящим» и об украинском голодоморе……... 348
Романько О.В. Крымское сообщество в 1941 – 1944: к вопросу о гражданском противостоянии в условиях немецкой оккупации …… 352
Сенюшкина М.А. Противоречия в предпринимательской деятельности и их влияние на социально-экономические процессы в АРК……... 364
Сенюшкина Т.А. Этнополитическая ситуация в Крыму: анализ, прогноз, тенденции.. 373
Темненко В.А. От сильной личности к силе Закона: О задачах Представительства Верховной Рады Автономной Республики Крым в Верховной Раде Украины …… 379
Умеров И.Р. Крымскотатарское национальное движение: современное состояние и перспективы…… 389
Швец А.Б. Эволюция форм протестного поведения в этнической среде современного Крыма…… 397

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ……... 403

2012: КРЫМСКИЕ ЮБИЛЕИ…….. 406

ФОРМИРОВАНИЕ КРЫМСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В XIX-XXI ВЕКАХ. ПРЕДПОСЫЛКИ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

И.В. Евтюшкин

МНОГОНАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ В КРЫМУ: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА

Понятие «многонационально-территориальная автономия» применительно к крымской автономии родилось в условиях общественно-политической дискуссии. Эта дискуссия началась задолго до того, как известный в Крыму ученый и общественный деятель Валерий Сагатовский в 1989-90 годах сформулировал понятие «интернационально-территориальная автономия» применительно к автономной республике, которая активно воссоздавалась в Крыму в тот период. Начало дискуссии положили требования представителей крымскотатарского национального движения (вызванного к жизни выселением крымских татар с территории Крымского полуострова в 1944 году) о восстановлении Крымской АССР, существовавшей в 1921–1945 годах, по национальному признаку. Представители движения направляли в адрес руководящих партийных и государственных органов СССР многочисленные письма, запросы и обращения [8, с. 12], в которых содержались требования о восстановлении Крымской АССР по «ленинскому декрету», в границах, определенных Постановлением ВЦИК и СНК от 18 октября 1921 года [11, с. 223]. При этом, как отмечает исследователь крымскотатарского национального движения С. М. Червонная, «не реальный декрет ВЦИК и СНК <…>, а некая легенда об этом декрете брались на вооружение, и приписывались ему те качества якобы гарантированной «национальной государственности» крымских татар <…> каких на самом деле строгая юридическая экспертиза в этом декрете никак бы не смогла выявить» [11, с. 225].

Дискуссия о сущности крымской автономии набирает обороты в 1989-90 годах. Мнением ученых и общественности по данному вопросу стали интересоваться представители Крымского обкома Компартии Украины, который до марта 1990 года был высшим органом региональной власти на территории полуострова. Под эгидой обкома КПУ в Симферополе проводились научные конференции, издавались научные труды, посвященные истории крымских автономий. Именно в тот период В.Н. Сагатовский сформулировал понятие «интернационально-территориальная автономия» применительно к воссоздаваемой в Крыму автономной республике. Этот концепт был воспринят и «взят на вооружение» не только крымскими учеными – коллегами Валерия Сагатовского [32, с.53], но и представителями

власти[1]. Однако, слово «интернационально-территориальная автономия» было заменено сходным по смыслу словом «многонационально-территориальная автономия» (впоследствии стал использоваться термин «многонациональная автономия»).

Ныне, почти 20 лет спустя после воссоздания в Крыму автономной республики, понятие «многонациональная автономия» стало частью политического дискурса Автономной Республики Крым. В отличие от политиков, исследователи – специалисты в области конституционного права, понятие «многонациональная автономия» применительно к Автономной Республике Крым практически не используют, а определяют ее как административную (чисто территориальную) автономию в составе унитарного государства Украина.

Тем не менее, само понятие «административная автономия» нуждается в уточнении. В частности, некоторые украинские исследователи говорят о нетипичности крымской автономии, как автономии, построенной по территориальному принципу. Так, профессор Владимир Шаповал отмечает: «Нетипичной для постсоциалистических стран является <…> административная автономия, примером которой является также Автономная Республика Крым. Ведь все без исключения территориальные автономии в постсоциалистических странах образованы в соответствии с национально-историческим принципом» [38, с. 99]. Понятие «многонационально-территориальная автономия» позволяет вывести Автономную Республику Крым из тупика «нетипичности».

С другой стороны, политический концепт, согласно которому крымская автономия, является одновременно территориальной и многонациональной автономией, «снимает» очень серьезное противоречие в сфере межнациональных отношений в Крыму. Это противоречие связано с планами трансформации Автономной Республики Крым в национальную автономию, где в качестве субъекта автономных прав выступал бы единственный этнос – крымские татары. Эти планы вынашиваются нелегальными (не зарегистрированными в соответствии с законодательством Украины) крымскотатарскими этнократическими структурами – меджлисом и курултаем. Как отмечает политолог Андрей Мальгин, «именно крымская региональная автономия, которая является формой самоуправления и самоопределения всего многонационального крымского сообщества является наиболее существенным препятствием для осуществления подобных планов» [26].

Исходя из вышеизложенного, основной целью нашей статьи является политологический и кросс-исторический анализ концепта «многонационально-территориальная автономия»

[1] Например, в своём докладе на пленуме Крымского обкома партии, посвящённом проблеме гармонизации межнациональных отношений в Крыму Н.В. Багров, — первый секретарь обкома, впоследствии возглавивший Верховный Совет автономии, — подробно рассмотрел вопрос о принципах воссоздания Крымской АССР. Докладчик отметил наличие двух точек зрения на решение данного вопроса, представители первой их которых (в основном — крымские татары) считают, что Крымская АССР «должна быть национальным образованием», представители второй — «за создание многонационально-территориальной автономии». Заключая выступление, Николай Багров подчеркнул, что поддерживает позицию сторонников создания многонационально-территориальной автономии [22].

применительно к современной крымской автономии и предшествовавшим ей автономным образованиям на территории полуострова.

При этом, мы будем исходить из гипотезы о том, что многонационально-территориальная автономия является одной из форм административной автономии. Иначе говоря, это – административная автономия, на территории которой проживает несколько этнических групп, ни одна из которых не признается монопольным субъектом автономных прав.

В.Н. Сагатовский в статье «Таврида интернациональная» предлагает концепт «многонационально-территориальная автономия» применительно к Крыму, исходя из следующих аргументов:

1. «Бывают <…> ситуации, когда ни исторически, ни в настоящее время ни один из народов, проживающих на определенной территории, преобладающим не является, а вопрос о том, какая нация может считаться коренной, не имеет бесспорного решения. Именно такая ситуация у нас в Крыму».

2. «Крым всегда населяло множество народов, которые чаще всего образовывали разные государства: скифы и греки, позднее – славяне (Тьмутаракань), греки (Феодоро), крымские татары, генуэзские колонисты и т.д.» [31, с. 34].

3. «Опыт такого рода – сочетание территориальной и национальной автономии в Крыму – уже имеется. Созданные в 1918 г. Республика Тавриды, в 1919 г. – Крымская ССР, а в 1921 г. – Крымская АССР не были национальными автономиями, но последняя имела в своем составе национальные районы и сельсоветы». [31, с. 36]

Приведем и противоположные аргументы сторонников концепта крымскотатарской национальной государственности на территории Крыма[2]:

1. Крымские татары являются коренным народом на территории полуострова, обладающим, по сути, монопольным правом на самоопределение. Крымские татары сохраняют культурную, расовую и духовную преемственность как с наиболее древним автохтонным населением полуострова (таврами, скифами, сарматами), так и с более поздними племенами и группами, оседавшими здесь в эпоху Великого переселения народов и в Средневековье (гуннами, хазарами, половцами, греческими колонистами, византийцами, генуэзцами, готами, золотоордынцами, турками и др.) [2, с 59].

2. До включения Крыма в состав Российский империи все коренные народы полуострова проживали в составе одного государства – Крымского ханства. Оно объединяло крымских татар и три других коренных для Крыма народа – караимов, крымчаков и урумов (крымских греков) [2, с 61-62].

3. Существовавшая в 1921-1945 годах Крымская АССР была крымскотатарской национальной автономией.

[2] Первые два аргумента сформулированы в работе президента Фонда исследований и поддержки коренных народов Крыма Н.В. Бекирова [2].

Начнем с тезиса о коренном народе. Как известно, представители крымскотатарского национального движения добиваются признания крымских татар коренным народом на территории Крыма. Но статус коренного народа является лишь тактической целью. Стратегическая цель остается неизменной – политическое самоопределение крымских татар на территории полуострова в соответствии с так называемой «Декларацией о национальном суверенитете крымскотатарского народа», принятой крымскотатарской этнократической структурой – курултаем (национальным съездом) в 1991 году. В пункте первом данной декларации говорится: «Крым является национальной территорией крымскотатарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение, так как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом» [12, с.110 – 111].

Условность деления представленных в Крыму народов на коренные и некоренные вытекает не только из особенностей исторического развития полуострова, но и из международно-правовых документов, ни в одном из которых не дается определение понятия «коренной народ». Этого определения нет ни в конвенции № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», принятой Международной организацией труда (международная организация в системе ООН) в 1989 году, ни в принятой в 2007 году Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов.

Вопрос о допустимости использования термина «коренной народ» применительно к татарам в Крыму в свете конвенции МОТ № 169 подробно рассмотрен в аналитическом материале, опубликованном в газете «Русский мир» за май 1999 года (№ 4) [13]. Авторы данного материала приходят к выводу о том, что «татары, проживающие в Крыму (крымские татары) не могут считаться группой, определяемой в правовом смысле как «коренная» на данной территории (Автономная Республика Крым)». Этот вывод делается на основе следующих аргументов: крымские татары не являются первопоселенцами на данной территории (Крымский полуостров)[3]. Исторические и археологические источники четко фиксируют их первое появление здесь в 1223 году. До первой половины XIV века они входили в состав более обширной общности, распространенной на значительном пространстве Восточной Европы за пределами Крымского полуострова, – государство татар Золотая Орда; татары, как этнос, никогда не занимали всей территории Крымского полуострова и никогда не составляли большинства населения во всех его регионах. На побережье от Кафы (Феодосии) до Чембало (Балаклава), на бывшей территории княжества Феодоро, в горной и предгорной

[3] Выводы авторов исследования не соответствуют утверждениям о культурной, расовой и духовной преемственности крымских татар с наиболее древним автохтонным населением полуострова. Эти утверждения, как известно, впервые были озвучены В.Е. Возгриным в книге «Исторические судьбы крымских татар», изданной в 1992 году. Но, исходя, из подобных антиисторических построений, верна и скифская теория происхождения восточных славян, которые, следуя этой логике, сохраняют расовую и культурную преемственность со скифами и другими народностями, исторически проживавшими в Поднепровье и Северном Причерноморье.

частях Крыма население всегда было полиэтничным; в этногенезе татар, проживающих в Крыму, главную роль играли общности, сложившиеся за пределами Северного Причерноморья и Крыма и пришедшие сюда в качестве завоевателей или колонистов и не являющиеся в этом регионе коренными; на татар проживающих в Крыму не распространяется главная особенность, которая отличает «коренной» (в правовом смысле) народ или группу, – сохранение традиционных систем жизнеобеспечения, прежде всего – особых форм хозяйственной деятельности (сухопутная, морская охота, рыболовство, собирательство, оленеводство); определение «курултая» и «меджлиса» нынешними политическими лидерами татар, проживающих в Крыму, как традиционной формы самоуправления коренного народа, входит в противоречие с их же утверждением об исконности татар проживающих в Крыму на земле Тавриды. Курултай – это форма самоуправления, характерная лишь для народов Центральной Азии, в частности для Монголии. В созданных на обломках империи Чингисхана государствах она была заменена феодальными формами правления (о чем свидетельствует пример Золотой Орды, Крымского ханства). Тем более она не может быть характерной и традиционной для Тавриды, поскольку нет исторических источников, подтверждающих проведение здесь хотя бы одного курултая; татары давно прошли этапы традиционной формы социальной организации – родоплеменной (бесклассовой) структуры общества – и живут по традициям и законам современного общества. По мнению авторов исследования, «эти факты полностью опровергают необходимость относить татар к «коренным народам» с традиционными формами социальной организации общества (например саамы, чукчи, папуасы Новой Гвинеи, аборигены Австралии, индейцы Канады и т.д.), защиту которых предусматривает Конвенция 169 МОТ» [13].

Выводы и формулировки, содержащиеся в материале, опубликованном в газете «Русский мир» (материал подготовлен информационно-аналитическим отделом Русской общины Крыма), не смотря на политизированность некоторых из них, сделаны в рамках научного дискурса. А их политизация является не меньшей, чем, к примеру, политизация суждений о русских Крыма как о «потомках колонизаторов» (озвучиваются представителями меджлиса).

Состав населения Крыма в ходе исторического развития данного региона был полиэтничным, поликультурным. Многие народности оставили здесь следы своей деятельности – тавры и скифы, греки и сарматы, аланы и готы – в античную эпоху, греки и гунны, хазары и праболгары, печенеги и половцы, русские и аланы, армяне и евреи, венецианцы и генуэзцы, татары и турки – в средние века [39, с.3]. Какие бы поселения и государственные образования не возникали на территории полуострова, – таврские, скифские, сарматские, аланские, готские поселения, греческие колонии (прежде всего – Боспорское царство и Херсонес Таврический), гуннское княжество, княжество Феодоро,

Тмутараканское княжество[4], генуэзские и венецианские колонии, Крымское ханство, – население Крыма оставалось полиэтничным.

С одной стороны, этот феномен объясняется, например, тем, что вдоль Северного Причерноморья на заре средневековья проходил один из путей т.н. великого переселения народов [39, с.3]. Следовательно, многочисленные волны миграций и завоевательные походы не обходили Крым стороной. С другой стороны, исторически Крым находился на пересечении сфер влияния крупных европейских и азиатских государств, стремившихся закрепиться на полуострове, основать на его территории те или иные государственные образования. Или – распространить свое влияние на уже существующие.

Еще во 2 веке до нашей эры крупнейшие греческие государства на территории полуострова – Боспорское царство и Херсонес – оказались в сфере влияния Понтийского царства (государства, чья территория соответствовала восточной части современной Турции), после чего на протяжении длительного времени пребывали под протекторатом Римской империи, а после ее распада – вошли в состав Византийской империи. Как известно, Понтийское царство, Римская и Византийская империи защищали Боспорское царство и Херсонес от натиска варварских племен (как называли древние греки многочисленные негреческие племена, с которыми им приходилось сталкиваться). Для Римской империи, а впоследствии – для Византии, особую роль играла торгово-экономическая и военно-стратегическая значимость Таврики.

Тенденцию создания на территории Крыма государственных образований, которые с некоторой долей условности можно назвать автономными, продолжили торговые республики Генуя и Венеция, основавшие на южном берегу Крыма колонии – Кафу и Солдайю (XIII – XV века).

С другой стороны, в XIII веке на территории степного и предгорного Крыма был создан Крымский улус монголо-татарского государства Золотая Орда.

Крымское ханство, которое выделилось в 1443 году из состава Золотой Орды, не долго сохраняло независимость. Уже второй крымский хан – Менгли - Гирей – признал себя вассалом турецкого султана. Менгли - Гирей в 1479 году заключил с турецким султаном специальный договор, который закрепил за Крымским ханством по сути автономный статус в составе Османской империи [17, с. 153]. Через триста лет Крымское ханство было выведено из состава Османской империи Российской империей и временно стало независимым (в соответствии с Кючук-Кайнарджйским договором 1774 года). В 1783 году крымский хан Шагин - Гирей отрекся от престола и Крымский полуостров был включен в состав Российской империи.

[4] Древнерусское княжество, основная территория которого располагалась на Таманском полуострове (Восточный Крым). Князям Тьмутаракани, первое упоминание о которой появляется в 988 году, первоначально являлся сын князя Владимира Мстислав. В последний раз княжество упоминается в летописи под 1094 годом. В дальнейшем, как предполагают исследователи, было поглощено половцами.

Крымское ханство никогда не было единственным государственным образованием на всей территории полуострова. До и после создания крымского улуса (провинции) Золотой Орды, из которого выросло Крымское ханство, в юго-западном Крыму существовало княжество Феодоро. На территории Феодоро проживала большая группа христианского населения. Феодориты исповедовали Православие, являлись носителями греческого языка, греческой культуры. Крымское ханство, которое выделилось в XV веке из состава Золотой Орды, граничило не только с княжеством Феодоро, но и с итальянскими (точнее – с генуэзскими и венецианскими) колониями в юго-восточном Крыму – Кафой и Солдайей. В пределах Крымского ханства наряду с крымскими татарами проживали крымские греки, армяне, караимы, крымчаки и представители других народов. После захвата Османской империей в 1475 году генуэзских и венецианских колоний и уничтожения княжества Феодоро, в пределах данных территорий был образован Кафский санджак – административно-территориальная единица Османской империи, управляемая турецкой администрацией [34, с.20 - 21].

Крым остался многонациональным и после масштабного переформатирования политического пространства в пределах Северного Причерноморья и Крымского полуострова, которое стало итогом длительной борьбы между Османской и Российской империями за контроль над Азовским и Черным морями. Борьба Российской империи за выход к южным морям велась на протяжении всего 18 века и завершилась упразднением Крымского ханства и включением Приазовья, Крыма (1783 год) и целого ряда территорий на северных берегах Черного моря в состав России.

После образования Таврической области, которая впоследствии стала губернией, этнический состав населения Крыма начал меняться. С одной стороны, в конце 18—19-м веках происходила эмиграция крымскотатарского населения на территорию Османской империи. Крымские татары продолжали составлять значительную часть населения Крымского полуострова, но их численность уменьшилась в связи с эмиграционными процессами. Но в целом многонациональный состав населения Крыма был сохранен. Крымские татары, крымчаки, караимы, армяне, греки[5] продолжали составлять значительную часть населения полуострова.

С другой стороны, российские власти стремились привлечь в Крым жителей различных губерний и областей империи, а также колонистов из иностранных государств. В состав населения Крыма вошли русские, украинцы, немцы, болгары, греки (выходцы из островной и северной Греции)[6] и представители других народов.

[5] Часть крымских греков, переселённых в 1778 году в Приазовье, вернулась в Крым.

[6] Греческая община на полуострове в конце 18-19-м веках пополнилась греками-выходцами из различных регионов Османской империи.

В национальной политике Российской империи в отношении Крыма, декларировались, говоря современным языком, принципы мультикультурализма и общегражданского общества. Так, в Манифесте Екатерины II «О принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую Державу» (1783 год), было сказано: «Возвещая жителям тех мест силою сего Нашего Императорского манифеста таковую житья их перемену, обещаем свято и непоколебимо за Себя и Преемников Престола Нашего, содержать их на равне с природными Нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущества, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно; и дозволить напоследок каждому из них состоянию все те правости и преимущества, каковыми таковое в России пользуется». [Цит. по: 1, с. 96].

При рассмотрении форм административного устройства Крыма в составе Российской империи, необходимо учитывать тот факт, что Российская империя была унитарным государством, не смотря на всю сложность системы ее государственно-территориального устройства. Унитарной модели строительства Российского государства соответствовал, в частности, указ Екатерины II от 2 февраля 1784 года об образовании Таврической области. В состав области вошли Крымский полуостров, Тамань и ряд территорий за пределами Крыма. В 1796 году усилиями сына Екатерины, императора Павла I, Таврическая область была упразднена и включена в состав Новороссийской губернии. И, наконец, указом Александра I от 8 октября 1802 года была создана Таврическая губерния в тех же территориальных границах, в каких существовала Таврическая область. На момент ее создания, Таврическая губерния включала 7 уездов; из них — 5 крымских[7] и 2 уезда к северу от Перекопа[8] [1, с. 7-8].

С формально-правовой точки зрения автономный статус был закреплен за Крымским полуостровом только после Октябрьской революции в России, в контексте реализации большевистской партией масштабной реформы государственно-территориального устройства бывшей Российской империи. Здесь мы переходим к рассмотрению третьего тезиса В.Н. Сагатовского относительно многонационально-территориальной автономии в Крыму.

Как известно, все союзные и большинство советских автономных республик, а также областей, национальных округов и других форм автономии, которые пришли на смену территориальным административным единицам Российской империи, были созданы в соответствии с национально-территориальным принципом. При этом в советской практике государственного строительства существовали и многонациональные автономии, одной из которых, как считают многие исследователи, являлась Крымская АССР 1921-1945 годов. Крымской АССР предшествовали Советская Социалистическая Республика Тавриды и

[7] Симферопольский, Евпаторийский, Феодосийский, Перекопский и Тмутараканский (на территории Таманского полуострова).
[8] Днепровский и Мелитопольский.

Крымская ССР, построенные по территориальному признаку, как и целый ряд других советских республик, созданных руководством РКП (б) в годы становления советской власти.

Опыт создания на территории Крыма Республики Тавриды, Крымской ССР и Крымской АССР свидетельствует о том, что специфика государственного строительства на уровне крымского региона определялась многосоставностью (термин, введенный в научный оборот американским политологом Арендом Лейпхартом) крымского сообщества и вместе с тем – геополитическими факторами.

Геополитическими факторами было обусловлено создание Республики Тавриды и Крымской ССР в 1918-1919 годах.

Советская Социалистическая Республика Тавриды была создана в Крыму в марте 1918 года. Политическая ситуация, сложившаяся вокруг Крыма в 1918 году, определялась тем, что после заключения Брестского мира между Советской Россией и Германией (3 марта 1918 года), Крымский полуостров оказался спорной территорией. Согласно Брестскому договору Крым не входил в состав Украины, от федеративной связи с которой РСФСР пришлось отказаться. Однако, руководство Германии ставило под сомнение принадлежность полуострова также и Советской России под предлогом необходимости применения в Крыму принципа самоопределения [37, с. 86, 88]. Германские интервенты вынашивали планы захвата Крыма, Донской области и Кавказа. В этих условиях Центральный комитет РКП (б), Совнарком РСФСР под руководством В. И. Ленина инициируют создание формально независимых советских республик в Крыму, на Дону, на территории Донецкого бассейна, на Кавказе[9] [10, с. 2-3].

Первоначально Таврический Центральный исполнительный комитет объявил республикой бывшую Таврическую губернию (декрет от 19 марта 1918 года), которая наряду с крымскими уездами включала в себя три уезда материковой Украины. Затем, по указанию Совнаркома РСФСР, Таврический ЦИК декретом от 22 марта 1918 года объявил Советской Социалистической Республикой Тавриды только территорию Крымского полуострова [4, с. 225, 227].

Немецкие войска все-таки вошли в Крым, и Республика Тавриды пала, но год спустя, в апреле 1919 года, Красная армия снова заняла полуостров. После поражения Германии в Первой мировой войне активизировались геополитические притязания на Крым государств Антанты — Франции и Англии. Французские войска базировались в Севастополе и попытки вытеснить их из города силами подразделений Заднепровской дивизии Украинской Красной армии успехом не увенчались. Как и в случае с Германией, руководство Советской России стремилось избежать войны с Антантой. Поэтому, ЦК РКП (б) и Совнарком РСФСР противодействовали вторжению войск Антанты на территорию Крыма от имени

[9] Советская Социалистическая Республика Тавриды, Кубано-Черноморская Советская республика, Донская Советская республика, Донецко-Криворожская Советская республика, Терская Советская республика.

правительства Крымской АССР[10]. [9, с. 23-24]. Обязанности председателя Временного Рабоче-Крестьянского правительства Крымской ССР были возложены на родного брата В.И. Ленина Д.И. Ульянова.

Республика Тавриды и Крымская ССР были созданы по территориальному принципу. Ни в одном из документов, конституировавших эти республики, не шла речь о национальном самоопределении того или иного народа. А в декларации Временного Рабоче-Крестьянского правительства Крымской ССР, в соответствии с которой Крым объявлялся Советской Социалистической Республикой (от 6 мая 1919 года), прямо говорилось: «Отвергая всякий национальный гнет, являющийся только маской классового господства, Временное Рабоче-Крестьянское правительство объявляет полное и безоговорочное равноправие всех народов, населяющих Крым» [5, с. 146].

Территориального принципа организации политической власти в регионе придерживались не только большевики, но и Крымские Краевые правительства (1918 - 1919 годы) и «белое» Правительство Юга России[11] (1920 год). Краевые правительства пришли на смену Республике Тавриды и опирались, соответственно, на войска Германии (Первое Краевое правительство) и Антанты (Второе Краевое правительство), а Правительство Юга России осуществляло управление Крымом в 1920 году, в период, когда Крым находился под контролем Вооруженных сил на Юге России (представлявших Белое, антибольшевистское движение).

Необходимо отметить, что существовали и этнические проекты государственного строительства в Крыму. Так, Курултай (национальный съезд) крымских татар, созванный по инициативе Временного крымскотатарского исполнительного комитета (Мусисполкома) еще в 1917 году своими решениями провозгласил создание Крымской Демократической республики, а затем – принял национальную конституцию («Крымскотатарские основные законы»). Данная конституция, принятая вторым Курултаем 13 (26) декабря 1917 года, регламентировала деятельность властных структур провозглашаемой республики [12, с. 22-26].

Политические проекты представителей крымскотатарского национального движения подвергались критике как со стороны большевиков, так и со стороны партий, участвовавших в работе первого и второго Крымских Краевых правительств (особенно принципиальную позицию в этом вопросе занимала партия кадетов [14, с. 438][12]). А представители Белого

[10] Первые советские республики в Крыму были формально независимыми, однако реально партийные и государственные органы Республики Тавриды и Крымской АССР подчинялись ЦК РКП (б), Совнаркому и ВЦИК РСФСР. Так, согласно секретному протоколу заседания Политбюро партии (май 1919 года), правительство Крымской ССР должно было действовать на правах губисполкома, подчиняясь ВЦИК РСФСР [15, с. 164].

[11] Первое и Второе Крымские краевые правительства возглавляли, соответственно, Сулькевич Матвей Александрович и Крым Соломон Самуилович, а Правителем Юга России был барон Петр Николаевич Врангель.

[12] По словам В. А. Оболенского, позиция кадетов состояла в том, что «нельзя было признать ответственность Крымского правительства перед Курултаем, т. е. парламентом национального меньшинства» [30].

движения, которые действовали на основе принципа «единой и неделимой России», вообще запретили деятельность крымскотатарской Директории [23, с. 40].

Вопрос о формах и принципах государственного строительства в Крыму был заново поставлен на повестку дня политической жизни полуострова в 1921 году, после окончательного установления в Крыму советской власти (ноябрь 1920 года). В результате длительной подготовительной работы региональных и центральных партийно-государственных органов, этот вопрос был решен в пользу создания в Крыму автономной республики, входящей в состав РСФСР. Соответствующее постановление об образовании Автономной Крымской ССР, под которым стояли подписи М. И. Калинина, В. И. Ленина и А. С. Енукидзе, было принято ВЦИК и СНК РСФСР 18 октября 1921 года.

Крымская АССР, созданная в 1921 году и просуществовавшая до 1945 года, является базовой моделью крымской автономии советского периода. Не смотря на то, что ход создания Крымской АССР, в отличие от Советской Социалистической Республики Тавриды и Крымской ССР, определяли не столько геополитические факторы[13], сколько необходимость решения национального вопроса в Крыму, ни за одним народом, проживающим на территории полуострова, не закреплялось право на самоопределение. В Конституции Крымской АССР, принятой 10 ноября 1921 года, говорилось: «Крымская Советская Социалистическая Республика, утверждая равенство и право на свободное развитие всех национальностей Крыма, отменяет все существовавшие ранее национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения» [19, с. 30].

О многонациональном характере Крымской АССР свидетельствуют следующие факторы: нормативно-правовые акты, конституировавшие Крымскую АССР, не содержали в себе положений об этническом самоопределении; в названии Крымской АССР присутствовало название региона; в административно-территориальном делении республики присутствовали национальные районы и сельсоветы; органы власти Крымской АССР, по сути, не занимались национально-государственным строительством.

Говоря о названии «Крымская АССР», как о названии региона, следует отметить, что в названиях национально-территориальных автономий, создаваемых в тот период на территории РСФСР, присутствовали этнонимы тех или иных народов.

Еще одна особенность Крымской АССР – наличие национальных районов в административно-территориальном делении республики. В 1930 году вместо существовавших 10 районов было образовано 16. Причем все эти районы были выделены как национальные. Из них 5 татарских (от 43 до 86% их населения составляли крымские татары [33]), 1 украинский, 1 немецкий, 1 еврейский и 8 смешанных районов (преобладание

[13] Тем не менее, некоторые партийные руководители обосновывали необходимость создания в Крыму республики, исходя из внешнеполитических обстоятельств. Так, Ю. П. Гавен считал, что «в целях революционизирования мусульманского Востока целесообразно создать видимость самостоятельного Крыма» [6, с. 9].

смешанных районов свидетельствует о преимущественно дисперсном характере расселения жителей Крымской АССР разных национальностей). В Крымской АССР существовали также национальные сельсоветы. В соответствии с тем, представители какого народа составляли большинство в пределах того или иного сельсовета, сельсоветы были русскими, украинскими, татарскими, болгарскими, греческими, немецкими, еврейскими, армянскими, смешанными [21, с. 22-23].

Органы власти первых крымских советских республик не занимались национально-государственным строительством. На это обстоятельство обратил внимание исследователь О. И. Чистяков. Говоря о Крымской ССР 1919 года, О. И. Чистяков отмечает: «Эта республика по идее продолжала оставаться объединением чисто территориального, а не национально-территориального порядка. Правда, в органы власти и управления вошли татары, печать республики была выполнена на двух языках. <…> Однако все эти мероприятия не означали превращения Крыма в республику местных татар. Комиссариат по мусульманским делам при крымском правительстве не занимался вопросами национально-государственного строительства. Его деятельность ограничивалась преимущественно сферой просвещения» [37, с. 148].

Похожая ситуация сложилась и в Крымской АССР. Активисты крымскотатарской национальной секции при Крымском обкоме РКП (б) (она называлась Крымоблтатбюро) приняли целый ряд решений о создании самостоятельных татарских профсоюзных и спортивных организаций, союза молодежи, телеграфа и др. Эти вопросы рассматривались и на бюро обкома РКП (б) 22 декабря 1920 года, 3 января, 30 июля, 28 ноября, 28 декабря 1921 года. На них было принято одно решение: «Считать недопустимым существование самостоятельных татарских организаций» [6, с. 46-47].

Аргументом, который часто приводится для опровержения тезиса о многонациональном характере Крымской АССР, является наличие в Конституции Крымской АССР 1921 года упоминания о двух государственных языках Крымской АССР – русском и татарском. Положение конституции крымской автономии о двух государственных языках вряд ли могло являться подтверждением однонационального характера Крымской АССР. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в конституции Крымской АССР, принятой в 1937 году, положение о государственных языках автономии отсутствует [20].

Многонационально-территориальная природа Крымской АССР 1921-1945 годов определялась, прежде всего, многонациональным составом населения полуострова. Полиэтничность Крыма являлась тем фактором, который не позволял создать в регионе национальную автономию одного народа, не нарушая прав других народов. Судя по данным переписи 1921 года, крымские татары составляли 25,7 % от общей численности населения полуострова, русские и украинцы – 51,5%, евреи – 7%, немцы – 5,9 % , греки – 3,3%, болгары – 1,7%, армяне – 1,6% и т. д. [16, с. 47].

Следует учитывать и геополитическую значимость Крымского полуострова, как базы Черноморского флота и приграничной территории. В случае создания в Крыму однонациональной автономии, возникали геополитические угрозы, о которых руководство Советской России не могло не знать, исходя из опыта 1918-1920 годов.

Термин «многонационально-территориальная автономия» достаточно точно отражает сущность крымской модели региональной автономии. Интересно, что еще в 1921 году крымские татары - коммунисты, представлявшие Крымоблтатбюро при областном комитете РКП (б), в специальном постановлении Крымоблтатбюро обозначили необходимость объявления Крыма «Советской Социалистической интернациональной республикой в границах Крымского полуострова» [6, с. 10]. Другой многонациональной автономной республикой в контексте советской практики государственного строительства был Дагестан [36, с. 49].

Некоторые исследователи оспаривают тезис о том, Крымская АССР, существовавшая на территории Крымского полуострова в 1921-1945 годах, являлась многонациональной автономией. При этом основной акцент делается на постулате о коренных народах и их, якобы, исключительном праве на автономию в контексте ленинской национальной политики. Так, Р. И. Музафаров отмечает: «Дело в том, что на территории Крыма в то время находился лишь один коренной народ – крымские татары, а остальные – русские, украинцы, белорусы были здесь лишь национальными группами, являющимися частью своих наций, как и греки, чехи, немцы, болгары, основная масса которых всегда жила на своей национальной территории, расположенной за пределами СССР» [28, с. 28]. На этой основе делается вывод о том, что Крымская АССР не могла быть ничем иным, как крымскотатарской национальной автономией.

Вопрос о коренных народах мы уже рассматривали. Монополии на право называться единственным «коренным» для Крыма народом у крымских татар не было ни в 1921 году, нет ее и в настоящее время. Даже представители так называемого «меджлиса крымско-татарского народа» заявляют сегодня о необходимости наряду с крымскими татарами придать статус коренного народа также крымчакам и караимам (о крымских греках меджлис, в отличие от президента Фонда исследований и поддержки коренных народов Крыма Надира Бекирова, почему-то умалчивает). При этом, согласно «Декларации о национальном суверенитете крымскотатарского народа», право на самоопределение курултай признает только за крымскими татарами.

Эти заявления на одной из пресс-конференций прокомментировал руководитель культурно-просветительской организации крымчаков «Къырымчахлар» Марк Агатов. По мнению М. Агатова, каждый человек, родившийся и выросший в Крыму, может считать себя коренным жителем полуострова. Тот уклад жизни, который крымчаки вели в 18-19 веке,

не сохранился — следовательно, нет необходимости в статусе коренного народа. «Этот статус направлен, прежде всего, на сохранение народных промыслов. А таких у крымчаков нет», – отметил М. Агатов [24].

Вызывает вопросы и аргумент об исключительном праве на автономию народов, не являющихся «частью» какой-либо другой общности. В рамках советской системы государственного устройства существовали такие автономные республики как Нахичеванская АССР[14] (где большинство составляли азербайджанцы), АССР Немцев Поволжья, Еврейская автономная область и др. В контексте международного опыта в целом ряде автономий и регионов с особым статусом большинство населения составляют представители народов, имеющих государственность за пределами того государства, в состав которого входят данные автономии или регионы. А если следовать логике утверждений о преимущественном праве на автономию народов, не реализовавших право на самоопределение, получается, что жители Аландских островов, примерно 95% из которых являются этническими шведами, не имеют права на автономию в составе Финляндии, также как и жители Южного Тироля в Италии, где большинство составляют этнические немцы и т.д.

Перейдем к вопросу о принципах создания современной крымской автономии. Она была воссоздана в 1991 году как Крымская АССР. Как известно, Крымская АССР была упразднена в составе РСФСР, а воссоздавалась уже в составе Украинской ССР. После распада Советского Союза крымская автономия прошла непростой путь определения ее политико-правового статуса в рамках политической системы независимой Украины. В 1992 году Крымская АССР стала Республикой Крым, а затем – Автономной Республикой Крым. При этом название Крыма, как региона осталось в названии автономии.

В Конституции Украины 1996 года Автономная Республика Крым обозначена как один из элементов системы административно-территориального устройства Украины (то есть, – как административно-территориальная, а не национально-территориальная единица).

Важным правовым основанием внеэтнического принципа воссоздания современной крымской автономии стал референдум[15] от 20 января 1991 года, который гарантировал правосубъектность всего многонационального населения Крыма в решении вопроса об автономии. За воссоздание автономной республики в Крыму проголосовало 93,26% жителей Крыма, принявших участие в голосовании [18].

В качестве противовеса территориальному принципу воссоздания крымской автономии и референдуму 20 января 1991 года национальный съезд крымских татар (курултай), который

[14] Создание Нахичеванской АССР было обусловлено внешнеполитическими причинами, и прежде всего — необходимостью урегулирования территориального спора с кемалистской Турцией [40]. На момент создания Нахичеванской АССР значительную часть населения автономии составляли армяне.

[15] Идея референдума «среди всего населения Крыма», который признавался «единственно правильным решением вопроса об автономии» была впервые сформулирована в итоговом документе II съезда РСДРП (б) Таврической губернии. Данный съезд прошел в Симферополе 23-24 ноября 1917 года [4, с. 118].

состоялся 30 июня 1991 года в Симферополе, принял «Декларацию о национальном суверенитете крымскотатарского народа».

Что касается понятия «народ» именно в качестве субъекта права на самоопределение, то данное понятие не раскрывается ни в одном международном документе и до сих пор является предметом дискуссий [2, с. 106]. Причем, большинство исследователей сходятся во мнении о том, что субъектом права на самоопределение согласно международно-правовым нормам является народ как территориальное сообщество, а не этнос, или этническая общность» [35, с. 80]. Именно в таком значении понятие «народ» использовалось в первоначальном варианте Конституции Республики Крым (данная Конституция была принята Верховным Советом Крыма 6 мая 1992 года), которая принималась от имени «свободных и равных в своих правах и достоинстве граждан, составляющих многонациональный народ Крыма» [7].

С другой стороны, попытки трансформировать Автономную Республику Крым в крымскотатарскую национальную автономию актуализируют вопрос о русских Крыма. Крым является единственным регионом Украины, где этнические русские составляют большинство населения. В ответ на претензии курултая, ряд русских организаций полуострова заявляют о праве русских по национальности крымчан на самоопределение на территории Крыма, вплоть до придания Автономной Республике Крым статуса русской национальной автономии [27].

Учитывая остроту вопроса о превращении Автономной Республики Крым в одно-национальную автономию той или иной этнической группы, концепт многонационально-территориальной автономии в Крыму не утратил своей актуальности. Но речь идет о сочетании территориальной по форме автономии с некоторыми элементами национальной автономии, которые связаны с защитой прав представителей всех этнических групп, проживающих на территории Крыма.

Подведем итоги исследования. Анализируя концепт многонационально-территориальной автономии применительно к Крыму, мы рассмотрели особенности государственного строительства на территории полуострова в кросс-исторической ретроспективе. Выявлены политические процессы и тенденции, которые в целом подтверждают выводы исследователя В.Н. Сагатовского, сформулировавшего понятие интернационально-территориальной автономии (между термином «интернационально-территориальная автономия», который использовал Валерий Сагатовский, и термином «многонационально-территориальная автономия», мы ставим знак равенства). Выводы Сагатовского В.Н. мы дополнили гипотезой о том, что многонационально-территориальная автономия все же является одной из форм административной автономии. Иначе говоря, это – административная автономия, на территории которой проживает несколько этнических групп, ни одна из которых не

признается монопольным субъектом автономных прав. При этом административная по форме автономия может сочетать в себе признаки территориальной и национальной автономий, как в случае с Крымской АССР 1921-1945 годов, в административно-территориальном делении которой присутствовали национальные районы и сельские советы.

Проведенное исследование показало, что полиэтничность крымского региона исторически определяла многообразие форм государственного строительства на его территории. При этом для Крыма актуально понятие «многонациональное общество», сформулированное политологом Арендом Лейпхартом. Как известно, многосоставным обществом А. Лейпхарт назвал общество, разделенное «сегментарными различиями», которые могут иметь, этническую, религиозную, идеологическую, языковую, культурную и т.д. природу. По оценке исследователя, в таком обществе политические партии, группы интересов, средства коммуникации, школы, добровольные объединения и т.д. имеют тенденции к организации по линиям, повторяющим контуры существующих внутри общества границ [25, с. 38]. Подобные тенденции прослеживаются в этнополитическом развитии Крыма.

Историческая многосоставность крымского сообщества не позволяет говорить о том, что какая-то одна этническая группа правомочна монополизировать, например, право на самоопределение на территории Крымского полуострова. Речь идет о претензиях крымскотатарских этнократических структур на создание в регионе крымскотатарского национального государства, или, по крайней мере, – крымскотатарской национальной автономии. Отметим, что даже Крымское ханство, которое принимается за образец представителями меджлиса, никогда не занимало всей территории Крыма.

Полиэтничность Крыма является тем фактором, который не позволяет создать в регионе национальную автономию одной этнической общности, не нарушая прав других общностей. Автономное устроение крымского региона должно осуществляться над границами, существующими внутри многосоставного крымского сообщества, а не работать на раскол. Используя формулировку, предложенную крымским политологом Андреем Никифоровым о крымской автономии, как о технологии обеспечения стабильности [29, с. 36], добавим, что стабильность в условиях многосоставного общества возможна в многонационально-территориальной автономии, чего нельзя сказать об автономии однонациональной. Поэтому концепция многонационально-территориальной автономии актуальна сегодня для Крыма.

Список литературы

1. Административно - территориальные преобразования в Крыму. 1783-1998 гг. /Справочник.– Симферополь: Таврия-Плюс, 1999. – 464 с.
2. Ахметшин Р. И. Народ как субъект права на самоопределение / Р. И. Ахметшин //Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1998. – № 2.

3. Бекиров Н. Право крымских татар как коренной нации Крыма на самоопределение. Украинское государство и современная этносоциальная ситуация в Крыму / Н. Бекиров //Кримські татари: історія і сучасність (до 50-річчя депортації кримськотатарського народу). Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ – 13-14 травня 1994 р.). – К., 1995. – с. 58 – 76.
4. Борьба за советскую власть в Крыму. Документы и материалы. [Ред. коллегия: П. Н. Надинский (отв. ред.) и др.]. Т. 1. – Симферополь: Крымиздат, 1957. – 320 с.
5. Борьба за советскую власть в Крыму. Документы и материалы. [Ред. коллегия: М. М. Максименко (отв. ред.) и др.]. Т. 2. – Симферополь: Крымиздат, 1961. – 364 с.
6. Брошеван В. М. Форманчук А. А. Крымская Республика: год 1921-й (Краткий исторический очерк). – Симферополь: Таврия, 1992. – 127 с.
7. Ведомости Верховного Совета Крыма. – 1992. – № 7.
8. Габриелян О. А., Петров В. П. Крым. Депортированные граждане: возвращение, обустройство, социальная адаптация. – Симферополь: Изд. Дом «Амена», 1997. –108 с.
9. Гарчев П.І., Овод В.В. Про створення Кримської Радянської Республіки / П.І. Гарчев, В.В. Овод //Український історичний журнал. – 1992. – №4.
10. Гарчев П. И., Гарчева Л. П. О создании и значении крымских советских республик в 1918 – 1919 гг. / П. И. Гарчев, Л. П. Гарчева //Информационно-методический бюллетень. Выпуск четвертый. – Симферополь, 1990, с. 1- 11.
11. Губогло М. Н., Червонная С. М. Крымскотатарское национальное движение. Том 1. История. Проблемы. Перспективы. – М., 1992. – 331 с.
12. Губогло М. Н., Червонная С. М. Крымскотатарское национальное движение. Том 2. Документы, материалы, хроника. – М., 1992. – 340 с.
13. Допустимо ли использование термина «коренной народ» применительно к татарам в Крыму. – «Русский Мир».– май 1999 г. – №4 [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: // http://www.ruscrimea.ru/news.php?point=1189
14. Зарубин В. Г. Из истории государственности Крыма в годы революции и гражданской войны / В. Г.Зарубин //Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып.1. – Симферополь: Таврия, 1997. – 496 с.
15. Из архивов партии //Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 12, с. 164
16. Информационно-методический бюллетень. Выпуск 1. – Симферополь. – 1989. – 93 с.
17. История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках). – Симферополь: Атлас-компакт, – 2006. – 400 с.
18. Как мы голосовали (о референдуме) //Крымская правда. – 1991. – 22 января.
19. Конституция Крымской Советской Социалистической Республики //Информационно-методический бюллетень. Выпуск 1. – Симферополь. – 1989. – с. 29-36.
20. Конституция (основной закон) Крымской Автономной Советской Социалистической Республики. – Симферополь: Государственное издательство Крым. АССР, 1938. – 33 с.
21. Крымская АССР (1921 - 1945) /Сост. Ю. И. Горбунов. – Симферополь: Таврия, 1990. – 320 с. – (Вопросы - ответы; Вып. 3).
22. Крымская правда. – 1990. – 7 января
23. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство /О.А. Габриелян, С.А. Ефимов, В.Г. Зарубин и др. – Симферополь: Издательский Дом «Амена», 1998. – 340 с.
24. Крымчаки не хотят, чтобы крымскотатарские националисты использовали их этнос в борьбе за национальную государственность [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: // http://www.nr2.ru/crimea/41852.html
25. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование /Пер, с англ, под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.
26. Мальгин А. Попытка демонтажа автономии – ни что иное, как начало демонтажа всего государства //Русский архипелаг. Сетевой проект «Русского Мира». – 2002. – [Электрон. ресурс]. / А. Мальгин. – Режим доступа: // http://www.archipelag.ru/authors/malgin/?library=1170&version=forprint
27. Мордашов В. Право русских в Крыму на национальную автономию [Электрон. ресурс]. / В. Мордашов. – Режим доступа: // http://kro-krim.narod.ru/LITERAT/KRIM2/rusnaz.htm
28. Музафаров Р. И. АССР национальная / Р. И. Музафаров // Крымская АССР (1921 - 1945) /Сост. Ю. И. Горбунов. – Симферополь: Таврия, 1990. – 320 с. – с. 27-30.
29. Никифоров А. Р. Специфика крымского региона в политическом пространстве Украины / А. Р. Никифоров //Регіональні проекції державної політики. Збірник наукових праць Кримського філіалу НІДС. В 2-х т., т. 1. – Симферополь: Таврия, 2003. – 112 с.
30. Оболенский В. А. Крым в 1917-1920-е годы / В. А. Оболенский //Крымский архив. – 1994. – №1.

31. Сагатовский В. Н. Таврида интернациональная / В. Н. Сагатовский // Крымская АССР (1921 - 1945) /Сост. Ю. И. Горбунов. – Симферополь: Таврия, 1990. – 320 с. – с. 33 – 37.
32. Сараев А.Д. Системное мышление как основа гармонизации межнациональных отношений / А.Д. Сараев // Информационно-методический бюллетень. Выпуск второй (часть II). – Симферополь, 1989. – 97 с.
33. Софийский П. Новое административное деление Крымской АССР / П. Софийский //Экономика и культура Крыма. – 1930. – № 2.
34. Тунманн. – Крымское ханство. – Симферополь: Таврия, 1990. – 96 с.
35. Филиппов В. Р. Критика этнического федерализма. – М., 2003. – 379 с.
36. Халилов А. М. РСФСР – социалистическое федеративное государство. – Казань: издательство Казанского университета, 1967. – 137 с.
37. Чистяков О. И. Становление Российской Федерации (1917-1922). – М: Издательство Московского университета, 1966. – 327 с.
38. Шаповал В. Територіальні автономії в постсоціалістичних країнах / В. Шаповал // Місцеве самоврядування. – № 1-2 (9). – 1998, с. 99
39. Якобсон А.Л. Крым в средние века. – М.: Наука, 1973. – 174 с.
40. Kolsto P. Territorial Autonomy as a Minority Rights Regime in Post-Communist Societies /P. Kolsto // Can Liberal Pluralism be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe. 2001 /Eds. Will Kymlicka and Magda Opalski. Oxford: Oxford University press.— pp. 200-219.

С.А. Ефимов

К ВОПРОСУ О «ПУТЯХ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО НАРОДА»

Радикальные подходы к реализации политических прав крымских татар, исповедовавшиеся лидерами крымскотатарского национального движения на рубеже 80-90-х годов XX века, впоследствии уступили место более умеренным. Необходимость этого была обоснована в специальном документе **"**Пути самоопределения крымскотатарского народа", работа над которым была завершена в марте 1993 года. Его коллективным автором явился московский Центр этнополитических и региональных исследований[16].

Авторы документа определили ситуацию, сложившуюся вокруг движения, как тупиковую. Они указали на ряд "неконструктивных моментов" и "тактических недоработок" официальной концепции национального движения, среди которых выделили установку на построение "суверенного национального крымскотатарского государства", использование движением угрозы применения силы, обоснование возможности реализации прав крымских татар за счет (или в ущерб) прав других этно-региональных групп и т.д. В «Путях…» констатировалось, что "положения официальных документов и выдержки из заявлений лидеров крымскотатарского движения, воспринимаемые иноэтничными группами как

[16] Центр этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) был создан в 1991 году по инициативе бывшего министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе в рамках Внешнеполитической ассоциации. С 1993 года - независимая некоммерческая негосударственная научная организация, сотрудничающая с многими российскими и зарубежными исследовательскими центрами, включающая как постоянных исследователей, так и специалистов, привлекаемых для выполнения конкретных работ. Генеральный директор ЦЭПРИ - Эмиль Паин, бывший советник Президента России. С 1999 года - самостоятельное подразделение Фонда ИНДЕМ. - http://www.indem.ru/Ceprs/AbouCepr.htm . Доступ 19.06.2011

покушения на их права, не только усиливают конфронтацию крымскотатарского движения с властями Крыма и русскоязычным большинством, но и лишают его реальных и потенциальных союзников...".

В связи с этим авторы "Путей..." предложили программу "коррекции" приоритетов национального движения, основным моментом которой стал "перенос акцента с основной стратегической цели - политического самоопределения в полном объеме (...) на обеспечение реализации отдельных составляющих права на самоопределение (политических, социальных, культурных)". "Глубинные противоречия Меджлиса с администрацией, - указывалось в документе, - связаны с неприятием последней основных стратегических целей (...) движения - реализации права на самоопределение, и построение суверенного национального государства крымских татар. Настаивать сегодня на осуществлении этих целей в полном объеме представляется нецелесообразным (...). Большое значение приобретает решение оперативно-тактических задач..." В числе таких задач разработчики "Путей..." выдвинули необходимость добиваться специальных квот в республиканском парламенте, "признания права на некоторые должности и государственные посты за представителями определенной национальности" и т.д.

Основные же усилия, по мысли авторов документа, должны были быть направлены на признание крымскими властями Курултая и Меджлиса “путем их подключения к процессу решений, касающихся реализации права крымских татар на возвращение и обустройство в Крыму", т.е. на признание этих органов де-факто.

Далее описывались возможные средства достижения этих целей. Прежде всего лидерам движения предлагалось позаботиться о положительном имидже альтернативных органов самоуправления у населения Крыма, предпринять шаги "по переводу этнополитического размежевания в размежевание социально-политическое". Был определен ряд векторов, на которых предполагалось сосредоточить активность Меджлиса - экономический, приватизация, контроль за природными ресурсами, культурный. На уровне контактов с государственными органами Украины рекомендовалось обратить основное внимание на сотрудничество с госструктурами, "делая упор на участие в конкретных проектах с очевидной отдачей для населения, утверждая на практике право Меджлиса действовать от имени крымскотатарского народа"...Указывалось, что на уровне СНГ существенным моментом может стать участие Меджлиса в межгосударственных программах, направляемых на решение проблем крымских татар, а также широкая информационная деятельность. Большое внимание в концепции было уделено международному вектору активности Меджлиса, обеспечению его представительства в системе влиятельных международных организаций (ООН, ОБСЕ, ЮНЕСКО) и неправительственных объединений.

Осуществление рекомендаций авторов "Путей..." должна была бы по их мнению "сформировать предпосылки для перехода к следующей ступени реализации права на самоопределение".

Анализ всей последующей деятельности системы Курултай-Меджлис свидетельствует о том, что лидеры движения самым внимательным образом прислушались к рекомендациям московских политологов, что и позволило им добиться весьма существенных результатов и практически выйти уже в середине 90-х годов на основные рубежи "программы-минимум". При этом следует отметить, что движение избежало какого-либо пересмотра продекларированных в 1991 году стратегических целей, оставив в неприкосновенности курс на воссоздание национальной государственности крымских татар, лишь существенно дополнив и обогатив его либерально демократическими технологиями.

К сожалению, текст данного документа, почти на два десятилетия во многом определившего основные вектора крымскотатарского национального движения, остается недоступным широким кругам исследователей крымского социума. Изначально вышедший под грифом «конфиденциально», он стал известен общественности благодаря лидеру НДКТ Ю.Б.Османову, вскоре зверски убитому при загадочных обстоятельствах. Выдержки из этого документа были опубликованы в газете «*Таврические ведомости*» №25 от 25 июня 1993 года. Многие исследователи цитируют его по данной публикации [1 - 4]. Ряд авторов, располагая, по-видимому, полным текстом документа, используют его без оформления библиографических ссылок [5 - 8].

Настоящая публикация имеет целью ввести в широкий научный оборот документ, имеющий важное значение для понимания многих процессов. Итак…

Центр этнополитических и региональных исследований

ПУТИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО НАРОДА

Конфиденциально

Москва - март 1993 г.

Распад Советского Союза и правовое оформление независимых государств на всем постсоветском пространстве с особой остротой поставили проблемы народов, не имевших в СССР государственности. Повышение уровня суверенности всеми национально-государственными формированиями бывшего СССР, пересмотр всей системы межнациональных отношений повысили шансы негосударственных наций, и прежде всего депортированных в годы советской власти народов, наполнить реальным содержанием продекларированное международными соглашениями и национальным законодательством право на самоопределение. Однако нигде в бывшем Советском Союзе этот процесс не прошел безболезненно. Напротив, изменение правового статуса этнических групп и попытки вернуться к этнополитическим реалиям прошлого не только привели к общему росту социально-политической напряженности (как в случаях Латвии или Эстонии, например), но и сопровождались открытыми конфликтами (как вокруг турок-месхетинцев) и боевыми действиями (ингушско-осетинские столкновения).

Один из очагов потенциальных конфликтов сложился в Крыму, где переплелись интересы ряда этнических групп и государств, что, в случае эскалации напряженности, угрожает миру и стабильности во всем Черноморском регионе.

1. Проблема самоопределения крымскотатарского народа в свете сложившейся этнополитической ситуации в Крыму

К настоящему времени в Крыму оформилось этнополитическое противостояние двух уровней, которое, с некоторой долей условности, может быть охарактеризовано как:

- противостояние сепаратистски настроенной части русскоязычного большинства Крыма и украинского государства, и

- противостояние существующей ныне государственности (республики Крым) и крымскотатарского населения, представленного высшим полномочным представительным органом - Меджлисом.

Конфликтная ситуация, связанная с попытками политического самоопределения русскоязычного населения Крыма (создание независимого государства или вхождение в Российскую Федерацию) достаточно подробно освещается в средствах массовой информации и в специальных изданиях. Более того, не только журналисты, но и представители политической элиты России, например, зачастую воспринимают ее лишь как российско-украинскую проблему, вызванную передачей Крымского полуострова в состав Украины в 1954 г. Проблемы же возвращающегося в Крым после депортации крымскотатарского народа чаще всего не имеют широкой прессы и остаются вне поля зрения общественного мнения, несмотря на то, что нынешняя ситуация крымских татар требует как можно более быстрой и эффективной политической поддержки и экономической помощи.

Широкомасштабные нарушения национальных, имущественных, религиозных и др. прав и свобод крымских татар начались сразу же после завоевания Крыма Российской империей в конце XVIII в. и продолжались, практически не прекращаясь, в течение двух следующих столетий. Особенно ощутимый удар был нанесен поголовной депортацией 1944 г., совершенной по указанию высшего советского руководства, которая поставила крымскотатарский народ на грань исчезновения (деформировав его социо-культурную, религиозную и политическую традиции) и привела к резкому изменению всей этнодемографической ситуации на полуострове. Общая численность населения Крыма сократилась за годы войны и репрессии с 1196 тыс. чел. в 1939 г. до 351 тыс. в конце 1944 г.; на место депортированных, погибших, выехавших в эвакуацию жителей полуострова, по оргнабору и в индивидуальном порядке приезжали выходцы из России и Украины; коренному же населению Крыма - крымским татарам, грекам и проч. - запрещалось проживать на полуострове. В результате, последняя (1989 г.) перепись населения зафиксировала резкое преобладание в Крыму русских (1617 тыс. чел.) и значительную

прослойку украинцев (622 тыс.) при немногочисленности иных этнических групп (в том числе в тыс. чел.: крымские татары - около 50; евреи - 17,6; молдаване – 6,6; поляки – 6,1; чуваши – 4,6; мордва - 4,5; армяне - 2,8; греки - 2,4). В последующие годы, после изменения общеполитической ситуации в СССР и ослабления административных ограничений, поток крымских татар, возвращающихся в Крым, резко возрос. К настоящему времени, по оценке, там проживают около 225 тыс. крымских татар.

Однако, возвращение крымских татар на историческую родину происходило и происходит небесконфликтно. Несмотря на то, что проблема восстановления прав крымско-татарского народа неоднократно ставилась на обсуждение в Верховном Совете Украины, а в кабинете министров Украины была создана специальная комиссия по проблемам депортированных народов Крыма, ни ВС, ни правительство Украины не приняли каких-либо нормативных актов кардинального характера, которые образовали бы правовую базу для урегулирования всех вопросов, связанных с возвращением крымских татар и полным восстановлением их прав.

В Крыму в 1990 г. при облисполкоме была создана специальная структура для организации и управления процессом возвращения крымско-татарского народа - Комитет по делам депортированных народов, однако еще при подготовке проектов документов, направленных на регламентацию предстоящей деятельности Комитета, а затем при утверждении этих документов администрацией Крыма были полностью проигнорированы предложения общественности крымских татар, что не только не способствовало эффективному решению вопросов, связанных с возвращением и обустройством крымских татар, но и значительно затормозило этот процесс.

Резко обострились социально-экономические проблемы крымско-татарского населения. Так, к маю 1992 года только 606 вернувшихся крымско-татарских семей (менее 2% общего числа) получили жилье, построенное за счет бюджетных средств, выделенных на эти цели. Из 173 тыс. крымских татар, проживавших в Крыму, к лету 1992 г. было трудоустроено лишь 44 тыс. чел., большинство из которых работало не по специальности, остальные же были и вовсе лишены работы и средств к существованию. В то же время, средства, выделенные правительством Украины на нужды возвращающихся крымских татар, использовались бессистемно, а зачастую и вовсе не по назначению.

По мере увеличения числа возвращающихся крымских татар усиливалось противодействие процессу репатриации со стороны местных властей, земли для расселения крымских татар своевременно не отводились, возобновились погромы самостроя. В крымских средствах массовой информации ведется антитатарская пропаганда, провоцирующая общий рост социально- и этнополитической напряженности.

Очевидно, обострение обстановки вокруг крымскотатарского населения вызвано отсутствием политического решения проблем крымских татар, усугубленного «исчезновением» после распада СССР стороны, ответственной за преступления перед крымско-татарским[17] народом. Российская Федерация, выступающая правопреемницей СССР, фактически самоустранилась от решения проблем крымских татар: взятые ею прежде на себя обязательства, в том числе и по оказанию финансовой помощи, не выполняются. Государства Центральной Азии также не спешат оказать финансовую, организационную и политическую поддержку репатриантам; Украина же одна не в состоянии обеспечить выделение материальных и финансовых средств, необходимых для наименее болезненного возвращения депортированного народа на свою историческую родину, и решить все проблемы, связанные с его возвращением и восстановлением в правах в полном объеме.

Ограниченность подхода официального Киева к политическому решению проблемы обусловлена:

- необходимостью вести диалог с крымскими властями в условиях все возрастающей опасности дезинтеграции украинского государства;

- восприятием крымских татар как одного из национальных меньшинств республики;

- нежеланием признавать правомерность полномочного представительного органа крымских татар - Меджлиса.

Официальный Киев предпочел бы иметь дело с гражданами Украины крымскотатарской национальности, проживающими в Крыму наряду с представителями иных этнических групп, и решать их проблемы в рамках национально-культурной автономии.

Официальный Симферополь, на словах, придерживается аналогичного подхода, который может быть сформулирован как «один из равных», однако на практике проводит политику ограничения возвращения крымских татар и замедления их интеграции в жизнь полуострова.

Лидеры крымских татар видят решение проблем своего народа в обеспечении подтвержденного международными организациями, включая и ООН, права на самоопределение, понимая под этим право свободно устанавливать свой политический статус и обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие путем непосредственного волеизъявления, либо через свободно выбранные им полномочные национальные представительные органы.

[17] Так в тексте оригинала. Следует отметить, что широко распространенное сегодня представление о том, что слово «крымскотатарский» надо писать слитно ещё недавно не разделялось филологами. Изданные в 80-е годы XX века словари рекомендовали дефисное написание (см., например: Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно?: (Опыт словаря-справочника).- М.: Рус. яз., 1983.- С. 320; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка.- М.: Рус. яз., 1984.- С. 242). Некоторые исследователи продолжают использовать дефисное написание этого слова и в настоящее время. Более того, это рекомендует делать и недавно изданный академический словарь (Лопатин В.В., Иванова О.Е., Сафонова Ю.А. Учебный орфографический словарь русского языка.- М.: Эксмо, 2008.- 1184 с. В надзаголовке: Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В.Виноградова).

Единственным гарантом сохранения и развития крымско-татарского народа, по мнению идеологов движения, может выступать национальное государство крымских татар.

В этом непримиримом расхождении позиций трех основных сторон, вовлеченных в конфликт на его современном этапе, по вопросу политического решения проблем крымскотатарского народа, при практически полном отсутствии поддержки крымских татар как в рамках СНГ, так и в более широком международном масштабе, кроется одна из основных причин этнополитического кризиса в Крыму.

При этом невозможность реализации в нынешней ситуации стратегических целей, провозглашенных крымскотатарским национальным движением, серьезно затрудняет и решение стоящих перед ним оперативных, тактических задач, связанных с возвращением репатриантов, их обустройством и интеграцией в Крыму.

Казалось бы, в посттоталитарном обществе высокая организованность крымских татар, проявляемая ими политическая культура, приверженность демократической процедуре и т.п. должны были облегчить их контакты с руководством Крыма и Украины, способствовать поэтапному разрешению этнополитического кризиса, однако взаимопонимание сторон до сих пор не достигнуто и отношения между ними строятся по законам конфликта, когда даже гипотетическая возможность компромисса (а без него продвижение к снижению уровня напряженности невозможно) уничтожается ходом развития событий. Так, важным этапом в организационном и идеологическом оформлении крымскотатарского национального движения стал Курултай (съезд) полномочных представителей крымскотатарского народа 1991 г. Курултай принял Декларацию о национальном суверенитете крымскотатарского народа, в которой провозгласил образование Меджлиса - высшего полномочного представительного органа крымских татар.

Основными целями и задачами Меджлиса Курултай определил:

- ликвидацию последствий геноцида, восстановление национальных и политических прав крымско-татарского народа и реализацию его права на свободное национально-государственное самоопределение на своей национальной территории;

- осуществление системы мер по возвращению и обустройству крымских татар в Крыму, возрождение языка, культуры, религии;

- совершенствование структуры народного хозяйства Крыма в целях обеспечения социальной защиты: оздоровление ухудшающегося экологического состояния Крыма.

Для достижения поставленных целей предусматривалось создание Меджлисом единой системы представительно-исполнительных органов крымско-татарского[18] народа на всех уровнях и общее руководство ими. Меджлис также наделялся правом вступать в отношения

[18] См. сноску 17.

с органами государственной власти на всех уровнях, с общественно-политическими организациями, зарубежными и международными органами.

Таким образом, Курултай создал действенный механизм самоорганизации крымских татар и их взаимодействия с органами и учреждениями, имеющими отношение к решению проблем возвращающегося народа.

Особое значение создание Меджлиса имело в условиях Украины, вставшей на путь восстановления независимости, существовавшей во времена Украинской Народной Республики (УНР). Именно в УНР впервые в мире был принят закон о национально-персональной автономии, вошедший позднее специальным разделом в Конституцию республики. Закон и Конституция гарантировали всем этническим общностям Украины «право на самостоятельное обустройство своей жизни вне зависимости от места и формы поселения в УНР» и предусматривали способы ее организации в виде национальных союзов.

Граждане УНР той или иной национальности имели право создавать на территории УНР свои национальные союзы (на основе национальных кадастров, то есть списков людей данной национальности). Каждый гражданин имел право требовать как своего внесения, так и исключения из кадастра на основе его заявления о национальной принадлежности.

Каждый национальный союз пользовался правом законодательства и управления в границах концепции, устанавливаемых Учредительным собранием представителей данной этнической группы и утверждаемых Всенародным Собранием УНР. Органы Национального союза получали статус государственных. Они могли составлять свой ежегодный бюджет за счет налогообложения своих членов и иных финансовых поступлений, направленных на обеспечение деятельности Союза. Кроме того, в соответствии со статьей 73 Конституции УНР, в распоряжение Национального союза на деятельность, определяемую его компетенцией, отчислялись средства из государственного бюджета и бюджетов местных органов самоуправления.

Несмотря на все отличия, существующие между Национальным союзом УНР и Меджлисом крымскотатарского народа, трудно не заметить их типологического сходства и, казалось бы, строители новой украинской государственности должны без предвзятости отнестись к правовому творчеству крымских татар, тем более, что по своему духу оно близко примыкает к государственно-правовым традициям украинской демократии. Однако, этого не произошло. Усмотрев в Меджлисе «параллельные органы власти», ни крымское, ни украинское руководство не признали этот представительный орган и не пошли на диалог с ним, углубив тем самым этнополитическое противостояние. Вследствие нежелания высших органов государственной власти и управления Украины и Крыма допустить Меджлис к решению политических вопросов, затрагивающих интересы крымскотатарского народа, значительно осложнилось решение и конкретных, прикладных задач, связанных с

возвращением и обустройством крымских татар в Крыму. Конфликт пошел «вширь», охватывая все более широкие слои социально незащищенных людей.

Дальнейшая эволюция противостояния связана с принятием в мае 1992 года Закона Украины «О статусе автономной республики Крым» и утверждением ВС Крыма «Акта о провозглашении государственной самостоятельности Республики Крым» и Конституции Республики Крым, которые, по мнению Меджлиса, не учли интересы крымскотатарского населения и фактически исключили возможность реализации права крымскотатарского народа на самоопределение; направленными против восстановления прав крымскотатарского населения и фактически исключили возможность реализации права крымскотатарского народа на самоопределение на своей национальной территории. В ответ на этот шаг Верховного Совета Украины и Крыма Меджлис признал считать принятые ими документы противоречащими требованиям международного права и основополагающим нормам ООН о праве наций на самоопределение, направленными против восстановления прав крымскотатарского народа и возрождения его государственности. Он также призвал все органы местного самоуправления крымских татар рассматривать любые акты Республики Крым как не имеющие юридической силы, а в своих действиях руководствоваться Декларацией о государственном суверенитете крымскотатарского народа, документами Курултая и Меджлиса.

Конфронтация украинских и крымских властей с Меджлисом усилилась осенью 1992 года, после жестокого разрушения поселка самостроя под Алуштой и последовавших за ним акций протеста крымских татар в Симферополе. Выступивший на внеочередной сессии Верховного Совета Крыма в октябре 1992 г. вслед за погромом в Красном Рае советник Президента Украины Н. Михальченко подтвердил позицию официального Киева о непризнании Меджлиса как представительного органа крымскотатарского народа, а депутаты ВС Крыма в специальном постановлении признали считать антиконституционной «деятельность так называемого Меджлиса, его структур на местах и ОКНД» и предложили правоохранительным органам республики принять меры по пресечению их деятельности. Стремясь защитить подвергаемых репрессиям крымских татар, Меджлис стоял на грани объявления мобилизации своих сторонников. Это был, пожалуй, наивысший пик конфронтации, в дальнейшем она несколько снизилась, но все равно остается на недопустимо высоком уровне.

Таким образом, ход репатриации и нынешнее положение крымских татар на полуострове не может не вызывать глубокой озабоченности не только на местном, но и как минимум на международном региональном уровне, поскольку продолжающееся ущемление политических, социально-экономических и культурных прав крымско-татарского населения приводит к накоплению глубоких противоречий, грозящих обернуться социальным взрывом.

2. Анализ концепции самоопределения крымскотатарского национального движения

Основным источником нарастающей в Крыму конфронтации без сомнения является неконструктивная позиция крымских властей (скрытно или открыто поддерживаемая официальным Киевом, пытающимся использовать крымскотатарский фактор в своем противостоянии не только с Симферополем, но, по всей видимости, и с Москвой). Пытаясь обеспечить себе массовую поддержку, крымская администрация не только манипулирует массовым сознанием посредством подконтрольных ей средств массовой информации, но и идет на прямое вовлечение в межэтнический конфликт представителей русскоязычного населения полуострова. Так, например, к разрушению временных поселений крымских татар под Алуштой в октябре 1992 года Красный Рай наряду с милицией и ОМОНовцами были привлечены работники местного совхоза.

Вместе с тем, следует отметить, что антитатарская позиция крымского руководства находит отклик русскоязычного большинства, в определенной степени и из-за некоторых теоретических подходов и установок идеологов и практиков движения крымских татар.

Не сосредотачиваясь на анализе деятельности крымских властей, которая вряд ли претерпит существенные изменения, обратимся к рассмотрению позиции крымских татар с тем, чтобы попытаться прагматически наметить пути выхода из складывающейся тупиковой ситуации. Наиболее уязвимые моменты в этой позиции связаны с рядом стратегических установок и тактических недоработок:

- несовершенством и неоднозначностью толкования понятия «самоопределение народа»;
- установкой на построение «суверенного национального крымскотатарского государства»;
- неоднозначностью толкования объема восстанавливаемых прав крымскотатарского народа и путей их обеспечения на практике;
- использованием угрозы применения силы для достижения провозглашенных целей;
- сложностями в привлечении внутри- и внешнеполитических союзников;
- сложностями изменения «имиджа» движения и прорыва «информационной блокады».

В настоящее время построение концепции восстановления в правах крымскотатарского народа и воссоздания его государственности на основе абсолютизации универсального принципа равенства и самоопределения народов следует признать недостаточно конструктивным в силу ряда обстоятельств юридического и политического свойства.

К числу первых могут быть отнесены:

- договорной характер всего международного права, не вхождение, по мнению экспертов ООН, принципа самоопределения в число общих принципов права и отсутствие у него императивного характера;
- неопределенность используемых терминов «народ», «самоопределение», обусловившая абстрактный характер провозглашения этого права. Так, в документах ООН приводится

несколько толкований права на самоопределение: право на самоуправление; право определять свой международный статус и т.д., некоторые эксперты относят его только к народам, борющимся за свою независимость, или же к тем, чья независимость находится под угрозой и т.п. Нет единства и в толковании понятия «народ» и не существует способа определить его с точностью. Именно неразработанность этого понятия обусловливала осторожность ООН в случаях политического самоопределения в прошлом (см. Право народов на самоопределение: историческое и современное развитие на основе документов ООН. Нью Йорк, 1981, с. 52);

- противоречие права на самоопределение принципу сохранения территориальной целостности (в пользу последнего). То есть, когда при наличии правительства, «представляющего без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории», не препятствующего «всеобщему уважению и соблюдению прав человека, и основных прав и свобод в соответствии с Уставом ООН» («Декларация о принципах международного права»), речь идет о нарушении территориальной целостности, право на самоопределение в принципе не применяется и это утверждение обусловливает позицию ООН по данному вопросу (право на самоопределение: Осуществление резолюций ООН, Нью-Йорк, 1980, с.15);

- непризнание права на самоопределение за национальными меньшинствами; то есть юридически строгое обоснование права крымскотатарского народа на самоопределение на международном уровне сопряжено с теоретическими трудностями, дающими возможность оппонентам вести бесконечные дискуссии по этому поводу, блокируя попытки практической его реализации.

Теоретические и практические трудности обоснования и реализации права крымских татар на самоопределение связаны и с происходящим в последнее время изменением взглядов мирового сообщества на политическую реализацию этого права.

Дезинтеграционные явления в бывшем Советском Союзе и на Балканах, равно как и деятельность сепаратистских движений в других регионах мира, повышающие общий фон конфликтности и несущие угрозы международному миру и безопасности, способствовали широкому признанию принципа неизменности существующих границ и обусловили крайне осторожное отношение к любым попыткам реализовать на практике право на политическое самоопределение. Не будет большим преувеличением сказать, что в настоящее время это право признается лишь за народами, находящимися под колониальным и иноземным господством. После распада империи - СССР - чрезвычайно непросто выбрать сторону, осуществляющую это господство, и обосновать его колониальный или иноземный характер и в силу ставшей традиционной многонациональности Крыма.

ООН и другие международные организации чрезвычайно осторожно и взвешенно подхдят к реализации права на самоопределение в постсоветском мире, не только следуя

духу и букве международных документов, но и не желая провоцировать эскалацию региональных конфликтов и осложнять внутреннее и международное положение посткоммунистических руководителей в республиках бывшего Советсткого Союза. Наиболее очевидным примером этому может служить провозгласившая свою независимость Чечня, не получившая практически никакой поддержки на международном уровне.

Соблюдение «правил хорошего тона», принятых сегодня в международном сообществе, предполагает строгое соблюдение двух основных принципов:

- никакие общетерриториальные вопросы не могут решаться представителями одной этнической группы;

- развитие прав одного народа не может происходить за счет ущемления прав иных этнических групп.

В данном контексте непродуктивной оказывается программная установка на построение «суверенного национального крымско-татарского[19] государства». Следует сказать, что в современом мире идея национального (в смысле моноэтнического) государства воспринимается как опасный анархонизм, угрожающий международному миру и безопасности (ряды сторонников подобного подхода заметно окрепли после затяжного конфликта в Югославии, порожденного стремлением ряда этнических групп реализовать в многонациональном обществе свое право на самоопределение путем этнического размежевания). Признавая в общем право национального государства на существование, мировое сообщество все более определенно отдает предпочтение общетерриториальным общностям при образовании новых государств. Более того, документы ООН, например, Декларация о принципах международного права, касающиеся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (резолюция 2652 XXV Генеральной Ассамблеи) подчеркивают необходимость того, чтобы «государства имели правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на этой территории».

Особенно негативную реакцию вызывают попытки построения национального государства на многонациональной территории, тем более, если нация, выдвигающая эту идею, находится в фактическом меньшинстве на ней. С наибольшей остротой эта проблема стоит в странах переселенческого типа, на колонизованных ранее территориях. Осознавая всю рискованность и условность аналогий, можно все же обратиться к примерам: чрезвычайно трудно предположить, чтобы мировое сообщество поддержало бы сегодня требования о создании национального государства коренных народов Сибири, Канады и др.

[19] См. сноску 17.

Так же трудно ожидать поддержки требования обеспечить права крымских татар за счет иных этно-региональных общностей только на том основании, что у последних есть «своя национальная территория за пределами Крыма».

Попробуем проанализировать с точки зрения политической выверенности и целесообразности следующее довольно типичное утверждение:

«Более многочисленное по своему составу, по сравнению с крымскими татарами, население Крыма (русские и украинцы) или менее многочисленное (армяне, греки, евреи и другие) имеют местом своего образования как этноса не территорию Крыма, и поэтому у них нет потребности и необходимости претендовать на самоопределение именно на территории Крыма. У всех этих народов имеются свои национально-территориальные государственные образования. Право на самоопределение на территории Крыма можно признать, кроме крымских татар, только за караимами и крымчаками» (Р.Аппазов. Некоторые мысли по поводу Постановления ВС Крымской АССР «О съезде (Курултае) представителей крымских татар»).

Если, вслед за 32 сессией Комиссии ООН по правам человека (1976 г.) признать, что понятие самоопределения включает «право на свободное участие в политической жизни и пользование основными гражданскими, экономическими, социальными и другими правами» (а именно столь расширительно склонны сегодня толковать право на самоопределение самые уважаемые международные организации), то в таком случае некорректно вести речь об отсутствии потребности и необходимости претендовать на самоопределение представителей любых этнических групп на той территории, на которой они проживают, вне зависимости от наличия государственных формирований с их преобладанием за пределами Крыма.

Члены некоренной этно-региональной общности не могут быть лишены индивидуальных и коллективных прав лишь на том основании, что где-то в ином месте существует государство родственного им народа. Более того, очень часто с течением времени расхождение между основной частью народа и отделившейся от нее этно-региональной группой может быть столь значительным (как в случае англо-саксов США и Великобритании, немцев Германии и России, украинцев Канады и Украины и т.п.), что по социо-культурным и этнографическим признакам они могут быть отнесены к двум различающимся между собой группам, и ссылки на существование национально-территориальной формы государственности нижнегерманских народов в Европе, например, не могут служить основанием для отказа в праве на самоопределение (понимаемое в самом широком смысле) этногенетически близким им бурам Южно-африканской республики.

Если же речь идет о политических формах самоопределения, связанных с образованием национального государства в регионе с многонациональным населением, то опять же, в соответствии с вышеизложенными принципами, это государство должно представлять всех граждан региона и гарантировать их права в равной степени.

На уровне Украины и Крыма в нынешней этнополитической ситуации тактически уязвимым (и вредными для реализации стратегических целей крымскотатарского национального движения) оказываются все «провоцирующие» или «двусмысленные» установки и высказывания лидеров крымскотатарского народа, в которых полиэтническое окружение может усмотреть скрытую или явную угрозу, опасность ущемления своих прав. Помнить об этом тем более необходимо, что существующий сегодня в массовом сознании русских и украинцев образ «крымского татарина» находится под определяющим воздействием стереотипизированных представлений о его «агрессивности, алчности и коварстве». Особенно это характерно для людей, не имевших прежде контактов с крымскотатарским народом, а таких среди послевоенных переселенцев в Крым большинство. Не желая или не умея вдуматься в суть высказываний «этнополитических оппонентов», они зачастую видят угрозу там, где ее нет, и уж тем более болезненно реагируют в случае «узнавания ожидаемого».

К числу основных провоцирующих моментов в официальных документах крымско-татарского национального движения и в заявлениях его активистов могут быть отнесены:

- все положения, провозглашающие и обосновывающие право крымских татар на создание своей государственности в Крыму (особенно, если оно преподносится как исключительное право крымских татар, караимов и крымчаков);

- обоснование других особых и исключительных прав крымскотатарского народа в современном Крыму;

- обоснование возможности реализации прав крымских татар за счет (или в ущерб) прав других этно-региональных групп исходя из положения о том, что у последних существует «своя национальная территория» за пределами Крыма;

- положения, предусматривающие принятия крымскими татарами статуса народа, ведущего «национально-освободительную борьбу».

Небесспорны в этом отношении документы, например, Курултая крымскотатарского народа, и в частности, включение в Декларацию о национальном суверенитете крымскотатарского народа (от 28 июня 1991 г.) положений:

- о необходимости создания суверенного национального государства крымских татар («Политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымскотатарского народа возможно только в его суверенном национальном государстве. К этой цели будет стремиться крымскотатарский народ, используя все средства, предусмотренные международным правом» - пункт 1. Вряд ли может быть признана удачной и юридически грамотная, но неадекватно воспринимаемая без необходимых для «массового читателя» комментариев формулировка этого же пункта: «Крым является национальной территорией

крымскотатарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение, так как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом»);

- о преимущественном праве крымских татар на землю и природные ресурсы Крыма, которое без специальных пояснений, воспринимается как право исключительное («земля и природные ресурсы Крыма, включая и его оздоровительно-рекреационных потенциал, не могут использоваться помимо воли и согласия крымскотатарского народа» - пункт 4);

- о решимости добиваться «признания за крымскотатарским народом статуса народа, ведущего борьбу за свое национальное освобождение» и права «действовать согласно этому статусу» (пункт 5).

Последнее утверждение ставит под сомнение слова из принятого на день позже обращения Курултая ко всем жителям Крыма: «Возвращаясь на свою родину, мы несем с собой добро для всех людей, живущих в Крыму. У нас нет намерения нанести ущерб кому-либо из вас, мы не покушаемся на ваши имущественные, духовные, культурные, религиозные, политические и другие права», - слишком подробно советская пресса, телевидение и пр. знакомили с практикой национально-освободительной борьбы в различных районах мира - от Палестины до Афганистана, - и самый неискушенный в политике обыватель знает, каким ущемлением его прав грозят обернуться «борьба за национальное освобождение» (очевидно, направленная против колонизатора и иностранного господина в лице данного обывателя - не крымского татарина) и прочие действия, осуществляемые согласно статусу «национально-освободительного движения».

Показательна в этом отношении реакция депутатов Верховного Совета Крыма на решения Курултая, зафиксированная в специальном Постановлении «О съезде (Курултае) представителей крымских татар». Принимая во внимание пропагандистскую направленность документа, нельзя, тем не менее, не видеть в нем и отражения общественных настроений, реакции обывательского сознания. Судя по тексту Постановления, именно «провозглашение Крыма национальной территорией крымскотатарского народа», с предоставлением «исключительных прав на землю и природные ресурсы», а также создание «параллельных структур власти и управления» вызывают наибольшие опасения ВС.

Положения официальных документов и выдержки из заявлений лидеров крымскотатарского движения, воспринимаемые иноэтническими группами как покушения на их права (индивидуальные и коллективные), не только усиливают конфронтацию крымскотатарского национального движения с властями Крыма и русскоязычным большинством, но и лишают его реальных и потенциальных союзников в борьбе за восстановления прав депортированных народов, прежде всего на самом крымском уровне, где крымские татары остро чувствуют нехватку политических и этнополитических

сторонников. В самом деле, политическую ситуацию в Крыму в настоящее время определяют (помимо крымских татар) следующие политические группы:

- «партия власти», возглавляемая председателем ВС Крыма Николаем Багровым. Включает переориентировавшихся в условиях Республики Крым представителей прежнего партхозактива области, в том числе около 50% депутатов ВС Крыма, большинство председателей районных и городских исполкомов. По отношению к крымско-татарскому[20] движению занимает жесткую позицию;

- группа, сформировавшаяся около председателя Совета министров Крыма Курашика. Включает большинство функционеров в Совмине и в городских структурах исполнительной власти в Симферополе. В своей деятельности ориентируется на официальный Киев, занимая по отношению к крымским татарам выжидательную или скрыто враждебную позицию;

- блок организаций, официально выступающих за отделение Крыма от Украины. Включает в себя практически все русские национальные организации Крыма, среди которых наиболее заметны РДК и Всекрымское движение избирателей за Республику Крым (ВДИРК). По данным активистов, общая численность - до 10 тыс. человек «активно сочувствующих» (работающих в организациях, платящих взносы или делающих пожертвования). Отрицают возможность самоопределения крымских татар;

- группа организаций коммунистической ориентации, возглавляемая Союзом Коммунистов Крыма под председательством бывшего первого секретаря республиканского комитета КПУ Леонида Грача. По его словам, СКК в настоящее время имеет первичные организации во всех крымских городах и насчитывает около 10 тысяч членов. Большинство организаций этой группы, за исключением самого СКК, занимают последовательные антиукраинские и антитатарские позиции и входят во ВДИРК. СКК из тактических соображений не принимал участия в учредительном съезде ВДИРК, однако поддерживает связи с сепаратистскими организациями;

- группа организаций общедемократической направленности, оппонирующие РДК и его союзникам. Это прежде всего «Демократический Крым» и «Гражданский форум». Эти организации создали парламентское объединение депутатов различного уровня «За гражданский мир и межнациональное согласие». Имеют фракцию в ВС Крыма, насчитывающую около 20 депутатов. С некоторыми оговорками сочувствуют крымскотатарскому национальному движению, однако их влияние на принятие решений ограничено;

- украинские организации Крыма (Рух, «Просвита», Украинская республиканская партия и др.). Поддерживают политические требования крымских татар, которых они воспринимают как союзников в борьбе с русским национализмом и сепаратизмом, однако их влияние

[20] См. сноску 17.

незначительно даже среди этнических украинцев Крыма и воздействие на эволюцию политической ситуации крайне ограничено.

Таким образом, число и влияние политических групп, с пониманием относящихся к целям и задачам, провозглашенным крымскими татарами, невелико, и следует подходить к возможности увеличения симпатизирующих иноэтнических групп чрезвычайно внимательно и деликатно, чтобы не обратить своих потенциальных союзников - украинцев, греков, немцев и проч.- во враждебно настроенные группы.

Это особенно важно ввиду постепенного отхода от активной поддержки крымских татар в силу объективных и субъективных причин российских демократов - пожалуй, наиболее последовательных союзников в прошлом, во время совместной борьбы с тоталитарным режимом.

3. Подходы к неконфликтному самоопределению крымскотатарского народа

Для поиска путей преодоления этнополитического кризиса и реализация основных целей крымскотатарского национального движения, вероятно, следует, основываясь на прагматическом подходе, скорректировать систему его приоритетов. На данном этапе основные цели движения могут быть связаны с:

- переносом акцента с основной стратегической цели - политического самоопределения в полном объеме (которая может быть сохранена или скорректирована в соответствии с новыми обстоятельствами) на обеспечение реализации отдельных составляющих права на самоопределение (политических, социальных, культурных), равно как и на решение конкретных, прикладных задач;

- необходимостью повышения статуса и обеспечения фактического признания Меджлиса в качестве полномочного представительного органа крымскотатарского народа, путем его активного участия в решении практических проблем возвращения и обустройства крымских татар (совместно с крымскими, украинскими и международными органами);

- укреплением внутрикрымского и внешнего положения Меджлиса путем поиска союзников, интернационализации проблемы и выхода со скорректированным «имиджем» на новое «информационное поле».

При этом необходимо учитывать, что деятельность Курултая и Меджлиса может осуществляться одновременно на четырех уровнях: на уровне Крыма, уровне Украины, уровне СНГ и на широком международном уровне.

Деятельность в Крыму. Продвижение крымскотатарского движения к осуществлению стоящих перед ним задач зависит от успешного разрешения противоречий, прежде всего по двум линиям:

- Меджлис - крымская администрация;

- Меджлис - крымское общество.

Глубинные противоречия Меджлиса с крымской администрацией связаны с неприятием последней основных стратегических целей крымскотатарского национального движения - реализация права на самоопределение и построение суверенного национального государства крымских татар. Настаивать сегодня на осуществлении этих целей в полном объеме представляется нецелесообразным ввиду их высокой конфликтогенности в общих условиях политической нестабильности, глубокого социально-экономического кризиса, слабой представленности крымских татар в средствах массовой информации и т.д. В подобной ситуации большое значение приобретает решение оперативно-тактических задач, связанных с реализацией отдельных компонентов права на самоопределение.

Эксперты международных организаций выделяют четыре аспекта права на самоопределение: политический, экономический, социальный и культурный (см. напр.: Право на самоопределение: Историческое и современное развитие на основе документов ООН Нью-Йорк, 1981, разделы IV - VII).

Под политическими аспектами права на самоопределение обычно понимаются мероприятия по обеспечению политических прав и свобод народа, достижению и защите избираемого им статуса. Помимо национального государства реализации этих целей могут служить создание двухпалатного парламента территории (при этом депутаты в одну палату избираются на основе принципа национального представительства); введение системы квот и признание права на некоторые должности и государственные посты за представителями определенной национальности; учреждение национально-персональной автономии и др. Однако рассчитывать сейчас на реорганизацию государственного устройства Крыма столь кардинальным образом - не приходится. Поэтому на уровне оперативно-тактических задач основные усилия на данном этапе могут быть сосредоточены на признании крымскими властями Курултая и Меджлиса, путем их подключения к процессу принятия решений, касающихся реализации права крымских татар на возвращение и обустройство в Крыму. При этом, при контакте с администрацией представляется важным продемонстрировать готовность к конструктивному диалогу и в конкретных ситуациях показать авторитет Курултая и Меджлиса у крымских татар, их умение контролировать и управлять ситуацией. Учитывая принимавшиеся ранее резолюции о непризнании Республики Крым, с одной стороны, и о неконституционности Меджлиса - с другой, наиболее вероятным полем совместной деятельности может быть решение конкретных социально-экономических и культурных проблем расселения в Крыму депортированного ранее населения и его потомков, причем Меджлис может выступать совместно с организациями других депортированных народов, например, немцев, или представлять интересы последних в контактах с крымской администрацией.

Учитывая различную этнополитическую ситуацию в разных районах полуострова, Меджлис может проводить в них дифференцированную политику (прежде всего по координации усилий районных властей и меджлисов, по работе с национальными меньшинствами Крыма). Так, например, весьма продуктивным может оказаться сотрудничество с проукраински настроенными руководителями и украинскими организациями в северных районах Крыма.

Вместе с тем, определенную пользу для реализации стратегических целей на следующих этапах может сыграть более широкое сотрудничество с крымскими властями, в том числе и вхождение представителей Меджлиса в общетерриториальный представительный орган.

Существенной корректировке подлежит взаимодействие Меджлиса с крымским обществом и отдельными этническими группами Крыма в сторону снятия негативных черт стереотипизированных представлений о крымских татарах (здесь может быть полезна специальная работа с профессиональными консультантами по «паблик рилейшенз»).

Прежде всего из политической практики должны быть удалены или сведены до минимума все «провоцирующие» моменты, о которых шла речь выше. В наибольшей степени это должно касаться гарантий политических, экономических, социальных и культурных прав этнорегиональных общностей Крыма. Ведь даже незначительные просчеты, как, например, исключение крымских греков из списка коренного населения в проекте Конституции, подготовленном крымскими татарами, или статья о краеведческих музеях в газете «Авдет», в которой оспаривается необходимость этнографических музеев армян или украинцев на том основании, что у них есть сотни таких музеев в их государствах, способствуют формированию настороженного отношения к крымскотатарскому национальному движению и работают на закрепление отрицательных стереотипов. Образно говоря, в определении движения крымских татар «национально-демократическое» ударение должно быть перенесено с первого на второе слово. Именно демократическое отношение к представителям иных этно-региональных общностей позволяет ставить со всей остротой национальные проблемы крымских татар.

К сожалению, корректировка «имиджа» чрезвычайно затруднена в отсутствии доброжелательно настроенных средств массовой информации на уровне Крыма. В этой связи наиболее перспективным представляется установление рабочих контактов с телеканалом «Останкино» и Российским телевидением (их смотрят более 80% жителей Крыма), а также использование либерально-центристской российской прессы (доверие к украинской демократической прессе в целом невелико из-за ее «националистических» позиций).

Положительный эффект может иметь инициатива Меджлиса по консолидации совместно с русской демократией Крыма этнических меньшинств полуострова, а также все шаги по переводу этнополитического размежевания в размежевание социально-политическое.

Экономические и социальные аспекты. Эти аспекты самоопределения предусматривают обеспечение прав на эффективное осуществление каждым индивидуумом своих экономических и социальных прав без какой-либо дискриминации.

К числу экономических аспектов могут быть отнесены усилия Меджлиса по формированию экономического режима Крыма; по участию в реализации права на контроль за природными ресурсами; по обеспечению участия крымских татар в приватизации (как прибывших в Крым, так и еще находящихся за его пределами).

Социальные аспекты эксперты ООН определяют как право определять социальную систему и образ жизни в соответствии со свободным и суверенным волеизъявлением и с должным учетом своих традиций и особенностей (с. 30). В современных условиях Крыма реализация современных аспектов может быть связана в первую очередь с корректировкой принятой схемы расселения возвращающихся крымских татар в сторону увеличения площадей под застройку в южных районах полуострова.

Наименее конфликтна реализация культурных аспектов самоопределения - права на сохранение и развитие культурного наследия (право народа вновь обрести, пользоваться и обогащать свое культурное наследие, право на получение образования на родном языке и т.п.). Восстановление и развитие культурной самобытности может быть одной из наиболее эффективных сфер сотрудничества Меджлиса как с крымскими властями и государственными организациями Украины, так и с заинтересованными международными организациями.

Уровень Украины. Основными оперативно-тактическими задачами на уровне Украины могут быть:

- фактическое признание Меджлиса в качестве полномочного представительного органа крымских татар;

- корректировка социально-экономических планов размещения и обустройства крымскотатарского народа в Крыму в сторону их более полного соответствия реальным нуждам репатриантов (включая и пересмотр генеральной схемы расселения их в Крыму);

- подключение к более широкому «информационному полю» для прорыва информационной блокады.

На этом уровне Меджлису следовало бы пытаться использовать:

- существующие государственные структуры (комиссии Верховного Совета, аппарат Президента, Госкомнац, Министерство культуры, образования и т.п.), делая упор на участие в конкретных проектах с очевидной отдачей для населения, утверждая на практике право Меджлиса действовать от имени крымскотатарского народа;

- все структуры и рычаги воздействия, присущие формирующемуся гражданскому обществу (движения и партии, неправительственные организации, группы, влияющие на формирование общественного мнения, в том числе и научную общественность, и проч.).

При контактах с этими организациями значительное внимание должно быть уделено корректировке образа крымскотатарского национального движения, утверждению «имиджа» либерально-демократического движения с национальными целями.

Уровень СНГ. Существенным моментом для повышения статуса Меджлиса может быть:

- обеспечение участия Меджлиса в межгосударственных органах или односторонних комиссиях стран, причастных к решению проблем крымских татар (Украина, Россия, страны Центральной Азии) по координации действий сторон по возвращению крымскотатарского населения, финансированию репатриации и т.п.;

- активное сотрудничество (в том числе создание двусторонних комиссий, привлечение экспертов и т.д.) с гражданскими структурами стран, причастных к решению проблем крымских татар;

- широкая информационная деятельность, включающая как сотрудничество с наиболее массовыми средствами массовой информации (предоставление информации, приглашение корреспондентов, съемочных бригад и пр.), так и информирование общественности и групп, влияющих на формирование общественного мнения через гражданские структуры стран СНГ (специальные слушания, конференции, круглые столы).

Международный уровень. Важным способом повышения статуса Меджлиса является обеспечение его непосредственного представительства в системе влиятельных межгосударственных организаций, таких как ООН, СБСЕ, ЮНЕСКО и проч. Если на данном этапе непосредственное представительство по тем или иным причинам невозможно, можно прибегнуть к косвенному представительству - просить представлять интересы Меджлиса действительных членов данных организаций.

Наряду с межгосударственными организациями Меджлис может использовать членство в неправительственных гражданских организациях и движениях:

- Организация непредставленных народов;

- Хельсинское движение (для обеспечения интересов крымскотатарского национального движения Меджлис может сотрудничать с различными организациями, входящими в Хельсинское движение - Хельсинская гражданская ассамблея, Хельсинская федерация, «Хельсинки уотч» и др.).;

- базирующаяся в Лондоне международная Группа защиты прав меньшинств - «Майнорити райт групп» и др.

Достаточно перспективным представляется также сотрудничество Меджлиса с международными профессиональными (экспертно-консультативными) организациями конфликтологов, политологов, экономистов и пр.:

- Центр СБСЕ по предупреждению конфликтов;

- «Интернэшнл Аллерт»;

- «Пис Бригэйдс интернэшнл» и т.п.

В частности, в начале марта 1993 г. две последние организации договорились с Центром этнополитических исследований Внешнеполитической ассоциации (Москва) совместно с группой экспертов Массачусетского Технологического Института (США) провести объективный анализ этнополитических проблем Крыма, включающий наряду с рассмотрением общеполитической обстановки на полуострове и вокруг него, анализ конфликтов, затрудняющих возвращение и восстановление прав крымскотатарского народа, а также разработать детальные рекомендации по Крыму для международных межправительственных организаций (которые будут представлены властям Крыма, Украины и России и всем заинтересованным организациям).

Международно-информационная деятельность.

Используя представленных на Украине (в Киеве) корреспондентов зарубежных средств массовой информации, информировать мировую общественность о положении крымских татар, проблемах возвращения и восстановления их прав, утверждая в общественном мнении «образ» Меджлиса как единственного полномочного демократически избранного представительного органа крымских татар.

Комплексная реализация определенных выше оперативно-тактических задач на всех уровнях позволит превратить крымскотатарское национальное движение в активный и позитивный фактор политической жизни в Крыму; будет способствовать повышению статуса и фактическому признанию Меджлиса и Курултая; создаст систему идеологической поддержки восстановлению прав крымских татар, разрушению «образа врага» и обеспечению возможности диалога между различными группами населения Крыма, т.е. сформирует предпосылки для перехода к следующей ступени реализации права на самоопределение.

Список литературы

1. Єфимов С. До питания про політичні права кримських татар/ С.Єфимов, А. Мальгін.- В кн.: Права людини в Україні: Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько -Американського Бюро захисту прав людини: Випуск 17.-Київ, 1996. - С. 43-50.
2. Єфімов С.О. Про еволюцію підходів Меджлісу до питання політичних прав кримських татар.- В кн..: Материали конференції “Кримськи татари і українське суспільство: проблеми політичної та соціальної інтеграції”, 26-27 листопада 1998р., Київ, Україна-С.39-44
3. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство/ [О.А. Габриелян, С.А.Ефимов, В.Г. Зарубин, А.Е. Кислый, А.В. Мальгин, А.Р. Никифоров, В.М. Павлов, В.П. Петров].- Симферополь: Издательский Дом “Амена”, 1998.- 340 с.
4. Мальгин А. Крымский узел. Очерки политической истории Крымского полуострова 1989-1999.- Симферополь: Новый Крым, 2000.- 162 с.
5. Харабуга В.В. Ползучая суверенизация Крыма – исследование эксперта.- http://www.nr2.ru/crimea/43365.html 21.10.05 Доступ 19.01.2011
6. Зарубин В.Г. Воссоздание Крымской автономии. Проблемы развития Республики Крым в 1991 – 1993 годах. - В сб. Автономная Республика Крым в XXI веке: опыт, проблемы, развитие / Мат-лы научно-практич. конф. – Симферополь: АнтиквА, 2006.- с. 116 – 141.
7. Дагджи Т. Крымские татары наедине с судьбой.- «Голос Крыма»; 16 ноября 2007 года
8. Османов Р. Из одной крайности в другую.- «Полуостров» №19; 30 мая 2008 года

В.Р. Давыдова

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ВНУТРИКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В МУСУЛЬМАНСКОМ СООБЩЕСТВЕ КРЫМА

Глобализация, понимаемая как «процесс всевозрастающего воздействия на социальную действительность отдельных стран различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена и т.п.», является преобладающей ориентацией современного этапа мирового развития. Однако противоречия и негативные последствия глобализации, связанные с её неравномерностью и потенциальной конфликтогенностью, ставят перед исследователями вопрос о перспективах вовлечения в этот процесс различных стран и народов. Особое значение эта проблема имеет для анализа политического поведения крымских татар, поскольку они, в настоящее время, под влиянием внутренних потребностей и внешних факторов всё активнее включаются в политические процессы, происходящие в исламском мире.

Осмысление сложного и противоречивого процесса адаптации мусульманского общества к условиям нарастающей глобализации, становится одним из приоритетных направлений в научных исследованиях. Среди современных зарубежных авторов, анализирующих процесс соприкосновения ислама с вопросами глобализации, следует назвать Д.Эспозито, С. Хантингтона, Б.Льюиса. Работы российских учёных А. Игнатенко, А. Малашенко, Г. Мирского посвящены изучению политического ислама. В украинской научной литературе выделяются исследования отечественного исламоведа Н.Кирюшко. Особый интерес вызывают исследования экспертов Киевского Центра ближневосточных исследований А. Богомолова, С.Данилова, И.Семиволос, посвящённые изучению форм реализации исламской идентичности в Крыму. Вопросы воздействия внешних факторов на внутриконфессиональные отношения крымских татар нашли своё отражение в работах ряда крымских учёных, в частности, таких как В.Григорьянц, О.Габриелян, Э.Муратова и др.

Внутриконфессиональные противоречия в мусульманском сообществе могут быть обусловлены сугубо внутренними условиями и факторами, обстоятельствами того или иного общества, той или иной страны, или являться результатом внешнего воздействия. Поэтому при оценке конкретных ситуаций крайне необходимо осмысленное разделение внутренних и внешних факторов. Очень важно понять главное в сложившейся конфликтной ситуации, не отвлекаясь на несущественные аспекты. К примеру, если источник противоречий связан с ухудшением жизни, то должны изменяться её социально-экономические условия. Если же источник – явление внешнее, то должны осуществляться меры по контролю над таким воздействием. Вполне возможно, что источником может служить и то и другое. Наряду с этим следует отметить, что осмысленное разделение внутренних и внешних факторов необходимо. И только в этом случае можно понять, что происходит. Исходя из сказанного

выше, нашей целью является исследование внешних факторов воздействия на мусульманское сообщество Крыма в условиях глобализации культурного пространства.

Процессы и явления, связанные с глобализацией или её последствия, чаще всего воспринимаются сегодня как угрозы и вызовы. «Шок глобализации» - так назвал один из разделов своей книги «Что такое глобализация?» известный теоретик У. Бек. Сегодня вызовы глобализации всё явственнее проявляются в различных областях, охватывая разные народы и государства.

Один из основных вызовов глобализации - вызов идентичности. В условиях глобализации, проблемы идентичности резко обостряются - как на уровне отдельных индивидов, так и на уровне больших социальных групп и всего общества в целом. По мнению исследователей, «это объясняется тем, что глобализация и связанное с ней распространение информационных технологий заметно интенсифицируют общение между людьми, навязывают им новые социальные роли, делают их вольными или невольными свидетелями и участниками множества социальных, экономических, политических, информационных и культурных процессов. В результате индивиды в той или иной мере (хотя бы виртуально) включаются в новые отношения и новые общности, что приводит к переоценке ценностей и к определённым изменениям прежней политической и цивилизационной самоидентификации» [8, с. 29-30].

В поисках ответов на вызовы глобализации, среди которых возможная утрата конфессиональной идентичности занимает особое место, мусульмане проявляют себя как активная сила.

- Во-первых, это выражается в попытках создания глобальной исламской политической системы. По мнению А.А.Игнатенко, «исламские международные организации имеют чёткую тенденцию к тому, чтобы стать системой организаций, дублирующих международные организации глобального масштаба» [4, с. 53]. Среди существующих ныне международных организаций исламского мира – Организация Исламская Конференция, Исламская комиссия Международного Красного Полумесяца, Исламский банк развития, Исламская организация по образованию, науке и культуре, Исламская федерация спортивной солидарности. Есть и альтернативные документы: вместо Всеобщей декларации прав человека - Исламская декларация прав человека и тд.
- Во-вторых, в ответной реакции ислама на глобализацию в форме фундаментализма. По мнению Ф.М. Мухаметшина, «исламский фундаментализм является феноменом второй половины XX века» [7, с. 10]. Специфику данного феномена определяет «теснейшая связь ислама с политической и социальной организацией мусульманского сообщества, с общинной солидарностью. В основе его возникновения – кризис национализма как идеологии освобождения и мобилизации, стимулированный

«неэффективностью» революционных программ развития и усугубленный сильнейшим расслоением; неуспех заимствованных идеологий; снижение легитимности власти; использование религиозных мотивов и символов как вспомогательного элемента в борьбе политических элит; внешняя активность мусульманских организаций» [5, с. 68].

- В-третьих, в попытках реализации идей «пантюркизма» создания всемирного тюрко-исламского союза путём объединения тюркских народов в единое культурно-политическое пространство. Основным экспортёром этих идей до последнего времени являлась Турция. Однако в последние годы пантюркизм перестал быть самодостаточным фактором в политике. Поэтому в конце 90-х годов были разработаны принципы доктрины «неоосманизма». Эта доктрина направлена на усиление влияния Турции в тех регионах и странах, где нет тюркоязычных этносов, но есть народы, долгое время находившиеся под влиянием политики Османской империи, преимущественно исповедующие ислам и ориентирующиеся на Турцию.

После репатриации крымские татары ощутили на себе влияние этих разных, но взаимосвязанных между собой процессов, которые принесли с собой идеи иного, ранее неизвестного ислама. Появление новых идей сопровождалось активным проникновением зарубежных исламских правительственных, неправительственных и международных организаций, преследовавших как гуманитарные, так и политические цели.

Поначалу, активнее прочих в Крыму действовала Турция, сделавшая ставку на пантюркизм, на культурную близость с крымскими татарами. Важная роль отводилась сотрудничеству в области образования: на полуострове были открыты десятки турецких учебных заведений, сотни молодых людей были приняты на учёбу в самой Турции. Стремление вступить в европейское сообщество, повышало авторитет Турции среди крымских татар. Подчёркивалось, что и турки и крымские татары принадлежат к самому терпимому ханафитскому толку суннитского ислама, который приветствует позитивные перемены и поощряет осуществление реформ.

Наиболее последовательно в Крыму ислам использовали представители арабских государств, особенно подконтрольные им мусульманские организации, выделявшие средства на строительство мечетей, оплачивавшие различного рода религиозные издания и предоставлявшие возможность молодым людям учиться в арабских странах.

Активность Ирана в Крыму сдерживалась различиями культур, а также тем, что в Крыму у Ирана нет сильной клерикальной опоры.

Признавая монопольную роль Турции в процессе реконструкции ислама в Крыму, Меджлис принимал экономическую помощь и различные формы проявления мусульманской солидарности и со стороны Саудовской Аравии, Кувейта и ряда других арабских государств [3]. Необходимо отметить, что установление и развитие связей с зарубежными центрами происходило на фоне

процесса репатриации крымских татар и их консолидации в рамках мусульманской общины. В связи с этим, исламская идентичность репатриантов целенаправленно использовалась Меджлисом и находящимся под его влиянием ДУМК для формирования внешних источников финансовой и идеологической поддержки национального движения [3].

В последние годы, усилившаяся конкуренция между Турцией и странами Арабского Востока за расширение своего влияния на единоверцев в Крыму и желание представлять их интересы на международной арене, обострило ситуацию внутри мусульманской общины на полуострове. С одной стороны оказался официальный ислам, поддержанный Меджлисом, широкой общественностью мусульман, признанный официальной властью, с другой – разрозненные независимые общины, небольшие группы салафитов и сторонники Исламской партии освобождения (Хизб-ут-Тахрир). Появление в мусульманском сообществе Крыма оппонентов официального ислама большинство представителей Меджлиса и Муфтията связывают с активной деятельностью арабских исламских организаций.[2, с. 76].

Исламская партия освобождения – суннитская религиозно-политическая организация, основанная в 1953 году судьёй исламского суда Такиуддином ан Набагани в Иерусалиме [2, с. 81]. Нынешним лидером партии называют иорданца Ата Абу – Рашту. С самого начала партия провозгласила своей основной целью создание единого исламского государства – халифата, чтобы содействовать возвращению мусульман к исламскому образу жизни и распространению исламской веры в мире. Главным оппонентом Исламской партии освобождения в её борьбе считается Запад. Деятельность "Хизб ут-Тахрир" запрещена в России, Узбекистане, Таджикистане, Пакистане, Сирии, Германии и ряде других государств.

Изучая деятельность салафитских групп и Хизб ут-Тахрир на территории постсоветских республик, ряд исследователей делят становление и развитие этих течений на три периода.

Первый период: импульсивный. Характеризуется быстрым проникновением и распространением новой идеологии, имеющей связь непосредственно с зарубежными центрами.

Второй период: адаптационный. Данный период предусматривает пересмотр стратегии, методов и инструментов деятельности зарубежных центров с учётом местных условий и требований времени. Этот период является важным с точки зрения самого исламского политического процесса периодом становления в государстве, от которого зависит дальнейшее развитие ислама или в рамках социально-правового проекта, или в рамках оппозиционно-политического.

Третий период: трансформационный. С учётом местных условий выводит идеологию той или иной группы на общеисламскую идеологию. Он вызывает особую озабоченность, так как выводит национальное исламское политическое движение на общеисламский транснациональный уровень протестного социально-политического движения [6].

Сегодня, как нам кажется, в Крыму эти организации вступили во второй этап своего становления и развития. В отличие от разрозненных салафитских групп, из которых состояла до 2003 года религиозная оппозиция в Крыму, Хизб ут-Тахрир стала первой организованной силой с соответствующей структурой и программой, направленной на использование исламской идентичности как политического ресурса.

Посредником в решении внутриконфессиональных проблем должны выступить институты гражданского общества. А для этого общественным организациям необходимо определить насколько они заинтересованы в единстве мусульманского сообщества, выработать подход к фактической политизации ислама, чётко сформулировать своё отношение к «нетрадиционному исламу», иными словами к исламской оппозиции. От баланса между тремя идентичностями мусульман Крыма - гражданской, этнической, конфессиональной зависят отношения между двумя крупнейшим конфессиями на полуострове, а значит и стабильность в обществе. А это возможно лишь в обществе с низким уровнем ксенофобии. В связи с этим государственным органам власти следует последовательно реализовать курс на утверждение религиозного плюрализма, восстановление духовных ценностей, утверждая в обществе атмосферу взаимопонимания и согласия; последовательно проводить в жизнь конституционный, то есть основополагающий принцип украинского государства – его светскость (что означает, в частности, равноудалённость государства от всех конфессий, при гарантии гражданам всех религиозных прав и свобод, предусмотренных Конституцией и законодательством).

Список литературы

1. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. Григорьева А. и Седельника В,
1. М.: Прогресс - Традиция, 2001. – 304 с.
2. Богомолов О., Данилов С., Семиволос И. Партія визволення. Від чого?// Політика і час. – 2006. - №1. – С. 76-86.
3. Григорьянц В.Е. «Свет и тени» возрождения ислама в Крыму// Историческое наследие Крыма. – 2004. - № 5.
4. Игнатенко А.А. Ислам и политика: Сборник статей. – М.: Институт религии и политики, 2004. – 256 с.
5. Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира// Полис. – 2002. - №1. – С. 66-77.
6. Маликов К. Современное состояние исламского политического движения в Кыргыз тане. - // http://www.perspect.org/?naction=news&nid=136&ndir=3
7. Мухаметшин Ф.М. Взгляд на исламский фундаментализм. – М.: Научная книга, 1998.
8. Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации// Полис. – 2008. - №3. – С. 29-39.
9. Краткая хроника деятельности Меджлиса крымскотатарского народа. Декабрь 2005 г. - декабрь 2006 г. - Симферополь: "Оджакъ", 2006. - 104 с.

В.Г. Зарубин

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ РУССКОГО И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ В КРЫМУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Проблема определения статуса языков является крайне актуальной в наши дни. В этой связи небезынтересно обратиться к крымскому опыту первой половины XX века.

После событий октября 1917 г. в Петрограде и принятия 7 (20) ноября Центральной Радой III Универсала, в котором в одностороннем порядке в состав Украинской Народной Республики (УНР) включалось три северных уезда Таврической губернии (хотя и «без Крыма»), на повестку дня встал вопрос о самоопределении региона.

20 ноября (3 декабря) 1917 г. делегаты от земств, городов, советов, профсоюзов, фабзавкомов, других организаций создают в Симферополе многопартийный (без участия большевиков и кадетов) и многонациональный Таврический губернский совет народных представителей (СНП), объявивший себя временной высшей властью в губернии.

Создание СНП было первой попыткой в истории Крыма XX в. образовать представительный многонациональный орган власти, пользующийся доверием населения, однако, показал он себя вялым и беспомощным, ограничившись разработкой избирательного закона в связи с так и не созванным крымским учредительным собранием, финансовыми вопросами. Языковые проблемы в данный период нормативного регулирования не получили.

С другой стороны свое видение решения проблемы статуса Крыма предлагают и большевики. 24 ноября (7 декабря) II конференция (съезд) РСДРП(б) Таврической губернии в Симферополе, констатируя, что население Крыма состоит из различных национальностей и крымские татары не составляют на полуострове большинства, принимает решение о возможности проведения референдума об автономии Крыма, в то же время подчеркивая, «что все местные организации обязаны вести самую энергичную агитацию против разжигания национальных страстей в местном населении разными националистическими группами и партиями, противопоставляя их буржуазному национализму нашу интернационально-пролетарскую точку зрения». По отношению к СНП специально подтверждалось, «что только власть Советская в центре и на местах является единственно законной истинно народной властью» и признавался правильным отказ большевиков губернии участвовать в его создании. Впоследствии крымские большевики об идее референдума не вспоминали[21].

В тоже время Мусульманский исполком организует 26 ноября (9 декабря) в Бахчисарае Курултай (съезд) крымских татар, создавший 13 (16) декабря национальное правительство - Директорию во главе с Ч. Челебиевым (Челеби Джиханом) и утвердившей

[21] Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы / Отв. ред. П.Н. Надинский. – Симферополь, 1957. – Т.I. (Март 1917 г.- апрель 1918 г.) – С. 118-119.

«Крымскотатарские Основные Законы» (конституцию, первую в истории Крыма), в которой провозглашалась Крымская Демократическая (Народная) Республика[22].

При этом следует отметить, что вопросы использования языков и их статуса в «Крымскотатарскких основных законах» своего отражения не нашли.

Решения Курултая не привели к разрыву между СНП и Директорией. Их сближали антибольшевистские позиции. Будем иметь в виду, что в условиях начавшейся на полуострове гражданской войны данную конституцию не представлялось возможным ввести в действие. Осталась лишь в ее тексте и Крымская Демократическая (Народная) Республика.

Тем временем большевики и их союзники, опираясь на матросов Черноморского флота, захватывают власть в Севастополе. Между матросами и эскадронцами происходят столкновения.

К 20-м числам января (ст. стиля) 1918 г. крайне левые распространяют свою власть на всю территорию полуострова, хотя в горных районах она остается эфемерной. СНП, Курултай и Директория объявляются распущенными.

Декретами сформированного ЦИК советов Таврической губернии 19 и 21 марта провозглашается Социалистическая Советская Республика Тавриды, созданная в экстремальных условиях германского наступления на Украину, де юре считавшейся самостоятельной, но де факто входившая в состав Советской России и выполняющая декреты и распоряжения ее органов власти.

Решению национальных проблем большевистско-левоэсеровский по составу Совет народных комиссаров Республики Тавриды внимания практически не уделял[23]. Вне его зрения остались и языковые вопросы. Разве что 15 апреля народный комиссариат просвещения издал декрет о введении новой орфографии русского языка и нового правописания во всех учреждениях и типографиях Республики Тавриды[24].

Статус русского языка в это время по сравнению с дореволюционными временами фактически не изменился.

Существование Республики Тавриды УНР игнорировалось. Телеграммы и письма, посылаемые ее властными структурами в Крым на украинском языке, адресовались «Губернияльному комиссару на Таврии» (без указания фамилии), либо конкретным учреждениям. Зачастую эти послания носили достаточно странный характер. Так, отдел государственного коннозаводства Департамента сельского хозяйства Министерства земельных дел УНР 3 апреля требует от управляющего Государственной Таврической конюшней

---

[22] См.: *Зарубин В.Г.* К вопросу о первом опыте конституционного строительства в Крыму // Державно-правові проблеми Північного Причорномор'я: Історія та сучасність / Вісник Університету внутрішніх справ. – Харків, 1999. – Вип. 7. – Частина 1. – С. 48-53.

[23] *Дубко Ю.В.* Советская Республика Тавриды: авантюра большевистского государственного строительства. – Симферополь, 1999. – С.161-163.

[24] *Хазанов Г.И.* Советская Социалистическая Республика Тавриды // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. Сборник статей. – Симферополь, 1957. – С.157.

немедленно сменить все надписи с русского языка на украинский, а также одновременно перевести все делопроизводство данного учреждения на украинский язык[25]. 16 апреля отдел православной церкви Департамента исповеданий Министерства внутренних дел УНР просит «Губерниального комиссара на Таврии», «не вмешиваясь во внутреннюю жизнь Православной Церкви, пристально наблюдать, чтобы духовенство исполняло распоряжения о поминании на службе Божьей по церквям Государство и Власть Украинскую, (а не Российскую) (в документе подчеркнуто красным. – *В.З.)*. О случаях, когда в церквах не исполняется это распоряжение, Департамент просит немедленно его оповестить»[26]. Разумеется, внимания на подобные указания не обращалось, и они не исполнялись.

После падения Республики Тавриды и оккупации к 1 мая 1918 г. всей территории полуострова германскими войсками встал вопрос о формировании местной власти. В качестве ее главы после попыток опереться вначале на немецких колонистов в Крыму, затем на лидеров крымскотатарского национального движения, которое в это время представляло формирование власти на полуострове следующим образом.

Парламентская комиссия возрождаемого Курултая в своем проекте создания высшей власти в Крыму видело татарский парламент краевым парламентом, пополненным представителями других народностей, проживающих на полуострове, избирающим главу правительства (премьера), который формирует свой кабинет (совет министров или директория), получающий доверие парламента. До образования общего парламента правительство является ответственным перед татарским парламентом. Официальными языками новообразованного правительства являются языки русский и татарский. Флагом правительства принимается голубой флаг»[27] («кок-байрак», знамя Чингисхана).

На своем заседании 18 мая Курултай объявил себя временным крымским парламентом с инициативой формирования правительства. Премьер-министром единогласно был избран один из лидеров национального движения Дж. Сейдамет.

Однако его фигура совершенно не устраивала русскую общественность полуострова. Германское командование, не желающее обострения обстановки на оккупированной территории, вынуждено было идти на компромиссы. В конце концов, оно остановилось на фигуре литовского татарина, генерал-лейтенанта, бывшего командующего 1-м Мусульманским корпусом М.А. Сулькевича. С 5 июня он приступает к формированию первого Крымского краевого правительства, в состав которого помимо русских вошли представители немцев-колонистов и Дж. Сейдамет в качестве министра иностранных дел.

---

[25] Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). – Ф.Р-1694. – Оп.1. – Д.96. – Л.7.
[26] Там же. – Л.8.
[27] Крым. – 1918. – 12 мая. Ялтинский голос. – 1918. – 16(3) мая; *Зарубин А.Г.*(сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917-1921 гг. [Документы] // Вопросы развития Крыма (научно-практический дискуссионно-аналитический сборник). – Симферополь, 1996. – Выпуск 3. – С.37-38.

25 июня утверждается Декларация первого Крымского краевого правительства, ставшая, по сути, своеобразным конституционным актом, в котором русский был возведен в ранг государственного языка, но с правом пользования на официальном уровне татарским и немецким[28].

Таким образом, впервые в истории Крыма XX в. был официально определен статус русского языка. С отменой распоряжений и постановлений органов Республики Тавриды вновь были возвращены прежняя орфография и правописание.

Хотя Сулькевичем была признана культурно-национальной автономии крымских татар, им делался ряд уступок, за что он обвинялся в протатарской политике, лидерам национального движения хотелось большего.

В обращении к германскому правительстве от 21 июля 1918 г. председатель Временного Бюро татарского парламента А.Х. Хильми и его единомышленник А.С. Айвазов (за которыми явно стоял Дж. Сейдамет) отметили, что татары - «наиболее старинные господа Крыма» и посему следует восстановить их «владычество». Эти деятели преобразование Крыма в независимое нейтральное ханство, опирающееся на Германию и Турцию, «образование татарского правительства в Крыму с целью совершенного освобождения Крыма от господства и политического влияния русских» и т.д.[29]

Подобные требования вызывали негодование русской общественности. Авторитет правительства Сулькевича, управляющего авторитарными методами, стремительно падал. Начался правительственный кризис. Вакансии в кабинете Сулькевич вынужден был заполнять своими креатурами из числа литовских татар.

Кроме того, обострились отношения с Украинской Державой гетмана П.П. Скоропадского, который требовал присоединения полуострова к Украине. Против Крыма была развернута таможенная война, украинские войска заняли часть Арабатской стрелки и Перекоп. У Перекопа дело дошло до перестрелок пограничников обеих сторон[30]. Германское командование, разумеется, не могло оставаться в стороне. По его настоянию Сулькевич согласился на переговоры, которые начались в Киеве 5 октября[31].

---

[28] Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства (Симферополь). – 1918. – № 1. – Отдел первый. – С.1-7/ Фонд Центрального музея Тавриды, КП11978/364; К населению Крыма // Крымско-украинские переговоры: Собрание документов, касающихся пребывания в Киеве Делегации крымского Правительства. 26 сентября - 16 октября 1918 г. – Симферополь, 1918. – С.69-78; ГААРК. – Ф.Р.-1000. – Оп.4. – Д.19. – Л.15

[29] ГААРК – Ф.П-150. – Оп.1. – Д.67. – Л.56-57; Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии за 1918–1919 гг. / Приложения к 57-му тому Известий Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь, [1920]. – С.27-30; *Зарубин А.Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917-1921 гг. – С.43-47.

[30] *Зарубин В.Г.* К вопросу о территориальном споре между Крымом и Украиной (1918г.) // Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы. Материалы научно-практической конференции 24-25 мая 1996 г. – Симферополь, 1996. – С. 42-44.

[31] Об их ходе см.: *Мальгин А.В.* Внешняя политика Крымского Краевого правительства генерала Сулькевича // Крымский музей. (Симферополь), 1995. – №1. – С.61-62.

Украинская делегация представила Главные основания соединения Крыма с Украиной из 19 пунктов. Суть их сводилась к следующему: «Крым соединяется с Украиной на правах автономного края под единой Верховной властью Его Светлости Пана Гетмана»; международные отношения, управление армией и флотом, законодательство, финансы находятся в ведении Украины (правда, Крым мог иметь собственные вооруженные силы); сферы местного самоуправления, торговли, промышленности и земледелия, народного просвещения, религиозная, национальная, здравоохранения, путей сообщения (кроме железных дорог), а также определение государственного языка, подлежат ведению Крыма и на них «не распространяются общие законы Украинской Державы»; при гетмане состоит статс-секретарь по крымским делам, который назначается гетманом из числа трех кандидатов, предложенных Крымским правительством[32].

Как видим, Киев предлагал Крыму весьма широкую автономию. Однако крымская делегация, исходя из того, что «по отношению к Украине Крым совершенно независим и самостоятелен», расценила Основания как не «проект соединения», а как «проект порабощения»[33].

Симферополь, отвергнув Основания, выдвинул контрпредложение крымской делегации, предлагая «установить с Украинской Державой федеративный союз» и заключить двусторонний договор[34].

Хотя компромисса достигнуть не удалось, Украиной была приостановлена таможенная война, ее части покинули крымскую территорию, а делегация Краевого правительства отметила, что теперь Украина «считается с фактически существующим положением, в силу которого Крым является отдельным, независимым от Украины самостоятельным краем»[35].

С началом революции в Германии судьба правительства Сулькевича была решена. 15 ноября 1918 г. приступило к своей деятельности второе Крымское краевое правительство во главе крупным крымским землевладельцем, бывшем депутатом I и IV Государственных дум, членом Государственного совета, кадетом С.С. Крымом, включающее представителей партии конституционных демократов, социалиста- революционера, правого социал-демократа, беспартийных. Это правительство опиралось на вошедшие в Крым части Добровольческой армии и войска Антанты и имело более широкую общественную поддержку[36]. Оно считало себя временным до созыва Всероссийского Учредительного собрания.

В Декларации нового Крымского краевого правительства от 14 ноября провозглашалось стремление к возрождению единой и неделимой России как свободного демократического

---

[32] Крымско-украинские переговоры. Сборник документов, касающихся пребывания в Киеве делегации Крымского правительства 26 сентября - 16 октября 1918 г. – Симферополь, 1918. – С.20-22.
[33] Там же. – С.4-5,46.
[34] Там же. – С.41-43.
[35] Там же. – С. 8.
[36] *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Второе Крымское краевое правительство (ноябрь 1918 - апрель 1919 г.) // Отечественная история (Москва). – 1998. – №1. – С. 65-76.

государства, «в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех народностей, его населяющих». Правительство понимало под «стремлением к возрождению единой России» «не старую бюрократическую, централизованную Россию, основанную на подавлении и угнетении отдельных народностей, а свободное демократическое государство, в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех национальностей, его населяющих». При этом «Правительство почтет своим долгом обеспечить интересы всех национальностей Крыма, в частности, оно озаботится удовлетворением справедливых стремлений и законных интересов многочисленной татарской части населения»[37].

Однако крымские татары в правительство С.С. Крыма войти отказались и ему не доверяли.

К январю 1919 г. Дирекцией юстиции был разработан «Проект положения культурно-национальной автономии мусульман Крыма», принятый Бюро крымскотатарского парламента. В целях противодействия политике большевиков здесь высказывались идеи «восточной демократии», «советов народных депутатов» (в противовес советам рабочих депутатов) и даже «неклассового большевизма», «отказа от политики угодничанья тем или иным классовым элементам». О независимости Крыма речь уже не шла, по крайней мере, открыто.

Автономия распространялась на дела религиозные, культурно-просветительские, социальные нужды, суд, распоряжение бывшим вакуфным имуществом (имуществом религиозных организаций); для реализации ее создается национальный парламент – Меджлис мебусан (Собрание депутатов), избираемый татарским населением Крыма на три года «на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования», исполнительный орган – Директория. Совет директоров национальной директории осуществляет свою власть через дирекции: религиозных дел, юстиции, народного просвещения, финансов и вакуфов, общих дел и внешних сношений. Таким образом, Курултай теряет функции национального парламента, сохраняя свое значение всемусульманского съезда Крыма. В качестве национального герба утверждалось изображение «тарак тамгасы» (тамга династии Гиреев (Гираев) в виде гребня), а флага – полотнище серо-голубого цвета с изображением национального герба в верхнем углу у древка.

В данном проекте предусматривалось, что в составе общих судебных установлений и мировых съездов должен быть, по крайне мере один член, говорящий на татарском языке для участия в избирательном деле, стороной в которой являются мусульмане». Кроме того, «в мировых участках, в которых мусульмане составляют 40 и более процентов населения, мировые судью должны избираться из мусульман, а при недостатке кандидатов-мусульман, из лиц, знающих татарский язык».

[37] ГААРК. – Р-999. – Оп.1. – Д.163. – Л.87-88об; Там же. – Оп.1. – Д.98. – Л.14; Крымское краевое правительство в 1918/19 г. // Красный архив (Москва). – 1927. – Т.3 (22). – С.128-129.

Также, согласно проекту, «язык, на котором говорят мусульмане Крыма, признается равноправным с русским и другими языками в школе, суде, управлении и общественной жизни».

«Переписка, адресуемая органами национального управления и отдельными мусульманами в правительственные и общественные учреждения, может быть написана на татарском языке». Также «мусульманам Крыма, учащимся в общекрымских учебных заведениях, гарантируется право и возможность изучать свою религию, родной язык, историю и литературу наравне с другими национальностями»[38].

Открытие Меджлис мебусан планировалось на 1 марта. Но 23 февраля правительство обвинило Бюро крымскотатарского парламента в связях с Турцией с целью отделения Крыма от России и образовании на полуострове независимого ханства. Начались аресты активистов национального движения, произведены обыски у отдельных членов Бюро, в помещениях, занимаемых им и Директорией, редакциях национальных газет. Эти действия вызвали протесты крымских татар, в том числе и Бюро, заявившее, что произведенное властями насилие напоминает «худшие времена самодержавного режима»[39].

4 марта расширенное заседание Меджлис мебусан при небольшом числе представителей все-таки открылось, заседания длились более недели. Делегаты заслушали доклад председателя Директории Мисхорлы о деятельности ее за истекший год (доклад носил в основном финансовый характер). Был разработан проект реформы духовенства с целью ограничить его функции религиозными обрядами. По более или менее значимым вопросам политики Меджлис, однако, резолюций не принимал, «Положение о культурно-национальной автономии мусульман Крыма» не обсуждал и не утверждал, равно, как не дал оценки деятельности Краевого правительства, но одобрения Добровольческой армии не выразил[40].

Хотя вторым Крымским краевым правительством не принималось специальных решений по языковым вопросам, русский язык фактически являлся единственным официальным языком. На нем публиковались правительственные решения и распоряжения, осуществлялось делопроизводство.

Правда, следует отметить, что, учитывая наличие на территории полуострова войск Антанты, Министерство внешних сношений с 18 декабря организовало издание «Bulletin» на английском и французском языках (с середины января 1919 г., с уходом английского флота он выходил только на французском) (всего вышло 16 номеров). С начала 1919 г. для

[38] ГААРК. – Ф.П-150. – Оп.1. – Д.67. – Л.75-77,96; Крым. – 1919. – 3 января; *Зарубин А.Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917-1921 гг. – С.52-55.

[39] Крымский вестник – 1919 – 26(13) февраля; *Зарубин А.Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917-1921 гг. – С.59.

[40] *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. – Симферополь, 2008. – С.458.

французских союзников три раза в неделю издавались «Dernieres Nouvelles» («Последние Новости») (вышло 25 номеров)[41].

К 1 мая 1919 г. Крым, исключая Керченский полуостров, был занят советскими войсками. Создается Крымская ССР. Ее руководство по прямым указаниям Центра уделило значительное внимание национальным вопросом. Во Временное рабоче-крестьянское правительство, возглавляемое братом В.И. Ленина Д.И. Ульяновым, было введено пять крымских татар-коммунистов.

Татар активно пытаются вовлечь в политическую жизнь. При Крымском областном комитете РКП(б) создается мусульманское бюро (появляются мусульманские секции при местных парторганизациях коммунистов). В городах и уездах развернули деятельность комиссариаты по мусульманским делам. На татарском языке издаются коммунистические газеты и пропагандистская литература. Крымскотатарский язык, наряду с русским, для которого опять введены новые орфография и правописание, стал официальным[42].

К концу июня 1919 г. Крымская ССР пала под ударами белых. Сразу же были отменены все законы, приказы и распоряжения Советской власти, украинского и Крымского краевого правительств[43]. Восстановлена Таврическая губерния. Бердянский, Мелитопольский и Днепровский уезды включены в ее состав[44]. Ее Главноначальствующим назначается генерал-лейтенант Н.Н. Шиллинг, который вскоре становится Главноначальствующим Новороссийской области, составной частью которой является Таврическая губерния.

Единственным официальным языком остается русский, вновь вводятся прежние орфография и правописание.

Такая же ситуация сохраняется и при Правительстве Юга России во главе с генерал-лейтенантом П.Н. Врангелем. Однако, пытаясь найди общий язык с некоторыми украинским кругами, ведя операции в Северной Таврии с многочисленным украинским населением, 8 ноября он издает приказ №194, уравнивающий на Украине украинский язык с русским: «Признавая, что украинский язык является, наряду с российским, полноправным языком Украины, приказываю: всем учебным заведениям, как правительственным, так и частным, в коих преподавание ведется на украинском языке, присвоить все права, установленные существующими законоположениями для учебных заведений той или другой категории с общегосударственным языком преподавания»[45].

---

[41] *Зарубин В.Г., Зарубин А.Г.* Периодические издания Крыма (март 1917 – ноябрь1920 г.) // Крымский архив (Симферополь). – 2001 – №7. – С.268, 272.

[42] *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. – С.507.

[43] ГААРК – Ф. Р-2235, – Оп.1. – Д.4. – Л.4; Там же. – Д.16. – Л.1.

[44] Там же. – Д.16. – Л.1.

[45] *Зарубин А.Г.* Украинский вопрос при П. Н. Врангеле (по материалам крымской печати 1920 г.) // «Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы». Научно-практическая конференция. Материалы. Симферополь 24-25 мая 1996 г. – Симферополь, 1996. С.40-42; *Зарубин А.Г.* К вопросу о крымско-украинских отношениях периода гражданской войны // Клио (Санкт-Петербург) . – 1998. – №2(5). – С.217-218.

С падением режима Врангеля в Крыму устанавливается чрезвычайное правление Крымревкома. Новые власти стараются привлечь на свою сторону различные национальности полуострова. Создается национальная печать, развивается национальное образование.

18 октября 1921 г. В.И. Ленин, М.И. Калинин и А.С. Енукидзе подписывают постановление ВЦИК и СНК об образовании автономной Крымской Социалистической Советской Республики.

Создание республики в Крыму обусловливалось как внутренними условиями, так и международными. Приграничная территория в качестве автономии должна была играть роль своеобразного «буфера» между Советской Россией и сопредельными государствами, служить «витриной» достижений политики Советского государства, особенно национальной, а также являться форпостом продвижения мировой революции на Восток.

10 ноября 1921 г. I Всекрымский Учредительный съезд советов принимает Конституцию автономной Крымской ССР, являющейся территориальным многонациональным образованием в составе РСФСР.

Конституция формулирует основные положения национальной политики новой власти, которые базируются на свободном и равном союзе наций. При этом отменяются «все существовавшие ранее национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения». Учитывая интересы наиболее многочисленных национальных групп, проживающих в Крыму, государственными языками признаются русский и татарский (ст.2)[46]. На этих же языках делаются надпись на символах автономии. Герб Крымской автономной ССР аналогичен российскому, его окаймляют надписи на русском и татарском языках – «КрымССР»; «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Флаг представляет собой красное полотнище с надписями на двух языках: «Крымская Социалистическая Советская Республика» (ст.31, 32)[47].

С начала 1920-х гг. на полуострове начинает осуществляться политика «коренизации» (татаризации), направленная на формирование национальных управленческих кадров, увеличение их числа во властных структурах, расширение сферы применения татарского языка, приобщение крымских татар к советскому образу жизни вовлечение их в состав промышленного рабочего класса. Но административные методы ее осуществления, непродуманность ряда мер способствовали определенной напряженности в межнациональных отношениях, стимулировали карьеристские настроения в среде татарской интеллигенции и управленцев.

[46] Конституция Крымской Социалистической Советской Республики // Крымская АССР (1921-1945) / Сост. Ю.И. Горбунов. – Симферополь, 1990 (Вопросы – ответы: Вып.3). – С.257.
[47] Там же. – С.262.

5 мая 1929 г. VI съездом советов Крымской АССР принимается новая редакция Конституции автономии. Вопрос о языках получил в ней некоторую трансформацию. Так, ст.6 Конституции Крымской АССР провозглашала: «Исходя из прав равенства граждан независимо от их расовой и национальной принадлежности и признавая совершенно несовместимым с основными законами Республики установление или допущение каких бы то ни было преимуществ для отдельных национальностей, а тем более какого бы то ни было угнетения национальных меньшинств или ограничения их равноправия, Крымская Автономная Социалистическая Советская Республика, признавая общеупотребительными языками языки русский и татарский, в то же время каждому гражданину обеспечивает возможность в его сношениях с государственными органами и общественными организациями пользоваться родным языком, равно как и пользоваться таковыми на заседаниях Съезда Советов, на всяких других съездах, заседаниях и разных выступлениях, в том числе и в суде и. общественных организациях. Национальным меньшинствам обеспечивается обучение на родном языке в школе».

Как видим, понятие «государственный язык» из текста Конституции исчезло.

Согласно ст.106 Конституции Крымская АССР имеет свой государственный герб и флаг.

Государственный герб Крымской АССР «состоит из изображения на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-накрест, рукоятки книзу, окруженных венцом из колосьев пшеницы, с надписями на русском и татарском языках «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и с инициалами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Крымской Автономной Социалистической Советской Республики» (ст.107).

Государственный флаг Крымской АССР «состоит из полотнища красного (алого) цвета, прямоугольного, с соотношением длины к ширине, как два к одному.

В левом верхнем углу флага около древка помещаются золотые буквы РСФСР и Крымской АССР на русском и татарском языках» (ст.108).

В соответствии со ст. 44 Конституции РСФСР и во изменение текста Конституции, принятой 1-м Учредительным съездом советов автономной Крымской ССР, VI съезд советов Крымской АССР постановил: «Принять и внести на утверждение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и окончательное утверждение Всероссийского Съезда Советов текст Основного Закона (Конституции) Крымской Автономной Социалистической Советской Республики в нижеследующей редакции»[48].

С 1927 г. в автономии началось создание национальных сельских советов. По итогам отчетно-выборной кампании 1929 г. было образовано 427 сельских совета, из них 201 национальный: 144 татарских, 33 немецких, 8 болгарских, 5 греческих, 2 эстонских, по

[48] Конституция Крым АССР и положения, постановления и инструкции о строении органов власти Крым АССР, объем прав и круг деятельности. Выпуск.1. – Симферополь. – 1930. – С.10-30.

одному еврейскому, чешскому и армянскому национальному совету[49]. Значительное число советов считались смешанными.

Впоследствии в Крыму появляются 3 украинских сельсовета, с переселение на полуостров еврейского населения заметно увеличивается число еврейских сельсоветов, но ликвидируется чешский[50].

В 1930 г. в Крымской АССР образовано 16 районов, из них выделены, как национальные: Биюк-Онларский (немецкий), Фрайдорфский (еврейский), Ишуньский (украинский), Балаклавский, Бахчисарайский, Ялтинский, Алуштинский, Судакский (татарские). Симферопольский, Карасубазарский, Евпаторийский, Джанкойский, Сейтлерский, Ленинский, Старокрымский и Ак-Мечетский районы считались смешенными[51].

Национальными сельсоветами и районами считались те, в которых 60 процентов и более составляли представители той или иной национальности[52]. Делопроизводство здесь переводилось на национальные языки (особое внимание уделялось крымскотатарскому языку). Руководители, срывающие этот процесс, привлекались к ответственности вплоть до уголовной[53].

В Конституции Крымской АССР, разработанной на основе Конституции СССР 1936 г. и утвержденной IX Чрезвычайным съездом Советов Крымской АССР 4 июня 1937 г., понятие «государственный язык» также отсутствовало, но предусматривалась публикация законов Крымской АССР на русском и татарском языках (ст.24), на них же сохранялись и надписи на гербе и флаге автономии (ст.111, 112).

Судопроизводство в сельских районах, районах городов и поселках с большинством татарского населения могло вестись на татарском языке, русского населения – на русском; в сельских районах и поселках с большинством немецкого или еврейского населения – соответственно на немецком и еврейском языках, а в центральных судебных учреждениях – на татарском и русском языках (ст.78).Гарантировалось обучение в школах на родном языке (ст.88)[54].

Утверждение этой Конституции Крымской АССР законом РСФСР состоялось 2 июня 1940 г.[55]

В 1935 г. на территории Крыма проведено административное переустройство. За счет разукрупнения созданы дополнительно 9 районов. В результате всего их стало 25.

---

[49] *Пащеня В.Н.* Этногосударственное строительство в Крыму в первой половине XX века (1900-1945 гг.). – Симферополь, 2008. – С.139.

[50] Крымская АССР (1921-1945). – С.22-23.

[51] Там же. – С.22.

[52] Очерки по истории Крыма / Под общ. ред. И.С. Чирвы. – Симферополь, 1964. – Ч.III (Крым в период социалистического строительства (1921-1941 гг.). – С.191.

[53] *Пащеня В.Н.* Указ. Соч. – С.48-50.

[54] Конституция (Основной закон) Крымской Автономной Советской Социалистической Республики. – Симферополь, 1938.

[55] *Пащеня В.Н.* Указ. Соч. – С.75.

Севастополь, Симферополь, Керчь и Феодосия объявлялись городами республиканского подчинения. В 1937 г. образован Зуйский район[56].

С начала 1920-х гг. в Крыму развивалось национальное образование, издавались периодические издания на различных языках, действовали национально-культурные организации, поощрялась культурно-просветительская работа среди национальных меньшинств и т. д. Однако с конца 1920-х гг. эта деятельность начала сворачиваться. Многие деятели национальной интеллигенции были репрессированы. Борьба с «буржуазным национализмом» достигла своего апогея в конце 1930-х гг. По представлению Крым ЦИК президиум Верховного Совета автономии принимает секретное решение о ликвидации в 1938 г. 19 национальных сельских советов, реорганизации 11 национальных сельсоветов в обычные, ликвидации 13 искусственно созданных и малочисленных сельсоветов[57].

Добавим, что в этот период крымскотатарский язык несколько раз меня свою графику. До 1928 г. использовалась арабская графика, до 1939 г. – латинская («новый тюркский алфавит» – Яналиф), затем – кириллица.

При этом отметить, что успехи в сфере образования национальных меньшинств в Крыму явно завышались. Так, впоследствии выяснилось, что из всех спецпоселенцев крымского контингента, насильственно переселенных с полуострова в 1944 г., на март 1949 г. имели высшее образование: 626 татар, 71 грек, 45 болгар, 67 армян, 33 других (входящих в состав семей этого контингента), 31 других (не входящих в состав семей этого контингента);

имели среднее образование: 5861 татарин, 392 грека, 375 болгар, 431 армянин, 214 других (входящих в состав семей этого контингента), 172 других (не входящих в состав семей этого контингента);

имели низшее образование: 67607 татар, 7012 греков, 6456 болгар, 4016 армян, 2034 других (входящих в состав семей этого контингента), 1687 других (не входящих в состав семей этого контингента);

было неграмотных: 22796 татар, 1424 грека, 1079 болгар, 684 армянина, 601 другой (входящий в состав семей этого контингента), 535 других (не входящих в состав семей этого контингента).

Итого. Высшее образование имели 873 человека, среднее – 7645, низшее – 88812, неграмотными были – 27 119 человек из числа спецпоселенцев крымского контингента[58].

Таким образом, в первой половине XX в. в Крыму был предпринят ряд попыток по определению статуса русского и иных языков, что нашло отражение в различных нормативных документах. Изучение этого опыта является крайне важным и в сегодняшних реалиях.

---

[56] Крымская АССР (1921-1945). – С.23.

[57] *Пащеня В.Н.* Указ. Соч. – С.147.

[58] *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы из Крыма (1944-1956 гг.) // Крымский музей. (Симферополь), 1995. – №1. – С.78.

Е.З. Зіятдінова

НАЦІОТВОРЧІ ПРОЦЕСИ В КРИМСЬКОТАТАРСЬКІЙ СПІЛЬНОТІ

Після здобуття Україною незалежності гостро постало питання шляху національного розвитку країни. Суттєві регіональні відмінності ускладнюють процеси націотворення і формування загальної національної ідентичності. Гострою для Української держави є ситуація в Автономній Республіці Крим, де існують сильні національні кримськотатарський та російський рухи, які мають підтримку закордону. Наявні розбіжності (інколи дуже істотні) у поглядах різних політичних сил України та Криму, а також населення країни, щодо особливостей національного розвитку України та роль в ньому кримськотатарської спільноти може призвести до конфліктів. Тому важливим є чітке визначення проекту національного розвитку і статусу кримськотатарського народу, які би були прийнятними як для кримськотатарського народу, так і для українського населення, а також для Української держави. Всі ці процеси актуалізують питання теоретичного осмислення процесів націогенезу кримськотатарської спільноти. Від того, чи визнаватиме Українська держава кримських татар етносом чи нацією залежить її політика стосовно цієї групи, визначатиметься рівень її самостійності у реалізації економічних, культурних і політичних прав і потреб.

Об’єктом роботи є складний та багатоаспектний процес націотворення в українському суспільстві.

Предметом дослідження є теоретичний аналіз основних аспектів формування кримськотатарської нації.

Метою дослідження є порівняльний аналіз окремих дефініцій «етносу» та «нації» для вироблення концептуально обґрунтованого підходу до дослідження особливостей формування кримськотатарської нації.

У межах цього дослідження ми ставили наступні завдання:

1. Систематизувати положення теорій Е. Сміта та К. Симонса-Симонолевича, що пояснюють процеси фомування етносів та націй. На їх підставі визначити основні характеристики і засади розмежування цих понять.
2. На основі визначених термінів розробити критерії для аналізу націє формуючих процесів в кримськотатарській спільноті.
3. Дослідити особливості формування кримськотатарської нації на емпіричному матеріалі.
4. Розглянути наявні проекти націотворення, які стосуються групи кримських татар.

Однією з найбільш дискусійних ділянок в етносоціології є визначення її теоретичного поля. Як вже зазначалося, сучасна українська етносоціологія ґрунтується не тільки на власних дослідженнях, але й веде активний діалог з своїми західними відповідниками

(дослідженнями національних меншин та студіями з націоналізму), запозичуючи певні теоретичні підходи та концепції.

Дискусії навколо визначення термінологічного поля етносоціології (зокрема термінів «етнос» і нація») розпочалися ще в першій половині XX століття. В останню чверть XX століття людство вступило в період, який можна окреслити як “етнічний та національний ренесанс”. Відповідно протягом останніх кількох років істотно посилилося наукове зацікавлення проблемами етно та націогенезу, спровоковане цим явищем. У зв’язку з цим сформувався широкий спектр термінів, які концептуалізують феномени етносу та нації: "етнос", "етнічна спільнота", "етніє/ethnie" "етнічна група", "етноноціональна група", "етнічна чи національна меншина", "нація" тощо.

Порівнюючи їх визначення, зауважуємо їх постійну еволюцію та відмінності у трактуванні, які виникають через приналежність авторів до різних теоретичних шкіл чи напрямків (примордіалізму, етносимволізму, конструктивізму, і т.п.). Незважаючи на те, що терміни «етнос» і «нація» залишаються дискусійними, існує певна узгодженість в поглядах науковців щодо сутності цих понять. Автором однієї з найвідоміших теорій походження нації є Е. Сміт [1]. Він належить до етносимволічного напрямку. Е.Сміт визначає етнічну групу як тип культурної спільноти, що надає великої ваги міфові про походження та історичній пам’яті і вирізняється однією, а то й кількома культурними особливостями: релігією, звичаями, мовою, інституціями [1]. Згідно з його теорією відмінності між етносом і нацією можна узагальнити у вигляді таблиці:

Таблиця 1

Характеристики етносу та нації за Е. Смітом

1. Етнос	1. Нація
2. Групова власна назва	2. Власна назва
3. Міф про спільних предків	3. Спільні міфи
4. Спільна пам'ять	4. Спільна історія
5. Культурна диференціація	5. Спільна національна культура
6. Відчуття зв'язку з «рідним краєм»/ Батьківщиною	6. Спільна історична територія, або завойована Батьківщина
7. Чуття солідарності у значної частини населення.	7. Однакові економічні та юридичні права для всіх членів.

(Джерело: Сміт Е. *Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія.* Київ, 2004. С.20).

Інший автор (К. Симонс-Симонолевич) пропонує свій перелік найхарактерніших рис нації, який частково видозмінює, а частково доповнює перелік Е.Сміта. Він визначає націю як «територіально означена спільнота людей, що поділяють певний варіант модерної культури та яких пов’язує між собою сильне почуття єдності і солідарності; спільнота,

відзначена чіткою історично закоріненою свідомістю національної ідентичності, яка має або прагне мати власне політичне самоврядування» [2, с.545].

Як бачимо, К. Симонс-Симонолевич у своїх теоретичних розробках наголошує на трьох найважливіших ознаках нації, протиставляючи їх схожим властивостям притаманним етнічним групам:

1. Культура етнічної групи є радше локальним явищем, тоді як новочасна національна ідентичність розвивається разом з появою "високої", кодифікованої культури;
2. Сильні почуття єдності і солідарності в етнічних групах і націях можуть не відрізнятися за рівнем інтенсивності, однак нація значно відрізняється рівнем самоусвідомлення та здатністю до самоорганізації для вирішення своїх проблем.
3. Етнічна свідомість є обмеженою через свою закоріненість в усній традиції, натомість національна, як правило, включає в себе ранню етнічну свідомість (міфи та легенди), і перетворює усну спадщину на оригінальну історичну традицію, яку культивують не лише старші покоління чи громадські діячі, а й національна історіографія, література і мистецтво[2, с. 547-548].

Порівняння і систематизація положень цих двох теорій допомагають нам визначити основні відмінності між поняттями «етнос» і «нація», дозволяють розробити власну теоретичну схему дослідження націє-формуючих процесів у спільноті кримських татар. Для того, щоб дати відповідь на питання на яке скероване наше дослідження – Кримські татари – етнос чи нація?, ми повинні розглянути наступні ознаки, фіксуючи їх наявність чи відсутність:

1. Етнічна приналежність/ національна самосвідомість.
2. Наявність міфу про походження та історичну Батьківщину чи усвідомлення спільності історичного минулого, та територіально означеної Батьківщини.
3. Наявність окремих диференціюючих культурних ознак (мова, релігія і т.д.) чи розвиненої сучасної кодифікованої культури (ЗМІ, освіта, література, мистецтво, музика і т.д.), яка пов'язує між собою членів спільноти, дає їм сильне почуття єдності й солідарності.
4. Політична самоорганізація, підтримка диференціюючих культурних елементів, зокрема символіки.
5. Економічно-правова система, що об'єднує всіх членів спільноти.

У наступній частині нашої роботи ми почергово розглянемо основні прояви кожного з вищеокреслених критеріїв стосовно кримськотатарської спільноти.

Самосвідомість.

На нашу думку, модерна кримськотатарська нація почала формуватися в період депортації. Акт депортації за національною ознакою, а також роки існування спецрежиму для депортованих, став причиною глибшого усвідомлення членами спільноти своєї інакшості стосовно решти населення СРСР. Звинувачення у зрадництві Батьківщини, акт депортації,

режим спецпоселень, нерівність прав депортованих з рештою населення СРСР, сприяли формуванню віктимного історичного дискурсу, а відчуття національної образи сприяло солідаризації кримськотатарського народу. Це зіграло (і відіграє сьогодні) консолідуючу роль у кримськотатарському середовищі. Саме в цей період зароджується національний кримськотатарський рух, який ставив перед собою завдання повернення спільноти в Крим [3]. На основі матеріалів соціологічного дослідження, яке було проведено в 1989 році під керівництвом Е.Паіна Центром незалежної експертизи радянсько-американського фонду "Культурна ініціатива". У дослідженні вивчалися три ключових питання – "чим незадоволені кримські татари сьогодні?", "чого вони очікують в майбутньому?", "чи впевнені вони, що їх бажання здійсняться після переїзду в Крим?". Як показали результати опитування - 69% кримських татар, які проживали на той час в Узбекській РСР були незадоволені здебільшого соціально-культурними умовами і розраховували, після повернення в Крим, задовольнити свої запити. Серед них виявилася окрема група з домінуванням етнокультурних орієнтацій: збереження традицій, спілкування в своєму національному середовищі, виконання мусульманських обрядів, відновлення державної самостійності [4].

Згідно з даними українського перепису 2001 р. кримські татари становлять п’яту за чисельністю в Україні етнічну групу і налічують 248,2 тис. Осіб [5]. Їхня кількість з кожним роком збільшується за рахунок міграції з середньої Азії та позитивного приросту населення.

Досить актуальний для кримськотатарської спільноти залишається і питання назви або самоназви. Кримськотатарська еліта та деякі дослідники історії кримських татар пропонують використовувати ендоетнонім (самоназва) киримлі замість екзоетноніму (назва, яку дали сусіди) кримські татари. На їх думку, одним з головних аргументів на користь подібної зміни назви є те, що у радянський період у більшості українського населення було сформовано стійкі негативні етнічні стереотипи стосовно екзоетноніму кримські татари. Однак, слід зауважити, що наразі ендоетнонім киримлі також не набув широкої популярності і рідко вживається у побуті самими представниками групи.

Територія уявної Батьківщини

Суперечки щодо походження кримських татар можна пов’язати так само з «легітимністю» права на кримську територію. Радянська історіографія пов’язувала етногенез кримських татар з приходом монгольських орд на територію кримського півострова, тим самим виправдовуючи депортацію як „заслання на Батьківщину”. Однак, кримськотатарська спільнота чинила опір подібним спробам переселення та накидання їм іншої «уявної Батьківщини». На противагу цій радянській конструкції, кримськотатарська еліта сьогодні доводить свою автохтонність на території Кримського півострову та «європейськість», виводячи своє походження з епохи таврів, скіфів, сарматів, аланів, греків, готів, гунів, римлян, хазар, печенігів, турків, монголів, кипчаків[6].

Історичне минуле

Сама ж історія кримськотатарського народу залишається висвітленою фрагментарно. З одного боку, кримські татари згадуються у контексті історії сусідніх країн чи інших національних груп (наприклад у шкільних підручниках з історії Росії, України чи Польщі), а з іншого, кримськотатарська еліта намагається конструювати власну історію, часто поєднуючи її з віктимним дискурсом. Наприклад, у підручниках історії України і Росії висвітлені такі моменти історії кримських татар, як українсько-російсько-кримськотатарські відносини в період Козачинни, приєднання Кримського півострова до складу Російської імперії, події ІІ Світової війни і репатріація. Елітою ж загострюється увага на таких моментах – етногенез, міжетнічні стосунки в кримському ханстві, роль релігії у функціонуванні кримського ханату, утиски з боку Російської імперії за Катерини ІІ (знищення Кримського ханату, подвійна зміна кримськотатарської абетки), ІІ світова війна, депортація, режим спецпоселень, боротьба за повернення і репатріація. Однією з найбільших проблем є те, що більшість кримськотатарського населення (так само, як і українського) не ознайомлені добре з історією Кримського ханства. Зокрема, не розроблені програми чи тематичні модулі для вивчення історії Кримського ханства в школах і університетах.

На території Криму існує невелика кількість пам'ятників жертвам депортації, діячам культури і національним героям, але вони відіграють важливу роль в націєформуючих процесах в кримськотатарській спільноті оскільки увічнюють історію і придають їй форму. Також в цьому процесі вагоме значення має історично-меморіальний комплекс ханського палацу і мечеті.

Кодифікована культура

Кодифікована національна культура може включати у себе різноманітні маркери. Як показують дослідження, одним з ключових диференціюючи культурних маркерів кримськотатарської спільноти виступає – мова. Однак, слід зауважити, що освітня система в Криму скоріше сприяє розповсюдженню серед кримських татар української чи російської кодифікованої національної культури, ніж кодифікації власної. Єдиний предмет, який має відношення до цього процесу і вивчається в школі - це кримськотатарська мова та література.

Мова

В Україні у 2002/2003 навчальному році налічувалося 13 загальноосвітніх навчальних закладів з кримськотатарською мовою навчання, 45шкіл з двома - російською та кримськотатарською мовами навчання. В інших школах кримськотатарська мова викладалась як окремий предмет або факультатив. Так, серед 46 968 учнів кримськотатарської національності в усіх загальноосвітніх навчальних закладах АРК вивчали рідну мову в різних формах, у тому числі як предмет і факультативно, лише 39 136 або 83,3%. Слід відзначити, що 16% учнів кримських шкіл не вивчають рідну мову у зв'язку

з відсутністю достатньої кількості учнів для організації груп по вивченню мови. Але навіть ці показники на нашу думку не відповідають реальному стану речей, оскільки вони не враховують якісні характеристики, такі як відповідність кваліфікаційного рівня вчителів, нерозробленність термінологічного поля для вивчення точних, природничих наук кримськотатарською мовою і т.д. Невикористання кримськотатарської мови в діловодстві, на державному рівні, виданні науково-технічної літератури, що істотно звужує сферу її вживання[7, с. 348]. Половина кримськотатарської молоді спілкується в сім'ї, школі, з друзями та знайомими двома мовами – кримськотатарською і російською. Досить значна частина кримськотатарської молоді (60%) у повсякденному житті спілкується російською мовою[8, с.123]. Але на запитання «Яку мову вважаєте рідною?» 97 % кримськотатарської молоді відповіло – кримськотатарську [8]. Це свідчить про високу етнічну самосвідомість на фоні порівняно вузького кола вживання мови в щоденній практиці.

Релігія

У світогляді кримських татар релігійні цінності посідають одне з найбільш чільних місць. Показовими щодо цього є також результати проведеного у місцях їх компактного проживання в Сімферополі та Старокримському і Бахчисарайському районах опитування, яке засвідчило бажання 77,8% респондентів мати такі школи для своїх дітей, де б поєднувалися світська і релігійна (мусульманська) освіта. Кримськотатарську школу без вивчення основ ісламу хотіли б бачити тільки 4,8% [7, с. 347]. Хоча кримські татари є спільнотою, яка організована скоріше за принципом етнічної приналежності, ніж релігійної, але іслам розглядається як важливий компонент їх ідентичності самими кримськими татарами, їх політичними лідерами і немусульманським оточенням. Меджліс намагається контролювати релігійну ситуацію в кримськотатарському середовищі. Офіційний іслам, який представляє Духовне управління мусульман Крима, є каналом, який використовує Меджліс для блокування негативних ідеологем, що конфліктували би з позицією Меджлісу. Так він намагається обмежити можливість політичного використання ісламу як альтернативної ідеології[9, с. 95]. Іслам розуміється як частина культури кримських татар. ДУМК має чітку ієрархічну структуру. Має в розпорядженні 6 вищих духовних училищ (для дівчат - одне), мечеті, де проповідується „традиційний кримськотатарський іслам". Ісламська символіка поруч з національною використовується для репрезентації себе як кримських татар. Мечеті часто виступають своєрідними символічними маркерами території.

Національні символи та інші елементи кодифікованої культури

На сьогодні існує вироблена національна символіка (герб, прапор, гімн), яка використовується для офіційної презентації кримськотатарської спільноти. Кримськотатарська національна символіка часто використовується під час публічних зібрань, різних політичних та комеморацийних ритуалів.

Серед інших сфер, де проявляється кримськотатарська культура можемо згадати існування власних ЗМІ (телебачення, радіо та окремих газет), музично-драматичний театр у Сімферополі та наукову бібліотеку імені Ісмаіла Гаспрінського. Повернення на Батьківщину дало новий поштовх до розвитку народних музичних і танцювальних ансамблів. Широкою популярністю серед кримськотатарського населення користуються нові музичні гурти.

Політична самоорганізація

Основними розрізняючими характеристиками між етносом та нацією є наявність кодифікованої сучасної культури у поєднанні з політичною самоорганізацією, яка б мала на меті збереження і розвиток національної культури.

Основами політичної самоорганізації кримськотатарської спільноти виступають санкціоновані збори, акції, мітинги, де часто еліта у своїх вимогах, претензіях апелює до історії і культури. Важливу роль у цьому процесі відіграють також ЗМІ, які складаються з декількох періодичних видань (газети «Яни дунья», «Хідаят» журналі Йилдиз), в т.ч. релігійного спрямування, радіо Мейдан, телеканал АТР. Проблемою періодичних видань є орієнтація здебільшого на старше покоління або ж на самих маленьких.

Від самого початку кримськотатарського руху однією із його головних вимог поряд з поверненням і облаштуванням, стало забезпечення кримським татарам права на самовизначення, яке трактувалося лідерами кримських татар як право на відновлення національної державності кримськотатарського народу на території Кримського півострова. Так, на II Курултаї кримськотатарського народу 26-30 червня 1991 р. було висунуто перелік основних засад кримськотатарського руху. У Декларації Курултаю вказувалось: «Кримська АРСР, відновлена не як національно-територіальне утворення, розглядається як спроба юридичного закріплення результатів депортації… і не визнається Курултаєм у такому вигляді» [10, с. 409]. Курултай утворив Меджліс як вищий повноважний представницький орган кримськотатарського народу, фактично вибудувавши у його середовищі систему альтернативну державній владі. Була сформульована і стратегічна мета – відновлення політичних і національних прав кримськотатарського народу, трансформація кримської автономії з адміністративно-територіальної в кримськотатарську національно-територіальну [10, с. 409-410].

Меджліс є політичною самоорганізованою структурою, яка ставить одним зі своїх завдань – відродження, збереження і формування нової кримськотатарської нації. Боротьба за права і представлення інтересів кримських татар вимагає визнання навколишнім оточенням «кримських татар» таких, які могли би на це претендувати і сьогодні – а це потребує політичної самоорганізації і підтримки диференціюючи елементів культури кримськотатарської спільноти і розвиток сучасної кодифікованої культури для консолідації народу. Ця структура і досить не є визнаною українською владою. Натомість з метою зняття

соціально-політичної напруги, врахування позицій представників Меджлісу, Курултаю, при Президентові України була створена Рада представників кримськотатарського народу як консультативно-дорадчий орган. Рада підготувала та внесла на розгляд Уряду, Верховної Ради, Президента України ряд документів, пов'язаних з політико-правовими, соціально-економічними та іншими питаннями щодо повернення, облаштування, адаптації кримськотатарського народу, гарантування і задоволення його прав [11, с. 12].

Крім цих структур існує мережа громадських організацій різного спрямування – Ліга крирмськотатарських юристів, Кримськотатарська ініціатива, Бірлік тощо.

Економічна самоорганізація

Важливим для націоформуючих процесів є використання національних міфів та символіки в економічних цілях. Існує велика кількість кафе, ресторани національної кримськотатарської кухні, для продажу виготовляються елементи національних костюмів у вигляді сувенірів і т.д. Це сприяє відновленню традиційних ремесел.

Розмежованість між слов'янською і кримськотатарською спільнотою можна спостерігати за такими показником як матеріальна безпека. Економічні проблеми соціальної адаптації громадян, які повернулися й повертаються з місць депортації, належать до найгостріших. Головними проблемами самі кримські татари називають: відсутність роботи – 79, 9 %, бідність – 58,7 %, відсутність житла – 38,5 %, безгромадянство – 25,6 %, участь в паюванні і приватизації землі – 11,1 %[12, с.65]. Про облаштування репатріантів говорити зашвидко, бо досягнути рівня середньостатистичного мешканця України їм вдасться не скоро. Так, за даними дослідження проведеного І. Прибитковою в 2000 р. [12, с.66]. Отже, кримські татари декларують спільні економічні інтереси.

Висновки

На основі порівняльного аналізу окремих положень теорій Е. Сміта та К. Симонса-Симонолевича ми визначили основні характеристики і засади розмежування понять «етнос» і «нація» та на основі визначених термінів розробили критерії для аналізу націєформуючих процесів в кримськотатарській спільноті. На основі вивчення особливостей протікання цих процесів можемо говорити про націоформуючі процеси в середовищі кримських татар. Ці процеси є значно помітнішими на рівнях національної самосвідомості (частиною якої є релігійна), формування національних символів і політичної самоорганізації групи. З іншого боку, відзначаємо несприятливі умови для витворення та розповсюдження кодифікованої кримськотатарської культури. Найбільш проблематичними залишаються питання освіти, зокрема вивчення кримськотатарської мови, літератури та історії. Для їхнього розвитку потрібна не просто невизнана офіційною владою політична самоморганізація, але є доступ до важелів влади хоча б на регіональному рівні. Тому метою кримськотатарського політичного руху є національно-територіальна автономія.

Такий розвиток подій суперечив би сучасні українській політичній системі, яка передбачає непорушення унітарності. На додаток, згідно з українським проектом націотворення, кримські татари мали би стати частиною української політичної нації і увійти до неї на правах національної меншини (з усіма звідти випливаючими правами). Отже маємо справу з до певної міри двома взаємовиключними національними проектами. Тому українська влада не визнає кримськотатарський народ як автохтонний, корінний, як націю. Меджліс залишається так само не визнаним вищими ланками української влади, натомість при Президентові створили дорадчий органи по кримськотатарським питанням. Визнання фактично альтернативної влади означало би визнати претензії кримськотатарського політичного руху, в т. ч. на самовизначення. Взагалом українська влада дуже обережно ставиться до події в Криму, іноді їх ігноруючи.

Існують інші проекти націотворення, які включають у себе і групу кримських татар, зокрема панісламський проект і російський. Кримські татари вважаються одним з європейських корінних мусульманських народів. За часів Кримського ханства в основі кримськотатарської державності лежав Іслам. Тому міжнародні ісламські організації включають Крим (опираючись на мусульманське населення) як можливу територію для створення ісламської держави та нації. У національних проектах, озвучених деякими російськими політиками та представниками російської спільноти в Криму, наголошується азійське походження кримських татар, заперечується їх право на проживання на Кримському півострові.

Результати аналізу націєформуючі процесів у спільноті кримських татар за ознаками теоретичної схеми розмежування етнос-нація представлені в таблиці 2:

Таблиця 2

Націєформуючі процесі у спільноті кримських татар

Характеристика	Наявність/відсутність
1. Національна самосвідомість	+
2. Історичне походження, Батьківщина	+
3. Історія	— +
4. Диференціюючи культурні ознаки	+
5. Розвинена сучасна кодифікована культура	— +
6. Політична самоорганізація	+
7. Єдина економічно-правова система	+

Оскількі більшість елементів, які характеризують націю присутні, ми схиляємося до думки, що кримські татари – це нація, яка перебуває в процесі формування. А визнання чи заперечення цього статусу скоріше випливає з економічної, культурної політики тої чи іншої держави.

Список літератури

1. Сміт Е. Національна ідентичність – Київ: Основи, 1994 – 223 с.
2. Симонс-Симонолевич К. Поняття нації: спроба теоретичного пояснення // Націоналізм. Антологія. Київ, 2000. - С.545.
3. Губогло М.Н., Червонная С.М. Крымскотатарское национальное движение. - М., 1991. - Т.1.
4. Паин Э. А. Возвращение (о репатриации депортированных народов) 1990р. - доступно на http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/11/02/0000293592/07Pain.pdf 11 березня 2007 р.
5. Всеукраїнський перепис населення 2001 – доступно на http://www.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality/crimea
6. Куртиев Р. Этногенез и этапы этнической истории крымскотатарского народа – ttp://www.qirimtatar.org/modules.php?name=Etnogenez&file=index&func=one
7. Кондратюк Г.М Школьное образование крымских татар: исторический опыт и современные перспективы // Проблеми інтеграції кримських репатріантів в українське суспільство. Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції, м. Київ, 13 - 14 травня 2004 р. - К., Світогляд, 2004. – С.348.
8. Соціальні орієнтири, запити та інтереси кримськотатарської молоді/ Аналітичний звіт за результатами соціологічного дослідження – К,2003 –С.123.
9. Исламская идентичность в Украине / А. В. Богомолов, С. И. Данилов, И. Н. Семиволос, Г. М. Яворская – К., 2006 – с. 95.
10. Крим в етнополітичному вимірі - Панчук М., Бекірова Г., Ганкевич В., Галенко О., Горбань Т., Войналович В., Калакура О., Котигоренко В., Ляшенко О., Макаренко Н., Омельчук Д., Поліщук Ю, Рафальський О., Хаялі Р. – К., 2005, - с. 409.
11. Курас І.Ф Інтеграція репатріантів в українське суспільство і завдання української науки// Проблеми інтеграції кримських репатріантів в українське суспільство. Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції, м. Київ, 13 - 14 травня 2004 р. - К., Світогляд, 2004. – С.12.
12. Прибыткова И. М. Правовые и гуманитарные проблемы реинтеграции ранее депортированных в Крыму: аналитический доклад. – Киев, 1999 – С.65.

Л.Р. Каджаметов

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ КРЫМСКИХ ТАТАР В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КРЫМА

Для возвращающихся в Крым репатриантов, наряду с хозяйственно-бытовым обустройством, большое значение имеет решение проблем национально-культурного возрождения и социальной адаптации. Депортация 1944 года привела к системному кризису крымскотатарского общества, проявившегося во всех сферах жизнедеятельности: экономической, политической, социальной, культурной и т.д.

За двадцать лет возвращения из мест депортации, проблема адаптации крымских татар к новой среде обитания долгое время оставалась заботой самих депортированных, что создавало определенную межнациональную напряженность в Крыму. Попытки возрождения исторического прошлого народа, его корней и культурных традиций предпринимались в основном либо людьми, стоявшими у истоков национального движения крымскотатарского народа, либо исследователями и публицистами, чьи выводы делались без должного научного обоснования. В связи с этим, вопросы, поднимаемые на конференции «Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы» весьма актуальны

т.к., проблема взаимодействия культур в Крыму в условиях мультикультурной среды представляет особый интерес для развития социологической науки в целом.

Системный кризис крымскотатарского общества, проявившегося во всех сферах жизнедеятельности, как следствие депортации, собственно, на социальном уровне представлен противоречиями в нормативных представлениях и ценностных ориентациях. В связи с этим вопрос социокультурной адаптации крымских татар к условиям современного Крыма, представляет особый интерес. В новой среде репатрианты вырабатывают механизмы адаптирования к условиям образа жизни местного общества, определяя место своей идентичности среди других национальностей и приобретая опыт восприятия местных социальных норм и ценностей в целом. Проблема адаптации заключается и в том, что независимо от того, на каком уровне она осуществляется, она затрагивает и внутреннюю структуру личности. Этот процесс рассматривается как сложный, многогранный и многосторонний механизм привыкания и приспособления крымскотатарских репатриантов к новым условиям жизни.

Обоснованием постановки вышеуказанной проблемы служит то, что во многих исследованиях социокультурной адаптации крымских татар обычно достаточно не изучается субъективная сторона столь сложного явления. К тому же недостаточно учитывается влияние репатриации как мощного фактора социальной динамики современного общества и фактора социокультурных процессов. Что же касается выбора методологических принципов исследования, следует подчеркнуть тот факт, что игнорирование комплексного социокультурного фактора неправомерно упрощает реальные различия в формах и результатах адаптации крымскотатарских репатриантов и приводит к ограниченным выводам. Именно поэтому, методологическое обоснование проблем исторического прошлого и возрождение национальной культуры репатриантов осуществляется параллельно с процессом их возвращения и обустройства, а практические действия по возрождению и развитию культурного наследия крымских татар носят запаздывающий характер. В Крыму проблему депортированных возвращения депортированных начали рассматривать не только в организационно-строительном и финансовом, но и в социально-культурном плане только с начала 90-х гг. Вопросы, связанные с национально-культурным возрождением и адаптацией депортированных граждан к новой среде обитания, вошли в поле зрения крымских властей, что повлекло за собой принятие важных постановлений в сфере решения социокультурных проблем. В свете данных оценок состояние разработанности проблемы стала связующим звеном методологического обоснования и практического решения социокультурных подходов в возрождении этноидентичности и культурных установок крымских татар в современном Крыму.

Существует множество теоретических подходов, рассматривающих проблематику социокультурной адаптации. Применительно к крымскотатарской тематике особо

выделяются подходы социально-психологического направления, в частности бихевиористкого, необихеовиористкого и интеракционистского толка. Социокультурная адаптации понимается в рамках: бихевиоризма – как процесс социальных или организационных изменений, происходящих в сфере группового поведения, в обществе или в культуре или процесса, посредством которого индивид или группа достигают состояния социального равновесия в смысле отсутствия переживания конфликта со средой [1]; необихевиоризма – как состояние, в котором потребности личности с одной стороны, и требования среды – с другой полностью удовлетворены или состояние гармонии между личностью и социальной средой, и процесс, посредством которого это гармоничное состояние достигается [2] и интеракционизма – как эффективный процесс удовлетворения личностью минимальным требованиям и ожиданиям принимающего общества выражаемого двумя типами реакций на воздействие среды: первой, предполагающей принятие социокультурных норм и эффективное приспособление к социальным ожиданиям, требованиям и ценностям принимающей среды и второй, рассматривающей адаптацию как гибкость и эффективность при встрече с новыми условиями, а также способность придавать событиям желательное для адаптанта направление[3].

Среди основных кртериев социокультурной адаптации крымских татар особо стоит обратить внимание на психологический, социальный, этнический и бикультуральный.

В соответствии с *психологическим* критерием многосторонность адаптации крымских татар заключается в существовании различий в социокультурном и социально-психологическом измерениях между адаптирующей и принимающей стороной. Социокультурная адаптация крымских татар в современной крымской среде имеет двусторонний характер. Если внешний характер отражает степень вовлеченности крымских татар в социальную и культурную жизнедеятельность принимающего сообщества и особенности взаимодействия с его членами, то внутренний характер неизбежно выражается в психологических и культурных ощущениях адаптантов к новой среде.

Социальный критерий адаптационного процесса крымских татар указывает на его принадлежность к социальным процессам. Всякий социальный процесс – явление, характеризующееся протяженностью во времени, непрерывностью, последовательностью, при которой предыдущие этапы и состояния обуславливают последующие. Социокультурная адаптация крымских татар также имеет протяженность во времени, непрерывность, преемственность и качественную определенность стадий, когда последующая базируется на предыдущей. Среди особенностей социокультурной адаптации крымских татар как социального процесса особо выделяются: фактор трансформации крымскотатарского общества в течение определенного времени (наблюдаются изменения в мировоззрении, менталитете, формах социальных взаимоотношений, отношениях к традиционным

культурным ценностям), массовый характер и существование общественного содержания.

Следующий критерий процесса социокультурной адаптации крымскотатарских репатриантов заключается в ее *этничности* и соотносится со спецификой функционирования этнического самосознания, в понятие которого включается не только этническая идентичность, но и воззрения на характерные черты своего народа («этнические автостереотипы»), на его происхождение, историческое прошлое, культуру, в том числе традиции, нормы поведения, обычаи. Кроме того, в структуру этого понятия входят представления о территории проживания и этнокультуры этноса. Язык, будучи и сам одним из признаков этничности, рассматривается в качестве общего аналога этнического аспекта как такового. Все это эмоционально окрашено, вызывает определенные чувства (гордость, любовь к народу, скорбь о потерянном и т.д.). Вместе с тем именно этническое восприятие особенно чутко реагирует на социокультурные изменения.

Социальный опыт крымскотатарских репатриантов рождает одновременно две тенденции в формировании идентичности в новых условиях: усиление этноаффилиативных установок и возникновение установки на региональную идентичность, т.е. на социокультурную интеграцию в принимающее крымское сообщество. Зрелый уровень этнической идентичности репатриантов соответствует не аскриптивному [4], полученному в процессе социализации, а конструируемому причислению и определяется преимущественно социокультурной ориентацией личности.

Социокультурный аспект интеграции крымских татар в крымское сообщество проявляется в преодолении репатриантами этнокультурной границы, что является важным этапом процесса интеграции. Реальное построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях сообщает интерактивность всему процессу социокультурной адаптации репатриантов в принимающее сообщество. Этническая идентификация, интериоризация соответствующих авто- и гетеростереотипов с релятивными аспектами принадлежности крымских татар к этнической группе: установками в отношении своей и других национальных групп, стратегиями межличностного и межгруппового взаимодействия и реальным поведением в ситуациях взаимодействия с представителями других национальностей.

Еще одним из критериев социокультурной адаптации крымских татар является ее *бикультуральный (в некоторых случаях трикультуральный) характер.* Данная характеристика объясняется вынужденностью крымскотатарских репатриантов к социальной и психологической интеграции с культурой крымского сообщества. Однако бикультуральный характер может играть как положительную (сохранение ценностей крымскотатарской культуры), так и отрицательную роль (увеличивается тенденция маргинальности) в

уменьшении культурного шока и поддержании позитивной самоидентификации. Успешная бикультуральность способствует реинтеграции, основанной на знании языка общения, обычаев, норм, поведения, образа жизни и традиций. Вместе с тем, нормативно-ценностная система регуляции внутри крымскотатарского общества выступает основой для поддержания идентичности и сохранения этнической границы, обеспечения внутригрупповой социокультурной интеграции. Основной ступенью реинтеграции репатриантов является владение ими языка общения принимающего общества, что не стало преградой для крымских татар, в основной своей массе, свободно владеющих русским языком.

Таким образом, на основе выше сказанного следует отметить, что социокультурная адаптация крымских татар развивается по пути расширения взаимосвязи и взаимозависимости с различными народами и их культурами, проживающими на территории крымского полуострова. Этот процесс охватил различные сферы общественной и бытовой жизни крымских татар, где невозможно найти культурные аспекты, которые не испытывали бы на себе воздействия со стороны культур других народов и наоборот уже заметное влияние крымскотатарской культуры на местное население.

Будет не лишним предполагать, что данный процесс представляет из себя приспособление народа к новым возникшим социально-культурным изменениям и соответствующей им последовательности незавершенных наслаивающихся друг на друга адаптивных состояний, из которого следует, что данный процесс нельзя рассматривать как итог или результат, а незавершенный, дискретный по времени процесс включения этнической группы в новые формы, условия, отношения жизнедеятельности, непременный компонент жизни народа, так как его жизненная среда (физическая, психическая, социальная, информационная, культурная) не бывает полностью стабильной, она всегда меняется и комбинируется.

Подытоживая рассмотрение вышеуказанного, следует отметить, что социокультурная адаптация крымских татар осуществляется через духовно-практическую деятельность, основное содержание которой составляет приспособление и привыкание к материальной культуре, нормам, ценностям, образцам поведения новой среды, а также преобразование себя и этой среды в соответствии с потребностями взаимодействующих сторон. В отличии от адаптации обычных мигрантов, уникальность социокультурной адаптации крымских татар заключается в том, что они адаптируются к среде населения имеющего с ними общий советский менталитет хотя являющегося носителем иных этнических традиций и обычаев. Социокультурная среда в процессе адаптации крымских татар выступает как окружающий их социальный мир, включающий в себя совокупность вещественных и личностных элементов, оказывающих влияние на их деятельность по возрождению своих и освоению иных культурных ценностей. Решение этих проблем, напрямую зависят от формирования поликультурного и демократического общества в Автономной Республике Крым.

Успешное завершение процесса социокультурной адаптации как крымских татар, так и других депортированных, будет зависеть от осуществления в Крыму прогрессивных социальных преобразований, способности политического руководства и властных структур по привлечению ранее депортированных крымских татар на активное участие в процессе национального возрождения.

Список литературы

1. Налчаджян А.А., Социально-психологическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ереван, Издательство АН Армянской ССР, 1988, с.9;
2. Eysenck H.J., Arnold W., Meili R (EDS.), Encyclopedia of Psychology, N-Y, 1972, (EDS.), vol.1, P.25;
3. Philips L., Human adaptation and his failures. Academic Press. N-Y&London, 1968, p.294;
4. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004, сс. 58-59.

Н.В. Каповская

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ГАРМОНИЗАЦИИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АР КРЫМ

Автономная Республика Крым - регион, на территории которого издавна проживало множество этнических групп, принадлежащих к различным культурным общностям, большинство из которых относилось к двум мировым цивилизациям: исламской и восточно-христианской. Понятие «цивилизация» на настоящий момент достаточно широко разработано в современной науке, и многие исследователи интерпретируют его как некую культурную общность, в основе которой лежат общие культурные и духовные ценности. Среди наиважнейших характеристик цивилизации - религия и язык.

Если говорит о процессе формирования этнической идентичности народов Крыма, то следует отметить, что и для крымских татар, чей быт, обычаи и земли находились под различными влияниями: с середины XV в. к 70-м гг. XVIII века - под влиянием Турции, а с 1773 г. - под влиянием России, и для греков, являвшихся к концу XVIII - началу XIX вв. основными носителями восточно-христианских культурных традиций, существенную роль играли как специфические для них цивилизационные основания, так и региональные особенности, которые в равной степени наложили свой отпечаток на их быт и культуру. Аналогичная ситуация сложилась и для славян - преимущественно русских (позже - и украинцев), активно заселявших полуостров с 1773 года, - чья этническая идентичность на тот момент была уже сформирована: на них существенное влияние также оказал региональный фактор. Таким образом, принадлежность к различным культурам стала не единственным основанием, определившим этническую идентичность народов Крыма.

Особо следует отметить, что границы новых государств, образованных на постсоветском пространстве после 1991 года, и гипотетические границы религиозной идентичности людей, проживающих на этих территориях, не совпали. Особую роль здесь сыграло то обстоятельство, что на территории Украины в конце 1980-х возобновила легальную деятельность Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ), а часть приходов РПЦ, оставшихся на Украине, впоследствии стала приходами Украинской православной церкви Московского Патриархата (УПЦ МП). Кроме того, появились приходы искусственно созданной Украинской православной церкви Киевского Патриархата (УПЦ КП). В связи с этим с целью создания новой этнической идентичности властями стал активно использоваться политический фактор.

Проведенный с учетом этих обстоятельств анализ современной социокультурной ситуации в Крымском регионе позволяет утверждать, что имевший место и постепенно усиливающийся с конца 1990-х гг. процесс активной украинизации жителей автономии создал условия для политизации этнической идентичности. Более того, на региональном уровне параллельно проходят два разных процесса: одновременно с процессом конструирования модели этнической идентичности, основанной на специфических культурных чертах, характерных для двух разных цивилизаций, присущих русским, украинцам и крымским татарам, а также другим малочисленным этническим группам, проживающим на полуострове, в АР Крым начинается процесс создания некоей общей крымской региональной надэтнической идентичности, основу которой составляет общность территории и языка; в роли последнего выступает русский язык. В перспективе крымчанам предстоит создать региональную идентичность на основе объединяющих ценностей.

Соперничество между двумя направлениями формирования идентичности крымчан обусловлено особенностями политической истории региона.

Несовпадение политических и культурных границ, разделяющих этнические группы, проживающие на Крымском полуострове, создало условия для возникновения серьезного конфликта между ними. Непосредственные причины конфликтов заключены не в факте принадлежности к определенной этнической группе, конфессии, цивилизации, а в большей степени в политических притязаниях политических элит, представляющих разные этнические группы. Поэтому при определенных условиях конфликтная ситуація в Крыму может развиваться по трем направлениям. Первое может иметь своим основанием цивилизационный фактор: с одной стороны это русские и украинцы, а с другой - крымские татары. Второе направление может быть обусловлено культурными особенностями, присущими лишь определенной группе крымчан и препятствующими более тесным контактам ее с другими группами. Третье направление зависит от линии раздела политических фронтов, которые могут меняться ситуационно.

Существенная особенность современной социокультурной ситуации в автономии заключается в имеющем место конфликте идентичностей проживающих там этнокультурных групп, в их фрагментации, что мешает осознанию ими значимости тех духовных ценностей, которые были бы обусловлены особенностями многонациональной культуры региона, формировавшейся на протяжении двух столетий.

Кроме этого, для современной социокультурной ситуации в АРК характерно осознание необходимости заполнения духовного вакуума, образовавшегося из-за прекращения тесного взаимодействия церковной деятельности и соответствующих культурных традиций, а также и сам процесс заполнения этого вакуума. Однако в результате попыток заполнения духовного вакуума происходит чрезмерная политизация мировоззрения.

В настоящее время все еще сохраняется возможность разрешения сложившейся ситуации мирным путем, для чего необходимо осуществление политики, основанной на изучении социокультурных реалий и опирающейся на идею общности людей разных верований и культурных традиций по месту их рождения и/или проживания. Важнейшую роль в ослаблении напряженности в регионе способны сыграть разъяснения через СМИ основополагающих постулатов православия и ислама, беседы об общих корнях этих религий и о возможности достижения согласия между их адептами. Инициаторами подобной просветительской и миротворческой деятельности должны выступать не только представители политических элит, а и общественные организации внутри различных этноконфессиональных групп.

Безусловно, сложно преодолеть межкультурные различия, разрешить конфликт, найти компромисс, устраивающий обе стороны, но, тем не менее, разрешение конфликтных ситуаций мирным способом возможно при наличии обоюдного желания и стремления у сторон. Всем этническим группам, проживающим на Крымском полуострове, необходимо работать над разработкой и осмыслением проблемы региональной идентичности на основе взаимопонимания, сотрудничества и опоры на общие интересы. В таком случае АР Крым будет способствовать укреплению культурных, экономических, политических связей между Украиной и Россией. При защите прав и уважении крымского сообщества у жителей полуострова не будет стимула к отделению от Украины.

Список литературы

1. Аклаев А. Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент: учебное пособие. – М.: Дело, 2005. – 472 с.
2. Булатов А. Э. Ислам в Крыму. Современные аспекты развития// Голос Крыма. – 2008. – 21 ноября. - с. 1-2
1. Григорьянц В.Э., Ишин А.В., Шевчук А.Г. К вопросу о государственно-конфессиональных отношениях в Украине и АРК. – Симферополь: Крымский Архив, 2004. – 52 с.
2. Исламская идентичность в Украине/ Богомолов А. В., Данилов С. И., Семиволос И. Н., Иворская Г. М. Пер. с укр. – Изд. 2-е, доп., К.: ИД «Стилос», 2006 – 200 с.
3. Кондараки В. Х. История Христианства в Тавриде. – Одесса: изд. 1-ое, 1871. – 28 с.

4. Малиборский В. А. Православные и мусульмане не работают друг против друга// События. – 2008. – 1 августа. – с. 2
5. Мальгин А. В. Украина: соборность и регионализм. – Симферополь: «Сонат», 2005. – 277 с.
6. Матвеев К. П. История ислама. Все об арабах до ислама. Ислам: история, традиции, обычаи - вчера и сегодня. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. – 254 с.
7. Муратова Э. С. Политические факторы межконфессиональных отношений в Крыму// Религия и гражданское общество: на пути к глобальному этносу. Материалы III Международного семинара. – Ялта, 2003. – с. 118-129
8. Прибыткова И.М. Реинтеграция ранее депортированных крымских татар в Крыму // Диалог культур: проблемы интеграции в крымском сообществе. – Симферополь: Таврия. – 2002. – С. 55-67.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
10. Швец А.Б., Беднарский И. Г., Яковлев А. Н. Проявления социокультурной конфликтности в Крыму// Культура народов Причерноморья. - 2006. - № 73. – с. 165-177.

А.Р. Никифоров

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ КРЫМСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА (В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КРЫМСКИХ ГОРОДОВ XIII-XV ВВ.)

Современное состояние социума принято изучать с помощью полевых социологических исследований. К сожалению, крымское региональное сообщество не так уж часто становится объектом подобных измерений, а даже когда становится – такие замеры зачастую изолированы друг от друга, что значительно усложняет мониторинг протекающих в социуме процессов. В итоге, по большому счету, мы так и не создали отчетливого портрета крымского регионального сообщества, не имеем единого, основанного на объективной фактической базе, представления о тенденциях его дальнейшего развития.

Отсюда – не просто разные, а диаметрально противоположные суждения о таких важных параметрах его (крымского регионального сообщества) развития как, скажем, конфликтогенность. Одни из нас, в основном конфликтологи, проводящие исследования по зарубежным грантам, склоняются к выводу, что острый конфликт в Крыму близок и практически неизбежен (ну разве что им выдадут новый грант на продолжение их исследований), другие склонны к более спокойным прогнозам ближайшего будущего нашего региона.

Да что уж говорить, если само понятие «крымский социум» понимается по разному: одними – как относительно случайный конгломерат людей, собранных на одной территории, другими – как региональную полиэтничную общность, сложившуюся в Крыму в результате длительного культурно-исторического процесса. Сразу предупрежу: данный доклад базируется на гипотезе о существовании крымского регионального сообщества.

Если рассматривать крымское региональное сообщество как процесс, то оно укладывается в четко заданное пространство и имеет историю своего формирования. Если с пространством всё предельно ясно, то вот параметры становления крымского

регионального сообщества, как правило, оцениваются умозрительно. Нельзя ли попытаться их измерить?

Конечно, выполнить эту задачу с помощью традиционных приемов полевой социологии невозможно. Ведь измерению следует подвергнуть состояние социума в прошлом, а возможности таких замеров, по понятным причинам, ограничены. Очень важно не только найти то, что можно измерить, но и определить: ЧТО мы намерены измерять. Что именно может являться индикатором становления крымского (и любого другого?) сообщества? Ведь мы говорим о латентных процессах, как бы подготовляющих рождение региональной общности. Она пока еще не готова (готовится) к совместным действиям, оставляющим отчетливый оттиск в Анналах, недвусмысленно свидетельствующих: сообщество созрело. В каких единицах измеряется этот процесс созревания?

Используй то, что под рукою…

Применим правило одного из героев Жюля Верна. В нашем распоряжении имеется собственная работа, посвященная количественным измерениям процесса изучения истории крымских городов XIII-XV вв. Первоначально они были проведены в рамках диссертационного исследования, в котором подсчеты доведены до 1995 г. [1]. Затем измерения были уточнены и продлены до 2002 г. [2]. Причем тут XIII-XV вв., спросите вы? В принципе, ни при чем. Почему именно города? Просто так вышло. Хронологический период мог бы быть совершенно иной, вовсе не обязательно он должен быть связан со средневековьем. И – совсем не обязательно следует ограничиваться исключительно городами. Ситуация напоминает ту, когда у вас под рукой нет рулетки и её заменяет кусок проволоки или бечевка. Точность измерения при этом страдает, но для прикидочных замеров часто и таких приборов оказывается достаточно.

В данной работе не ставится задача раз и навсегда решить обозначенную проблему. Она гораздо скромнее: попробуем просто продемонстрировать возможности подобного рода измерений, с помощью «подручного материала». Возможно, специалисты в других областях заинтересуются предлагаемым подходом, применят имеющиеся в их распоряжении измерители. А вот если результаты таких измерений совпадут, можно будет говорить о новом качестве полученных в итоге результатов.

Итак, в нашем распоряжении 493 публикации, посвященные истории крымских городов XIII-XV вв. Публикации разнятся по объему и принадлежат к различным научным жанрам. Все они вышли в свет между 1800 и 2002 гг. и отнесены нами к «отечественной историографии»: почти все изданы в Российской империи, СССР, а также – на их территории после распада обоих государственный образований (1917-1921 гг., 1991-2002 гг.), принадлежат к отечественной (российской, советской) историографической традиции. Язык публикаций – преимущественно русский.

Не каждая пятилетка – шаг к регионализму

Для первого измерения расставим наш библиографический массив в хронологическом порядке. Для того чтобы достичь воспроизводимости результатов, выберем удобную временную единицу измерения. Остановимся на пятилетнем отрезке. Это – довольно удобно: в каждое десятилетие войдет по два таких отрезка, а в век – 20. Кроме того, пятилетка – традиционный временной отрезок для нашей статистики. Итоги первого измерения представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Динамика публикаций по истории крымских городов XIII-XV вв.

Годы	Кол-во публ.	Годы	Кол-во публ.	Годы	Кол-во публ.	Годы	Кол-во публ.
1800-1805	2	1856-1860	5	1911-1915	6	1966-1970	18
1806-1810	1	1861-1865	5	1916-1920	5	1971-1975	42
1811-1815	-	1866-1870	2	1921-1925	1	1976-1980	39
1816-1820	-	1871-1875	10	1926-1930	22	1981-1985	35
1821-1825	1	1876-1880	3	1931-1935	3	1986-1990	33
1826-1830	2	1881-1885	2	1936-1940	4	1991-1995	55
1831-1835	1	1886-1890	10	1941-1945	1	1996-2000	70
1836-1840	4	1891-1895	4	1946-1950	10	2001-2002	28
1841-1845	-	1896-1900	6	1951-1955	19		
1846-1850	2	1901-1905	3	1956-1960	12		
1851-1855	9	1906-1910	6	1961-1965	12		

Нетрудно заметить, что процесс изучения истории крымских городов XIII-XV вв. распадается на четыре периода, характеризующихся разной степенью его интенсивности. Первый период (1800-1850 гг.) характеризуется эпизодичностью публикаций. Качественный переход намечается в 1850-1855 гг. (если точнее – в 1855 г.), что, несомненно, связано с резким повышением интереса к крымской истории (заметим – ко всей истории Крыма) со стороны русского общества в период Крымской войны. Второй период (1856-1925 гг.) обрывается с утверждением советской власти в Крыму. В первое советское пятилетие (1921-1925 гг.) процесс изучения истории крымских городов XIII-XV вв. практически останавливается, зато во вторую происходит настоящий взрыв публикаций. С этого нового подъема и предлагается отсчитывать начало третьего (советского) периода. В ходе этого

периода обращает на себя внимание заметный скачок числа публикаций, начавшийся с отрезка 1971-1975 гг. Скачок качественный, выводящий интенсивность публикаций на новый уровень. Потому имеются все основания для того, чтобы объединить последние советские пятилетки (1971-1990 гг.) с первыми постсоветскими в один общий период. В ином случае, начало четвертого периода приходится на 1991 г., а называться он будет «постсоветским»…

Итак, мы видим, что периоды изучения истории крымских городов XIII-XV вв. в целом совпадает с периодизацией российско-советской эпохи крымской истории. В большей степени данное измерение служит подтверждением того, что наш измеритель пригоден для решения поставленной в данной работе задачи. Кроме того, имея периодизацию освоения крымской истории (позволим себе такое обобщение), поэтапного вживления её в российское культурное пространство значительно приближает нас к обнаружению в нем того пласта, где зародилось и стало оформляться крымское региональное сообщество. Ведь оно – фрагмент российского социокультурного поля.

Крымчане должны стать хозяевами своего прошлого!

В ходе второго измерения попробуем определить степень участия самих крымчан в реконструкции средневековой истории своего полуострова. Конечно, и здесь не обойдется без ряда условностей. Скажем, кого считать крымчанами? Можно ли к ним отнести А.Л. Бертье-Делагарда и Л.П. Колли, если оба они попали в Крым, будучи уже взрослыми людьми? Или, скажем, считать ли крымчанином уроженца полуострова, всю жизнь прожившего в Крыму, но при этом, в отличие от двух названных выше выдающихся ученых, не испытывающего и никак не проявляющего патриотических чувств по отношению к своему родному региону? Поэтому будем измерять не людей, а учреждения.

Имеющийся в нашем распоряжении библиографический массив ранжируем на этот раз по издательским центрам. Вот какова динамика их продуктивности по выделенным на основании предыдущего измерения периодам:

Таблица 2

Издательские центры публикаций по истории крымских городов XIII-XV вв.

Город	1800-1850	1851-1925	1926-1970	1971-1990	1991-2002	Итого
С.-Петербург (Ленинград)	6	19	12	11	7	55
Москва	3	4	62	72	16	157
Симферополь	-	23	13	5	74	115
Киев	-	2	5	17	12	37
Одесса	4	28	1	1	-	34
Свердловск (Екатеринбург)	-	-	1	21	22	44
Ереван	-	-	-	9	-	9
Севастополь	-	-	4	3	19	26
Ашхабад	-	-	5	-	-	5

Продолжение таблицы 2						
Город	1800-1850	1851-1925	1926-1970	1971-1990	1991-2002	Итого
Ростов-на-Дону	-	-		4	-	4
Харьков	-	-	2	-	3	5
Судак	-	-	-	-	3	3
Ужгород	-	-	-	1	-	1
Днепропетровск	-	-	-	3	-	3
Генуя	-	-	1	-	-	1
Массачусетс	-	-	1	-	-	1
Николаев	-	1	-	-	-	1
Нальчик	-	-	1	-	-	1
Магнитогорск	-	-	-	-	2	2
Барнаул	-	-	-	-	1	1
Баку	-	-	1	-	-	1
Берлин			1			1
Феодосия	-	-	-	-	1	1
Херсон	-	-	-	1	-	1
Красноярск	-	-	-	1	-	1

Как видим, количественные данные, полученные с помощью нашего измерителя, довольно точно совпадают с умозрительными наблюдениями, согласно которым во второй половине XIX – начале XX в. в Крыму, в рамках русскокультурного освоения полуострова, возник слой людей, которых вполне можно назвать «крымчанами», имея в виду не место их жительства, а их принадлежность к формирующемуся региональному сообществу. Затем перипетии Гражданской войны и первых десятилетий советской власти практически свели на нет этот слой. Но не его работу. Ибо остались написанные ими книги и статьи, которые попадали в руки тех, кому предстояло стать крымчанами…

В принципе, крымчане (в нашем понимании этого слова) были всегда. Но их критическая масса накопилась лишь во второй половине – конце прошлого века. Именно в длящемся ныне, постсоветском (1991-2… гг.), периоде Симферополь становится главным издательским центром публикаций по истории крымских городов XIII-XV вв., Севастополь в этом рейтинге опережает и Москву, и Киев, появляются публикации, изданные в Судаке и Феодосии.

Правда, и здесь, как и в первом измерении, «запасным» качественным переходом является рубеж 60-70-х гг. Именно начиная в этого времени ученые-крымчане постепенно берут дело изучения полуострова в свои руки. Правда, вплоть до 1991 г. издаваться им приходилось в основном в столицах. Так, в сборниках научных статей, посвященных крымскому средневековью: «Археологические исследования средневекового Крыма» (1968 г.), «Феодальная Таврика» (1974 г.), Архитектурно-археологические исследования в Крыму» (1988 г.), «Византийская Таврика» (1991 г.), изданных в Киеве, из 13 публикаций на нашу тему-измеритель 12 принадлежат крымским авторам. Вот он – латентный период созревания крымского регионализма!

***

Итак, проделанные нами измерения позволяют говорить о том, что в рамках российской социокультурной эпохи шел процесс вызревания крымского регионального сообщества. Процесс этот носил волнообразный характер: социокультурные катастрофы XX века останавливали его и даже обращали вспять. Однако после этих остановок процесс поступательного развития возобновлялся.

На сегодняшний день, согласно результатам наших измерений, крымское региональное сообщество зашло в своем развитии дальше, чем это удавалось ему когда-либо ранее в рамках российской социокультурной эпохи. Остановить это поступательное развитие может или очередная катастрофа, на подобие тех, которые Крым пережил в XX веке, или же смена российского социокультурного поля на иное. Что по последствиям для крымского регионального сообщества будет сравнимо с очередной социокультурной катастрофой.

Список литературы

1. Никифоров А.Р. Крымские города XIII-XV вв. в отечественной историографии / рукопись кандидатской диссертации. – Симферополь, 1995. – С. 148-169.
2. Никифоров А.Р., Никифоров М.А. Процесс изучения крымских городов XIII-XV вв. (наукометрические изыскания)

А.С. Петроградская

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО КРЫМСКОГО СООБЩЕСТВА

По данным переписи 2001 г., в Автономной республике Крым проживало 2024056 человек (с учетом Севастополя — 2401209 человек). Наиболее многочисленными этническими группами в начале XXI века на территории Крыма являются русские (1450394 чел., или 60% населения полуострова), украинцы (576647 чел., или 24%) и крымские татары (245291 чел., или 10%). Доля белорусов в этнической структуре крымского населения составляет 1,5% (35157 чел.). Численность остальных этнических групп (каждой) не превышает 1% населения, при этом численность большинства из них не доходит и до 0,1%.

Численность народов, которые до революции 1917 г. наряду с русскими, украинцами и татарами относились к категории «базовых», т. е. определяющих основную этноструктуру крымского сообщества (немцы, евреи, греки, армяне, болгары, поляки) значительно сократилась, а их доля в современной этнической структуре населения полуострова ничтожно мала. Таким образом, демографические процессы, происходящие в современном крымском сообществе, в основном отражает демография русского, украинского и крымско-татарского населения (табл. 1).

Таблица 1

Этнический состав населения Крыма, по данным переписи 2001 г. [1, 2]

№	Национальность	Численность, чел.	Доля в общей числ-сти населения, %
1	Русские	1450394	60,4
2	Украинцы	576647	24,0
3	Крымские татары	245291	10,2
4	Белорусы	35157	1,5
5	Татары	13602	0,6
6	Армяне	10088	0,4
7	Евреи	5531	0,2
8	Молдаване	4562	0,2
9	Поляки	4459	0,2
10	Азербайджанцы	4377	0,2
11	Узбеки	3087	0,1
12	Греки	3036	0,1
13	Корейцы	3027	0,1
14	Немцы	2790	0,1
15	Чуваши	2679	0,1
16	Мордва	2574	0,1
17	Прочие	33908	1,4
18	Всего	2401209	100,0

Для половозрастной структуры современного населения Автономной Республик Крым характерно значительное численное превосходство женщин по сравнению с мужчинами.

Таблица 2

Возрастно-половой состав населения АРК, по данным переписи 2001 г. [3, 4]

Возраст	Численность населения			Удельный вес, %		Кол-во мужчин на 1000 женщин	Доля в общей численности населения, %		
	всего	муж	жен	муж	жен		всего	муж	жен
0–4 лет	78474	40133	38341	51,1	48,9	1047	3,9	4,3	3,5
5–9 ,,	99500	51144	48356	51,4	48,6	1058	4,9	5,5	4,4
10–14 ,,	151371	77451	73920	51,2	48,8	1048	7,5	8,3	6,8
15–19 ,,	168984	86881	82103	51,4	48,6	1058	8,3	9,3	7,5
20–24 ,,	147445	74280	73165	50,4	49,6	1015	7,3	8,0	6,7
25–29 ,,	138227	68501	69726	49,6	50,4	982	6,8	7,4	6,4
30–34 ,,	129291	62556	66735	48,4	51,6	937	6,4	6,7	6,1
35–39 ,,	149848	71203	78645	47,5	52,5	905	7,4	7,6	7,2
40–44 ,,	168018	78745	89273	46,9	53,1	882	8,3	8,5	8,2
45–49 ,,	161132	74270	86862	46,1	53,9	855	8,0	8,0	7,9
50–54 ,,	140667	62840	77827	44,7	55,3	807	6,9	6,7	7,1
55–59 ,,	83284	35465	47819	42,6	57,4	742	4,1	3,8	4,4
60–64 ,,	142929	58974	83955	41,3	58,7	702	7,1	6,3	7,7
65–69 ,,	88165	34639	53526	39,3	60,7	647	4,4	3,7	4,9
70 и старше	176008	53957	122051	30,7	69,3	442	8,7	5,8	11,2
не указан	713	400	313	56,1	43,9	—	—	—	—
Всего	2024056	931439	1092617	46,0	54,0	852	100	100	100

Так, по данным последней переписи, численность мужчин в автономии составляла 931439 чел. (46,0%), а женщин 1092617 (54,0%). Следовательно, на 1000 женщин в 2001 г. приходилось 852 мужчины (табл. 2).

Следует отметить, что в возрастных группах до 24 лет численность мужчин больше, чем женщин, но уже с возрастной когорты 25–29 лет, соотношение полов резко меняется в сторону преобладания женщин. Особенно большой перевес женщин наблюдается в старших возрастных группах. После 70 лет численность женского населения превышает численность мужского, более чем в 2 раза.

Как для Крыма в целом, так и для большинства этнических групп полуострова характерно численное превосходство женщин над мужчинами. У русских и украинцев соотношение мужчин и женщин приближается к средним по республике показателям (45,6% мужчин и 54,4% женщин у русских, 45,2% и 54,8% соответственно у украинцев). Резко в этом отношении выделяются белорусы и армяне, у первых доля женщин самая высокая — 58,1%, у армян, наоборот, максимальна доля мужчин — 56,5%. Также доля женщин несколько меньше средней (по 51%) у крымских татар и евреев.

С точки зрения возможностей дальнейшего воспроизводства населения в возрастной структуре населения выделяют три типа — прогрессивную, стационарную и регрессивную, определение которых происходит по соотношению следующих групп: «0–14 лет», «15 – 49 лет», «50 лет и старше». Но, в связи с отсутствием данных, соответствующих такой группировке в переписях 1939 и 1959 гг., для определения типа воспроизводства пользуются другой шкалой: 0–19 лет, 20–49 лет, 50 лет и старше [5, с. 73], сравнивая соответственно доли молодого населения, людей среднего и пожилого возрастов. Согласно данным переписи 2001 г., доля молодого населения в АРК составляла 24,6%, людей среднего возраста — 4,2%, пожилых — 31,2%. Если в 1989 г. возрастная структура крымского населения была на грани перехода от стационарной к регрессивной, то в 2001 г. возрастная структура населения автономии окончательно оформилась как регрессивная. В первую очередь на такой переход из одного типа в другой повлияло снижение рождаемости, наблюдаемое в начале 1990-х годов, в результате чего удельный вес возрастной группы 0–14 лет по сравнению с последней советской переписью снизился более чем на 6%.

Для АРК является характерной тенденция старения населения — увеличение доли пожилых и старых людей в общей численности населения. Используя для оценки процесса демографического старения шкалу Ж. Божё-Гарнье–Э. Россета, в которой учитывается доля населения в возрасте 60 лет и старше, можно сделать вывод, что за последний межпереписной период скорость процесса старения значительно возросла. Так, по данным переписи 1989 г., доля крымского населения в возрасте 60 лет и старше составляла 15,0% от общей численности, т.е. население находилось на среднем уровне демографической старости

(согласно шкале 14–16%) [6]. А в 2001 г. доля пожилых людей достигла 20,1%, т.е. очень высокого уровня демографической старости (по шкале 18% и более).

Социальные и демографические процессы XX века находят отражение на возрастно-половой пирамиде 2001 г. Так, пики пирамиды в возрастных когортах 15–19 лет и 40–44 года отражают повышение рождаемости в 1957–1961 гг. (компенсационный рост рождаемости после войны и тяжелых послевоенных лет восстановления страны) и в 1982–1986 гг. («эхо» послевоенного роста рождаемости, усиленное мерами демографической политики) [7]. Первая демографическая «яма» на возрастно-половой пирамиде приходится на когорту 55–59 лет и иллюстрирует катастрофическое падение рождаемости в годы Великой Отечественной войны. Вторая — на возраст 30–34 года. Это люди, родившиеся в конце 1960-х гг., когда произошло радикальное уменьшение потребности большинства семей в детях, происходившее на фоне относительного улучшения уровня жизни населения [8, с. 140]. Нижняя часть пирамиды показывает резкое, можно сказать, обвальное падение количества родившихся и рождаемости, начавшееся в 1987 г. и принявшее в 1990-е гг. катастрофические формы. Основание пирамиды непрерывно сужается с возраста 19 лет, что свидетельствует о суженном типе воспроизводства населения, при котором численность последующих поколений, меньше предыдущих. В целом можно говорить о депопуляции крымского населения, обусловленного снижением рождаемости, ростом смертности (табл. 3) и как следствие уменьшением абсолютной численности населения [8, с. 140].

Таблица 3

Показатели рождаемости, смертности и естественного прироста (убыли) населения АРК с 1995 по 2001 г., на 1000 человек [9]

Годы	Родилось	Умерло	Естественный прирост (убыль)
1995	8,6	14,4	-5,8
1996	8,0	13,8	-5,8
1997	7,7	12,8	-5,1
1998	7,3	12,9	-5,6
1999	7,2	12,7	-5,5
2000	7,3	13,9	-6,6
2001	7,4	14,1	-6,7

Сравнение возрастно-половых пирамид основных этносов Крыма показывает, что в общем их форма повторяет общекрымскую пирамиду, но отмечается ряд национальных особенностей. Так, пирамида крымских татар по своей форме менее всего отражает регрессивную структуру населения, характерную для крымского сообщества в целом. Но, несмотря на это, основание пирамиды явно указывает на общие со всем населением тенденции снижения рождаемости за 15 лет, предшествующих переписи и более высокие темпы снижения доли детей у крымских татар по сравнению с другими этносами. Так, доля русских и украинских детей в возрасте 5–9 лет меньше, чем в возрасте 10–14 лет на 2,6% и 2,1%, соответственно, а крымско-татарских детей —

на 3,4%. К следующей возрастной группе (0–4 года) доля детей у русских и украинцев снижается на 1%, а у крымских татар на 1,5%. Это означает, что привычная для Азии высокая рождаемость после возвращения основной массы крымских татар в Крым в начале 1990-х резко снизилась, в то время как у остальной части крымского населения тенденции к постепенному снижению рождаемости наблюдаются еще с конца 1980-х.

Резкое снижение рождаемости в 1992–1996 гг. на пирамиде отображается демографической «ямой» в возрастной когорте 5–9 лет, которая характерна для всех этнических общностей, населяющих полуостров. Также на пирамидах трех основных народов полуострова явно просматривается «яма» в возрастной когорте 55–59 лет — след падения рождаемости и повышенной младенческой смертности во время Великой Отечественной войны.

Анализ возрастной структуры населения свидетельствует о том, что у большинства народов Крыма она регрессивная, а у татар и крымских татар — приближена к стационарной. Наибольшая доля лиц в возрасте 50 лет и старше характерна для белорусов (50,6%) и евреев (63,2%) при крайне низкой (менее 10%) доле детей у этих же народов (9,6% и 9,9% соответственно). У крымских татар, в сравнении с общекрымскими показателями, значительная доля лиц в возрасте 0–19 лет — 34% (в среднем по Крыму — 31,2%) и низкая доля лиц в возрасте старше 50 лет — 20,1% (в среднем по Крыму — 22,7%).

Для всех народов Крыма характерным является процесс демографического старения, который отличается только по уровню демографической старости. Так, согласно шкале Ж. Божё- Гарнье–Э. Россета, армяне, татары и крымские татары находятся на среднем уровне, а русские, украинцы, белорусы и евреи — на высоком уровне демографической старости.

Список литературы

1. Динамика этнического состава населения Автономной республики Крым / Под. ред. Мыскова А. А. — Симферополь: ГУ статистики в АРК, 2007. — 114 с.
2. Національний склад населення АРК та його мовни ознаки. За данними всеукраїнського перепису населення 2001 року. — Сімферополь: Державний комітет статистики Укриїни. Головне управління статистики в АРК, 2003. — 367 с.
3. Жінки та чоловіки АРК (за данними всеукраїнського перепису населення 2001 року). — Сімферополь: Державний комітет статистики Украіни. Головне управління статистики АРК, 2004. — 140 с.
4. Статево-віковий склад населення АРК (за данними всеукраінського перепису населення 2001 року). — Сімферополь: Державний комітет статистики Украіни. Головне управління статитики в АРК, 2003. — 404 с.
5. Гозулов А. И., Григорьянц М. Г. Народонаселение СССР. Статистическое изучение численности, состава и размещения. — М: Статистика, 1969. — 171 с.
6. Население Крымской области по данным переписи населения: справ. материалы. — Симферополь, 1989. — 12 с.
7. Следы социальных катастроф XX века на возрастной пирамиде // [Электронный ресурс] —Режим доступа: demoscope.ru/weekly/2005/0215/ — 20.04.2009.
8. Медков В. М. Демография. М.: ИНФРА-М, 2005. — 576 с.
9. Головне управління статистики в АРК. Всеукраїнський перепис населеня 2001 року. // [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://sf/ukrstat/gov/ua — 20.04.2009

В.А. Темненко

КОНСТИТУЦИЯ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ: РЕКВИЕМ

Не все жители Крыма разделяли конституционный энтузиазм Леонида Грача и других создателей последней крымской Конституции, но Конституция Автономной Республики Крым принята, и с ней необходимо считаться - и как с Законом, и как с правовым текстом. Уважая текст Конституции Автономии, мы и не будем его здесь обсуждать. Полезней обсудить **принципы,** на которых должна была бы базироваться Конституция АРК, *если бы ее принимали на века.* В мышлении разработчиков последней версии крымской Конституции доминировала компонента *актуальности* (что вообще, по-видимому, характерно для коммунистического мышления или**,** скажем осторожней и аккуратней, для номенклатурного мышления). Действительно, факт принятия Конституции разрешил некоторые остроактуальные текущие задачи правящей номенклатуры. Сама мысль о взгляде "с точки зрения вечности", мысль о долгосрочном политическом планировании, вероятно неприемлема (или недоступна) для действующих крымских политиков.

Дабы не посягать на священный текст принятой Конституции АРК, обсуждение *конституционных принципов* проведем в форме анализа проекта Конституции АРК, внесенного 28-го сентября 1998 года депутатом Леонидом Грачом - Конституция, как известно, и была принята на его основе (при весьма непрозрачной и неконституционной по сути технологии внесения поправок в проект). Осенью 1998 года еще многое можно было изменить в проекте. Еще можно было бы попытаться готовить фундаментальный документ, принимаемый на века. Но "отцы - основатели" крымской Конституции азартно торопились. Оппоненты были разрознены и малоквалифицированны. "Отцы - основатели", вполне в духе описанного еще Марк Твеном политического хамства, обвинили всех реальных и потенциальных оппонентов в криминальных связях. Дух политического джентльменства, "согласие не соглашаться" не свойственны провинциальной политической элите. Подлинные и долгосрочные проблемы Крыма утонули в этом псевдоконституционном азарте.

Мы анализируем всего лишь Проект Конституции. Внимательный читатель услышит за этим и нашу скорбь по *несостоявшейся Конституции,* и предчувствие обострения нерешенных принятой Конституцией подлинных проблем, и подземный гул почти запрограммированных межнациональных конфликтов. Sapienti sat - умному достаточно.

Правовой фон

Проект конституции АРК от 28.09.1998 должен был восприниматься в определенном правовом и текстуальном контексте. В этот контекст входили действующие законы Украины - прежде всего Конституция Украины от 28.06.1996 разделом X «Автономная Республика Крым», фиксирующая сам факт существования Автономии и задающая правовые рамки для АРК; Закон № 90/98 от 10.02.98 «О Верховной Раде АРК», Закон № 117/96 от 4.04.96

«О Конституции АРК», Закон № 2875-XII от 17.12.92 «О Представительстве Президента Украины в Республике Крым». Должны были учитываться также действующие частично законы или еще не утвержденные, но внесенные в ВР Украины проекты законов: Закон № 95/95 от 17.03.95 «Об Автономной Республике Крым»; проект закона Украины «О Совете Министров АРК», внесенный Кабинетом Украины (с замечаниями, добавленными в СМ АРК в 1997 г.).

Следовало учесть также уже отмененные, недействующие правовые акты АРК и Украины. Это, прежде всего, Конституция Республики Крым от 6 мая 1992 г. с изменениями и дополнениями от 25.09.1992 г., Законы Украины «О статусе Автономной Республики Крым» и «О разграничении полномочий между органами государственной власти Украины и Республики Крым» (1992 г.), «Договор о бюджетных взаимоотношениях между правительствами Украины и Республики Крым на 1994 г.» (декабрь 1993 г.), а также не имевший видимых организационно-правовых последствий Указ Президента Украины № 228.93 от 23.06.93 «О режиме открытой экономики на территории Республики Крым». Эти документы, не существующие в правовом поле Украины, несомненно, существуют как тексты, способные влить на конституционно-правовое мышление разработчиков проекта Конституции АРК (если предположить, что разработчики обладали таким мышлением).

Непозволительно было забывать о фундаментальных событиях, заложивших основу для существования АРК: Крымский референдум 1990 г. и последующие решения областного совета Крыма и Верховного Совета УССР о восстановлении Автономии. И, наконец, Акт 1954 г., положивший начало самой проблеме «Крым в Украине», является краеугольным камнем новейшей истории Крыма.

Международный политико-правовой фон беднее. Отсутствуют международные соглашения, договоры, иные документы, в которых в какой-либо форме затрагивались проблемы автономности Крыма. В косвенной форме, возможно, сюда следует отнести Акт провозглашения независимости Украины от 24.08.1991 г., Беловежское соглашение и последовавший за ним Российско-Украинский Договор, зафиксировавший отсутствие взаимных территориальных претензий. Может быть, сюда частично следует отнести Бишкекское соглашение в той части, в которой оно касается репатриации депортированных народов Крыма.

Несомненно, этот историко-правовой фон должен был отражен в преамбуле Конституции АРК - в форме и объеме, приемлемом для украинского Законодателя. Только демонстрация глубоких исторических корней Автономии, воссозданной отнюдь не только лишь по воле ВР Украины, связала бы руки сегодняшнему и завтрашнему Законодателю, затруднила бы ликвидацию Автономии простым решением Верховной Рады Украины.

Чрезвычайно куцая, бессодержательная преамбула проекта Конституции АРК от 28.09.1998 г. свидетельствовала, к сожалению, о недостатке у разработчиков политического мужества или историко-правовой компетентности.

Следует добавить, что внесение нового проекта Конституции на рассмотрение ВР АРК немедленно создавало правовую коллизию, т.к. нарушало действующий Закон Украины № 117/96 от 4.04.1996 г. «О Конституции АРК», согласно которому утверждена часть статей другого варианта Конституции АРК. Необходимость отмены Закона № 117/96 перед рассмотрением новой Конституции АРК в ВР Украины могла бы затормозить «прохождение» Конституции АРК через Верховную Раду. Но Верховная Рада Украины, как известно, нашла способ преодоления этой коллизии.

Гарант и надзирающая инстанция

При всей расплывчатости понятия «гарант Конституции», текст Конституции должен явно указывать на гаранта. Конституция Украины в ст. 102, абзац 2, фиксирует, что «Президент Украины является гарантом государственного суверенитета, территориальной целостности Украины, соблюдения Конституции Украины, прав и свобод человека и гражданина». Отмененная Конституция Республики Крым от 6.05.92/25.03.92 в ст. 129, п. 1 утверждала: «Президент Республики Крым выступает гарантом... соблюдения Конституции и Законов Республики».

Проект Конституции АРК от 28.09.98 содержал термин «гарантии» в заголовках пяти статей и разделов. Но внятное описание гаранта Конституции отсутствовало даже а завершающем разделе V, специально посвященном проблеме гарантий. Это вряд ли случайное упущение. Действительно, в АРК после 17.03.95 г. отсутствует высшее должностное лицо, на которое Конституция могла бы возложить функцию внутреннего Гаранта. Следовательно, гарантом Конституции АРК должна быть метрополия – или в лице абстрактного объекта («Украина выступает гарантом правового статуса Республики Крым» – ст. 14 Закона Украины «О разграничении полномочий...» в редакции от 30.06.92) или в виде высшего должностного лица Украины, напр.: **«Президент Украины является гарантом соблюдения Конституции АРК».** Однако такая запись в Конституции АРК требовала бы согласования с действующим Президентом и последующей поправки в ст. 102 Конституции Украины - т.к. Конституция АРК сама по себе не может ни к чему обязать Президента Украины.

Другой путь решения проблемы гаранта Конституции – введение поста выборного высшего должностного лица АРК. Очевидная невозможность использования термина «президент АРК» приводит к терминам «губернатор», «префект», «комиссар республики» и т.п. Несомненно, это предложение неприемлемо для украинского Законодателя. Возможно, Президент Украины проявил бы большую толерантность в этом вопросе по следующим соображениям:

• «Губернатор» АРК, несмотря на выборность, естественно встраивается в президентскую вертикаль управления, разорванную в Крыму. Как известно, в АРК отсутствует глава обладминистрации, и это "зияние" не компенсируется постом Представителя Президента. Премьер-министр АРК "занавешен" от прямого президентского воздействия зависимостью от ВР АРК;

• «Губернатор» АРК может стать буферной, жертвенной фигурой, выводящей Президента из-под политических последствий серьезного кризиса в АРК (например, в случае вынужденного применения военной силы для подавления крупномасштабного межнационального конфликта).

Кроме проблемы **гаранта,** есть еще проблема **надзирающей конституционной инстанции** (проверка всех нормативно-правовых актов, действующих на территории АРК, на соответствие Конституции АРК). Конституция Украины предусматривает для таких функций в Украине Конституционный Суд Украины (раздел XII Конституции). Отмененная Конституция Республики Крым 1992 года также включала упоминание о Конституционном Суде Крыма (ст. 143). В политической системе Франции имеется Конституционный Совет, обладающий функциями контроля без судебно-запретительных функций.

Эта проблема также имеет внешнее и внутреннее решение для АРК. Внешнее - возложение функции конституционного надзора на метрополию, на Конституционный Суд Украины, что требует соответствующей записи в Конституцию Украины и подчеркивает колониальный статус Автономии. Внутреннее – создание Конституционного Суда АРК, или (что более приемлемо для ВР АРК и не требует юристов для реализации) - создание Конституционного Совета АРК по образу французского.

Отсутствие гаранта и надзирающей инстанции делает Конституцию АРК полностью бессмысленным документом. Если никто и ничто не следит за соответствием между Конституцией и всеми остальными нормативно-правовыми актами – то зачем нужна Конституция? **Невнимание к этой проблеме в проекте от** 28.09.98 **означало, что либо разработчики проекта не совсем понимали, что они делают, либо, напротив, слишком хорошо понимали, что, в конечном итоге, можно сделать.** И в том и другом случае вряд ли это достойное поведение избранных народом политиков.

И совсем уж неуместна была забота в тексте Конституции АРК о соответствии ее текста и иных актов АРК Конституции Украины. Достаточно, что указание на это есть в Конституции метрополии - пусть там за этим и следят. А иначе получается, что Автономия не только признает, что метрополия её может выпороть, но и с удовольствием «подставляется».

Приоритетность Конституции АРК, прав и полномочий АРК

С проблемами **гаранта и Конституционного надзора** тесно связана проблема **приоритетности Конституции.** Текст Конституции АРК должен содержать явные указания

на то, в какой части правового поля Украины Конституция АРК подчинена только Конституции Украины и приоритетна по отношению к Законам Украины. Возможный путь решения проблемы приоритетности - явная расшифровка в тексте правового содержания понятий «предметы регулирования АРК» и «полномочия на нормативное регулирование», содержащая указание на механизм введения в действие законов Украины на территории АРК по соответствующим вопросам. При перечислении этих зон «приоритетности» уместна ссылка только на Конституцию Украины без отсылок к законам Украины.

К проблеме **приоритетности** примыкает проблема прав и полномочий Представителя Президента Украины в АРК. В Конституции АРК уместны указания на верхние пределы этих прав и полномочий. Эти указания должны быть как содержательными, так и чисто техническими, например, верхний предел годового бюджета и штатного состава Представительства в процентах от бюджета и штатного состава Совета Министров АРК. Конституция АРК должна содержать явный запрет на создание в АРК представительств министерств и ведомств Украины вне Представительства Президента Украины в АРК. Практика создания таких представительств чревата фактическим (а не конституционным) ограничением прав и полномочий Автономии.

Простое упоминание факта существования Представительства Президента в АРК для текста Конституции АРК недостаточно.

Бюджетные взаимоотношения АРК и Украины - важнейшая часть прав и полномочий АРК, В Проекте Конституции АРК они были изложены неудачно. Абзацы 1 и 2 п. 14 ст.23 противоречили друг другу. Неуместно было указание на **договорные** отношения СМ АРК и КМ Украины по бюджету. Целесообразно зафиксировать **конституционные** отношения между ВР АРК и ВР Украины в области бюджета с явной отсылкой только на Закон о бюджетной системе Украины. Как известно, Законодатель ежегодно нарушает этот Закон после принятия Закона о бюджете Украины на каждый год. Конституционная формулировка бюджетных отношений в определенной мере воспрепятствовала бы таким нарушениям в области интересов АРК.

Уместна явная фиксация в тексте Конституции АРК п. 4 ст. 14 Закона Украины «О системе налогообложения» в редакции от 18.02.1997 (Закон № 77/97), что не позволило бы Законодателю в дальнейшем уменьшить объем прав ВР АРК в области налогообложения при возможных изменениях этого Закона.

Структура и стилистика текста проекта Конституции АРК

Текст проекта Конституции содержал множество повторов в названиях статей и в их содержании. Имелись пропуски в нумерации (были потеряны пп.35 и 36 ст.31) и стилистические погрешности. Например, в качестве **«Основных принципов автономии»** были перечислены понятия, уместные в качестве основных принципов работы ВР АРК и СМ

АРК. Обоснование существования Автономии и основные принципы ее более уместны в преамбуле и имеют совсем иное содержание.

Новеллы Проекта Конституции АРК

1. В проекте Конституции АРК был введен столь большой объем **согласительных** полномочий, что следовало, возможно, выделить их в отдельную статью. Неуместно представление таких полномочий Председателю ВР АРК – это полномочия самой **Верховной** Рады, элемент системы «сдержек и противовесов». Число должностей, согласуемых Верховной Радой АРК, следовало бы несколько уменьшить. Для избежания правового тупика должен был быть заложен соответствующий механизм (например, роспуск ВР АРК Президентом Украины после троекратного отклонения согласуемой кандидатуры прокурора АРК и т.п.). Формулировки в этой «чувствительной» области должны быть предельно ясными. Например, «Прокурор АРК назначается на должность Президентом Украины по представлению Генерального Прокурора Украины с согласия ВР АРК. Прокурор АРК представляет Верховной Раде АРК по решению ВР АРК отчет о своей деятельности не реже одного раза в год. Прокурор АРК освобождается от должности Президентом Украины по представлению Генерального Прокурора Украины с согласия ВР АРК или по представлению ВР АРК».

Представление значительного объема согласительных полномочий Председателю Верховной Рады АРК, не избираемому населением непосредственно, неуместно в парламентской Автономии и чревато правовыми тупиками.

2. Новеллой являлось введение в Конституцию АРК упоминания о **«целевом фонде** по сбалансированному **социально-экономическому и иному развитию** АРК» с неясным правовым положением этого фонда. Текст проекта Конституции позволял считать, что ВР АРК, нарушая принцип разделения властей, намерена непосредственно управлять этим фондом. Несомненно, в такой форме эта новация была категорически неприемлема. Однако она позитивна сама по себе, как идея разделения бюджета АРК на **текущий бюджет и бюджет развития** - возможно, с разными источниками дохода и разными механизмами управления. Управление же является прерогативой исполнительной власти АРК.

3. Новеллой являлось упоминание в Конституции нового органа **«Совет Регионов».** Эта идея, чрезвычайно полезная для Автономии сама по себе, в тексте проекта Конституции была «плохо подана» и не проработана (нарушался принцип разделения властей, отсутствовала ответственность, «сдержки и противовесы»).

В условиях АРК возможны два варианта развития этой идеи:

• Создание двухпалатного парламента (Верхняя палата - «Совет регионов и национальностей»).

• Учреждение согласовательного, контролирующего органа без прямых властных полномочий наподобие «социально-экономического совета Франции» (с включением представителей профсоюзов, творческих союзов, союзов предпринимателей и т.д.).

Только при тщательной проработке прав и полномочий Совет Регионов мог бы быть явно упомянут в Конституции АРК.

Положительная сторона Проекта Конституции

По нашему мнению (и вопреки распространенной точке зрения многих «ревнителей русского языка») позитивная часть Проекта Конституции заключалась в статьях 16 - 20 о языке, требовавших только стилистической правки. Объем использования русского языка в АРК, несомненно, должен быть защищен Конституцией АРК.

Резюме

Конституция АРК должна была удовлетворять следующим минимальным требованиям:

• Указание на фундаментальность и историческую обоснованность самого факта существования Автономии, который не может быть произвольно отменен Законодателем.

• Указание на характер взаимоотношений трех основных национальных общин Автономии: защита русского языка; механизм защиты прав репатриантов и решение проблем интеграции репатриантов из числа депортированных и их прямых потомков; механизм защиты прав украинского населения как национального меньшинства на территории АРК. Проблемы депортированных могут быть отражены в главе «Особенности местного самоуправления в АРК».

• Ясное описание взаимоотношений Автономии и метрополии в конституционно-правовой, управленческой и бюджетной областях, затрудняющее сужение прав и полномочий Автономии по одностороннему решению Законодателя.

Представленный 28.09.1998 г. проект Конституции АРК не удовлетворял этим минимальным требованиям (ключевая проблема Крыма – проблема интеграции репатриантов – в нем вообще не нашла отражения). Утверждение этого варианта Конституции АРК было чревато необратимыми негативными последствиями для будущего Автономии ...

* * *

Как известно, утверждение грачевской Конституции АРК само по себе не вызвало никаких потрясений ни в Крыму, ни в отношениях Крыма и метрополии. Просто крот Истории, лениво и неторопливо делающий своё дело, мимоходом забросал землей один ход, по которому История могла бы двигаться дальше. И Юрий Мешков и Леонид Грач (кто вспомнит эти имена через 10 – 15 лет?) – каждый по-своему были всего лишь слепыми орудиями в лапах этого слепого крота…

П.А. Хриенко

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СЕГМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ КРЫМА

Первая попытка государственной идентификации Крыма была предпринята 20 января 1991 года путем проведения референдума с вопросом: «Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта СССР и участника Союзного Договора?». Результаты всеобщего опроса были следующими: приняло участие – 81,3 % крымчан, степень поддержки населением вопроса, выносимого на референдум, (голосовало «за») – 93,26 %. Историческая значимость данного референдума заключалась в том, что это была первая попытка решить судьбу Крыма, основываясь не на позиции «верхов», а на волеизъявлении самих его жителей. Референдум был признан законным. Однако позиция крымчан, высказанная на этом всеобщем опросе не была выполнена в полном объеме. Крымская Автономия была восстановлена, но без соответствующих прав.

17 марта 1991 года на всесоюзный референдум был вынесен вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной Федерации Равноправных Суверенных Республик, в котором в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?». Подавляющее количество крымчан, как и вся страна, включая Украину, высказались за сохранение своего единого Отечества. Так, в АРК за сохранение Советского Союза проголосовало 76,4 %, из 79,3 % от принявших участие в референдуме, который также был признан правомерным. Однако и его решения не были выполнены.

26 июня 1994 года был проведен референдум и о статусе города Севастополя, где из 95,0 % участвовавших 89,3 % высказались за российский статус Севастополя как главной базы Черноморского Флота Российской Федерации. И снова волеизъявление граждан не было учтено.

Следует отметить, что результаты и других референдумов (всеобщих опросов), проведенных в Крыму за 18 лет, также были проигнорированы властями, за исключением одного – состоявшегося 1 декабря 1991 года. В этот день на всеукраинский референдум был вынесен вопрос: «Подтверждаете ли Вы Акт провозглашения независимости Украины?». Результаты голосования по Крыму: 67,7 % приняло участие, «за» проголосовало 54,2 %. Основываясь на существующей правовой системе того времени, полагаем, что этот референдум был проведен не в соответствии с Законом Союза СССР от 3 апреля 1990 года «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», действовавшего на период принятия Декларации о государственном суверенитете Украины, а также с игнорированием норм международного права и, прежде всего, положений Заключительного Акта Хельсинского Соглашения.

Наряду с указанным следует отметить, что и многие другие демократические процессы современной государственной идентификации Крыма явились либо не эффективными, либо не реализованными на практике.

Таким образом, современное развитие АРК проходит в условиях затяжного системного кризиса, что не может не препятствовать цивилизованному возрождению Автономии в современных условиях. Попытки решить проблемы, связанные с государственной идентификацией Крыма демократическим путем на основе решений референдумов, путем волеизъявления народа, повторим, результатов не дали. Соответствующие интересы крымчан явно властями игнорируются. Вероятно, в таких условиях более целесообразным явится другой путь – путь приоритетных экономических трансформаций, отражающих интересы всех заинтересованных сторон. Полагаем, что, эффективно решив экономические задачи, неизбежно будут решены и политико-правовые, и в существенно большей степени, чем наоборот.

В настоящее время комплекс обстоятельств складывается так, что у властей как Украины, так и Крыма нет абсолютно никаких возможностей поднять экономику региона «из руин» собственными силами. В таких условиях остается одно – создать экономические предпосылки для привлечения соответствующих ресурсов извне. Наиболее апробированный путь для осуществления такой политики – это создание «зон приоритетного экономического развития», или «свободных экономических зон».

Идея создания «свободных экономических зон» не является новой. Здесь речь идет о хорошо апробированном механизме преодоления системных экономических кризисов в условиях нарастающих темпов глобализации путем создания льгот для инвестиционного капитала. Соответствующий международный опыт в настоящее время особенно полезен для проведения реформ, в том числе и непосредственно крымской экономики.

«Свободные экономические зоны» – одна из старейших, и вместе с тем, новейшая идея в области экономического развития. Историческое развитие человечества демонстрирует их огромное разнообразие. Только в течение последнего десятилетия можно наблюдать создание сотен эффективно развивающихся «зон свободной торговли» с таможенными льготами. Промышленно-производственные свободные экономические зоны в формах «промышленных парков», в наибольшей степени распространены в США, Мексике, странах юго-восточной Азии. «Технико-внедренческие научно-производственные зоны», «технопарки» широко внедряются в наиболее развитых странах. Зоны приоритетного развития малого бизнеса, характерны для Индии, Ближнего Востока, Аргентины, Франции. «Оффшорные финансовые центры» наиболее широко распространены в Карибском бассейне, Гонконге и Сингапуре.

Особый вид свободных экономических зон характерен для Китая – это комплексные, специальные экономические зоны, работающие в режиме создания наибольшего благоприятствования в развитии целых регионов.

Для Крыма в современных условиях в наибольшей степени подходит именно китайский опыт. Создание на всей территории полуострова комплексной «свободной экономической зоны» обусловлено как географическими обстоятельствами региона, так и самим характером автономного статуса Крыма. Более того, здесь в существенной степени экономика имеет взаимоинтегрированный характер, присущий для тех территорий, где и создавались именно комплексные «свободные экономические зоны». В частности, льготы на развитие курортно-рекреационного комплекса неизбежно влекут необходимость создания соответствующих льгот для агропромышленного комплекса и пищевой промышленности, обеспечивающих курорты продовольствием, а также транспорта, связи, строительной индустрии и т.д. Создание льгот только для одного из сегментов специфически крымских экономических отношений приведет лишь к диспропорциям в производстве, о чем в определенной степени свидетельствует уже имеющийся опыт создания в АРК локальных экономических зон типа «Сиваш». Экономико-географические и другие обстоятельства предопределяют необходимость, возможность и целесообразность создания в Крыму именно такой комплексной «свободной экономической зоны» на всей территории полуострова.

Наряду с этим, следует отметить, что создание комплексной «свободной экономической зоны» в Крыму явится особо целесообразной и для реанимации местного промышленного производства, интегрированного в общеукраинский, или другие хозяйственные комплексы.

Промышленное производство в Крыму исторически сложилось так, что здесь в наибольшей степени распространены предприятия конечного экономического цикла. Крымский регион в определенной степени можно назвать одним из «сборочных цехов» бывшего Советского Союза. Здесь собирались крупнотоннажные танкеры в Керчи, особо востребованные на мировом рынке корабли и суда - в Феодосии и Севастополе. В таком же контексте развивалась радиоэлектроника, пищевая и другие отрасли производства. Не только экономическая теория, но и соответствующий опыт показывает, что наиболее эффективными являются преференции, создаваемые именно на заключительном этапе производства того или иного вида продукции.

Создание на территории Крыма комплексной «свободной экономической зоны» будет способствовать и радикальному развитию здесь транспортной инфраструктуры. В данной части можно согласиться с выводами творческой группы, разработавшей проект «Крымская стратегия: новый взгляд. Избавление от иллюзий. Стратегия экономического развития Автономной республики Крым до 2015 года» на основе радикального использования потенциальных транспортных возможностей данного региона.

Имеются и другие многочисленные аргументы в пользу создания на всей территории Крыма комплексной «свободной экономической зоны».

На первом этапе разработки такого проекта необходимо учитывать реальные специфические условия развития современного Крыма и наиболее заинтересованных фигурантов возрождения его экономики. Таковыми являются непосредственно Украина и Российская Федерация.

Факты свидетельствуют, что наибольший инвестиционный и инновационный интерес к АРК проявляет, прежде всего, Россия. Данные обстоятельства выгодно отличают Крым от других регионов Украины, инвестиционная привлекательность которых находится все еще на очень низком уровне. И такие экономические предпосылки необходимо как можно быстрее использовать, применяя методологические подходы, апробированные международным опытом.

В данной связи предлагается на всей территории крымского полуострова, включая город Севастополь, создать на 49 лет «территорию приоритетного украинско-российского экономического сотрудничества». На такой территории экономические приоритеты в развитии Крыма создаются для украинских и российских участников рынка и потому, что более 85 % инвестиций в экономику крымского региона поступает именно из Украины и России. При этом российские инвестиции значительно опережают инвестиции от украинских участников предпринимательской деятельности в АРК. Российско-украинские экономические приоритеты в развитии экономики Крыма обусловлены также известными политико-правовыми, гуманитарными, духовными и другими обстоятельствами. Следует особо отметить, что в современных условиях Россия является одним из наиболее динамично развивающихся государств на всем евразийском пространстве. Она обладает огромным природно-ресурсным и финансовым потенциалом. Известно, что за рынки России и ее ресурсный потенциал уже ведется ожесточенная конкурентная борьба во всем мире. Создание условий для привлечения инвестиций из России на сегодняшний день – спасение Крыма от полной деградации.

Создание больших преференций для вложения капитала непосредственно украинскими субъектами предпринимательской деятельности также имеет исключительно важное значение с точки зрения формирования в стране цивилизованного рынка. Учитывая вступление страны в ВТО, делает особо целесообразным создание «свободных экономических зон» на Украине как важнейшего инструмента привлечения иностранного капитала, с одной стороны, а с другой – предотвращение вывоза из страны денежных средств и других материальных ресурсов.

Организационными принципами создания «территории приоритетного российско-украинского экономического сотрудничества» в АРК должны стать, прежде всего, следующие:

– создание правовых преференций новым экономическим отношениям, которые необходимо строить исключительно на апробированных соответствующих институциях. Наиболее приемлемым для Крыма, как уже отмечалось, может стать опыт комплексных, специальных экономических зон в КНР, территорий особого экономического режима, типа «Манаус» (Бразилия), «Огненная Земля» (Аргентина) и ряд других;

– создание экономических преференций для бизнеса, которые должны строиться на основе комплекса базовых таможенных, налоговых и финансовых льгот. В Крыму имеются возможности создания не просто фрагментарных экономических льгот, но и возможности образовать рыночные механизмы, отличающиеся наибольшим благоприятствием для развития бизнеса на всем постсоветском пространстве;

– создание ресурсно-финансовых преференций для обеспечения проведения реформ в Крыму также должно базироваться на апробированном международном опыте и лучших соответствующих стандартах. В данной связи целесообразным явится создание оффшорных финансовых центров, по образцу тех, которые наиболее эффективно работают в Гонконге, Сингапуре, Гибралтаре, штате Делавэр США, ряде стран Карибского бассейна. В настоящее время оффшорный режим, или его элементы, для иностранных и отечественных резидентов применяются в юрисдикциях около 1/4 стран и территорий мира. В специфике Крыма наиболее удобным местом для создания оффшорных и особых портовых зон является Севастополь и Керчь, обладающие наиболее подходящей для этого инфраструктурой и потенциальными возможностями развиваться как крупные экономические анклавы. Обращает на себя внимание и то, что в Севастополе и Керчи в значительной степени имеются схожие условия с теми, которые имели место в начале соответствующего создания подавляющего большинства успешно функционирующих современных оффшорных зон или территорий;

– создание в Крыму «кондомината» по совместному управлению развитием экономических процессов со стороны государственных структур Украины и России. Исторический опыт свидетельствует, что там, где управление экономикой строилось на принципах кондомината, или экономического плюрализма, быстро укреплялся правопорядок, создавалась особо привлекательная среда правового обеспечения происходящих процессов не только в экономике, но и в обществе в целом. Это особо важно в современных условиях, поскольку коррупция и дезорганизация фактически во всех сферах общественной жизни не позволяет эффективно осуществлять ни стратегический, ни операционный менеджмент.

В целом, создание в Крыму территории приоритетного российско-украинского экономического сотрудничества не является самоцелью, а есть средство решить многочисленные экономические и социальные проблемы цивилизованным путем и с учетом интересов самих крымчан. Ожидаемый эффект от предлагаемых инноваций — преодоление

в регионе кризиса и обеспечение развития экономики Крыма как эффективной и самодостаточной. Такие экономические преобразования позволят в существенной степени способствовать не только социально-экономическому Возрождению Крыма, но и преодолению проблем в его современной политико-правовой идентификации.

А.Н. Шатохин, М.А. Вуйченко

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СЕТИ В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ НА ФОНЕ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Важнейшей составной социальной сферы села является сельская жизненная среда. Несмотря на различия в понимании социологами и экономистами как содержания, так и границ «сельской жизненной среды», большинство исследователей включают в неё три обязательных компонента: природный, материально-вещевой и духовно-психологический. Иными словами, под «сельской жизненной средой» понимается совокупность элементов сельского жизненного пространства, объектов социальной инфраструктуры села и социальная жизнедеятельность сельского населения.

Одной из древнейших подструктур социальной дифференциации общества является распределение по территориальному, поселенческому принципу. Люди, проживающие на определённой территории, образуют специфическую территориальную общность, основанную на историческом прошлом территории, экономической жизни, политических, социальных и духовных условий существования. Формируется социальная среда, в которой реализуются жизненные интересы человека, происходит процесс его социализации. Осваивая территорию экономически, политически, социально и духовно, личность как бы закрепляется за этой территорией. Разумеется, на протяжении жизни, делая социальную карьеру, индивид может перемещаться не только в социальном, но и в физическом пространстве, то есть изменять место своего проживания, мигрировать.

Проблемы сельского расселения исследовались С. Ковалёвым, В. Староверовым, Т. Заславской, П. Симушем, И. Прокопою, Л.Шепотько, Д Крисановым и другими социологами и экономистами. К сожалению, в некоторых из них вместе с ценными эмпирическими данными, содержались выводы и предложения, которые выходили из определяющей политики в отношении села, намерение обосновать «успехи» по ликвидации различий между городом и деревней. Вместе с тем в этих исследованиях общими усилиями сформировались методологические подходы по изучению сельской поселенческой сети.

Сельское население Украины на протяжении всех лет независимости неуклонно сокращалось, что было основным признаком депопуляции, которая началась во второй

половине 80-х гг. За период 1990-2006 гг. сельское население Украины уменьшилось на 2024,4 тыс. человек, или на 12% [1,С.22; 2,С.7; 3,С.27; 4,С.23]. Об этом свидетельствует рис.1.

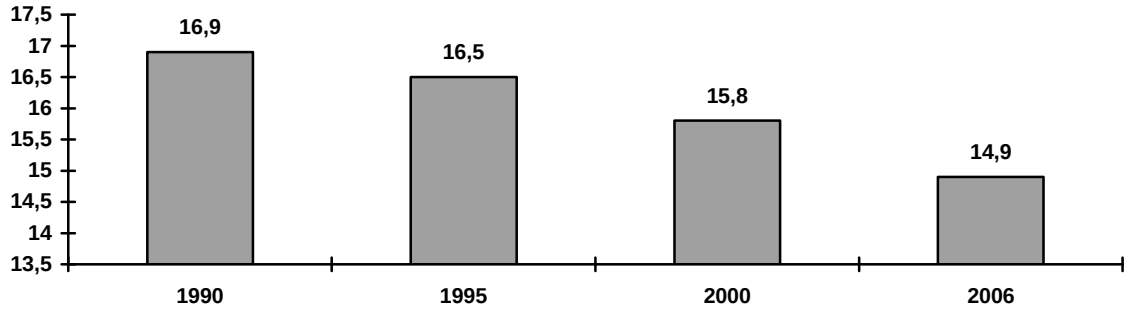


Рис.1 Динамика сельского населения Украины в 1990-2006 гг. (млн.чел)

Но это лишь общая тенденция. В различных регионах Украины она проявляется неодинаково. На динамику сельского расселения влияют многие исторически сложившиеся факторы. Западный регион по структуре населения являэтся традиционно сельскохозяйственным, где удельный вес сельского населения превышает половину населения западных областей. А в Восточном регионе, наоборот, наименьший удельный вес сельского населения. Существенные различия в расселении сельского населения иллюстрирует табл. 1, составленная на основе группировки областей по региональному признаку.

Таблица 1

Расселение сельского населения Украины*

Регионы Украины	на 1.01.1991 г.		на 1.01.2007 г.		2007 г./ 1991 г	
	количество, тыс.чел.	в % ко всему населению	количество, тыс.чел.	в % ко всему населению	+,-	в %
Украина	**16895,0**	**33**	**14868,6**	**32**	**-2026,4**	**88,0**
АР Крым**	**786,3**	**31**	**755,0**	**37**	**-31,3**	**96,0**
Западный регион	5821,1	51	5513,0	51	-308,1	94,7
Центральный регион	3638,2	35	2997,4	34	-640,8	82,4
Южный регион (без АРК)	2319,6	31	2077,5	30	-242,1	89,6
Северный регион	2728,4	45	2126,0	40	-602,4	77,9
Восточній регион	1564,9	14	1339,2	14	-225,7	85,6

*Народне господарство Української РСР у 1990 році: Статистичний щорічник. – К.: Техніка, 1991. – С.27; Статистичний щорічник України за 2006 рік. – С.23.

**С учётом сельского населения г. Севастополя

Региональная группировка позволяет определить тенденции сельского расселения. Так, в Центральном регионе темпы уменьшения численности сельского населения вдвое превышают общеукраинские показатели, а в Северном регионе – втрое. Особенно опасная ситуация складываается в Черниговской, Сумской, Киевской, Житомирской, Винницкой,

Полтавской, Черкасской и Хмельницкой областях. Безусловно, тут наиболее ощущаются последствия Чернобыльской катастрофы, но, если эта тенденция сохранится, ситуация в северных и центральных областях может перерасти в демографическую катастрофу.

Противоположную тенденцию демонстрируют большинство областей Западного региона. Тут очевидна определённая стабилизация в динамике сельского населения а в Закарпатской области даже незначительное увеличение сельского населения [5,С.180-189].

Автономная Республика Крым проявляет особое поведение. За 1990-2006 гг. сельское население в АРК не только значительно не уменьшилось, но в середине 90-х гг. даже увеличивалось. А удельный вес сельского населения в общем населении Республики – и это явление не зафиксировано ни в одной области Украины – возросло с 31 до 37 процентов! Главной причиной такого увеличения, безусловно, является активная миграция крымских татар в первой половине 90-х годов прошлого столетия, которая преимущественно коснулась сельской местности.

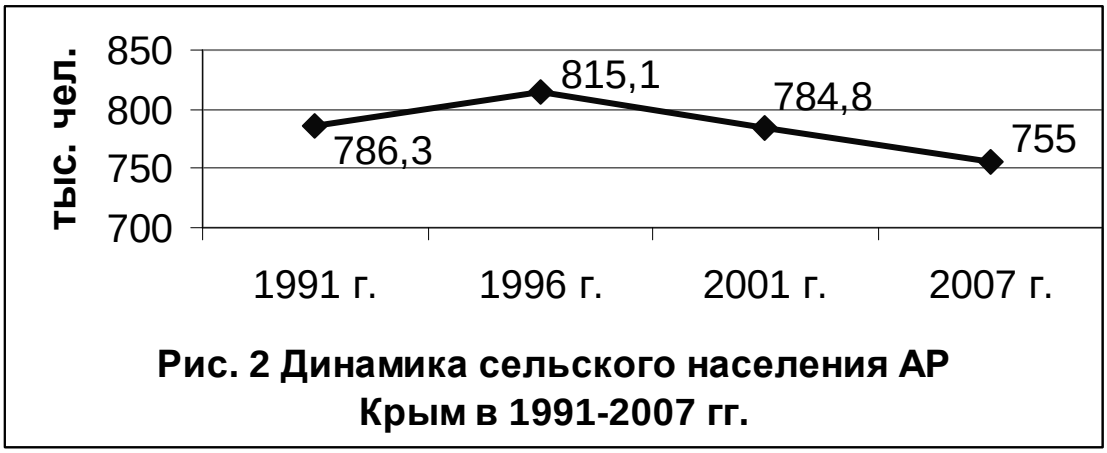


Рис. 2 Динамика сельского населения АР Крым в 1991-2007 гг.

Существует большое количество типологических подходов для характеристики сельских населённых пунктов. Главным образом их различают по таким критериям, как людность, система расселения, социально-экономическое предназначение, производственно-административная роль и другими признаками.

Наиболее распространённой является типология по численности населения, или людности. Как правило, сёла по этому признаку разделяются на малые (с численностью до 500 жителей), средние (до 1000 жителей) и большие (свыше 1000 жителей).

Региональные особенности сельской поселенческой сети приведены в табл.2.

По данным обследования Госкомстата Украины в 2001 г., 63% всех сёл Украины относятся к малым сёлам. В них проживает каждый пятый сельский житель (20,8%). В малых сёлах наибольший удельный вес занятых в сельском хозяйстве, но при этом наименьшее количество объектов социальной сферы. Самое опасное то, что 4/5 малых сёл – это так называемые «умирающие сёла» с неблагоприятным демографическим фоном, малолюдные или даже почти безлюдные.

Таблица 2

Региональное распределение сельских поселений и населения в них (2001 г., %)*

Регионы Украины	Малые сёла (до 500 жителей)		Средние сёла (до 1000 жителей)		Большие сёла (понад 1000 жителей)	
	поселений	в них населения	поселений	в них населения	поселений	в них населения
УКРАИНА	**63,0**	**20,8**	**21,0**	**26,5**	**16,0**	**52,7**
Западный регион						
Волынская	62,1	29,9	26,8	37,1	11,1	33,0
Закарпатская	27,3	5,4	24,7	13,1	48,0	81,5
Ив.-Франковская	32,2	7,4	24,4	16,4	43,4	76,2
Львовская	58,4	23,3	26,0	31,9	15,6	44,8
Ривненская	56,5	11,6	26,6	30,3	16,9	48,1
Тернопольская	48,0	20,6	32,7	35,4	19,3	44,0
Хмельницкая	61,5	29,4	28,2	39,4	10,3	31,2
Черновецкая	24,4	5,0	21,6	11,7	54,0	83,3
Центральный регион						
Винницкая	52,6	17,4	28,8	31,1	18,6	51,5
Днепропетровская	76,3	27,9	13,3	22,6	10,4	49,5
Кировоградская	70,2	25,3	18,5	29,5	11,3	45,2
Полтавская	75,7	31,2	16,4	30,3	7,9	38,5
Черкасская	43,8	11,9	31,2	28,2	25,3	59,9
Южный регион						
АР Крым	**51,5**	**13,8**	**18,9**	**16,8**	**29,6**	**69,4**
Запорожская	70,2	23,4	15,6	20,7	14,2	55,9
Николаевская	67,4	24,3	18,6	27,1	14,0	48,6
Одесская	59,3	13,7	16,5	15,0	24,2	71,3
Херсонская	54,5	14,9	21,1	21,1	24,4	64,0
Северный регион						
Житомирская	73,0	34,9	19,0	34,3	8,0	30,8
Киевська	55,2	16,6	24,3	25,0	20,5	58,4
Сумская	79,9	32,5	13,0	29,0	7,1	38,5
Черниговская	74,2	31,0	17,6	34,8	8,2	34,2
Восточный регион						
Донецкая	69,8	27,1	18,5	30,5	11,7	42,4
Луганская	70,3	25,7	17,6	28,3	12,1	46,0
Харьковская	76,0	29,9	16,2	30,6	7,8	39,5

*Джерело: Соціально-економічне становище сільських населених пунктів України: Статистичний збірник. – К.: Держкомстат, 2001. – С.14,18.

Как видно из табл. 2, в АРК малых сёл – половина (51,5%) всех сельских населённых пунктов. В них проживает каждый седьмой сельский житель Крыма. По этому показателю Крым находится на уровне Херсонской, Киевской, Львовской и Одесской областей (55-58%). Больше всего малых и «умирающих» сёл в Сумской, Харьковской, Днепропетровской,

Полтавской, Житомирской, Запорожской и Луганской областях (70-80%). Меньше всего малых сёл в Чернивецкой и Закарпатской областях (24-27%).

Пятая часть сельских населённых пунктов Украины (21%) относятся к категории средних. В них проживаеь каждый четвёртый сельский житель (26,5%). Более 80% жителей средних сёл заняты в сельском хозяйстве. Социальная сфера в относительно благоприятном состоянии. Миграция незначительна. Такие сёла не являются типичными для Крыма: они составляют 18,9 % от общего количества и в них проживает наименьшее количество сельских крымчан (16,8%). Подобная ситуация характерна для большинства южных областей.

Каждое шестое украинское село считается большим (свыше 1000 жителей). В таких сёлах проживает больше половині всех сельских жителей. Большие сёла сосредоточили у себя значительную сеть объектов социальной сферы: 13-17 на поселение. Важно отметить, что модальными (половина всех сельских поселений) являются большие населённые пункты сельскохозяйственного профиля, поэтому занятость в других сферах и миграционные процессы являются незначительными. С точки зрения социального воспроизводства села это наиболее оптимальный тип сельского поселения, который имеет все необходимые компоненты жизнедеятельности: пристойный демографический фон, достаточный уровень трудовых ресурсов и удовлетворительную материальную базу для осуществления социальной политики.

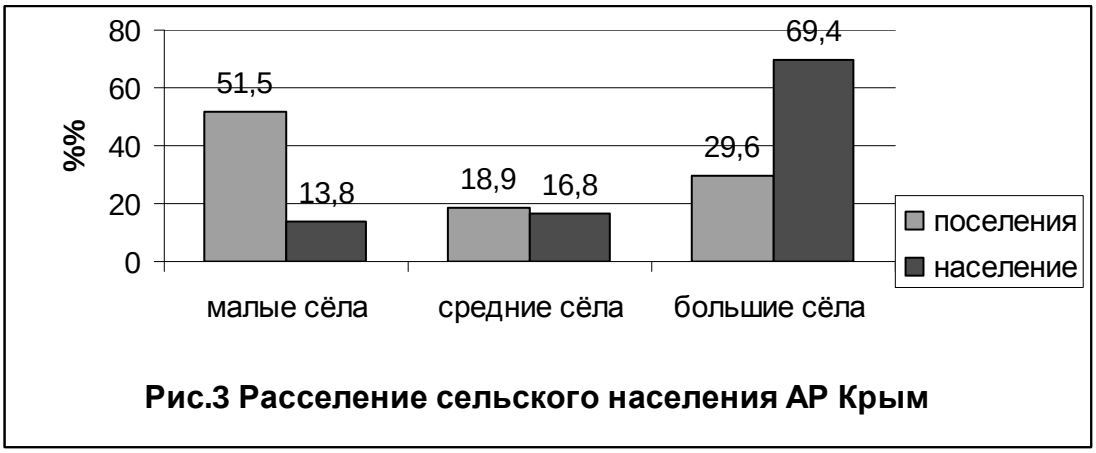


Рис.3 Расселение сельского населения АР Крым

В Крыму удельный вес больших и густонаселённых сёл, как видно из табл. 2 и рис. 3, достаточно высокий: в почти третьей части сельских населённых пунктах проживает каждый седьмой сельский житель полуострова.

Если сравнить сельскую поселенческую сеть, сложившуюся в различных регионах Украины, нетрудно заметить, что что наиболее перспективной является западноукраинская, где процент «умирающих сёл» втрое меньше республиканского уровня и в три-четыре раза меньше, чем на Севере, Востоке и в Центре. Наиболее сложной следует считать поселенческую сеть в большинстве областей Северного, Восточного и Центрального регионов: тут третья часть сельского населения проживает в сёлах, которые постепенно

теряют перспективы своего существования. Юг демонстрирует в целом прогрессивную модель сельских поселений, особенно Крым, Херсонская и Одесская области.

Совершенно понятно, что без государственной поддержки села, особенно развития социальной сферы, через некоторое время может исчезнуть третья часть украинских сёл. И это будет иметь негативные последствия для всей страны [7, С.463-465].

Поселенческая структура имеет ещё один аспект – этнический. Современные этносы возникли и развивались в границах социально-территориальных общностей. Проживание на общей территории способствовало консолидации культурных, языковых и психологических особенностей, идентификации и национального самосознания.

В настоящее время в Украине проживают представители более 100 национальностей, в том числе 16 неукраинских этничных групп численностью свыше 25 тыс. чел. (0,05 % населения Украины), каждая из которых проживает достаточно компактно, а также большое количество мелких дисперсных групп. Некоторые из этнических групп по принципу расселения являются примущественно сельскими.

Основной массой сельского населения являются украинцы. До преимущественно сельских этнических групп можно отнести румын, гагаузов, молдаван, крымских татар, венгров и болгар (57-78%). Крымские татары – единственная из этничных групп, которая более чем в три раха увеличила свою численность в 90-х гг. Наименьший удельный вес сельского населения среди евреев, русских, белорусов и азербайджанцев (до 20%).

Население регионов не является постоянной величиной. Большое влияние на состав и численность населения имеют миграционные процессы. Причины и мотивы миграционного поведения могут быть разные: экономическими, социальными, политическими, культурными, этническими, религиозными и т.п. Характерно, что более трети прироста населения в Украине в 1991-1993 гг. за счет миграции произошло в АР Крым. Это было связано с возвращением крымских татар на историческую родину, а также депортированных сталинским режимом армян, греков, немцев, которые традиционно проживали на юге страны. За последние годы миграционная активность сельского населения заметно уменьшилась, кроме западных областей Украины и Крыма.

Таким образом, сельская поселенческая сеть в Автономной Республике Крым, как и других регионов Украины, подвержена негативному влиянию социально-экономических трансформаций 90-х годов XX столетия, а также демографического кризиса, который на селе достиг уровня депопуляции.

Вместе с тем, сельское население Крыма за последние два десятилетия в своей динамике проявляло особенности, отличающиеся от аналогичных процесов в других регионах Украины. Если в большинстве областей, кроме Западного региона, наблюдалась устойчивая тенденция сокращения сельского населения, то в АРК – определённая стабилизация, а

в средине 90-х гг. даже рост за счет активных миграционных процессов. Вместе с тем очевидно, что при отсутствии последовательной политики государства по укрепления и развитию социальной сферы села, процесс деградации сельской жизненной среды, в том числе и в Крыму, может иметь катастрофические последствия для сельского социума.

Список литературы

1. Народне господарство України у 1990 році: Статистичний щорічник. – К.: Техніка, 1991. – 474 с.
2. Статистичний щорічник України за 1995 рік. – К.: Техніка, 1996. – 540 с.
3. Статистичний щорічник України за 2000 рік. – К.: Техніка, 2001. – 600 с.
4. Статистичний щорічник України за 2006 рік / Державний комітет статистики України. – К., 2007. – 552 с.
5. Шатохін А. Українське село: поселенська мережа в регіональному аспекті // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2002. - №1. – С.180-189.
6. Соціально-економічне становище сільських населених пунктів України: Статистичний збірник. – К.: Держкомстат, 2001. – 75 с.
7. Аграрна реформа в Україні (соціологічна діагностика) / За ред. В Тарасенка. – К.: Інститут соціології НАН України, 2007. – 576 с.

А.М. Эмирова

АКУТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР КОРЕННЫХ НАРОДОВ КРЫМА

Поликультурная ситуация сегодняшнего Крыма представлена культурами разных этносов, среди которых особое место занимают крымские татары, караимы и крымчаки. Они де-факто признаны коренными народами Крыма, т.к. исторически сформировались именно на этой территории, имеют сложный этногенез и своеобычные трагические судьбы. Крымские татары, как известно, 18 мая 1944 г. подверглись тотальной депортации и находились в местах ссылки вплоть до конца 80-х годов XX в.; около 80% крымчаков было уничтожено во время оккупации Крыма фашистской Германией; крымские караимы остались на родине, но, как и все малые народы СССР, активно и целенаправленно ассимилировались в рамках пресловутой “ленинской национальной политики”. Согласно итогам всеукраинской переписи населения 2001 г. в Крыму проживали около 250000 крымских татар, 700 караимов и 200 крымчаков [1? с/249]..

Базой любой национальной культуры, как известно, является язык. Караимский и крымчакский языки входят в кыпчакскую группу тюркской семьи языков, к которой относится и близкородственный им крымскотатарский язык. Поэтому надежды на сохранение и возрождение своих языков и соответственно культур караимы и крымчаки во многом связывают с возрождением крымскотатарского языка и расширением его функционального пространства. Однако трагические перипетии XX века способствовали основательному разрушению системы крымскотатарского языка: резко сократилась демографическая

мощность языка (количество владеющих им); за невостребованностью в местах ссылки традиционных форм жизнедеятельности крымских татар (табаководства, садоводства, овцеводства и др.) и отсутствием школ с родным языком обучения резко сократился и словарный состав; деформировалась стилистическая система и соответственно сократилась коммуникативная мощность языка (количество обслуживаемых им социальных сфер) и др.

Сегодня остро стоит вопрос о возрождении и развитии крымскотатарского языка. Возрождать язык – значит развивать и совершенствовать его в такой мере, чтобы он мог быть использован во всех социальных сферах. Эта проблема имеет два аспекта – социально-политический и собственно лингвистический [2; 3].. Ниже обозначены проблемы, решение которых может способствовать оптимизации коммуникативного статуса крымскотатарского языка.

Социально-политический аспект проблемы возрождения и развития крымско-татарского языка предполагает решение ряда взаимосвязанных вопросов.

1. Определение социального статуса крымскотатарского языка.

Согласно ст. 10 Конституции Украины крымскотатарский язык имеет статус языка национального меньшинства. Социальная практика последнего десятилетия показала, однако, что такой статус языка не обеспечивает ему необходимой финансовой поддержки со стороны государства, не способствует формированию его престижности в глазах носителей языка и представителей других этносов многонационального Крыма и, следовательно, не стимулирует его освоения и изучения.

Известно, что крымские татары выступают с требованием придать их языку статус государственного языка, что сегодня противоречит Конституции Украины, как унитарного государства. Думается, что придание крымскотатарскому языку, наряду с русским, статуса официального языка обеспечило бы его преподавание во всех школах Крыма в качестве обязательного предмета и тем самым способствовало бы повышению уровня его престижности. Признание крымскотатарского языка языком коренного народа Украины, что предполагает увеличение объёма бюджетного финансирования, также могло бы способствовать его быстрейшей реанимации. Однако этот вопрос, несмотря на неоднократные обращения общественности, до сих пор не ставился на повестку дня Верховной Рады Украины.

2. Расширение системы воспитания и образования на крымскотатарском языке.

Общее количество детей школьного возраста крымскотатарской национальности в Крыму в 2006 –2007 учебном году составляет 37266 человек; из них 3443 учатся на родном языке в 14 школах с крымскотатарским языком обучения. Кроме того, в 65 школах функционируют 220 классов с крымскотатарским языком обучения, охватывающих 2622 учащихся. Приведённые выше цифры красноречиво свидетельствуют о том, что в таких услових обучить подрастающие поколения родному языку не представляется возможным.

3. Расширение функционального пространства крымскотатарского языка.

Известно, что оптимальное усвоение языка происходит в условиях перманентной языковой среды, в создании которой участвуют различные факторы: средства массовой информации; макро- и микротопонимия; дорожные указатели, вывески, объявления, лозунги и т.п. Сегодня крымскотатарское радио и телевидение располагают соответственно 1 часом 20 минутами и 5 часами эфирного времени в неделю; на крымскотатарском языке издаются (с разной периодичностью) четыре журнала, три республиканские газеты; русскоязычная газета «Голос Крыма» периодически печатает материалы на крымскотатарском языке (кириллицей и латиницей). Старая крымская топонимия все еще не восстановлена.

Собственно лингвистический аспект проблемы возрождения и развития крымскотатарского языка предполагает работу в следующих направлениях: 1. сбор и фиксация на современных носителях всех сохранившихся говоров и наречий; 2. кодификация и оптимизация норм литературного языка.

1. Сбор и сохранение территориальных диалектов – непременное условие дальнейшего развития языка. К сожалению, сегодня нет специалистов в области крымскотатарской диалектологии, которые смогли бы организовать работу по сбору, консервации и обработке диалектного материала.

2. Дальнейшее развитие и совершенствование крымскотатарского языка предполагает наличие развитого литературного языка. Сегодня к крымскотатарскому литературному языку предъявляются новые требования: наряду с основными социальными функциями (коммуникативной, когнитивно-мыслительной, эмотивной и др.), он должен выполнять социально-консолидирующую функцию, т.е. способствовать более прочному объединению крымских татар, говорящих на разных территориальных диалектах, в сильную нацию с развитой культурой. Без единого, общего для всех литературного языка не могут оптимально функционировать формирующиеся крымскотатарские общественно-политические и культурные институты, не могут развиваться система образование и наука,

Единой системы ортологии крымскотатарского языка до сих пор не создано. Нормы грамматики и орфографии отражены в существующих учебных пособиях, однако и здесь имеются проблемные участки, которые нуждаются в осмыслении и переоценке с позиций современных социальных реалий и теории языка. Не кодифицированы до сих пор нормы словоупотребления и орфоэпии. В крымскотатарской лексикографии отсутствуют специальные справочники по орфоэпии с разработанной системой транскрипции. До сих пор не составлен даже толковый словарь, который призван регламентировать правильное употребление слов (в соответствии с их значением), их правильное написание, сочетаемость и в определенной степени – произношение.

Сохранение и развитие культур коренных народов Крыма может быть осуществлено двумя путями: 1. при осознанном желании этнического сообщества, воплотившемся в формулу национальной идеи; 2. в рамках корректной государственной национальной политики Украины.

Формирование национальной идеи в любом сообществе и в любое время – процесс сложный и не очень управляемый. Несомненно, процессы формирования и принятия обществом национальной идеи во многом обусловлены количеством особей, входящих в состав этноса, а также уровнем его пассионарного напряжения. И в этом плане крымские татары находятся, так сказать, в более благоприятном по сравнению с караимами и крымчаками положении, потому что их больше и потому что они полвека прожили вне родины и до сего дня не могут решить все проблемы репатриации. Национальная идея крымских татар, которую исповедует большая часть сообщества, – это комплексная идея восстановления отнятой государственности и сопряженных с ней проблем (реабилитация народа, определение его социального статуса, реституция и др.).

Что касается крымских караимов и крымчаков, вопрос о национальной идее, думается, для них сегодня неактуален. Тем не менее, и караимы, и крымчаки намерены в той или иной форме сохранить свои языки и культуру. В Крыму функционируют ассоциация крымских караимов «Къырым карайлар» и республиканское культурно-просветительское общество крымчаков «Кърымчахлар», усилиями которых издаются разного типа учебные пособия (словари, самоучители). Однако процессы ассимиляции этих народов, прежде всего в языковом аспекте, сегодня представляются необратимыми. Носителей крымского варианта караимского языка осталось 10–20 человек, крымчакского – несколько человек. Тем не менее караимы пытаются возродить свой язык для практического использования в семье. В Евпатории функционирует воскресная школа, слушателей которой разговорному караимскому языку учат носители языка старшего поколения, не имеющие педагогического (филологического) образования. Последняя воскресная школа такого типа у крымчаков закрылась в 1997 г. Крымчакский язык фактически уже вошёл в список мёртвых языков. Основная цель крымчаков – сохранить свой язык как памятник этнической культуры.

Проблемы возрождения языков и культур коренных народов Крыма, особенно караимов и крымчаков, сегодня волнуют только их самих. Украинский и крымский истеблишмент занимается этими проблемами только под нажимом «снизу». И здесь следует вспомнить, с каким трудом проходил в Украине процесс ратификации “Европейской хартия региональных языков или языков меньшинств” (Страсбург, 5 ноября 1992), которая вступила в силу только с 1-го января 2006 г. В рамках Хартии Украина отвечает за сохранение и развитие 13 миноритарных языков, среди которых караимский и крымчакский языки не значатся [4]..

Оптимальное решение проблем возрождения традиционных культур коренных народов Крыма возможно при активизации усилий самих сообществ в рамках корректной национальной политики государства Украина.

Список литературы

1. ЭмировоА.М. Актуальные проблемы возрождения языка крымских караимов // Святыни и проблемы сохранения этнокультуры крымских караимов – караев. Материалы научно-практической конференции в рамках Междкнародного этнографического фестиваля «Караи собирают друзей» (Симферополь – Евпатория – Джуфт Кале, 14 – 16 сентября 2007). – Симферополь, 2008. – С. 249–253.
2. Емiрова А.М. Шляхи вiдродження і розвитку кримськотатарської мови // Україна – Туреччина: минуле, сучасне та майбутне. Збірник наукових праць. – Київ, 2004. – С. 410–414.
3. Эмирова А.М. Русско-крымскотатарская интерференция и проблемы возрождения миноритарных языков Крыма // Вісник Луганського національного педагогічного університету ім.. Т. Шевченка. –2007, № 18 (134). – С. 183–192.
4. Эмирова А.М. Языковая політика на Украине: нове реалии // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбыи современность» (Москва, 19 – 22 марта 2007). – Москва, 2007. – С. 753–754.

А.Н. Яковлев

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ТИПОЛОГИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМУ

Отношения между этнической, конфессиональной и политической сферами жизни общества никогда не были простыми. Они тесно переплетены и нередко порождают противоречия или конфликты. Вместе с тем, нельзя отрицать того, что этноконфессиональные и политические процессы, рассматриваемые в территориальном плане, могут нести конструктивный заряд изменений в организации пространства на уровне региона или страны. Эти изменения связаны с возможностью учета в региональном анализе экономической и политической ситуации наличия территорий с повышенным уровнем проблемности по определенным аспектам его жизнедеятельности. Полиэтничный регион, которым является современный Крым, создает географам оригинальный полигон для политико-географических исследований таких проблемных территорий. Одним из аспектов подобных исследований является анализ территориальных особенностей развития противоречий возникающих в этноконфессиональной системе Крымской автономии с дальнейшим выделением типологически целостных территориальных единиц – носителей конфликтогенности.

Основная масса исследований посвященных межэтническим и межконфессиональным контактам в современном Крыму принадлежит историкам и политологам среди которых следует выделить работы Габриэляна О.А. [1], Григорьянца В.Э. [2,3], Ишина А.В. [3,4], Мальгина А.В. [5], Никифорова А.Р.[6] и др. При этом, лишь в работах географов Швец А.Б. [7,8,9,10] и Шевчука А.Г. [3,4] этот вариант анализа проводится с позиций территориальных

особенностей развития противоречий, возникающих в этноконфессиональной системе крымской автономии.

В данной работе целью является выяснение территориального аспекта типологии социокультурных противоречий в современном Крыму.

В работе поставлена задача определения форм территориальной организации социокультурных противоречий, выделяемых на основе их типологической однородности.

Этнические и конфессиональные противоречия – это своеобразная разновидность социокультурной конфликтности. Под социокультурной конфликтностью следует понимать особый вид проявления общественных противоречий, который затрагивает сферу идентичности человека или группы людей. Идентичность, как правило, наиболее ярко и остро проявляется в сфере этнического и конфессионального самосознания людей. Эти сферы самосознания наиболее ревностно сохраняют информацию о ценностном комплексе этноса или религиозной группы.

По этой причине противоречия и конфликты, возникающие на этнической или конфессиональной почве, являются синонимами социокультурных, т.е. имеющими место в обществе в момент позиционирования определенными группами своих культурных ценностей. Ущемление религиозных ценностей этноса автоматически вызывает реакцию его мобилизации для защиты культурно-исторического ядра, в котором концентрируются ценностные доминанты этноса. Ценности можно определить как обобщенные представления людей относительно целей и норм поведения, сохранения традиций и групповой идентичности. В ценностях воплощается исторический опыт и культура отдельных групп, они служат своеобразным стандартом их поведения. Следовательно, социокультурная конфликтность объединяет обширную группу конфликтов, возникающих как реакция самозащиты группы людей в те моменты, когда совершается попытка изменения или уничтожения их ценностных ориентиров в области этнического или конфессионального мироощущений.

В современном Крыму социокультурная конфликтность имеет как минимум две разновидности: межэтноконфессиональную и социально-экономическую.

Межэтноконфессиональная конфликтность в современном Крыму имеет латентный характер и высокую степень политизированности. Объективно в автономии отсутствуют причины для возникновения межэтноконфессиональной конфликтности, что доказал почти двадцатилетний период мирной репатриации ранее депортированных из Крыма народов, хотя в конце 1970-х годов некоторые аналитики строили самые мрачные прогнозы в отношении межэтнических контактов в пространстве христианского Крыма.

Особая разновидность социокультурной конфликтности – социально-экономическая, возникающая в процессе изменения отношений различных общественных групп к

собственности. В этот процесс подключаются все этносы и религиозные организации в переходный период развития общественной системы.

Собственность и варианты овладения ею, образуют в постсоветском обществе благодатную почву для развития социально-экономической конфликтности. Особое звучание этот тезис получает в условиях системного кризиса, который в настоящее время переживает Украина, и который в полиэтническом государстве чреват девальвацией национальных ценностей и ксенофобией. В Крыму социально-экономическая конфликтность проявилась в сфере земельных отношений.

Несбалансированная на государственном уровне репатриация и амбициозность крымских элит послужили серьёзной причинной возникновения на полуострове устойчивого поля межэтнического напряжения, выражающегося в появлении этноконфессиональных и социально-экономических противоречий преимущественно между двумя наиболее многочисленными и влиятельными культурно-историческими группами населения Крыма: славяно-православной и тюрко-мусульманской.

Однако, непременно следует оговорить то, что отнесение конфликта к «социокультурным» не связано с возможным представлением о том, что различным культурам имманентно присуща некая враждебность. Социокультурный конфликт есть разновидность более широкой группы конфликтов, получившей в конфликтологии наименование социальных, то есть имеющих место в любом обществе. Культура составляет неотъемлемую часть общества. В нем всегда имеются носители различных культурных ценностей. Но существование в обществе культурных различий между группами людей не является причиной конфликтов. Действительные причины возникновения противоречий между носителями различных культур могут различаться от случая к случаю. В самом общем виде они могут быть обусловлены чувством опасения, возникающим у носителей культуры из-за воспринимаемой ими угрозы нарушения своей идентичности. Но даже в этом случае носители различных культур начинают конфликтовать не друг с другом, а с представителями властной элиты, которые, как правило, продуцируют такую угрозу собственной трактовкой традиционных ценностей культуры в различных сферах жизни общества. Это значительно усложняет рассмотрение социокультурной конфликтности, вводя в неё этнополитический конфликтный элемент.

Одним из важных разделов любого географического исследования является типология пространственных проявлений объекта исследования, в нашем случае - социокультурной конфликтности. Типология пространственных явлений и процессов позволяет взглянуть на них интегративно, в совокупности многих уникальных черт и характеристик. Типологический подход позволяет выделить в изучаемом регионе формы территориальной организации объекта исследования. В случае с конфликтностью типология её проявлений

может создать модель изучения этого объекта, методологию исследования обширного спектра конфликтных проявлений. На сегодняшний день в отечественной экономической и социальной географии нам не известны попытки пространственной типологии проявлений социокультурной конфликтности.

Экономическая и социальная география постсоветского периода рассматривает этноконфессиональные и политические противоречия фрагментарно, выясняя их причины и последствия для экономики, экологии, территориального управления и т.д. Однако, не менее важной представляется формулирование комплексной стратегии изучения социокультурной конфликтности, посредством типологизации её причин, факторов возникновения, территориальных проявлений и вариантов разрешения [11].

Одной из основных проблем типологических разработок является проблема отбора признаков, критериев типологии. Среди возможных вариантов построения критериев в данной работе предлагаются следующие:

1) Количественный - базируется на количественных показателях проявлении социокультурных противоречий на исследуемой территории, т.е. на интенсивности их актуализации за определенный временной период. Несмотря на то, что количественные характеристики более присущи классификационному этапу, предшествующему типологическому, каждая общественно географическая работа должна завершаться картографическими моделями, на которых зачастую отображаются собранные статистические данные, соотносимые с каким-либо территориальным объектом. В нашем случае данный критерий необходим для установления территории с разной интенсивностью проявления противоречий и дальнейшим их подразделением. К примеру: на типологические группы с высокой, средней, низкой степенью проявления социокультурных противоречий. Данный критерий определяет наиболее конфликтогенные территории, но не учитывает базис их возникновения и формы организации. Отображает общее количество зафиксированных противоречий с учетом их локализации внутри региона.

2) Причинно-содержательный - критерии определяет, на основе какой из сфер жизнедеятельности общества сформировалась основная масса локализованных на данной территории противоречий. Вся широта противоречии, возникающих в обществе, ранее нами была условно подразделена на группу несущую культурно-ценностную нагрузку и отнесена к межэтноконфессиональной разновидности социокультурной конфликтности, и группу противоречий формирующихся в результате несбалансированности социально-экономических отношений. Обе вышеуказанные формы социокультурных противоречий являются главными составляющими причинно-содержательного критерия.

3) Пространственно-временной критерии - необходим для установления динамики социокультурных противоречий. Указывает на ситуативность или относительное

постоянство проявлений противоречий, как за определенный временной промежуток, так и на определенной территории. По содержанию, данный критерии можно разделить на две следующих формы:

а) Стационарная - характеризует территории с относительно стабильным проявлением противоречий, т.е. за рассматриваемый временной период в раионе, городе, сельсовете и т. д. (в зависимости от генерализации исследования) постоянно присутствовал конфликтогенный фактор.

б) Дисперсная – конфликтные ситуации возникали бессистемно (носили ситуативный характер), не имея определенного временного и территориального постоянства проявления.

Географическая типология предполагает выявление территориальных единиц, в пределах которых конфликты локализуются и приобретают интегративную характеристику. Нам представляется, что пространственная типология конфликтов может строиться по принципу выявления ареалов, зон и районов локализации конфликтов.

Для выделения типологически целостных территориальных единиц, несущих конфликтогенную основу в современном Крыму, был проведен мониторинг проявлений социокультурных противоречий, зафиксированных средствами массовой информации Крыма и Украины в период с 1991 по 2008 годы, то есть тех, которые в процессе своей актуализации приобрели определенный общественный резонанс. В этом мониторинге был выделен классификационный этап. Его содержание составили паспортизация и распределение выявленных противоречий на межэтноконфессиональные и социально-экономические формы.

На основе полученных данных, было установлено, что в Крыму подавляющее большинство противоречий приурочено к определенной группе административных районов и горсоветов, четко обособленных от остальных более высокими количественными показателями конфронтационных проявлений и более разнообразными формами их организации. В состав упомянутых территорий вошли Симферопольский, Бахчисарайский, Белогорский административные районы АРК и территории Ялтинского, Алуштинского, Судакского, Феодосийского горсоветов. В этих регионах текущее пятилетие особенно четко зафиксировало тенденцию сосредоточения конфликтных проявлений обеих выделяемых разновидностей [12].

Таким образом, уже сейчас можно говорить о том, что в Крыму сформировалось пространство с устойчивой социокультурной напряженностью. Оно выделяется с учетом совокупного проявления межэтноконфессиональных и социально-экономических противоречий. При более тщательном рассмотрении упомянутого пространства устойчивой социокультурной напряженности в его пределах можно выделить ещё две типологически целостные группы территорий - зоны. Первая зона устойчивой социокультурной напряженностью - предгорная с явным преобладанием межэтноконфессиональной формы социокультурных противоречий.

Её формируют: Симферопольский, Бахчисарайский и Белогорский районы. Вторая южнобережная - с преобладанием социально-экономических противоречий, представленная горсоветами Ялты, Алушты, Судака, Феодосии. В пределах упомянутых территорий наиболее остро проявил себя так называемый «земельный вопрос», актуализированный в виде самовольных захватов земельных участков в пределах наиболее экономически доходных регионов Крыма.

Еще одной формой территориальной организации социокультурной конфликтности в современном Крыму могут выступать ареалы. На сегодняшний день можно говорить об одном сформировавшемся ареале устойчивой социокультурной напряженности – Симферопольский. Данный ареал выделяется, прежде всего, на основе особенно высоких количественных показателей зафиксированных противоречий, резко превосходящих показатели других территории. Компактностью сосредоточения конфликтных проявлений вокруг центра (г. Симферополя) т.е. на основе его территориальной целостности, а так же явным преобладанием межэтноконфессиональных форм социокультурных противоречий над социально – экономическими, с характерным возрастанием доли последних от центра к периферии. Следует оговорить так же, что упомянутый Симферопольский ареал устойчивой социокультурной напряженности и его границы территориально не соотносится с границами Симферопольского района. Внутри предгорной зоны Симферопольский ареал включает в себя по два поселковых совета Бахчисарайского и Белогорского районов, включенных сюда исходя из принципа территориальной монолитности ареала.

Наименьшей площадной единицей территориальной организации социокультурных противоречий в Крыму являются ядра полностью соотносимые со следующими административными центрами: Симферополь, Белогорск, Бахчисарай в которых показатели конфликтных проявлений многократно превосходят обще районные показатели. К ядрам устойчивой социокультурной напряженности следует отнести так же города Саки и Евпатория.

На остальной территории Крымского региона доминирует дисперсная форма организации социокультурной конфликтности не формирующая на данном этапе типологически целостных территориальных форм социокультурных противоречий.

Не имеет смысла говорить о нерушимости границ выявленных территориальных форм устойчивой социокультурной напряженности, поскольку сам феномен социокультурной конфликтности отличается высокой пространственно-временной динамикой. В Крыму латентно развиваются социокультурные противоречия в западной и юго-западной частях полуострова в пределах Сакского района и Евпаторийского горсовета, имеются отдельные очаги напряженности в пределах Керченского полуострова. Эти регионы формируют

своеобразный промежуточный анклав между территориями с высокой и низкой степенью социокультурной напряженности. К последним относятся степные пространства Крыма.

Перспектива изучения социокультурных противоречий в Крыму связана с дальнейшей детализацией форм территориальной локализации этого вида конфронтационного поведения различных этнических групп. Такая детализация позволит рассмотреть дополнительные критерии типологического изучения социокультурных противоречий в современном Крыму, что вероятно приведет к выделению новых типологически целостных групп территории несущих заряд конфликтогенности.

Список литературы

1. Габриелян О.А., Ефимов С.А., Зарубин В.Г. и др. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. – Симферополь,1998 . – 340 с.
2. Григорьянц В.Э. О некоторых особенностях развития социокультурной ситуации в Крыму // Пилигримы Крыма. / Сб. науч. Статей и материалов. Вып.2 (7). Новая и новейшая история Крыма. – Симферополь: Крымский Архив. 2003. С.28-35.
3. Григорьянц В.Э., Ишин А.В., Шевчук А.Г. К вопросу о государственно-конфессиональных отношениях в Украине и АРК. – Симферополь: Крымский Архив, 2004. – 52 с.
4. Ишин А.В., Шевчук А.Г. Православие и ислам в Крыму: проблемы взаимодействия // Пилигримы Крыма. / Сб. науч. Статей и материалов. Вып.2 (7). Новая и новейшая история Крыма. – Симферополь: Крымский Архив. 2003. С.269-272.
5. Мальгин А.В. Новое в самосознании этнических групп Крыма // Остров Крым. Альманах. 1999-2001. Ч.2. №1. – E:// ok\part 2\ Novoe.htm.
6. Никифоров А.Р.Этнические процессы в современном Крыму // Этнография Крыма X1X-XX вв. и современные этнокультурные процессы./ Материалы исследований. – Симферополь. 2002. С.94-99.
7. Швец А.Б. Крымский вектор социокультурной конфликтности // Культура народов Причерноморья. 2001. № 26. – С.291-293.
8. Швец А.Б. Русско-украинские отношения в Крыму: противостояние амбиций или диалог культур? // Этнография Крыма X1X-XX вв. и современные этнокультурные процессы./ Материалы исследований. – Симферополь. 2002. С.143-146.
9. Швец А.Б. Этноконфессиональное пространство Крыма // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. География. Т.17 (56). 2004. № 4. С.233-241.
10. Швец А.Б. География неустойчивого развития в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2007. Т.20 (59). – С.123-130.
11. Швец А.Б., Яковлев А..Н. Типологический подход в исследовании социокультурной конфликтности // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. География. Т.20 (59). 2007. № 2. С.73-77
12. Швец А.Б., Беднарский И.Г., Яковлев А.Н. Проявления социокультурной конфликтности в Крыму // Культура народов Причерноморья. 2006. № 73. – С.165-175.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ КРЫМСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Н.В. Бекиров

ОБ ОТНОШЕНИИ КРЫМСКИХ ТАТАР К ИНСТИТУТАМ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ «КРЫМСОЦИС»)

Настоящая статья написана на основе материалов исследования социологической службы «Крымсоцис» и посвящена анализу отношения крымскотатарского народа к основным институтам национального самоуправления – Курултаю и Милли Меджлису, их будущему, к деятельности крымскотатарских депутатов различного уровня.

Инструментарий исследования разработан С.А.Ефимовым при участии Р.Д.Куртсеитова. Полевой этап социологического опроса проведен под руководством Р.Д.Куртсеитова 7 - 10 сентября 2007 года в 59 населенных пунктах 16 районов и горсоветов Автономной Республики Крым. Первичный анализ полученных материалов осуществлен С.А. Ефимовым. Всего опрошено 1002 человека. Из них мужчин - 47,7%, женщин – 52,3%. По возрасту респонденты распределены следующим образом: 18-24 года - 19,3% ; 25-29 лет - 15,7%; 30-39 лет - 16,0%; 40-49 лет - 17,0%; 50-59 лет - 14,1%; 60 лет и старше - 17,9%. Среди опрошенных проживают в городах 26,7%, в поселках городского типа – 15,5%, в селах – 57,8%. В настоящей статье данные опроса приводятся в процентах к числу опрошенных.

Крымские татары - динамичный и уверенный в своих силах народ. Более 60% считают, что их жизнь складывается в большей степени в зависимости от них самих, чем от внешних обстоятельств. Социальные проблемы, которые их заботят в наибольшей степени, это: постоянная работа - 47,2%, возможность получить дом или иное жилье - 50,3%, получение земельного участка для строительства дома – 42,7%. Более 53% ощущают недостаток взаимопонимания между людьми различных национальностей, а более 63% не хватает уверенности, что в Крыму не будет межнациональных конфликтов.

Наибольшая часть вернулась в Крым между 1988 и 1995 годами, наибольший приток был в 1991 году – 17,8%, а в 1990 и 1992 по 13% с лишним. В последние пять идет в Крым прибывает по 0,2-0,5% в год.

Более 40% принимали участие в национальном движении еще до возвращения в Крым, в настоящее время 16,4% принимают участие постоянно, 55,%%, когда этого требует обстановка.

Из всех прибывших в Крым только 7,3% приехали по государственной программе, 91% сделали это самостоятельно.

Помощь на обустройство от государства деньгами получили 12,9%, помощь в виде стройматериалов получили 4,7%, жилплощадью - 10,8%. Удовлетворены своими жилищными условиями 66%, совершенно неудовлетворены 10,1%. В большей или меньшей степени удовлетворены тем, как питается семья, более 70%, совершенно не удовлетворены 4,6%. Это опасная цифра – около 5% наших соотечественников здесь в Крыму испытывают затруднения в удовлетворении этой базовой потребности.

У почти 27% за пределами Крыма остались члены семьи, которые хотят вернуться, у более 42% есть такие родственники.

57,7% крымских татар, живущих в Крыму, собираются жить там, где они находятся сейчас, в другую местность Крыма хотят переехать 19,8%, пока еще не приняли окончательного решения 18,1%.

Только 15,6% крымских татар считают, что политика украинского государства соответствует их интересам, 54,7% оценивают ее, как несоответствующую интересам таких людей, как они. 45,2% полагают, что у них по сравнению с людьми других национальностей равные шансы на достижения успеха в жизни, 40,9% с этим не согласны.

То, что Крым должен быть автономной республикой крымских татар в составе Украины считают 69,4%, не согласны с этим 12,5%.

6,8% являются членами общеукраинских политических партий. Надо отметить, что в среднем по миру это 5%, то есть крымские татары политически более активны, нежели среднестатистические жители Земли.

В прошлых выборах принимали участие 73%. Далеко не все знают, сколько депутатов-крымских татар избрано в Верховную Раду АРК. Ответы удивительные: от 1 до 92, хотя 40% называют число 7-9. То, что их 7, знают 20,2% крымских татар.

Разошлись мнения относительного того, правильно ли, что фракция «Курултай-Рух» работает совместно с блоком «За Януковича», коммунистами, блоком Витренко, партией «Союз», блоком «Не так» в крымском парламенте. Одобряет это 13,1%, считает, что это вынужденная мера 37,2%, не одобряют 49,6%.

Работу Верховной рады АРК в целом оценивают как эффективную около 28% крымских татар, как малоэффективную 72%. Только 8,9% опрошенных смогли назвать фамилию депутата из фракции «Курултай-Рух», который сделал что-либо положительное для них, их семьи или других крымских татар, проживающих с ними в одном населенном пункте, затруднились с ответом 91%.

Очень интересная картина в оценке деятельности фракции «Курултай-Рух» в вопросах восстановления прав крымских татар и решении различных проблем. Около 36% оценивают

работу этой фракции в вопросах восстановления политических прав крымскотатарского народа как хорошую или удовлетворительную (хотя возникает вопрос, а как именно, в какой форме, эта фракция вообще занимается этими вопросами? Они выдвинули какие-либо предложения в этой части, поставили их на голосование?).

Работу этой фракции в решении экономических проблем репатриантов как хорошую или удовлетворительную оценивают около 34%, в создании условий для завершения возвращения крымских татар из мест депортации - около 28%, по обеспечению обустройства уже вернувшихся - чуть больше 27%.

Правда работу фракции «Курултай-Рух» по сохранению и развитию крымскотатарского языка, возрождению культуры крымскотатарского народа положительно оценивают более 63% (опять-таки интересно, какие именно предложения по этому вопросу в Верховной Раде фракция выдвигала, как защищала их?).

В деле наделения репатриантов земельными участками оценивают деятельность «Курултая-Руха» хорошо 9,5%, удовлетворительно 19,7%, неудовлетворительно 38,6%, затрудняются с ответом (по-видимому, ничего об этом не знают) 32,1%.

Одним из водоразделов между моей позиций и позицией руководителей Милли Меджлиса является отношение к Курултаю и его будущему. На заседании Милли Меджлиса 19 августа 2007 года Председатель Центральной Избирательной Комиссии по выборам делегатов Курултая Ахтем Чийгоз доложил, что в выборах делегатов 5-го Курултая приняло участие более 60 000 избирателей крымских татар, что, по его мнению делает будущий Курултай легитимным в соответствии с правилами, установленными последней сессией 4-го Курултая. Но вот что показывают цифры. Непосредственно в собрании избирателей принимало участие 13,6% крымских, знают, что принимали участие члены их семьи 12,8%. То есть вместе – 26,4%. Вот вам и обязательная одна треть! Ее не было.

Правда был найден незаконный по нашим правилам механизм – сбор подписей от имени избирателей за того или иного выборщика – в этом принимали участие 17,3%. Вместе с реальными собраниями это дает необходимые 33,7%. Вот такими подтасовками и сколачивался делегатский корпус. 42,3% заявили, что они ничего не знают о выборах делегатов Курултая у них по месту жительства, а еще 14,2% твердо заявили, что собрания избирателей у них не проводились. То есть, в соответствии с данными опроса, как минимум, 55,5% наших соотечественников заведомо были отстранены от выборов Курултая!

При этом только 10,3% крымских татар знают нынешние правила выборов делегатов Курултая хорошо, 28,4% знают их в общих чертах, 15,9% кое-что слышали о них, 45,2% практически их не знают. Трудно ли было в таком случае манипулировать выборами?!

После этого понятно, что только 12,7% оценили проведение выборов, как прошедшие в соответствии с избирательными правилами, 11,5% - как прошедшие с частичными

нарушениями, 7,3% - как выборы с грубыми нарушениями (отнимите эту цифру от необходимой трети, что получится?), а 68,%% затруднились ответить на этот вопрос. Однако суммарно оценили состоявшиеся выборы как демократические всего лишь 26,6% опрошенных крымских татар.

На мой взгляд, то, что Курултай теперь официально избирается заведомым меньшинством крымскотатарского народа, изначально делает его и избираемый им Милли Меджлис нелегитимными. Это просто превращает в прошлом представительный орган крымскотатарской нации в одну из многочисленных общественных организаций или точнее партий. В соответствии с полученными в результате соцопроса цифрами, эта партия в лучшем случае (без учета грубых нарушений) представляет чуть более 26% крымских татар. Монополия одной партии на власть существовала долго – 70 лет, называлась она КПСС, и против этого в те времена яростно боролся молодой Мустафа Джемилев. Сегодня такую монополию среди крымских татар он считает нормой.

Не удивительно, что работу 4-го Курултая оценивают хорошо или удовлетворительно около 40%, работу Милли Меджлиса - 43%. Иными словами, большинство народа к этому относится иначе.

Есть ли выход? Мне кажется, да. Он также заложен в ответах наших соотечественников. Лишь 16,8% считают, что Курултай должен избираться двухступенчато, как сейчас. 38,2 процента (в два раза больше!) считают, что Курултай должен избираться прямыми всеобщими выборами при тайном голосовании. Для того, чтобы Курултай, по мнению 10,6% респондентов, мог представлять крымскотатарский народ в отношениях с государством и другими органами, организациями и лицами, он должен представлять не менее 1/3 избирателей-крымских татар, живущих в Украине (то есть, как сегодня). А вот что он должен представлять не менее1/2 избирателей-крымских татар, живущих в Украине, считает 44,7%. Я уверен, что за этим будущее!

Чтобы внести некоторую ясность в вопрос о популярности различных крымскотатарских политиков, респондентам задавался вопрос о том, кого из приведенных в списке публичных политиков, ученых, журналистов хотели бы видеть народными депутатами Украины? Отвечающий мог отметить несколько вариантов. Вот что получилось (фамилии приведены в алфавитном порядке): Абдуллаев Азиз - 12,8%; Абдуллаев Куртсеит - 2,7; Абдураимов Васфи - 3,6; Аблаев Решат - 3,0; Авамилева Эмине - 13,9; Безазиев Лентун - 4,9; Бекиров Надир - 24,0; Буджурова Лиля - 40,5; Гафаров Эдип - 5,2; Джемилев Мустафа - 38,8; Джемилева Сафинар - 5,7; Джеппаров Абдурешит - 1,9; Ибадуллаев Нариман - 2,3; Ильясов Ремзи - 6,5; Кадыров Синавер - 4,9; Кубединов Февзи - 1,7; Мустафаев Айдер - 2,9; Салиев Сервер - 6,6; Сеттаров Рает - 5,1; Сулейманов Абмеджит - 1,4; Теминдаров Смаил - 3,4;

Умеров Ильми - 22,5; Хайбуллаев Шевкет - 5,3; Хайрединов Эреджеп - 2,4; Хубединов Кубедин - 3,4; Чубаров Рефат - 46,4; Эмиров Айдер - 1,8; Якубов Февзи - 24,6.

На вопрос «А кого из приведенного списка Вы хотели бы видеть депутатом Верховной Рады АР Крым?» были получены следующие ответы: Абдуллаев Азиз - 12,0%; Абдуллаев Куртсеит - 4,1; Абдураимов Васфи - 3,1; Аблаев Решат - 3,1; Авамилева Эмине - 14,6; Безазиев Лентун - 4,8; Бекиров Надир - 22,3; Буджурова Лиля - 36,8; Гафаров Эдип - 3,6; Джемилев Мустафа - 24,4; Джемилева Сафинар - 6,2; Джеппаров Абдурешит - 1,8; Ибадуллаев Нариман - 3,8; Ильясов Ремзи - 7,1; Кадыров Синавер - 6,4; Кубединов Февзи - 1,5; Мустафаев Айдер - 3,9; Салиев Сервер - 6,2; Сеттаров Рает - 6,3; Сулейманов Абмеджит - 2,7; Теминдаров Смаил - 4,4; Умеров Ильми - 19,7; Хайбуллаев Шевкет - 5,5; Хайрединов Эреджеп - 2,4; Хубединов Кубедин - 2,2; Чубаров Рефат - 32,4; Эмиров Айдер - 2,9; Якубов Февзи - 28,9.

Приведенные данные могут послужить ориентиром как самим политикам, так и читателям. Надо лишь учитывать, что рейтинг – вещь абсолютно непостоянная и зависящая от многих факторов. Так, например, на четвертой сессии 4-го Курултая Председатель Милли Меджлиса также докладывал о данных соцопроса, проведенного независимыми исследователями: «Могу только сказать, что наиболее популярным, пользующимся наибольшим доверием и уважением наших соотечественников политиком, депутатом и членом Меджлиса крымскотатарского народа оказался Рефат Чубаров. Ему выразили полное доверие 73,4%: опрошенных». Надо сказать, что у Р. Чубарова и сегодня великолепный рейтинг, но примерно в два раза ниже, чем в декабре 2005-го. Я полагаю, это в том числе и его собственных рук дело.

В завершение я хочу снова обратиться к моим теперь уже политическим оппонентам Мустафе Джемилеву и Рефату Чубарову. Вы - не случайнее люди в национальном движении. Мустафа эфенди, Вы - один из его основателей. После того, как нынешняя украинская власть, воплощенная в политическом блоке НУНС, открыто отказалась поддержать на самом высоком в мире уровне – в ООН – признание прав коренных народов, то есть в том числе и нашего с вами, крымскотатарского народа. возможно ли оставаться в его списках и призывать народ голосовать за него на предстоящих выборах? Я уверен, что в глубине души, для Вас до сих пор приоритетом являются права и свободы нашего народа, а не депутатский мандат и благоволение властей. Сделайте шаг, который это докажет всем, выйдите из этих списков, соберите в течение 2-3 дней, как обещали когда-то, Курултай, пусть и неполноценный, но хотя бы как ваш совещательно-консультативный орган, и найдите решение, которое не будет делать крымских татар заложником политических игр в украинских верхах.

С.А. Ефимов

КРЫМСКОЕ СЕЛО НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ: МАТЕРИАЛЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА

Представляемый материал подготовлен в рамках участия автора в проекте Крымской республиканской ассоциации «Экология и мир» по разработке программ устойчивого развития сельских общин. В августе-сентябре 2007 года было опрошено 1053 человека, проживающих в 10 селах трех сельсоветов АР Крым [Заветненский сельский совет Ленинского района (300 человек, 28,5% от опрошенных); Первомайский сельский совет Симферопольского района (427 чел., 40,6%); Целинновский сельский совет Джанкойского района (326 чел., 31,0%)].

В соответствии с итогами Всеукраинской переписи населения 2001 года в «столичных» селах сельсоветов пропорционально проживающему населению было опрошено 71,2% респондентов. По возрасту респонденты распределены следующим образом: 18-24 года – 11,0%, 25-29 лет – 11,8%, 30-39 лет – 22,6%, 40-49 лет – 21,8%, 50 - 59 лет – 15,6%, 60 лет и старше – 17,2%; по полу: мужчин - 43,6%, женщин - 56,4%; по образованию: начальное/неполное среднее – 13,4%, среднее и среднее специальное – 64,7%, высшее и незаконченное высшее – 21,9%; по национальности: крымские татары – 11,6%, русские – 44,2%, украинцы – 41,4%.

Среди опрошенных: квалифицированных рабочих - 10,0%; разнорабочих, подсобных работников - 9,7%; работников сельхозпредприятий - 5,5%; специалистов, занимающихся работой, требующей высшего или среднего специального образования - 16,1%; работников правоохранительных органов, военнослужащих - 1,6%; занятых индивидуальной трудовой деятельностью, предпринимателей, фермеров - 4,6%; студентов, учащихся - 4,9%; руководителей/ заместителей руководителя предприятия, учреждения - 1,4%; руководителей подразделений (отделов, цехов) предприятий, учреждений - 1,5%; не имеющих постоянной работы, подрабатывающих в разных местах в зависимости от обстоятельств - 8,8%; не работающих и не имеющих никаких источников дохода - 1,9%; домохозяек - 9,8%; зарегистрированных безработных - 2,5%; неработающих пенсионеров - 18,8%.

Ниже приводятся распределения ответов респондентов в процентах к числу ответивших.

ОБЩИЕ ЖИЗНЕННЫЕ УСЛОВИЯ

В какой степени Вы удовлетворены ?	*1**	*2*	*3*	*4*	*5*
доступностью медицинской помощи	26,2	18,5	28,6	21,7	5,0
качеством медицинской помощи	26,3	17,2	29,7	20,7	6,0
работой детского сада	29,1	7,7	28,5	23,8	10,9
работой школы	12,1	8,8	33,8	31,9	13,5
обеспечением личной безопасности на улице, в общественных местах	35,4	17,7	24,9	14,2	7,8
работой общественного транспорта	10,8	9,9	17,3	41,3	20,6
условиями для отдыха, занятий спортом	50,3	21,5	19,8	6,3	2,1
условиями для досуга пожилых людей	51,9	18,9	16,9	8,3	4,0
условиями для досуга молодежи	51,5	25,2	15,9	5,1	2,3
своими жилищными условиями	13,9	16,8	23,8	35,0	10,4
в целом жизнью в своем селе	20,8	27,6	31,6	14,8	5,1

**Варианты ответов: 1* – совсем не удовлетворен, *2* - скорее не удовлетворен, *3* – трудно сказать, удовлетворен, или нет, *4* – скорее удовлетворен, 5 – полностью удовлетворен.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Какие из перечисленных ниже экологических проблем на территории Вашего сельского совета вызывают у Вас наибольшее беспокойство *(респондент мог указать несколько вариантов ответа)*		*Ранг*
загрязнение воздуха	20,7	6
загрязнение воды	41,2	3
загрязнение почвы	20,3	7
радиоактивное загрязнение	8,9	11
исчезновение редких животных и растений	10,4	9
лесные и степные пожары	36,4	4
увеличение количества отходов (мусора)	63,6	1
разрушение уникальных памятников природы	8,9	10
дефицит пресной воды	52,7	2
подъём грунтовых вод и засоление почв	22,1	5
истощение природных ресурсов	11,7	8
иной вариант на усмотрение респондента	2,6	

Какие отходы (мусор) образуются в Вашем личном хозяйстве и как Вы с ними поступаете?					
	сжигаю	*перерабатываю*	*сдаю*	*выбрасываю на свалку*	*другое*
растительные отходы	59,0	23,0	0,7	15,8	1,5
навоз, помет	6,8	69,2	1,7	18,4	3,8
пластик	59,2	0,8	2,5	37,1	0,4
стекло	1,0	1,5	22,0	74,5	0,9
бумага	87,2	0,5	4,0	8,3	-

В какой степени Вы удовлетворены …?	*1**	*2*	*3*	*4*	*5*
организацией сбора и вывоза бытовых отходов (мусора)	57,8	22,0	12,4	5,2	2,6
обеспечением питьевой водой	44,9	24,2	13,8	12,7	4,5
качеством поступающей питьевой воды	51,5	21,7	14,5	9,1	3,1
обеспечением водой для полива	54,0	18,3	15,2	7,5	5,0

**Варианты ответов: 1* – совсем не удовлетворен, *2* - скорее не удовлетворен, *3* – трудно сказать, удовлетворен, или нет, *4* – скорее удовлетворен, 5 – полностью удовлетворен.

РАБОТА, ЗАНЯТОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ

	легко	*трудно*	*не знаю*
Трудно ли найти работу в Вашем населенном пункте в соответствии с Вашей квалификацией и с достаточным заработком?	1,7	83,8	14,4
А трудно ли найти работу в Вашем населенном пункте в соответствии с Вашей квалификацией и без достаточного заработка?	4,1	78,6	17,4
А как трудно найти работу в Вашем населенном пункте с достаточным заработком, но не в соответствии с Вашей квалификацией?	1,8	76,2	21,9
А трудно ли найти какую-нибудь работу в Вашем населенном пункте?	3,9	78,4	17,7

В какой степени Вы удовлетворены своей работой в целом?	
совсем не удовлетворен	8,7
скорее не удовлетворен	14,5
трудно сказать, удовлетворен или нет	17,8
скорее удовлетворен	17,9
полностью удовлетворен	6,9
я в настоящее время не работаю	34,3

Отвечает ли характер Вашей нынешней работы Вашему профессионально-образовательному уровню?	
да	25,7
нет	43,2
трудно сказать	30,9

Какое образование Вы имеете?	
начальное/ неполное среднее	13,4
среднее/ среднее специальное	64,7
высшее/ незаконченное высшее	21,9

Удовлетворены ли Вы уровнем своего образования?	
совсем не удовлетворен	9,1
скорее не удовлетворен	21,1
трудно сказать, удовлетворен или нет	21,8
скорее удовлетворен	28,7
полностью удовлетворен	19,3

Планируете ли Вы сменить свою профессию?	
да, в ближайшее время	8,1
да, в течение 3-5 лет	11,1
нет, менять профессию не собираюсь	49,6
эта проблема меня не касается	31,2

Планируете ли Вы повысить квалификацию по имеющейся у Вас специальности?	
да, в ближайшее время	11,5
да, в течение 3-5 лет	16,8
нет, повышать квалификацию не собираюсь	40,0
эта проблема меня не касается	31,7

Хотели бы Вы получить дополнительное образование?	
да, хочу получить дополнительное образование по имеющейся специальности	15,5
да, хочу получить дополнительное образование по новой специальности	20,6
нет	38,3
эта проблема меня не интересует	25,6

Какие в Вашем селе есть возможности для развития предпринимательства и частного бизнеса? *(респондент мог указать несколько вариантов)*	
изготовление вязаных изделий	11,5
изготовление деревянных изделий	6,7
изготовление глиняных изделий	4,6
выращивание сельхозкультур	48,5
разведение домашних животных и птиц	58,1
пчеловодство	27,3
оказание услуг по ремонту автомобилей	19,4
оказание транспортных услуг	15,9
оказание строительных услуг	23,0
оказание услуг в сфере туризма	8,5
оказание услуг по ремонту бытовой техники	19,6
иной вариант на усмотрение респондента	2,9

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Как Вы считаете, от чего в большей степени зависит то, как складывается Ваша жизнь?	
главным образом от внешних обстоятельств	13,8
в некоторой степени от меня, но больше от внешних обстоятельств	23,5
в одинаковой степени от меня и от внешних обстоятельств	31,1
в большей степени от меня	21,7
главным образом от меня	10,0

Последнее время мы нередко наблюдаем рост цен. Какая линия поведения при росте цен наиболее характерна для таких людей, как Вы?	
такие люди, как я, начинают больше работать, искать дополнительные источники дохода	32,6
такие люди, как я, обычно стараются вырастить больше продуктов питания в личном хозяйстве и тем самым смягчить «удар» цен	35,9
отношу себя к тем, кто при росте цен «затягивает пояс потуже» и довольствуется тем, что есть	26,2
такие люди, как я, зарабатывают достаточно хорошо и особенно не волнуются при росте цен	3,8
иной вариант на усмотрение респондента	1,5

Как бы Вы в целом оценили материальное положение Вашей семьи?	
нищенское	4,4
бедное	26,3
среднее	63,8
зажиточное	5,2
богатое	0,3

Согласны ли Вы со следующими суждениями?	*1**	*2*	*3*	*4*	*5*
Наши односельчане дружелюбно относятся друг к другу	17,2	21,5	30,3	18,4	12,6
Односельчане стремятся помогать друг другу	15,6	22,0	31,5	18,5	12,4
Односельчанам нет дела до соседей	15,9	14,9	28,9	25,4	14,8
Односельчанам всё равно, что происходит в селе	16,5	14,7	26,3	25,3	17,3
наш сельский Голова активно работает над развитием наших сел	35,7	22,8	24,1	9,6	7,8
Нашему сельскому Голове пока не хватает знаний и умений, но он (она) старается	24,6	24,1	27,5	13,0	10,8
Наш сельский Голова озабочен, прежде всего, своими личными проблемами	8,5	5,7	23,2	23,9	38,7
У нас активные депутаты сельсовета, они стремятся решать наши общие проблемы	13,1	17,5	38,5	17,4	13,5
Депутатам нашего сельсовета ничего не надо	16,7	12,0	35,4	18,5	17,3
Депутаты нашего сельсовета плохо себе представляют, что надо делать	19,2	16,5	34,7	14,2	15,4
Я люблю своё село	50,0	22,6	17,2	5,1	5,2
Я хочу уехать из своего села на постоянное жительство в другой населенный пункт	9,5	9,4	18,8	19,9	42,4
Я не вижу в своём селе перспектив для моих детей	57,2	15,4	14,7	5,4	7,4

**Варианты ответов:1* – полностью согласен, *2* - скорее согласен, *3* – трудно сказать, согласен или нет, *4* – скорее не согласен, 5 – полностью не согласен.

Насколько активно Вы лично участвуете в решении проблем своего села?	
активно	7,1
иногда принимаю участие	39,9
скорее пассивно	26,7
совсем не участвую	26,3

Оцените по 5-ти балльной системе, кто, по Вашему мнению, и в какой степени решает судьбу Вашего села? *(1 – самое низкое влияние, 5 – самое высокое влияние)*					
	1	***2***	***3***	***4***	***5***
Сельский Голова	12,5	6,9	20,3	21,6	38,7
Депутаты сельского совета	20,9	19,2	28,3	18,1	13,5
Местные предприниматели	24,2	23,4	29,2	17,4	5,8
Активные жители	23,5	23,5	25,5	16,1	11,4
Комитеты самоуправления, органы самоорганизации	40,5	16,2	20,6	14,1	8,6
Все односельчане	32,6	20,8	22,7	12,1	11,8
Внешние инвесторы, которые вкладывают средства в развитие наших сёл	42,8	15,4	16,3	12,3	13,2
Райгосадминистрация, райсовет	36,0	16,8	20,0	13,6	13,6
иной вариант на усмотрение респондента	28,3	15,2	15,2	17,4	23,9

Какой вклад Вы готовы внести в развитие своего села? *(респондент мог указать несколько вариантов)*	
разрабатывать идеи, программы, проекты	8,0
изучать наш край и рассказывать молодёжи о его истории, проводить экскурсии	6,7
внести личный денежный вклад на важный для всех сельчан проект	8,2
заниматься образованием детей	10,5
содействовать продвижению программ и проектов (поиск поддержки среди жителей села, бизнесменов и депутатов)	9,9
бесплатно работать физически, чтобы выполнить важный для всего села проект	17,0
проводить очистку реки, родников	14,2
участвовать в благоустройстве памятников истории и культуры	13,7
бесплатно помогать пожилым и одиноким людям	14,2
организовать жителей нашего села для совместной работы	16,1
иной вариант на усмотрение респондента	1,4
не имею желания что-либо делать для развития села	16,1

Какой сценарий развития Вашего села в ближайшем будущем представляется Вам наиболее вероятным?	
наша уникальная природа сохраняется, экономика села развивается, становится больше предпринимателей, люди больше зарабатывают; условия жизни в селе становятся лучше, новый парк заложили, дом культуры заработал	15,8
растет доход жителей, магазинов больше стало, появляются новые хозяйственные объекты, активнее используются наши природные ресурсы; ущерб нашей природе наносится, но будет компенсирован после того, как экономика встанет на ноги	10,5
в нашем селе мало что изменится, разрушенное хозяйство уже не восстановить, хотя наиболее активные люди становятся предпринимателями и неплохо зарабатывают; хорошо, что хоть школа и ФАП работают	48,5
работы нет, из-за плохих условий жизни люди уезжают, село пустеет, вскоре совсем исчезнет	24,2
иной сценарий на усмотрение респондента	1,0

Е.Б. Зіятдінова

СОЦІАЛЬНІ УЯВЛЕННЯ ПРО СІМ'Ю ТА ШЛЮБ У КРИМСЬКОТАТАРСЬКИХ ЧОЛОВІКІВ 20-25 РОКІВ

Трансформаційні процеси, які зачіпають підвалини всіх сфер суспільного життя в українському суспільстві, актуалізують також проблему функціонування та адаптації її членів до зміненої ціннісно-нормативної системи суспільства. Сім'я є одним з соціальних інститутів, який виконує функції репродукування цінностей та норм суспільства; саме через неї відбувається засвоєння і збереження культурних та етнічних цінностей і культури. Створення сім'ї – один з найважливіших моментів, який впливає на подальшу успішність та тривалість шлюбу. Тому дуже важливо, на яких принципах закладається шлюб і чого від нього очікують. Важливим є знати, які саме норми і цінності підтримують функціонування сім'ї, а які, навпаки, руйнують і призводять до розлучень. Це може допомогти виробленню ефективної державної політики щодо сім'ї.

Кожна людина має певні родинні зв'язки і уявлення про те, як вони мають складатися. Кожна молода людина в певний момент життя задумується про створення своєї сім'ї і над тим, чи потрібно це саме їй. Мотиви і причини вступу в шлюб бувають різні. З розвитком сім'ї та її зміною поступово змінюється і ставлення, установки до неї. Всі ці проблеми актуалізують завдання теоретичного та емпіричного осмислення різних аспектів сімейного життя в контексті змін ставлення до неї населення, зокрема молоді в різному соціокультурному середовищі, в різних етнічних спільнотах в умовах формування єдиної української політичної нації. Виникає необхідність з'ясувати, що думають молоді люди про сім'ю, якою вони бачать свою майбутню сім'ю.

Об'єкт (за критерієм носія проблеми) – чоловіки вікової групи 20-25 років з української та кримськотатарської етнічних груп. Об'єкт (за критерієм загальної проблеми) – феномен сім'ї та шлюбу у соціальних уявленнях чоловіків. Предмет – характер уявлень про шлюб та сім'ю в чоловіків 20-25 років з української та кримськотатарської етнічних груп.

В нашому дослідженні ми не намагаємося дати універсальний або цілісний аналіз структури і розвитку сімейно-шлюбних відносин у українському суспільстві, маючи на увазі з'ясування їхньої ролі і значення для функціонування соціуму в цілому. Метою нашого дослідження є вивчення впливу соціальних уявлень про сім'ю та шлюб, які зформовані в різному соціокультурному середовищі, на подальшу успішність і міцність зв'язків в шлюбі.

В дослідженні ми ставимо наступні завдання:

- визначити поняття "соціальні уявлення" та виокремити місце в них соціальних уявлень про утворення сім'ї та укладання шлюбу;
- уточнити поняття "сім'я" та "шлюб" в межах інтерпретативної парадигми;

- на основі теорії соціальних уявлень про сім'ю розробити власну програму дослідження та провести його;
- здійснити аналіз уявлень про утворення та функціонування сім'ї у молодих чоловіків кримськотатарської етнічної групи.

Уявлення про сім'ю складають групу важливих уявлень колективної свідомості, яка утворюється на протязі всього життя людини. Теорія соціальних уявлень була розвинута з положень Е. Дюркгайма про індивідуальні та колективні уявлення [1]. Інтенсивне вивчення соціальних уявлень ("або репрезентацій") у сучасній науці розпочалося в руслі досліджень питань соціального пізнання французькою соціологічною школою під керівництвом С. Московічі. Найбільш відомими представниками цієї школи стали С. Московічі (1976, 1992), Ж. К. Абрик (1994), В. Дуаз (1994), Д. Жоделе (1989), Ж. -П. Кодол (1986) та ін [2].

На основі розробок теорії соціальних уявлень С. Московічі [3] та Д. Жоделе [4] в поєднанні з феноменологічною теорією А. Шютца [5, 6], Т. Лукмана та П. Бергера [7], можемо визначити соціальні уявлення про сім'ю та шлюб як знання, знакову систему, універсального та ідеального характеру про різні аспекти сімейного життя, переосмислені і представлені у свідомості у вигляді установок, цінностей, мотивів і т.д. Частково соціальні уявлення формуються під впливом попередніх поколінь, найближчого соціального оточення та особистого досвіду перебування в сім'ї, частково в них відображається вплив соціальної ситуації, яка змінюється, в суспільстві, державі, культурі, мистецтві, частково відображаються «глобальні дискурси» через МАС-Медіа. В соціальних уявленнях про сім'ю та шлюб відображається позиція індивіда щодо розподілу сімейних ролей, щодо «прийнятної поведінки» шлюбного партнера, щодо очікувань від нього і т.д. Проблемою застосування поняття соціальних уявлень сьогодні пов'язано все з більшим розширенням поняття соціального оточення та повсякденності, конкретного досвіду для людини. Оскільки зразки поведінки, соціальне оточення, схеми співвідношення знаків люди сприймають не лише від свого найближчого оточення, але з МАС-Медіа, які відрізняється плюралізмом ідей і схеми співвідношення знаків часто можуть не співпадати з реальними. Існує велика кількість нових зразків сім'ї та сімейної поведінки, які перебувають в квазісинхронному тлумаченні щодо індивіда. Але часто ці нові зразки можуть не працювати в нашому суспільстві. Нові зразки призводять до розмивання сімейних цінностей. Але часто вони є протиречивими і конфліктними, тому необхідним є дослідження соціальних уявлень про сімю в молоді в їхньому ж поясненні.

Будинок і сім'я в першу чергу відносяться до сфери повсякденного життя. Індивід живе, переживає своїх членів сім'ї, знаходиться в живій інтенціональності сумісного життя з ними. На думку А. Шюца, сім'я та дім означають для людини найвищу ступінь близкості та інтимності [6]. Сімейне життя зазвичай слідує організованним рутиним зразкам поведінки, має добре визначені цілі та апробовані засоби, які складаються з низки традицій, звичок, інститутів, розпорядком для всіх видів діяльності. Система релевантностей, яка прийнята

членами групи, демонструє на думку автора високий рівень конформності [6]. Людина завжди має шанс – суб'єктивно чи об'єктивно – передбачити дії іншого по відношенню до неї, так само як їхню реакцію на її дії [6]. Отже сім'ю можна назвати первинною групою по відношеню до індивіда.. Людина через цю групу пізнає світ, засвоює системи релевантностей, схеми співвідношення знаків (наприклад, співвідношення одних явищ з поняттями погано, добре), засвоює зразки поведінки та дій. Сфера побутового сімейного життя – це сфера в якій люди скоріше за все будуть відтворювати вже знайому їм поведінку, не задумуючись над нею. Тобто сімейна поведінка – це хабітуліїзована поведінка [7]. Вона для людини є очевидною данністю і не потребує якихось додаткових пояснень до того моменту, коли ситуація істотно змінюється (н-д, одруження). Однією з особливостей сім'ї є її порівняна невелика величина.

Створення сім'ї – це важливий етап в сімейному житті. Це етап, на якому відбувається зміна, доповнення членів найближчого соціального оточення, з якими ми перебуваємо в живій інтенціональності. Дуже важливим на цьому етапі є співпадіння схем співвідношень знаків та відчитування повідомлень, звичної поведінки, які дуже часто є різними. Тому шлюби партнерів з більш-менш подібною біографічною ситуацією, системами релевантностей та цінностей мають меншу ймовірність бути розірваними. В цій ситуації найважливішими для утворення сім'ї виступають соціальні фактори. Саме на цьому етапі закладається фундамент подальшої успішності і довготривалості сімейного життя.

Отже, якщо в соціальних уявленнях такий їхній різновид, як уявлення про сім'ю, є чітко визначеними, конкретними, з стійкими рольовими позиціями і поведінковими зразками і вони є узгодженими обома сторонами, то відповідно й сімейні зв'язки в новому шлюбі є міцними. Але для з'ясування цього співвідношення необхідне проведення спеціального дослідження із застосуванням якісних технологій.

Соціальні уявлення дозволяють фіксувати свою позицію щодо себе та зовнішніх явищ. У структурі уявлень про сім'ю виділяють: уявлення про себе, уявлення про партнера, уявлення про ситуації, які включають в себе цілі, сімейні ролі та функції [8, с.14-16].

Спробуємо розглянути спочатку загальні уявлення про сім'ю та шлюб, уявлення про себе, уявлення про партнера, уявлення про ситуації. Так, до загальних уявлень про сім'ю віднесемо наступні: 1) сім'я як цінність; 2) шлюб: шлюб та розлучення, дошлюбні стосунки (тривалість, близькість), пошук партнера, причини та мотиви вступу в шлюб, умови вступу в шлюб; 3) місце проживання подружньої пари; 4) структура сім'ї; 5) вплив найближчого оточення.

Сім'я залишається однією з найбільш пріоритетних цінностей для українських громадян. Так, за результатами моніторингових опитувань громадської думки у 2002 р., до найважливіших цінностей життя кримськотатарської молоді належать сім'я, кохана людина, діти, друзі, допомога близьким людям [9, с.26].

Для кримськотатарської молоді більшою мірою важливим є сам шлюб як акт ініціації переходу в інший стиль життя; він скоріше диктується потребою в шлюбному статусі, ніж у самому шлюбі. Тому в їхніх уявленнях період дошлюбних стосунків у кримськотатарських чоловіків представлений як короткий, який на меті має чітку ціль – пошук партнера для шлюбу. Але можемо прослідкувати дисонанс в цих уявленнях: з одного боку, під впливом сучасних змін і бачення західних моделей шлюбу у віртуальній реальності, молоді люди не проти пробного шлюбу, але з іншого – під впливом культурним (який великою мірою залежить від релігійних устоїв) відмовляються від нього. Так ми отримали наступні відповіді від кримських татар на питання: "Скільки часу мають тривати стосунки до одруження?": *"Якщо все буде добре півроку вистачить, місяця два, якщо я добре взнаю людину… зустрічатися так не дуже часто і не дуже рідко"; "місяця три пожити було би ідеально разом, якщо би вона захотіла… а так, якби часові рамки піджимали, вік там, то, швидко би одружився"; "можна було би пожити, але думаю, що якби йшлося про одруження, то вона би не захотіла… а так місяці три – півроку вистачило би"* [10; 11; 12].

В усіх записаних інтерв'ю з кримськотатарськими молодими чоловіками в їхніх уявленнях про сім'ю присутній компонент пошуку партнера, увага наголошується на правильності і важливості вибору такого шлюбного партнера. Так, для усіх інформаторів-кримських татар є актуальною проблема пошуку шлюбного партнера: *"Я просто вже зараз починаю відмічати когось. Там є три дівчини, які мені подобаються… одна мені подобається дуже. Пишу їй смс, поки що тільки смс, вона ще маленька. Коли зустрічаємося – є відповідна реакція…"; "якби не буде закономірного розвитку почуттів у шлюб, то… І мама скаже, все треба одружуватися, то всі родичі почнуть шукати, пропонувати різних. Я думаю, що зі мною такого не станеться, я вже думаю, до цього часу я придивлюся собі декілька варіантів" ; "там є дівчата, мачуха мені дала номер дівчини, але я ще не дзвонив…"* [12; 10; 11]. При цьому іноді родичі так само можуть бути залучені до пошуку.

З цього також випливає і важливість почуттів та кохання в побудові сімейних стосунків. Так, кримськотатарські чоловіки вважають, що "*можна і треба шукати, а не піддаватися першому почуттю"*[13], *"в світі можуть бути сотні тисяч людей, з якими можна було би зійтись і вважати, що саме це та сама половинка… не бажаючи шукати людину своєї національності, якого ви могли би полюбити… а таку людину, якщо захочете, ви обов'язково знайдете"*[13], що шлюб – це "*важливий крок, все треба продумати холодною головою, а не гарячим серцем…"*[13]. В цих словах можемо простежити культурний вплив, тобто індивідуальні міркування і сам шлюб більшою мірою залежить від соціальних міркувань, ніж від почуттів. Хоча можемо бачити деяку розбіжність в уявленнях про важливість і роль почуттів. Так, починаючи говорити про шлюб, респонденти згадують романтичне кохання і необхідність почуттів як основу шлюбу: *"…Перш за все для того, щоб утворити сім'ю*

треба закохатися, знайти дівчину…"; "почуття – це важливо… головне це почуття гармонії з нею, відчуваєш – тобі подобається"; " …я на 99% хотів би, щоби стосунки будувалися на коханні"[12; 11; 10]. Але згодом, протягом інтерв'ю, все частіше згадуються культурні та соціальні критерії, які не пов'язані з почуттями. Так, на питання "Чи достатньо одного кохання для шлюбу?" усі молоді кримськотатарські чоловіки відповіли, що ні. Це може свідчити про формування цих уявлень під впливом пропаганди стосунків, заснованих на романтичному коханні у фільмах, МАС-МЕДІА, з одного боку, і під впливом соціальних і культурних норм, характерних для цієї групи – з іншого. Можемо спостерігати і дисонанс в уявленні про кохання: з одного боку, це сучасне його трактування як індивідуальних душевних почуттів, з іншого – як почуття, що одержується за якісь заслуги або якості. Так, друге трактування несе в собі соціальний відбиток і більшою мірою впливає на шлюбну поведінку кримських татар. Це видно з таких висловлювань інформаторів: *"От подобається, близько взнав, потім можна і любити…"; "кохання – достатньо важливо. Якби дівчина була би ідеальною у всіх відношеннях і подобалась, то до кохання – недалеко…"; "не треба приймати за любов пристрасть, закоханість тощо, кохання – це взаємоповага, взаєморозуміння і глибока симпатія в сім'ї, які наживаються роками. При знайомстві кохання – немає, є не більше симпатії"*[12; 11; 14].

Отже, соціальні міркування відіграють дуже важливу роль у виборі шлюбного партнеру у чоловіків-кримських татар. Так, прослідковується дисонанс в уявленнях про дошлюбні стосунки і критеріями вибору партнера: вони мають чітке уявлення і критерії вибору партнеру, але період дошлюбних стосунків займає доволі короткий час, що не дозволяє "перевірити ці критерії".

У кримськотатарських молодих чоловіків в уявленнях про утворення сім'ї присутні діти. Саме з ними пов'язується сімейне життя. Всі респондентів пов'язали реєстрацію шлюбу із заведенням дітей. В уявленні про сім'ю як таку, діти також присутні. Сім'я і діти ставляться в один ряд значень, і одне передбачає інше: *"…Мати сім'ю, мати дітей – це… шлюб треба реєструвати, якщо будуть діти" ; "сім'я – це мама, тато, діти… Сім'я потрібна для продовження роду…"; "хочу сім'ю, щоби біля мене була дружина, дитина була, підійшла і спитала, папа, як твої справи…"; "от коли одружуся, діти підуть…"*[12; 11].

Також в уявленнях кримськотатарських чоловіків присутнє досягнення певного матеріального статусу для утворення сім'ї. Він складається з *"дому", "кусочка землі", "нормальної роботи", "свого куточка", "кар'єри", "нормального доходу", "окремого дому", "квартири"*. При цьому в кримськотатарської молоді доволі чітке означення місця проживання – окремий дім. Така установка у кримськотатарської молоді може бути одним з факторів, які впливають на гостроту земельної проблеми в Криму. Кримськотатарські чоловіки надають перевагу життю в окремому домі окремо від своїх батьків. В зображенні сім'ї фігурує подружжя з дитиною: *"Сім'я має складатися з мами, тата і дитини"; "…сім'ю хочу і все… є і*

жінка, є і дитина…"; "…від батьків повинні жити окремо, але не дуже далеко, щоби допомагали, коли дитина з'явиться…"; "краще, щоб вона чекала на мене, займалися би хатою… потім би діти пішли…"[11, 12, 10]. В одному інтерв'ю зустрічається зображення розширеної сім'ї [10]. За результатами опитування «Кримськотатарська молодь - 2002» 52% одружених (заміжніх) респондентів проживає спільно з батьками одного подружжя, 9% - мешкають спільно з іншими родичами, і менша частина 39% - проживає окремо від батьків [9, с.19]. Отже, молоде кримськотатарське подружжя, як правило, є складовою великої родини. Тобто уявлення кримськотатарських чоловіків дещо суперечать реальному стану речей. Це можна пояснити суперечливістю індивідуалізації сучасного суспільства, з одного боку, і міцністю традицій – з іншого. Так, на думку Дж. Масіоніса, неолокальність – явище, характерне для сучасних суспільств, а проживання з батьками – для традиційних [15, с.586].

Кримськотатарські чоловіки допускають проживання з батьками в батьківському домі або своєму, якщо так складуться обставини. Але проживання в домі батьків жінки є небажаним і означає приниження їхньої маскулінності. Це підтверджується такими словами: *"Я же чоловік! Я до жінки жити не переїду…"; «…жити з її батьками? Можна, але важко… Ні! Це рівнозначно тому, щоби в неї в домі жити!...Як можна жити в домі жінки… от цього я теж кардинально зрозуміти не можу. Має бути свій дім, ти маєш запросити наречену, як в нас з покон віків, а не так жити в її домі, який подарував їй тато там…"*[13; 12]. Хоча молоді чоловіки висловлюють згоду жити і з її батьками, якби склалися так обставини (наприклад, її батькам не було б з ким жити).

Отже, тема утворення сім'ї є актуальною для кримськотатарських чоловіків. Їхні уявлення є чітко сформованими. Цікавим є те, що в текстах інтерв'ю, записаних з кримськими татарами, часто зустрічаються згадки про родичів та опис ситуацій, пов'язаних з ними. Так кожен з респондентів розмовляв на тему створення сім'ї (в одному випадку інформатор уявляє цю розмову з мамою) з родичами, друзями. Так, згадуються настанови щодо вибору дружини від мами і дядька (в трьох інформаторів неодноразово), від тата (в одного інформанта), від діда (в двох випадках); розмови з друзями (хлопцями) [10, 11, 12]. Отже, на формування уявлень про створення сім'ї має великий вплив сім'я, родина.

Спробуємо розглянути уявлення чоловіків про себе та про партнера. В структурі уявлень про себе виділимо: 1) вік; 2) вимоги до себе. В структурі уявлень про шлюбного партнера ми виділимо: 1) вік; 2) освіту; 3) інтелект; 4) особисті характеристики; 5) соціальний статус; 6) зовнішність; 7) релігійну приналежність; 8) національну приналежність.

Вимоги до себе в чоловіків здебільшого пов'язані з матеріальною стороною і соціальним статусом, якого вони мали б досягнути. Про матеріальні вимоги ми вже згадували вище. Крім матеріальних вимог (робота, кар'єра, оплата праці, місце проживання), згадувалися і вимоги особистісного характеру: *"Бути достойним її", "дозволяти, щоб мене любили",*

"любити жінку", "тверезо мислити", "не підвищувати голос", "задовольнити іншу людину", "бути забезпеченим чоловіком", "фінансово стійким", "не бити жінку, не знущатися", "знайти спільну мову з тещею", "треба поступатися", "буде дружина, буду її водити, куди вона захоче, театр, кіно там", "мати щастя особисте", "бути опорою", "думати не тільки за себе, ще на майбутнє", "мати взаємоповагу", "мати взаєморозуміння" [10, 11, 12]. Тобто основним для кримськотатарських чоловіків в уявленні про себе є досягнення певного матеріального становища і соціального статусу, а також прагнення займати провідну позицію стосовно жінки, намагатися розуміти, поважати і бути опорою для неї.

Якщо говорити про вік, то кримськотатарські респонденти планують одружитися в 25 - 28 років. Ця вікова межа також пояснюється досягненням певної матеріальної стабільності. На жаль, статистичних даних щодо віку одруження кримських татар ми не знайшли, але деяку картину дають результати опитування «Кримськотатарська молодь - 2002»: у віці до 20 років у шлюбі перебувають тільки 6% опитаних, в 25-28 років практично кожен другий вказав на наявність подружжя [9, с.19]. Отже, уявлення про вік одруження співпадає з реальною ситуацією реєстрації шлюбів. Це означає, що в суспільстві існують досить чіткі норми щодо віку вступу в шлюб.

Оптимальний вік у жінок для вступу в шлюб окреслюється респондентами 16-25 роками. Бажаним для них є розрив у віці в 3-8 років. На питання "Яка різниця має бути у віці у Вас з дружиною? Чому така?" кримськотатрські чоловіки відповідали так: *"Молодша на 2-3 роки… бо дівчата дорослішають швидше…"; "на роки три молодша,не на більше… як мій дід говорить «знайдемо тобі після школи одразу, ще нецілован. Це жарт, але думаю, що після 11 класу її не виправиш"; "коли молодша – це добре! Коли вони однакового віку, є таке, що дівчина хоче бути вищою за чоловіка. В домі господаркою там, тощо"*[10, 11, 12]. Отже, бажаність молодшої жінки в уявленнях чоловіків обумовлюється бажанням її виховувати і контролювати, з одного боку, та більш раннім дорослішанням та заміжжям в дівчат – з іншого.

Схожі мотиви можемо знайти в бажанні мати жінку соціального статусу не вищого за свій. В уявленнях кримськотатарських чоловіків допускається можливість заміжжя за вигодою, але не одруження.

Щодо освітнього рівня шлюбного партнера, то всі респонденти зазначили, що їм байдуже і це не відіграє ролі у виборі жінки. Але в уявленнях усіх інформаторів присутня розумна жінка. Такми отримали наступні відповіді: *"Її освіта – не важливо, аби я зміг з нею спілкуватися… не можу спілкуватися з глупими дівчатами… аби вона не плела всякої чепухи… щоби могла спілкуватися з друзями"; "освіта – не важливо, але позитивно…Вона має бути розумна по можливості, знати про що говорити зі знайомими, в міру начитана, тверезо мислити, не має бути обмеженою…"; "освіта – не важливо… Вона має бути людиною інтелектуальною, інтелігентною"*[11; 12; 10]. Скоріше за все ця суперечність

пов’язана з тим, що культурні норми не нав’язують або минають рівень освіти. Тому її важливість не окреслена в наведених уявленнях. Але, оскільки усі респонденти мають вищу або незакінчену вищу освіту, то інтелектуальний рівень шлюбного партнера є для них важливим. Цікавим є визначення розуму в І. Мінаджієва: *"Розумна жінка – це врівноважена, яка знає про що говорити з друзями, в міру начитана, етична, це її внутрішній стан. Це такий душевний розум. Мудрість, напевно"*[10].

Серед особистих характеристик жінки у кримськотатарських чоловіків згадується: *"духовна", "культурна", "хитра", " вміє переконувати", "врівноважена", "стримана", "активна", "витончена", "гармонійна", "толерантна", "тверезо мислить", "спокійна", "зі смаком", "уважна", "поступлива"*[10, 11, 12] В уявленнях усіх чоловіків присутня гарна інтелігентна жінка, яка була б в міру самостійною, стриманою, слухняною, поступливою і доброю господаркою. Можемо бачити поєднання двох найпопулярніших образів жінок в МАС-МЕДІА: жінки-берегині та барбі-богині.

Національна і релігійна приналежність є дуже актуальною для кримськотатарських чоловіків. Це пов’язано з тим, що вони є представниками національної меншини в середовищі іноетнічної більшості. Тому важливим для них є проблема збереження культури. Але в кримськотатарських чоловіків розрізнення етнічного і релігійного є розмитим. Так, двоє інформаторів сказали, що для них релігійна приналежність шлюбного партнера не є важливою, але при цьому є важливою приналежність до кримськотатарської культури [11, 12]. Третій респондент сказав, що для нього неважлива національна приналежність, але згодом одним з головних вимог до жінки висунув, щоб вона виховала його дітей в дусі мусульманської духовності і кримськотатарського колориту [10]. Але всі три інформанта на питання, що для них це означає (кримськотатарська культура в перших двох випадках, мусульманська духовність – в третьому), зазначили схожі речі – повагу до старших, затишок і побут, як в них дома, повагу до їжі і хлібу, цінність сім’ї, не пити алкоголь, не гуляти [10, 11, 12].

Опис особистісних характеристик в кримськотатарських чоловіків доволі розширений, загальні уявлення про сім’ю та уявлення про ситуації (сімейні ролі, функції, поведінку потенційного партнера) є чіткими та визначенними. Це можна пояснити тим, що подружнє життя молодими чоловіками трактується як певний стиль життя, який вимагає скоріше поведінкових якостей, аніж особистісних. В уявленнях про сім’ї та шлюб фігурує жінка-дружина, образ жінки-партнера згаданий лише опосередковано і не окреслюється як важливий.

Спробуємо розглянути уявлення про ситуації. В структурі уявлень про ситуації ми виділимо: 1) зразки поведінки, 2) сімейні ролі; 3) функції.

В уявленнях представників кримських татар присутні чіткі зразки поведінки партнера до шлюбу. При цьому вони зображуються на початку інтерв’ю і представлені як одні з головних вимог. Опис зразків поведінки у кримськотатарських молодих чоловіків виглядає так: *"… Не*

пила – це обов'язкова умова, не курила – це категорично, не виношу жінок, які курять, не гуляла і не материлася… пити тільки в моїй компанії, якщо я їй дозволю, тільки шампанське… Мало хто може спортити дівчину, якщо вона тверезa. Це треба або любити її, або вона має бути проституткою, щоби спати з хлопцями…"; "…якщо вона веде розгульний образ життя – курить, п'є, фривольно веде себе з хлопцями… пити – тільки вино по святам, не курити – за визначенням…"; "не курить, не п'є, не гуляє – основні вимоги… дівчині взагалі не личить курити, а п'яна дівчина – це взагалі!.. гуляти – це по поведінці видно, як вона поводить себе з хлопцями. Це не означає, що вона спить там з усіма, от в мене знайома, так вона за півроку декілька хлопців поміняла, хоча не спить з ними…"[12, 10, 11]. Ці визначення "не п'є, не курить, не гуляє, не материться" поставлені в один логічний ряд і в уявленнях чоловіків належать до однієї моделі поведінки, певного негативного образу життя. Тобто якщо дівчина курить, то для молодих чоловіків це буде скоріше за все означати, що вона «п'є і гуляє».

Тісно пов'язані з цими вимогами уявлення про дошлюбні сексуальні стосунки у дівчат. Так, всі респонденти допускають існування таких за певних умов: *"Ну тут таке двояке…іноді я думав обов'язково – невинна, іноді – не обов'язково… але, щоб вона була там гулящою – ні! Буває таке, у дівчини був хлопець два-три роки… потім вони розійшлись, ну мало що буває, він там їй зрадив, чи вона – ні, якщо вона – то ні!.."; "для мене це не відіграє важливої ролі, якщо в неї там хлопець був, серйозні стосунки… якщо навіть два хлопці було, це мене не смущає…"; "щоби дівчина – то не обов'язково, головне, щоби не гуляла…"* [12; 10; 11]. В таких уявленнях щодо «гуляння» бачимо суперечність між сучасними змінами ставлення до жіночої та чоловічої сексуальності, зокрема до дошлюбних стосунків, і традиційним баченням цих стосунків.

В уявленнях кримськотатарських чоловіків є зображення ще одного набору вимог до поведінки майбутньої дружини. Ці вимоги полягають в наступному: *"…Не може піднімати голос, особливо при гостях… має поважати старших"; "не має при людях казати щось грубе, якщо хоче може це зробити, коли нікого не буде"; "ставитися з повагою до моєї сім'ї"*[12, 11, 10]. Такі вимоги мають на меті підтримувати номінальну лідируючу позицію старшого і чоловіка в сім'ї. Це також свідчить про важливість думки про особисті стосунки і дружину з боку найближчого оточення (родичів, друзів). Якщо вплив оточення є сильним, то і регуляція шлюбно-сімейної поведінки також є сильною. Крім того, для кримськотатарських чоловіків важливим фактором у виборі шлюбного партнеру є репутація дружини, її сім'ї, стосунків в її сім'ї. Всі інформатори зазначили, що будуть цікавитися, що за сім'я в жінки, якою вона репутацією користується в тому місці, де вона живе, а також виявили бажання ближче познайомитися з укладом сімейного життя в її сім'ї [10, 11, 12].

Уявлення про функції в сім'ї відповідають у респондентів традиційним. Так, на думку кримськотатарських чоловіків головні функції жінки в сім'ї полягають у *"вихованні моїх дітей у кримськотатарському дусі…любити дітей… бути мені подругою"; "створювати затишок в сім'ї…"; "облаштовувати побут"*[12; 14].

Але при цьому кримськотатарські чоловіки відмітили свою незгоду з традиційним розподілом обов'язків в сімейному житті. Наприклад: *"… Для мене важливо було би, щоби жінка була доброю домогосподаркою: готувати вміла… прати, мити посуд, прибирати… я взагалі-то не ділю обов'язки в сім'ї… я би міг, наприклад, готувати в суботу, неділю, бо я вихідний… закинути речі в пральну машину або посуд помити, ну звичайно не кожен день, і не три рази в тиждень, але можу…"; "вона має відповідати за виховання дітей, чистоту… я допускаю не розділення обов'язків…"*[12; 11]. Це свідчить про непопулярність ідей про гендерну нерівність, в такий спосіб молоді люди хочуть засвідчити свою відкритість до змін і демократичність.

В уявленнях кримськотатарських молодих чоловіків присутня жінка, яка працює [10, 11, 12]. Але при цьому, *"не в збиток сім'ї та вихованню дітей"*[14]. Тобто уявлення відображають переважно патріархальний тип сім'ї з традиційним розподілом ролей. Хоча можемо бачити в цих уявленнях і згоду (здебільшого декларативного характеру) зі зміною становища жінки у суспільстві.

В інтерв'ю, записаних з представниками кримськотатарської етнічної групи, можна простежити установку на один шлюб, а також сприйняття розлучення як крайнього заходу. Так, ми отримали такі відповіді на питання "Як Ви ставитесь до розлучень? ": *"… Ну, не хотілося би, але якщо вже зовсім неможливо, то краще розлучитися… думаю, що так не буде…"; "…якщо я закохаюсь в когось іншого, не дай Бог. Але якщо вже буде дитина, то, звичайно, - дитина все змінить! І любов знову з'явиться і все…"; "…треба обирати так, щоби потім не розлучатися…"[*10,12, 11]. Також молоді кримськотатарські чоловіки пов'язують розлучення з неправильним пошуком, вибором шлюбного партнера на початку.

Отже, для кримськотатарської молоді більшою мірою важливим є сам шлюб як акт ініціації переходу в інший стиль життя; він скоріше диктується потребою в шлюбному статусі, ніж у самому шлюбі.

Висновки

В кримськотатарських чоловіків уявлення про утворення сім'ї є чітко означеними і питання утворення сім'ї є актуальним. Традиційно для кримськотатрської молоді в цілому сім'я в життєвих пріоритетах займає одне з перших місць. Потреба у реєстрації шлюбу базується на загальноприйнятому визнанні шлюбу і сім'ї як основи індивідуального життя. Простір можливих виборів та ступінь свободи індивідуального вибору шлюбного партнеру в чоловіків 20-25 років з кримськотатарської етнічної групи є обмеженими культурними та соціальними нормами. Це пов'язано насамперед з релігійним та етнічним оточенням груп, до

яких належать респонденти. Соціальний вплив на вибір шлюбного партнера в кримськотатарської молоді є великим.

Уявлення чоловіків про розподіл ролей і функцій в сім'ї є традиційними, направлені на підтримку патріархального типу укладу сімейного життя. На формування соціальних уявлень про сім'ю та шлюб великий вплив має найближче оточення – сім'я та друзі. Для кримськотатарських чоловіків шлюб – більшою мірою закономірний етап життя, який наступає у визначеному віці. Але при цьому бажаним для утворення сім'ї є досягнення певного матеріального становища.

Отже, соціальні міркування більшу роль відіграють у виборі шлюбного партнеру у чоловіків-кримських татар. В інтерв'ю, записаних з кримськими татарами широко представлений компонент пошуку шлюбного партнера, але в структурі реперезентацій найменше представлені уявлення про його особисті якості. Це може означати, що сімейне життя для молодих людей – це поведінкова стратегія.

З іншої сторони, молоді люди наголошують на важливості почуттів для утворення сімї, важливості побудови стосунків на дружніх, партнерських засадах, та висловлюють бажання жити окремо від своїх батьків. Хоча реальна ситуація виглядає дещо інакше. Отже, існує розбіжність в уявленнях про роль кохання у побудові стосунків та тривалістю дошлюбних стосунків, що можна пояснити суперечливістю індивідуалізації сучасного суспільства, з одного боку, і міцністю традицій – з іншого.

Отже, здійснений аналіз дозволив зафіксувати щонайменше три підставово важливі речі. Передовсім і в умовах України знаходить підтвердження світова тенденція до уприватнення життя людей насамперед у кордонах сім'ї, яка виступає сьогодні здебільшого як мала референтна соціальна група, а також до сталості позиції цінності сім'ї в ієрархії пріоритетних особистісних цінностей. Водночас це твердження володіє специфікою стосовно до різних (радше споріднених) етнічних культур. І, нарешті, в середовищі сучасної молоді означена специфіка поволі нівелюється.

Список літератури

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. - М., 1991.
2. Семенов А. В. Социальные представления как способ познания. - Доступно на http://www.alekseysemenov.by.ru/art/representation05.shtm (станом на 12.04.2008 р.)
3. Московичи С. Машина, творящая богов. - Доступно на www.koob.ru/moskovichi_s/ - 16k (станом на 10.04.2008 р.)
4. Морозова И. Ю. Подходы к изучению социальных представлений. – Доступно на www.humanities.edu.ru/db/msg/38320 - 19k (станом на 12.04.2008 р.)
5. Щютц А. Смысловое строение социального мира. – Доступно на http://socioline.ru/node/684
6. Шютц *А. Возвращающийся домой* // Социс. – 1995. - № 2. – Доступно на http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/05/13/0000277025/020Shchyutts.pdf
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Московский философский фонд "Academia-Центр". - Москва: МЕДИУМ, 1995
8. Зырянова Е. В. Гендерные аспекты социальных представлений о семне // Сорокинские чтения. Социология. – 2006. - №2. – М.: Граница, 2006. – С.13-15

9. Соціальні орієнтири, запити та інтереси кримськотатарської молоді: Аналітичний звіт /О. О Яременко, О. А. Ганюков, О. В. Бабак, О. М. Балакірєва, К. О. Ващенко та ін. – К.: Державний ін-т проблем сім'ї та молоді, 2003 – 159 с.
10. Матеріали інтерв'ю з Мінаджієвим Ісметом 1985 р. н., проведено 19.01.2008 р.
11. Матеріали інтерв'ю з Османовим Тімуром 1987 р. н., проведено 31.12.2007 р
12. Матеріали інтерв'ю з Сейтахметовим Гіреєм 1985 р. н., проведено 9.02.2008 р
13. Материалы интернет-обсуждения «Межнациональные браки» - доступно на http://vkontakte.ru/board.php?act=topic&tid=801872 15.04.2008 г.
14. Материалы интернет-обсуждения «Женщина в мусульманском обществе» - доступно на http://vkontakte.ru/board.php?act=topic&tid=1064125 15.04.2008 г.
15. Масионис Дж. Социология. 9-е изд. – СПб: Питер, 2004. – 725 с.

Н.В. Киселева

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ УГРОЗЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В КРЫМУ

Изучение межнациональных отношений является одной из основных областей социологии. При этом в центре внимания исследователей находятся не только поступки людей разных национальностей, но и факты восприятия ими действительности, их «взгляды, представления, установки, ориентации, ценности» [1, с. 186].

Особую важность изучение межнациональных отношений приобретает в полиэтнических регионах, к категории которых относится и Крым. К сожалению, в современных этносоциальных исследованиях превалируют работы, посвященные представителям разных этносов, проживающих на территории Крыма, и практически отсутствуют научные исследования, посвященные вопросам межнациональных отношений в регионе, особенно их латентной, переходящей периодически в открытую фазу, конфликтогенности, выявлению отдельных аспектов которой и посвящена данная статья. Основными задачами данного исследования являлись:

- оценка изменения межнациональной ситуации;
- выявление приоритетных проблем в среде крымских татар и представителей других национальностей;
- восприятие требований, выдвигаемых меджлисом от лица крымских татар, представителями других национальностей;
- анализ полученных результатов с точки зрения отсутствия / наличия конфликтности в сложившихся межнациональных отношениях.

Динамику межнациональной ситуации в Крыму можно проследить по результатам исследований службы социологии «КБ-САМ», проводившей опросы общественного мнения среди жителей Симферополя и Симферопольского района, оценивавших изменение межнациональной ситуации (табл. 1) [2–4]. Выбор данного региона в качестве модельного

обусловлен рядом причин: в Симферопольском районе и Симферополе проживает 25% населения всей Автономной Республики Крым [5], в данном регионе высокий уровень этнической мозаичности [6], по классификации регионального филиала Национального института стратегических исследований в г. Симферополе, данный регион относится к категории районов с высоким уровнем этнополитических противоречий [7].

Таблица 1

Динамика оценок изменения межнациональной ситуации в Крыму

Вопрос: «Изменилась ли, на ваш взгляд, в текущем году межнациональная ситуация в Крыму?»				
Категории ответов	*2000 г.*	*2003 г.*	*2005 г.*	*2007 г.*
Не изменилась	38%	29%	26%	18%
Изменилась к лучшему	16%	12%	15%	7%
Изменилась к худшему	35%	49%	50%	69%
Затрудняюсь ответить (з.о.)	11%	10%	9%	6%

Категория респондентов, констатирующих ухудшение межнациональной ситуации в Крыму, постоянно увеличивается. С 2000 г. она выросла на 34%, что является тревожным симптомом, свидетельствующим о нарастании межнациональной напряженности в регионе. Причем существование межнациональной напряженности в Крыму признают представители всех национальностей, и ни в одной этнической группе этот показатель не опускается ниже 55-процентной отметки (табл. 2) [4].

Таблица 2

Мнение респондентов о существовании в Крыму межнациональной напряженности

Вопрос: «Как вы думаете, существует ли в Крыму межнациональная напряженность?»					
Категории ответов	*Русские*	*Украинцы*	*Татары*	*Другие*	*Всего*
Да	67%	58%	56%	63,3%	63%
Нет	17%	22%	25%	24,5%	20%
З.о.	16%	20%	19%	12,2%	17%

Для выявления факторов межнациональной напряженности интервьюера службы социологии «КБ-САМ» выясняли «вес» существующих проблем в разных этнических группах респондентов и отношение к «национально окрашенным» проблемам, для чего респондентам задавался открытый вопрос: «Назовите, пожалуйста, основные проблемы своего народа». Как показывают ответы на поставленный вопрос, социально-экономические проблемы совпадают у респондентов разной национальности. На «пьедестале» приоритетных проблем

располагаются безработица и отсутствие нормальных жилищных условий. У респондентов из числа крымских татар «вес» данных проблем составляет более 40%, а у респондентов других национальностей более 30% и 20% соответственно. На третье место, причем с большим отрывом от первого и второго, крымские татары ставят также социально-экономическую проблему (земельный вопрос), но уже «национально окрашенную», т. к. указывают на «не выделение земли крымским татарам». Значимость данной проблемы уменьшается, если в 2003 г. ее отмечали 24% респондентов из числа крымских татар, то в 2007 г. — 18%.

Здесь следует отметить, что в списке приоритетных проблем крымских татар превалируют социально-экономические, хотя на митингах и акциях протестов лидеры меджлиса выдвигают в основном политические требования — статусные, «связанные с выдвижением требований по изменению (повышению) статуса и объема властных полномочий» [8, с. 54], и этнотерриториальные, связанные с требованиями создания крымско-татарской автономии, что противоречит как действующей Конституции, так и Закону Украины «Об основах национальной безопасности», в ст. 7 которого «намагання автономізації за етнічною ознакою окремих регіонів України» относятся к категории угроз национальным интересам и национальной безопасности Украины [9].

В рамках программы исследования службы социологии «КБ-САМ» респонденты одной целевой группы (не крымские татары) высказывают свое отношение к основным политическим требованиям меджлиса, выдвигаемым на митингах и в средствах массовой информации, а респонденты другой целевой группы (крымские татары) оценивают «важность для себя» этих требований.

Как показывают ответы респондентов, отношение к этнополитическим требованиям меджлиса в среде крымчан — представителей разных национальностей — резко отрицательное (табл. 3), что свидетельствует о наличии «конфликта идей», источником которого служат абсолютно противоположные взгляды на будущее Крыма лидеров меджлиса и большинства крымского населения [3].

Таблица 3

Отношение крымчан к требованиям меджлиса

Вопрос: «Как вы относитесь к требованиям меджлиса?»			
Варианты ответа	*о крымско-татарской автономии*	*о статусе коренного народа*	*о выделении квот в органах власти*
Положительно	0%	0%	2%
Отрицательно	95%	70%	65%
Безразлично	2%	10%	3%
Другое	3%	8%	10%
З.о.	0%	12%	20%

Следует отметить, что «конфликт идей», пусть и искусственно подогреваемый, о чем свидетельствует разница в ответах респондентов из числа крымских татар на открытый

вопрос: «Назовите, пожалуйста, основные проблемы своего народа» и на закрытый вопрос: «Насколько важны для вас требования крымско-татарской автономии, статуса коренного народа и выделения квот в органах власти?» (табл. 4), может перерасти (и периодически перерастает) в «конфликт действий» — митинги, акции протеста, пикеты, вплоть до открытых столкновений [3].

Таблица 4

Важность требований решения «этнополитических» проблем для крымских татар

Вопрос: «Насколько важны для вас требования…?»			
Варианты ответов	*крымско-татарской автономии*	*статуса коренного народа*	*выделения квот в органах власти*
Очень важно	20%	32%	25%
Важно, но наших проблем это не решит	30%	25%	20%
Не важно, т.к. наших проблем это не решит	29%	14%	12%
Не важно	21%	21%	16%
Другое	-	2%	7%
З.о.	-	6%	20%

Закономерно предположить, что, отвечая на открытый вопрос, респонденты данной целевой группы перечисляли те проблемы, которые реально стоят перед ними. В оценках же важности национальных проблем и увеличении их «веса» в ответах на закрытый вопрос прослеживается разрыв между реальными проблемами крымских татар и навязываемым им меджлисом списком проблемных формулировок.

Таблица 5

Уровень доверия крымских татар меджлису

Вопрос: «Как вы думаете, представляет ли меджлис интересы всех крымских татар?»	
Да	18%
Скорее да, чем нет	12%
Скорее нет, чем да	34%
Нет	26%
З.о.	10%

Подобная дивергенция «мнений» приводит к созданию конфликтогенной ситуации, порождаемой не только тем, что меджлис искусственно навязывает крымским татарам готовые политические формулы, отсутствующие в их обыденном сознании, но и тем, что при относительно низком уровне доверия к этому органу национального и политического

представительства (табл. 5) в умах народа, тем не менее, уже закреплены политические идеологемы, которые постоянно обосновываются в этнических средствах массовой информации и на массовых мероприятиях, организовываемых меджлисом [3].

К сожалению, результаты социологических исследований не только фиксируют возрастание межнациональной напряженности в крымском регионе, но и свидетельствуют о смещении обвинительного вектора. Если ранее крымчане в качестве причины конфликтности чаще называли действия меджлиса, то последнее время — уже поведение в целом крымских татар (в 2005 г. — 39%, в 2007 г. — 46%). Второе место в перечне причин межэтнического конфликта, по мнению респондентов, занимает бездействие властей. В 2005 г. эту причину называли 14% респондентов, а в 2007 г. — уже 25%.

Полученные в ходе социологических исследований результаты свидетельствуют о наличии, как минимум, двух конфликтных ситуаций — внутринациональной и межнациональной. Первая характеризуется дивергенцией формулировок проблем, высказываемых крымскими татарами в ответах на открытый вопрос и меджлисом, и конвергенцией проблематики при «напоминании» о существовании национальных проблем. Вторая конфликтная ситуация отмечается в резком неприятии крымчанами (не представителями крымских татар) требований решения национальных проблем.

По мнению экспертов, одним из конфликтогенных факторов в Крыму является также «єксплуатація мусульманскої ідентичності кримських татар з метою насадження психології етнічного ізоляціонізму» [10, с. 34]. Действительно, этнический изоляционизм присутствует в психологии крымских татар. Так, если на вопрос: «Кем вы себя ощущаете?» — у большинства респондентов на первом месте оказывается категория территориальная — крымчанином, то у крымских татар — категория этническая (табл. 6) [4].

Таблица 6

Самоидентификация жителей Крыма

Вопрос: «Кем вы себя ощущаете?»*				
Категории ответов	*Русские*	*Украинцы*	*Крымские татары*	*Представители других национальностей*
Жителем Земли	14,4%	9,7%	9,6%	20,4%
Советским человеком	10,6%	10,4%	5,5%	12,2%
Крымчанином	38,7%	38,9%	16,4%	45,0%
Украинцем	1,1%	36,1%	0%	2,0%
Русским	35,2%	4,2%	0%	4,1%
Крымским татарином	0%	0%	65,8%	0%
Представителем другой национальности	0,7%	0%	2,1%	12,2%
З.о.	2,1%	3,5%	1,4%	4,1%

* респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа.

При этом приходится констатировать, что в среде крымских татар дистанцируются от других этносов не только взрослые, но и молодежь. Это подтверждают результаты социологического исследования, проведенного среди школьников 10–11 классов Симферополя, Севастополя и Бахчисарая Таврической группой медиации. В рамках данного исследования специалисты предлагали учащимся СОШ выбрать, в какой степени они согласны допустить представителей других этнических групп в свое окружение. В зависимости от ответов на поставленный вопрос вычислялся индекс этнической дистанции (интервал от 1 до 3 баллов свидетельствует об умеренной дистанции, от 3 до 5 — о ксенофобии, от 5 до 7 — о нетерпимости). У этнических русских школьников этот индекс составил 1,564 балла, у украинцев — 2,197, а у крымских татар — 4, 728 [11]. Результаты данного пороса свидетельствуют, что в среде крымскотатарских школьников господствует ксенофобия, которой не хватает буквально «пол шага» до межэтнической нетерпимости.

Представленные здесь результаты социологических исследований, исследований регионального филиала НИСИ свидетельствуют о наличии в Крыму межэтнической напряженности, потенциальное развитие которой следует всесторонне изучать, чтобы не допустить эскалации конфликта и найти превентивные меры к его свертыванию. Важную роль в этом играют мониторинговые широкомасштабные социологические исследования, с помощью которых выявляется мотивация и реальные интересы участвующих в межнациональном конфликте групп, причины конфликта и конкретные социальные ситуации для его понимания и регулирования.

Список литературы

1. Арутюнян А. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А.. Этносоциология. — М.: Аспект Пресс, 1999. — 272 с.
2. Киселева Н. Все хуже, хуже и хуже? // Крымская правда. — 2000. — № 236. — 23 декабря.
3. Киселева Н. В. Этносоциологическая оценка конфликтогенного потенциала Крыма // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «География». — Т. 17 (56).— № 4. — 2004. — С. 217–221.
4. Киселева Н. Почему сегодня к крымским татарам относятся хуже, чем 15 лет назад? // Крымское время. — 2006. — № 73. — 6 июля.
5. Этническая история Крыма в таблицах, картосхемах и диаграммах (по данным переписей населения) информационно-справочное пособие / Автор-сост. А. С. Петроградская. — Симферополь: АнтиквА, 2007. — 20 с.
6. Этнический состав населения // Атлас «Автономная Республика Крым» / Институт географии НАН Украины, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, ЗАО «Институт передовых технологий». — Киев-Симферополь, 2003. — С. 47.
7. Ішин А. В., Беднарський І. Г., Швець О. Б. До питання щодо проявів етнополітичних суперечностей в Криму на сучасному етапі / За ред. О. Г. Шевчука; Регіональний філіал Національного інституту стратегічних досліджень в м. Сімферополі. — Сімферополь: СФ НІСД, 2005. — 60 с.
8. Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999. — 203 с.
9. Закон України № 964-IV від 19.06.2003 «Про основи національної безпеки України» / http://portal.rada.gov.ua

10. Григор'янц В. Є., Шевчук О. Г., Беднарський І. Г. Про деякі особливості інтеграції кримських мусульман в український соціум / За ред. А. В. Ішина; Регіональний філіал Національного інстітуту стратегічних досліджень в м. Сімферополі. — Сімферополь: СФ НІСД; Таврія, 2006. — 36 с.
11. Морозли А. А. Результаты, полученные в ходе исследования «Национализм в молодежной среде» // Формирование мжэтнической и межконфессиональной толерантности в Крыму: мониторинг существующей системы обучения и воспитания, рекомендации по развитию межкультурного образования и этнического просвещения населения. — Симферополь, 2003. — С. 23–36.

Р.Д. Куртсеитов

ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

В условиях демократизации общественной жизни Украины, формирования институтов гражданского общества для консолидации полиэтнического социума особую актуальность имеет проведение взвешенной, сбалансированной языковой политики, учитывающей интересы всех этнических сообществ, проживающих в государстве.

Украина унаследовала от советского прошлого сложные языковые проблемы, в том числе связанные с сохранением и развитием языков коренных народов и этнических меньшинств. Многие из них имеют свою региональную привязанность, и существуют ни один десяток лет. К таким проблемам можно отнести проблему сохранения и развития крымскотатарского языка, языков малочисленных народов караимов и крымчаков, а также национальных меньшинств – диаспор армян, болгар, греков, немцев. Современный Крым выделяется среди регионов Украины неоднородным этническим составом населения, активной динамикой происходящих в ней этнодемографических и социокультурных процессов, наличием нерешенных проблем многие из которых связаны с последствиями депортаций по этническому признаку.

Крымские татары, которые являются одним из коренных народов Украины, и не считают себя национальным меньшинством, насчитывают по данным переписи населения Украины (декабрь 2001 года) 248,2 тыс. человек, имеют большую диаспору за пределами Крыма.

Депортация (1944 г) крымскотатарского народа, этнических групп армян, болгар, греков, немцев, а также граждан других национальностей проживавших здесь, в корне изменила лингвистическую карту полуострова. Она явилась не только механическим переселением этнических общностей. Была ликвидирована национальная автономия крымскотатарского народа, от голода и болезней в местах ссылки за первые два года погибло 46,2% крымских татар. Была уничтожена вся система образования на родных языках (1940-1941 учебном году функционировало 386 школ с крымскотатарским языком), учреждения культуры, памятники материальной и духовной культуры, переименованы более 1000 населенных пунктов, носивших крымскотатарские названия, фальсифицировалась история и этногенез народа.

В Крыму после депортации 1944 года была сожжена и уничтожена вся литература на крымскотатарском языке. Тоталитарным режимом была создана изощренная система этнической сегрегации с элементами террора в местах ссылки депортированных в республиках Средней Азии и Казахстане. В послевоенном Крыму лозунг Российской империи «Крым без крымских татар» был воплощен в реальность.

Ликвидация этнонима «крымские татары» (исключение из реестра народов СССР) повлекла за собой фальсификацию результатов всех послевоенных переписей населения СССР (крымских татар считали татарами, причисляя к другому народу). Намеренная фальсификация данных переписей, позволяла советской тоталитарной системе дезинформировать население страны и мировую общественность о существовании такого народа в СССР, его численности. Из фальсифицированных официальных данных следовало, что «нет такого народа», «нет такого языка», «нет крымскотатарской проблемы в СССР». Ни в одном справочном, научном, энциклопедическом издании не было информации о крымскотатарском народе за исключением краткой информации о крымскотатарском языке в 3-м издании Большой Советской Энциклопедии.

Действовала строгая система запретов на научные исследования в области крымско-татарского языкознания и литературоведения, истории, и всего того, что было связано с материальной и духовной культурой репрессированного народа. «Крымскотатарский язык был полностью вычеркнут из реестра языков народов СССР, его научное осмысление было табуировано» [1, с.272].

После передачи Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР в феврале 1954 года продолжилось и усилилось организованное государственное переселение в опустевший послевоенный Крым жителей различных областей Украинской ССР.

Крымским татарам запрещалось селиться на территории Крымской области. Министерство внутренних дел УССР вело строгий учет даже тех крымских татар, которые проживали в соседних с Крымом областях. На 29 июля 1956 года по данным милиции таких насчитывалось 247 человек. В Запорожской области – 200, Одесской – 18, Донецкой – 16, Харьковской – 13 [2]. Таким же тщательным образом в 60–80-е годы велся учет крымских татар вступивших в брак с представителями других национальностей. Отслеживался процесс физической ассимиляции. После выхода Указа ПВС СССР от 28 апреля 1956 года партийно-советское руководство Украинской ССР в еще более жесткой форме выступает против возвращения крымскотатарского народа на родную землю. 15 декабря 1956 года, под грифом «секретно», Совет Министров Украинской ССР принимает постановление «О расселении татар, немцев, греков, болгар, армян и других лиц, которые ранее проживали в Крымской области, а в настоящее время возвращаются из мест спецпоселения» [3]. В соответствии с пунктами этого постановления крымским татарам не только запрещалось проживать в Крымской области, но в

других прилегающих к ней областях. В указе содержалось требование к руководителям исполнительных комитетов этих областей по принятию мер к выдворению спецпереселенцев за пределы Украины.

Запрет на проживание и как следствие отказ в трудоустройстве, отказ в удовлетворении культурных и образовательных потребностей по этническому признаку в отношении крымских татар был нормой на протяжении десятилетий в Крымской области УССР. Все эти противоправные действия в Крыму организовывались и руководились крымским областным комитетом коммунистической партии УССР. Крымская область была единственной в СССР, где в столь откровенном виде проводилась политика национальной сегрегации исключительно по этническому признаку, нарушались права человека, причем в самых грубых и массовых формах. Формировался особый тип крымского «интернационализма», который повлиял на становление нескольких поколений руководителей разного ранга.

В это же время в партийных документах крымского обкома КП УССР руководителям партийных организаций городов и районов Крымской области ставилась задача о недопущении концентрации в населенных пунктах крымских татар. Объяснялось это тем, что увеличение численности неминуемо, приведет к требованиям с их стороны удовлетворить культурные и образовательные потребности, и в том числе, организацию изучения родного языка.

В 1987 году в Крымской области проживало более 13 000 крымских татар значительная часть без прописки, т.е. без официального разрешения. За 20 лет после выхода указа 1967 года ни в одной школе не было организовано изучение крымскотатарского языка и литературы. «Помню, в конце 60-х в Крым из мест депортации нелегально стали возвращаться крымские татары. Принимать крымскотатарских детей в школу нам категорически запрещали. Можно было поплатиться карьерой, партийным билетом. Но я все равно принимал» – вспоминает ветеран педагогического труда директор Добровской сельской школы Симферопольского района, заслуженный учитель Украины Яков Слонимский [4]. В других школах таких детей выводили из классов часто с применением физической силы, бросали в автомашины и вывозили за пределы Крыма. Детям не прописанных родителей не выдавались паспорта гражданина СССР, в то время как все остальные дети получали их в торжественной обстановке. Не регистрировались браки, прописанных крымских татар, с представителями своей национальности, проживающими за пределами Крыма.

В эти же годы с целью ослабления национального движения и создания иллюзии, что государство решает эту проблему стали практиковать организованное переселение до 50 семей крымских татар в год в степные районы Крыма исключительно на рабочие специальности. С глав семей брали расписку о том, что они не будут требовать организации изучения родного языка.

До 1987 года высшие учебные заведения Крымской области не принимали выпускников школ крымских татар, вынуждая их поступать в ВУЗы за пределами Крыма. Система

образования в Крымской области оставалась на протяжении десятилетий системой образования без крымскотатрского языка.

Начало демократизации общественной жизни в СССР, массовые выступления крымских татар летом 1987 года в Москве и в местах спецпоселений, еще раз продемонстрировали миру наличие острой нерешенной национальной проблемы. После принятия декларации Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав», начинается массовое возвращение крымских татар в Крым.

В новых социально-политических условиях актуальность возрождения крымскотатарского языка, организация его изучения и обучения на нем становится приоритетной для народа перенесшего ужасы геноцида и этноцида. Начинается трудный процесс возрождения крымскотатарского языка и системы образования на родном языке.

Организуется в отдельных школах Крыма факультативное изучение крымскотатарского языка, с дальнейшим переходом к его изучению как предмета, начинают издаваться в Крыму первые после полувекового перерыва учебники и учебные пособия для школ и вузов.

В 1990 году из Ташкентского педагогического института им. Низами были переведены кафедра крымскотатарского языка и литературы и студенты отделения крымскотатарского языка и литературы в Симферопольский государственный университет им. М.В.Фрунзе.

Значительным событием стало открытие в 1993 году Крымского государственного идустриально-педагогического института (ныне Крымский инженерно-педагогический университет) для решения вопросов связанных с возрождением образования крымско-татарского народа и этнических групп, высланных по национальному признаку. В институте была открыта кафедра крымскотатарского языка и литературы и произведен первый набор студентов по специальности «Крымскотатарский язык и литература». Для решения проблем в сфере дошкольного и начального образования на педагогическом факультете этого же института на специальностях «Дошкольное воспитание», «Начальное обучение» были открыты специализации по крымскотатарскому языку.

По инициативе крымскотатарской общественности начинают открываться первые школы с родным языком обучения (1993г., Октябрьская СОШ. № 3 Красногвардейского района и др.). Этому в определенной мере способствовала закрепление в Конституции Крыма 1992 года за крымскотатарским языком статуса государственного языка наряду с русским и украинским языками. Однако в развитии этого положения Конституции Крыма не были приняты нормативные акты с целью практической ее реализации.

В 1995 году была отменена Конституция АРК 1992 года. После затянувшегося конституционного процесса, была принята в 1998 году новая Конституция, в которой не было положения о государственном статусе крымскотатарского и русского языков.

В результате этих изменений крымскотатарский язык второй раз в XX веке лишился своего государственного статуса со всеми вытекающими из этого последствиями.

Европейский выбор Украины, стремление интегрироваться в международные структуры актуализирует приведение норм национального законодательства в соответствие с нормами принятыми в странах Европейского Союза с обязательным их выполнением. Существующая в Украине законодательная и нормативная база в соответствии и на основе которой осуществляется функционирование языков, изучения и обучения на них, в целом соответствует международным требованиям, может удовлетворять образовательные и другие потребности, проживающих здесь коренных народов и национальных меньшинств при условии их неукоснительного выполнения. Все это отражено в следующих документах: Конституция Украины (ст. 10, 11,53), Закон Украины об образовании (ст.3,16,50,59,60), Закон Украины о местном самоуправлении (ст.32), Конституция Автономной Республики Крым (ст.10,11,12,13), Закон Украины «О языках в Украине», Закон Украины «О национальных меньшинствах Украины», Конвенция о правах ребенка (ст. 2,30), Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (ст. 14, ратифицированная Закон Украины № 703/97 - ВР от 09.12.97.), Гаагские рекомендации о правах национальных меньшинств (октябрь,1996 г.), Ословские рекомендации по языковым правам национальных меньшинств (1998 г.), Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (Страсбург, 5 ноября 1992 г.).

«Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств» в Украине после долгих лет обсуждений и правовых перипетий была окончательно ратифицирована Верховной Радой Украины 15 мая 2003 года и вступила в силу только с 1-го января 2006 года. В соответствии с положениями данной хартии Украина как государство взяло на себя обязательства по сохранению и развития 13 языков, в том числе и крымскотатарского. Прошло три года со времени вступления в силу Европейской хартии, за это время не произошло каких-либо ощутимых изменений в языковой политике Украины и ее составной части Автономной Республики Крым, не приняты нормативные документы, направленные на реализацию положений хартии. Незаинтересованность и равнодушие государства при принятии и ратификации важных международных документов удивляет и заставляет вспомнить времена СССР и ее национальную политику, от которой Украина пострадала более всего по сравнению с другими союзными республиками.

При принятии «Декларация о правах коренных народов» (принята Генеральной Ассамблеей ООН, октябрь, 2007г.) Украина воздержалась при голосовании, т.е. не поддержала ее, на ряду, с такими странами как Российская Федерация, Азербайджан, Грузия на территории которых так же проживают коренные народы и имеются серьезные проблемы по сохранению их культурной и языковой идентичности. По мнению профессора А.М. Эмировой одного из ведущих ученных–филологов, посвятившей социальной лингвистике за последние двадцать лет своей научной

деятельности большое количество работ, «Украина не выработала корректной государственной политики в отношении языков и культур национальных меньшинств, находящихся в сфере ее юрисдикции» [5, с.325]. С такой оценкой согласны и другие ученные–филологи, социологи, политологи, представители крымскотатарской интеллигенции. Осуществляемый нами мониторинг крымскотатарских периодических изданий, теле- и радиопередач, выступления ученных на различных научных, научно-практических конференциях является еще одним подтверждением существования этой проблемы.

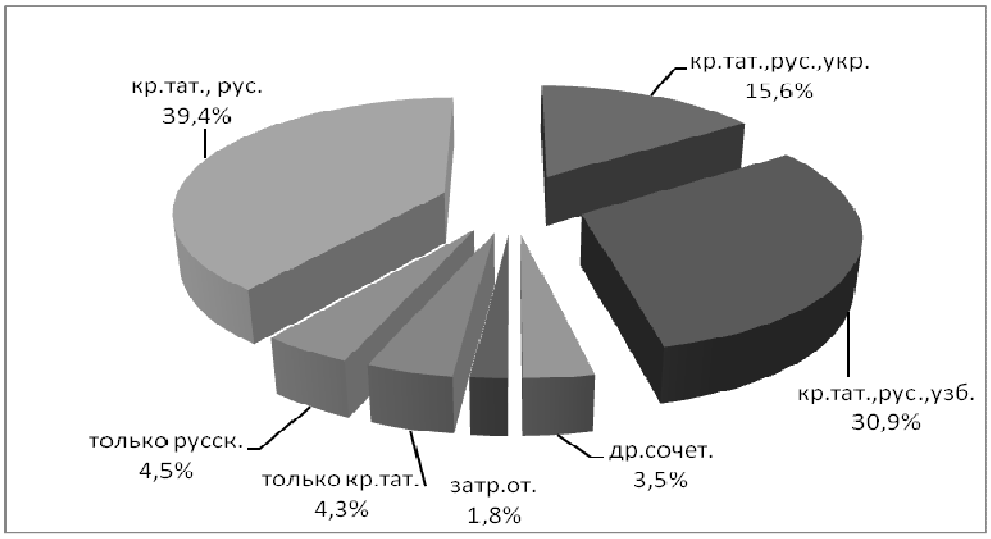
Проблема сохранения и развития крымскотатарского языка в Автономной Республике Крым за последние двадцать лет с началом массового возвращения на историческую родину крымскотатарского народа не только не утратила своей актуальности, а наоборот обострилась.

Нами было проведено социологическое исследование крымских татар (родителей учащихся) в возрасте от 25 до 60 лет, проживающих в Крыму, на предмет владения и использование крымскотатарского языка, знание законодательной и нормативной базы в сфере образования и др.

Результаты исследования выборочной совокупности (670 респондентов) показали тревожную картину состояния языка. Приведем результаты ответов на шесть вопросов, касающиеся уровня владения родным языком, языковой компетенции и сферы применения родного языка.

На вопрос, **«Какой язык Вы считаете родным?»** 91 % крымских татар ответили, что считают родным языком крымскотатарский язык, это коррелирует с данными переписи населения Украины 2001 года, где 93% назвали родным крымскотатарский язык. Полученный результат является показателем, прежде всего, высокого уровня национального самосознания. В тоже время 9% респондентов назвали родным язык другой национальности.

На вопрос, **«Какими языками Вы владеете (на любом уровне)?»** были получены следующие ответы:



Только 8,8% крымских татар моноязычны, двуязычны 39,4%, триязычны 50,3%. Ответы на этот вопрос показывают, что крымские татары, причем самая активная часть, с 25 лет и до 60 лет владеют несколькими языками, что является показателем толерантности и открытости. 94,2% владеют русским языком, 30,9% узбекским, украинским 15,6%, а также другими языками.

На вопрос **«Определите Ваш уровень владения крымскотатарским языком?»** по субъективной оценке респондентов картина выглядит следующим образом:

Степень владения языком	**%**
Не понимаю	1,5
Только понимаю, но не говорю	6,6
Понимаю и разговариваю на бытовом уровне	40,9
Свободно владею разговорным языком	31,6
Свободно владею как разговорным, так и литературным языком	10,7
Свободно владею литературным языком и пишу на нем	5,8
Затрудняюсь ответить	2,9

7,1% респондентов не разговаривает на родном языке, понимают и разговаривают на бытовом уровне 72,5%. В большинстве случаев с очень ограниченным лексическим запасом. 16,5% владеют литературным языком и только 5,8% могут писать на нем в основном это учителя крымскотатарского языка, определенная часть творческой интеллигенции, журналисты, некоторая часть политической элиты.

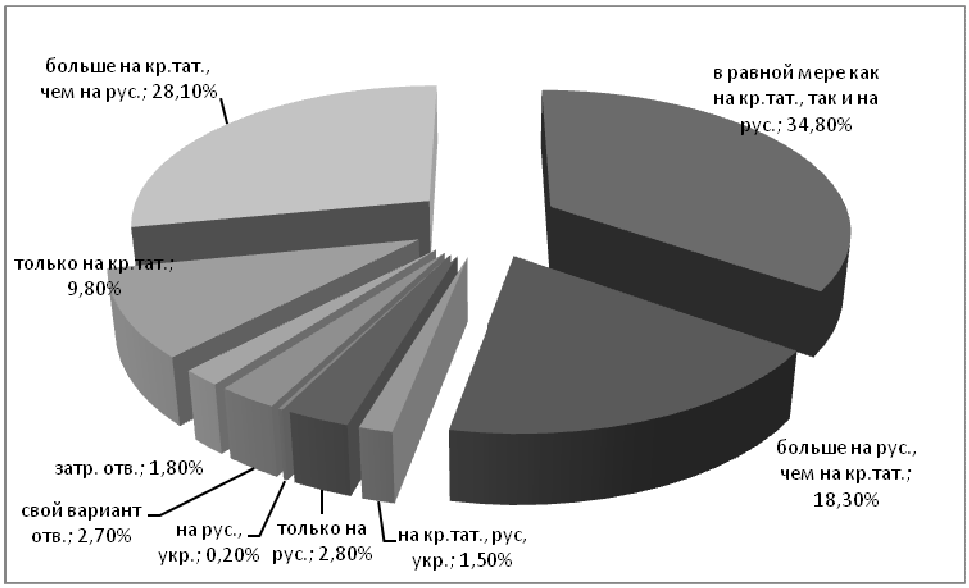
Ответы респондентов на вопрос **«На каком языке Вы мыслите (думаете, размышляете?)»** показывают, что только 42,2% респондентов мыслят на родном языке, т.е. могут более или менее формулировать свою мысль. Думают только на русском 36,9% . Этот результат является показателем слабого владения родным языком.

Длительное отсутствие образования на родном языке, проживание в иноэтнической среде далеко за пределами этнической территории, отсутствие государственности привело к максимальному сужению сферы применения языка. На вопрос, **«В какой сфере Вы применяете (пользуетесь) крымскотатарский язык, если им владеете?»** были получены следующие ответы:

Сфера применения языка	**%**
Только в семье	5,1
В семье, с родственниками, соседями, друзьями	67,6
На работе, моя работа требует обязательного знания крымскотатарского языка	10,7
На работе, знание крымскотатарского языка помогает в работе	5,1
Затрудняюсь ответить	7,4
Иное мнение	4,1

72,7% респондентов применяют язык в бытовой сфере, и только 15,8% в трудовой сфере.

Вопрос, **«На каком языке разговаривают члены Вашей семьи дома?»** был направлен на определение языковой преемственности между поколениями.



Ответы респондентов на этот вопрос свидетельствуют о том, что в семье пользуются только крымскотатарским языком 9,8% и 28,1% пользуются больше крымскотатарским, чем русским. Это является показателем слабого владения языком значительной частью родителей учащихся крымских татар. Тогда как 21,1% разговаривают в семье полностью либо в большей мере на русском.

Длительное отсутствие системы образования на родном языке, в результате чего два поколения крымских татар не имели возможности не только обучаться, но и изучать родной язык привело к тому, что значительная часть взрослого населения не владеет в достаточной мере родным языком, сфера применения языка сузилась до бытового уровня. В то же время крымские татары владеют в различной степени двумя-тремя языками и восприимчивы к изучению языков окружающих их народов.

Решение языковой проблемы возможно только в рамках возрождающейся системы образования на родных языках в Автономной Республике Крым. Но в этой сфере на сегодняшний день имеются серьезные проблемы, связанные с изучением и обучением на крымскотатарском языке. Данные представленные в таблице 1 за два последних учебных годам совпадающих по времени действия Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств являются подтверждением сказанному.

В 2007-2008 учебном году в школах с крымскотатарским языком обучения, где количество часов отводимых на изучение родного языка и литературы можно считать удовлетворительным, обучалось всего 8,79% учащихся крымских татар. Вместе с учащимися классов в школах с двумя-тремя языками обучения эта цифра доходила до 16,59%. Если к этому числу добавить еще 0,54% учащихся изучавших родной язык углубленно, то получим

17,13%. Только каждый шестой изучал родной язык в более или менее необходимом объеме. 17,25% не изучали родной язык вообще (полностью).

По сравнению с предыдущим годом в новом 2008-2009 учебном году количественные параметры состояния изучения и обучения на крымскотатарском языке не претерпели изменений в лучшую сторону (табл.1).

Таблица 1

Данные о количестве учащихся крымских татар обучающихся на родном языке и изучающих родной язык в 2007/08 и 2008/09 учебных годах.

№ п/п	Обучаются на крымскотатарском языке	2007-2008 уч.г.		2008-2009 уч.г.	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1	обучаются в школах с крымскотатарским языком обучения	3123	8,79	2929	8,5
2	в крымскотатарских классах в школах с двумя языками обучения	1258	3,54	915	2,6
3	в крымскотатарских классах в школах с тремя языками обучения	397	1,12	665	1,2
4	в крымскотатарских классах в школах с русским языком обучения	1114	3,14	1103	3,2
	Всего:	5892	16,59	5612	15,5
	Обучаются в школах с русским языком, изучают крымскотатрский язык:				
	как предмет	18878	53,13	18124	52,6
	углубленно	193	0,54	82	0,02
	факультативно	4439	12,49	4297	12,48
	Всего:	23510	66,16	22503	66,0
	не изучают вообще	6130	17,25	6024	17,5
	Итого:	35532	100	34405	100

В 2008-2009 учебном году в школах Автономной Республики Крым обучается 34 405 (19,24% от численности учащихся АРК) крымских татар, из них только 8,5% в школах с родным языком обучения и 7,8% в классах с родным языком обучения в школах с двумя/тремя языками обучения.

В текущем учебном году 6 024 учащихся (17,5%) по различным причинам не изучают родной язык. 12,48 % изучают факультативно (1 час в неделю в лучшем случае) эффективность такого обучения для детей, значительная часть которых не владеет родным языком, близка к нулю. При этом надо учитывать и то, что родители этих учащихся, которые также не обучались на родном языке, владеют слабо родным языком и не могут в должной мере повлиять на языковую компетенцию своих детей. Ограниченное количество групп с крымскотатарским языком воспитания в детских дошкольных учреждениях так же не способствует решению этой проблемы. Количество не изучающих и изучающих факультативно составляет примерно 30% всех учащихся крымских татар, а это треть численности детей, которые не имеют даже теоретических шансов овладеть родным языком в школе. Число отказывающихся изучать родной язык из года в год не только не

сокращается, но и имеет тенденцию к увеличению, учитывая общее сокращение количества учащихся школ. Что является еще одним индикатором состояния дел в этой сфере.

52,6% изучающих родной язык и литературу как предмет, так же не в полной мере удовлетворяют свои языковые потребности. В начальной школе (1 ступени) отводится на изучение родного языка и чтения всего 2 часа по учебным планам, фактически же 1 час. В две недели 1 час языка и 1 час чтения. В классах 2 ступени руководителям школ МОН АРК рекомендует выделять 3 часа на язык и литературу, но в большинстве школ это требование не выдерживается. В классах 3 ступени (10-11 классы) в профильных гуманитарных классах выделяется до 3,5 часа, но в этих классах обучается лишь часть учащихся. В непрофильных классах отводится 1 час на изучение языка.

Обеспеченность учебниками на крымскотатарском языке далека от потребностей. В школах с крымскотатарским языком обучения классы первой ступени обеспечены ими полностью, обеспеченность же учебниками по предметам составляет только 22%. Значительная часть предметов изучается на русском языке.

В школах, где изучают крымскотатарский язык как предмет (12-ти летний цикл обучения) обеспеченность учебниками по языку и литературе составляет 76%. Можно ли в Крыму решить эту проблему? Да можно.

В качестве успешного примера решения вопроса изучения и обучения на родном языке в Украине, можно привести обучение на венгерском и румынском языках в Черновицкой области, где 151 тыс. румын имеет 94 школы с румынским языком обучения (27 400учащихся), 156, 6 тыс. венгров имеют 69 школ с венгерским языком обучения (20,2 тыс. учащихся) [6, с.53-90].

Численность крымских татар в Крыму равна общей численности румын и венгров Черновицкой области. Количество же школ у крымских татар меньше более чем в 10 раз.

Украинцы, проживающие в Крыму, так же не в полной мере удовлетворяют свои потребности в образовании на родном языке.

Успешное решение проблем образования на родном языке в обычной области Украины, в частности Черновицкой, не идет ни в какое сравнение с решением аналогичной проблемы в Крыму, который имеет автономный статус, свою Конституцию, где в ст. 10 гарантируется право изучать и обучаться на родном языке.

Для наглядности можно сравнить то, как обстояло дело с образованием на крымскотатарском языке за двадцать лет существования довоенной Крымской АССР и почти двадцать лет существующей Автономной Республики Крым, учитывая реальные возможности того времени.

В довоенной Крымской АССР в 386 школах с крымскотатарским языком обучалось 87,2% детей крымских татар, 12,8% в школах с русским языком обучения (рис.1). Сравним

эти данные с данными Министерства образования и науки Автономной Республики Крым за 2007-2008 и 2008-2009 учебные годы (рис.2). Ситуация с изучением и обучением на родном языке диаметрально противоположная.

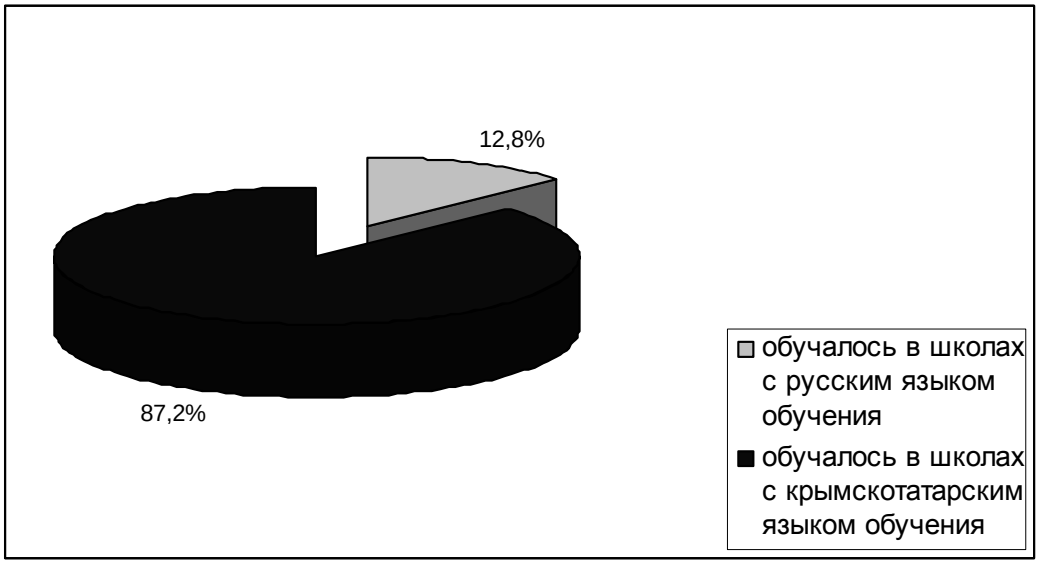


Рис.1. Процентное соотношение учащихся крымских татар, обучавшихся в школах с крымскотатарским и русским языками обучения в 1940- 1941 учебном году.

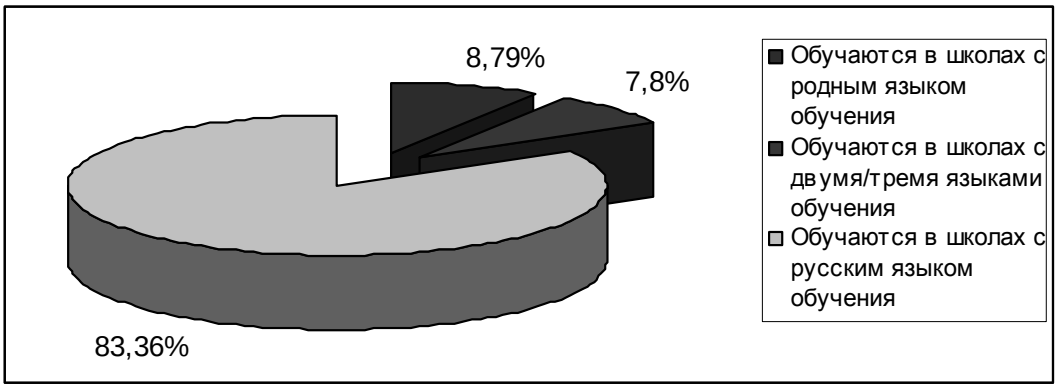


Рис.2. Процентное соотношение учащихся крымских татар, обучающихся в школах с родным языком обучения, с двумя/тремя языками и с русским языком обучения в 2007-2008 учебном году.

Современная система образования Автономной Республики Крым преимущественно моноязычная. В тоже время в 2008-2009 учебном году численность учащихся крымских татар составила 19,1% (почти каждый пятый), украинцев примерно 24,3% (почти каждый четвертый), оставшиеся 56,6% русские и русскоязычные представители этнических групп, которые обучаются на русском языке (рис 3). Общеобразовательные учебные заведения с украинским языком обучения составляют 1,2% (7 школ), с крымскотатарским языком обучения 2,5% (15 школ), школы с русским языком обучения 96,3% (578 школ) (рис. 4).

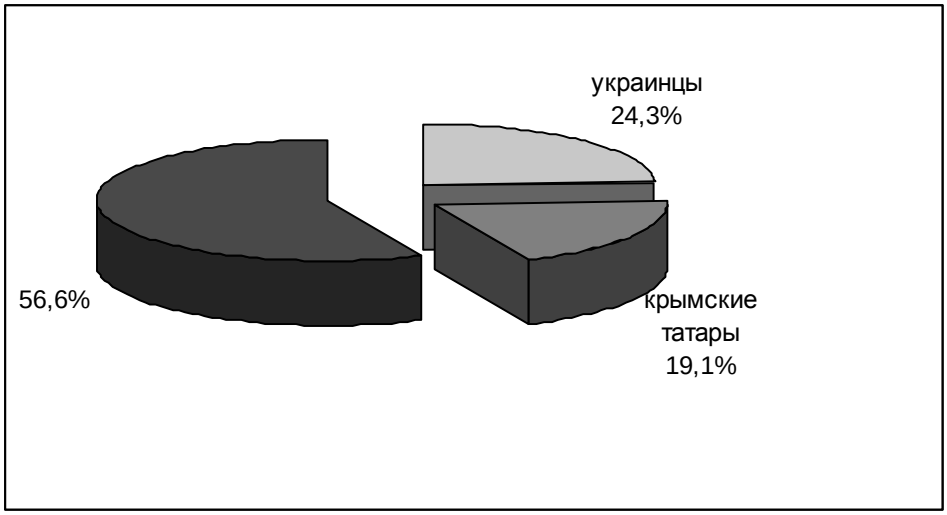


Рис.3.Доля учащихся украинцев и крымских татар в общеобразовательных учебных заведениях I – III ступени в Автономной Республике Крым.

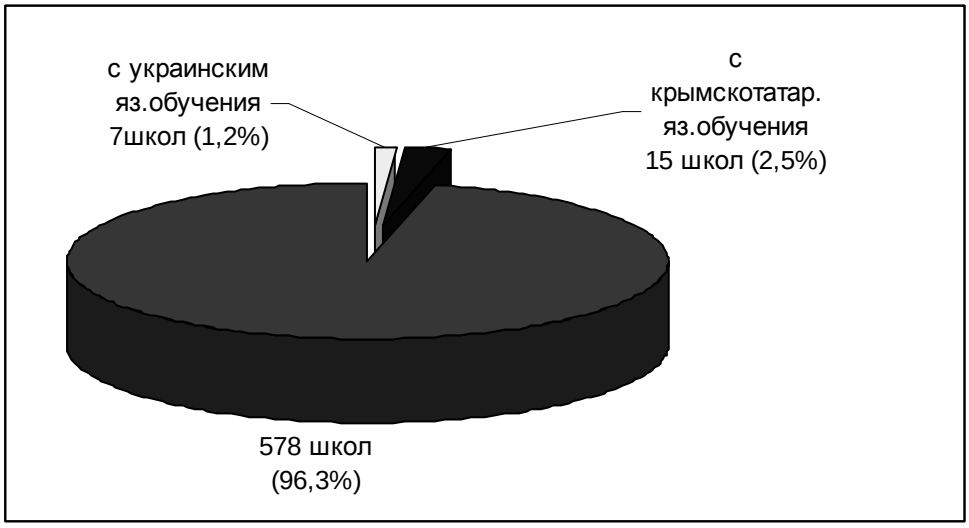


Рис.4. Доля общеобразовательных учебных заведений I – III ступени с украинским и крымскотатарским языком обучения в Автономной Республике Крым.

Существующий явный перекос в соотношении численности учащихся основных этнических групп и численности школ с языками обучения является показателем несбалансированности системы образования Автономной Республики Крым. Все это усложняет проблему сохранения и развития языков в автономии и в первую очередь крымскотатарского, как наименее защищенного и подвергавшегося на протяжении полувека лингвоциду.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы и предложения:

1) Тотальная депортация 1944 года и последовавший, вследствие этого геноцид, уничтожил 46,2% крымскотатарского народа. Выжившие и два поколения, выросшие в местах ссылки, были лишены в абсолютном большинстве возможности изучать родной язык из-за отсутствия учреждений системы образования на родном языке. Тоталитарный режим проводил в отношении крымскотатарского языка политику лингвоцида как в местах ссылки, так и в Крыму до 1989 года.

2) В настоящее время в Украине существует законодательная и нормативная база, включающая международные акты, ратифицированные парламентом Украины и ставшие частью национального законодательства, обеспечивающие право изучать и обучаться на родном языке представителям всех народов и этнических групп, проживающих на ее территории. Необходимо принять меры по фактическому выполнению в полном объеме как центральными, так и республиканскими органами исполнительной власти положений, законов и нормативных актов в сфере образования;

3) За последние два десятилетия проделана определенная работа по развитию образования на украинском, крымскотатарском и других языках в Автономной Республике Крым. В тоже время такая работа явно недостаточна в виду небольшого охвата учащихся этих национальностей обучением на родных языках, слабой материально-технической базы учебных заведений с соответствующими языками обучения, многие школы функционируют в приспособленных помещениях. Не обеспеченны в полной мере учебниками и учебными пособиями, особенно по неязыковым предметам, учителями неязыковых предметов преподающих на родном языке;

4) Вместе с тем языковые проблемы коренных народов и национальных меньшинств в Украине (Автономной Республике Крым) решаются медленно. Прошло уже двадцать лет с начала массового возвращения ранее депортированных крымских татар и граждан других национальностей, актуальность этой проблемы не ослабевает, а наоборот еще более усугубляется с течением времени и представляет реальную угрозу сохранению крымскотатарского языка и возможности его возрождения. При этом следует учитывать и то, что крымскотатарский язык занесен ЮНЕСКО в разряд языков находящихся под угрозой исчезновения;

5) На государственном уровне необходимо принять Концепцию образования на крымскотатарском языке и программу ее реализации, как языка подвергшегося на протяжении пятидесяти лет лингвоциду.

Список литературы

1. Эмирова А.М. Учебные словари как инструмент возрождения и развития крымскотатарского язика / Избранные научные работы. – Симферополь:КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. 366 с.
2. Про виселення з Криму громадян татарської та інших національностей // Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення. (1917-1991). - Київ, 2004. - с.286-288.
3. Рада міністрів Української РСР. Постанова. «Про розселення татар, німців, греків, болгар, вірменів і інших осіб, що раніш проживали в Кримській області, а зараз повертаються з місць спецпоселення» м. Київ від 15 грудня 1956 року // Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення. (1917-1991). - Київ, 2004.- с.256-257.
4. Слонимский Я. Нельзя винить детей в ошибках взрослых / Крымские известия, 2008.– № 20 (3980), – с.3.
5. Эмирова А.М. Актуальные проблемы возрождения языка крымских караимов / Избранные научные работы. – Симферополь:КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. 366 с.

6. Пилипенко Т. Реалізація освітніх потреб представників національних меншин в Україні: стан, проблеми, перспективи // Актуальні питання вітчизняної етнополітики: шляхи модернізації, врахування міжнародного досвіду. – К., 2004. – С.53 – 90.

М.В. Сомов

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Политическая коммуникация является своеобразным видом социальных отношений и без неё невозможно представить современный политический процесс. Она позволяет не только создать полное и достоверное, устойчивое и многогранное представление о политической действительности. С помощью политической коммуникации имеется возможность передачи политических знаний и опыта, а также формирование образа власти. Специфическое место занимают функции политической коммуникации, обеспечивающие распространение, передачу информации, как между элементами политической системы, так и между политической системой и обществом.

Однако необходимо признать, что данная область политической науки не является достаточно разработанной. Вышеназванная научная проблематика в отечественных исследованиях практически не решена не только операционально, то есть в смысле выработки понятийного аппарата, необходимого круга методов изучения политико-коммуникативных процессов и технологий их реализации, а также в аспекте, связанным с внедрением в социально - политическую сферу современных информационных технологий (так называемой информатизацией), придающих новые формы и содержание политической коммуникации.

Изучением политической коммуникации в Украине в различной степени занимаются такие исследователи как Д.О. Шидловский, А.Б. Буданова, О.Б. Зинчина, Ю.Г. Сорока, А.С. Филатов, А.Г. Стариш, В.А. Коляденко, Н.Р. Потураев и др. В изучение политической коммуникации в России вносят вклад такие современные ученые: М. Грачев, А. Соловьев, М. Вершинин, А. Чугунов, В. Музыкант, Ю. Буданцев, Л.Землянова, В. Конецкая, Б. Грушин, Т. Иларионова, Т. Лебедева, Ю.Нисневич и др. Однако, следует отметить на слабую изученность политико-коммуникативных процессов с учетом особенностей отдельных регионов. В настоящей работе мы постараемся сделать это с учетом специфики Автономной Республики Крым.

Основная цель статьи - политологический анализ проблем функционирования политической коммуникации в АР Крым. Для достижения данной цели необходимо выполнение следующих задач:

1) выявление особенностей политической коммуникации в АР Крым в рамках политической системы Украины;

2) определение особенностей функционирования политической коммуникации между различными подсистемами политической системы Украины: центральными органами власти, органами власти АР Крым и крымским сообществом;
3) анализ политической коммуникации в АР Крым в условиях развития современных информационных технологий.

Для всестороннего исследования политико-коммуникативных взаимодействий в автономии, наиболее оптимальным является использование системно-структурного подхода. В рамках системно-структурного подхода предполагается изучение политической коммуникации на следующих уровнях: *институциональном, технологическом, содержательном,* которые структурируют политическую коммуникацию и *модернизационном*, придающим ей новое качество. Данные уровни дают возможность выделить наиболее существенные и качественно отличающиеся компоненты информационно-коммуникационных процессов, которые, с одной стороны, обеспечивают их существование, а с другой – определяют условия эффективной коммуникации политических субъектов.

Институциональный уровень предполагает анализ структуры функционирования политической информации в рамках политической системы Украины путем рассмотрения процесса взаимоотношений между органами власти Украины и АР Крым с момента воссоздания автономии и до формирования современного политико-коммуникативного дискурса между центром и автономией – периодом принятия Конституции Украины и АРК. Помимо этого на данном уровне необходимо выяснить, в чем специфика, основные отличия политической коммуникации в АР Крым от других регионов Украины. На данном уровне применим такой метод исследования как анализ документов, характеризующих взаимоотношение между органами власти Украины и АР Крым.

Ряд исследователей (О. Копыленко, В. Кичун) выделяют определенные этапы в эволюции нормативно-правовой регламентации взаимоотношений между Киевом и автономией (от двух до четырёх этапов). Мы постараемся рассмотрение этих этапов соотнести с эволюцией коммуникации между органами государственной власти Украины и органами власти АРК на основе модели «взаимодействия».

Итак, **первый этап политической коммуникации** можно считать начавшимся с процесса подачи обращения Крымского областного Совета народных депутатов к Верховной Раде УССР с просьбой о восстановлении автономии Крыма. 12 февраля 1991 г. был принят Закон УССР “О восстановлении Крымской Автономной Советской Социалистической Республики”. В данном случае политическая коммуникация можно описать на примере классической модели Г. Лассуэлла [1, с. 57]: **Кто сообщает?** (источник) – *Крымский областной совет народных депутатов* – **Что сообщает?** (сообщение) – *итоги референдума о воссоздании крымской автономии* – **По какому каналу?** (средство связи) – *обращение* –

Кому? (адресат) – *Верховной Раде Украины* – **С каким результатом?** (эффективность) – *Закон «О восстановлении КАССР».*

29 апреля 1992 года был принят Закон "О статусе автономной Республики Крым", что де-факто разграничило полномочия между центром и АРК. Уже 5 мая 1992 г. крымский парламент провозгласил "Акт государственной самостоятельности Республики Крым", а 6.05.92 г. принял Конституцию, которая с того времени стала постоянным источником напряженности в отношениях между центром и автономной республикой. Рассмотрение данных событий позволяет автору *расширить формулу политической коммуникации Г. Лассуэлла и ввести понятие* **«резонанс эффективности политической коммуникации» (или «расширенная эффективность»).** Таким образом, в качестве резонанса эффективности коммуникации выступают - принятие *Закона "О статусе Автономной Республики Крым", а далее - "Акт государственной самостоятельности Республики Крым» и Конституция РК.*

Можно сказать, что 5 мая 1992 г. стало началом **второго этапа**, характеризующегося **конфликтным типом коммуникаций** между органами государственной власти Украины и органами власти АРК, поскольку он сопровождался постоянной напряженностью в их взаимоотношениях.

Как известно, в основу Конституции Автономной Республики Крым от 6 мая 1992 года были положены принципы, провозглашающие Крым суверенным государством, входящим в состав Украины и строящим с ней свои отношения на основе договора и соглашений. Это противоречило законам Украины и видению центра. Рассмотрение данных событий позволяет ввести в анализ политической коммуникации понятие **«шум»** (или «помехи»), представленное в моделях *К. Шеннона – У. Уивера и М.Дефлера* [2, с. 17]:. В качестве примера «шума» («помех») во взаимоотношениях между Киевом и автономией на тот период можно привести – Конституцию Украины с одной стороны и Конституцию РК 6.05.92 года, с другой.

Введение в действие закона "О разграничении полномочий между органами государственной власти Украины и Республики Крым" обуславливалось приведением Верховной Радой Автономной Республики Крым в соответствие с Конституцией и законами Украины Конституции и законодательства республики. Таким образом, начинается процесс **«вертикализации» политической коммуникации** между Киевом и Симферополем, сочетающий в себе элементы моделей Ж. *Коттрэ и К. Сайнне,* рассматривающие ее в формате взаимоотношений между «управляющими» и «управляемыми». Процесс переноса политической коммуникации в вертикальную плоскость со стороны центральных властей свидетельствуют о начале превалирования **убеждающей политической коммуникации**.

Второй этап взаимоотношений длился до 17 марта 1995 г., – до момента, когда Верховная Рада Украины приняла два закона: "Об отмене Конституции и некоторых законов Автономной Республики Крым" и "Об Автономной Республике Крым". В частности, также были

упразднены законы Автономной Республики Крым “О выборах Президента Республики Крым”, “О Президенте Республики Крым”, “О восстановлении конституционных основ государственности Республики Крым” и другие, что как уже было сказано выше сопоставимо с началом превалирования вертикального вида политической коммуникации.

С принятием вышеуказанных законов начинается **третий этап** взаимоотношениях органов государственной власти Украины и органов власти АРК, характерной особенностью которого можно считать дальнейшее постепенное сужение полномочий автономии, стремление приблизить ее статус к статусу других административных единиц Украины. Этот этап длился до принятия основного закона страны - 28 июня 1996 г.

Конституция Украины 1996 г., (раздел X) окончательно закрепила основы правового статуса Автономной Республики Крым. С этого времени начинается **четвертый этап** в их взаимоотношениях, который институционализировался с принятием Верховной Радой АРК в соответствии с Конституцией Украины Конституции Автономной Республики Крым и её утверждение парламентом Украины. Можно сказать, что этот этап длится по сегодняшний день и именно с утверждением вышеназванных документов начинается современный политико-коммуникативный дискурс во взаимоотношениях между органами власти Украины и АР Крым.

Также, можно сделать вывод, что целостная совокупность взаимоотношений, составляют отдельный **институт политической коммуникации** – *институт взаимоотношений органов государственной власти Украины и органов власти Автономной Республики Крым.* Эти взаимоотношения в своем развитии прошли несколько этапов – 1 этап: февраль 1991г – май 1992 г., 2этап: май 1992 г. – март 1995 г., 3 этап: март 1995 – 28.06.1996 г., 4 этап: 1996 (конец 1998 г.) – по сегодняшний день.

Таким образом, говоря о главных особенностях политической коммуникации в АР Крым в отличии от других регионов Украины необходимо акцентировать внимание на превалировании ***ритуальной политической коммуникации*** в регионе. Это выражено как в непосредственной атрибутике, присущей автономии, а также в формах взаимоотношений между центральными, и региональными органами власти. Также ритуальная политическая коммуникация выражается тем, что:

- в названии автономии присутствует слово “республика”;
- существовало признание органов власти автономии в качестве государственных органов власти (1, 2, 3 периоды);
- автономия имеет собственную Конституцию;
- существовало право принимать законы (1, 2, 3 периоды);
- в крымской автономии существовал институт Президента (2 период);
- в автономии существует Верховная Рада как представительный орган власти (4 период);
- наличие в АРК правительства – Совета Министров;

- автономия имеет такие ритуальные атрибуты как флаг, герб, гимн, столицу (с 1 по 4 периоды).

Технологический уровень предполагает анализ механизма функционирования политической коммуникации посредством средств массовой информации, представленных в информационном пространстве АРК, динамику развития партийных и государственных СМИ как каналов политической коммуникации, отражение их количественных характеристик, анализ языкового фактора в крымских СМИ как основного канала политической коммуникации. Метод – проблемно – сравнительный и структурный, анализ статистических данных.

Как видно из проведенного анализа, большая часть общереспубликанской и региональной прессы выходит на русском языке, общим тиражом более 545 тысяч экземпляров в неделю (из них более 259 тысяч – общереспубликанских, более 286 тысяч - региональных печатных изданий). Хотя в отдельности большинство региональных газет значительно уступают по тиражу общереспубликанским. По-видимому, и в силу значительных финансовых трудностей, у ряда районных и городских газет нарушается периодичность выхода. В целом же представленные цифры говорят о том, что практически к каждому четвертому жителю полуострова (включая детей, молодежь и др.) имеет возможность попасть как минимум 1 экземпляр общественно – политической крымской прессы, а если учесть, что семьи состоят из двух – трех человек, то можно предположить, что практически каждый крымчанин имеет возможность получать политическую информацию по такому каналу политической коммуникации как печать.

Относительно функционирования региональных телевизионных компаний как каналов политической коммуникации целесообразно провести количественный анализ их политического сегмента. Так, например, общественно – политическая представленность на Черноморской телекомпании составляет 1565 минут в неделю (около 26 часов в неделю, *данные анализа на конец 2007 г.*), а это 15,5 – 16% от общего телеэфира.

Государственная телерадиокомпания «Крым» выпускает общественно – политических программ в объеме 600 минут в неделю (10 часов) или 12,5% от общего эфира.

Телекомпания ИТВ производит 1010 минут в неделю (более 16 часов) политического эфира или 11,5% от общего объема вещания.

Телекомпания «Неаполь» - общественно-политическая представленность - 430 минут (7 часов 10 минут) в неделю или 13%.

Телекомпания «Жиса» политических программ в объеме 135 минут в неделю (2 часа 15 минут) или 1,5%.

Таким образом, общая представленность общественно – политических, новостийных программ в телевизионном пространстве АР Крым составляет 3740 минут в неделю (более

62 часов). В общей эфирной сетке это составляет около 11%. В целом, данная цифра отвечает стандартам информационного телевещания, а также несколько превышает (а на отдельных крымских каналах в особенности) общественно политическую представленность на некоторых национальных ТВ каналах.

Содержательный уровень предполагает рассмотрение специфики политической коммуникации на примере крымского общества. Анализ содержательного аспекта связан с определением ориентиров жителей крымского региона в процессе участия в политической коммуникации, их количественных показателей, а также данных, отображающих уровень взаимодействия между обществом и властью, отношение к современным политическим институтам и процессам. Особый компонент исследования - анализ такой когорты как молодежь, являющейся носителем новой информационной культуры, связанной с освоением современных информационных технологий. Молодое поколение выступает как социально активная часть населения (молодежная субкультура) и степень включенности или невключенности молодежи в политические процессы во многом определяет общую политическую ситуацию в стране (например, предвыборные периоды). Следовательно, необходимо изучение отношения молодого поколения к политической коммуникации, квантификация этого участия, а также отношения к политическим институтам и процессам, определения их влияния на политическую социализацию, формируемую в процессе политической коммуникации.

Итак, по данным исследований, наиболее активными формами политической коммуникации для жителей АР Крым является участие в выборах, а также в дискуссиях на политические темы. Наименее распространенной формой – участие в митингах и демонстрациях, а самое отрицательное отношение высказано в адрес такой формы как участие в забастовках.

Низкий, ситуативный характер политической коммуникации между органами власти и обществом сказывается и на соответствующей оценке деятельности органов власти со стороны общества, о чем свидетельствуют результаты ответов на следующий вопрос «Как бы Вы оценили деятельность органов власти страны по пятибальной шкале», где 1 – самая низкая, а 5 – самая высокая оценка? (6 – затрудняюсь ответить.) (таблица 1)

Таблица 1

Оценка органов власти

№	Позиция	1 (%)	2 (%)	3 (%)	4 (%)	5 (%)	6 (%)
1	Сегодня	57,36	17,45	14,83	1,86	1,34	7,16
2	Через 10 лет	19,53	13,83	10,6	11,85	2,36	41,84

Исходя из проведенного исследования можно сделать вывод о неготовности работы органов власти как Украины так и АР Крым в режиме постоянного взаимодействия с обществом. На лицо – *убеждающая форма политической коммуникации с ситуативным характером взаимодействия со стороны общества.*

Необходимо заметить, что такая модель коммуникации характерна в целом для государств и обществ переходного типа. Это свидетельствует, что назревает необходимость в новых формах взаимодействия, коммуникации с властью, посредством которых коммуникация могла бы носить диалоговый, более частый характер, ликвидировалась бы проблема коммуникационного неравенства, был бы решен вопрос равноправного информационного обмена, что присутствует в развитых демократических государствах, которым стремится стать Украина.

Относительно участия молодого поколения в процессе политической коммуникации можно зафиксировать внимание на данных исследований, проведенных автором. На вопрос: «Как часто обсуждают молодые люди политику с друзьями, родителями, знакомыми, коллегами по учебе (работе), в кругу семьи на протяжении последнего времени?» были получены следующие данные: 22,3% респондентов ответили, что обсуждают политические события ежедневно или почти ежедневно, 28,2% - 1-2 раза в неделю, 18,3% - 1-2 раза в месяц, 12,0% - несколько раз в год и 14,0% молодых людей не интересуются политикой вообще. 5,2% - затруднились с ответом.

Также, данные, полученные в результате исследования, позволяют составить рейтинг агентов и институтов политической социализации молодежи Крыма, формирующейся в результате реакции на политическую коммуникацию. На вопрос: «Кто или что больше повлияло на формирование Ваших политических взглядов?» (возможны были ответы на несколько вариантов ответов) были получены следующие результаты. 44,5% молодых людей в своих политических предпочтениях полагаются на собственный жизненный опыт, практически каждый второй (42,5%) ориентируется на политические сведения, исходящие от средств массовой информации. Для 14,3% источником формирования политических взглядов выступают родители, для 13,9% – учителя и преподаватели, а для 12,9% - книги. Коллеги по учебе (работе), школа, а также жена (муж) являются менее значимыми источниками политической социализации (7,9%, 4,8%, 4,2% соответственно). 7,9 % респондентов ответили, что не имеют определенных политических взглядов, а 3,1 % затруднились с ответом.

Наиболее привлекательными видами политической рекламы для молодежи являются: интервью на телевидении – 40,8%, встреча кандидатов с избирателями – 31,3%, телевизионные рекламные ролики – 29,4% , политические анекдоты – 21,7%, плакаты на больших щитах на улице (бигборды) – 20,2%, газетные публикации – 17,4%, интервью на радио – 14,9%, агитация на улице (стационарный пункт агитации за кандидата) – 10,1% [3, с. 144].

В целом, данные опроса говорят о том, что СМИ не являются главным источником информации (в том числе политической) практически для каждого второго опрошенного. Также можно сделать вывод, что СМИ далеко не всегда отражают интересы молодежи и дают интересную и объективную для неё информацию.

Модернизационный уровень предполагает анализ аспектов отображающих запросы времени – начала 21 века, связанных с преобразованиями в политической коммуникации - процессом информатизации – внедрением в социально-политическую сферу современных информационных технологий, ведущего к становлению информационного общества и соответственно трансформациями на всех вышеуказанных уровнях. На данном уровне необходимо рассмотрение вышеназванных процессов на основе анализа такой формы политической коммуникации как электронное правление – количественный анализ информатизации политических институтов автономии, количественный анализ информатизации социальной сферы, выделение политического сегмента в использовании современных информационных технологий со стороны общества.

Появление Интернета оказывает существенное влияние на политический мир. И, неудивительно, что в последние годы общественно – политический лексикон обогатился такими понятиями как «электронное правительство», «киберполитика», «кибердемократия», «компьютерноопосредованная политическая коммуникация», «цифровая (дигитальная) демократия», «электронное гражданство» и др. А Интернет сайты стали непременным атрибутом присутствия субъектов политики на современном политическом рынке. В условиях же становления информационного общества анализ проблемы борьбы за власть, очевидно, смещается в плоскость борьбы за власть и собственность на «средства производства общественного мнения», т.е средства коммуникации.

В результате проведенного исследования подтвердилась гипотеза, что наиболее широко услугами Интернет пользуется молодежь, как в целях получения свежей информации, так и в развлекательном аспекте. Люди старшего поколения знакомы с Интернет из-за необходимости выполнения ими профессиональных обязанностей. Неизбежность пользования возможностями Интернета обусловлена, прежде всего, современным образом жизни. Успешность каждого отдельно взятого индивида напрямую связана с быстрым доступом к самой свежей исчерпывающей информации в оптимальном объеме при минимизации затрат на ее поиск. Результаты исследований, проведенных автором, фиксируют больший интерес к политической тематике в Интернете со стороны старшего поколения. Так новости политики вызывают интерес у 31,1 % представителей старшего поколения, у молодежи этот показатель равен 9,1%, а в общем рейтинге новости политики занимают седьмое место (20,1 %). Сайты органов власти, политических партий и общественных организаций вызывают меньший интерес у исследуемых возрастных групп и составляет 16,8% (это 11 место) у взрослого

населения и 5,45% (16 место) у молодежи. На лидирующем месте все же остается позиция «Развлечения» - более 65% у молодежи и 37,0% у старшего поколения.

Исходя из анализа крымского сегмента Интернет, его политическую составляющую можно классифицировать на: 1) сайты органов власти АР Крым и местного самоуправления; 2) сайты информационо – аналитических центров; 3) сайты СМИ; 4) сайты крымских отделений политических партий; 5) сайты этнических организаций; 6) сайты общественных (неэтнических) организаций; 7) сайты крымских политиков. В отдельную группу можно выделить экстремистские сайты, в которых могут быть представлены сайты 4, 5, 6 категорий. Наименее посещаемые: 1 и 2 группа. Также в данных группах наиболее низкий показатель «обратной связи». Наиболее посещаемые 5, 3, 6 и 4 группы.

Особенности сайтов крымских отделений политических партий: 1) подавляющее большинство созданы под выборы 2006 г. (функционируют с 2005 г.); 2) прекращается их обновление после окончания выборов (последняя информация и новости датируются мартом – апрелем 2006 г.); 3) отсутствие форумов с обсуждением общественно значимых проблем, гостевых книг; 4) наиболее посещаемый – сайт КРО партии Регионов.

Из числа опрошенных пользователей, 28,22% полагают, что на политических сайтах можно оперативно получить необходимую информацию. 9% высказались, что на подобных сайтах можно участвовать в обсуждении общественно значимых проблем, что способствует становлению демократии. В целом же, около 40% опрошенных положительно относятся к проведению дискуссий и форумов по общественно значимым проблемам в сети, а более 13% участвуют в подобных дискуссиях и форумах. По данным же мониторинга Украинского независимого центра политических исследований, проведенным в мае 2007 года общий рейтинг информационной открытости сайта крымского правительства – «Информационный портал АР Крым» - www.crimea-portal.gov.ua занимает 23 место из исследованных 27 сайтов областных и местных администраций представляющих регионы Украины [4]. Говоря же об информатизации органов власти АР Крым, следует отметить, что в автономии всего 62% рабочих мест государственных служащих оборудованы компьютерами (данные Регионального центра развития электронного управления в Крыму). При этом 61 % госслужащих имеет на рабочем месте доступ к сети в Интернет, 60% органов власти имеют веб-сайты, 58% совершают документооборот через компьютерные сети [5]. Ниже (*таблица 2*) приводится анализ динамики роста парка вычислительной техники предприятий Украины и АР Крым, а также динамика ее численности в органах власти автономии [6, с. 72].

Таблица 2

(единиц)	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**
АР Крым	24091	25446	32466	42664	50393
Государственное управление	5935	6561	8458	11043	13843

Следовательно, необходимо акцентировать внимание на том, что Интернет повышает политические возможности рядовых граждан, превращая их из ситуативных в постоянных акторов политического процесса. Помимо решения вопроса транспарентности политики, современные информационные технологии (СИТ) могут способствовать повышению морального авторитета власти, повышать легитимность, укреплять положение властных структур, формировать привлекательный образ политики (например, для молодежи), а также увеличивать социальный капитал, необходимый для эффективного функционирования власти.

Таким образом, системно-структурный подход исследования политической коммуникации способствует многостороннему анализу данного социального феномена. Системно – структурный подход позволяет рассматривать политическую коммуникацию как инструмент целенаправленного конструирования политических порядков, как важное средство выстраивания необходимых власти связей и отношений, как на институциональном, так и на технологическом, содержательном и модернизационном уровнях. В настоящей работе этот анализ осуществлен с учетом специфики Автономной Республики Крым.

Список литературы

1. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. – 253 с.
2. Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов/ (Петрунин Ю.Ю. и др.); под ред. А.И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 332 с.
3. Сомов М.В. Отношение учащейся молодежи АР Крым к политической коммуникации: результаты исследования // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових статей. Історія. Політичні науки. Міжнародні відносини. – Вип. 325-326. – Чернівці: Рута, 2007. – с. 141-145.
4. www.ucipr.kiev.ua/index.php?name
5. Чиновникам не хватает компьютеров // События, № 40. – 10.10.2008. Сомов М.В. Основные аспекты развития информационного общества в АР Крым // Стратегии развития Украины в глобальной среде / Материалы II международной

В.А. Темненко

НАСЕЛЕНИЕ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ КАК ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ МАШИНА

1. Закон Парето и эпизод Собянина-Суховольского

Статистический анализ любых политических выборов и исследование количественных закономерностей голосования являются мощными инструментами изучения общества.

Общество, голосуя, не только приводит к власти победителей: оно ясно и темпераментно рассказывает о себе самом, своем устройстве. Безъязыкая улица повествует о себе выборными жестами. Для их понимания следует посмотреть не только на победителей, но и на всю математику итогов голосования.

Классическим примером решительного, но неосторожного применения этого

инструментария был известный анализ декабрьских выборов 1993 года в Российской Федерации, проведенный группой Собянина-Суховольского. По результатам анализа эксперты пришли к скандальным выводам: итоги выборов 12 декабря фальсифицированы; пятидесятипроцентная явка избирателей, необходимая для принятия конституции, не была достигнута; Конституция и система высших органов представительной власти в России являются нелегитимными.

Известный диссидент и моралист Кронид Любарский заявил тогда с пафосом: «Единственным последовательным решением в сложившейся ситуации для Президента было бы назначение независимой комиссии по проверке всех результатов выборов; аннулирование их в случае почти несомненного обнаружения их фальсификации, даже если при этом придется аннулировать и результаты голосования по Конституции; корректировка проекта Конституции; полная ревизия положения о выборах; назначение новых выборов при современном техническом оснащении»[i].

К счастью или к несчастью, политики почти никогда не действуют по предписаниям моралистов. Так называемая «Рабочая группа по анализу референдумов и выборов при Администрации Президента Российской Федерации», подготовившая такие скандальные выводы, была немедленно расформирована; тогдашний глава Администрации Президента России Сергей Филатов сухо откомментировал журналистам фамилии Собянина и Суховольского: «Такие эксперты в администрации Президента не работают».

В чем состояла методика анализа Собянина-Суховольского? Фактическое распределение голосов на выборах (по кандидатам или по избирательным блокам) сопоставлялось с теоретическим графиком Парето; отклонения от закона Парето трактовались как подтасовка результатов. Закон Парето – это утверждение о степенной связи между номером места, занятым на выборах кандидатом и числом поданных за него голосов. В логарифмических осях график Парето имеет вид прямой линии, идущей «сверху слева вниз направо». В уже цитированной статье Кронида Любарского был приведен портрет бородатого итальянского экономиста и социолога начала XX века с патетической подписью: «Вильфредо Парето, математические идеи которого помогают разоблачить фальсификаторов выборов».

Здесь уместен небольшой комментарий. Социологические зависимости – типа закона Парето – являются, как правило, не точными, а аппроксимационными. Они приближенно описывают соотношения в некоторой области изменения параметров. В. Парето установил свой закон при анализе распределения людей по доходам. Впоследствии выяснилось, что такие же соотношения описывают, например, распределение ученых по продуктивности, хищников по весу или городов по числу жителей. В самой общей и ироничной форме они исчерпываются популярным утверждением, гласящим, что «двадцать процентов людей выпивают восемьдесят процентов пива». Иными словами, небольшая часть кандидатов при

выборах забирает большую часть голосов, небольшая часть ученых пишет большую часть научных статей и т.п. В такой расплывчатой форме, несомненно, закон Парето верен всегда. Однако в строго количественной форме, приводящей к прямолинейному графику в логарифмических осях, закон Парето совсем не обязан выполняться. Законы социологии имеют значительно меньшую принудительную силу, чем, например, законы механики Ньютона, и отклонение от графика Парето – в отличие от нарушения законов Ньютона – отнюдь не обязательно свидетельствует о фальсификации данных или ошибке наблюдения.

Применимость простых социологических соотношений типа закона Парето требует выполнения определенных условий – в частности, условия равновесности, стационарности изучаемой системы. Анализируя итоги выборов в СНГ, разумно исходить из предпосылки о резко неравновесном, нестационарном состоянии посткоммунистического общества. Социум еще не выработал стандартной электоральной модели поведения, и потребуется определенное количество электоральных циклов для самообучения общества и выработки такой модели. Попросту потребуется новое поколение избирателей, выросших в условиях демократии и свободы слова. Принимая результаты выборов за некую эмпирическую истину, можно выяснить – что же эти результаты говорят об обществе? В этом плане наш подход методически отличается от подхода красноярского исследователя Владислава Суховольского, который предполагал «ньютоновскую» обязательность закона Парето и трактовал отклонения от него как индикатор фальсификации выборов. Такой методический подход в сочетании с реально обнаруженными членом Центризбиркома от «Выбора России» Александром Собяниным фактами нарушения демократических процедур и фактами российского чиновного хамства при выборах, создал гремучую смесь выводов группы Собянина-Суховольского. Эта смесь громыхнула в средствах массовой информации всего мира, но не нашла сильного отзвука в сердцах российских избирателей и – тем более – российских политиков, не склонных в то время пересматривать итоги вооруженного передела власти, произошедшего в России в октябре 1993 года: выборы просто дали человеческую легитимизацию решениям «божьего суда».

Наша методика несколько более миролюбива. Она предполагает, что законы электорального поведения должны быть результатом анализа эмпирических данных, а не априорной базой для их анализа.

В качестве материала для анализа мы использовали данные о выборах в Верховный Совет Республики Крым весной 1994 года (так назывался в то время этот орган представительной власти; сейчас и орган, и территория называются иначе) с некоторым привлечением данных о крымских результатах выборов Президента Украины летом 1994 года.

Выборы в Верховный Совет Республики Крым весной 1994 года интересны для анализа по ряду причин.

Во-первых, эти выборы проводились в два тура. Позже Законодатель решил ограничиться одним туром выборов. Методика, описанная ниже, позволяла (хотя и в очень ограниченной мере) уловить статистические указания на возможную фальсификацию результатов при сопоставлении данных по двум турам выборов.

Во-вторых, выборы 1994 года в Верховный Совет Автономии проводились по смешанной пропорционально-мажоритарной системе. Сопоставление результатов выборов по этим двум системам позволяло сравнивать устойчивость голосования по ним. Немаловажная черта крымских пропорциональных выборов 1994 года состояла в наличии легитимных региональных политических партий и объединений. Позже Законодатель, озабоченный поддержанием унитарности Украины, запретил существование региональных политических партий.

В третьих, выборы 1994 года учитывали наличие проблемы депортированных народов в Крыму. Только на этих выборах существовала квота для репатриантов. Анализ выборов в пределах этой квоты позволял делать определенные заключения об электоральном поведении крымских татар. В последующие годы эта квота для репатриантов была отменена.

И, наконец, на последующих выборах вплоть до Оранжевой революции, во всё нарастающем объеме действовали известные факторы административного и иного давления на избирательные комиссии и электорат. Украинская политическая и деловая элита не пожелала ждать итогов многолетнего самообучения электората, а взяла дело выборов в собственные руки. Последующие выборы мало интересны с точки зрения применения статистических методов изучения электорального поведения масс. Они дают некоторый материал для изучения электорального поведения элит. Такие выборы – это, несомненно, демократия. Однако это не евроатлантический вариант демократии, а какой-то иной. Это такая демократия, при которой поведение рядовых избирателей не имеет определяющего значения.

2. Многомандатные округа подчиняются логике Парето

Автор, не являясь, разумеется, Парето-ненавистником, с удовольствием обнаруживал выполнение закона Парето в отдельных ситуациях. Итоги выборов в одномандатных округах, как правило, плохо апроксимировались кривой Парето, но многомандатные округа были более почтительны к итальянскому социологу.

На мартовских выборах 1994 года в Республике Крым было образовано два многомандатных округа. В одном состязались пять политических партий и избирательных блоков. Результаты выборов представлены на рисунке 1 в «парето-плоскости», т.е. логарифм числа голосов поданных за партию или блок показан в зависимости от логарифма номера места занятого на выборах партией или блоком. Видно, что первые четыре точки почти идеально укладываются на прямую, демонстрируя справедливость закона Парето: число голосов обратно пропорционально занятому месту, возведенному в некоторую степень.

Показатель степени в данном случае примерно равен 2,3. Этот параметр является важной социальной константой, характеризующей состояние крымского общества весной 1994 года. К сожалению, знание этой константы почти бесполезно – невозможно предсказать, как она изменится к следующим выборам. Не существует способа вычисления этой константы на базе какой-либо модели общества.

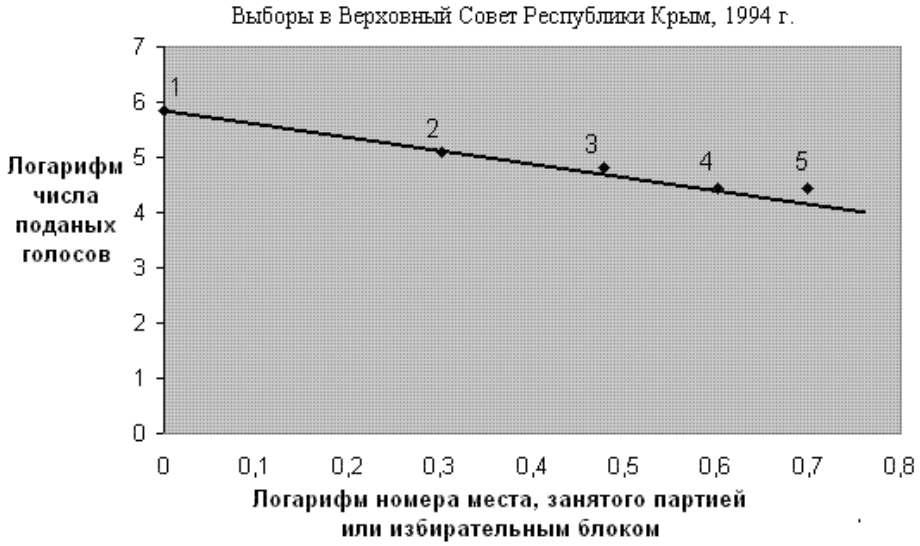


Рис. 1. Парето-профиль многомандатного избирательного округа

Пятая партия, партия-аутсайдер, несколько отклоняется от прямой Парето. В духе подхода Суховольского по величине отклонения можно оценить, что из 27 тысяч бюллетеней, поданных за Крымскую Партию Социальных Гарантий, примерно 10 тысяч – фальсифицировано. Однако мы не склонны разделять позицию Суховольского и предполагаем, что здесь проявляется своеобразный эффект аутсайдера – небольшая часть избирателей просто жалеет заведомого неудачника и отдает ему «голоса в утешение».

Рис. 2. Парето-профиль крымскотатарского многомандатного избирательного округа

В другом многомандатном национальном округе за голоса избирателей – крымских татар – состязались четыре общественно-политические и национально-культурные крымско-татарские организации. Результаты выборов представлены на рисунке 2 в виде «парето-профиля», как и на рисунке 1. Три лидирующие организации укладываются на прямую, описывающую закон Парето с показателем конкуренции, равным 4,0. Последняя точка демонстрирует «эффект аутсайдера».

Парето-линия для этого округа показывает, что конкуренция между организациями-участниками носит более жёсткий, «обрезающий» характер, чем для общекрымского многопартийного округа: участники номер 2, 3, 4 не имели шансов попасть в крымский парламент.

Несомненно, показатель политической конкуренции зависит от величины партийных бюджетов и числа активных сторонников партий. Однако эмпирическая база для расчета этих зависимостей в настоящее время отсутствует.

3. Одномандатные округа: распределение по числу избирателей

Равные возможности избирателей при выборах по мажоритарной системе обеспечиваются правильным «нарезанием» избирательных округов. В результате «нарезания» должны возникнуть округа с примерно одинаковой численностью избирателей. В Республике Крым образца 1994 года это равенство фактически отсутствовало. Рис. 3 показывает распределение одномандатных округов по числу избирателей, принявших участие в первом туре выборов в Верховный Совет Республики Крым в марте 1994 г. При среднем числе избирателей первого тура 15790 на округ, диапазон изменения этой величины по отдельным округам чрезмерно велик: от 7910 до 30018. Следовательно, голоса некоторых избирателей почти в четыре раза более «весомы», чем голоса других.

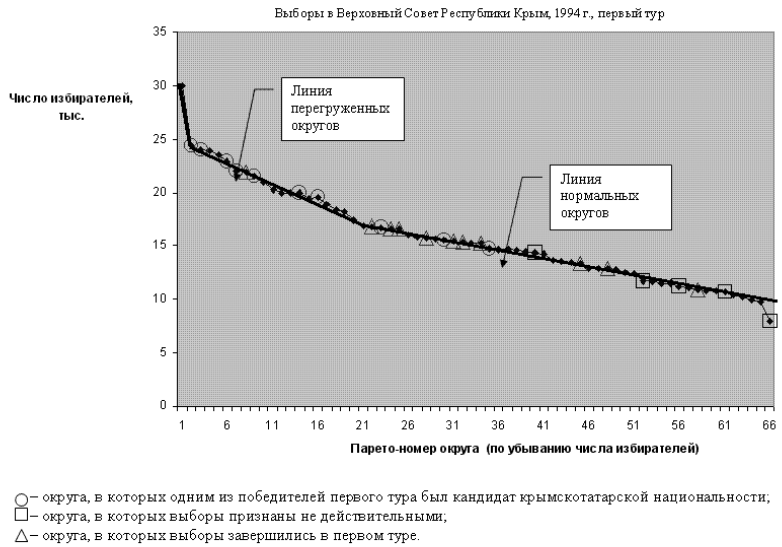


Рис. 3. Нормальные и перегруженные избирательные округа: Парето-распределение одномандатных округов по числу избирателей, принявших участие в голосовании

Дабы не возникало путаницы, будем использовать термин «избирательный номер» (EN) для номера, присвоенного округу центральной избирательной комиссией, и термин «Парето-номер» (N) для обозначения места округа в списке, составленном по какому-либо «арифметическому» признаку, например по числу избирателей первого тура. В частности, Парето-номеру N 1 на рис. 3 соответствует избирательный номер EN 45 (Нижнегорский избирательный округ).

Распределение, представленное на рис. 3, несмотря на «волнистый» статистический характер, хорошо аппроксимируется двумя отрезками прямых (математики в таких случаях говорят о «кусочно-линейной» зависимости). Одна прямая линия – назовем ее линией нормальных округов – охватывает округа с N= 22 – 65. Другая, более круто наклоненная прямая, – назовем ее линией перегруженных округов – охватывает округа с N= 2 – 22. Имеется также «сверхперегруженный» округ N1 (EN45) и округ-аутсайдер N66 (EN 64, Корабельный ИО).

Явление «перегрузки» округов имеет скорей всего, случайно-географические причины. Рис. 3 косвенно указывает на одну возможную причину, имеющую систематический характер. На этом рисунке кружками (о) показаны округа, в которых одним из двух победителей первого тура был кандидат крымскотатарской национальности. Подавляющее большинство (8 из 10) таких ситуаций приходится на «перегруженные округа». Вероятно, в этих округах преимущественно оседало крымскотатарское население, увеличивая число жителей и число избирателей, что не учитывалось старыми рамками округов.

Меньше всего хотелось бы думать, что такое нарезание перегруженных округов имело преднамеренный характер, имеющий целью «разводнение» крымскотатарских голосов славянскими голосами: ни один крымский татарин не смог победить во втором туре. Это лишний раз свидетельствует о том, что нормальное представительство крымских татар – а значит и сохранение межэтнического мира через парламентский механизм сглаживания межэтнических разногласий – невозможно без специального выборного механизма (это не обязательно квотный принцип). Итоги второго тура выборов 1994 года в тех округах, где одним из кандидатов был крымский татарин, показывали, что в таких ситуациях славянское население объединялось независимо от политических предпочтений и голосовало против неславянского кандидата. В некоторых случаях кандидат – неславянин во втором туре набирал практически столько же голосов, сколько и в первом (EN 38, EN 39) – весь его избирательный ресурс исчерпывался в первом туре.

Альтернативой специальному выборному механизму или квотному принципу могла бы стать та или иная форма легитимации национальных крымскотатарских властных органов, например, меджлиса, с инкорпорацией в структуру власти и бюджетную структуру.

Однако подобная мысль чужда крымской политической философии: она отторгалась и

при Н.В. Багрове и, тем более, во времена Мешкова-Цекова. Неприемлема она была ни для парламента Л.И. Грача, ни для парламента Б.Г. Дейча

На рис. 3 треугольниками (Δ) отмечены те округа, где выборы завершились в первом туре (видно, что этому способствует размер округа, близкий к среднему), и – квадратиками (€) – округа, в которых выборы первого тура признаны несостоявшимися (это происходит только в некоторых округах с размером меньше среднего).

В целом данные, представленные на рис. 3 лишний раз свидетельствуют о необходимости общественного контроля над «избирательной географией», т.е. процедурой «нарезки» округов, во избежание того, что на жаргоне специалистов именуется «Джерримендер» (так называют произвольные манипуляции с границами округов, удобные исполнительной власти или другим заказчикам).

4. Мистика второго тура

Для экономии места мы не приводим здесь график распределения округов по числу избирателей, участвовавших во втором туре выборов. Этот график аналогичен рис. 3, с естественным сжатием по горизонтальной оси (во втором туре выборы проводились в 49 округах, а в первом – в 66). Есть линия перегруженных округов с NN 2-16, линия нормальных округов с NN 16-46, сверхперегруженный округ (EN 45) и три округа-аутсайдера, недотягивающих до линии нормальных округов (EN 62, 1, 57). Сопоставление списка "перегруженных" округов первого и второго туров позволяет заметить любопытные особенности. В основных чертах эти списки совпадают, что отражает реальную перегруженность округов. Имеются небольшие перемещения на 2-3 позиции в этом списке, отражающие статистическую, случайную природу явки/неявки избирателей. Однако имеются и резкие загадочные перемещения. Так, в список «перегруженных» округов второго тура врывается рядовой округ EN 19, переместившийся с 38-го места на 13-е. Врывается в этот список и избирательный округ EN 14 (с 29-го места на 16-е). В "хвосте" перегруженного списка возникает на восемнадцатом месте округ EN 18, поднявшись с 36-го места. Заметим, что все эти три «резкоактивизировавшихся» округа расположены в Симферополе. Некоторые округа, оставаясь на линии нормальных, резко поднялись вдоль этой линии во втором туре (EN 8, 16, 17, 20, 22, 26, 32, 56). Факты резких перемещений на графике распределения округов по числу явившихся на выборы избирателей являются косвенными индикаторами неавтономности выборов второго тура. Этот термин, позаимствованный из математической теории динамических систем, а не из политической теории, описывает две возможные ситуации:

- фальсификация результатов выборов второго тура;
- энергичное, нестандартное воздействие на избирателей между первым и вторым туром, опирающееся на финансовые и организационные возможности кандидатов, приведшее к значительному возрастанию активности избирателей.

С точки зрения законности результатов, эти две ситуации различаются; с точки же зрения самих результатов и их анализа – они неотличимы (поэтому мы используем один термин «неавтономность»). Наши обывательские наблюдения за вторым туром выборов наталкивали на мысль, что, возможно, практическая разница между первым и вторым механизмом неавтономности не так уж и велика.

Во втором туре в целом активность избирателей возросла – это еще одна загадка второго тура (естественно было бы ожидать некоторого спада активности). Рис. 4 показывает распределение этой дополнительной активности по округам, в процентах к числу избирателей первого тура. Этот график выглядит достаточно обескураживающе. Можно было бы ожидать статистических отклонений активности в пределах от –10% до +10% для большинства округов и появления малой группы «неавтономных» округов с большим положительным приростом активности β и разрывом графика. Однако график имеет достаточно плавный вид, хорошо аппроксимируется прямой линией для большинства округов. Эта прямая линия охватывает диапазон прироста активности от β = -2% до β = +30%. Избыток положительных значений β свидетельствует, вероятно, о реальном возрастании активности крымских избирателей от первого ко второму туру. Имеются два округа-аутсайдера с β =–9,9% (EN 47, 54). По составу кандидатов первого тура можно предположить, что такой резкий спад активности был вызван массовой неявкой во втором туре крымских татар, разочарованных итогами первого тура.

Кроме прямой линии нарастания активности и округов-аутсайдеров на рис. 4 имеется еще «купол» в 7-8 округов с приростом активности выше 30%. Возможно, это еще один индикатор «неавтономности» выборов в этих округах. Это округа EN 16 (β =+45%); EN 8 (β =+44%); EN 19 (β =+41%); EN 20(β =+41%); EN 26 (β =+38%); EN 18 (β =+33%); EN 22 (β =+32%); EN 61 (β =+30%).

Разумеется, причины неавтономности могут быть самыми разными – меньше всего у нас желания акцентировать фальсификацию выборов как возможную причину. Например, выступление в 1994 году командования ЧФ в пользу одного из севастопольских кандидатов не только вызвало значительный прирост активности избирателей, но и создало любопытное явление «инверсии»: выборы второго тура выиграл кандидат, имевший второе место по итогам первого тура. Местные наблюдатели говорили, что, поддерживая кандидата-офицера, командование хотело попросту от него избавиться: так прихотливо могут переплетаться подлинные цели представителей элиты, их публичные действия и реакция населения. Этот пример напоминает, что в социальной проблематике любые статистические выводы без инсайдерской информации могут оказаться сомнительными.

На рис. 4 показаны стрелочкой 8 округов, в которых имела место инверсия.

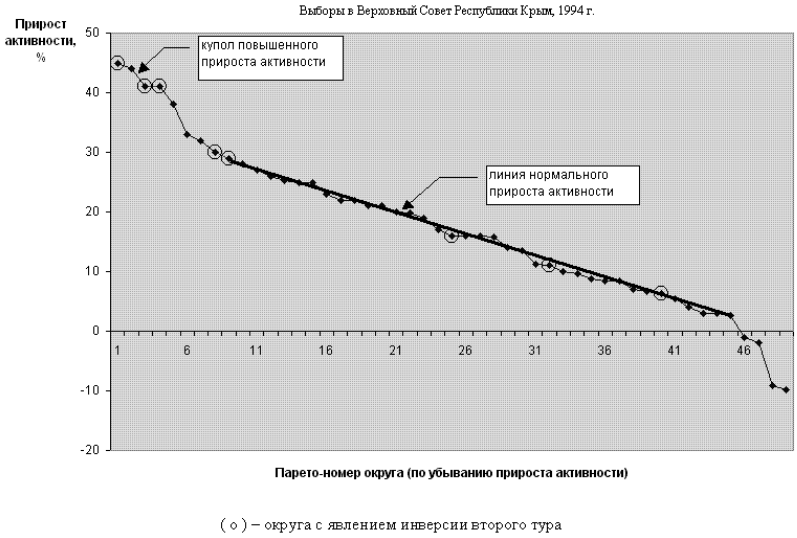


Рис. 4. Парето-распределение прироста активности избирателей во втором туре, в процентах от числа избирателей, принявших участие в первом туре

Есть еще девятый округ EN 34, в котором инверсия имела явно этнический характер: избиратели-славяне дружно отвергли крымского татарина, выигравшего первый тур; этот случай не отмечен на рис. 4. Инверсия сама по себе – вполне возможное явление (иначе второй тур вообще бы не имел смысла), но сочетание ее с другими индикаторами неавтономности укрепляет подозрения в неавтономности второго тура. Любопытно, что пять из восьми случаев инверсии лежат в вершине кривой нарастания активности (β >+29%), а три из них – на самой верхушке «купола активности» (EN16, β =+45%, победитель второго тура Рябков А.П.; EN19, β =+41%, победитель Коротко А.Ш., EN 20, β =+41%, победитель Супрунюк Е.В.; последний позже побывал в должности председателя Верховного Совета Крыма, а еще позже его разыскивали правоохранительные органы по обвинению в убийстве).

5. Одномандатные округа: символ, лидеры, нахалы, аутсайдеры

Побывав во многомандатных округах и на втором туре выборов, вернемся вновь к первому туру и одномандатным округам. Можно сразу указать две главные особенности этих выборов, чреватые нарушением классических Парето-закономерностей:

1. В те годы в Крыму произошло искусственное и, вообще говоря, неприемлемое перемешивание принципа состязания независимых кандидатов и принципа состязания партийных списков. В силу кратковременных особенностей предвыборного периода 1994 года кандидат от избирательного блока «Россия» независимо от личных качеств становился кандидатом – «символом», оттягивающим на себя значительную часть голосов, и нарушающим Парето-равноправие всех кандидатов. Тем самым так называемый блок «Россия» обошел «партийную квоту» в 14 мест, создал резко неравновесную структуру парламента, и в итоге, породил короткую и вздорную

Мешковско-Цековскую эпоху, эпоху победившего русского люмпена.

2. Во многих округах произошло выдвижение чрезмерно большого числа кандидатов (до трех десятков). Очевидно, что никакой избиратель не удерживает ни в сознании, ни в подсознании такое количество претендентов как равновзвешиваемых. Вероятно, каждый избиратель каким-то собственным способом объединяет кандидатов в компактные группы, проводит собственное ранжирование групп и затем ранжирование кандидатов в одной предпочитаемой им группе. Даже если каждое из этих двух ранжирований имеет Парето-статистику, в результате суперпозиции они приводят к сложным непаретовским зависимостям. Итоги выборов становятся не только труднопрогнозируемыми, но, в каком-то смысле, и трудно анализируемыми.

Как следует из информации, представленной выше, пропорциональный принцип состязания небольшого числа партийных списков в многомандатном округе является с этой точки зрения более предпочтительным, приводит к более устойчивым и постигаемым социальным результатам.

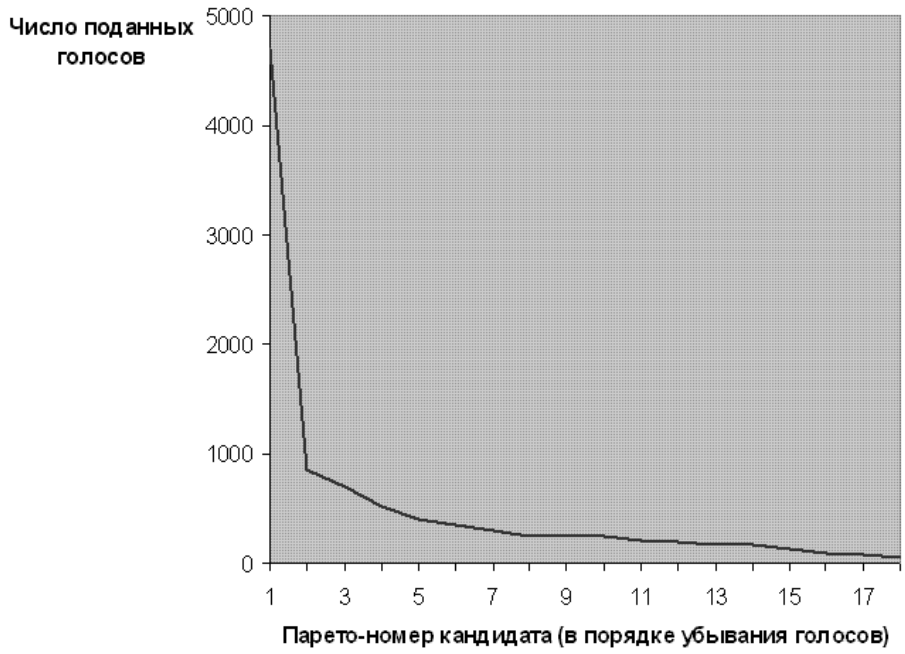


Рис. 5а. Парето-распределение голосов, поданных за кандидатов в Чапаевском избирательном округе; график в линейном масштабе

Крымские выборы 1994 года дали 132 графика Парето-распределений процента голосов, поданных в марте 1994 года за каждого кандидата во всех 66 округа – один график в линейном масштабе для каждого округа и один график в логарифмических Парето-осях. К сожалению, мы не можем привести их здесь для свободного усмотрения читателем своих собственных выводов из этого массива данных. Нам придется ограничиться качественным описанием наших выводов из этих материалов.

Как правило, во многих округах, четко выделялся «кандидат-символ», забирающий на себя 40-70% голосов избирателей первого тура. «Символ» был виден не только в линейном масштабе, но и в логарифмических осях, даже если за ним можно было иногда усмотреть почти прямолинейный «Парето-хвост» из менее популярных кандидатов.

Рисунок 5 иллюстрирует меру выделенности «символа» и характер «Парето-хвоста» на примере избирательного округа EN 6 (Чапаевский избирательный округ). Распределение голосов, поданных за кандидатов, показано в линейных осях (рис. 5а), а также в логарифмических «парето-осях» (рис. 5б). В этих осях «парето-зона» – т.е. почти прямолинейная зависимость охватывает – основную часть кандидатов с номерами от второго до пятнадцатого. Наклон парето-прямой (т.е. показатель конкуренции) примерно равен единице, что соответствует ситуации очень сильной и реальной конкуренции. Кроме «парето-зоны» выделяется «кандидат-символ» (первый на этом графике), набравший примерно втрое больше голосов, чем ему полагалось бы при парето-нормальной конкуренции, и несколько «супераутсайдеров» с номерами от шестнадцати до девятнадцати, не «дотягивающих» до парето-нормальной конкуренции.

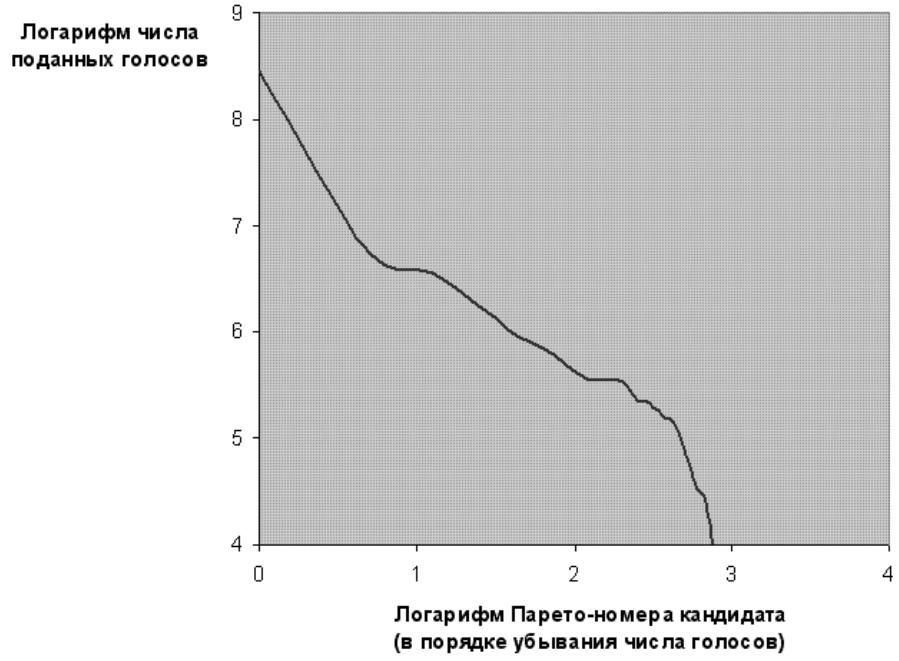


Рис. 5b. Парето-распределение голосов, поданных за кандидатов в Чапаевском избирательном округе; график в логарифмических осях

Следует отметить, что выборы в этом избирательном округе были признаны несостоявшимися ввиду недостаточной явки избирателей. Однако по статистическим закономерностям результаты выборов в этом округе ничем радикально не отличаются от результатов выборов в любом другом округе. Это лишний раз подчеркивает произвольность установленного в 1994 году барьера пятидесятипроцентной явки избирателей. Этот «порог

регистрации» выборов мог быть опущен значительно ниже. Единственный научно-осмысленный критерий определения этого порога – отсутствие статистических искажений результата, связанных с уменьшением выборки.

Кандидаты, следующие за «символом», часто распадаются на этих графиках на группы в 3 – 5 человек, четко разделяемые одна от другой точками излома или разрыва графика в линейных осях. Нередко точки, изображающие кандидатов одной группы, укладываются на одну прямую. Этот факт указывает на то, что ранжирование кандидатов в группе происходит (в наших ничего не подозревающих головах) по линейному закону, – даже, если группы и ранжируются нами по логарифмическому принципу Парето. Наклон этих прямых как бы отсекает от участия в данной группе следующих, менее популярных, кандидатов.

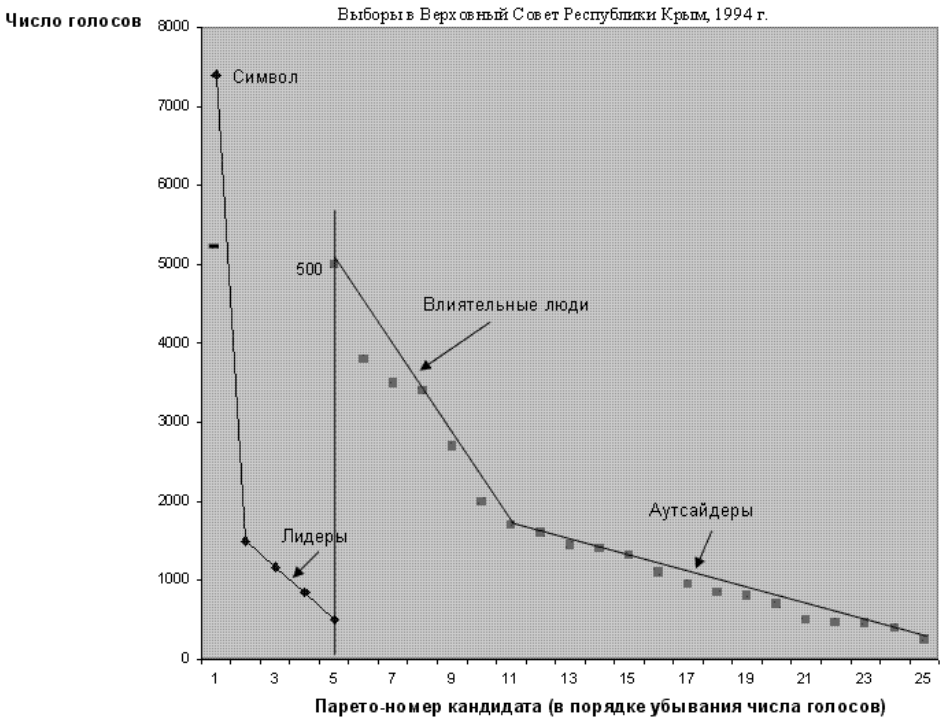


Рис. 6а. Парето-распределение голосов, поданных за кандидатов в Гагаринском избирательном округе; график в линейном масштабе

В порядке убывания популярности можно выделить следующие за символом (S) группы:

- «лидеры» (L), набирающие от пяти до пятнадцати сотен голосов (2-4 человека);
- «влиятельные люди» (MI), набирающие от двух до пяти-шести сотен голосов (3-5 человек);
- «аутсайдеры» (O), набирающие менее двух-трех сотен голосов. Как правило, это довольно большая группа, в которой можно усмотреть субструктуру в виде двух или трех подгрупп в 3-5 человек. Иногда можно усмотреть одного-двух супераутсайдеров (SO), отклоняющихся вниз от общего тренда популярности для аутсайдеров: это люди, за которых голосовали только родственники и друзья.

Итак, общее символическое описание графика распределения популярности кандидатов:

кусочно-линейная структура S-L-MI-O1-O2-O3-SO.

Это описание иллюстрируется рисунком 6а, на котором показано распределение голосов, поданных за кандидатов в EN 14 (Гагаринский избирательный округ). На этом рисунке четко виден кандидат-символ, затем группа лидеров с номерами от 2 до 5. Распределение популярности в группе этих лидеров следует линейному закону, наклон которого «отсекает» от рассмотрения всех претендентов с номерами более 6.

Возможна, следующая психологическая интерпретация этого рисунка. Часть избирателей (47%) проголосовала за «символ», не интересуясь личными качествами претендента – «символа». Часть избирателей (26%), отвергая «символ» по принципиальным соображениям, выделила для себя группу достойных кандидатов-лидеров, отсекая остальных от анализа и ранжирования ввиду очевидной – для этой группы избирателей – слабости кандидатов-аутсайдеров.

Для наглядности число голосов, поданных за каждого претендента вне группы лидеров на этом рисунке увеличено в 10 раз. Это увеличение масштаба позволяет рассмотреть определенную структуру и в этой группе «отстающих». Здесь можно усмотреть группу «влиятельных людей» с номерами от 5 до 12 с возможным подразделением на подгруппы «более влиятельные» и «менее влиятельные»; однако в целом кандидаты этой группы конкурировали за голоса одних и тех же избирателей. После номера 12 идет группа аутсайдеров с не очень четко выраженной субструктурой.

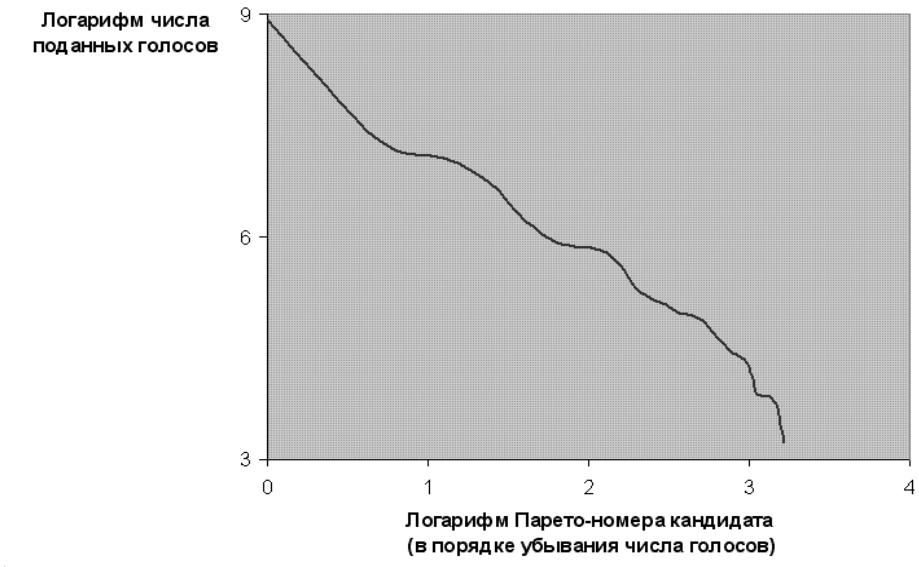


Рис. 6b. Парето-распределение голосов, поданных за кандидатов в Гагаринском избирательном округе; график в логарифмическом масштабе

На рисунке 6б те же данные приведены в парето-осях. Здесь несколько трудней усмотреть структурные детали («лидеры», «влиятельные люди», «аутсайдеры»), ясно усматриваемые из линейного графика 6а. В логарифмическом масштабе эти детали выглядят

как локальные возмущения, несколько нарушающие плавность и линейность большой «парето-зоны», охватывающей кандидатов с номерами от 2 до 20. Последние же 3-4 кандидата выпадают в группу «супераутсайдеров».

Сопоставление графиков 6а и 6б подсказывает гипотезу о том, что при очень большом числе кандидатов (более 20) распределение голосов в линейном масштабе несет больше информации, чем то же самое распределение в логарифмических парето-осях.

В некоторых округах описание более бедное, иногда после символа S трудно выделить группы L или MI или четко разделить подгруппы аутсайдеров.

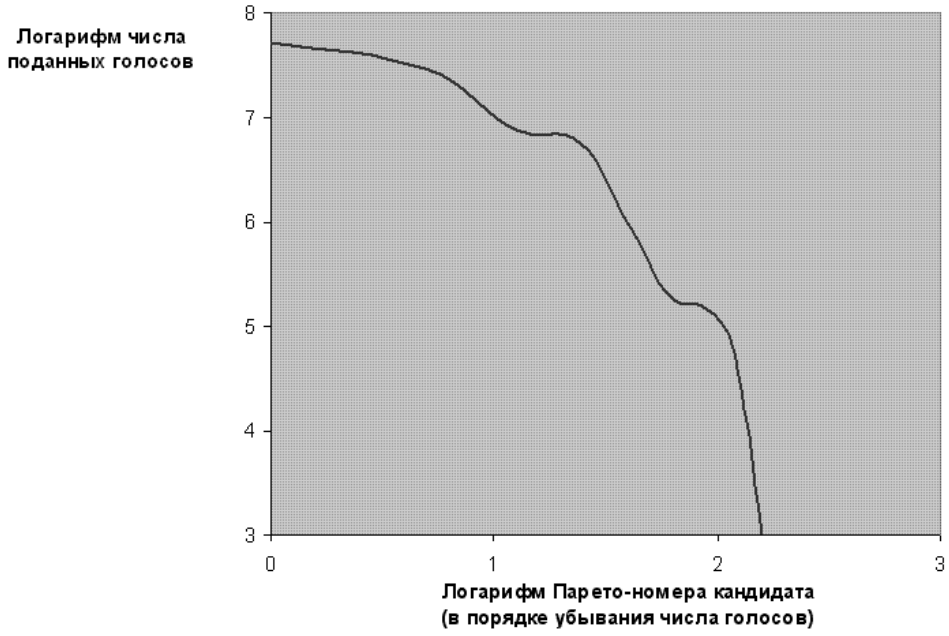


Рис. 7. Парето-распределение голосов, поданных за кандидатов в Судакском избирательном округе; график в логарифмических осях

В логарифмических Парето-осях графики нередко имеют сложный, трудноописываемый вид, напоминающий скорее овал с изломами и заостреними, чем классическую парето-прямую (см. рис. 7 для EN 24, Судакский избирательный округ). Во многих округах после символа следует волнистый «Парето-хвост», удовлетворительно аппроксимируемый прямой линией на протяжении десятка кандидатов и затем резко заваливающийся «хвост» супераутсайдеров. Есть (единственный, впрочем) «Парето-идеальный» округ (EN37, Северный ИО) – в нем всего три кандидата на одной прямой в логарифмических осях.

В некоторых округах оказались достаточно сильные лидеры, не смирившиеся с ролью «тени символа». В таких случаях «символ» оказывается размыт, «съеден». «Символ» и «лидеры» образуют в таких ситуациях единую группу G, в которой 3-4 кандидата укладываются на одну прямую в линейных осях – например, в EN15, Горьковский ИО (см. рис. 8). На этом рисунке, как и на рисунке 6а масштаб голосов в зоне аутсайдеров увеличен для наглядности в 10 раз. В предельных ситуациях один из лидеров настолько популярен, что сминает острую верхушку

графика, создаваемую «символом». Мы называли это явление «эффект нахала» (N): спад популярности от символа S к нахалу N меньше, чем спад от N к последующей группе лидеров. Это создает на линейном графике довольно «тупую» вершину пика популярности, охватывающего S и N вместе. «Эффект нахала» четко виден в EN 20 (Ялтинский ИО) и EN 21 (Центральный ИО).

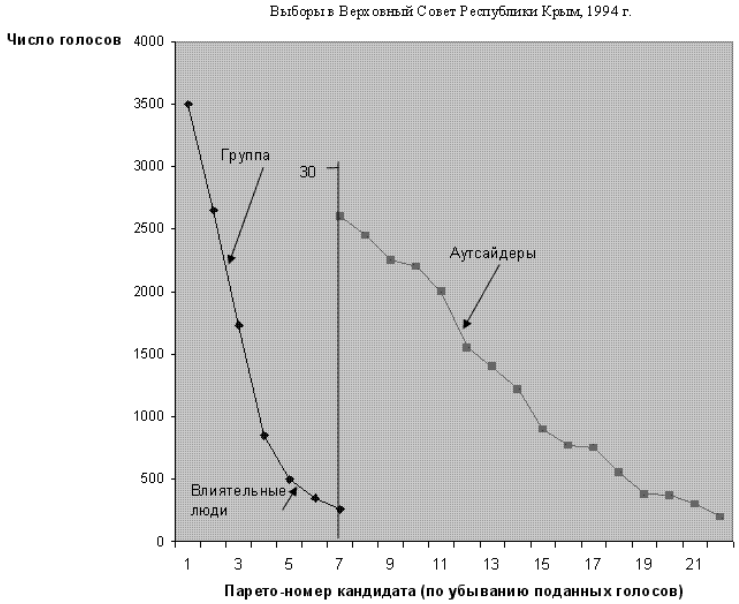


Рис. 8. Сильные лидеры, размытый символ Парето-распределение голосов, поданных за кандидатов Горьковского избирательного округа

В последнем случае «нахал» оказался настолько силен, что оттеснил символ S на второе место. Однако «эффект нахала» не очень распространен. По-видимому, его создание требовало немалых финансовых затрат и организационных усилий – не нужных для поддержания «символа». Очень настойчивым «нахалам» удавалось создать уже упоминавшееся явление «инверсии», т.е. победить во втором туре.

6. Крымский электорат как генератор символов

Следует отметить, что крымский электорат вообще склонен к иррациональному выделению одного «кандидата-символа», что проявилось не только на выборах в Верховный Совет Крыма весной 1994 года, но и на некоторых других выборах. Например, в первом туре выборов президента Украины 26 июня 1994 года Л.Д. Кучма получил 82,6% голосов крымчан, в то время, как второй по числу поданных голосов кандидат Л.М. Кравчук получил только 7,4% голосов. В целом же по Украине, как известно, распределение голосов оказалось значительно более плавным, «кандидат-символ» отсутствовал. Л.М. Кравчук получил 37,68%, Л.Д. Кучма – 31,25%; немало голосов получили и следующие по порядку претенденты: А.А. Мороз – 13,09%, В.Т. Лановой – 9,38%; аутсайдеры В.Г. Бабич, И.С. Плющ и П.М. Таланчук вместе набрали около 4%. Украинский электорат оказался на

тех выборах более спокойной и рациональной машиной для голосования, чем крымский. Впрочем, и украинский электорат не является «Парето-совершенной» машиной для выборов, что связано со значительными региональными отличиями в предпочтениях электората. Как известно, выборы президента летом 1994 года поделили Украину на три четко выраженные географические зоны: зона с безусловным (более, чем в два раза) перевесом Л.М. Кравчука, зона с безусловным перевесом Л.Д. Кучмы (кроме Крыма в эту зону вошли Донецкая, Луганская и Черниговская области) и зона без явного преимущества какого-либо из основных кандидатов. Более поздние интерпретаторы этого явления заговорили о трех этнолингвистических группах населения Украины – украинскоговорящие украинцы (в некотором смысле украинцы в квадрате), русскоговорящие украинцы и русские. Каждое из этих подмножеств электората может являться «парето-совершенной» машиной, однако их наложение усложнят картину результатов голосования.

Определенная иррациональность, склонность к мистическому наделению одного из кандидатов невероятным совершенством, проявилась и на выборах Президента Крыма в январе 1994 года. Эта иррациональная склонность к порождению символов четко выражена у городского населения; сельский электорат Крыма является более спокойной и рациональной машиной для голосования. Ранжируя кандидатов в том же порядке, что и город, село распределяет свои голоса более равномерно, «не сотворяя себе кумиров». В какой-то мере это качество сельского электората проявилось и на выборах президента Украины в 1994 году – и в селах, и в городах Крыма преимущество Л.Д. Кучмы было подавляющим, но сельские избиратели Крыма отдавали второму из основных претендентов значительно больший процент голосов, чем городские.

Представленный здесь анализ выборов 1994 года бросает свет на исчезающие, уходящие во тьму особенности крымского электората, – по прихоти истории в начале 90-х годов XX века он имел возможность демонстрировать эти особенности. В последующие годы ход истории смял и деформировал их, превратив крымский электорат в неотъемлемую часть общенационального украинского избирательного пространства, которое должно рассматриваться как нечто цельное – в отсутствие региональных партий и региональных спецификаций избирательного права.

***

Этот анализ был выполнен непосредственно после выборов 1994 года, и результаты его в той или иной степени были известны крымскому политикуму. «Этого не следует печатать» – таково было распространенное тогда мнение. Некоторые «герои» фальсификаций выборов 1994 года не без удовольствия узнавали себя в этой картине результатов математического исследования. Политическая актуальность этого исследования ушла в прошлое. Необходимость фиксации исторических событий в прошлое не уходит: действия и эллина, и варвара, как говорил отец истории, заслуживают отображения в исторических текстах.

А.С. Филатов

КРЫМ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ. КРЫМСКИЙ ИРРЕДЕНТИЗМ И УКРАИНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ

В основу анализа оценочных тенденций общественного сознания в Крыму положены результаты социологического исследования, которое было проведено Центром этно-социальных исследований 1-2 марта 2008 года в режиме полевого социологического опроса симферопольцев и жителей сельских пригородов.

С учетом того, что население Симферополя и пригородов коррелируется по основным параметрам социальной структуры (половозрастные и этнические признаки, профессионально-образовательный статус) с населением всего Крыма, а также на основе имеющихся данных об идентичности социальных позиций в столичном регионе и в целом в Крыму, мы в состоянии **экстраполировать полученные результаты на характеристику социальных позиций всех крымчан**. Объем выборки составил 400 респондентов. Выборочная совокупность произведена в соответствии с половозрастными параметрами, этнической принадлежностью, социальным и образовательным статусом населения исследуемого региона. Ошибка выборки не превысила 4,8%.

Исходя из того, что основные переменные, характеризующие общественную жизнь крымчан, **достаточно устойчиво выражаются однотипными признаками и индикаторами** на протяжении практически всех наших исследований последних лет, они сохраняют свою актуальность и пригодность для нынешнего анализа ситуации.

Отмечу, что указанное исследование проводилось по широкому спектру проблем общественной жизни в Крыму – уровню жизни, состоянию гражданского общества, доверию к политикам, межконфессиональным отношениям, деятельности государства в целом и его органов, степени доверия социальным институтам, источникам социального беспокойства, этнической самоидентификации, уровню конфликтогенности, внешнеполитической ориентации и др. В настоящей статье анализируются социальные переменные, характеризующие сферу этнокультурных и этнополитических отношений. При этом основной акцент делается на производстве определенных моделей социального (этнополитического, прежде всего) поведения, исходя из обработки признаков и индикаторов, фиксирующих социальные оценки людей. Такие модели могут применяться не только к данному исследованию, но и к социологическим исследованиям иных форматов, при условии включения в них соответствующих переменных. Другими словами, речь идет о том, что модели этнокультурных и этнополитических ориентаций и установок мы можем создавать на основе анализа признаков и индикаторов переменных, которые формально, внешне не имеют этнической выраженности и сформулированные на их основе вопросы даже могут не содержать этнических терминов.

В вопросе «**Каким вы хотели бы видеть статус Крыма?**», выражена переменная, показывающая предпочтения крымчан в выборе форм и способов социального устройства и организации своего сообщества. Полученные результаты позволили провести такое ранжирование:

- ✓ автономная республика в составе Российской Федерации – 37%
- ✓ автономная республика в составе Украины – 32.1%
- ✓ независимая республика в союзе с Россией, Белоруссией и Украиной (если последняя присоединится) – 10.5%
- ✓ область в составе Украины – 8.3%
- ✓ национальная крымско-татарская автономия в составе Украины – 4.8%
- ✓ самостоятельное крымско-татарское государство – 4.3%
- ✓ свой вариант ответа – 2.4%
- ✓ вилайет в составе Турции – 0.5%

Прежде всего, следует отметить, что абсолютное большинство крымчан (79.6%, первые три признака) выступают либо за сохранение (32.1%), либо за углубление и повышение нынешнего статуса (47.5%).

Дополнительный анализ социальной проблемы, выраженной в данном вопросе, позволяет сделать следующие выводы. Потенциальным контингентом таких индикаторов, как а) «область в составе Украины», б) «национальная крымско-татарская автономия в составе Украины» и «самостоятельное крымско-татарское государство», в) «автономная республика в составе Российской Федерации» и «независимая республика в союзе с Россией, Белоруссией и Украиной (если последняя присоединится)» могут быть, соответственно, этнические группы а) украинцев, б) крымских татар и в) русских. Исходя из этой характеристики, мы отмечаем, что этнокультурный фактор доминирует среди 44% этнических украинцев, 65-66% этнических крымских татар и 77-78% этнических русских. Иными словами, этнические русские в Крыму обладают на сегодняшний день самым сильным этнокультурным импульсом, направленным на изменение существующего административного статуса Крыма. При этом данный импульс направлен, прежде всего, в сторону воссоединения с Российской Федерацией (он присущ для более чем 60 процентов этнических русских). Таким образом, индекс ирредентизма среди крымских русских размещается на уровне 7 баллов по десятибалльной шкале. Следовательно, в области таких настроений крымское общество приближается к ситуации 90-х годов, если пока еще не первой половины, то конца 1998 г. – времени утверждения ныне действующей крымской Конституции. Индекс сепаратизма по такой же шкале среди русских в Крыму не превышает двух баллов. Самый высокий индекс сепаратизма у крымских татар – он составляет более 3 баллов. Чуть выше этого уровня находится у крымских татар индекс ирредентизма, если

понимать, в данном случае, под ним устремления к созданию татарской этнической автономии и возвращение в Турцию.

Не только в данном, но и в любом другом анализе ситуаций, связанных с определением региональной идентичности, выборе регионального статуса или принятием форм политического и государственного устройства регионов, необходимо разводить понятия ирредентизма и сепаратизма, т.к. они выражают принципиально различные социальные явления. Ирредентизм, как социальное настроение, предполагает устремления к воссоединению, реинтеграции ранее социально-политически и культурно-экономически единых территорий. Сепаратизм означает стремления к отделению от существующего государственно-политического образования и создание своего собственного.

Крымское население (4/5 этнических русских, 3/5 этнических украинцев и 1/3 крымских татар) в подавляющем большинстве выступают за восстановление разрушаемого с начала 90-х гг. прошлого столетия единого социально-культурного и политико-экономического пространства. В численном выражении это более миллиона этнических русских, около 300 тысяч этнических украинцев и около 90 тысяч крымских татар. К этой же категории граждан относится еще около 100 тысяч представителей других этнических групп. В сумме мы получаем один миллион 500 тысяч жителей Крыма из двух миллионов. А это 75% крымского населения.

Основные носители идеи ирредентизма в Крыму этнические русские и украинцы по отношении к украинскому государству все еще сохраняют достаточно лояльное отношение. Это проявляется в том, что до сегодняшнего дня они придерживаются формулы образования союзного государства в составе Российской Федерации, Белоруссии и Украины, ну и конечно, Крыма. Хотя, численность крымчан, возлагающих надежды на объединение Украины в целом с российской матрицей, неуклонно (но, пока, не катастрофически) сокращается. Все больше делают ставку в этом процессе на юго-восточные и центральные регионы Украины, считая, что от Галиции, как искаженного европейской культурной агрессией этнокультурного осколка, целесообразнее всего вообще отказаться.

Как уже отмечалось, сепаратизм в Крыму выражен главным образом крымско-татарской этнической группой. Но и здесь он охватывает ок. 30% крымских татар. В численном выражении это порядка 85 тысяч человек. Еще в районе 250 тысяч приверженцев сепаратизма мы можем обнаружить среди этнических русских (хотя в процентном отношении среди русской этнической группы сепаратистов менее 20%) и в пределах 50 тысяч среди этнических украинцев (приблизительно 10%). Общее количество крымских сепаратистов составляет 350-400 тысяч человек, то есть в четыре раза меньше, чем ирредентистов.

Таким образом, говорить о доминировании сепаратистских настроений среди крымчан нет никаких оснований. И, скорее всего, украинствующие политики и идеологи украинства, которые усиленно муссируют мифологемы о крымском сепаратизме, делают это с провокационными целями, объединяя ирредентизм и сепаратизм. Более того, именно крымчане-ирредентисты видят в упомянутых украинских политиках главных сепаратистов, стремящихся отторгнуть и отколоть югорусский (украинский) фрагмент российского социокультурного и цивилизационного пространства (Русского Мира).

В следующем, отобранном для этой статье вопросе – «**С какой социальной группой вы себя хотели бы идентифицировать (отождествлять)?**» – фиксируется не только приоритет региональной крымской самоидентификации, но и этнокультурные ориентиры основных этнических групп в Крыму.

№		***В первую очередь***	***Во вторую очередь***
1	Крымчане	24.4%	25.3%
2	Русские	19.7%	9.5%
3	Граждане Украины	15.6%	22.5%
4	Крымские татары	11.7%	1.7%
5	Граждане мира	6.9%	4.7%
6	Украинцы	5.3%	2.2%
7	Советский народ	3.9%	8.9%
8	Россияне	2.5%	5.8%
9	Жители определенной местности (города, села)	1.4%	5.3%
10	Европейцы	1.4%	3.6%
11	Коллеги (по работе, учебе, занятиям, увлечениям…)	0.8%	3.3%
12	Свой вариант / не ответили	1.7% / 4.7%	1.7% / 5.6%

Приоритетность этнической самоидентификации среди крымских русских составляет 32%, крымских татар – ок. 80%, крымских украинцев – 28%. Оценка признаков самоидентификации с позиции социокультурной и в определенной степени государственной ориентации обнаруживает доминирование пророссийских настроений среди крымчан. Кумулятивный процент сторонников пророссийской ориентации составляет 50.5% – сумма признаков «крымчане», «русские», «советский народ», «россияне». К проукраинской ориентации могут быть отнесены 24.7% респондентов, отметивших признаки «граждане Украины», «украинцы». Хотя в последнем случае признак «граждане Украины» может включать в себя не только проукраински настроенных крымчан, но и тех, кто сохраняет российскую социокультурную традицию, но по причине политического конформизма признающих в первую очередь статус украинского гражданства. С учетом этого замечания, количество пророссийски ориентированных граждан в Крыму составляет абсолютное большинство населения.

Вопрос – «**Какая политическая идеология для вас наиболее близка?**» – рассматриваемый в статье, сформирован, чтобы получить индикаторы к переменной о мировоззренческой ориентации крымчан. В результате проведенного опроса были получены такие данные:

- ✓ демократическая – 37%
- ✓ коммунистическая – 18.3%
- ✓ либеральная – 11.4%
- ✓ социалистическая – 9.7%
- ✓ русского национализма – 6.7%
- ✓ крымско-татарского национализма – 5.8%
- ✓ свой вариант ответа – 2.5%
- ✓ украинского национализма – 2.2%
- ✓ фашистская – 0.6%
- ✓ нацистская – 0%
- ✓ не ответили – 5.8%

Полученные индикаторы, кроме всего прочего, позволяют определить степень этнической мобилизации и этно-национализма или этнического радикализма. Выделяя признаки «русского национализма», «крымско-татарского национализма» и «украинского национализма» в этом вопросе и проведя дальнейшее обследование, мы имеем основания сделать примечания, что допустимое количество приверженцев этно-национальных политических идеологий среди отмеченных крымских этнических групп будет составлять около 10% в среде крымских русских, 39-40% в среде крымских татар и более 11.5% в среде крымских украинцев. Численно группа русских этно-радикалов в Крыму может составлять 110-120 тысяч человек, крымско-татарских – 100-110 тыс., украинских – 50-55 тыс.

Отмеченные количественные пропорции групп этно-радикалов объясняют сложившийся к настоящему времени политический паритет между крымско-татарскими радикальными организациями (типа «меджлис» и «Адалет») и официальными государственными институтами в Крыму, использующими (как правило, в корыстных целях) потенциал русского этно-радикализма. Однако необходимо подчеркнуть, что численное равенство между русскими и крымско-татарскими этно-радикалами сохраняется лишь благодаря латентной и умеренной форм этнических конфликтов. Если этнический конфликт в Крыму перейдет в острую и открытую фазу своего проявления, то численное соотношение резко изменится. И не только вследствие того, что каждая из этно-радикальных групп пополнится за счет новых агентов, прозелитов из числа соответствующих этнических сообществ, но потому, что украинская этно-радикальная группы в ситуации политического обострения вынуждена будет определиться. Вследствие таких изменений, значительно возрастет группа русских этно-

радикалов, которые больше получат агентов не только потому, что этнические русские в Крыму составляют 60 процентов (в отличие от крымских татар, которых в объеме крымского население несколько больше 10%); но и от того, что украинские этно-радикалы в подавляющем большинстве будут оппонировать именно этно-радикальной группе крымских татар и при обострении ситуации, несмотря на позиции украинствующих политиков в Крыму, все-таки поддержат русскую этно-мобилизацию.

Такие заключения возникают при рассмотрении переменной, связанной с определением степени конфликтогенности в Крыму. Предложенные в соответствующем вопросе признаки отмечают, что из всех имеющихся сторон этнических конфликтов, конфликт между русскими и украинцами в Крыму является наименее допустимым и находится в рамках статистической погрешности, т.е. в поле социального ожидания населения близок к нулю. При этом самая высокая степень допустимости (из всех форм конфликтов) отведена именно конфликтам с крымскими татарами, где другими сторонами конфликта выступают русские и славяне, практически с равными процентами ожидания – 30.1% и 28.9%, соответственно. Эти цифры однозначно говорят о том, что в случае межэтнического противостояния и острого конфликта в Крыму крымские татары останутся в явном меньшинстве, уступая по численности русско-украинским этно-радикалам в два-три раза, как минимум.

Хотелось бы особо заметить, что приводимые данные опроса вовсе не следует рассматривать в качестве предсказания этнических столкновений или, тем более, их провоцирования. В данном исследовании основной акцент делается на анализ ситуации, который не всегда может быть приятным слуху, равно как и анализ того или иного медицинского заболевания.

Какие формы социальных конфликтов наиболее вероятны в Крыму, по-вашему мнению?

(допускалась возможность отметить необходимое количество вариантов)

- ✓ между русскими и крымскими татарами – 30.1%
- ✓ между славянами и крымскими татарами – 28.9%
- ✓ между населением и государственными структурами – 16.9%
- ✓ никакие конфликты не ожидаются, с моей точки зрения – 12.2%
- ✓ между Российской Федерацией и Украиной – 11.4%
- ✓ между крымской властью и центральной украинской властью – 5%
- ✓ между различными экономическими группами – 3.9%
- ✓ между правительственными органами и оппозицией – 3.3%
- ✓ между русскими и украинцами – 2.5%
- ✓ другие формы – 0.3%
- ✓ затруднились ответить – 0.6%

Еще более показательной в этом плане является оценка населением возможных форм межконфессионального конфликта в Крыму. Здесь наши респонденты, фактически, видят одну вероятностную форму конфликта, который, с учетом крымской специфики, имеет четкий этнический контекст, который также указывает на выдвинутое ранее предположение, что в случае острого этнического конфликта в Крыму, крымские татары останутся без реальных союзников из числа других этнических групп.

Между какими конфессиональными группами будет проходить конфликт?

(из числа тех, кто считает возможным религиозный конфликт)

- ✓ между православными и мусульманами – 91%
- ✓ между верующими Русской Православной Церкви и Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата – 3.7%
- ✓ между представителями традиционных религий (Христианство, Ислам, Иудаизм и др.) и нетрадиционных верований – 1.6%
- ✓ между верующими Украинской Православной Церкви Московского Патриархата и Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата – 1.6%
- ✓ свой вариант ответа – 0.5%
- ✓ между православными и приверженцами нетрадиционных верований (иеговисты, кришнаиты, сайентологи и т. п.) – 0.5%
- ✓ между православными и иудеями – 0%
- ✓ между мусульманами и иудеями – 0%
- ✓ отказались отвечать – 1.1%

Следует также отметить, что вероятность социального конфликта в Крыму значительно выше, с точки зрения граждан, нежели религиозного. По нашим данным только 12% респондентов исключают возможность социального, в т.ч. этно-социального, конфликта. В то время как как религиозный конфликт в Крыму исключают более сорока процентов крымчан.

Может ли в Крыму в ближайшее время произойти острый религиозный (конфессиональный) конфликт?

- ✓ да – 52.2%
- ✓ нет – 42.8%
- ✓ затруднились ответить – 5%

Пропорции в вероятностной оценке двух форм конфликта – социального и конфессионального – проявляются и при изучении социальной переменной о параметрах, степени и способах социальной мобилизации. Готовность лично включиться в разрешение

конфликтных ситуаций показывает, что именно социальный конфликт провоцирует более высокую степень включенности людей, нежели конфессиональный.

Если начнется социальный конфликт, будете ли вы лично в нем участвовать?

- ✓ да – 29.7%
- ✓ нет – 62.8%
- ✓ затруднились ответить – 7.5%

Если начнется межконфессиональный конфликт, будете ли вы лично в нем участвовать? *(из числа тех, кто считает возможным религиозный конфликт)*

- ✓ да – 8%
- ✓ нет – 33%
- ✓ затруднились ответить – 8.5%
- ✓ отказались отвечать – 50.5%

Несколько лет тому назад мной была выдвинута гипотеза о сохранении традиционной этно-конфессиональной ориентации православных верующих на Украине, несмотря на ряд модернизаций, связанных, в частности, с образованием Украинской Православной Церкви, вместо украинского экзархата Русской Православной Церкви. Толчком к исследованию этой ситуации и рождению гипотезы стали данные, предоставляемые некоторыми украинскими социологическими службами. Так, ряд социологических опросов, проведенных в 2003-2004 гг. по Украине **Фондом «Демократические инициативы» совместно с компанией «Тейлор Нельсон Софрез Украина» и Центром социальных и политических исследований «СОЦИС»**, показывал в позиции конфессиональной принадлежности, что значительная часть украинских респондентов (до 30% по некоторым данным) относила себя к категории православных (!) верующих вне конфессии! При этом среди православных конфессий обозначались Украинская Православная Церковь Московского Патриархата, УПЦ Киевского патриархата и Украинская автокефальная православная Церковь. Анализ данных по отмеченной проблематике от Фонда «Демократические инициативы» позволил сформировать социологическую гипотезу о том, что внеконфессиональная ориентация означает ни что иное, как приверженность к традиционной для Украины Русской Православной Церкви. А отсутствие этого признака в вопросе есть свидетельство некорректной интерпретации понятия религиозной идентификации и ограниченного (неполного) выстраивания признаков по переменной в вопросе о конфессиональной принадлежности.

Исходя из такой гипотезы, в крымском опросе мной в число признаков религиозной конфессии, наряду с Украинской Православной Церковью Московского Патриархата, УПЦ Киевского патриархата была включена Русская Православная Церковь. Украинская автокефальная православная Церковь в структуру признаков не включалась, т.к. другие

методы социологического исследования показывали, что в Крым ее приверженцы фактически отсутствуют. Эту методику я использую регулярно, на протяжении последних трех лет и она неизменно дает коррелируемые, одной направленности результаты, что, в числе прочего, доказывает ее валидность (действительность, пригодность) и верифицируемость.

В настоящем опросе были получены такие ответы на вопрос **«К какой религиозной конфессии вы себя относите?»:**

- ✓ Русская Православная Церковь – 36.7% или **43% от всех верующих**
- ✓ Украинская Православная Церковь Московского патриархата – 17.2% или **20% от всех верующих**
- ✓ Мусульманство (Ислам) суннитского направления – 10.8% или **12.7% от всех верующих**
- ✓ Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата – 10% или **11.7% от всех верующих**
- ✓ атеист – 9.4%
- ✓ ни к какой – 4.7%
- ✓ свой вариант ответа – 3.3%
- ✓ Мусульманство (Ислам) шиитского направления – 3.1%
- ✓ Иудаизм – 1.7%
- ✓ Церковь Свидетелей Иеговы – 1.4%
- ✓ Римская Католическая Церковь – 0.6%
- ✓ Униатская Церковь – 0.3%
- ✓ Протестантские Церкви – 0.3%
- ✓ Буддизм – 0%
- ✓ отказались отвечать – 0.6%

В заключение хотел бы привести данные, свидетельствующие об исключительной распространенности, а в некоторых случаях и доминировании русскокультурного фактора в социальном пространстве Крыма. Причем, что немаловажно, этот фактор за последние годы нисколько не уменьшается, а, как минимум, сохраняет свои позиции и имеет все шансы выступать в качестве базовой доминанты крымской региональной идентичности. По этой причине любые попытки официального Киева украинизировать крымский регион будут встречать глубинное социально-психологическое неприятие и отторгать Крым от Украины – в ментальном, психологическом, культурном, политическом, социальном планах.

На каком языке вы разговариваете дома?

- ➲ на русском – 86.1%
- ➲ на украинском – 2.5% *(13.2% – от своей этнической группы)*
- ➲ на татарском – 9.7% *(66% – от своей этнической группы)*

- на другом – 1.7 *(34% – от своей этнической группы)*

На каком языке вы разговариваете на работе?

- на русском – 91.1%
- на украинском – 1.1%
- на татарском – 2.8%
- на другом – 3.9%
- не ответили – 1.1%

На каком языке вы разговариваете с друзьями?

- на русском – 85%
- на украинском – 2.2%
- на татарском – 10.3%
- на другом – 2.5%

Какой язык вы считаете родным?

- русский – 73.1%
- украинский – 6.7% *(35.4% – от своей этнической группы)*
- татарский – 13.3% *(90.5% – от своей этнической группы)*
- другой – 1.4% *(28% – от своей этнической группы)*
- не ответили – 5.6%

Владеете ли вы украинским языком?

- владею свободно – 32.2%
- понимаю, но не разговариваю – 33.3%
- не владею – 33.1%
- другое – 0.8%
- не ответили – 0.6%

Как вы владеете языком своей национальности?

- свободно – 96.1%
- начинаю осваивать – 0.8%
- понимаю, но не разговариваю – 1.9%
- не владею – 0.6%
- другое – 0.6%

Владеете ли вы русским языком?

- владею свободно – 96.6% *(больше, чем язык своей национальности)*

- могу объясняться – 2.6%
- не владею – 0.5%
- другое – 0.3%

Какому языку СМИ (пресса, радио, телевидение) вы отдаете предпочтение?

- русскому – 83.1%
- украинскому – 4.7% *(25% – допустимо, что от своей этнической группы)*
- татарскому – 9.2% *(62.6% – допустимо, что от своей этнической группы)*
- другому – 3.1%

На каком языке вы хотели бы учиться сами или чтобы учили ваших детей?

- на русском – 80.0%
- на украинском – 3.1% *(16.4% – допустимо, что от своей этнической группы)*
- на татарском – 10.6% *(72.1% – допустимо, что от своей этнической группы)*
- на другом – 6.4%

Т.В. Хриенко

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КРЫМА (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Проблемы юнологии в настоящее время являются одними из доминирующих в современной социологии. Так, из числа всех публикаций по социологии, в частности в Соединенных Штатах и Канаде за 2000-2008 годы, каждая пятая посвящена именно проблемам молодежи. Еще большее количество публикаций по молодежной проблематике в странах Евросоюза. Более того, этот процесс имеет тенденцию к увеличению. Современные молодежные протесты антиглобалистов, девиантное поведение части молодежи во Франции и других странах Западной Европы и многие другие факты свидетельствуют, что проблема молодежи в современном обществе, вектор ее мировоззренческих ценностей далеко не изучены. Аналогичные проблемы наблются и в странах СНГ, в частности, на Украине, в Крыму.

Крым, как и Украина, в настоящее время переживает период кардинальных социальных изменений, в которых участвует все население, включая молодежь. В настоящее время в Крыму 24,0% населения в возрасте от 16 до 30 лет. В высших учебных заведениях Крыма обучается более 100 тысяч студентов по 125-ти специальностям, что составляет около 70,0 % выпускников средних школ Автономии.

Начиная с 1991 года в режиме мониторинга нами исследовались генезис и развитие мировоззрения студенческой молодежи Крыма по более чем 500 позициям, отражающим

различные стороны современной жизни крымчан.. Основным методом сбора информации явился социологический опрос старшекурсников крымских вузов, который проводился ежегодно, один раз в семестр. Всего опрашивалось не менее 1000 респондентов, получающих образование по 40-45-ти специальностям. Это – студенты педагогических специальностей, агрономы, врачи, экономисты, юристы, инженеры и т.д.

Результаты социологических исследований широко освещались в масс-медиа в Крыму, на Украине и в других странах. Только в «Крымской правде» по материалам исследования за последние десять лет было опубликовано более 200 статей.

Полученные результаты позволяют выявить основные тенденции генезиса и изменения мировоззренческих ценностей студенческой молодежи Крыма в динамике. Ниже в форме тезисов представлена часть результатов проведенных исследований.

Первое. Прежде всего, наши исследования показывают, что наиболее радикальные изменения произошли в процессах экономической идентификации крымской молодежи. Была выявлена устойчивая тенденция к уменьшению роли и значения либеральных экономических ценностей, которые определяют сущность и содержание современного реформирования в стране. Так, поддержка студентами проводимых экономических реформ сократилась с 80,8 % в 1991 году до 20,0 % в 2008 году. В условиях экономического кризиса наблюдается еще большее снижение соответствующих показателей.

Особо обращает на себя внимание и тот факт, что материальное положение молодежи за все годы мониторинга снижалось существенным образом. Если в 1991 году студенческая молодежь свое материальное положение оценивала как очень высокое –9,0 %; высокое – 11,2 %; выше среднего – 27,5 %; среднее – 20,5 %; ниже среднего –20,2 %; низкое –8,1 %; очень низкое –3,5 %, то в настоящее время оно имеет следующие показатели: очень высокое – 1,3 %; высокое – 2,3 %, выше среднего – 8,7 %; среднее – 16,0 %; ниже среднего –30,5 %; низкое – 31,0 %; очень низкое – 10,0 %.

В ходе длительного мониторинга выявлялась также степень изменения оценок форм и методов проведения экономических реформ. В данной связи установлена возрастающая степень критического отношения молодежи к концептуальным моделям проводимых экономических преобразований, включая приватизацию крупных и мелких предприятий, куплю-продажу земли, работу на частного предпринимателя, организацию современного стратегического и операционного менеджмента и т.д. Так, степень поддержки приватизации крупных промышленных предприятий сократилась с 75,3 % в 1991 году до 10,0 % в 2008 году. Приватизацию мелких предприятий поддержали 83,7 % в 1991 году и 79,5 % в 2008 году. Против купли-продажи земли выступает в настоящее время более 80,0 % молодых сельских жителей и 40,5 % -- жителей города.

Важным аспектом рыночных трансформаций является социально-психологическая готовность молодых людей работать в различных сегментах рыночных производственных отношений. Здесь наблюдается завышенное ожидание от возможного участия в бизнесе. С другой стороны, лишь четвертая часть крымской молодежи готова работать на частного предпринимателя в качестве наемного работника.

Таким образом, изучая экономическую идентификацию студенчества можно сделать вывод о том, что большая его часть не в полной мере приемлет процессы искусственного насаждения той социально-экономической системы, которая имеет место в настоящее время. В то же время большая часть респондентов альтернативы рыночной экономике не видит и считает ее приемлемой для организации производственных отношений в современных условиях.

Второе. Политическая идентификация. В ходе нашего исследования определены и социологически обоснованы изменения мировоззренческих ценностей студенческой молодежи в сфере политических отношений. В ходе исследования установлено, что большинство молодых людей в настоящее время принимают демократические ценности как важнейшие условия образа жизни. Однако, оценка процесса демократизации в тех формах и методах, в которых она осуществляется, весьма критична. Только 11,0 % молодых людей в настоящее время считают, что они живут в демократическом обществе. При этом из года в год прослеживается рост недоверия к институтам государственной власти, политическим лидерам, руководству вооруженными силами, органам правопорядка и т.д. Так, степень полного доверия Президенту Украины снизилась с 7,4 % в 1994 году до 1,5 % в 2008 году. Верховной Раде Украины – с10,3 в 1994 году до 2,5 % в 2008 году, Правительству Украины (Кабинету Министров) -- 7,8 % в 1994 году до 2,5 % в 2008 году.

Студенческая молодежь Крыма крайне критически оценивает деятельность НАТО и ряда других международных организаций. За вступление Украины в НАТО в настоящее время выступает только 11,5 % крымских студентов. Наряду с этим отчетливо наблюдается рост интереса к реинтеграции в рамках СНГ. Идею создания Единого Экономического пространства поддерживают более 75,0 % студентов, а 85,0 %. –готовы принять двойное российско-украинское гражданство.

На вопрос: «Каким Вы хотели бы видеть будущее Крыма?» 2/3 крымской молодежи указывают, что будущее Крыма они видят ориентированным в своем развитии на расширении связей с Украиной, Россией и другими странами СНГ.

В ходе проведенных исследований мы пришли к выводу, что большинство молодежи Крыма не является сепаратистки настроенной, а скорее наоборот. Фактически на протяжении всего мониторинга молодежь выступала с позиций расширения реинтеграционных процессов Автономии.

Обращает на себя внимание и факт гражданской идентификации современного крымского студенчества. Так, на вопрос: «При возможности выбора, гражданином какой страны вам хотелось бы стать?» при последнем опросе получены следующие результаты: гражданином своей страны Украины – 25,0 %; гражданином России – 23,0 %; гражданином бывшего Советского Союза – 19,0 %; гражданином Соединенных Штатов Америки – 7,0 %; затруднились с ответом – 11,0 %; по позиции «другое» ответило 15,0 % респондентов.

Таким образом, как показывают наши исследования, политическая идентификация молодежи в существенной степени является оппозиционной к официальной политической парадигме развития современного украинского государства. Однако радикальных антиукраинских отношений в настоящее время не проявляется. Молодежь критически относится к различным сегментам современной государственной власти, а не к Украине как стране в целом.

Третье. В ходе проведенных исследований выявлены показатели алгоритма изменения мировоззренческих ценностей студенческой молодежи в процессах духовной, нравственной и социокультурной идентификации.

Не нашла подтверждение распространенная среди западных специалистов точка зрения, что современной молодежи свойственно существенным образом менять культурно-цивилизационную парадигму. В то же время выявлена заинтересованность студенчества в реформах по созданию эффективной и комфортной социокультурной среды проживания с учетом лучших отечественных традиций и достижений мировой цивилизации.

Идея необходимости оздоровления моральной среды во взаимоотношениях между людьми является достаточно популярной. Степень ее поддержки составляет 68,0 %. Постепенно и отчетливо проявляется потребность и в духовном возрождении общества.

В рейтинге ценностей молодежи в настоящее время определяются следующие позиции, которые нами выявлены путем соответствующей классификации ответов на вопрос: «Как вы относитесь к перечисленным формам поведения в обществе?». Доля тех, кто осуждает перечисленные формы девиантного поведения представлена следующим образом: национализм осуждают 95,0 % респондентов; воровство – 93,0 %; шантаж – 93,0 %; религиозный фанатизм – 92,0 %; обман – 91,0 %; наркоманию – 89,0 %; злоупотребление алкоголем – 62,0 %; курение – 55,0 %; получение взятки – 55,0 %; спекуляцию – 54,0 %; проституцию – 51,0 %; сквернословие – 50,0 %; азартные игры на деньги – 49,0 %; возвращение к массовым репрессиям – 45,0%; свободную сексуальную жизнь – 22,9 %.

В целом, анализ трансформаций мировоззренческих ценностей молодежи в ходе длительного социологического мониторинга показывает, что процесс становления рыночных отношений и соответствующих им политических надстроек в тех формах и теми методами, которыми осуществляются на практике, большая часть студенческой молодежи принимает

критически. В то же время, интереса к реанимации институций жизни, которые были характерны в период Советского Союза, не наблюдается. Вектор аксиологических настроений современной студенческой молодежи направлен в сторону более рациональной организации общественной жизни и с более адекватным учетом лучших отечественных и зарубежных традиций.

Н.А. Шульга

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ И ВОЗРАСТНОМ АСПЕКТАХ

Языковая компетентность личности - это совокупность ее языковых знаний, умений и навыков, а также способов языковой деятельности: восприятия, понимания и создания сообщения (текста), полного и точного выражания мысли на определенном естественном языке в устной и письменной формах. Уровень языковой компетентности личности отражает качество владения нею языком.

Человек может усваивать язык в процессе социализации, находясь в соответствующей языковой среде, и может целенаправленно его изучать в процессе обучения. Родным языком человек овладевает, как правило, спонтанно, перенимая его от взрослых, а вторым (иногда и третьим) языком он овладевает в процессе обучения. Однако достаточно распространены случаи, когда человек с детства усваивает два языка (если у родителей разные родные языки, если язык семьи отличается от языка улицы, детского сада, школы и т.п.). Степень качества владения языком называется уровнем языковой компетентности личности. Наивысший уровень языковой компетентности личность проявляет в сфере родного языка. Если другим языком личность владеет хуже, то его определяют как второй язык. О втором языке обычно говорят, когда в обществе в целом или в его отдельных регионах, в различных социальных группах, средах широко используется кроме одного языка, который для многих является родным языком, еще и другой язык, который тоже многие знают. Этим второй язык отличается от иностранного языка. Последний означает язык, который живет, широко бытует за пределами данной страны. Если же личность в равной мере свободно владеет двумя языками, тогда говорят о сбалансированном билингвизме

В зависимости от уровня языковой компетентности существуют ее разные классификации. Для фиксации уровней компетентности жителей Украины по русскому языку мы применили пятичленную классификацию: 1. «могу свободно говорить, читать и писать на этом языке»; 2. «могу свободно читать и писать, но имею проблемы при разговоре»; 3. «могу свободно читать на этом языке, но не пишу и не разговариваю»; 4. «в основном понимаю этот язык, но при разговоре и при чтении имею определенные проблемы»; 5. «практически не понимаю

этого языка». Эта классификация была применена в социологическом опросе Института социологии НАН Украины в мае 2007 года. На вопрос: «В какой мере Вы владеете таким языком, как русский?» ответы распределились следующим образом :

Таблица 1

Могу свободно говорить, читать и писать на этом языке	79%
Могу свободно читать и писать, но имею проблемы при разговоре	13%
Могу свободно читать на этом языке, но не пишу и не разговариваю	4,5%
В основном понимаю этот язык, но при разговоре и при чтении имею определенные проблемы	2%
Практически не понимаю этого языка	1%

Больше всего людей с высоким уровнем знания русского языка находится в средней возрастной категории (от 30 до 55 лет). Среди них таких насчитывается 83%. В самой молодой возрастной группе свободно владеют русским 78% опрошенных. Среди людей старшего возраста знатоков русского языка такого уровня – 73%.

Больше всего людей, свободно владеющих русским, проживает на востоке Украины – там 91% опрошенных умеют читать, писать и говорить по-русски. 7% жителей этой части Украины могут читать и писать по-русски, но имеют проблемы при разговорной форме общения. Таких, кто не знает русского языка, на востоке, практически, нет. Почти такой же уровень владения русским и на юге. Там 89% респондентов ответили, что свободно владеют русским языком, для 8% из них существуют определенные трудности при устном общении.

Жители центральной части Украины показывают также высокий уровень знания русского языка – 76% опрошенных демонстрируют высшую ступень его знания. Незначащей является часть тех, кто практически не понимает русский – менее половины процента. Читают и пишут по-русски здесь 17% респондентов.

На западе страны более половины опрошенных, а именно 55%, свободно владеют русским языком. Еще почти четверть людей (24%) свободно читают и пишут на этом языке, но имеют трудности в устном вещании. Таких, кто отнюдь не знает русский язык, в этом края насчитывается 2%.

Среди поселенческих структур менее всего тех, кто владеет русским в полном объеме, на селе. В селах свободно владеют русским 63% жителей, в небольших городах – 83%, в больших городах – 88%, а в Киеве – 92%. Впрочем нельзя сказать, что в селе многие люди плохо владеют российскими Там еще 23% жителей читают и пишут по-русски, но они не имеют регулярной практики устного общения на русском. В Киеве не зафиксировано, чтобы кто-то не понимал русский язык. В столице даже не были зафиксированы респонденты, которые бы ответили, что они „в основном понимают этот язык, но при разговоре и при чтении имеют определенные проблемы”. У всех опрошенных киевлян уровень знания

русского не ниже ответа: «Могу свободно читать на этом языке, но не пишу и не разговариваю". Да и последних насчитывается всего лишь 3%.

Среди этнических групп украинского общества уровень знания русского языка является высоким. 96% русских заявили, что они свободно владеют русским языком, 4% из них имеют трудности в устном общении.

Высокий уровень знания русского проявляют украинцы. 75% из них считают, что свободно владеют русским языком. К ним примыкают еще 16%, которые читают и пишут по-русски, но имеют проблемы при устном общении. 1% украинцев ответили, что практически не понимают русского языка.

Люди других национальностей также хорошо владеют русским языком. Из них свободно владеют русским 82%, читают и пишут по-русски - 15%.

Принято различать языковую компетентность и лингвистическую компетентность. Языковая компетентность, в зависимости от ее качества, может быть с высокой и с низкой лингвистической компетентностью. Спонтанное овладение языком автоматически не обеспечивает личность лингвистической компетентностью. Даже родной язык необходимо изучать для того, чтобы иметь целостное представление о языке как системе, о его структуре, грамматическом строе, функциях, нормах употребления языковых форм и т.п. Лингвистические знания, умения и навыки осваиваются личностью в школе, в процессе изучения курса родного языка. Но если личность в школе изучает не родной язык, то хотя она и компетентна в родном языке, но компетентна специфически - неокультурено, без знания норм, на бытовом уровне. В таком положении оказываются многие люди, особенно городские жители Украины, где в семьях говорят по-русски, а обучение ведется на украинском языке. Для лиц с родным русским языком ситуация усугубляется тем, что они полноценно изучают в школе близкородственный украинский язык, но очень мало изучают родной язык. В результате этого формируется специфическая языковая личность – обладающая лингвистической компетентностью во втором языке и имеющая низкий уровень компетентности в родном языке. На практике это проявляется в том, что личность путает русские и украинские слова, строит неправильные языковые конструкции, то есть говорит на суржике. Выход из этой ситуации известен – сбалансированное, глубокое изучение в школе обоих языков – и украинского, и русского.

На языковое поведение человека в разных общественных ситуациях влияют разные факторы. Здесь действует и общественное мнение, в котором либо поддерживается употребление определенного языка в определенных обстоятельствах, либо которое является нейтральным к употреблению любых языков. На языковое поведение влияют традиции, инерция употребления определенного языка в письменной или устной форме, общественно-политическая конъюнктура и некоторые другие факторы.

Поэтому следует различать реальное языковое поведение личности и ее субъективные предпочтения. От того, насколько реально удовлетворяются такие преференции личности, зависит комфортность ее жизни, ее удовлетворенность жизнью в обществе в целом. Разница между этими двумя феноменами будет тем большей, чем менее свободна личность в выборе форм языкового поведения.

С целью выяснения, насколько совпадают желания личности в выборе языкового поведения и ее реальное поведение в украинском обществе нами были заданы вопросы, которые позволяли выяснить установки, предпочтения населения Украины на просмотр по телевидению и прослушивание по радио различных общественно-политических, спортивных и развлекательных передач, просмотр художественных фильмов, чтение газет, художественной и специальной литературы. Рассмотрим языковые предпочтения населения по некоторым направлениям.

Одним из вопросов, который позволял раскрыть содержание языковых установок населения, был: „Каким языком Вы бы хотели слушать по радио и телевидению новости, общественно-политические передачи?" Ответы на него показали, что только на украинском хотели бы слушать новости, общественно-политические передачи 19% опрошенных, а только по-русски - 26%.

Значительная часть респондентов не дает таких однозначных ответов на этот вопрос. Почти треть из них (29%) хотели бы слушать новости и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, а для 25% не суть важно, на каком языке – украинском или российском (табл. 2)

Таблица 2

Язык, на котором респонденты хотели бы слушать по радио и телевидению новости, общественно-политические передачи (в %)

Только на украинском	19
Только на русском	26
И на украинском, и русском в одинаковой мере	29
Не суть важно, на украинском или на русском	25
На другом языке	0,4
Трудно ответить	1

Рассмотрим более детально ответы на этот вопрос в зависимости от региона проживания респондентов, типа населенного пункта, возраста, образования и этнического происхождения.

В зависимости от региона проживания респондентов их вкусы выглядят так. В западном регионе 57% опрошенных хотели бы слушать новости и социально-политические передачи только по-украински, 2% - только по-русски, 22% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, 18% - не суть важно по-украински или по-русски. В центральном регионе только по-украински хотели бы слушать такие передачи 21% опрошенных, еще

10% из них - только по-русски, 40% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, 28% - не суть важно по-украински или по-русски.

На юге проживает больше всего тех, кто хотел бы слушать новости и другие общественно-политические передачи только по-русски - 49%. Только по-украински здесь хотели бы их слушать 4%, и по-украински, и по-русски в одинаковой степени - 22%, не суть важно по-украински или по-русски - 24%. В восточном регионе желают слушать такие передачи только по-русски 44%, только по-украински - 2%, и по-украински, и по-русски в одинаковой степени - 28%, не суть важно по-украински или по-русски - 26%.

Прослеживаются заметные отличия и в ответах на этот вопрос жителей разных типов населенных пунктов. 29% сельских жителей хотели бы слушать новости и общественно-политические передачи только на украинском языке, а 13% - только по-русски. И по-украински, и по-русски в одинаковой степени желают слушать 29% сельских жителей, а для 27% из них не суть важно, на каком языке. В небольших городах языковые вкусы выглядят так: 17% хотели бы слушать новости только по-украински, 30% - только по-русски, 28% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, 24% - не суть важно по-русски или по-украински.

В больших городах проживает больше всего тех, кто желает слушать эти передачи только по-русски - 38%. Только по-украински хотели бы слушать общественно-политические передачи в населенных пунктах этого типа 12%, и по-украински, и по-русски в одинаковой степени - 28%, не суть важно на каком языке - 22% опрошенных. У 18% киевлян имеется желание слушать эти передачи только по-украински, у 12% - только по-русски, у 38% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, а у 31% - не суть важно по-русски или по-украински.

Среди возрастных групп языковые вкусы радио- и телепередач выглядят так. Только по-русски хотели бы слушать новости 32% молодежи. Только по-украински среди них хотели бы слушать 16%, в одинаковой степени и по-украински, и по-русски - 24%, не суть важно на каком языке - 26%. А 18% представителей среднего поколения хотели бы слушать эти передачи только по-украински, 25% - только по-русски, 30% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, 27% - не суть важно по-русски или по-украински. Старшее поколение определилось так: 23% - только по-украински, 24% - только по-русски, 31% - в одинаковой степени и по-украински, и по-русски, 21% - не суть важно на каком языке. Таким образом, крайние группы сбалансированы только в старшем поколении – здесь равно представлены поклонники прослушивания передач только на украинском, и только на русском языках. А в двух младших возрастных группах наличествует языковая асимметрия в пользу русского языка.

Среди образовательных групп нет ярко выраженных вкусов в прослушивании новостей на определенном языке. В каждой из этих групп существует большой разброс желаний. Так, у тех, кто имеет начальное и неполное среднее образование, 23% хотели бы слушать новости и общественно-политические передачи только на украинском языке, 24% - только по-русски, 29% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, 22% - не суть важно на каком языке.

Респонденты с общим средним образованием высказались так: желают слушать такие передачи только по-украински 20%, только по-русски - 28%, и по-украински, и по-русски в одинаковой степени - 26%, не суть важно на каком языке - 25%. Среди выпускников средних специальных учебных заведений имеются 19% те, кто желал бы слушать новости только по-украински, 29% - только по-русски, 29% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, 22% - не суть важно по-русски или по-украински.

15% опрошенных, имеющих первую степень высшего образования, желают слушать эти передачи только по-украински, 24% - только по-русски, 29% - и по-украински, и по-русски, в одинаковой степени, 31% - не суть важно на каком языке. И, наконец, 19% людей с полным высшим образованием хотели бы слушать соответствующие передачи только по-украински, 25% - только по-русски, 29% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, 26% - не суть важно по-русски или по-украински.

Изучение мнения респондентов по этому вопросу, сгруппированых по этническому происхождению, показало, что наибольшее единодушие относительно желания слушать новости и социально-политические передачи только на русском языке выразили русские – 61%. На втором месте стоит группа респондентов другого этнического происхождения (то есть не украинцы и не русские), 43% которых выразили желание слушать эти передачи также по-русски. Наполненность ответов по всем другим позициям является заметно меньшей – в границах от 7 до 31%. Так, 24% украинцев хотели бы слушать новости только по-украински, 17% - только по-русски, 31% - и по-украински, и по-русски, в одинаковой степени, 26% - не суть важно на каком языке. Среди русских тех, кто хотел бы слушать эти передачи только по-украински, - менее одного процента. А тех, кто и по-украински, и по-русски в одинаковой степени - 19%, и для 19% русских не суть важно на каком языке. 5% людей другого этнического происхождения хотели бы слушать новости и социально-политические передачи только по-украински, 26% и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, для 15% не суть важно на каком языке.

Обращают внимание на себя ответы 7% респондентов другого этнического происхождения, которые бы хотели слушать новости и социально-политические передачи на других языках. Следовательно, наиболее сплоченной группой относительно языковых вкусов просмотра и прослушивания новостей и социально-политических передач являются русские.

Следующим вопросом из серии языковых преимуществ респондентов в СМИ был такой: „На каком языке Вы хотели бы смотреть (слушать) по телевидению развлекательные передачи (ток-шоу, КВН, концерты) и тому подобное?” (табл. 3). В целом здесь ответ „только по-украински” набрал менее всего поклонников – 13%. Больше всего приверженцев имеет ответ „только по-русски” – 31%. Другие ответы распределились так – „и по-украински, и по-русски в одинаковой степени” – 27% „не суть важно по-русски или по-украински” – 28%.

Таблица 3

Язык, на котором респонденты хотели бы принимать по телевидению развлекательные передачи: ток-шоу, КВН, концерты (в %)

Только по-украински	13
Только по-русски	31
И по-украински, и по-русски в одинаковой мере	27
Не суть важно по-украински или по-русски	28
На другом языке	0,1
Трудно ответить	1

В зависимости от региона проживания респондентов ответы на этот вопрос были такими. На западе 41% респондентов ответили „только по-украински”, 4% - „только по-русски”, 28% - „и по-украински, и по-русски в одинаковой степени”, 26% - „не суть важно по-русски или по-украински”.

В центральном регионе страны хотели бы смотреть развлекательные передачи только по-украински 11% респондентов, 15% - только по-русски, 37% - и по-украински, и по-русски, в одинаковой степени, 35% - не суть важно по-русски или по-украински.

На юге больше всего желают смотреть такие передачи только по-русски – 57%. Только по-украински – лишь 4%. Ответ „и по-украински, и по-русски в одинаковой степени” дали 20%, а „не суть важно по-русски или по-украински” - 19%.

В восточном регионе желают смотреть развлекательные передачи 1% респондентов только по-украински, 49% - только по-русски, 23% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, для 27% - не суть важно по-русски или по-украински.

Таким образом, в зависимости от региона проживания респонденты проявляют в установках на язык просмотра развлекательных телепередач те же тенденции, которые существуют в языковой сфере этих регионов: запад отдает четкое преимущество украинскому языку, юго-восток – русскому языку, а центр занимает промежуточные позиции.

Дальше рассмотрим языковые преференции в пересмотре развлекательных телепередач у жителей сел и городов.

На селе каждый пятый респондент (20%) хотел бы смотреть такие передачи только по-украински, 16% - только по-русски, 29% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, для 33% - не суть важно по-русски или по-украински.

В небольших городах это распределение выглядит так: 11% - только по-украински, 36% - только по-русски, 26% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, 27% - не суть важно по-русски или по-украински. Значительная часть респондентов из больших городов тяготеет к просмотру развлекательных телепередач только на русском языке - 43%. Только по-украински здесь хотели бы смотреть 8%, и по-украински, и по-русски в одинаковой степени - 26%, не суть важно по-русски или по-украински - 22%. Киевляне проявляют значительную гибкость к языку просмотра таких телепередач. Только по-украински хотели бы их смотреть 11% жителей столицы, только по-русски - 21%, и по-украински, и по-русски в одинаковой степени - 34%, не суть важно по-русски или по-украински - 31%. Следовательно, жители городов отдают предпочтение русскоязычным ток-шоу и другим развлекательным передачам.

Анализ ответов респондентов из разных возрастных групп показал, что 10% молодежи желает смотреть развлекательные телевизионные передачи только по-украински, 37% - только по-русски, 24% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, 28% - не суть важно по-русски или по-украински. Среди респондентов среднего поколения 12% хотят смотреть эти передачи только по-украински, 31% - только по-русски, 28% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, 28% - не суть важно по-русски или по-украински. 16% людей старшего возраста выразили желание смотреть развлечения на телевидении только на украинском языке, 27% - только по-русски, 29% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, 27% - не суть важно по-русски или по-украински. Как видим, чем моложе группа, тем больше в ней желающих смотреть развлекательные передачи на русском языке.

Образовательные группы проявили такие вкусы: 17% респондентов с начальным и неполным высшим образованием желают смотреть развлекательные передачи только по-украински, 27% - только по-русски, 26% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, 29% - не суть важно по-русски или по-украински.

Следующая по уровню образования группа – с общим средним образованием – распределилась так: 18% хотели бы смотреть развлекательные телепередачи только по-украински, 36% - только по-русски, 20% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, 26% - не суть важно по-русски или по-украински.

Опрошенные со средним специальным образованием выразили такие желание в пересмотре развлекательных телепередач: только по-украински - 12%, только по-русски - 35%, и по-украински, и по-русски в одинаковой степени - 27%, не суть важно по-русски или по-украински - 25%.

Из тех, кто имеет первую степень высшего образования, 9% желают смотреть упомянутые телепередачи только по-украински, 30% - только по-русски, 29% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, 31% - не суть важно по-русски или по-украински.

Наконец, респонденты с полным высшим образованием проявили такие вкусы: хотят смотреть ток-шоу, КВН и тому подобное только по-украински - 11%, только по-русски - 29%, и по-украински, и по-русски в одинаковой степени - 33%, не суть важно по-русски или по-украински - 27%. Следовательно, и эта группа респондентов отдает предпочтения при пересмотре телепередач русскому языку.

Представители этнических групп выражают разные желания относительно языка развлекательных телепередач. Наибольшей группой с совпадающими вкусами, являются русские. 67% из них хотели бы смотреть такие передачи только на русском языке. К ним приближаются представители других этносов (то есть за исключением украинцев), 59% которых также хотели бы смотреть развлекательные передачи на русском языке. Среди русских, практически, нет таких, кто хотел бы смотреть эти телепередачи исключительно по-украински (менее 1%), как, кстати, и среди представителей других этносов (из них ни один респондент не выявил такого желания). И по-русски, и по-украински хотели бы смотреть эти передачи 17% русских, и 21% людей другого этнического происхождения. А для 14% русских и 18% иноэтников не суть важно, на каком языке смотреть ток-шоу и КВН, по-русски или по-украински.

Языковые преференции украинцев относительно развлекательных передач более дифференцированы. 16% из них хотели бы смотреть ток-шоу и КВН только по-украински, 21% - только по-русски, 30% - и по-украински, и по-русски в одинаковой степени, для 31% не суть важно по-русски или по-украински.

В обществе много споров идет вокруг того, следует ли дублировать на украинский язык российские фильмы. В нашем исследовании был поставлен вопрос: «На каком языке Вы бы хотели смотреть фильмы российского производства?» Ответы на этот вопрос имеют более консолидированный характер, чем на предыдущие вопросы (табл. 4). Большинство респондентов (62%) хотело бы смотреть эти фильмы только на русском языке, а только по-украински - лишь 8%. Другие ответы также категорически не отрицают русского языка при просмотре фильмов российского производства.

Даже на западе страны среди респондентов, которые ответили на этот вопрос, наибольшей группой является группа, которая желает смотреть такие фильмы по-русски, – 38%. За ней идет группа поклонников просмотра российских фильмов только на украинском языке – 27%, а также две группы по 16%, которым либо безразлично на каком языке смотреть, либо они хотели бы смотреть и на том, и на том.

Таблица 4

Язык, котором респонденты хотели бы смотреть фильмы российского производства
(в %)

Только по-украински	8
Только по-русски	62
И по-украински, и по-русски в одинаковой мере	10
Не суть важно по-украински или по-русски	18
На другом языке	0
Трудно ответить	1

Во всех других регионах более половины опрошенных хотели бы смотреть фильмы российского производства только на русском языке: центр – 54%, восток 76%, юг – 79%.

Во всех городах – больших и небольших – значительно больше половины опрошенных хотят смотреть российское кино по-русски: в Киеве – 66%, в небольших городах - 65%, в больших городах – 73%. В селах почти половина опрошенных, а точнее 48%, также хотели бы смотреть эти фильмы по-русски. Наибольшая группа тех, кто хотел бы дублирования российских фильмов по-украински, проживает на селе – 14%.

Среди респондентов разных возрастных групп имеются разногласия во вкусах, относительно того, на каком языке смотреть фильмы российского производства. Но в целом во всех этих группах желающих смотреть их только по-русски превышает 50%. Больше всего хотят смотреть эти фильмы только на русском языке респонденты в возрасте до 30 лет - 70%. В средней возрастной группе респонденты с такими вкусами составляют 64%. И менее всего, но все же более половины, их среди людей старшего возраста - 54%.

Только по-украински эти фильмы хотели бы смотреть 11% людей старшей возрастной группы, 8% среднего возраста и 7% молодых людей.

А еще 20% людей старшие 55 лет заявили, что им безразлично, на каком языке смотреть российские фильмы – или по-украински, или по-русски.

Преференции респондентов из разных образовательных групп относительно языка просмотра фильмов российского производства выстраиваются в определенную закономерность: чем выше уровень образования, тем большей является группа желающих смотреть эти фильмы на русском языке. В группе респондентов с начальным и неполным средним образованием поклонники смотреть эти фильмы только на русском языке составляют 52%. А в группе с общим средним образованием – 60%, со средним специальным – 65%, с первой степенью высшего образования – 66%, с полным высшим образованием – 69%. И наоборот, количество желающих смотреть российские фильмы только по-украински увеличивается по мере уменьшения образовательного уровня группы: у лиц с высшим образованием – 5%, с первой степенью высшего образования – 7%, со средним специальным образованием – 8%, с общим средним образованием – 12%, с начальным и неполным средним образованием – 11%. Наибольшую

группу тех респондентов, для которых не суть важно, на каком языке смотреть эти фильмы, составляют люди с начальным и неполным средним образованием – 22%.

Языковые преференции относительно российских фильмов среди опрошенных в зависимости от этнического происхождения распределяются таким образом. Только по-украински хотели бы смотреть эти фильмы 11% украинцев и ни одного русского. Только по-русски желают смотреть фильмы российского производства 55% украинцев и 89% русских. Еще одну значимую группу представляют украинцы, для которых не суть важно, на каком языке смотреть эти фильмы – 21%. Следовательно, относительно фильмов российского производства следует проявлять здравый рассудок в вопросе языка его озвучения. В условиях глубокого понимания русского языка практически всем населением страны не следует оставлять его (во всяком случае большую его часть) наслаждения воспринимать фильмы во всей их полноте и целостности, включая и их языковые, и даже интонационные составляющие.

Таким образом, языковые процессы являются сложным социокультурным явлением. Они развиваются в соответствии с присущими им закономерностями. Эти закономерности следует изучать и учитывать в социальной практике. Недопустимым является волюнтаризм со стороны государства в языковой сфере. Он может дать обратный результат желаемому. Например, невзирая на большие усилия со стороны государственных органов, общественных организаций относительно повышения авторитета и распространения украинского языка в период между Всесоюзной переписью в 1989 году и Всеукраинской переписью в 2001 году численность украинцев, которые назвали родным языком русский, увеличилась, практически, на 1 млн. – с 4 млн. 579 тыс. до 5 млн. 556 тыс.

А.М. Эмирова

КРЫМСКОТАТАРСКИЕ СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА КАК КУМУЛЯТИВНЫЕ ЗНАКИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Совокупная – материальная и духовная – культура любого народа отражается в языке и образует этническую (национальную) “языковую картину мира”. В содержании языковых единиц разных уровней отражены все этапы развития этноса, все формы и способы его жизнедеятельности. Среди них особое положение занимают онимы (собственные имена)– слова или словосочетания, которые служат для именования, называния объекта, его выделения среди других объектов, его индивидуализации и идентификации.

Онимы являются кумулятивными (лат. cumulatio – увеличение, скопление) знаками – в них скапливается разнородная информация о предмете, именем которого они являются: о месте его нахождения, о времени его создания, о языке именования, о народе, давшем ему это имя и оценившем его место в своей материальной и духовной жизни.

Собственные имена маркируют природную и социальную сферы жизни этноса и формируют то культурное пространство, в котором этот народ чувствует себя “дома”. Поэтому одним из первых социальных требований крымскотатарского народа, вернувшегося на родину и стремящегося возродить свою материальную и духовную культуру, было требование восстановить прежнюю топонимию – названия сёл, городов, рек, водоёмов, гор, холмов и прочих природных урочищ, которые директивным порядком были переименованы через несколько лет после выселения крымских татар. Сделано это было из политических соображений – стереть всякие следы многовекового пребывания крымских татар на этой земле. Много лет спустя известный поэт Борис Чичибабин, который часто приезжал в Крым, так оценил эту варварскую акцию: «Без татар Крым – не Крым, ненастоящий Крым, не тот Крым, который видел, и который описал, и в какой на всю жизнь влюбился Пушкин, который видели и любили Толстой и Чехов, Ахматова и Цветаева, Паустовский, Пришвин, Сергеев-Ценский; это какой-то искусственный, экзотический, специально для курортников и туристов придуманный и сделанный заповедник... Они (татары) были исконным местным населением этой земли, они были народом, пустившим корни в эту землю, обжившим её, одухотворившим её названиями гор, посёлков, мифологией, памятью, верой, мечтой, они стали и были душой Крыма. И когда эту душу искусственно, насильственно изъяли из тела и тело осталось без живой души, но с какой-то тенью её, с каким-то кровоточащим следом её, с памятью о ней, – татар нет, а татарские названия остались, – это не только трагично, грустно, страшно, но в этом есть что-то неподлинное, притворяющееся, неестественное, стыдное, непристойное». (Из архива Б. Чичибабина; предоставлено мне Л.С. Карась-Чичибабиной.)

К сожалению, многие прежние названия пока не удаётся восстановить, поэтому в крымскотатарских средствах массовой информации сегодня приняты двойные наименования – прежнее и в скобках современное: *Акъмесджит (Симферополь), Къарасубазар (Белогорск), Акъяр (Севастополь), село Коккоз (Соколиное), Ай-Василь (Васильевка)* и др.

Предметом исследования в данной работе является только один класс онимов – антропонимы, т.е. собственные имена крымских татар, а именно: личные имена, отчества, фамилии, прозвища (дополнительные имена, которые даются человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельствам или по какой-то аналогии) и др. В рамках поставленной темы выделены следующие проблемы: 1. антропонимические словари; 2. канонические формы крымско-татарских личных имён, их написание и произношение; 3. форма совокупного имени крымских татар; 4. крымскотатарские вокативы (звательные формы).

Крымскотатарские личные имена почти все восходят к арабскому языку, и это связано с принятием ислама: арабский язык – язык Священной Книги – Корана. В диахронии, исторически, после принятия ислама (13–14 вв.) при заимствовании арабских корней в

разных тюркских языках Крыма происходили процессы их фонетической адаптации, т.е. приспособления арабских звуков и звуковых цепей к фонетической системе этих языков. Если при этом принять во внимание сложный, многокомпонентный этногенез крымских татар и смешение, взаимодействие разных групп тюркских диалектов (кыпчакских, ногайских и огузских) в составе современного крымскотатарского языка, то разнообразие форм однокоренных крымскотатарских личных имён станет в какой-то мере понятным и оправданным. Следует учесть также, что в устной речи крымских татар действуют специфические фонетические законы (редукции, выкидки, ассимиляции и др.), которые также способствуют искажению звукового облика личного имени: ср.: *Адиле → Адле, Эмине → Эмне*, *Алиме → Альме, Велиша → Вельша* и т.п. (выкидка безударного гласного); Яхья → Яя, Сеид-Яхья → Сетья (Ситья), Сеид-Умер → Сетмер (Ситмер), Абдурахим → Абдреим, Абдурахман → Абдраман (выкидки звуков, сопровождаемые качественной редукцией гласных и согласных); Абдулазиз → Аблязиз (Абляз, Абляс), Сеид → Сеит (стяжение звуков и редукция согласных) и др. К сожалению, все эти искажённые формы имён фиксируются в документах и даже отражаются в словарях, в том числе и предназначенных для работников государственных учреждений (паспортных столов, загсов, поселковых и сельских советов и др.). Составители словаря [2], например, в который включены все формы написания имён, в том числе и искажённые, заявляют, что их справочник содержит *правописание* (т.е. правильное написание) наиболее употребительных крымскотатарских имён, отчеств и фамилий, и потому адресуют свой справочник работникам указанных учреждений.

Такую же задачу поставили перед собой и составители словаря [6]: «...дати працівникам офіційних органів та державних закладів довідник, який, на нашу думку, допоможе упорядкувати і уніфікувати написания українською мовою кримськотатарських чоловічих імен та імен по батькові» [6, с. 3]. Там же написано, что составители полъзовались «найавторитетнішими» словарями крымскотатарских имён, составленными С. Усеиновым, Э. Озенбашлы, Ш. Кайбуллаевым [3–5], которым (словарям) свойственны те же недостатки, что и рецензированным выше [2; 6]. Думается, что авторитетнейшим словарём восточных, в том числе и тюркских, имён, сегодня всё ещё остаётся словарь Алима Гафурова «Имя и история», увидевший свет в 1987 г. в московском издательстве «Наука» [1]: в нём даны современные формы восточных имён и их арабские (и персидские) производящие основы в арабской графике и кириллице. Работу по созданию более совершенных в научном отношении словарей личных имён могут выполнять лишь высококвалифицированные филологи, специалисты в области общего языкознания.

Известно, что арабский язык, входящий в семитскую ветвь семито-хамитской семьи языков, отличается от тюркских языков и фонемным (звуковым) составом, и лексико-грамматическими категориями, и фонетическими законами. Однако при написании

крымскотатарских личных имён, особенно в документах гражданского состояния, следует стремиться по возможности к более точному воспроизведению их канонической формы с учётом различия сущностных особенностей, в том числе и фонетических законов, языка-оригинала (в данном случае – арабского) и языка-рецептора (крымскотатарского). Такой подход к решению проблемы имеет и иной – не филологический, а конфессиональный (религиозный) – аспект: он будет свидетельствовать о пиетете крымскотатарского общества к языку Священного Корана.

Сказанное выше не означает, что в повседневной речевой практике следует отказаться от разговорно-диалектных форм произношения крымскотатарских личных имён. В неофициальной обстановке – в семье, среди родных и близких – можно называть друг друга так, как это принято в том или ином говоре.

Под влиянием русского языка уже до войны (1941–1945) стали активно искажаться крымскотатарские личные имена. Это проявлялось в разных формах. Прежде всего была утеряна традиционная формула совокупного именования – личное имя + имя отца и / или прозвище: *Мемет Ниязий, Керим Решид Джаманакълы, Сеид Абдулла Озенбашлы, Номан Челеби Джихан, Трош Айше Али* и т.п. Совокупное имя стало оформляться по русской формуле – личное имя + отчество на - *ович / - евич, - овна / - евна* + фамилия на – о*в / -ев, - ова / -ева: Асан Сабри Айваз**ов**, Эмир**ов** Мемет Али**евич**, Земине Мустафа**евна** Дагджи, Ариф**ов** Ягья Джелиль* и др. Русифицированное отчество часто в документах не записывалось: *Эмир**ова** Адиле, Мазин**ова** Гульназ, Гани**ев** Сулейман.* В устной речи, особенно детей школьного возраста и молодёжи, личное имя часто заменялось (и до сих пор заменяется) на русское, начинающееся с того же звука или сочетания звуков, что и крымскотатарское, или созвучное с ним в какой-то части: *Нелюфер → Нэля, Наджие → Надя, Нияр → Нина, Зоре → Зоя, Алиме → Алла, Сыдыкъа → Соня, Сервер → Сергей, Бекир → Борис, Селим → Сеня, Недим → Дима* т.п.

Попытки крымских татар в условиях ссылки оформлять документы в соответствии с традиционной формулой совокупного имени встречали резкое противодействие со стороны государственных чиновников. После возвращения на родину многие крымские татары делают попытки возродить традиционную форму имени: сегодня можно встретить написания такого рода, как *Мерьем Асан Темеш* или *Мерьем Асан къызы* (букв. – ‘дочь ‘) *Темеш; Исмаил Асан оглу* (букв. – ‘сын’) *Керим*. Вряд ли взрослые станут менять свои многочисленные документы через судебные инстанции. Однако если молодые родители захотят вернуться к старым именным формам, то можно надеяться, что следующие поколения крымских татар будут именоваться так, как их деды и прадеды.

В “Книге путешествий” знаменитого турецкого путешественника Эвлия Челеби, который дважды побывал в Крыму – в 1641–1642 и в 1666–1667 годах, имеются сведения о языках жителей Крыма, в частности – их именах. Вот имена благородных людей: *Омер аталык,*

Салтык аталык, Сюнди бай, Келген бай; Танбурлу Рамазан ага, Мухсинхан, Чолак Дедеш ага, Абу Ахмед ага Заде Челеби. Мужские имена, часто встречающиеся в Бахчисарае: *Алыш ака, Дедеш ака, Улан Мехмед ага, Кайтас ака, Джанкули; женские имена: Гюльафзун, Бикеджан, Сибаджан.* Имена поэтов: *Мумин эфенди, Физули Челеби, Эмир Мехди Челеби* и др. Как видно из приведённого выше перечня имён представителей разных слоёв общества, к мужским и женским именам слов-детерминантов *огълы, къызы* в те времена (17 век) не добавляли.

О том же свидетельствует известный крымскотатарский писатель Дженгиз Дагджи. Вот перечень собственных имен исторических деятелей и персонажей, встречающихся в его романе “Onlarda ınsandı” (Олар да инсан эди): *Алим Айдамакъ, Номан Челебиджихан, Исмаил Гаспралы, Джафер Сейдамет; Абдульвейс Мезин, Асан Балтаджи, Амет Къырыкъ, Асан Къарамырза, Вели Къуршун, Джемиль Софу, Осман Пармакъсыз, Усеин Къашкъа (Кашка)* и др. В структурно-грамматическом отношении, как правило, это двукомпонентные, т.н. бинарные, имена: личное имя в сочетании с патронимом – именем, фамилией или прозвищем отца. Бинарная форма традиционно была наиболее характерной моделью имени собственного в крымскотатарском языке. Иногда она расширялась за счёт добавления имени деда или прозвища рода. (См. [8, 9]). Яшлавская Нияр, родившаяся в 1927 г. в деревне Ханышкой Симферопольского района, свидетельствует, что в архивной справке о её рождении, полученной ею в архиве АРК 11 июня 1993, имена родителей записаны в следующей форме: отец – *Яшлавский Джафер Суин*, мать – *Яшлавская Маире Аметовна*. В свидетельстве о рождении *Ибраимовой Мунире* (РЗ № 896859 от 2 июня 1925 г.), родившейся 15 февраля 1925 г. в селе Ташлы Шеих-эли Джанкойского района Крымской АССР в семье *Ибраимова Амзы* и *Ибраимовой Фериште*, также отсутствуют детерминанты *огълы, къызы*. Пять лет спустя, 12 декабря 1930 г., тот же *Амза Ибраимов* оформил копию своего свидетельства (№ 2709 от 16 июля 1930 г.), в котором его имя записано в форме *Амза Ибраим*. Приведённые данные свидетельствуют о том, что в 20–30 годы активно протекали процессы русификации крымскотатарских имён, думается, во многом под давление чиновников, оформлявших такие докумнты.

К рассмотренным выше вопросам ономастики примыкает проблема крымскотатарских вокативов. Вокатив – это слово или словосочетание, называющее того, к кому обращается говорящий, т.е употребляющееся с целью привлечь внимание того лица, к которому обращается говорящий; иначе – это звательная форма нарицательного имени, которая обычно сочетается с именем собственным. В постпозиции к крымскотатарским мужским именам находятся вокативы *ака, акъай, агъа, оджа, эфенди;* женские имена сопровождаются вокативами *апа, апте, абла, оджа (оджапче), шерфе*. В последние годы, по-видимому, не без влияния турецкого языка, возродились и стали очень употребительными обращения *бей* и *ханым*. Думается, и в этой сфере, в рамках культуры крымскотатарской речи, следует

сформулировать определённые рекомендации, учитывающие возраст человека, его социальный статус, род деятельности и характер отношений с окружающими.

Совокупность крымскотатарских личных имён (т. н. антропонимикон, или именник), их формы, этимология и употребление – это один из важнейших компонентов традиционной духовной культуры народа. Личные имена и формулы совокупного имени – это свидетельства его этногенеза, истории, религии, нравственных предпочтений и оценок. Они – кумулятивные культурные знаки, объединяющие людей в единое общество, способствующие их национальной идентификации и самоидентификации.

Список литературы

1. Гафуров А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. – Москва: Наука, 1987. – 221 с.
2. Девлетов Р.Р., Каленчук Г.М., Прадид Ю.Ф. Краткий русско-украинский и украинско-русский словарь. Крымскотатарские фамилии, имена, отчества / Под ред. Ю.Ф. Прадеда. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – 128 с.
3. Крымскотатарские имена. Происхождение и значение / Составитель Ш.Э. Кайбуллаев. – Симферополь, 1994. – 82 с.
4. Крымскотатарские имена. Справочник / Составитель С. Усеинов. – Симферополь: Анаюрт, 1992. – 63 с.
5. Озенбашлы Э. Къырымтатар адлары. Крымскотатарские имена. – Симферополь: Таврия, 1992. – 49 с.
6. Регушевський Е.С., Регушевська І.А., Усеинов С.М. Кримськотатарські чоловічі імена та імена по батькові. Кримськотатарсько-український правописний словник. – Симферополь: Доля, 2005. – 132 с.
7. Суперанская А.В., Шейх-Аметов М.А. Крымскотатарские имена // Справочник личных имен народов СССР / Под ред. А.В. Суперанской, Ю.М. Гусева. – Москва: Русский язык, 1987. – 656 с.
8. Эмирова А.М. Онимия как объект лингвокультурологии // Научные и методические основы филологического образования в условиях многоязычия. – Киев: Знання, 1999. – С. 29–34.
9. Эмирова А.М. Крымскотатарский ономастикон как объект этнолингвистики // Мир языка. Материалы конференции, посвящённой памяти проф. М.М. Копыленко. – Алматы: КазГУМОиМЯ, 1999. – С. 299–305.

РЕГИОНАЛИЗМ, РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Е.А. Горюнова

КРЫМСКИЙ РЕГИОН В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ РУБЕЖНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современной мировой системе главенствуют две тенденции – глобализация и регионализация, которые несут в себе серьезные угрозы для государства в его классической формулировке. Глобализация размывает государственные границы, открывает возможности для трансграничного оборота капиталов и свободного перемещения людских ресурсов, выводит на международную арену новых субъектов экономической деятельности, которые действуют не всегда в государственных интересах. Одновременно глобализация расширяет возможности регионов, активно вовлекая их в мировые политические и экономические процессы, позволяя им выступать в роли международных акторов. Поэтому в современном мире преимущества получают государства, способные создать оптимальное соотношение между глобализацией и регионализацией, между центром и периферией.

С точки зрения профессора В. Дергачева, особая роль в данном случае принадлежит тем регионам, которые выступают своего рода рубежами, пограничными районами в государстве, будь-то в географическом, геополитическом, геоэкономическом или социокультурном аспектах [1]. Различного рода границы, проходящие как по периметру данных территорий, так и собственно внутри них как границы межэтнические и межкультурные, способствуют проявлению активных коммуникационных функций.

Исследование проблематики региона через призму теории рубежной коммуникации, основанной на применении комплементарной методологии, позволяет сделать новые, нетрадиционные выводы. Проецируя данные из области смежных наук (географии, физики, химии, геологии, биологии) на общественно-политическую сферу, В. Дергачев приходит к выводу о том, что именно крайние (рубежные) регионы благодаря колоссальной энергетике являются мощной движущей силой для развития государства в период активного развития коммуникационных потоков. «Современный мир вступает в сложную эпоху коммуникационных взаимодействий, когда в центре внимания оказываются краевые процессы взаимодействия между цивилизациями, народами, морем и континентом, природой и человеком» [2, с. 97]. Поэтому стратегическая роль в новом мировом устройстве будет принадлежать именно крайним, рубежным, областям, обладающим высоким энергетическим потенциалом.

Именно в этих зонах, где границей выступает и природная среда, и культурно-исторические особенности, пересекаются мощные энергетические потоки, что позволяет им выступать своего рода катализатором общественно-политических процессов. Однако любая энергия, как известно, при правильном использовании может принести много пользы, но, став неуправляемой, способна на колоссальные разрушения.

Крым как «евразийский микрокосмос» является наиболее ярким примером проявления данной концепции, сочетая в себе целый спектр пограничных состояний. В рамках данной работы нам бы хотелось выявить положительные и отрицательные аспекты рубежного состояния полуострова и проанализировать возможности региона в русле коммуникационных потоков.

В географическом аспекте Крым является южным рубежным регионом Украины, который не имеет сухопутных государственных границ. Крым почти со всех сторон окружен водами Азовского и Черного морей, будучи соединенным узким Перекопским перешейком (своеобразной «пуповиной») с материковой частью – Украиной. Этот аспект имеет колоссальное значение в геополитическом раскладе: не будучи островом, со всеми вытекающими последствиями, Крым, тем не менее, дистанцинрован от материка и от украинского государства, что обрекает регион на полусвободное плавание. Этот фактор оказывает мощное воздействие на геополитическую, геоэкономическую и социокультурную ситуацию не только на полуострове, но и в целом рамках всей региональной политики.

Постоянное противостояние с центром (Киевом) и в определенном смысле слабость украинской государственности как в масштабах всей страны, так и в регионе особенно, делает полуостров заложником геополитических игр соседних государств.

Второй важный аспект крымской рубежности также тесно связан с географическими особенностями: большой протяженностью прибрежной зоны полуострова. Соприкосновение Суши и Моря - это, во-первых, богатейшая природными ископаемыми береговая зона. В Черном море разведано всего 5 газовых месторождений (приблизительно 4% запасов). Только прикерченский участок, площадью в 12,96 тыс. кв. км, по прогнозам геологов имеет запасы в 30 млрд. кубометров. Помимо традиционно известного природного газа в центральной глубоководной части Черного моря (напротив Крыма) имеются запасы метана в газогидратах, которые оцениваются в 20—25 трлн. кубометров [3]. В условиях острой борьбы за энергоресурсы, наличие солидных запасов газа и нефти в черноморо-азовском шельфе открывает перед регионом, а, следовательно, и перед Украиной неплохие перспективы.

С другой стороны, протяженная береговая зона и уже существующая сеть портовых сооружений призваны содействовать активному вовлечению полуострова как коммуникатора в транспортные магистральные схемы, что делает регион чрезвычайно привлекательным в геоэкономическом смысле. Самой природой Крыму предопределено

выступать международным связующим звеном, тем самым коммуникационным узлом, который может стать координатором транзитных потоков, как в вертикальном, так и в горизонтальном направлениях.

Данные рубежи можно отнести к положительным аспектам бытия полуострова, которые призваны продвигать его региональные, а также и государственные интересы на международной арене. Это в большей степени внешняя рубежность, открывающая возможности для межрегиональной и межгосударственной коммуникации.

Однако имеется целый спектр внутренних рубежей. Прежде всего, в рамках нашего полуострова проходит граница между народами, культурами и конфессиями, то есть фактически между цивилизациями, что порождает многочисленные проблемы во взаимоотношениях и позволяет многим аналитикам предсказывать полуострову судьбу очередной «горячей точки». Нельзя забывать и тот факт, что приличная часть населения полуострова, которая так и не смогла найти себя в новой жизни (в основном это люди преклонного возраста) испытывает сильнейшую ностальгию по прошлой, советской жизни. Результаты социологического опроса, проводимого в декабре 2005 года, представляют собой интересную почву для размышлений. На вопрос: «Желаете ли Вы возрождения СССР и социалистической системы?», 27.2% респондентов юга Украины ответили утвердительно, а еще 46.3% хотели бы этого, но понимают необратимость происходящих процессов. Таким образом, порядка двух третей населения региона хотели бы вернуть прошлое, в то время как в других регионах страны эта цифра колеблется от 16.3% на западе до 52.7% - в центре [4]. Хотя эти данные представляют весь южный регион, тем не менее, для Крыма эта проблема е теряет актуальности.

Таким образом, мы имеем еще одну границу – между настоящим и прошлым, между возможностью «жить как все» и необходимостью выживать в новых реалиях «дикого капитализма» в чуждой по многим позициям стране. В результате рубеж проходит не только по Перекопскому перешейку, а в душах людей, что требует проведения особой политики в отношении полуострова.

Как видим, природа крымского коммуникационного пространства двояка – оно может служить стратегическим ресурсом политического и социально-экономического развития. А может, напротив, превратиться в очаг нестабильности и конфронтации, стать непосильным бременем для Украины, угрозой национальной безопасности. В любом случае, как отмечает В. Дергачев, в зависимости от использования пограничного состояния региона выстраивается настоящее и будущее не только региона, но и государства, которому регион принадлежит [1, с.27]. Либо рубежный регион станет настоящим коммуникационным форпостом, либо превратиться в маргинала в негативной трактовке данного термина

В силу наличия столь мощных зон соприкосновения в разных плоскостях, Крым является колоссальным по энергетической силе регионом. Однако вопрос заключается в том, в каких целях и каким образом будет использоваться эта энергетика? Если складывавшиеся в Крыму веками отношения дружбы, добрососедства, веротерпимости и толерантности станут доминирующими, то мы можем говорить о победе комплиментарных этнических отношений. Если же межнациональные разногласия в совокупности с политическими играми местных и иноземных политиков возьмут верх, то Крым ждет печальная судьба Косово.

Почему богатейший геоэкономический и социокультурный капитал полуострова не используется в полной мере? Многие видят в этом вину Украины, которая не смогла выработать стройной политической линии в отношении специфического региона. Это вполне правомерно. Однако есть и другие, не менее серьезные факторы. Дело в том, что фактически на протяжении всей своей многовековой истории полуостров, так или иначе, был активно вовлечен в транзитную торговлю, которая выступала и продолжает выступать важнейшей коммуникационной силой. Именно Крым в разные периоды своей истории был мощным транзитным узлом, посредством которого были связаны Балтика, Каспий и Средиземное море. Подобное положение позволяло полуострову играть ключевую роль в мировых экономических, а зачастую и политических отношениях. Таким образом, регион действительно выступал в качестве полноценного международного актора. Однако вхождение Крыма в состав России изменило его торговый статус на военный: полуостров стал черноморским форпостом Российской империи, что фактически свело к нулю его геоэкономические возможности. Подобную политику в отношении региона продолжал Советский Союз, особенно с началом «холодной войны». Поэтому вместо «цветущего сада», некогда обещанного большевиками, полуостров все больше напоминал «непотопляемый авианосец». Однако подобная практика противоречила самой природе региона, расположенного на пересечении важнейших транспортных потоков.

Возвращение Крыму транзитного статуса поможет решить и проблемы межнациональных взаимоотношений, которые особенно обострились в связи с репатриацией крымских татар на историческую родину. Вообще, миграционная проблема на протяжении XX столетия оказалась одной из самых серьезных для полуострова, что, в конечном счете, серьезно затрудняет формирование крымского регионального сообщества.

Только в XX веке мы имели, по меньшей мере, несколько переселенческих волн, каждая из которых стала своеобразным вызовом для мигрантов и местного населения. Депортация местных народов в 1944 и возвращение депортированных в 90-е годы – это серьезное испытание не только для материальной сферы, но, прежде всего, для ментального восприятия переселенцами новой реальности и местными жителями самих переселенцев. Это достаточно сложный психологический аспект: переселенцы испытывают серьезный шок,

попадая в иную природную и культурную среду. Однако, как это ни удивительно, зачастую этот шок провоцирует их на активные действия. Они выступают как маргиналы в этом новом для них обществе, поэтому стремятся максимально закрепиться, предпринимая для этого колоссальные усилия. В результате возникает тот самый энергетический сгусток, который помогает переселенцам не только выжить в новых реалиях, но и занять некую нишу, заявить о себе.

Местное сообщество, наблюдая за действиями переселенцев, может перенимать их опыт, активно сотрудничать, обогащая тем самым свой хозяйственный и культурный потенциал (положительная комплиментарность). Но такая ситуация возможна только в том случае, если переселенцы не угрожают материальным интересам автохтонного населения. Переселение немецких колонистов на опустевшие после эмиграции крымских татар в Турцию земли позволило внедрять новые способы земледелия на благодатной крымской почве, что в сочетании с культурно-ментальными особенностями обеспечило немецким земледельцам лидирующие позиции среди крымского крестьянства.

Другой пример – переселения, проводившиеся большевиками в начале 20-х, которые имели под собой исключительно классовую природу. В результате планового переселения в небогатый свободными землями регион трудящихся евреев из городов России, Украины и Белоруссии и объединения переселенцев в коллективные хозяйства, возникли серьезные конфликты среди населения, недовольного политикой властей [4].

Скрытое или явное недовольство мы имеем и сейчас в свете возвращения депортированных народов (особенно из числа крымских татар), поскольку предоставление им многочисленных льгот и преференций в земельном вопросе вызывает негативную реакцию среди жителей полуострова. Это есть проявление отрицательной этнической комплиментарности, что позволяет аналитикам делать выводы о наличии в Крыму «латентной фазы» межэтнического конфликта.

Однако сами крымчане не склонны драматизировать ситуацию, выводя в качестве определяющей проблемы полуострова именно наличие сложностей в межнациональных отношениях, поскольку они ощущают в реальной жизни воздействие ряда других негативных факторов: низкие заработные платы и пенсии, упадок промышленности и сельского хозяйства, безразличие властей к проблемам населения и коррупция. Поэтому жители полуострова не оценивают уровень межнациональной напряженности как достаточно высокий [5].

Таким образом, жители Крыма, несмотря на многочисленные рубежи, проходящие через их судьбы, все же остаются достаточно толерантными к своим соседям, принадлежащим к другому этносу или вере. Крымский полуостров всегда представляя из себя некий конгломерат народов и народностей, волею судьбы оказавшихся в этом общем «плавильном котле» истории. Поэтому рубежность как таковая в данном случае не является разъединяющим

фактором. Однако использование межэтнических и межрелигиозных границ крымского социума в политических целях действительно может стать причиной серьезного конфликта.

Рубежность при позитивном понимании ее возможностей является мощным стратегическим ресурсом, который может дать толчок для развития региона и государства в целом. Для этого необходима грамотная государственная политика, основанная на национальных, а не местечковых или личных интересах. В противном случае, крымский регион, будет оставаться заложником в политических и внешнеполитических баталиях, что в итоге может привести к статусу депрессивного региона, либо превратить полуостров в очередную «горячую точку».

Новые вызовы современного мира требуют новых ответов и формирования новой концепции развития полуострова как важнейшего коммуникационного звена. Крым может стать проводником новой линии по все важнейшим направлениям государственного развития.

Политический аспект. В эпоху децентрализации власти, расширения функций местного самоуправления, Крым, имея опыт автономной политики, может стать примером для других регионов Украины. Однако это должен быть позитивный пример четкой и слаженной работы власти, направленной на решение реальных проблем крымчан. К сожалению, в настоящее время крымская политико-бюрократическая элита полностью погрязла в коррупционных проектах.

Экономический аспект. Необходимо подлинное возвращение Крыма в евразийское коммуникационное пространство через расширение транспортной магистральной сети и модернизацию крымских портов. Однако подобное возвращение невозможно в условиях имитации открытой экономики, наличия мощного теневого сектора и коррупционных схем. Участие в трансграничных транспортных проектах станет реальным только в случае максимальной прозрачности проводимой политики, а необходимый в данном контексте режим преференций не должен использоваться в корытных интересах отдельных политиков или политических групп. Одним из аспектов функционирования коммуникационных коридоров могут стать свободные экономические зоны, которые заняли прочное положение в современном мире. При этом для Крыма наиболее приемлемой будет все-таки не промышленная СЭЗ, как, «Сиваш», а скорее транзитно-торговая в сочетании с использованием рекреационных и туристических возможностей полуострова. Обеспечение преференций для инвесторов при максимальном упрощении бюрократической процедуры и уничтожении коррупционных схем в виде «откатов» для крымских чиновников позволит привлечь в регион необходимые ресурсы для активизации экономической деятельности, что позволит наполнить бюджет полуострова, снимет проблему безработицы.

При этом следует учитывать еще одни немаловажный факт. Ряд крымских ученых активно продвигает идею российско-украинской СЭЗ, однако, с нашей точки зрения, это не

совсем правильный путь предоставления преференций лишь одному государству. Необходимо использовать геоэкономический потенциал полуострова с максимальной отдачей, привлекая инвесторов из разных стран. Только в этом случае, мы сможем действительно вернуть Крыму статус коммуникационного звена в Балто – Черноморо – Азово - Каспийской дуге.

Активная интеграция Крыма в мировое коммуникационное пространство несомненно будет способствовать повышению экономического благосостояния региона, что в свою очередь поможет снизить этноконфессиональную напряженность.

Социокультурный аспект. Эта сфера наиболее сложная, наиболее тонкая, поскольку затрагивает духовный мир, этническую или религиозную принадлежность. А как мы знаем конфликты, возникающие в силу подобных разногласий считаются наиболее острыми. Есть ли шанс сохранить, существовавшую ранее этническую комплиментарность, или же пророчества Хантингтона имеют шанс стать реальностью на территории нашего полуострова? В пользу первого сценария – богатый опыт поколений, благодаря которому на территории Тавриды проживали и проживают множество народов. В пользу второго – нерешенность социально-экономических вопросов, прежде всего, для репатриантов, а также внешние факторы – близость к евразийской геополитической дуге нестабильности и воздействие соседних государств. Какой из этих сценариев окажется реальным? Очень бы хотелось, чтобы мудрость поколений в сочетании с грамотной политикой элиты позволили наконец-то превратить Крым в «цветущий сад», используя возможности многомерного коммуникационного пространства. И тогда, мы действительно откроем для себя весь спектр возможностей, который таит в себе Крымский полуостров как рубежный регион, расположенный на стыке цивилизаций и культур, как геополитический полюс Евразии, от дальнейшей судьбы которого зависит будущее не только Украины, но и всей евразийской дуги. Крым должен стать стабильным регионом во всех аспектах. А социкультурное многомерное коммуникационное пространство открывает возможности для масштабного диалога во всех плоскостях. Вековой опыт толерантности местного населения - путь к поиску компромисса в настоящем и будущем. Уникальные природные, геополитические и геоэкономические ресурсы при грамотной политике представляют собой колоссальный потенциал для формирования качественного нового региона, с помощью которого возможно поэтапное возрождение всей Украины.

Список литературы

1. Дергачев В. А. Теория рубежной коммуникативности. – К, 2004
2. Дергачев В.А. Геополитика. – Киев, 2000
3. Бердичевская М. Море топлива [Электронный ресурс] / М. Бердичевская // Експерт Украина – 14 мая 2007 - №19 (116) - Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/ukraine/2007/19/neischerpaemiy_resurs_topliva/;

4. Бугай Ю. газ из царства Нептуна просится к людям [Электронный ресурс] / Ю. Бугай // Зеркало недели. – 8-16 марта 2001 года - № 10 (334) – Режим доступа: http://www.zn.ua/2000/2200/30371/
5. Результаты социологического опроса Центра Разумкова – режим доступа: http://www.uceps.org.ua/poll.php?poll_id=288
6. Горюнова Е.А., Дементьев Н.Е. Об одном из "белых пятен" советской истории Крыма / Е.А. Горюнова, Н.Е. Дементьев // Культура народов Причерноморья. — 1997. — N2. — С. 140-143
7. Соціально-політичні, міжнаціональні та міжконфесійні відносини в АРК: стан, проблеми, шляхи вирішення // Робочі матеріали до фахової дискусії на тему АР Крим сьогодні і завтра: територія ризику чи зона конфлікту?) – Режим доступу: http://www.uceps.org.ua/news.php?news_id=138

С.А.Ефимов

НЕКОТОРЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ШТРИХИ К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ КРЫМЧАН

Ниже приводятся некоторые данные серии социологических опросов, осуществленных автором в 2006 году, в сопоставлении с данными общеукраинских исследований. Объем выборки составлял не менее 1700 человек, выборочная совокупность отражала основные параметры населения автономии старше 18 лет по полу, возрасту, национальности, типу поселения. По Украине приведены данные опроса за 2006 год, осуществленного Институтом социологии НАН Украины [1], за исключением одного фрагмента, которому сопоставлены данные аналогичного опроса за 2004 год [2]. При этом выборочная совокупность объемом 1800 человек репрезентировала население Украины в возрасте старше 18 лет.

Отметим, что жители полуострова в отличие от населения всех остальных областей Украины ощущают себя прежде всего не столько обитателями своего города (села, поселка), не столько гражданами всего государства, сколько единой региональной общностью, ответственной за судьбы родного края

Кем Вы себя прежде всего считаете? *{2}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*	*Украина*
жителем своего села (поселка, города)	11,2	10,4	12,5	10,8	27,2
крымчанином*	41,5	52,3	35,0	46,0	6,6
гражданином Украины	25,6	21,1	40,7	26,8	51,6
представителем своего этноса, народа	17,0	1,1	0,6	3,3	1,8
гражданином бывшего СССР	2,3	13,4	10,1	11,3	7,3
гражданином Европы	0,6	0,1	0,4	0,2	1,3
гражданином мира	1,4	0,9	0,6	1,0	2,9
другое	0,3	0,6	0,1	0,7	0,7

- В общеукраинском опросе вариант ответа формулировался как «жителем региона (области или нескольких областей), где Вы живете»

Отношение к Республике Крым как к важной ценности характерно для всех этнических групп населения Крыма. При этом свою приверженность идее республики более выпукло демонстрируют крымские татары.

В какой степени Вы гордитесь или не гордитесь тем, что являетесь гражданином Украины? *{10}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*	*Украина*
совсем не горжусь	5,3	9,7	8,8	9,1	7,1
скорее не горжусь	11,3	23,0	21,4	21,5	12,4
трудно сказать	47,3	51,5	41,2	49,7	35,2
скорее горжусь	23,3	13,3	19,8	15,2	33,2
очень горжусь	12,7	2,3	8,8	4,4	11,9

Согласны ли Вы со следующими суждениями?	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
Крым должен быть такой же, как и все другие, областью в составе Украины *{5}*				
согласен	11,7	9,5	13,0	10,7
не согласен	53,3	47,5	49,7	48,7
затрудняюсь ответить	35,1	43,0	37,3	40,6
Только в составе независимой Украины Крым может успешно развиваться *{5}*				
согласен	33,1	18,9	23,6	22,4
не согласен	26,1	41,6	41,8	39,0
затрудняюсь ответить	40,8	39,4	34,6	38,6
Для меня важно то, что Крым является республикой, а не областью *{5}*				
согласен	76,8	60,4	55,1	61,2
не согласен	4,5	9,8	10,3	9,0
затрудняюсь ответить	18,5	29,8	34,6	29,8
Политика Украины в отношении Крыма соответствует интересам таких людей, как я				
согласен	7,7	10,8	10,5	10,5
не согласен	70,9	58,7	59,1	60,3
затрудняюсь ответить *{4}*	21,4	30,5	30,3	29,2

Считаете ли Вы Крым своей родиной? *{10}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
да	76,0	76,2	77,6	75,8
нет	14,7	8,8	12,0	10,5
затрудняюсь ответить	9,3	15,0	9,8	13,6

Можете ли Вы сказать, что… *{3} (респондент мог отметить один наиболее подходящий вариант ответа)*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
насчитываете несколько поколений своих предков, живших или живущих в Крыму?	48,1	23,8	14,5	23,9
имеете родителей (одного из родителей) – уроженцев Крыма?	15,9	14,6	16,4	15,4
родились и выросли в Крыму?	6,3	32,6	29,7	27,9
живете в Крыму более 10 лет (постоянно или с перерывом)?	20,7	25,5	32,8	27,1
живете в Крыму менее 10 лет?	9,1	3,5	6,7	5,8

Воспринимаете ли Вы Украину как свою Родину? *{8}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
да	26,2	27,3	47,0	31,7
нет	45,6	38,1	37,2	38,7
трудно сказать	28,2	34,4	15,8	29,6

Выбрали бы Вы Украину Родиной, если бы имели возможность выбора? *{8}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*	*Украина 2004,[2]*
безусловно, да	9,0	7,4	13,5	9,3	29,6
возможно, да	20,3	17,7	28,5	20,6	31,7
возможно, нет	27,3	29,7	20,6	26,9	14,7
никогда	7,3	15,3	10,0	12,9	3,9
трудно сказать	36,0	29,9	27,3	30,3	20,0

Изложенное дополним сведениями о политических приверженностях и геополитических предпочтениях крымчан, знание которых важно для адекватного понимания как стратегических, так и тактических перспектив регионального сообщества.

Скажите, пожалуйста, в какой степени Вас интересует политика? *{4}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*	*Украина*
совсем не интересует	15,4	10,6	9,7	11,1	15,4
в определенной степени интересует	72,2	70,1	71,6	71,1	67,2
очень интересует	12,0	19,2	18,7	17,8	17,4

Одни политические силы хотят, чтобы Украина выбрала путь социа-лизма, другие – капитализма. Как Вы лично относитесь к этим силам? *{4}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*	*Украина*
поддерживаю сторонников социализма	23,1	23,7	28,2	25,3	26,7
поддерживаю сторонников капитализма	7,4	3,8	5,3	4,5	12,0
поддерживаю и тех, и других, лишь бы не конфликтовали	19,1	20,5	17,4	19,9	21,7
не поддерживаю никого из них	26,8	32,5	27,0	29,4	21,3
другое	0,3	0,9	1,2	0,9	2,4
трудно сказать	23,4	18,6	20,9	20,0	15,6

Какому пути развития Украины Вы отдаете предпочтение? *{5}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*	*Украина*
в первую очередь расширять связи в рамках СНГ	20,1	12,4	13,9	13,7	13,7
развивать отношения преимущественно с Россией	14,9	34,1	32,4	30,5	9,9
укреплять прежде всего восточнославянский блок (Украина, Россия, Белоруссия)	12,0	27,6	23,7	25,1	31,7
устанавливать связи в первую очередь с развитыми странами Запада	17,6	2,5	3,2	5,1	15,2
опираться прежде всего на собственные ресурсы, укрепляя независимость	16,0	6,7	8,8	8,4	20,3
разные регионы Украины должны выбирать свой путь	4,5	3,0	4,5	3,5	2,3
другое	0,5	0,7	0,6	0,7	0,6
трудно сказать	14,4	12,9	12,9	13,0	6,3

Поддерживаете ли Вы идею двойного гражданства в Украине? *{5}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*	*Украина*
да	59,4	75,2	62,9	70,4	46,0
нет	22,3	11,4	19,1	14,6	37,8
трудно сказать	18,3	13,5	18,0	15,0	16,2

Как вы относитесь … *{5}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*	*Украина*
… к идее присоединения к союзу России и Беларуси?					
скорее негативно	22,7	2,6	4,6	5,8	24,7
трудно сказать	30,4	11,7	16,5	15,7	14,3
скорее позитивно	46,8	85,7	78,9	78,5	61,0
… ко вступлению Украины в Европейский Союз?					
скорее негативно	19,3	43,5	40,3	39,5	23,2
трудно сказать	36,8	30,8	34,2	32,8	33,8
скорее позитивно	43,9	25,7	25,5	27,7	43,0
… ко вступлению Украины в НАТО?					
скорее негативно	46,0	65,0	62,3	61,7	64,4
трудно сказать	33,9	26,6	27,0	27,8	22,8
скорее позитивно	20,2	8,3	10,7	10,4	12,7

Как Вы считаете, притесняются ли в Крыму права … *{6}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
… крымских татар?				
да	39,3	4,2	5,3	8,7
нет	34,7	67,5	57,6	60,3
затрудняюсь ответить	25,4	28,2	37,1	31,0
… русских?				
да	6,0	10,7	9,4	9,5
нет	62,6	61,9	54,2	59,4
затрудняюсь ответить	31,4	27,4	36,3	31,1
… украинцев?				
да	6,8	6,4	8,2	6,7
нет	60,6	64,6	54,8	60,9
затрудняюсь ответить	32,6	29,0	37,0	32,4

Парадигма примата общечеловеческих ценностей доминирует во всех этнических группах населения Крыма, хотя обращает на себя внимание то, что каждый четвертый крымский татарин считает превыше всего права нации.

Как соотносятся, на Ваш взгляд, права человека и права нации? *{6}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
превыше всего права человека, независимо от национальности	61,5	66,6	71,6	67,5
превыше всего права нации	25,7	14,4	12,3	14,9
затрудняюсь ответить	12,6	19,0	16,2	17,6

Люди моей национальности по сравнению с людьми других национальностей имеют равные шансы на достижение успеха в жизни *{4}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
согласен	38,1	45,6	46,3	45,1
не согласен	41,5	25,4	24,5	27,1
затрудняюсь ответить	20,1	29,1	29,3	27,8

Верите ли Вы, что через десять лет в Украине… *{7}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*	*Украина*
… ситуация станет лучше, чем сегодня?					
целиком уверен	0,7	0,4	0,5	0,4	13,0
скорее уверен	12,1	7,5	7,9	7,9	31,1
трудно сказать, уверен или нет	51,1	48,9	50,7	50,3	34,9
скорее не уверен	15,0	13,1	14,1	13,7	16,6
совсем не уверен	20,9	30,2	26,7	27,7	4,4
… удастся практически победить коррупцию и теневую экономику?					
целиком уверен	0,7	0,3	0,4	0,4	3,7
скорее уверен	7,7	4,4	3,8	4,5	10,7
трудно сказать, уверен или нет	48,2	47,2	47,9	47,6	30,6
скорее не уверен	18,1	14,3	15,2	15,0	27,4
совсем не уверен	25,4	33,8	32,7	32,5	27,5

Доводилось ли Вам за последние 12 меся-цев сталкиваться со случаями проявления национальной неприязни … *{3}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
… в отношении крымских татар?				
да	22,1	1,1	1,8	4,5
нет	77,9	98,9	98,0	95,5
… в отношении русских?				
да	2,2	4,8	3,6	4,2
нет	97,8	95,2	96,4	95,8
… в отношении украинцев?				
да	1,3	0,5	1,1	0,7
нет	98,7	99,5	98,9	99,3
… в отношении представителей других национальностей?				
да	2,9	0,7	0,7	2,7
нет	97,1	99,3	99,3	97,3

А каков уровень вашего доверия политическим партиям? *{5}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*	*Украина*
совсем не доверяю	30,0	25,8	25,7	26,0	22,2
в основном не доверяю	32,3	32,3	29,0	32,2	31,3
трудно сказать доверяю или нет	32,7	34,8	36,9	34,9	36,7
в основном доверяю	4,9	6,4	7,7	6,4	8,6
полностью доверяю	0	0,7	0,7	0,6	1,2

Доводилось ли Вам за последние 12 месяцев сталкиваться со случаями дискриминации (ущемления прав и интересов) относительно … *{2}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*	*Украина*
… крымских татар?					
да	33,7	3,0	2,7	6,9	
нет	66,3	97,0	97,3	93,1	
… русских?					
да	4,7	13,6	7,0	10,6	7,1
нет	95,0	86,4	93,0	89,4	92,8
… украинцев?					
да	2,7	2,7	2,8	2,7	6,9
нет	97,3	97,3	97,2	97,3	93,1
… представителей других национальностей?					
да	5,1	2,5	1,9	3,7	2,8
нет	94,9	97,5	97,9	96,3	91,6

Чего Вам не хватает…?	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*	*Украина*
Уверенности в том, что ситуация в стране улучшается *{3}*					
не хватает	47,3	62,6	62,9	60,5	62,9
трудно сказать, хватает или нет	25,4	22,9	23,2	23,5	24,1
хватает	26,3	11,7	10,3	13,3	10,3
меня это не интересует	0,9	2,8	3,5	2,7	2,3
Уверенности в собственном будущем *{3}*					
не хватает	37,8	47,9	51,7	47,4	67,1
трудно сказать, хватает или нет	24,9	25,6	24,1	24,9	22,6
хватает	34,2	20,8	16,3	21,4	8,4
меня это не интересует	3,1	5,7	8,0	6,3	1,3
Политических идеалов, заслуживающих поддержки *{3}*					
не хватает	36,2	34,4	36,0	34,9	45,2
трудно сказать, хватает или нет	26,8	28,9	24,0	27,1	27,6
хватает	31,3	23,1	25,4	24,6	13,2
меня это не интересует	5,8	13,6	14,6	13,4	13,4
Справедливой оценки заслуг человека перед обществом *{2}*					
не хватает	43,7	36,8	33,8	37,4	49,7
трудно сказать, хватает или нет	26,4	27,5	30,0	27,2	30,2
хватает	14,8	12,8	12,3	13,3	13,2
меня это не интересует	15,1	22,8	24,0	22,1	6,3
Стабильности в государстве и обществе *{2}*					
не хватает	78,1	74,8	68,2	74,1	72,2
трудно сказать, хватает или нет	8,9	10,6	12,5	10,6	17,6
хватает	7,4	4,2	6,0	5,2	6,3
меня это не интересует	5,6	10,4	13,3	10,1	3,5
Взаимопонимания между людьми разных национальностей*{3}*					
не хватает	23,2	28,6	27,0	27,5	36,6
трудно сказать, хватает или нет	25,1	19,8	25,4	21,5	31,6
хватает	48,8	42,4	39,2	42,6	22,4
меня это не интересует	2,9	9,1	8,4	8,4	9,0

Уверенности, что не возникнут межнациональные конфликты *{3}*					
не хватает	38,5	47,3	48,2	46,0	49,0
трудно сказать, хватает или нет	33,7	24,5	23,7	25,0	32,7
хватает	25,0	19,8	21,1	21,4	12,6
меня это не интересует	2,9	8,3	7,0	7,5	5,2

В какой мере вы доверяете церкви и духовенству? *{5}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*	*Украина*
совсем не доверяю	4,0	6,8	5,5	6,1	8,5
в основном не доверяю	8,3	8,1	8,1	8,1	11,2
трудно сказать доверяю или нет	22,7	36,4	27,7	32,4	30,6
в основном доверяю	26,7	28,1	34,1	30,0	35,2
полностью доверяю	38,2	20,6	24,5	23,4	14,3

Считаете ли вы необходимым придать статус официального в Автономной Республике Крым …? *{2}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
крымскотатарскому языку				
да	85,7	19,5	18,2	29,6
нет	14,3	80,5	81,6	70,4
русскому языку				
да	83,9	97,3	91,7	94,7
нет	16,1	2,7	8,3	5,3

Чье мнение, на Ваш взгляд, должно быть определяющим при принятии решения о переименовании географических объектов, населенных пунктов, улиц, площадей? *{8}*	*Крымские татары*	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
властей Украины	7,8	13,5	15,0	13,1
крымских республиканских властей	17,2	23,2	19,3	22,2
местных (городских, сельских, поселковых) властей	25,7	22,7	27,1	23,6
местного населения, где предполагается провести переименование	49,3	40,6	38,7	41,2

Литература

1. Українське суспільство 1992-2006. Соціологічний моніторинг /За ред. д. ек . н. В.Ворони, д. соц. н. М.Шульги. –К.: Інститут соціології НАН України, 2006. – 578 с.

2. Українське суспільство 1994-2004 Моніторинг соціальних змін /За ред. д. ек . н. В.Ворони, д. соц. н. М.Шульги. –К.: Інститут соціології НАН України, 2004. –705 с.

А.А. Зоткин

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ПО-ЕВРОПЕЙСКИ: ОПЫТ ДЛЯ УКРАИНЫ

Украина как унитарное государство (с наличествующим элементом, выпадающим из общего правила, в виде Автономной республики Крым) постоянно находится перед дилеммой своего внутреннего развития. Нерешенные проблемы внутренней политики Украинского государства позволяют обратиться к анализу моделей региональной политики, успешно воплощенных в практике государств-членов Европейского Союза, что и является главной целью данной статьи.

Можно согласиться, что, с одной стороны, унитарное государственное устройство является, пожалуй, наиболее удобным для любой страны, поскольку не отягощено «лишними» элементами и надстройками, которые присутствуют в конструкции государства федеративного. И, надо признать, что эта форма имеет ряд своих «плюсов», поскольку способствует упрощению государственного менеджмента во внутренней политике за счет унификации ее субъектов (т.е. регионов и региональных сообществ), условий их существования и взаимодействия. Унитарная форма государственного устройства успешно функционирует в ряде стран Европы. Однако, как подсказывает международный опыт, подходит она далеко не всем. Унитаризм эффективен в более-менее монолитных странах, где регионы преимущественно схожи между собой в историческом развитии и по ряду показателей социальной структуры. Более того, в рафинированном виде он встречается лишь в странах, в которых регионализм неактуален в виду их территориальной компактности.

В остальном же государства Европы еще до образования Евросоюза демонстрировали во второй половине XX века практику децентрализации за счет расширения полномочий органов местной власти. Эти социально-политические процессы обрели легальные формы в Страсбурге 15 октября 1985 года, когда Совет Европы подписал "Европейскую хартию местного самоуправления" (в Украине она была ратифицирована Законом, принятым Верховной Радой 15 июля 1997 года) [1]. В Преамбуле Хартии Совет Европы декларировал своей целью "достижение более прочного единства между его членами". Там же было отмечено, что Совет Европы руководствуется следующими принципами: 1) органы местного самоуправления составляют одну из основ любого демократического строя; 2) право граждан участвовать в управлении государственными делами относится к общим для всех государств членов Совета Европы демократическим принципам; 3) это право непосредственно может быть осуществлено именно на местном уровне; 4) существование облеченных реальной властью органов местного самоуправления обеспечивает эффективное и одновременно приближенное к гражданину управление; 5) защита и укрепление местного самоуправления в различных европейских странах представляют собой значительный вклад в построение Европы, основанной на принципах демократии и децентрализации власти.

Однако принятие Хартии местного самоуправления не стало пределом децентрализации в региональной политике государств-членов ЕС. В рамках Евросоюза действуют межгосударственная организация Ассамблея европейских регионов (с 1985 г.) и Комитет регионов (с 1994 г.), который имеет функции консультативного органа ЕС. В 1988 году Европейским парламентским Сообществом была принята "Хартия по регионализму", а в 1996 году Ассоциацией европейских регионов была принята Декларация по регионализму в Европе. В Преамбуле последнего документа прямо говорится об интеграции европейских стран именно через механизмы регионализации, ослаблении доминирования центральной власти (в рамках дозволенных Конституциями этих государств) над регионами. Последним предоставляются широкие права, в том числе и возможность участия в работе государственных органах на международном уровне, а также самостоятельного образования межрегиональных совещательных и исполнительных органов, заключения приграничных соглашений [2].

Следует отметить, что декларации в европейских государствах не расходятся с реальной политической практикой (в отличие от государств постсоветского пространства). Так, наиболее известными членами Ассоциации европейских регионов являются следующие межрегиональные организации: Ассоциация европейских приграничных регионов, Рабочее сообщество Адриатика-Альпы, Рабочее сообщество Западных Альп, Рабочее сообщество дунайских стран, Рабочее сообщество Пиренеев, Рабочее сообщество Альп, Рабочее сообщество Юра, Рабочее сообщество Галисия - Северная Португалия, Рабочее сообщество Нижней и Средней Адриатики. Например, только в Рабочее сообщество Адриатика-Альпы входят более десяти регионов, находящихся в составе Австрии, Италии, Венгрии, Хорватии и Словении. Рабочим термином Евросоюза и его структур, занимающихся региональной политикой, является «еврорегион» - форма международной интеграции, основанная на тесном сотрудничестве двух или нескольких территориальных образований, расположенных в приграничных районах соседствующих государств Европы. К наиболее известным еврорегионам относятся:

- Адриатика — включает территории Албании, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Италии, Черногории и Словении (2006);
- Баварский лес — Богемский лес/Шумава— Германия, Австрия, Чехия (1994);
- Белазица — Болгария, Греция, Македония (2003);
- Добрава — Чехия, Польша (2001);
- Эльба-Лаба — Чехия, Германия (1992);
- Маас-Рейн — Бельгия, Германия, Нидерланды (1976);
- Померания — Дания, Германия, Польша, Швеция (1995);
- Силезия — Чехия, Польша (1998);

- Татры — Польша, Словакия (1994);
- Трирена — Германия, Франция, Швейцария (1995);
- Западная Паннония — Австрия, Венгрия (1998).

Логическим итогом политики интеграции европейских государств стало подписание Лиссабонского договора, заменившего собой Конституцию Евросоюза, так и не вступившую в силу. Реформирование центральных органов власти ЕС, согласно условиям этого договора, должно привести к дальнейшему стиранию уже и без того виртуальных границ между странами-членами ЕС, уменьшению объема полномочий центральных органов власти государств-членов и созданию на их территории фактически единого государственного образования. В таких условиях основной объем власти переходит к центральным органам ЕС и структурам гражданского общества, крупнейшими из которых являются региональные сообщества. Причем, по условиям Лиссабонского договора, последние могут прямо апеллировать к первым и проявлять инициативу введения того или иного закона, без обращения к национальным правительствам (т.н. «гражданская инициатива») [3, 4]. На момент марта 2009 г. Лиссабонский договор ратифицирован 24 из 27 членами ЕС. Документ подписан, но еще не утвержден в Германии и Польше. Но в условиях мирового экономического кризиса, вероятно, даже самый резкий противник ратификации этого договора (Ирландия) вынуждена будет пересмотреть свою позицию (референдум по вопросу ратификации Лиссабонского договора Ирландией запланирован на осень 2009 г.) [5].

Таким образом, регионализация в рамках Евросоюза осуществляется не столько для ослабления органов центральной власти, сколько для создания новых, более высших форм надтерриториальной интеграции европейского сообщества путем кооперации близких друг другу (общая культура, история, экономическая база и т.п.) регионов, не взирая на их территориальную принадлежность к тому или иному государству. То есть, децентрализация государственной власти является всего лишь средством, необходимой платой для достижения более серьезной стратегической цели – интеграции европейского сообщества в единое целое.

Как можно видеть, решение проблем осуществляется в пользу регионов и региональных сообществ, что, безусловно, является одним из наиболее ярких проявлений современной демократии, когда учитываются права и интересы всех составляющих общества, а не только его численно большей или, как модно говорить в политической среде, его титульной (и, следовательно, доминирующей?) части. Причем, хотим подчеркнуть, речь идет не об охлократичеких играх власти с обществом, не о патерналистских практиках, когда отдельные социальные группы фактически находятся «на содержании» у государства. Речь идет о предоставлении права на самоопределение, игнорирование которого просто невозможно в условиях демократии (иначе это будет уже не демократия). Более того, предоставление права

на самоопределение способствует сведения к минимуму рисков уже имеющихся противоречий и предотвращению новых конфликтов на этой почве.

Однако не следует слишком идеализировать Европу. Анализ современной ситуации в Евросоюзе показывает, что ситуация в нем небезупречна как по линии взаимоотношений между ее членами, так и в плоскости региональных конфликтов. Немного о противоречиях между членами европейского сообщества. Их можно делить на два основных вида, которые по их историческому характеру условно назовем «междинастическими» и «постоколониальными». Первый вид связан с тем, что фактическое формирование Евросоюза в нынешнем его виде началось еще в эпоху Средневековья, когда европейские государства были тесно переплетены между собой многочисленными династическими связями. В качестве примеров можно вспомнить Священную Римскую империю, Речь Посполитую, Австро-Венгерскую империю и другие образования. (Кстати, вполне реальными были возможности интеграции в этот династический каркас и древнерусского государства.) Вся эпоха Средневековья прошла под знаменем религиозных войн, которые, по сути, были крупными территориальными и более мелкими региональными конфликтами между родственными династиями. Так, например, реальными причинами Столетней войны между Францией и Англией были вполне обоснованные претензии королей Англии дома Плантагенетов на французский престол. Фактически на тот момент вполне возможной была перспектива объединения территорий Англии и Франции под единой короной. Кале, Аквитания, Анжу были спорными территориями. «Нижние земли» (территория Голландии и Бельгии), входившие в состав Священной Римской империи, находились под владычеством испанских королей. В 1714 г. курфюрст Ганновера (Нижняя Саксония, Германия) и герцог Брауншвейг-Люнебургский Георг I стал королём Великобритании. Учитывая интересы Ганновера, британские короли, поддерживая личную унию между государствами, часто ввязывались в европейские коалиции и войны (иногда вопреки воле парламента). И таких примеров можно привести достаточно много. Корни многих современных конфликтов уходят в Средневековье: Эльзас и Лотарингия, Андалусия, Сардиния и др. Военные конфликты за спорные территории разворачивались не только на протяжении всего Средневековья (наиболее ярким примером являются события Тридцатилетней войны) но и в XVIII (Наполеоновские войны), XIX (франко-прусская война) вв. Пиком территориальных переделов стал две мировые войны XX века и их последствия. Евросоюз в нынешнем его виде (при условии ратификации всеми членами Лиссабонского договора), по сути, должен решить противоречия, которые условно были названы нами «междинастическими». Можно видеть, что создается единый государственный организм с виртуальными границами (Шенгенская зона), единой валютой (евро) и самоидентификацией (европейцы). Причем политика регионализации ЕС играет в этом немаловажную роль. Фактически национальная

идентичность и государственная принадлежность размывается (с перспективой полного ее нивелирования) между двумя уровнями самоидентификации – 1) региональной, культурно-локальной (баварцы, корсиканцы, баски и др.) и 2) континентальной, культурно-цивилизационной (европейцы).

Иной характер имеют противоречия, которые мы назвали «постколониальными». Они имеют отношение, в основном, к государствам Восточной, Юго-Восточной Европы и Прибалтики, в отношении которых велась активная колониальная политика более мощных западных соседей. Так, например, политику «Drang nach Ost» Германия вела еще с XII в. Можно также вспомнить разделы территории Речи Посполитой между великими державами того времени, включение в состав Австро-Венгерской империи балканских государств, откровенную имперскую политику Англии по отношению к Шотландии и Ирландии. Безусловно, в рамках современной политкорректности (которая в последнее время сама начинает обретать функции идеологического инструмента) не принято разделять члены ЕС на лидеров и аутсайдеров, слабые и сильные, менее и более развитые (допустимо лишь деление на «старых» и «новых» членов ЕС). Однако в реалиях такое деление сохраняется. Более того, оно оказывает достаточно ощутимое влияние на систему взаимоотношений внутри Евросоюза. Наиболее заметно это проявилось в период мирового экономического кризиса, когда на саммите в Брюсселе государства Западной Европы отказались поддержать «новых» членов ЕС. Несмотря на заверения о необходимости сохранить единый европейский рынок, поддерживать экономический рост и противодействовать протекционизму, страны Восточной Европы получили отказ на просьбы об экономической помощи в период кризиса и о форсированном переводе «новых» членов ЕС на использование евро [6]. В то же время руководство ЕС заявило, что готово спасти от дефолта любую страну-члена ЕС [7]. Логика таких противоречивых заявлений становится понятна, если учесть, что экономический крах одной или нескольких стран-членов ЕС может привести к общему дисбалансу единой экономической системы Евросоюза. Поэтому речь здесь идет скорее о тонком экономическом расчете, чем о ценностях взаимопомощи в единой европейской семье.

Однако тонкости внутренних взаимоотношений между членами ЕС прослеживаются не только на уровне высокой политики, один из примеров проявления которой был приведен выше, но и на результатах исследования общественного мнения европейцев (табл. 1).

В приведенной ниже таблице даны результаты ответов на вопрос *«Когда речь идет о Европейском Союзе, некоторые люди считают, что процесс дальнейшего объединения стран, которые уже являются членами ЕС, необходимо продолжать. Другие говорят, что это зашло уже слишком далеко. Скажите, какое число на шкале наиболее отвечает Вашей позиции?»*. Для корректности интерпретации данных таблицы хотим подчеркнуть, что ответы распределены по шкале от 0 до 10 баллов (***0*** – объединение зашло слишком далеко,

10 – объединение необходимо продолжать). Т.е. 5 баллов является медианой, в соотношении с которой показатели *< 5* свидетельствуют о нежелании дальнейшей интеграции ЕС, а *5 <*, наоборот, о согласии на дальнейшее объединение с другими европейскими государствами.

Таблица 1

Отношение граждан европейских государств к перспективам дальнейшего углубления интеграционных процессов в ЕС (по 10-балльной шкале)

(***0*** – объединение зашло слишком далеко, ***10*** – объединение необходимо продолжать)

Страна Европы	Частота (*N*)		Средний балл	
	2005 г.	2007 г.	2005 г.	2007 г.
Австрия	2098	2405	4,64	4,35
Бельгия	1733	1798	4,98	4,77
Болгария	-	1400	-	7,33
Великобритания	1783	2394	4,58	4,18
Греция	2016	-	6,47	-
Дания	1410	1505	5,79	5,77
Эстония	1680	1517	5,26	5,37
Ирландия	2050	1800	5,67	4,94
Исландия	488	-	5,23	-
Испания	1495	1875	5,97	5,72
Кипр	-	995	-	6,96
Латвия	-	1960	-	4,81
Люксембург	1532	-	3,78	-
Нидерланды	1847	1889	5,27	5,05
Германия	2757	2916	5,19	4,76
Норвегия	1703	1750	4,83	4,73
Польша	1558	1721	6,66	6,72
Португалия	1643	2222	5,14	5,35
Россия	-	2473	-	5,42
Румыния	-	2139	-	7,48
Словакия	1291	1766	6,26	5,93
Словения	1235	1476	5,83	5,61
Венгрия	1319	1518	5,66	5,02
Украина	***1520***	***2002***	***6,46***	***6,10***
Финляндия	1977	1896	4,40	4,34
Франция	1756	1986	5,07	4,74
Чехия	2652	-	5,50	-
Швейцария	2052	1804	5,37	5,34
Швеция	1833	1927	4,54	4,81

Примечание: в таблице представлены результаты двух волн мониторингового исследовательского проекта «Европейское социальное исследование» (European Social Survey), в котором принимают участие более 20 европейских государств, в т.ч. и Украина [8].

Исходя из полученных данных, можем видеть, что стремление к евроинтеграции имеет тенденцию к ослаблению. В результате соотношения данных 2005 и 2007 годов можно отметить, что нежелание дальнейшего объединения с другими странами-членами ЕС

выразили граждане именно наиболее развитых стран-лидеров Евросоюза. Респонденты из Австрии, Бельгии, Великобритании, Норвегии, Финляндии, Швеции выразили это настроение традиционно (следует отметить, что оно даже усилилось в 2007 г.). Из числа положительно настроенных к углублению интеграции в лагерь ее противников в 2007 г. перешли Германия, Франция и Ирландия (показательным является тот факт, что первые два государства являются фактически отцами-основателями ЕС). С положительно-настроенного на рубежно-нейтральный уровень по отношению к перспективам евроинтеграции перешло общественное мнение граждан Нидерландов и Венгрии. Все это в определенной степени свидетельствует о нежелании углубления отношений более развитых государств-членов ЕС с вновь принятыми (что совсем не исключает намерений использования их ресурсов – трудовых, сырьевых, научного потенциала и др.). Например, наибольший уровень неодобрения дальнейшего объединения со странами-членами ЕС продемонстрировали граждане Люксембурга (который, кстати, также принимал участие в создании фундамента ЕС в 1951 г. в виде Европейского объединения угля и стали). Однако неучастие Люксембурга во второй волне Европейского социального исследования (2007 г.) не позволяет проследить изменения в общественном мнении его граждан. Это же относится к Латвии, граждане которой в 2007 г. дали средний ответ по вопросу объединения ЕС менее 5 баллов, но отсутствие данных за 2005 год не позволяет проследить изменения.

Что касается стран, граждане которых продемонстрировали в своих ответах большее стремление к интеграции ЕС, то в их числе, преимущественно, «новые» члены. Это Болгария, Эстония, Польша, Румыния, Словакия, Словения (показательным является факт, что все они относятся к восточноевропейским странам и большинство из них не входит в зону использования евро). Интересно, что положительно к объединению ЕС его члены, которые условно можно отнести к «среднему звену», - Испания, Португалия, Дания, Греция (только один показатель за 2005 г.), Кипр (один показатель за 2007 г.). Можем предположить, что основаниями такой лояльной позиции по отношению к углублению евроинтеграции являются несколько факторов: 1) эти страны имеют средний уровень экономического развития, интеграция выгодна их экономическим системам (Кипр, Греция, Португалия); 2) они далеки от проблем восточноевропейских членов ЕС (Дания, Испания); 3) экономическим структурам этих стран выгодно использовать недорогие трудовые ресурсы восточноевропейских стран (Испания, Португалия).

В качестве небольшого отступления от основной темы статьи, отметим небезынтересный факт: углубление интеграции ЕС имеет положительный резонанс в общественном мнении жителей стран, которые не являются членами Евросоюза. В Швейцарии и России средний балл отношения к этим процессам достаточно умеренный, близкий к медиане (5 баллов) и имеет (по крайней мере, на первый взгляд) характер общей лояльности. Опрос украинских

респондентов показал более высокие результаты положительного отношения к евроинтеграции (более 6 баллов в 2005 и 2007 гг.). Разница в этом вопросе между Швейцарией, Россией с одной стороны и Украиной с другой может объясняться тем, что первые две страны не имеют намерений вступления в ЕС. В то время, как Украина определила одним из главных приоритетов своей внешней политики именно евроинтеграцию (свое вхождение в состав ЕС), что является, пожалуй, единственным неизменным постулатом государственной идеологии. В условиях, когда вхождение в объединенную Европу провозглашается едва ли не высшей ценностью и идеалом для украинской государственности, вполне вероятно, что через механизмы углубления внутренней евроинтеграции украинское общество имеет свое видение вхождение своей страны в ЕС (причем составляющая иллюзорности и надежд из этого видения нами не исключается). Следует отметить, что показатели лояльности ненамного снизились в соотношении между 2005 и 2007 гг.: 6,46 и 6,10 баллов соответственно. Это коррелирует с данными мониторингового исследования Института социологии НАН Украины «Украинское общество». За последние два года идея евроинтеграции Украины в общественном мнении приобрела отрицательную коррекцию. Что само по себе имеет парадоксальный характер. В развивающейся стране подавляющее большинство политических партий и лидеров через СМИ постоянно декларируют стремление вступления в сообщество более развитых стран, а население за два года демонстрирует снижение поддержки этой идеи на 17%: с 61,0% в 2006 г. до 44,2% в 2008 г. Чтобы подчеркнуть контрастность данной ситуации следует отметить, что отношение к идее присоединения к союзу РФ и Беларуси осталось на прежнем уровне - чуть более 60,0%. Отсутствие реальных действий элиты, которые приближали бы Украину к ЕС, вполне логично объясняют такую реакцию: население ощущает маловероятность выполнения этих деклараций (фактом, который подтверждает именно такую реакцию населения, является увеличения не противников евроинтеграции страны, а тех, кто высказывает в этом сомнение, - на 23%) [9].

Возвращаясь к главной теме данной статьи, хотим отметить, что приведенные выше результаты «Европейского социального исследования» и факты внутриполитических отношений между «старыми» и «новыми» членами ЕС дают косвенное представления о его внутренних «постколониальных» противоречиях. Одной из самых серьезных проблем Евросоюза в нынешнем его виде является наличие ряда диспропорций пространства – политической, экономической, культурной, демографической. Безусловно, все они имеют большое значение для понимания европейского социального пространства. Однако, мы сконцентрируем внимание лишь на экономической диспропорции. «Ядром Европы» является территория, расположенная по линии, соединяющей Лондон, Париж, Милан, Мюнхен и Гамбург. Оно занимает 20% территории ЕС 15, на которой проживает 40% населения.

Однако при этом дает более 50% ВВП в масштабах 15−ти «старых» стран Союза. 1 мая 2004 г. Евросоюз пополнил свои ряды новыми членами из числа стран Восточной Европы. В него вошли Венгрия, Словения, Латвия, Литва, Польша, Эстония, Словакия и Чешская Республика. Конечно же, такое стремительное расширение ЕС и вхождение в одно пространство с развитыми «акулами капитализма» стран развивающихся не могло не сказаться на общем балансе единого европейского организма. Количество стран увеличилось на 40%, население — на треть, но ВВП вырос только на 5% [10] (вошедшие тогда же Кипр и Мальта ввиду их компактности и немногочисленности населения особой роли не сыграли).

Для чего же 15 «старым», достаточно развитым капиталистическим государствам Западной Европы необходимо было принимать 10 «новых», 8 из которых только недавно вышли из-за «железного занавеса»? Даже, если исключить из этого списка относительно стабильную Чехию, то на острые проблемы в Польше и Прибалтике (в том числе и на любимую в европейской политической среде тему соблюдения демократических принципов) закрыть глаза просто невозможно. Более того, в 2007 г. в состав ЕС были приняты Болгария и Румыния, которые чаще всего приводят в качестве примера, иллюстрирующего разительные контрасты между разными составляющими объединенной Европы. Опять поставим вопрос: какие цели преследовал Брюссель, принимая такое решение? Если рассматривать эту проблему сугубо с экономической точки зрения (исключая идеологические тезисы о распространении идеалов демократии), то можно выдвинуть ряд взаимосвязанных гипотез. Первая: капиталу «ядра» стран Западной Европы стало тесно в его границах, необходимо было обрастание «периферией». «Периферия» должна была решить ряд задач. Из этого следует вторая гипотеза: расширение рынков сбыта и получение ресурсов недорогой рабочей силы с Востока. По оценкам демографов в следующем десятилетии в Европе будет ощущаться острая нехватка рабочих рук: спрос будет составлять от 10 до 20 млн. работников [11]. К этому же добавляется фактор стремительного старения Европы, из которого можно вывести третью гипотезу: решение проблем демографического кризиса. Количество новорожденных в странах Евросоюза не сопоставимо с наплывом иммигрантов: в 2005 г. эти показатели, например, составили соответственно 330 тыс. против 1,7 млн. Хотя и этих темпов иммиграции не хватает для того, чтобы удержать численность населения ЕС на достигнутом в 2004 г. уровне — 461 млн. человек [11].

Эти гипотезы позволили нам обозначить линию противоречий между «старыми» и «новыми» членами Евросоюза как «постколониальную». В современных условиях территориальные захваты стали совершенно неэффективны: брать чужую территорию означает брать на себя и проблемы этой территории. XX век стал периодом отмирания классических колоний, на смену им пришли экономическое и информационное господство. Конечно же, включение восточноевропейских государств в состав Евросоюза имеет

огромное значение, как для них, так и для самого ЕС (и с культурно-цивилизационной, и с политической точек зрения, и из соображений перспетив создания системы коллективной безопасности). Но, с экономической точки зрения, вхождение в ЕС новых членов можно рассматривать как расширение сферы влияния, включение в нее бывших составных частей империй прошлого, фактически внутриевропейских колониальных территорий (как бы неполиткорректно это ни звучало). Иначе как «ядерно-периферийными» такие отношения трудно назвать. Исходя из этого, Брюсселем был предпринят ряд политических шагов, в которых достаточно четко просматриваются экономические интересы. Либерализация экономики, создание единого европейского рынка – максимальное снятие возможных барьеров и ограничений для движения капиталов (в первую очередь финансового), ликвидация пограничного контроля и таможенных пошлин. Но при этом ряд стран не принят в зону использования евро. Запрет протекционизма и регламентация производства поставила в неравные условия экономические системы восточноевропейских стран с их более развитыми соседями, открыла возможности беспрепятственной (и относительно недорогой) эксплуатации первых вторыми. «Новые» члены ЕС плавно вытесняются из сферы производства в сферу услуг. Свободное перемещение рабочей силы на европейском рынке регламентирована «директивой Болькештейна» [12]. Создание благоприятного инвестиционного климата превращает большинство граждан восточноевропейских членов ЕС в наемных работников иностранного капитала в их же стране.

Это лишь основные практики, демонстрирующие факты эксплуатации восточноевропейских стран «старыми» членами Союза. Полагаем, что более детальный анализ мог бы значительно расширить этот список. Однако для темы нашей статьи эти факты играют лишь вспомогательную, иллюстративную роль. Анализ внутренних взаимоотношений между «старыми» и «новыми» членами Евросоюза возвращает нас к основному вопросу данной работы: какую роль в этом играет регионализация? Здесь можно видеть другие стороны этой медали: механизмы регионализации внутри европейского сообщества используются не только для интеграции его в единое целое (на данном этапе это достаточно сложно, ввиду наличия существенных внутренних диспропорций, о которых упоминалось выше). Они также могут быть использованы для создания еще более эффективных возможностей использования ресурсов «новых» членов ЕС «старыми». Подчеркнем, что речь идет не о свершенном действии, а скорее о возможностях и перспективах. Как уже говорилось выше, регионализация должна нивелировать самоидентификацию национальную, размывая ее между культурно-цивилизационным и региональным уровнями. Именно в таких условиях упрощаются возможности управления периферийными территориями, поскольку полномочия национальных правительств (и вероятность их сопротивления политике центральных органов ЕС) сводятся к минимуму,

а регионы могут непосредственно осуществлять внешнеполитические действия и обращаться к общеевропейскому центру. Центральные органы ЕС, национальные правительства, региональные структуры могут обращаться и заключать соглашения с отдельно взятыми регионами через систему еврорегионов и других форм межрегиональных организаций (безусловно, интерес будут представлять инвестиционно привлекательные, перспективные регионы). В таких условиях Брюссель может совершенно беспрепятственно осуществлять практически любую политику. (Поскольку на принятие решение в центральных органах власти ЕС имеют наибольшее влияние западные страны-лидеры, политика, проводимая Брюсселем именно в их интересах, вряд ли вызовет удивление). И внешняя бутафория демократии вряд ли сможет скрыть подлинные мотивы принятия таких решений, экономические интересы как их подоплеку, а также их носителей и, соответственно, лоббистов. Не исключаем, что в словах президента Чехии (ныне председательствующей в ЕС) В.Клауса «Мы не будем управлять Евросоюзом, все это фикция» [13] есть не только бравада евроскептицизма, но и реальная обоснованность.

После рассмотрения двух основных линий внутриевропейских противоречий отметим зоны региональных конфликтов. Можно с уверенностью утверждать, что в рамках Евросоюза нет ни одной страны, у которой не было бы региональных проблем. Эти проблемы связаны как с наличием высокого уровня самоидентификации регионального сообщества, связанного с обладанием независимости и собственной государственности в прошлом, так и с претензиями (которые могут быть и в латентной форме) на этот регион со стороны другого государства. Если попытаться проанализировать региональную палитру всего Евросоюза с рассмотрением специфических черт регионов и причин регионализации, то это может существенно увеличить объем данной статьи. Поэтому мы ограничимся перечислением *наиболее известных* проблемных регионов с достаточно четко выраженной региональной самоидентификацией и направленностью на: 1) отделение и получение независимости; 2) автономизацию, расширение прав и полномочий, защиту прав в рамках государства. К таковым относятся:

1. Шотландия, Северная Ирландия, Уэльс, Корнуолл (Великобритания);
2. Эльзас, Савойя, Бретань, Корсика (Франция);
3. Бавария, Нижняя Саксония (Германия);
4. Галисия, Андалусия, Астурия, Каталония, страна Басков (Испания);
5. Фрисландия (Нидерланды);
6. Скания (Швеция);
7. Западная Македония, Северный Эпир или Чамерия (Греция).

Помимо перечня отдельных регионов с четко определенной региональной самоидентифкацией и ярко выраженными центробежными тенденциями, следует отметить и страны, в которых имеются трудности во взаимоотношениях между конгломератами регионов:

1. Италия – противоречия между индустриальным Севером и аграрным Югом, а также проблемы с германоязычным Южным Тиролем и островными территориями Сардинии и Сицилии;
2. Определенные проблемы во взаимоотношениях Восточной (бывшая ГДР) и Западной Германии.

Также отметим страны, которые имеют серьезные региональные проблемы, ставящие под угрозу сохранение целостности государства в нынешнем его виде. К ним относятся:

1. Бельгия – противоречия между носителями двух основных языковых групп, проживающих во Фландрии и Валлонии;
2. территория бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия, после распада которой все без исключения бывшие составляющие СФРЮ втянуты в непрекращающиеся территориальные конфликты и вооруженные столкновения (Босния, Герцеговина, Косово, Истрия и др. регионы).

Отметим, что в данный перечень практически не попали государства Восточной Европы. Действительно, региональные конфликты на данном этапе малозаметны в этих государствах. Однако мы делаем поправку на непростые трансформации и сложные экономические условия, которые пришлось переживать восточноевропейским обществам до и после вступления в ЕС. Можем предположить, что фактор экономических проблем в этот период стал доминирующим и оттеснил на второй план трудности культурного, языкового характера и, соответственно, региональные конфликты (кроме территории бывшей СФРЮ). Хотя они есть и в Польше, и в Румынии, и в прибалтийских государствах, некоторые из них связаны с компактным проживанием венгерских общин на территории других государств. Что говорит о том, что восточноевропейские страны также не лишены региональных проблем, многие из которых находятся в латентном состоянии.

Также данные о современных региональных конфликтах можно соотнести с формами государственного устройства тех стран, в которых они отмечены (табл. 2).

Как можно видеть, форма государственного устройства от федерализма до унитаризма не является единственным решающим фактором для минимизации региональных конфликтов. То есть переход государства к федерализму или предоставление отдельным регионам статуса автономии не означает автоматического решения проблемы. По факту региональные противоречия и конфликты есть как в федеративных государствах (Бельгия, Германия), так и в унитарных (Франция, Греция). Нельзя сбрасывать со счетов исторические, культурные (и особенно языковые), экономические факторы. При учете всех этих факторов важно

понимать, что именно политические механизмы позволяют дать начальный импульс, первый толчок к решению противоречий. Поэтому политические факторы, хотя и не могут быть единственными, но в то же время они являются одними из решающих в решении региональных конфликтов. Рассмотрим, как используют политические механизмы для минимизации и решения вышеозначенных конфликтов. (При этом мы сразу исключаем из рассмотрения опыт развязывания «югославского узла», поскольку силовое решение проблемы является крайним и малоэффективным в долгосрочной перспективе).

Таблица 2

Формы регионального управления в Европе [14]

Федеративная система	Регионализированные унитарные государства	Унитарные государства, которые передают полномочия регионам	Классические унитарные государства
Австрия	Италия	Франция	Болгария
Бельгия	Испания	Нидерланды	Дания
Германия	Великобритания	Португалия	Финляндия
Швейцария			Греция
Югославия			Венгрия
			Норвегия
			Польша
			Швеция
			Респ. Ирландия

Прежде всего, главным механизмом в решении региональных конфликтов является сам Евросоюз с его принципами регионализации. В условиях нынешней объединенной Европы со снижением функциональной роли национальных правительств сепаратизм теряет смысл. Возможно дистанцирование региона от своего центра (например, Шотландии от Лондона), но выход из государства становится практически нецелесообразным. Поскольку само государство постепенно растворяется в составе ЕС, имеющему тенденцию к превращению из конфедерации государств в огромную федерацию регионов.

Теперь обратимся к фактам успешного решения региональных конфликтов отдельными европейскими государствами.

Региональные проблемы, сложившиеся исторически на Британских островах еще с периода раннего Средневековья, Лондон вплоть до конца XX века пытался решать довольно жесткими методами. Для подавления центробежных тенденций предпринималось экономическое давление, политика переселения англичан на ирландские, шотландские территории, а также силовые варианты решения конфликтов с использованием полиции и армии в Северной Ирландии. Это удерживало проблему, на какой-то период затушевывало, но не решало ее. В единый узел были завязаны территориальные, этнические, религиозные, культурно-языковые противоречия. Начало процессу развязывания «узла» этих проблем было положено в 90-х гг.,

когда регионам, в которых были сильны центробежные тенденции, было предоставлено право формирования местных парламентов. В 1998 г. была создана Национальная ассамблея Уэльса. Также были воссозданы в 1998 г. Ассамблея Северной Ирландии (деятельность была приостановлена с 1972 г.) и в 1999 г. Парламент Шотландии (прекратил свое существование в 1707 г. с объединением Англии и Шотландии в Великобританию). Показателем эффективности этих мер является факт, что с 1998 г. конфликты в Северной Ирландии пошли на убыль. В 1993 г. валлийский язык был уравнен в правах с английским, после чего перепись 2001 г. отметила увеличение количества его носителей.

Испания состоит из регионов, которые в прошлом имели свою собственную государственность. Помимо кастильского (испанского) языка официальный статус в автономных областях имеют каталонский, валенсийский, баскский, галисийский, балеарский, аранский. В этом государстве широко используется система автономных сообществ (*communidades autonomas*, АС). Права АС на самоуправление подразумевает:

1) гарантии собственной политической системы для каждого регионального сообщества, со своими учреждениями, действующими в пределах собственной юрисдикции независимо от общего курса государственных учреждений (например, собственная партийная система);

2) право на создание собственной юридической системы как подсистемы законов государства (систематизированный свод нормативных актов);

3) выработку собственной политике, основанной на принятии решений правящим большинством в органах региональной власти;

4) право участия в принятии решений на общегосударственном уровне;

5) финансовая автономия.

Так, например, Каталония, получившая статус автономии в соответствии с результатами каталонского референдума 25 октября 1979 г., имеет целый комплекс органов региональной власти (Женералитет) [15]. В него входят парламент и правительство. Президент Женералитета является одновременно и главой исполнительной власти, и постоянным представителем Испании в Каталонии (в качестве такового он обязан утверждать законы Каталонии именем короля). Президент Женералитета и правительство несут ответственность перед парламентом, который избирается на 4 года по пропорциональной системе и фактически является главным центром политической власти в регионе.

Швейцария состоит из кантонов, населенных носителями трех основных языковых групп (немецкий, французский, итальянский и ретороманский). Помимо признания всех этих языков государственными (на ретороманском языке говорит всего 1% населения страны), в Швейцарии сильны традиции парламентаризма. При этом принятие решений в парламенте сочетается с практиками регулярного проведения общих и местных референдумов среди граждан.

Но даже на фоне этих достаточно регионализированных государств Германия является страной-образчиком регионального разнообразия. Вся ее история проходила под знаменем внутренних разломов, войн и конфликтов. Как верно заметила российский исследователь-регионовед И. Бусыгина «история Германии – это скорее история разъединения, нежели объединения, скорее история отдельных земель и территорий, нежели история страны» [16, с. 24]. Все это разнообразие регионов было объединено в федеральную систему 16 земель. Каждая из них имеет свой парламент (ландтаг) (в двух городах-землях Гамбурге и Бремене - бюргершафты) и исполнительные органы власти, глав которых (премьер-министров) избирают ландтаги. Также в Германии существует практика не только политической, но и географической децентрализации верховной власти. Так, например, Федеральный суд находится в Карлсруэ, Федеральный административный суд – в Лейпциге, Федеральный суд по трудовым спорам, Федеральный общественный суд и Федеральный финансовый суд – в Мюнхене. Следует отметить, что германский федерализм не является средством решения этнических или языковых проблем. Германия – моноэтничная страна, население которой говорит на немецком языке (хотя он включает 24 диалекта). Тем не менее, в ФРГ региональным языком признан нижнесаксонский язык (с 1994 г. признан ЕС), а также языки национальных меньшинств датский, фризский и лужицкий. Федерализм решает главную задачу – достижение единства при сохранении разнообразия («Стать немцами, обладателями единого государства, оставаясь при этом баварцами, баденцами, вюртембержцами…» [16, с. 26]).

В заключении данной работы можно сделать следующие выводы.

Первое. Обзор приведенных выше фактов свидетельствует об углублении процессов регионализации в Европейском Союзе. ЕС из конфедерации государств трансформируется в федерацию регионов. Регионализация выполняет задачу не столько ослабления органов центральной власти, сколько создания новых, более высших форм надтерриториальной интеграции европейского сообщества путем кооперации близких друг другу (общая культура, история, экономическая база и т.п.) регионов, не взирая на их территориальную принадлежность к тому или иному государству. То есть, децентрализация государственной власти является всего лишь средством, необходимой платой для достижения более серьезной стратегической цели – интеграции европейского сообщества в единое целое.

Второе. Предоставление права на самоопределение способствует сведению к минимуму рисков уже имеющихся противоречий и предотвращению новых конфликтов на этой почве. Вместе с тем это право подразумевает и несение ответственности за его использование. Евросоюз – это зона конкуренции без «тепличных» условий протекционизма и патернализма. Субсидиарность, как главный принцип европейской регионализации, подразумевает не только решение проблем на местном и региональном уровнях, но и обладание возможностями для

осуществления этого, определенным уровнем самодостаточности. Право на самоопределение субъекта (государства, регионального сообщества) тесно связано с его конкурентоспособностью и функциональной ответственностью в рамках единой системы. Что, в свою очередь, не противоречит современной западной демократии, подразумевающей политическое равноправие без экономического равенства. Вступление в Евросоюз не является панацеей для решения всех проблем отдельной страны или каких-либо регионов. Более того, оно накладывает ряд обязательств, выполнить которые пока может не каждый член Союза.

Третье. Территориальные противоречия и региональные конфликты в современном Евросоюзе были разделены нами на два основных вида, которые получили условные названия «междинастических» и «постколониальных». Регионализация ЕС предназначена для решения проблем и для первого, и для второго вида конфликтов. Прежде всего, это связано с изменениями самоидентификации граждан государств-членов Союза. Фактически национальная идентичность и государственная принадлежность размывается (с перспективой полного ее нивелирования) между двумя уровнями самоидентификации – 1) региональной, культурно-локальной и 2) континентальной, культурно-цивилизационной (европейцы).

Четвертое. Нами прослежены диспропорции между «старыми» и «новыми» (страны Восточной Европы) членами ЕС. Экономическое неравенство оказывает влияние на отношение к перспективам дальнейшего углубления евроинтеграции. Результаты опросов двух волн Европейского социального исследования (ESS) продемонстрировали меньшие показатели позитивного отношения к этим процессам среди респондентов из стран Западной Европы («старых» членов ЕС), чем среди опрошенных в Восточной Европе.

Пятое. Механизмы регионализации внутри европейского сообщества используются не только для интеграции его в единое целое (на данном этапе это достаточно сложно, ввиду наличия существенных внутренних, прежде всего, экономических диспропорций). Есть определенная вероятность рисков, что механизмы регионализации могут использоваться для создания более эффективных возможностей использования ресурсов «новых» членов ЕС «старыми».

Шестое. Опыт эффективного решения региональных конфликтов западноевропейскими государствами показал, что во всех рассмотренных случаях (Великобритания, Испания, Швейцария, Германия) использованы механизмы парламентаризма и решения языкового вопроса. Не менее эффективным, на наш взгляд, является применение политики географической децентрализации верховной власти (Германия) и легитимации решений власти через референдумы (Швейцария).

Таким образом, чтобы научиться эффективно решать территориальные и региональные конфликты, европейским государствам пришлось пройти довольно долгий и нелегкий путь, результатом чего стал нынешний Европейский союз, который называют не иначе как «Европа регионов».

Список литературы

1. Європейська Хартія місцевого самоврядування // http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=994_036
2. Декларация по регионализму в Европе // http://www.aer.eu/fileadmin/user_upload/PressComm/Publications/DeclarationRegionalism/DR_RUSSE.pdf
3. Регель Г. Лиссабонский договор: новый вариант евроконституции? Часть I // Новая Европа. - http://n-europe.eu/article/2008/07/28/lissabonskii_dogovor_novyi_variant_evrokonstitutsii_chast_i
4. Регель Г. Лиссабонский договор: новый вариант евроконституции? Часть II // Новая Европа. - http://n-europe.eu/article/2008/08/08/lissabonskii_dogovor_novyi_variant_evrokonstitutsii_chast_ii
5. Судьба Конституции ЕС - в руках Ирландии // Подробности. – 18.03.2009. - http://podrobnosti.ua/podrobnosti/2009/03/18/589928.html
6. ЕС отказался спасать Восточную Европу // Подробности. – 02.03.2009. - http://podrobnosti.ua/power/2009/03/02/586052.html
7. ЕС готов спасти от дефолта любую из стран еврозоны // Подробности. – 03.03.2009. - http://podrobnosti.ua/economy/2009/03/03/586428.html
8. Головаха Є., Горбачик А. Соціальні зміни в Україні та Європі: за результатами «Європейського соціального дослідження» 2005 – 2007 роки. – К.: Інститут соціології НАН України, 2008.
9. Зоткін А. Деполітизація чи політичний ескапізм? // Українське суспільство 1992-2008. Динаміка соціальних змін / За ред. д.ек.н. В.Ворони, д.соц.н. М.Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2008. – С. 439-448.
10. Белимов В. Вавилон XXI века // Эксперт-Урал. - №11 (274). – 19 - 26.03.2007. - http://www.expert.ru/printissues/ural/2007/11/vavilon_21_veka/
11. Сташевский Е. Призрак польского водопроводчика бродит по Европе… Целый ряд законодательных новшеств, принятых ЕС с начала года, серьезно повлияет на регулирование рынка труда // Зеркало недели. - № 8 (587). – 4 – 10 марта 2006. - http://www.zn.ua/2000/2250/52755/
12. Куложенко Е. Противоречия Евросоюза: проблемы, риски, перспективы // http://dialogs.org.ua/project_ua_full.php?m_id=2874
13. Мечетная Н. Несвятой Клаус// Кореспондент. - №10 (349). – 20.03.2003. – С. 48 – 49.
14. Томпсон Е. Регіони, регіоналізація та регіоналізм у сучасній Європі // В кн..: Глобалізація. Регіоналізація. Регіональна політика. Хрестоматія з сучасної зарубіжної соціології регіонів. – Луганськ, 2002. – С. 97.
15. Энрик Фоссас Эспадалер. Автономия Каталонии // Этнические и региональные конфликты в Евразии: в 3 кн.: Кн. 3 Международный опыт разрешения этнических конфликтов. – М., 1997. – С. 280, 284 – 286.
16. Бусыгина И. Регионы Германии. – М.: РОССПЭН, 1999.

И.И. Кальной

КОНТУРЫ КРЫМСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: PRO ET CONTRA

Цель сообщения: определить основные факторы, от которых зависит состояние крымской идентичности.

Задачи: осуществить анализ крымской региональной идентичности и опираясь на ключевые понятия обозначить контуры идентичности, определив ее потенциал.

Актуальность исследования определена происходящими в данный момент трансформациями в украинском обществе, которые происходят на фоне перехода новоевропейской цивилизации в новое качество – от индустриальной цивилизации к информационной. Освобождение от диктатуры власти обеспечило украинскому обществу

возможность социокультурного плюрализма, а человеку - свободу выбора и проблему этого выбора. Перед людьми встали вопросы: «Кто мы, куда мы идем, кто идет с нами?», «На какие ценности необходимо ориентироваться, чтобы обеспечить себе комфортное существование и не потерять собственного достоинства?» В связи с этим обострилась проблема осознанного самоопределения человека, поиска конституирования идентичности. От путей решения этой проблемы зависит не только психологический комфорт отдельного человека, но и стабильность общества, его сплоченность.

1. Любая общность людей с претензией на общество предполагает свою систему координат, которая представлена вертикалью власти и горизонталью коммуникаций. И вертикаль власти, и горизонталь коммуникаций имеет свою историю, истоки которой уходят в ойкумену - где складывалась протокультура конкретной общности людей в своей уникальности и неповторимости, с надеждой на пролонгацию своего бытия через акт самоидентификации людей в границах их общности. Акт самоидентификации обеспечивает механизм социализации. Он включает проекцию на общество своих, идентичность в среде своих и закреплении своего статуса в кругу своих определенными символами. Идентичность вводит человека в определенные социальные нормы, задающее ему канон и образ жизни. Если этот естественный процесс не наблюдается, тогда его место занимает феномен «массовой патологии идентичности».

2. Феномен «массовой патологии идентичности» становится реальностью, когда утрата представлений о своем месте в обществе ставит под сомнение соразмерность личности и общества, ведет к потере согласованности в системе коммуникативных отношений. Социальная жизнь предстает в состоянии всеобщего отчуждения, которое находит свое выражение в форме всеобщей неудовлетворенности людей, как средой своего обитания, так и осуществлением своей жизнедеятельности. В пассивной форме обыватель заявляет о своем нежелании связывать свою жизнь с судьбой общества и все силы он затрачивает исключительно на решение проблемы выживаемости. Утрата идентичности ставит под сомнение стабильность и перспективу не только сообщества «своих», но и общества в целом. Примером утраты идентификационных оснований можно рассматривать распад Советского Союза. Этот распад стал возможен, когда большинство граждан Союза стали называть свое государство «страной дураков», или «полем чудес», хотя при этом никто не считал себя дураком, или чудаком.

3. Идентичность является конституирующим фактором общественной жизни. Она выступает скрепляющим началом жизни общества, ибо потенциал любой идеи может быть реализован только в том случае, когда эта идея укоренена в структуре личности через ее идентичность. В условиях «массовой патологии идентичности» у людей исчезает

экзистенциальная потребность встроить себя в определенную социальную реальность. Исчезновение этой потребности означает распад социальной ткани общества.

4. Чтобы определить контуры крымской региональности, следует рассмотреть специфику крымской государственности, определить ее потенциал, насколько она является выражением власти авторитета, или является всего лишь транслятором авторитета власти центра и находится в состоянии кризиса. Для этого следует провести сравнительный анализ Конституции АРК, как основного закона с претензией на регламент жизнедеятельности людей и реальным осуществлением этого Закона в подзаконных актах законодательной и исполнительной власти.

5. Есть необходимость провести анализ и той среды обитания, где сложилось особое право, которое вынужденно принимать во внимание политический, этнический, конфессиональный плюрализм, а также социальное многообразие, доходящее до реального безобразия в условиях беспредела и беспросвета, когда «наглость верхов смыкается с подлостью низов», лишая общество благополучной перспективы.

6. На характер региональной идентичности влияет и исторический фактор Крыма, его отдаленное и вчерашнее прошлое, которое обеспечивает коммуникацию, но ставит под сомнение благожелательность общения, формирует иллюзорные надежды решать свои проблемы за счет других, осуществлять свои интересы, не оглядываясь на интересы других людей.

7. Следует принять во внимание еще один важный момент крымской действительности – это отсутствие консолидированной общественной воли. Пока что население располагает хорошей или плохой властью, положительной или отрицательной средой обитания и своей историей при отсутствии согласованной воли общества. Отсутствие такой воли подтверждает, что люди не живут, а выживают под знаком «вавилонской башни». Последнее исключает единство действий и благополучное будущее. Анализ основных факторов, определяющих потенциал крымской региональной идентичности, уже в первом приближении, свидетельствует о том, что правоспособность человека, данная ему актом рождения, деформируется на уровне дееспособности и деликтоспособности. Как только под сомнение попадают ключевые ценности жизни и свободы человека, его надежда на равенство и справедливость, индивид попадает под пресс отчуждения от всего, от всех и от самого себя, а население получает диктатуру власти, коррупцию и статус общества рабов.

Крым на сегодня является регионом светского, демократического государства Украины, где по Конституции ни один этнос, ни одна религия не имеет преимуществ.

Гражданин Крыма (крымчанин) - это не принадлежность к определенной нации, политической партии или конфессии, а особое состояние индивида, образ его жизни и стиль поведения, которое заявляет о себе через способ существования крымчан в определенном социокультурном пространстве и особом социальном времени.

Жизнедеятельность человека как визуально наблюдаемый способ существования крымчан обусловлен условиями (средой обитания) и факторами, регламентирующими эту жизнедеятельность.

Благодаря единой среде обитания и единому социально-политическому пространству формируется «тело» крымского общества, оформляется его «душа». Тело представлено социальными институтами в системе координат общественного развития, локализованных в рамках географической среды Крыма. Душа крымского общества представлена его культурой. Культура Крыма несет на себе печать не только географической среды, но и печать взаимосвязи, взаимодействия и взаимообусловленности культур всех этносов (народов) проживающих в Крыму, для которых Крым стал их Отечеством или малой Родиной. Но в любом случае, все они являются «солью» земли Крыма, его надеждой, верой и благополучием.

Что касается социального времени крымского общества, то его темпоральность и интервальность определяются уровнем и формой развития производительных сил и производственных отношений, которые определяют специфику политической организации общества, его нормативную пирамиду, состояние духовных ценностей, содержание общественных отношений, и, наконец, определенный тип личности крымского общества – крымчанина.

Демонстрируя свою длительность, последовательность и необратимость, социальное время позволяет фиксировать прошлое, настоящее и будущее крымского общества.

Прошлое принадлежит истории. Но поскольку историю пишут победители, то следует профилактировать возможные абберации, опираясь на принципы объективности и конкретности истины.

Настоящее также подвержено различного рода аксиологическим интерпретациям, ибо настоящее - эта реальность, которая постоянно инициирует вопросы: «кто мы, куда движемся, кто идет с нами, на какие ценности ориентируемся с надеждой обеспечить себе комфортное существование и достоинство?»

В условиях транзитивного общества, усугубляемого экономическим кризисом обострилась проблема осознанного самоопределения человека, его идентичности.

Ощущение своей маргинальности ставит под сомнение соразмерности личности и общества в условиях реального политического, этнографического и конфессионального плюрализма, ведет к потере согласованности в системе социальных коммуникаций, ставит под сомнение возможности диалога, компромисса и толерантности. Социальная жизнь предстает в состоянии всеобщего отчуждения, что рождает скорее отторжение, чем желание обрести свою идентичность.

Если идентификация приумножает слагаемую волю, превращая социальную идентичность в фактор гражданского согласия, то отсутствие желания решать проблему своей идентичности резко сокращает базу социальной активности. Утрата гражданской

идентичности ставит под сомнение стабильность и перспективы не только сообщества своих, но и общества в целом, включает в нашем случае, проблему региональной безопасности.

Решение проблемы идентичности связано с необходимостью преодолеть в себе образ отчужденного мира, включив механизм критики сущего и рефлексии должного. Только после этого индивид сможет обрести способность размывать негативные стереотипы отношения к чужому миру, уяснить условность этой чуждости, понять, что жизнь в обществе – это великое искусство компромисса, которому следует учиться, культивируя в себе человеческое и меру социального. Свою дорогу должны пройти и институты общества, формируя благоприятные условия для осуществления акта самоидентификации.

Идентичность обеспечивает индивиду возможность состояться, заявить о себе, что он человек своего мира и своего времени. Логическим завершением усилий личности и общества является гражданская идентичность, как фактор обеспечения гражданского согласия даже в условиях транзитивного общества.

Если индивид и общество не пройдут свой путь для осуществления самоидентификации тогда в обществе возобладают дезоорганизационые процессы, которые могут взломать мирное сосуществование в условиях политического, этнического и конфессионального плюрализма.

Отсюда необходимость системного изучения крымской действительности, объективной оценки и научных прогнозов. Мир в Крыму хрупкий и проверять его на прочность занятие не только опасное, но и противоправное.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2002
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструктирование реальности. – М., 1995
3. Україна на зламі тисячоліть – К., 2000
4. Аналитические обзоры СМИ Украины. – 2001-2008

А.С. Киселев

ЕВРОПЕЙСКИЕ РЕГИОНЫ С ВЫСОКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ СЕЦЕССИОННОГО КОНФЛИКТА

«Процессы политической децентрализации и/или регионализации» [1, с. 44], охватившие многие унитарные государства Европы на рубеже XX–XXI вв., сопровождаются сепаратистскими движениями и сецессионными конфликтами (сецессия от лат. secessio — выход из состава государства какой-либо его части) конфликтами, что приводит к дефрагментации политической карты. В результате распада социалистической системы на карте Европы появилось 14 новых государств: пять на территории бывшей Югославии (Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Македония, Сербия и Черногория), два на

территории Чехословакии (Чехия и Словакия), семь на территории европейской части Советского Союза (Белоруссия, Латвия, Литва, Молдавия, РФ, Украина и Эстония).

Процесс дефрагментации политической карты Европы, начавшийся в конце XX в., продолжился в XXI столетии. 3 июня 2006 г. о своей независимости объявила Черногория, суверенитет которой базируется на результатах референдума, состоявшегося 21 мая 2006 г., где 55,4% избирателей, принявших участие в голосовании, высказались за выход страны из состава конфедеративного Государственного Союза Сербии и Черногории.

17 февраля 2008 г. парламент Автономного края Косово и Метохии принял декларацию о независимости Республики Косово, что привело к появлению на политической карте Европы самопровозглашенного частично признанного государства. Одностороннее провозглашение независимости Косова, разделившее международное сообщество на две группы, вызвало неоднозначную реакцию. Одни считают его уникальным случаем [2, 3], другие расценивают как прецедент, который приведет к усилению сепаратистских движений [4–8] и послужит появлению в XXI в. на политической карте Европы новых государств. Причем прогнозы экспертов в данном вопросе колеблются в количественном диапазоне от оптимистических цифр (около 10 новых государственных образований) до пессимистических — более 40 и даже 70-ти [9–10].

Следует отметить, что в списке европейских стран, в которых эксперты выделяют регионы потенциальных сецессионных конфликтов, есть государства всех форм территориально-государственного устройства: федерации, квазифедерации (унитарные государства со сложной структурой административно-территориального деления, имеющие в составе административно-территориальных единиц) и унитарные государства (табл. 1).

Таблица 1

Территориально-государственное устройство европейских стран с регионами потенциальной сецессии

Форма территориально-государственного устройства	**Государства**
Федерации	Австрия, Бельгия, Босния и Герцеговина, Германия, Россия, Швейцария
Квазифедерации	Великобритания, Дания, Испания, Италия, Молдавия, Сербия, Украина, Финляндия, Франция
Унитарные государства	Болгария, Венгрия, Греция, Латвия, Литва, Македония, Нидерланды, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Черногория, Чехия, Швеция, Эстония

Европейские регионы потенциального суверенитета [5–11] можно разделить на 2 группы. К первой группе относятся страны с низким потенциалом сецессионного конфликта, в составе которых есть регионы, где существуют движения по региональному

самоопределению в сторону расширения прав местных этнокультурных сообществ или автономистские движения. Во вторую группу входят страны, в составе которых есть регионы с высоким потенциалом сецессионного конфликта. В данной категории на современном этапе развития европейского регионализма насчитывается 9 регионов, среди которых Шотландия и Уэльс в Великобритании, Гренландия и Фарерские острова в Дании, Корсика во Франции, Южный Тироль и Пьемонт в Италии, Страна Басков и Каталония в Испании. Основанием для включения региона в категорию с высоким потенциалом сецессионного конфликта служит наличие сепаратистских политических партий и движений, имеющих поддержку в местном сообществе и представительство в региональных органах власти.

Крым в данной классификации принадлежит к регионам низкого потенциала сецессионного конфликта, хотя имеет все основания к переходу в другую категорию. К таким основаниям относятся, прежде всего, декларируемые цели меджлиса (этнической организации, не зарегистрированной согласно украинскому законодательству) и других крымскотатарских политических объединений. Основной целью в данном случае выдвигается создание национального государства, обозначенное в Декларации о суверенитете крымскотатарского народа, принятой в июне 1991 г. От этой цели не отказываются лидеры различных крымскотатарских организаций [6, 7], не смотря на то, что эти призывы как к созданию национальной автономии в рамках Украины, так и к созданию национального государства, Основной закон страны и ряд законов Украины [8].

Список литературы

1. Бусыгина И. Регионализация в странах Западной Европы: Великобритания и Франция в сравнительной перспективе. // Казанский Федералист. — 2007. — № 1–2 (21–22). — С. 44–51.
2. Kosovo, Ue: «Decidono gli Stati» D'Alema: «L'Italia lo riconoscera» // http://www.repubblica.it/2008/02/
3. Kosovo case unique, says Miliband // http://news.bbc.co.uk/
4. Ляшенко А. Косово. Украина. Сепаратизм. // http://www.rb.com.ua/rus/politics/analytics/2008/
5. См. напр.: Janet Laible. Separatism and Sovereignty in the New Europe: Party Politics and the Meanings of Statehood in a Supranational Context. — Palgrave MacMillan, 2008. — 284 pp.; The European Union and Border Conflicts: The Power of Integration and Association // Ed.: Thomas Diez, Mathias Albert, Stephan Stetter. — Cambridge: University Press, 2008. — 280 pp.; Терещенко А. Ю. Региональные и сепаратистские движения в странах Северной Европы // http://www.apn.ru/publications/article19821.htm; Терещенко А. Ю. Региональные и сепаратистские движения в странах Южной Европы // http://www.apn.ru/publications/article19822.htm; Веревкин С. Независимость Косова взорвет Европу, перекроит карту // http://gazetanv.ru/article/?id=941; Неменский О. Б., Терещенко А. Ю., Энгельгардт Г. Н. «Сепаратистская» карта Европы. // http://www.flb.ru/info/43580.html; Официальный сайт Европейской Ассамблеи регионов // http://www.flb.ru/info/43580.html
6. Крымские татары в Крыму и в мире: проблемы национального возрождения. Доклад председателя меджлиса крымскоготатарского народа на Всемирном конгрессе крымских татар // Голос Крыма. — 2009. — 29 мая.
7. Велилаев Н. Наш курс на государственность // Полуостров. — 2009. — 27 марта.
8. Киселева Н. Сепаратисты орудуют под носом у СБУ, а там ничего не видят, не слышат и не знают // Крымское время. — 2009. — 30 июля.

Н.В. Киселева

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РЕГИОНОВ В БИКАМЕРАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТАХ: МИРОВОЙ ОПЫТ И УКРАИНСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

На Украине идея двухпалатного (бикамерального) парламента родилась в первые годы независимости. Эта идея была заложена в проекте конституции, разрабатываемом еще Верховной Радой первого созыва, согласно которому украинский парламент состоял из двух палат: верхней — Совета Послов — где были бы представлены регионы (по 5 от каждой области, Крыма и Киева), и нижней — Национального Собрания, 350 депутатов которого планировалось избирать в одномандатных округах по мажоритарной системе. Но этот проект украинской конституции не нашел практического применения. Во второй раз идею двухпалатности закладывала в проекте Основного закона Конституционная комиссия, работавшая над текстом Конституции в 1995–1996 гг. Этот проект был вынесен на рассмотрение Верховной Рады 11 марта 1996 года. Он предусматривал бикамеральную структуру парламента, в которой численность верхней палаты (Сената) составляла 80 человек (по 3 сенатора от каждой из областей, Крыма и Киева, и 2 — от Севастополя), а нижней (Палаты депутатов) — 370 человек, которые должны были избираться сроком на 4 года также по мажоритарной избирательной системе. Но и в 1996 г. парламентарии не поддержали идею бикамеральной структуры Верховной Рады [1].

В апреле 2000 г. вопрос о целесообразности формирования на Украине двухпалатного парламента, сторонником которого выступал и Леонид Кучма, был вынесен на референдум и получил одобрение подавляющего большинства избирателей (более 80%). Но в своем проекте изменений Конституции по результатам плебисцита второй президент Украины по непонятным причинам ни словом не упомянул бикамерализм. «Тема требует отдельного изучения, — заявила тогда Банковая, и для этого изучения сформировала комиссию, возглавляемую тогдашним и будущим главами Администрации Президента Владимиром Литвином и Виктором Медведчуком» [1]. В альтернативном президентскому проекте внесения изменений в Конституцию по результатам референдума, разрабатываемом группой народных депутатов во главе с Александром Морозом и Сергеем Головатым, парламентарии возвращались к идее бикамерализма, предлагая численный состав верхней палаты ограничить 150 сенаторами, а нижней — 300 депутатами. Но этот проект осенью 2000 г. был «похоронен» Конституционным судом.

Сегодня идею двухпалатности украинского парламента «лоббирует» Виктор Ющенко, который ранее высказывал резко негативное отношение к бикамерализму на Украине. «Сьогодні піднімати це питання не доцільно. Україна не федерація і не монархія, а тому не зрозуміло, якою буде друга палата. Складається враження, що в ініціативах набрано елементи з різних політичних моделей», — подчеркивал Ющенко в марте 2003 г.,

комментируя заявления действующего президента о необходимости реформирования Конституции в том числе и путем создания двухпалатного парламента [2]. Но 4 года спустя тот же Виктор Ющенко вернулся к идее бикамерализма, заявив, выступая на торжественном заседании по случаю Дня Конституции: «Не виключаю доцільності повернутися до теми формування в Україні двопалатного парламенту. Це дозволить змінити представництво регіонів в законодавчому органі і підвищити відповідальність та якість законотворення» [3]. И на протяжении 2007–2008 гг. идею бикамерализма для Украины широко обсуждали политики, ученые и представители СМИ. Сторонники и противники бикамерализма приводили аргументы и факты, каждый, естественно, оставаясь при своем мнении.

Зададимся вопросом, есть ли на Украине формальные предпосылки для введения бикамерализма? Есть! Их можно отнести даже не к формальным, а «генетическим». Это форма территориально-государственное устройства, размеры украинского государства и численность населения.

Анализ истории парламентаризма показывает, что монокамерализм или поликамерализм парламентов определяют форма государственного устройства, политический режим и национальные традиции [4]. Бикамеральная система парламентов, по мнению современных исследователей, оправдана в первую очередь для федераций. Действительно двухпалатная система характерна в наибольшей степени для федераций, но, следует отметить, что значительная часть парламентов в унитарных государствах также имеет двухпалатную структуру. В целом же в мире наблюдается тенденция увеличения доли двухпалатных парламентов от стран с унитарной формой государственно-территориального устройства (37 %) к федеративным государствам (72 %). При этом доля бикамеральных парламентов в унитарных государствах сложной структуры выше, чем в унитарных государствах простой структуры.

К унитарным государствам сложной структуры относятся страны, имеющие в своем административном делении автономии или регионы с особым статусом, полномочиями или собственными органами законодательной, представительной и исполнительной власти. Современные исследователи причисляют их к квазифедерациям [5], или унитарным государствам с чертами децентрализации [6], или к унитарным государствам сложной структуры [7]. К числу таких государств относится и Украина, в составе которой существует Автономная Республика Крым. В целом же на современной политической карте мира каждое пятое из унитарных государств имеет в своем составе территории со специальным автономным статусом, а в Европе — каждое четвертое.

Если доля двухпалатных парламентов в унитарных государствах составляет 37 %, то в унитарных государствах сложной структуры этот показатель увеличивается до 38 %, что объясняется существованием устойчивой тенденции, ведущей «к возникновению наряду со старыми, традиционными федерациями новых федерализирующихся систем» [8],

и, следовательно, копированию в таких государствах федералистского опыта функционирования бикамеральных парламентов (табл. 1). Причем в Европе двухпалатные парламенты в обычных унитарных государствах составляют 30%, а в унитарных государствах сложной структуры — 36%.

Таблица 1

Доля бикамеральных парламентов в унитарных и федеративных государствах (%)

	Европа	*Азия*	*Америка*	*Африка*	*Океания*	*Всего в мире*
В унитарных государствах	30	32	54	40	14	37
В унитарных государствах сложной структуры	36	10	50	100	40	38
В федеративных государствах	100	50	71	75	50	72
Всего в данной части света	41	30	57	47	29	

Следующей «генетической» предпосылкой установления бикамерализма на Украине является размер государственной территории. В политологической литературе встречаются отдельные высказывания специалистов, указывающих на существование подобной зависимости [9]. Это допущение подтверждается результатами сравнительного анализа площади государств и наличия бикамеральных парламентов, проведенного автором и свидетельствующего о наличии прямой зависимости между двумя показателями (табл. 2).

Таблица 2

Связь бикамерализма с размерами государственной территории

Класс	*Площадь (кв. км)*	*Общее количество государств*	*В том числе с бикамеральными парламентами*	*Доля государств с бикамеральными парламентами*
1	< 10 000	33	8	24 %
2	10 000 – 100 000	55	20	36 %
3	100 000 – 1 000 000	76	34	45 %
4	> 1 000 000	29	19	66 %
		193	81	

Украина в классификации стран по размерам государственной территории относится к 3 классу государств (размер ее территории 603 700 кв. км), где доля двухпалатных парламентов составляет почти половину.

Третьим из разряда названных нами «генетическими» факторов украинского бикамерализма относится численность населения. Наличие зависимости бикамерализма от численности населения страны является одним из устоявшихся представлений современной политической науки. Указания на существование связи между «демографическими размерами» государств и структурой парламентов встречаются в работах многих исследователей, занимающихся проблемами парламентаризма. Так, например, И. Р. Насыров

в статье «Региональная составляющая национальных внешнеполитических интересов», констатирует, что к началу нового XXI тысячелетия двухпалатные парламенты действовали в 19 странах Европы с общим населением более 600 млн. человек [9]. И. Н. Тарасов выявляет зависимость между численностью населения и бикамерализмом в унитарных государствах постсоветского пространства: «Нетрудно заметить, что среди унитарных государств региона с населением более 5 млн. человек число двухпалатных парламентов резко возрастает. Поэтому можно говорить, что бикамерализм востребован и в унитарных государствах с относительно большим населением» [10, с. 178]. Аналогичную взаимосвязь И. Н. Тарасов отмечает и для Центрально-Восточной Европы, где расположено 16 унитарных государств, шесть из которых имеют двухпалатный парламент (37,5 %), и число двухпалатных парламентов резко возрастает среди унитарных государств данного региона с населением более 10 млн. человек [4].

Сравнительный анализ практики бикамерализма и численности населения всех государств, представленных на современной политической карте мира, проведенный нами, показывает, что существующая между этими двумя показателями зависимость, выявленная для стран СНГ и Восточной Европы, подтверждается и для всех государств мира (табл. 3).

Таблица 3

Связь бикамерализма с численностью населения

Численность населения	*Общее количество государств*	*В том числе с бикамеральными парламентами*	*Доля государств с бикамеральными парламентами*
< 1 000 000	42	10	24 %
1 000 001 – 10 000 000	73	27	37 %
10 000 001 – 100 000 000	67	35	52 %
> 100 000 000	11	9	82 %

Украина в классификации стран по «демографическим» размерам относится к 3 классу государств (численность населения более 46 млн. чел.), где доля двухпалатных парламентов составляет более половины.

Таким образом, можно констатировать наличие всех формальных факторов перехода Украины от монокамерализма к поликамерализму, что должно привести и к выравниванию существующей диспропорции регионального представительства в украинском парламенте, так как верхние палаты в бикамеральных ассамблеях принято называть «территориальными» [4, 11] в связи с тем, что порядок формирования этих палат в большинстве случаев предполагает полное или частичное представительство регионов. Современные исследователи бикамерализма отмечают, что законодательная практика трансформации верхней палаты путем ее превращения в так называемую «территориальную или национально-территориальную» палату, выражающую интересы регионов, становится одной

из общеевропейских тенденций парламентаризма. Следует отметить, что эта же тенденция доминирует практически во всех частях света, за исключением Америки (табл. 4).

Таблица 4

Региональный принцип формирования верхней палаты в двухпалатных парламентах

	Европа	*Азия*	*Америка*	*Африка*	*Океания*
Доля верхних палат с региональным и смешанным принципом формирования от общего числа двухпалатных парламентов	72%	71%	50%	86%	100 %

В большинстве бикамеральных парламентов нижняя палата формируется на основе представительства всего населения, а верхняя обеспечивает представительство регионов. Подобная дифференциация, по мнению исследователей, оправдана в первую очередь для федеративных государств, выражающие интересы территориальных единиц. Двухпалатность в этом случае выступает «фундаментальной основой реального федерализма, призванного расширить права и самостоятельность народа» [12, с. 449], поэтому региональный принцип формирования верхних палат соблюдается исключительно во всех федерациях.

Бикамеральное «заимствование опыта» федерации до определенной степени оправданно и в унитарных государствах сложной структуры, которые рассматриваются как промежуточная форма между унитарным и федеративным государством, поэтому в большинстве таких государств (77 %) вторая палата формируется как орган представительства территориальных коллективов, проживающих в пределах административно-территориальных единиц.

Превалирующая в современной политической науке точка зрения на верхнюю палату как институт территориального представительства подтверждается количественными показателями. Из всех бикамеральных парламентов институт территориального представительства присутствует в 60 ассамблеях (74 %). Если выделить три уровня представительства: национальный, региональный и смешанный — можно констатировать, что при формировании верхних палат в парламентах унитарных государств присутствуют все уровни, а в парламентах федераций — только региональный и смешанный (табл. 5).

Таблица 5

Уровень представительства в верхних палатах парламентов унитарных и федеративных государств

	Уровень представительства			*Всего*
	Национальный	*Смешанный*	*Региональный*	
Унитарные государства	34%	38%	28%	100%
Унитарные государства сложной структуры	31%	31%	38%	100%
Федеративные государства	0	6%	94%	100%

В большинстве бикамеральных парламентов с институтом территориального представительства (35 парламента из 60, или 58 %) верхняя палата целиком формируется как орган представительства территориальных единиц, в 25 парламентах используется смешанный уровень представительства.

Из 18 федераций с двухпалатным законодательным собранием 16, или 89 %, имеют вторую палату, целиком сформированную из представителей отдельных регионов, и только в Индии и Малайзии при формировании верхних палат используется смешанный уровень представительства. В Индии 12 человек в верхнюю палату (Rajya Sabha) назначает президент, а остальные избираются выборщиками законодательных собраний штатов и территорий пропорционально численности населения регионов. Однопалатные законодательные собрания малазийских штатов выдвигают в верхнюю палату парламента (Dewan Negara) по два представителя от субъекта федерации, которые занимают 26 мест в парламенте, остальных 44 сенатора назначает верховный правитель государства.

Из 50 унитарных государств с бикамеральной системой парламентской власти 33, или 66%, использую принцип регионального представительства при формировании верхней палаты законодательного собрания. В унитарных государствах сложной системы аналогичный показатель увеличивается до 69%. Из 13 унитарных государств сложной структуры пять целиком формируют верхнюю палату из представителей регионов, а четыре — частично.

Использование регионального во многих странах с двухпалатным парламентом, по мнению исследователей современного парламентаризма, «демонстрируют одну из главных причин необходимости создания вторых палат — помочь разрешить региональные разногласия в странах, которые занимают большую территорию» [13, с. 72].

Поможет ли Украине бикамерализм разрешить региональные разногласия, сказать трудно. Здесь отсутствует однозначная прямая корреляция, но ликвидировать гипертрофированную диспропорцию репрезентации регионов в Верховной Раде создание верхней палаты наверняка поможет.

Сегодня же 3/4 депутатского корпуса являются представителями столицы и двух областей (Киевской и Донецкой), на остальные же 22 области и Крым приходится лишь 1/4 депкорпуса. Если же сопоставить численность избирателей этих двух областей с числом «столичных» и «донецких» депутатов, то пропорциональное соотношение этих двух количественных показателей говорит о том, что «на два эти региона должно приходиться 88, но никак не 338 представительских мандатов» [14].

Каким будет представительство регионов в верхней палате при условии перехода к бикамерализму зависит от того, какую формулу регионального представительства выберет Украина. Но независимо от этого выбора в верхней палате будут представлены все регионы, причем отстаивать им надо будет не партийные, а географические интересы.

Список литературы

1. Святослав Хоменко. Одна палата — хорошо, а две…? // http://www.glavred.info/archive/2007/07/04/134126-3.html
2. Віктор Ющенко: Цій владі нічого не світить 2004 року, а тому вона прагне змінити правила гри // http://www.brama.com/news/press/030307nashaukrayina.html
3. http://www.president.gov.ua/news/6725.html
4. Тарасов И. Н. Российский и восточноевропейский опыт формирования верхней палаты парламента // http://www.iriss.ru/
5. Федорященко А. С. Конституционно-правовые основания государственного суверенитета России в условиях нормативного федерализма // Автореф. дисс., 2006.
6. Дербишайр Д. Денис, Дербишайр Ян. Политические системы мира. В 2 т. Том 2: Пер. с англ. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. — 496 с.
7. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права. — Иркутск: Иркутск. ун-т, 2005. — 220 с.
8. Ильин Н. Ю. К вопросу теории федерализма // В мире права. 2001. № 1. http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1146501
9. Федосов П. А. Двухпалатные парламенты: европейский и отечественный опыт // Полис, 2001, № 1. — С. 168–180.
10. Тарасов И. Н. Бикамерализм в постсоветском пространстве // Политэкс. — 2006. — № 4. — С. 178–184.
11. Ярва Р. М. Двухпалатный законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта федерации: сравнительно-правовое исследование // Автореф. дисс., 2007.
12. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. — М.: Издательская группа НОРМА—ИНФРА, 1998. — 752 с.
13. Дербишайр Д. Денис, Дербишайр Ян. Политические системы мира. В 2 т. Том 1: Пер. с англ. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. — 512 с.
14. Назар Бойко. К двухпалатному парламенту от «двухрегиональной» Рады? // http://obkom.net.ua/articles/2008-04/07.1202.shtml

Н.А. Лантух

ОБ «ОСТРОВНОЙ» НАПРАВЛЕННОСТИ КРЫМСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

География всегда играла важную роль в политике, но в современную эпоху географическая фрагментация приняла сложные формы регионализма, которые диктуют новый тип взаимодействия Центра и регионов. И в фокусе такого взаимодействия находится территориальная общность, заметно выделяющаяся своей индивидуальностью, имеющая свою социокультурную специфику, которую можно определить понятием "региональная идентичность". По мнению Э. Смита, территориальная или региональная идентичность может быть отнесена наряду с гендерной к числу фундаментальных в структуре идентификационной матрицы человека [1]. Как правило, в человеке фокусируется несколько различных идентичностей. Практически все виды идентичностей формируются на низовом уровне, связаны с территорией, на которой формируется личность, поскольку «привязанность человека к месту, где он родился и вырос, выступает в качестве необычайно эффективного символа и критерия идентификации, позволяющего отличать «своих» от «чужих» [2, с. 446]. Это, прежде всего, относится к этнической и региональной идентичности, которые возникают в процессе осознания индивидом своей принадлежности к

«малой родине». Глобализация резко актуализировала проблему национально-культурной идентичности, выдвинула её на передний план современной науки.

Для Крыма актуальным является сочетание региональной, национально-культурной и этнокультурной идентичности. Понятие «региональная идентичность» соотносится с понятием «региональная культура». Региональная культура – совокупность культурных символов социальных и этнических общностей, проживающих в пределах данного региона [3, с. 174]. Регион, с точки зрения его социокультурных характеристик, рассматривают как устойчивый социокультурный и хозяйственный комплекс, который образуют природно-ландшафтные условия, система экзистенциальных ценностей, религиозно-нравственное мировоззрение, формы правовых и политических отношений, которые проявляются в определённых пространственно-временных рамках у близко живущих народов [3, с. 171].

На фоне общемировых глобальных процессов разрушения и десакрализации традиционных ценностей и норм в Крыму активно развивается процесс межэтнической дифференциации в области духовной жизни и культуры, возрастает культурная гомогенность различных этнических групп. Наряду с неуклонным сокращением количества этнодифференцирующих признаков происходит актуализация исторической памяти, увеличивается роль общности исторической судьбы как символа единства народа. Процесс консолидации на базе символического признака этнической идентичности – общности исторической судьбы – ярко проявляется у крымских татар и крымских русских. Эти идентичности имеют в некоторых аспектах различную направленность. Если ещё 20 лет назад вопрос об этнической принадлежности крымчан стоял на периферии их идентификационной матрицы, то сегодня он перемещается в её центр. Возрастает личностная включённость в свой этнонациональный статус.

Но параллельно с этим идёт процесс региональной консолидации крымского общества. Базой объединения крымчан является русский язык и русская культура, автономный статус республики Крым, эмоциональная привязанность к полуострову и его духовное восприятие как своей родины, крымские мифы и предания, общие культурные и естественные символы (объекты природы), региональная кухня, сходный уклад жизни.

Одним из первых о крымской региональной идентичности рассказал в своём романе «Остров Крым» Василий Аксёнов, который вербально выразил некие смутные очертания возможной будущей судьбы полуострова, предугадал островные тенденции его развития, дал образ крымчан в недалёкой исторической перспективе. Прошло только 30 лет со дня написания этого литературного произведения, но время уже подтвердило его мощный прогностический потенциал. Всё, что происходит в Крыму с начала 90-х годов XX века, напоминает некое мистическое превращение полуострова Крым в Остров Крым с последовательным развитием атрибутов будущего утопического Острова.

Абсолютно верно подмечена писателем «островная» направленность идентичности крымчан, которую он усилил в романе, назвав Крым «Островом» с большой буквы. Островной характер населения Крыма берёт своё начало в древности, вытекает из особого географического положения и сложных исторических переплетений судеб разных народов. Проявления островного характера крымской ментальности по-разному выражались в различные периоды исторической жизни полуострова. Так, в годы существования Крымского ханства у русских формируется устрашающий образ «татарской неволи», связанный с Крымом, и на лубочных картах XVII века можно увидеть остров в центре Чёрного моря, «отекающего остров Крым». Крымские татары также манифестируют свой образ полуострова в тот период как «адо Крым» (или «остров Крым») [4, с. 68].

Возможно, в этом устойчивом образе зафиксированы смутные воспоминания об утраченных древних знаниях, о некогда существовавшем острове, который являлся центром сакрально-мифологического пространства Чёрного моря. Значение Чёрного моря в глазах античных греков, наиболее просвещённого народа древности, было огромным и во многом мистическим, необъяснимым с рациональных позиций.

Островная предыстория Крыма находит подтверждение в трудах древних историков. Так, Плиний Старший отмечает: «Таврида некогда была окружена морем, которое занимало места, ныне являющиеся равнинами; далее она постепенно переходит к возвышенностям» [5, с. 233]. Полуостров Крым по своей геологической истории и морфологии представляет собой полуостров особого типа – бывший остров. Такие полуострова видный русский антропогеограф А. А. Крубер называл причленившимися полуостровами. Он различал две категории полуостровов: те, которые служат продолжением материка в геологическом отношении, это отчленившиеся полуострова; те же, которые не имеют ничего общего с материком и являются остатком самостоятельной суши, каким-то образом припаянным к материку, представляют собой причленившиеся полуострова. Среди полуостровов Европы к категории причленившихся Крубер относит только Крым [5, с. 13].

Островной характер природы Крыма проявляется не только в её геологии, в наличии естественных природных рубежей, отделяющих полуостров от материка, в составе эндемиков её флоры и фауны, но и в её особой островной энергетике, которая создаёт некое магическое пространство, способное активизировать продуцирование и передачу культурных импульсов, влиять на формирование некой островной ментальности.

Следует отметить, что «островная» идентичность всегда присутствовала в ментальном пространстве Крыма, имея лишь различную степень выраженности в разные исторические периоды. Островная окраска местных форм существования и региональной идентичности позволяла Крыму сохранять региональное самоуправление и определённую автономность жизни и в составе Римской империи, и Византии, и Османской Турции [6, с. 45]. Даже в

самый спокойный и благополучный период для Крыма – в эпоху «застоя» - для крымчан была актуальна мифологема «за Перекопом земли нет», которая в то время не имела никакого политического подтекста, а только лишь манифестировала идею «инаковости», «отделённости» от материка, «островную», или крымскую региональную идентичность. Типичное выражение крымчан «там, в России» или «там, на Украине», ранее бытовавшее и бытующее сейчас, однозначно локализует крымчанина на некой третьей территории, не включаемой в единое пространство с названными территориями. И если раньше в данных устойчивых словосочетаниях преобладал дифференцирующий компонент с региональным оттенком, поскольку все три субъекта входили е единое государство, то сейчас наблюдается политическая доминанта в этих типично крымских выражениях.

Ген автономности Крыма активно заявил о себе в XX веке. В эпоху революции и гражданской войны 1917-1920 гг. крымский автономизм оформился окончательно. Несколько попыток создания в Крыму автономных образований различными политическими силами завершилось созданием 18 октября 1921 года Автономной Крымской Советской Социалистической Республики — «автономным государством рабочих и крестьян» в составе РСФСР [6, с. 46]. В 1945 году Крымская АССР была преобразована в Крымскую область в составе РСФСР, а 19 февраля 1954 года передана из состава РСФСР в состав УССР.

Усиление общемировых тенденций регионализации Крым ощутил на себе одним из первых в СССР. Начавшееся в конце 80-х годов активное автономистское движение добивается существенных успехов – восстановления автономного статуса региона. 20 января 1991 года состоялся первый в СССР референдум, который воссоздал Крымскую АССР в качестве субъекта Союза ССР и участника Союзного договора. За воссоздание автономии проголосовало 1343855 человек, что составило 93,26% от принявших участие в референдуме [6, с. 50].

26 февраля 1992 года Верховным Советом Крымской АССР был принят закон «О Республике Крым как официальном названии демократического государства Крым», в этот же день была утверждёна музыкальная редакция Гимна Республики Крым (композитор Алемдар Караманов). Идея государственности Крыма была в тот период доминирующей. 5 мая 1992 года крымский парламент принимает Акт о провозглашении государственной самостоятельности, а 6 мая — Конституцию Республики Крым. 24 сентября 1992 года был принят закон о Государственном Флаге и Государственном Гербе Республики Крым. В 1994 году были избраны президент Республики Крым и новый парламент автономии.

Очередное обострение отношений между Симферополем и Киевом закончилось поражением молодой республики. В марте 1995 года Верховный Совет Украины специальным решением отменил Конституцию Республики Крым и упразднил пост президента. В течение последующих 3-х лет Крым утратил многое из своих завоеваний

начала 90-х годов. Новая Конституция 1998 года фактически закрепила горькие политические потери автономии. Но в памяти республики зафиксирован опыт политических достижений начала 90-х годов, опыт борьбы за региональные интересы и права. За короткий период Крым на собственном опыте испытал президентско-парламентскую, парламентско-президентскую и чисто парламентскую формы правления, первым применил смешанную избирательную систему, национальные квоты для представителей депортированных этнических общин [7, с. 77].

Незавершённость процесса автономизации полуострова даёт основания полагать, что в будущем перед Крымом и Украиной снова встанет вопрос о разграничении полномочий между автономией и центром, поскольку существующее дискриминационное ограничение полномочий АРК тормозит экономическое и социально-культурное развитие республики. В Крыму действуют ряд факторов, усиливающих тенденции регионализации и диктующих стремление к ещё большей автономности. Среди них необходимо выделить: культурно-цивилизационный, географический, геополитический, полиэтнический, политико-психологический.

Унитарное по конституции государство Украина вошло в глубокий и системный кризис, пытаясь удержать вместе составляющие его регионы, некогда входившие в состав не просто разных государств, но и разных социокультурных систем. Стойкое непонимание Украиной специфики Крыма, нежелание учитывать региональные интересы и потребности крымчан, попытки силового давления в области языка и культуры отдаляют полуостров от материка, способствуют формированию «островного» регионального сознания, провоцируют сепаратистские настроения. По результатам социологического опроса Центра Разумкова в 2008 году 32,4% жителей АР Крым демонстрируют сепаратистские настроения. При этом доля тех, кто готов лично добиваться реализации сепаратистских вариантов, является меньше и не превышает четверти населения полуострова [8].

Социологический опрос, проведённый в Крыму в 2006 году, подтверждает тенденцию к укреплению крымской региональной идентичности. Так, среди других социальных идентичностей (житель своего села, города; региона, гражданин Украины, представитель своего этноса, народа и др.) 46% жителей Крыма выбрали региональную идентичность, сказав, что считают себя прежде всего крымчанами. При этом среди этнических групп Крыма самый высокий результат показали русские – 52,3% (крымские татары – 41,5%, украинцы – 35%). 61,2% крымчан заявили, что для них важно, что Крым является республикой, а не областью. Так думают 76,8% крымских татар, 60,4% русских и 55,1% крымских украинцев. Украинскую государственную идентичность на первое место поставили только 26,8% жителей автономии. По этническим группам показатели были

следующие: прежде всего гражданами Украины себя считают 25,6% крымских татар, 21,1% крымских русских и 40,7% украинцев [9, с. 126-127].

Нарастающее культурное и политическое отчуждение между Крымом и Украиной показывают данные социологического исследования Центра Разумкова, проведённого в Крыму в октябре-ноябре 2008 года [10]. На вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом Украины?» «да» ответили только 9,2% крымчан и «скорее да» ещё 19,4%респондентов. В 2007 году патриотами Украины считали себя 36,6% крымчан, а в 2008 не признали себя таковыми 49,3% граждан автономии [10].

Украину как свою родину воспринимают 40,1% жителей Крыма, в 2006 году её назвали родиной 74% жителей полуострова. По данным опроса 2008 года, 32,9% жителей Автономной Республики Крым не воспринимают Украину как свою родину [10]. Очевидно, что за последние годы произошло резкое снижение рейтинга Украины в глазах крымского сообщества. Это обусловлено многими факторами, и не последний из них – насильственная украинизация. 52,6% жителей автономии убеждены, что население Крыма подвергается насильственной украинизации. «Скорее согласны» с таким утверждением ещё 22,6% крымчан. В целом 75,2% жителей автономии отмечают факт насильственной украинизации в Крыму [10].

Общепризнанно, что родной язык представляет собой абсолютную ценность вне зависимости от этнической принадлежности его носителей. При возникновении угрозы родной язык становится объектом защиты и фактором консолидации языкового коллектива. 81,3% жителей Крыма называют русский язык родным, а именно: 76,7% украинцев, 95,7% русских и 9,1 % крымских татар. При этом дома говорят на русском языке 86,4% украинцев и 20,8% крымских татар, что превышает в данных этнических группах процент тех, кто назвал русский язык родным. В целом 86,5% крымчан говорят дома по-русски [10].

Если в границах Украины русский язык вынужденно выполняет две функции – разделительную и консолидирующую (на Юго-Востоке), то в Крыму русский язык является безусловно консолидирующим фактором, основой крымской региональной идентичности, условием межнационального согласия в Автономной Республике.

Притеснения русского языка приняли в 2008 году глобальный характер: это насильственная украинизация образования; требование центральных властей вести официальную документацию только на украинском языке; существенные препятствия по распространению российских газет и журналов; запрет на российские программы по кабельному телевидению, преимущественное использование украинского языка на национальном телевидении и радио; переименование населенных пунктов на украинский лад; неоправданная замена русских имен украинскими аналогами в паспортах; осуществление рекламы, предоставление аннотаций и инструкций к товарам и лекарствам на

украинском языке; бланки и формуляры на почте, в банках, в государственных учреждениях предлагаются только на украинском языке. Такая дискриминация русского языка только усиливает языковую консолидацию русскоязычного полиэтнического Крыма и стимулирует включённость крымчан в политическое решение этой проблемы. За государственный статус русского языка высказывается абсолютное большинство жителей Автономной Республики Крым. Языковой вопрос стал мощнейшим фактором усиления «островных» тенденций в формировании крымской региональной идентичности.

В современной науке утвердилось понимание, что важнейшими факторами влияния на регионализацию глобальной социосферы являются феномены «культура» и «цивилизация», поэтому в качестве стержня новой регионализации мира всё чаще выдвигаются культурные характеристики, которые менее подвижны и переменчивы, чем идеологические, политические или экономические [11, с. 147]. Любая страна (или регион) представляет собой некую мозаику из климата, ресурсов, политики, а также прошлого, будущего, ориентиров и занятий населяющих её людей. По этому признаку фактически формируются ‘культурные регионы’, границы между которыми намного значимее, нежели те, что проведены политиками. ‘Культурные регионы’ – это области устойчивых человеческих ценностей, таких, формирование которых занимало века и которые не могут меняться с изменением государственных границ [12]. Очевидно, что Крым, как и другие культурно-исторические очаги, является более или менее геостационарным образованием, поскольку «связующим элементом таких территорий становится культура, в целом слабо подчиняющаяся усилиям общественно-политического порядка по её ликвидации или изменению» [11, с. 151].

Крым как полиэтничное и поликонфессиональное пространство на перекрёстке глобальных культурных и цивилизационных потоков сформировался и стабилизировался как очаг русской культуры. Русская культура и русский язык являются мощным стабилизирующим и интегрирующим фактором на полуострове. Как показал опрос 2008 года, 55,5% жителей Крыма относят себя к русской культурной традиции, 14,6% - к советской, которую также ассоциируют с русской. В целом – это 70,1% населения полуострова. К украинской культурной традиции себя относят только 8,6% крымчан, к крымскотатарской – 8,3% жителей полуострова [10].

Попытки молодого украинского государства осуществить ускоренную украинизацию в автономии не дают желаемых результатов, наталкиваются на «глухую оборону» населения, региональную невосприимчивость Крыма к украинскому культурному и языковому влиянию. Как реакция на давление украинских властей русский язык и культура приобретают на полуострове черты мобилизационного фактора, не дающего шансов на успех в деле украинизации крымского региона. Поэтому украинизаторская политика Киева в Крыму, серьёзно не затрагивая языковые и культурные основы крымского общества, влияет

только на социально-политические процессы в автономии, усиливает «островные» тенденции полуострова, отторгающего грубые притязания материка.

Если в 90-е годы 20-го века Крым неоднократно фигурировал в перечне «почти горячих точек», то и сегодня сохраняется представление о нём как о территории потенциального конфликта. Вывод о накоплении в Крыму конфликтогенного потенциала звучит лейтмотивом в отчётах многих центров политических исследований. Так, Украинский центр экономических и политических исследований им. А. Разумкова ещё в 2001 году выделил четыре комплекса нерешённых проблем, каждый из которых может негативно повлиять на политические процессы в Крыму:

1) неурегулированность отношений между центром и автономией;

2) развитие внутриполитической ситуации в АРК;

3) сложная межконфессиональная и межэтническая ситуация на полуострове;

4) внешние факторы воздействия – российский, турецкий, исламский [13, с.94].

Учитывая последние события на Украине, её резкий бросок в объятия НАТО, можно говорить об активизации четвёртого внешнего фактора воздействия – американского. Подтверждением версии о наличии у США неких планов в отношении Крыма является стремление Вашингтона открыть в Симферополе пост американского присутствия. Увеличение дипломатического присутствия в Крыму запрограммировано в украино-американской хартии о стратегическом сотрудничестве, которая была подписана в декабре 2008 года во время визита в США главы украинского МИД Владимира Огрызко. Хартия предусматривает укрепление сотрудничества между странами в вопросах обороны и безопасности, интеграцию Украины в Североатлантический альянс и другие виды сотрудничества. В документе прописаны конкретные шаги, направленные на повышение уровня подготовки украинских Вооруженных сил и увеличение поставок военной техники. Визит посла США Уильяма Тейлора в Крым в январе 2009 года демонстрирует серьёзность намерений Вашингтона в отношении полуострова.

Вопрос о вступлении Украины в НАТО, неоднозначно воспринимаемый на Украине, в Крыму вызывает резко негативную реакцию населения. 61,7 % жителей Крыма высказались против вступления Украины в Северный альянс в ходе опроса, проведённого ещё 2006 году. Несколько отличные показатели отмечены в разных этнических группах Крыма: негативно воспринимали стремление Украины в НАТО 65% русских, 62,3% украинцев и 46% крымских татар. Положительно относились к этой идее 20,2% крымских татар, 10,7% украинцев и 8,3% русских [9, с. 129]. Вступление Украины в НАТО в 2008 году поддержали бы 7,6% крымчан, не поддержали бы – 77,7%. При этом против вступления в НАТО голосовало бы абсолютное большинство русских, подавляющее большинство украинцев и относительное большинство крымских татар [8].

Целый ряд городов Крыма объявил себя территориями без НАТО, хотя украинские суды признали некоторые решения неправомочными. События последнего времени способствуют росту антинатовских настроений в Крыму. Даже в самой аполитичной группе населения – молодёжной среде – процент противников НАТО весьма высок. Так, проведённый в апреле 2008 года среди студентов вузов АРК социологический опрос об отношении к НАТО показал, что НАТО считают агрессивным блоком, призванным защищать интересы правящих элит стран Западной Европы и США, 69 % респондентов. На вопрос «Вы за вступление Украины в НАТО?» отрицательно ответили 76 % опрошенных студентов [14]. Следует учесть, что после агрессии Грузии против Южной Осетии градус негативного накала в отношении НАТО в Крыму существенно повысился.

Конфликтогенность полуостровной жизни пока сдерживается влиянием определённых факторов. Важнейшими факторами, стабилизирующими политическую ситуацию в Крыму, крымский политолог А.Р. Никифоров считает наличие русского языка как родного для подавляющего большинства крымчан, базирование на территории полуострова Черноморского флота и существование крымской автономии [13, с. 96]. По результатам социологического опроса 2008 года 69,9% крымчан убеждены, что срок действия соглашения о базировании российского Черноморского флота в Севастополе необходимо продлить [8].

Мощными факторами, которые подпитывают конфликтогенный потенциал Крыма, являются выраженный этнический эгоизм крымскотатарских лидеров, постоянно требующих политических и социальных привилегий для своей этнической группы, и политика Киева, направленная на политическое заигрывание с крымскими татарами и удовлетворение их постоянно растущих социальных и политических притязаний за счёт игнорирования интересов нетатарского населения Крыма. Одним из наиболее показательных примеров избирательной политики Киева в отношении этносов автономии является Указ Президента Украины № 345/2008 от 14 мая 2008 года. В этом указе он рекомендовал Совету министров Крыма в месячный срок «разработать и утвердить программу выделения гражданам из числа депортированных по национальному признаку и их потомкам… земельных участков для их нужд…» Данный указ В. Ющенко противоречит статье 24 Конституции Украины, гарантирующей равные права и обязанности перед законом всех граждан, отсутствие привилегий по национальному или религиозному признаку.

Конфликтогенность и обособленность крымской жизни определяют и специфику регионального сознания, формируют в качестве защитной реакции такую черту, как отторжение претендентов на крымскую власть, пришедших извне. Выразительной особенностью крымского регионального сознания является автархичность. Этим полуироническим неологизмом крымский учёный В.А. Темненко называет специфическую черту крымской элиты – её склонность к отторжению чужаков из сферы регионального

управления. Крым дал два ярких примера автархичности в разные эпохи крымской автономии: пост руководителя правительства автономии довольно быстро потеряли два чужака – московский экономист Евгений Сабуров и украинский политик Анатолий Матвиенко. Если Сабуров возглавлял крымское правительство в эпоху Президента Крыма Мешкова и представлял почитаемую в Симферополе Москву, то Матвиенко – это «эпоха краткой пост-оранжевой эйфории в Украине», и он был посланцем нелюбимого в Крыму Киева [15, с. 103].

«И эти два столь разных человека были с одинаковой скоростью отторгнуты крымской элитой; их правлению сопутствовал управленческий вакуум, распоряжения их не исполнялись, повисали в пустоте… Чужаки, не встроенные в крымскую элиту, неприемлемы для неё, растворены, переварены и выброше6ны… [15, с. 104]. Темненко подчёркивает, что автархичность является важной деталью крымской полуостровной идентичности, несёт на себе отпечаток чего-то важного в крымской русской ментальности. И отторжение чужаков на вершине крымской власти порождается не только символическим, знаковым значением этой должности – «власти как таковой», но и спецификой островного регионального сознания крымчан [15, с. 104-105]. Полуостровная элита отторгает чужаков, опираясь на укоренившееся мнение жителей Крыма, что пришельцы «ничего не понимают в крымской жизни», на стойкое неприятие крымчанами административного давления Киева.

Являясь формой социального конструирования, идентичность может рассматриваться как одна из форм контроля, а следовательно – как «проявление власти» [16, с. 435], поэтому государство через свои институты всегда пытается влиять на формирование нужной ему идентичности. Идентичности, по мнению Б. Саутгейт, «формируются не только нашим прошлым, нашими историями, но также и нашими представлениями о будущем» [16, с. 437]. Представления о будущем у крымчан резко расходится с теми концепциями будущего Украины, которые предлагает Киев. И этот факт также способствует укреплению «островных» тенденций крымского регионального сознания.

Региональное сообщество обладает достаточно прочной устойчивостью и долгой исторической инерцией в осознании своего единства. Региональная самоидентификация имеет территориальный характер, который определяется особыми региональными интересами, социальным качеством занимаемого пространства и отражён в территориально значимых социокультурных и психологических доминантах. Региональная идентичность отличается своей локальной социальностью и тенденцией к территориальной солидарности [17].

Региональная солидарность – константа крымского сообщества, то насущно необходимое качество, которое способно консолидировать многонациональный Крым в период актуализации этнической и религиозной идентичности крымчан. Солидаристский потенциал крымской автономии основан на особой конфигурации региональных символов группового

единства, на базе русского языка и русской культуры, на общем представлении о будущем Крыма, сформулированном в девизе республики – «Процветание в единстве!».

Ярко выраженная идентичность крымчан с «малой родиной» - Крымом – в сочетании с размыванием или даже отторжением идентичности украинского национального государства усиливает импульсы регионализма, подпитывает культурный сепаратизм и в перспективе может привести к фрагментации государства. Социологические исследования жизни крымского сообщества показывают, что социокультурный разрыв между Крымом, базирующимся на российском традиционализме, и Киевом, стремящимся к западной модернизации, неуклонно растёт. Культурная отчуждённость, а тем более культурная несовместимость способствует переводу существующих противоречий в форму конфликта. Политическое и социокультурное развитие Украины в последние годы демонстрирует отсутствие перспектив общегосударственной украинской идентичности. Государство не может предложить стержневого интегративного украинского проекта, и в стране идёт активный процесс формирования региональной идентичности.

В Крыму также укрепляется положительная региональная идентичность со своим именем, особой версией региональной истории, собственным символическим капиталом. Активное накопление символического потенциала, укрепление крымской региональной идентичности способно обеспечить прорыв в духовном, экономическом и политическом развитии региона, его будущее процветание.

Список литературы

1. Сергей Большаков. Проблемы региональной идентичности в российском политическом пространстве. // Управленческое консультирование, 2003, №1 – Режим доступа http://www.dialogvn.ru/uk/2003/n01/s03-1-06.htm
2. Шендрик А. И. Культура в мире: драма бытия. – М.: Изд-во Московского гуманит. ун-та, 2007.
3. Тен Ю. П. Культурология и межкультурная коммуникация. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.
4. Киселёв С. Н. Политико-географические и геополитические образы Крыма. // Автономная республика Крым в 21 веке: опыт, проблемы, развитие. Материалы научно-практической конференции. – Симферополь: Антиква, 2006.
5. Фадеева Т. М. Крым в сакральном пространстве: История, символы, легенды. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2002.
6. Мальгин А. В., Ефимов С. А. Крымский регионализм. XX век. // Автономная Республика Крым в XXI веке: опыт, проблемы, развитие. Материалы научно-практической конференции. – Симферополь: Антиква, 2006. – С. 40 – 60.
7. Демидов Г. В. О правовом статусе Автономной Республики Крым. // Автономная Республика Крым в XXI веке: опыт, проблемы, развитие. Материалы научно-практической конференции. – Симферополь: Антиква, 2006. – С. 75 – 80.
8. Политический портрет крымчанина глазами социологов. — Режим доступа: http://crimea.unian.net/rus/detail/8160
9. Ефимов С. Общественное мнение крымчан о перспективах развития Украины: некоторые данные социологических исследований. // Международный круглый стол. Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: Сборник материалов. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – С. 125 – 129.
10. Центр Разумкова о Крыме. – Режим доступа: http://razumkov.org.ua/poll.php?poll_id=403
11. Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение: Учебник. – М.: Гардарики, 2003.

12. Гарро Джоэл. Распад США? Безудержная критика российского прогноза. // «The Washington Post», Saturday, January 3, 2009. — Режим доступа: http: //www.inosmi. ru/ translation/246444.html
13. Никифоров А.Р. Крымская автономия: школа региональной политики для Украины. // Автономная Республика Крым в XXI веке: опыт, проблемы, развитие. Материалы научно-практической конференции. – Симферополь: Антиква, 2006. – С. 94 – 101.
14. Молодёжь Крыма о НАТО. // Крымская правда. Общественно- политическая независимая русская газета Украины, 30 апреля 2008.
15. Темненко В. А. Автономная Республика Крым: ценности и зияния. // Автономная Республика Крым в XXI веке: опыт, проблемы, развитие. Материалы научно-практической конференции. – Симферополь: Антиква, 2006. – С. 101 – 116.
16. Шендрик А. И. Культура в мире: драма бытия. – М.: Изд-во Московского гуманит. ун-та, 2007.
17. География власти и необходимые терминологические уточнения. — Режим доступа: http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=459

В.А. Темненко

КРЫМ – ВЫПАВШЕЕ ЗВЕНО КОНФЛИКТНОЙ ДУГИ

Многие авторы упоминают Крым в цепочке мятежных автономий распавшегося Советского Союза: Нагорный Карабах, Южная Осетия, Ичкерия, Абхазия, Крым и Приднестровье. Все эти республики, кроме Крыма, прошли стадию вооруженного конфликта с собственными метрополиями. Некоторые амбициозные политики Крыма приписывают себе заслугу сохранения мира. Другие, более сдержанные, говорят о мистических механизмах, заложенных в сам принцип автономии, которые «не дали и не дают до сих пор возможности развиться межнациональным, этническим конфликтам»[59].

Мирный Крым и сокрушенная десятилетней колониальной войной Ичкерия остались в составе своих метрополий. Четыре остальные автономии превратились в само-провозглашенные, никем не признанные государства. Некоторые российские «политики в штатском» – такие как Константин Затулин – трактовали эту четверку как «параллельное СНГ»[60], расширяющее геополитические возможности Российской Федерации. Никакие проблемы этих автономий не решены; само их существование не гарантировано. Вторжение русских войск в Грузию в августе 2008-го года позволило России признать независимость Абхазии и Южной Осетии и стать гарантом их существования.

Нагорный Карабах приобрел независимость от Азербайджана в 1994 году после шестилетней войны. Стоимость войны и независимости – 20 тысяч убитых и полмиллиона беженцев с обеих сторон; Азербайджан покинули все армяне и курды-йезиды, Армению и Карабах – азербайджанцы и курды-мусульмане[61]. Карабахская армия считается лучшей в СНГ[62]. Однако Азербайджан готов

[59] Слова крымского историка Андрея Мальгина. См.: Наталья Астахова. «Крым – это будущее Украины» – Крым.ru, № 5 (61), 20 января 2006 г.
[60] Иван Шмелев. День независимости Южной Осетии как зеркало незавершенного распада СССР. – http://www.pravda.ru/world/former-ussr/other/52046-osetia-0
[61] Михаил Тульский. В Нагорном Карабах не ждут миротворцев: все готовятся к войне. – http://www.pravda.ru/world/former-ussr/other/74311-karabakh-0
[62] Валерия Новодворская. Кавказ не со мною. – http://grani.ru/opinion/novodvorskaya/p.93637.html

на все для восстановления территориальной целостности, не исключая военный сценарий решения конфликта[63]. Война может начаться в любой момент[64]. Лидеры Азербайджанский националистов допускают в перспективе полное изгнание всех армян Карабаха[65]. Не существует рациональных объяснений тому, что восьмимиллионная страна хочет покорить крошечную горную автономию, в 50 раз уступающую ей по населению; движущей силой является национальная нетерпимость и стремление к мести[66], – но не таким же ли иррациональным двигателем северокавказской бойни является стремление сохранять «территориальную целостность России»? И не это ли стремление порождает ответный популярный, но также иррациональный северокавказский слоган: «Свобода – это когда уйдут русские»?

Независимость Южной Осетии была провозглашена 20 сентября 1990 года в ответ на провозглашение Верховным Советом Грузии независимости страны и упразднения национальных автономий на территории Грузии (Абхазской АССР, Аджарской АССР и Юго-Осетинской АО)[67]. После этого начался вооруженный грузино-осетинский конфликт, который был «заморожен» в 1992 году вводом российских миротворческих сил. Неразрешимость конфликта порождалась чересполосным проживанием грузин и осетин, села которых перемешаны друг с другом. Грузины не хотели отделяться от Грузии, а осетины – быть разделенными с родственниками, проживающими в Северной Осетии, входящей в состав России[68].[69]. Как принято было считать, закоренелой вражды между сторонами конфликта нет (в отличие от карабахской ситуации); есть множество смешанных браков и общая православная церковь – но не существует механизма остановки однажды начавшегося этнического конфликта. Грузины и осетины, говорил Иван Шмелев, «предпочитают общаться с помощью мин-растяжек и обстрелов»[70]. И даже общая религия является препятствием: грузинская патриархия рассматривалась осетинами как «орудие

[63] Азербайджан готов силой разобраться с Карабахом. – http://www.pravda.ru/world/7466/-azerbaijan-0
[64] Война в Карабахе может вспыхнуть с новой силой. – http://www.pravda.ru/world/74167-0
[65] Михаил Тульский, op.cit.
[66] там же
[67] Такая нервная реакция на сам факт принятия отдельных нормативных актов метрополии, – до того, как проявятся какие-то последствия этих актов – характерна и для других постсоветских автономий, например, для Крыма. По свидетельству активных участников процесса создания крымской автономии, первые «автономистские» идеи появились в Крыму после принятия в 1989 году Верховной Радой УССР Закона об украинском языке: еще ничего не произошло, но уже стало страшно. «Мы помнили ужас пятьдесят четвертого года», – с пафосом заметил один из этих «старых революционеров», бывший в 1954 году ребенком. Другой «старый революционер», не бреющий бороду с момента падения Президента Крыма Юрия Мешкова, говорил, что инициаторы процесса вовсе не собирались создавать автономию в составе Украины – речь шла о передаче Крыма в состав России. Но стремительный процесс ослабления центральной власти в позднегорбачевском СССР и не менее стремительное возвращение крымских татар вынудили и «автономистов» и законопослушную крымскую номенклатуру пойти другим путем
[68] Иван Шмелев, op.cit.
[69] Эта же чересполосица делает невозможным сепарацию крымскотатарского и крымскославянского населения в случае возникновения внутрикрымского конфликта
[70] Иван Шмелев, op.cit.

насильственной ассимиляции»[71]. В отличие от грузин, осетины приняли христианскую веру довольно поздно, и, как утверждают специалисты, осетинское христианство имеет сильные языческие компоненты – впрочем, и Чечню шейх Мансур не очень давно по историческим меркам привел в Ислам – огнем и мечом; однако никто не усомнится в мусульманской вере ичкерийцев... В составе Русской православной церкви есть осетинская религиозная единица – Аланское подворье, пользующееся церковной автономией, но осетины не надеялись на такую же автономию в рамках Грузинской православной церкви[72].[73]. Осетинское руководство подозревало Грузию в экспорте «цветной революции».

Мятежная Абхазия, изгнав грузинское население, приобрела в 1993 году независимость, охраняемую российскими миротворцами. Но ни одна власть в Тбилиси не в состоянии смириться с потерей этой территории: тысячи беженцев напоминают об этом[74]. В самой Абхазии количество армян (65 тысяч), превышает численность абхазов (55 тысяч). Этот факт, а также нарастающий контроль армянской общины над бизнесом, вызывают раздражение в абхазской элите. Как полагают грузинские эксперты (но они предвзяты), возможность армяно-абхазского вооруженного конфликта становится все более реальной[75].

В Приднестровье, как уверяют некоторые аналитики, конфликт с самого начала не был межэтническим. Приднестровье на момент распада СССР не имело четко выраженной этноидентичности. «Его массовое сознание и сегодня осталось интернационально-советским», писал в «Главреде» Антон Барсук[76]. Этот автор так описывает социальную структуру восставшего Приднестровья: «сильный и сплоченный директорский корпус ..., имевший хорошие связи в Москве; штаб и склады 14 российской армии (как следствие – большое количество российских офицеров, приехавших в Приднестровье и не желавших уезжать в неизвестность), большое количество военных пенсионеров – людей, обученных воевать, притом еще вполне крепких и бодрых ... Лозунг «назад в СССР» еще долго проглядывал на каждом шагу, ... а о России и любви к ней на первых порах не было и речи»[77].

Эта идиллическая картина «восставшего совка», вероятно, базируется на самоощущениях участников мятежа. Однако все описанное – за исключением, возможно, оружейных складов 14-ой армии – было и в Крыму и в странах Балтии. Но нигде, кроме Приднестровья, солдаты и работники империи – пришлое колонизаторское население, не

---

[71] там же

[72] там же

[73] Верхушечное противостояние Московского и Киевского патриархатов на территории Крыма придает еще одно измерение возможному внутрикрымскому конфликту, однако религиозная компонента в идентичности крымских славян выражена незначительно; массовая религиозность и крымских славян и крымских татар носит ритуальный, «свадебно-погребальный» характер

[74] И США, и Россия рассматривают Грузию как территорию: Грузия за неделю. – http://www.regnum.ru/news/557745/html; с. 10

[75] там же

[76] Антон Барсук. Приднестровье изнутри. – http://glavred.info/archive/2006/01/19/131132.-7.html

[77] там же

имеющее корней и всюду чувствующее себя чужим, – не преобладало над коренным. В Приднестровье эти «воины империи» победили; в Балтии они и сейчас порождают проблемы. По-видимому, именно эта национальная «имперская» идентичность позволяла Приднестровской Молдавской Республике прибегать к посредничеству и России, и Украины в переговорах с Молдовой, несмотря на очевидную нетождественность интересов Украины и Российской Федерации в способах урегулирования этого конфликта[78] [79] [80].

Все изложенное вынуждает искать какие-то специфические корни мирного течения крымского конфликта. По-видимому, можно считать, что эти корни лежат в триарном, трехстороннем характере этого конфликта.

В описанных мятежных автономиях конфликты носят бинарный, двусторонний характер. Два этноса, две несовместимые идентичности, освобожденные от исчезнувшего жесткого имперского надзора и регулирования, с помощью «божьего суда», с оружием в руках определяли соотношение своих сил: как и в античное время, переговоры и соглашения могли только фиксировать решение «божьего суда», но не могли его заменить. В этом присутствует «обратный отсвет» миротворческой роли мировых империй: сглаживая конфликты на своих территориях, они сдвигали процессы «божьего суда» все далее, к своей все расширяющейся периферии. Бесконечные войны несовместимых полисных идентичностей греческих городов, которые описал обвиненный в измене и потерявший воинское занятие афинский офицер Фукидид[81], сменились имперским покоем после поглощения Греции Римом; войны сдвинулись на Север и Восток к Дакии, Палестине и Парфии...

В процессах рождения рассмотренных мятежных автономий было две стороны конфликта; третья сторона или не присутствовала вовсе (Приднестровье, Южная Осетия) или была слаба и просто сметена чужим конфликтом (курды в армяно-азербайджанской войне в Нагорном Карабахе), или энергично приняла участие в боевых действиях на одной стороне конфликта (армянский батальон имени Баграмяна сыграл важную роль в победе абхазов над грузинами осенью 1993 года; «армяне сформировали отряды против Грузии и играли в футбол головами грузин»[82]). Упомянутая выше «имперская» идентичность восставшего Приднестровья при более внимательном рассмотрении, скорей всего, будет близка к русской этноидентичности[83].

---

[78] Игорь Соловей. Российский план урегулирования приднестровского конфликта: перезагрузка. – http://glavred.info/archive/2005/10/21/105859-5.html

[79] Богдан Васневский. Приднестровье в геополитических амбициях Украины. – http://glavred.info/archive/2006/01/10/104429.-3.html

[80] Алена Гетьманчук. План Ющенко «откачали». – http://glavred.info/archive/2005/09/28/131319.-7.html

[81] Фукидид. История / Перев. Т.А. Стратановского. – М.: Ладомир; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 736 с. – (Классики исторической мысли)

[82] И США, и Россия рассматривают Грузию как территорию: Грузия за неделю. – http://www.regnum.ru/news/557745/html; с.8

[83] Справедливости ради отметим, что Россия, несомненно, является третьим, «закадровым» игроком в конфликтах Грузии со своими автономиями. Некоторые русские аналитики вообще полагают, что в Грузии «ненависть к России... гораздо сильнее, чем само желание вернуть территории». – см. Юрий Котенок. Грузия поставила Кремль перед мучительным выбором. – http://www.utro.ru/articles/2006/02/09/520353.shml

Три «больших» крымских этноса составляют 95% населения Автономной Республики Крым (по данным Всеукраинской переписи населения 2001 года, русские составляют 58,5% населения, украинцы – 24,4%, крымские татары – 12,1%)[84]. На стороне русских – численное преимущество и, возможно, как и в Приднестровье, некоторая «имперская» окраска идентичности – внутренняя, нерефлексируемая и непризнаваемая уверенность в правом деле империи и превосходстве русских над «инородцами». Численная слабость крымских украинцев, их неустойчивая ситуативная идентичность уравновешены существованием украинской метрополии за пределами Крыма; малая численность крымских татар уравновешена их историческим отчаянием, сплоченностью и безграничной верой в неотъемлемое право на эту землю. Если бы не это историческое отчаяние, крымских татар неизбежно ждала бы участь турок-месхетинцев, сопоставимых с ними по численности и исторической судьбе. Изгнанные из мест депортации в Центральной Азии, отвергнутые «божьим судом» на родине в Грузии, турки-месхетинцы унижены и рассеяны на неласковой к ним Кубани, малыми группами получая политическое убежище в гостеприимной Северной Америке.

Ни один из этих трёх этносов, участников текущей крымской истории, не может считаться ***тритагонистом*** –третьим актёром, исполняющим, как в античном театре, второстепенные роли.

Нараставший в первой половине 90-х годов конфликт по русско-украинской стороне крымского этнического треугольника – классический конфликт (русской) колонии и (украинской) метрополии в сильнейшей степени демпфировался страхом перед крымскими татарами и невозможностью «просчитать» их поведение в быстроменяющихся условиях возможной вооруженной борьбы. Этот страх не был присущ русской люмпен-элите, приведенной к власти крымскими выборами 1994 года, но профессиональная осторожность связывала инициативу служивых людей в тех московских кабинетах, которые курировали события в Крыму: спецоперации по поставке оружия и денег в Крым, несомненно, были технически возможны, но кто в Москве мог поручиться головой и погонами, что это все не попадет через несколько дней в руки крымских татар? Бунтующие вожди русского Крыма, возможно, имели тактическую поддержку в российских спецслужбах, но, несомненно, не получили политического «прикрытия» в Кремле. Москва имела в это время собственные проблемы в Чечне, не были решены проблемы Черноморского Флота, а часть московской политической элиты была уверена в скором уходе больного президента Ельцина и, ожидая смены фигур в Кремле, не имела склонности к авантюрным действиям с непредсказуемым результатом. Крымские татары самим фактом своего присутствия уничтожили возможность Приднестровского варианта в Крыму: сильная колония – остаток угасшей империи, – против слабой новорожденной метрополии.

[84] http://www.crimeastat.sf.ukrtel.net/perepis.html

Конфликты по русско-татарской стороне крымского этнического треугольника в течение последних 15 лет чаще всего, маскируя подлинную межэтническую форму, имели вид «репатрианты против не понимающей их проблем местной власти». В этих конфликтах местная власть, не имея ни возможностей, ни прав на силовое решение без санкции метрополии, уступала; метрополия же не имела ни желания, ни ресурсов для вмешательства. Конфликты развивались по трехфазной схеме: массовая протестная акция (демонстрация силы) – кулуарные договоренности – частичное удовлетворение требований (или выжидание частичного удовлетворения требований). После некоторой паузы эти три фазы повторялись в другом месте и по другому поводу. Фактически все достигнутое крымскими татарами в Крыму в основе своей имеет эту трехстадийную схему. Как сказал однажды о крымских татарах публицист Тимур Дагджи: «Мы не просто переезжали. Мы ворвались в Крым. Если бы нас не боялись, нам бы не удалось обеспечить десятки тысяч семей землей под строительство домов»[85].

Крымские татары не могут позволить себе пойти на серьезный конфликт по украинско-татарской стороне крымского этнического треугольника по схеме – (крымскотатарская) колония против (украинской) метрополии, имея в тылу русское большинство Крыма, которое неизбежно окажется бенефициантом выгод такого мятежа. Это триарное равновесие само по себе устойчиво, но не вечно: ни одна сторона им не довольна в полной мере; иррациональные компоненты, присутствующие в мотивах любого скоротечного мятежа, рано или поздно нарушат его.

Все это означает, что ***проблемы региональной идентичности и электорального поведения крымчан должны трактоваться в рамках крымской этнической триады: поиски единой «приграничной» идентичности в Крыму были бы поисками пустоты.***

Среди русских политологов Крыма распространено – неполиткорректное и не высказываемое публично – убеждение: в Крыму есть только два больших этноса, русские и крымские татары. «Где Вы видели в Крыму украинцев?» – дружелюбно-пренебрежительно откомментировал один из них трехэтническую модель политического устройства Крыма, предложенную автором этих строк[86], – «Есть только несколько безумных профессоров и доцентов Таврического национального университета, которые говорят от имени несуществующего в Крыму этноса».

Частично это неполиткорректное убеждение подтверждается итогами выборов Президента Украины в 2004 году. За В.Ющенко в Крыму было подано 15,4% голосов. Из них, по (не гарантированной, но достаточно правдоподобной) оценке крымскотатарского лидера Мустафы Джемилева[87] 10,5% составляют голоса крымских татар. То есть без крымских татар «оранжевый» электоральный индекс АРК примерно такой же, как в Донецке и Севастополе – 4–5%. Из этой

[85] Тимур Дагджи. О признании депортации крымскотатарского народа актом геноцида. – Диалог, № 13, 16–23 декабря 2005 г.

[86] Темненко В. Привкус островитости, или Политическая модель для Крыма. – «Полуостров», № 14 (17), 9 мая 2003 года

[87] Доклад председателя Меджлиса крымскотатарского народа Мустафы Джемилева на Четвертой сессии IV Курултая крымскотатарского народа (9.12.2005 г., г. Симферополь) (перевод с крымскотатарского языка) – http://www.kirimtatar.com/Problems/jemilev.html

доли некоторую часть (возможно, не более одного процента) составляют голоса надэтнических вестернизованных интеллектуалов, неспособных проголосовать за дважды судимого кандидата независимо от собственных политических предпочтений. Оставшиеся 3–4% дают оценку потенциала «українства» в Крыму – вопреки номинальным 24 процентам украинцев в этническом составе. Однако за этим «трехпроцентным» потенциалом незримо присутствует метрополия, которая неумолимо размывает айсберг крымской русской имперской идентичности своим «теплым» пространством для карьеры и бизнеса. Различные перебежки, рокировки и союзы крымской элиты в предверии парламентских выборов 2006 года демонстрировали это обстоятельство с безжалостной ясностью. Потенциальный русско-украинский конфликт в крымском этно-треугольнике вряд ли впредь возможен без значительного «разогрева» остывающей «имперской» идентичности извне, с берегов Москва-реки.

Южная Осетия и Абхазия в своё время победили метрополию – Грузию - не потому, что они сильны, но потому, что она была слаба. Грузия и до скоротечной августовской войны 2008-го года не контролировала всю территорию, номинально входящую в ее контуры. Так, даже Католикос-Патриарх Грузии Илия Второй не мог посетить грузинский храм в селе Гумбурдо вблизи Ахалкалаки, поскольку грузинская армия не могла обеспечить Католикосу безопасность в районе Самцхе-Джавахети, заселенном армянскими сепаратистами. «Грузинам стыдно, что на территории Грузии развевается знамя Армении», – с довестфальским пафосом восклицал грузинский комментатор[88].

Способность метрополии-Украины контролировать всю свою территорию вряд ли вызывает сомнения: пограничники Тузлы были готовы открывать огонь на поражение[89]. Эта способность является сдерживающим фактором для любых потенциальных «выплесков» крымских идентичностей. Другой сдерживающий фактор – сам факт существования автономии. Русская и крымскотатарская элиты Крыма по-разному воспринимают содержание и ценности автономизма, но они вряд ли расположены подвергать риску факт их существования и использования.

Но главным хранителем крымского мира является взаимная блокировка трех потенциальных крымских конфликтов: «крымские русские против метрополии», «крымские русские против крымских татар», «крымские татары против метрополии».

Потенциал каждого из этих конфликтов, в свою очередь, разъедается, растворяется гибкой и разветвленной политической системой Украины[90], которая предоставляет возможность самореализации множеству активных людей. Списки лидирующих пятерок кандидатов в депутаты на выборах 2006 года выглядели как «парад хищников» независимо

---

[88] И США, и Россия рассматривают Грузию как территорию: Грузия за неделю. – http://www.regnum.ru/news/557745/html; с.8

[89] слова участника событий Сергея Куницына. – http://crimealine.tik.com.ua/2006/02/0301-p.html

[90] Главным управлением юстиции Министерства юстиции Украины в Автономной Республике Крым в 2006-ом году была зарегистрирована 121 республиканская организация политических партий – http://www.crimea-portal.gov.ua/index.php?v=print&tek=1&art=6582

от этнической принадлежности: множество успешных деловых людей с малыми вкраплениями профессиональных политиков. Участники этого парада предпочитают сейчас использовать механизмы украинской демократии, не апеллируя к дремлющим силам этнических идентичностей, пробуждение которых всегда чревато хаосом и потерей достигнутых индивидуальных статусов.

Факт существования Автономии как политический стабилизатор отмечали и другие авторы, напр., А.Р. Никифоров[91]. Но А.Р. Никифоров добавлял ещё два фактора-стабилизатора: 1) базирование на территории полуострова Черноморского флота; 2) наличие русского языка, «понятного практически всем крымчанам независимо от этнической принадлежности»[92]

Мы склонны считать иностранный военный флот, Черноморский флот Российской Федерации скорее, фактором дестабилизации – как из-за опасности втягивания Украины в военные конфликты России с третьими странами, так и из-за отсутствия ясной российской программы полного вывода этого флота к 2017-му году, когда он должен покинуть свои крымские базы в соответствии с Конституцией Украины.

Украинский язык с каждым годом всё менее отторгается населением Крыма, особенно молодым поколением, изучающим его в большом объёме в школьные годы, и становится, как и русский, «понятным почти всем крымчанам»; русский язык постепенно во многих сферах теряет монопольное положение. Русский язык как политический фактор играет, скорее, дестабилизирующую роль в эпохи любых выборов.

***

Материал этой работы, дополненный полевыми наблюдениями молодого крымского политолога Зейнеб Темненко, лег в основу статьи «Crimea's Three Basic Ethnic Components: A Pledge for Peace», опубликованной Аргентинским центром международных исследований (CAEI)[93].

Принцип взаимной блокировки трех потенциальных конфликтов как объяснение крымской стабильности, несомненно, создает некоторое средство для ретроспективного анализа. Мы не решаемся утверждать, что он обладает достаточно мощной прогностической силой.

А.Г. Шевчук

ОБЗОРНО–АНАЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ТЕКУЩЕЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В ЦИРКУМПОНТИЙСКОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

[91] А.Р.Никифоров. Крымская автономия – школа региональной политики для Украины. –с.94-101 в:Материалы научно-практической конференции «Автономная Республика Крым в XXI веке: опыт, проблемы, развитие» - Симферополь, АнтиквА,2006._-308с.

[92] там же

[93] Z. Temnenko, V. Temnenko. Crimea's Three Basic Ethnic Components: A Pledge for Peace // Working paper № 36 – http://www.caei.com.ar/es/programas/cei/36.pdf

«… ЕС и Россия хотят видеть, прежде всего, стабильным Черноморский регион. Россия и ЕС не являются благотворительными организациями для Украины. У них свои геополитические интересы…» *(Йозеф Бодански, директор Американской ассоциации международных стратегических исследований. Киев, апрель 2009 г.)*

Помимо факторов глобального порядка на политико-правовую и социокультурную ситуацию в Крыму, как «факторы неопределённости», прежде всего, будут влиять направление, течение, характер и динамика процессов углубления интеграции полуострова в украинское геополитическое, экономическое и социокультурное пространство.

Среди внутренних «факторов неопределённости» важнейшими для Крыма будут оставаться вопросы поддержания гражданского согласия и снятия межнациональных противоречий при ускоренном продвижении политики инновационных преобразований с одновременной реализацией практики экологической безопасности, кроме того можно выделить следующие вопросы:

- будут ли преодолены противоречия (в том числе, задекларированные и условно легитимизированные через внутренние референдумы) национально-идеологических установок крымских этнических и конфессиональных элит, делающих невозможными реальные шаги к взаимному доверию и искренним добрососедским отношениям?

- как скоро будет преодолён «синдром недоверия» к Киеву, среди значительной части крымского населения, сформировавшийся в результате контрпродуктивной (в восприятии части крымчан) политики, проводимой предыдущими украинскими государственными администрациями?

- насколько стратегически разумно, быстро и эффективно «новая» крымская управленческая элита использует недавно сложившийся среди крымчан ресурс надежды и доверия для преодоления трудноразрешимых, застарелых проблем полуострова?

Факторы неопределённости для курортно – туристического будущего Крыма во временном лаге 10 -15 лет будут определяться тремя аспектами:

1. Способностью крымской администрации «продавить» совместно со своими сторонниками в Киеве начало осуществления в самые возможно короткие сроки «большой государственной комплексной программы» по созданию на полуострове своей собственной «Крымской Ривьеры».

2. Масштабом, сроками и темпами создания конкурирующего альтернативного проекта на Западном Кавказе осуществление, которого начали Россия в Абхазии и Грузия в Аджарии.

3. Способностью Турции не только удержать, но и расширить контроль над туристическими потоками в своём сегменте Причерноморского пространства.

Удастся ли «новой» крымской администрации, при поддержке киевского руководства, использовать чрезвычайно выгодный географический ресурс полуострова определяемй как

«хаб» (ось колеса) регионального пространства, для включения крымского вектора в общеевропейский стратегический проект создания трансмодальных транспортных коридоров.

Как скоро начнутся широкомасштабные разработки нефтяных и газовых месторождений на крымском шельфе и к каким политическим, экономическим, социальным, экологическим и гуманитарным последствиям это приведёт в среднесрочной и отдалённой перспективах.

Насколько успешно будет преодолена неравновесность в ресурсном потенциале, экономическом развитии и демографическом росте различных районов Крыма, особенно выраженная в его северной и восточной периферии.

Каким образом будет организована и обеспечена круглогодичная занятость населения рекреационно–курортных районов Крыма, а так же реализована политика перенацеливания использования трудовых ресурсов в соответствии с требованиями текущей макроэкономической ситуации и территориально-демографической целесообразности.

«…Нельзя быть одинаково сильным сразу на всех позициях…» *(Наполеон Бонапарт)*

Текущая ситуация в Причерноморском геополитическом пространстве в настоящий период определяется временным снижением геополитического давления и стратегической экспансии со стороны США, ЕС и НАТО, при относительном усилении стратегической позиции России и вновь проявившейся неопределённостью позиции Турции, что обусловлено:

- многочисленными крайне сложными комплексными военно-политическими проблемами, с которыми столкнулись США в Центральной и Юго-Восточной Азии, вынуждающими США идти на вынужденные болезненные внешнеполитические уступки в примат интересов решения своих многочисленных внутренних проблем;

- нерешённостью в условиях мирового финансово-экономического кризиса внутри-европейских противоречий финансово-экономического, демографического, миграционного и институционального характера не позволяющие ЕС на данном этапе перенацелить часть своего ресурса для решительного продвижения в Циркумпонтийское пространство;

- продолжающейся мировой экономической и финансовой нестабильностью, сроки окончания которой остаются крайне неопределёнными;

- благоприятной для России ценовой коньюнктурой в реализации её основного ресурса – углеводородов, позволяющий использовать постоянно растущий финансовый потенциал для комплексного решения проблем и продвижения своей внешнеполитической стратегии;

- неопределённостью позиции Турции, «обиженной» затягиванием её вступления в ЕС и созданием при поддержке США «курдского национально-территориального ядра» на севере Ирака, несущего непосредственную угрозу её государственным интересам и территориальной целостности при одновременном сближении векторов интересов с Ираном в этом вопросе и Россией в вопросе о недопущении денонсации конвенции Монтрё, на чём настаивают США.

В обозримом будущем, общая ситуация в Причерноморье, будет определяться ростом меркантилизма, конфессионального радикализма и национализма с доминированием собственных интересов в отношении борьбы за ресурсы, жизненные, экономические и политические интересы - что поставит под сомнение реализацию здесь неолиберальных коэволюционных моделей организации региона.

«…Если не реорганизовать социальные ожидания в некую справедливую социальную динамику, в высокие темпы экономического роста, то следует ожидать больших социальных потрясений…» *(Закон А. де Токвиля, 1805-1859 г.г.)*

Дополнительные трудности для реализации стратегических целей Крыма в Циркомпонтийском геополитическом пространстве будет усугублять низкий уровень эффективной реализации существующего экономического потенциала, ориентация на замкнутость и самодостаточность локального (местного) производства, тормозящего развитие внутреннего рынка Автономной Республики Крым и ограничивающего экспортную ориентированность региональной экономики, а также растущая конкуренция между черноморскими странами.

Особенности геостратегического статуса Черноморского региона, его определяющая роль в вопросах поддержания стабильности и безопасности, беспрепятственного транзита энергоносителей, обеспечение внешнеэкономических коммуникаций обуславливают, с одной стороны, высокий потенциал регионального развития, а, с другой, - высокие риски, связанные со стремлением наиболее влиятельных государств мира контролировать черноморское пространство.

Все перечисленные факторы формируются и усугубляются на фоне значительной активизации экономического развития стран Черноморского региона, роста их политических и национальных амбиций.

Многочисленные трудности в реализации стратегических задач Крыма создают риски, которые являются производными от геополитических и геоэкономических процессов в Черноморском регионе.

Доминантой экономического развития региона является растущая конкуренция между черноморскими странами.

Санаторно-курортный и туристический, транспортно-логистический и сельско-хозяйственный секторы экономики, признанные ключевыми для Крыма, определены как приоритетные сферы развития во всех странах Черноморского региона.

Социально-экономическое развитие Автономной Республики Крым будет происходить в условиях жесткой конкуренции - за инвестиции, транзитные функции, товарные потоки, рынки сбыта стимулирующие «конфликт интересов» в среднесрочной перспективе.

Нехватка ресурсов и неравномерность экономического развития, национальные амбиции, влияние третьих стран выражаемые через различные формы конфликтов станут

препятствием для черноморских государств в использовании неолиберальных коэволюционных моделей экономического сотрудничества.

«…Тот, кто знает свою географию, тот понимает свою политику…»

(Наполеон Бонапарт)

В среднесрочной перспективе многостороннее внутреннее сотрудничество в регионе будет рассматриваться как вторичное на фоне отношений черноморских стран с Европейским Союзом или Евразийским Таможенным союзом.

Носящая сегодня полугипотетический характер перспектива начала добычи «большой нефти» на шельфе Турции, Абхазии, Крыма и острова Змеиный в случае её реализации, безусловно, обострит и конкретизирует уже существующие в регионе противоречия между акторами первого порядка и изменит позиционирование акторов второго порядка, что приведёт в итоге к оживлению замороженных конфликтов и общему обострению ситуации.

Вполне вероятно, что сложившееся в результате «оранжевых и цветочных» революций ситуативное позиционирование в Причерноморье антироссийского альянса и созданных им различных структур в ближайшей и среднесрочной перспективе подвергнется ревизии, коррекции или модернизации.

Однако, исходя из опыта многолетней традиции англо-саксонской геополитической практики, можно с высокой степенью вероятности предположить, что сегодняшнее ослабление стратегического продвижения и активности Запада в Причерноморье носит краткосрочную перспективу и прерванное стратегическое давление США, ЕС и НАТО на Циркумпонтийское геостратегическое пространство будет возобновлено при ближайшей благоприятной для Запада смене мировой политической и финансово-экономической конъюнктуры.

«…Задача политики – ставить глобальные цели, задача экономики – находить средства для реализации этих целей, а задача общества – следить за тем, чтобы эти проекты не противоречили социальной справедливости…»

(Д. Выдрин. О политике упорно. 2010 г.)

Для унитаристской политики Украины в Крыму продолжают существовать серьезные риски. Следует отметить, что социокультурно Крым все еще находится в русском культурном пространстве, и нет сколько-нибудь значимых предпосылок для его переориентации в сторону глубокой интеграции в украинское социокультурное пространство в среднесрочной перспективе.

С другой стороны, такой же проблемой является и то, что цивилизационно, культурно, исторически, ментально и конфессионально значительная часть крымских татар ориентирована на декларируемую Турцией и поддерживаемую руководством меджлиса идеологию пантуранизма.

Нахождение сначала в составе Российской империи, а затем Советского Союза серьезно ослабили такое «влечение» в турецком направлении, но нынешняя крымскотатарская этническая элита последовательно и целенаправленно, не скрывая своих предпочтений, выстраивает протурецкий вектор своей этнополитической и культурно-конфесиональной ориентации. Последние пять лет лишь усилили указанную тенденцию.

Внутренние социокультурные процессы в среде крымскотатарской этноконфес-сиональной составляющей населения полуострова приобрели в настоящее время выраженные изменения и вновь проявившиеся тенденции:

1. Направления современной внутренней миграции крымских татар приобрели конкретные очертания и локализовались в Симферопольском, Белогорском, Бахчисарайском и Судакском районах.

2. Среди значительной части крымских татар продолжается и усиливается процесс ослабления доверия, и снижения авторитета к руководству меджлиса и его практической деятельности.

3. Оформился процесс появления и локализации новых центров этнического и конфессионального влияния «региональных элит» с выраженными собственными мнениями и интересами.

4. Создание в Крыму (2009 г.) при содействии меджлиса, Альраида и культурного центра казанских татар Киева альтернативного ДУМУ (хабашитское направление, Муфтий мусульман Украины шейх Ахмед Тамим) - ДУМУ «Умма» (суннизм, ханифитский масхаб, Муфтий Сергей Исмаилов). Этот амбициозный проект, целью которого является создание всеукраинского «Совета Улемов», продолжит и усилит процесс внутри мусульманского раскола и фрагментации исламских общин в Украине.

5. Утверждения меджлиса 15-20 летней давности относительно «повышенного демографического воспроизводства» крымских татар по современным оценкам оказались не соответствующими действительности, а постулат о многочисленном зарубежном этническом резерве не подтверждается серьёзными научными данными.

Краеугольным камнем сохранения межнационального согласия и стабильности на полуострове является сохранение исторически сложившегося, нынешнего этно-демографического “status quo”, т.е. приданию внутреннему этногенезу и его современной динамике, в Крыму, характера «естественного процесса» с недопущением использования для его коррекции искусственных этнополитических или конфессиональных конструкций на базе узко корпоративных интересов.

В этом контексте главной опасностью для региона может стать организация массового вброса в Крым извне (например из Киргизии), тюрко-мусульманского этнического компонента не крымскотатарского происхождения, под видом возвращения репатриантов из мест депортации или беженцев очередного межэтнического конфликта в Центральной Азии.

На сегодняшний день со всей очевидностью проявились определенные признаки аккультурации и, как следствие, предпосылки ассимиляции крымских татар с выведением их на иные цивилизационные и культурные стандарты, ведущие в перспективе к обретению ими, вместе со всеми остальными этносами Крыма единой региональной ценностной парадигмы. О чём, собственно, с тревогой говорят и сами крымскотатарские националисты.

Наши оппоненты из меджлиса используют напыщенную риторику искажения в то время, как мы зеркально отражаем их фальшивки, избегая аргументированной лексики правды. Если они идеологизированы и агрессивны, то мы чрезмерно политкорректны и рефлексивны, поэтому нас волнует, почему они нас не любят, вместо того, чтобы жёстко и ясно напомнить им, что Украина – единственная, кто реально помогает им последние 20 лет.

С крымскотатарской ситуацией в АРК сопрягается и активный интерес, проявляемый к данной проблематике со стороны нашего причерноморского соседа и политического партнёра–конкурента Турции.

Утратив свою, в прошлом весьма значительную диаспору в Крыму, Турция строит отношения с крымскими татарами, как со своей диаспорой. Исходя из этого, Анкара не только лоббирует интересы крымских татар, но и учитывает этот этнополитический фактор в проведении своей геополитической стратегии в Причерноморье.

Сопутствующим фактором, усиливающим заинтересованность и влияние Анкары в этнополитических проблемах АРК, является наличие на территории Турции довольно значительных анклавов, потомков старожильческих крымских народов: крымских татар, крымских турок (огузов), ногаев и чингине, численность которых по разным источникам варьируется от 2-х миллионов (по данным меджлиса) до 45 - 65 тысяч (по современным данным европейских исследователей), активно ассимилируемых, но пока ещё самоидентифицирующих себя как крымских татар (а не крымских турок), граждан турецкой республики, у которых, практически утрачен реальный интерес к репатриации в Крым.

Что касается причин проявления среди значительной части населения Крыма «русского сепаратизма», то из длинного списка его исторических, цивилизационных, ментальных, социокультурных и политикоправовых причин можно выделить следующие:

- Наиболее провоцирующей и болезненной причиной, формирующей фрустрацию и протестный потенциал среди большей части населения АРК, являлась бессистемно проводимая здесь политика ускоренной украинизации и прежде всего её языковая составляющая.

- Отсутствие у представителей различных этнических общин уверенности в том, что государство обеспечит именно их безопасность, неприкосновенность и интересы в случае возникновения гражданской нестабильности в Крыму, идея которой постоянно муссируется в СМИ.

- Дискредитация авторитета института государственной власти на фоне «непривлекательных моделей публичного поведения и риторики» в лице высших представителей бывшей «оранжевой администрации» в сравнении с привлекательными для крымчан моделями поведения власти, среди ряда соседних стран ЕС и СНГ **(**Белоруссия, Россия, Казахстан).

Заключение

Люди, не испытывающие доверия друг к другу, станут взаимодействовать лишь в рамках системы формальных правил и предложений, которые нужно вырабатывать, согласовывать, отстаивать в судах, а затем обеспечивать их соблюдение, в том числе и с помощью мер принуждения. Все это приводит к «трансакционным издержкам».

Иначе говоря, преобладание недоверия в обществе равносильно введению дополнительного налога на все формы экономической деятельности, от которой избавлены общества с высоким уровнем доверия…

Поэтому парадигмой определяющей стратегию позитивных изменений для крымского регионального сообщества, в обозримом будущем должен стать девиз: **«Создавать не новые проблемы, а новые возможности, не новые конфликты, а новые союзы, не новые противоречия, а новые общие гуманитарные и материальные ценности».**

Список литературы

1. Будущий стратегический контекст для обороны. Аналитический доклад Министерства обороны Великобритании. www.redstar.ru/2007/04/25 04/2 03.html
2. Владимир Дергачев. Геополитическая трансформация Украины. – Журнал «Вестник аналитики», 2006, № 2.
3. Владимир Дергачев. Геополитическая трансформация Крыма. – Журнал «Вестник аналитики», 2008, № 3.
4. Владимир Дергачев. Роковые рубежи Европы. - Журнал «Вестник аналитики», 2009, № 1.
5. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Черноморский узел. – М., Международные отношения, 2007.
6. Карта будущего. Доклад Национального совета по разведке США «Проект 2020». М., Фонд «Единство во имя России»,2005.
7. Ральф Петерс. «Кровавые границы»: Карта «Нового Ближнего Востока» - до и после.- Armed Forces Journal.www.regnum.ru/news/776025/html.
8. Стратегия экономического и социального развития Автономной Республики Крым на 2011-2020 годы.
9. http://www.ark.gov.ua/blog/2011/04/02/strategiya-razvitiya-ark-obsuzhdaem-vmeste/
10. Фингер Ч. Т. Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: Меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М., Издательство «Европа», 2009.
11. Форум «Стратегия 2020». Секция «Наша демократия» Форума «Стратегия 2020». – 2 июня 2008 г. М., ГУМ.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КРЫМУ РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ОБЩЕУКРАИНСКИЙ КОНТЕКСТЫ

Т.В. Вакулова

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КРЫМУ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИСКУРС

Актуальность изучения этнополитических процессов в Крыму в контексте цивилизационной теории усиливается, на наш взгляд, в связи с затянувшимся политическим кризисом и конфликтами, происходящими в Украине. Ссылки на данную политическую актуализацию звучат во многих научных работах не только крымских и украинских исследователей, но и российских ученых: В.Абдураимова, В.Венгерской, О.Габриеляна, В.Григорьянца, Н.Кирюшко, В.Лобаса, А. Мальгина, Э.Муратовой, А. Никифорова, А.Потапенкова, Т.Сенюшкиной, А.Филатова, Е.Борисенок, А.Майорова, А.Миллер, Т.Опариной, С.Пашина, В. Черноус и др.

Крым - уникальный полиэтнический регион Украины. По своим географическим характеристикам он находится на «перекрёстке цивилизаций»: православно-славянской и исламской. На территории крымского полуострова всегда сосуществовали этносы, принадлежащие к различным культурно-цивилизационным моделям развития. Находясь в зоне геополитических интересов различных цивилизаций, крымский регион становится территорией взаимодействия политических и экономических интересов различных государств, представляющих разные цивилизации: США, России, Турции. В зависимости от стабильности ситуации в Черноморском регионе в целом, можно говорить о стабильности в Крыму. «Наряду с этим, пульсация этнополитической жизни на полуострове во многом определяется теми процессами, которые происходят внутри местного сообщества. Опыт последних лет показывает, что разрешение или, наоборот, обострение возникающих сложных ситуаций зависит от позиции сообщества в целом. Как справедливо отмечает Т.Сенюшкина «Современные проблемы в сфере межэтнических отношений в Крыму во многом определяет прошлое. Разные этнические группы, проживающие на полуострове, по-разному интерпретируют одни и те же исторические события. К примеру, крымские татары претендуют на звание коренного народа и отстаивают право на самоопределение. Этнические греки считают, что первенство расселения на полуострове принадлежит им, и это действительно подтверждается историческими фактами. В свою очередь, русские, которых на полуострове большинство, утверждают, что основной экономический и культурный потенциал сформировался на полуострове во время существования российского, а затем и советского Крыма». Особый пласт в этнической истории Крыма представляет депортация народов,

осуществленная во время Второй мировой войны. В этом явлении – корни основных проблем, порождающих современные проявления межэтнической напряженности [9].

Крым является автономией, на территории которой, проживают не похожие друг на друга в прошлом и настоящем, по историко-цивилизационным и государственно-политическим параметрам этнические образования. В чем выражаются эти отличия с позиций цивилизационной теории, наука должна была дать, но не дала своевременные и исчерпывающие ответы. Необходимость в них за давностью между тем вовсе не отпала, а, напротив, существенно возросла после произошедшего распада СССР. До сих пор последствия этого распада порождают конфликты между этносами, которые живут в рамках одного государства.

Цивилизационной особенностью Крымского полуострова является тот факт, что Крым представляет цивилизационно разнообразную территорию. В Крыму представлены различные культурно - цивилизационные модели развития: сохраняются особенности европейской цивилизации, особое место занимает православно - славянская цивилизации, быстрыми темпами возрождается модель исламской цивилизации. Цивилизационное или культурно-историческое районирование по мнению А. Никифорова [7], практически идентично географии электоральных предпочтений.

Этнополитические процессы в Крыму имеют несколько особенностей. Во-первых, в Крыму быстрыми темпами происходит возрождение культурно-цивилизационных основ исламской цивилизации, этнокультурной самобытности крымскотатарского этноса. Исследователь данной проблемы Э. Муратова отмечает: «В течение последнего десятилетия Украина была охвачена процессом бурного возрождения религии. Этот процесс сопровождался резким всплеском религиозною самосознания, быстрым количественным ростом и консолидацией религиозных общин, возвращением и строительством культовых учреждений, развитием религиозного образования, формированием значительной социальной прослойки духовенства, установлением связей с представителями зарубежных религиозных центров и т.д. Особое место в конфессиональной жизни занял возрождающийся в Украине ислам. Наличие ислама в современной Украине - это свершившийся факт. Сегодня ислам является неотъемлемой составной частью религиозной жизни общества и одной из наиболее развивающихся религий в стране. Одновременно необходимо отметить, что численность мусульман в Украине стала объектом определенных манипуляций, связанных со стремлением отдельных лиц преувеличить истинное число последователей ислама в стране [6]. Приводятся различные данные, согласно которым число мусульман в Украине колеблется от 1 до 2 млн. человек. Абстрагируясь от предположительных подсчетов и взяв за основу данные переписи населения 2001 года, можно с уверенностью утверждать, что в Украине проживает 436 тыс. мусульман по происхождению. Наиболее крупными этническими группами, исповедующими ислам, являются крымские татары (248193 чел.), татары (73304 чел.), азербайджанцы

(45176 чел.), узбеки (12353 чел.) и турки (8844 чел.). За последние полтора десятка лет ислам в Украине существенно институционализировался. К 2003 году в стране функционировало уже 452 мусульманские общины, 6 учебных заведений, в том числе 2 университета, в которых обучалось около 300 исламских священнослужителей [3]. Укрепили свои позиции духовные центры мусульман - ДУ МК (Духовное управление мусульман Крыма). ДУМУ (Духовное управление мусульман Украины) и ДЦМУ (Духовный центр мусульман Украины). Наметились тенденции создания новых духовных центров и организаций мусульман. Обнаружились характерные моменты политизации ислама. Мусульмане страны проявляют все более активное стремление участвовать в политической жизни государства, что выразилось в процессах, связанных с деятельностью Партии мусульман Украины [6].

Во вторых: характерной чертой, этнополитических процессов в Крыму, является сложная цивилизационная самоидентификация населения, в которой просматривается влияние региональных субэтнических идентификаций. Население различных регионов идентифицирует себя с локальными территориально-этническими группами. Такой регионализм сопряжен не только с этнической разнородностью, но и с политическими предпочтениями, а также цивилизационными различиями. Крым самый полиэтничный регион Украины, здесь проживает свыше 80 этнических групп. Более 60% населения составляют русские, по своему официальному статусу являющиеся национальным меньшинством. Около четверти населения относится к этническим украинцам. Особую группу местного сообщества составляют народы, возвратившиеся из депортации: крымские татары, армяне, греки, немцы и болгары.

В-третьих: наблюдается рост этнической самоидентификации, которая приводит к проблеме возрождения этнокультурной самобытности, поэтому остро стоит проблема русского языка или двуязычия на Украине. Украинская Конституция 1996 года государственным языком называет украинский язык. Преподавание в государственных школах и ВУЗах ведется на украинском и русском языках. В Крыму и особенно в Севастополе представители русскоязычного населения отстаивают свои права на русский язык, требуют принять закон о втором государственном языке.

В-четвертых: крымскому населению помимо языковых присущи еще и конфессиональные различия. По данным на 2002 год [13] в Крыму функционировали 972 религиозных организации, в том числе 947 религиозных общин 48 конфессий и различных течений. Без регистрации уставов действуют 58 религиозных общин. Наблюдается резкое увеличение числа религиозных организаций. По сравнению с 2000 годом, их количество возросло на 84 (9,5%), или в сравнении с 1991 годом религиозная сеть полуострова увеличилась в 14 раз [13]. Крымский исследователь В.Е.Григорьянц отмечает, что Крым – наиболее мозаичный в конфессиональном отношении регион Украины. За последние десять лет ежегодный рост религиозной сети составлял в среднем от 60 до 100 религиозных организаций. По данным

Комитета по делам религий при СМ АРК на 1 января 2001 г., в Крыму было отмечено 47 конфессий, течений и направлений, в рамках которых действовало 888 религиозных организаций, в том числе 865 религиозных общин По сравнению с 1989 г. число религиозных организаций увеличилось в 20 раз, конфессиональная разнородность – в 4 раза [2]. Доминирующее положение в Крыму занимают православие и ислам, объединяющие соответственно 43 и 30 % всех религиозных организаций. В православной среде практически монопольным влиянием пользуется УПЦ МП, объединяющая 333 религиозных общины. Влияние УПЦ КП пока незначительно и опирается на деятельность 14 религиозных общин. УАПЦ имеет в Крыму всего 2 общины и сколько-нибудь заметным влиянием не пользуется. С момента регистрации уставов ни в одной общине УАПЦ нет ни одного священнослужителя. Число мусульманских общин к 2000 г. составило 263, из них 249 в составе Духовного управления мусульман Крыма (ДУМК), 12 – автономных и 2 – в составе Духовного Управления мусульман Украины (ДУМУ). 5,7 % религиозных организаций представлено общинами ЕХБ и около 5 % составляют общины харизматов и полного Евангелия [2].

В – пятых: важная особенность межэтнических процессов в Крыму - противоречия по поводу экономического и политического статуса Крыма. Лидеры крымскотатарского населения выступают с требованиями создания крымскотатарской автономии в Крыму. В работе «Этнополитическая проблема в Крыму: республика Крым или исламское государство» [8], авторы Евгений Попов и Вадим Мордашов подчеркивают: «Анализируя ситуацию в среде татар, проживающих в Крыму, а также те вопросы, которые пытаются лоббировать крымскотатарские лидеры, необходимо иметь ввиду, что их важнейшей стратегической целью является создание в Крыму татарской этнической автономии. Необходимость решения данной задачи сформулирована в «Декларации о национальном суверенитете крымских татар», принятой на 2-м Курултае 26-30 июня 1991 года. «...Крым является национальной территорией крымскотатарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение», «политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымскотатарского народа возможно только в его суверенном государстве», «В случае противодействия государственных органов или каких-либо сторон достижению целей, провозглашенных Курултаем и настоящей Декларацией, - говорится в документе, - Курултай поручает Меджлису добиваться признания за крымскотатарским народом статуса народа, ведущего борьбу за свое национальное освобождение и действовать согласно этому статусу». Стремление крымскотатарского руководства к достижению данной цели вызывает обоснованную тревогу у представителей других этносов проживающих в Крыму, и явно не способствует формированию на полуострове благоприятных межнациональных отношений [8]. Кроме того, специалисты, изучающие этнополитическую ситуацию в Крыму, высказывают предположение, что национальная автономия крымских татар - это только первый шаг, своего

рода «программа минимум» на пути к более существенной цели созданию собственного этнократического исламского государства. В пользу данной версии свидетельствует целый ряд фактов. Прежде всего, обращает на себя внимание настойчивая и целенаправленная работа крымскотатарских лидеров по созданию параллельной системы власти на полуострове [8]. О планах руководителей «Меджлиса» свидетельствует активное лоббирование ими на государственном уровне принятия ряда Законов Украины («О статусе крымскотатарского народа», «О реабилитации и обеспечении прав лиц из числа национальных меньшинств, которые подверглись репрессиям и были депортированы с территории Украины», Концепция государственной этнонациональной политики Украины). Анализ указанных законопроектов показывает, что их принятие будет способствовать не интеграции крымских татар в гражданское общество Крыма и Украины, а напротив, их обособлению через получение неоправданных привилегий и преимуществ перед другими этническими группами полуострова», - считают Е. Попов и В.Мордашов.

Следует учитывать важное влияние европейской цивилизации на этнополитические процессы происходящие в Крыму. США как ядро европейской цивилизации, по мнению исследователя А. Дугина «планомерно движутся к закреплению мирового господства. Это официальный проект внешней политики неоконсерваторов. Причем делается это не прямо, но чужими руками. Сценарий на всем постсоветском пространстве один и тот же: проамериканские силы с опорой на национализм свергают колеблющиеся режимы, тяготеющие к Москве или к диалогу с ней, и инициируют нестабильность по периферии России - особенно там, где ситуация благоприятствует конфликту. Окончательный вывод стран СНГ из-под влияния Москвы и начало дезинтеграции самой России - это стратегический план США на 2005 - 2010 годы. Ситуация на Украине, Кавказе, и особенно в Грузии и Южной Осетии, является прямым следствием планов по укреплению американской гегемонии. Этот план открыт и носит название «Project for New American Century» («Проект для нового американского века»). «Оранжевая революция» в Украине и «Революция роз» в Тбилиси - важная часть плана [11].

Крым в данной ситуации можно назвать территорией, на которой разыгрывается план по реализации внешней политики США, где этнополитическая ситуация используется различными политическими силами для разжигания конфликтов. Например, газета «Крымская Правда» от 26 декабря 2008 года публикует статью Юлии Вербицкой «Дипинтервенция». Автор сообщает, что 19 декабря 2008 года в Вашингтоне министр иностранных дел Владимир Огрызко и госсекретарь США Кондолиза Райс подписали Хартию о стратегическом партнерстве двух стран. Документ в частности предусматривает открытие в Крыму дипломатического представительства Соединённых Штатов. Аналитики предрекают, что американская дипинтервенция может иметь непредсказуемые последствия не только для автономии, но и для всего черноморского региона. Очевидно стремление США усилить свои позиции в Крыму.

Комментируя ситуацию для американских СМИ, представители администрации Белого дома не скрывают, что главная цель присутствия Соединённых Штатов в Крыму - снизить влияние России на полуострове. Как заявил заместитель помощника госсекретаря США Дэвид Меркел, подписание Хартии даёт России определённый сигнал. По мнению политолога, руководителя Киевского центра политических исследований и конфликтологии Михаила Погребинского, этот сигнал означает: «Мы декларируем своё присутствие даже в антиамериканской среде». Другими словами, американцы попытаются в ближайшее время переломить ситуацию в автономии и изменить общественное мнение в свою пользу. Они пытались делать это и раньше, но без особого рвения. По сути, американская интервенция на полуострове, осуществляемая Вашингтоном в мягких и жёстких формах, продолжается с начала девяностых, в том числе при помощи, так называемой технологии «soft power» - «мягкой силы», когда акцент делается на гуманитарную и информационную сферы. Примером могут служить программы небезызвестного Фонда Сороса и гранты, выделяемые посольством США на Украине [4].

В 40-вом выпуске журнала «Южнорусское обозрение» посвященного теме: «Юг России и Украина в геополитическом контексте», как указано в аннотации сборника, рассматриваются проблемы русско-украинских отношений в экономической и социально-политической областях, их влияние на трансформацию геополитической ситуации в Черноморско-Каспийском регионе, причем особое внимание уделено «безопасности и развитию этнополитических процессов в Крыму» [11]. Актуальность обращения к проблематике, нашедшей свое место в «Южнорусском обозрении», ответственный редактор выпуска, В. Черноус объясняет, прежде всего, новейшими политическими факторами: политика нынешних властей Украины по втягиванию страны в НАТО, зондаж американцами на размещение в Украине элементов ПРО, провокации против Черноморского флота, дискриминация русскоязычного населения, эксплуатация русофобии, переписывание истории и др. В.Черноус отмечает: «Юг России, Восточная Украина и Крым геополитически, цивилизиционно, культурно-исторически прорастают друг в друга. Единое сакральное, геополитическое, геоэкономическое пространство было расчленено позднее-коммунистическими политическими маргиналами между двумя постсоветскими государствами - Россией и Украиной» исследователь делает вывод, что в современных условиях в основу процесса «конструирования новых идентичностей украинской и российской политических наций был положен не модус нераздельной исторической судьбы и социокультурной общности, а гиперболизация естественных второстепенных различий в языке и менталитете» [11].

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что политические процессы в Крыму, как и в большинстве регионов постсоциалитических стран, связаны с процессами реформирования всех сфер общества - экономики, политики, права, социальной жизни. Все это порождает трудности и противоречия в управлении полиэтническим сообществом. Сложность этой

проблемы сопровождается цивилизационными различиями, которые не всегда учитываются при решении этнополитических проблем.

Список литературы

1. Григорьянц В. К вопросу о государственно - конфессиональных отношениях в Украине и АРК. – Симферополь, 2003. – С. – 4 – 30.
2. Григорьянц В. О некоторых вопросах государственно-церковных отношений в Украине и АРК // http://www.niss.gov.ua/crimea/files/cerkov.htm
3. Исламская идентичность в Украине / А.В. Богомолов, С.И. Данилов, И.Н. Семиволос, Г.М. Яворская / Пер. с укр. Изд. 2-е, доп. – К.: ИД «Стилос», 2006.- 200с.
4. Вербицкая Ю. Дипинтервенция // Крымская Правда. 2008. 26 декабря. №23 (24582)
5. Мальгин А. Украина: Соборность и регионализм – Симферополь: СОНАТ, 2005. – 280с.
6. Муратова Э.С. Ислам инациональные интересы Украины // Национальные интересы Украины. / Под ред. д.ф.н. проф. О.А.Габриэляна - Симферополь. ООО «Энергия Дельта». 2007. – С.174 - 175.
7. Никифоров А.Нас гонят в некое одичание или что такое «ментальная война» и «территория сопротивления» // http://www.russkie.org/index.php?module=whatwritten&id=294
8. Попов Е., Мордашов. В. Этнополитическая проблема в Крыму: республика Крым или исламское государство // http://www.whiteworld.ru/rubriki/000109/01112901.htm
9. Сенюшкина Т.А. Управление местными сообществами в Крыму // http://eawarn.ru/pub/EthnoCensus/WebHomeMultiEthnic/CrimeaRus_1.htm
10. Украина: религиозно – цивилизационная составляющая политических конфликтов // http://www.risu.org.ua/ukr/religion.and.society/other_art/article;6618/
11. Юсуфова Н. Нелегкий выбор между патриотизмом и правдой истории // http://www.ua.rian.ru/analytics/20080416/77918509.html
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. - № 1. – С. 33-48
13. Как избежать конфликтов? Правовой аспект межконфессиональных отношений в Крымской автономии // http://www.day.kiev.ua/58832/

Е.Н. Велешко

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КРЫМСКОТАТАРСКИХ РЕПАТРИАНТОВ КАК ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Как показывает обзор литературы, применение достижений виктимологии (от лат. victima – «жертва» и греч. logos – учение) к анализу этнополитической ситуации в Крыму остается практически неизученной сферой этнополитологического знания. В решающей степени это обусловлено общей немногочисленностью исследований массовой виктимности. Впервые они были предприняты в Хиросиме и Нагасаки в Японии по отношению к жителям этих городов, ставшим жертвами атомных бомбардировок. В современной российской научной криминологической литературе встречаются лишь отдельные идеи, касающиеся виктимогенности тоталитарных политических режимов, применявших массовый криминальный политический организованный произвол как в отношении отдельных граждан и членов их семей, так и целых социальных групп и даже народов. Но крупных исследований в этом направлении пока не проводилось. Идея российского криминолога П.Кабанова о формировании нового научного направления – политической виктимологии – пока еще не нашла своего

отечественного исследователя [1, 2]. В Украине явления массовой виктимности также являются малоисследованными. В политологии эта тема затрагивается в работах Т.Сенюшкиной [3, 4].

Учитывая многоэтничный характер крымского социума, а также периодические обострения межэтнической напряженности в данном регионе, представляется целесообразным всестороннее изучение виктимных факторов, влияющих на характер политического поведения этнических групп, подвергшихся депортации. В первую очередь, это касается крымских татар, так как на уровне коллективного сознания этой этнической группы наиболее явно можно проследить проявления виктимности. Целью статьи является рассмотрение влияния виктимных факторов на политическое поведение крымскотатарских репатриантов.

Насильственная депортация крымских татар, болгар, армян, греков, немцев и других народов в 1944 году с крымского полуострова явилась для них сильнейшим стрессом. Помимо физических страданий депортация привела к негативным психологическим и социальным последствиям, наложила отпечаток на мировосприятие и психологию народов. На виктимологический аспект межэтнических отношений в Крыму указывает Т.Сенюшкина: "…можно утверждать, что применение положений виктимологии к анализу межэтнических отношений позволит глубже осмыслить специфику этнонациональной конфликтности, при которой один из субъектов отношений был подвергнут насилию и продолжает оставаться в своем собственном восприятии жертвой" [3, с. 110-111]. Анализ коллективного поведения и национального самосознания представителей крымскотатарского этноса подтверждает наличие виктимных проявлений в этой сфере на уровне коллективного сознания этой этнической группы.

Политическое поведение представляет собой особую деятельность по координации потребностей и интересов в локальных границах или в рамках целого общества, по формированию и выражению своих интересов и их политической демонстрации, по усвоению норм и ценностей политической системы (политической социализации), по пассивному или активному политическому участию. Политическое поведение определяется как совокупность действий, поступков, акций субъекта политики. Субъектом политики могут являться как индивиды, так и группы, массы или организации. Термин "политическое поведение" характерен для бихевиористического (поведенческого) подхода [5]. Ч.Мерриам одним из первых обосновал необходимость рассмотрения политического поведения как центрального предмета политической науки, предложил выявлять специфические черты политического поведения индивида, социальных групп, а также массовых феноменов эмпирическим путем. Фундаментальные теоретические исследования в области политической психологии начались в США в 60-е годы XX века под влиянием находящегося на пике популярности бихевиоризма. В это же время, политическая психология обрела свой статус науки и стала популярной. Современная политическая психология исследует механизмы политической социализации индивидов; связь политического сознания с

политическими действиями; механизмы власти и влияния на нее; механизмы политического лидерства и связь конкретной политики с политической культурой общества в целом.

Сегодня исследований в области политической психологии становится все больше и в постсоветском академическом простанстве. В России в русле политической психологии работают Г.Ашин, Е.Вятр, Г.Дилигенский, Д.Ольшанский, С.Рощин, Е.Шестопал и др. В работах этих авторов исследованы место и роль политической психологии в системе наук, социологические аспекты политических отношений, современные теории политических элит, электоральное поведение, роль личности в политике, проблемы национальной психологи и др.

В поле зрения украинских исследователей в области политической психологии попали такие проблемы, как электоральное поведение и политические технологии, которые используются в предвыборных кампаниях; проблемы формирования коалиций и коалиционное поведение; проблемы отношения власти и политических партий; украинские политические элиты; проблемы лоббизма и его роли в современном политическом поведении; вопросы политической коммуникации; гендерные, этноконфессиональные аспекты становления украинской политической элиты. Наибольшее количество работ посвящено электоральному поведению, национальным особенностям элитогенеза в Украине, политической коммуникации. Проблематику политической психологии, политического поведения в Украине исследуют А.Бардин, О.Баришполец, С.Барматова, В.Воронкова, В.Бебик, М.Гретченко, Т.Гретченко, А.Дергачев, С.Жовниренко, М.Исаевский, В.Карасев, А.Кислый, А.Кислая, К.Коростелина, Н.Михальченко, В.Мулява,А.Пахарев и др.

На основе анализа работ названных выше авторов можно утверждать, что поведенческий подход к рассмотрению политического поведения эволюционировал от упрощенного рассмотрения политического поведения исключительно как электорального до рассмотрения политического поведения как свойства, присущего не только отдельным индивидам, но и различным социальным группам (так называемые коллективные и групповые формы политического поведения), большим неструктурированным массам людей ("стихийное поведение" масс, толпы).

Группа может выступать в качестве особого субъекта политического поведения, имеющего групповые цели и мотивы. В групповом, а в еще большей степени, в массовом политическом поведении наблюдаются такие феномены, как подражание, заражение, сопереживание, подчинение индивидуального политического поведения групповым нормам и ценностям, ролевым стереотипам. Особого внимания заслуживает радикализм как форма политического поведения. Как указывает Л. Климанская, "радикализм – это, прежде всего, специфическое распределение политических ценностей, которые являются неотъемлемыми чертами политической культуры субъекта. Две пары ценностей определяют лицо политической культуры: во-первых, ценности порядка и развития, во-вторых, ценности равенства и свободы. Оптимальным для политической

культуры является равномерное распределение предпочтений общества между этими ценностями…В радикальной политической культуре перевес определенного типа политических ценностей является абсолютным, он не просто доминирует, а, по сути, вытесняет остальные" [6, с. 39]. Л. Климанская считает, что Украина унаследовала от СССР перевес ценностей развития и равенства над ценностями порядка и свободы. Радикальное поведение объединяет явления политического протеста, связанные с негативной реакцией субъектов политики на сложившиеся реалии. Важную роль в возникновении политического протеста играет феномен депривации: разница между ожиданиями и реальностью приводит к усилению состояния неудовлетворенности, ущемленности, агрессии, страха, недоверия к существующим политическим институтам. Ожидания имеют тенденцию линейного роста, а вот степень удовлетворения ожиданий – нелинейного. На определенном этапе эта величина расхождений становится критически большой, что приводит к фрустрациям и становится мотивирующим фактором включенности субъекта в те или иные протестные действия. Проблема влияния виктимных факторов на политическое поведение крымскотатарских репатриантов в Крыму сегодня вызывает особый исследовательский интерес по нескольким причинам:

1. В такой формулировке она ставится нами впервые, что позволяет определить ее место в реальности и в системе научного знания и очертить круг возможных аспектов этой проблемы, а также наметить пути их дальнейшего изучения.

2. Виктимологические исследования политического поведения этнических групп, по отношению к которым наблюдаются проявления массовой виктимности, пока еще весьма малочисленны, но, безусловно, необходимы и актуальны.

3. На политическое поведение депортированных народов в Крыму, их политические требования, позиционирование политической элиты виктимные факторы оказывают как непосредственное, так и опосредованное влияние.

Рассматривая виктимность как совокупность объективных и субъективных условий, которые приводят к появлению поведения жертвы, мы считаем, что депортированным этносам (чеченцам, калмыкам, немцам, болгарам, грекам, крымским татарам и т.д.), обладающим высокой степенью интеграции и консолидации, было присуще явление интегративной виктимности. Интегративная жертва характеризуется следующими признаками:

- все лица, составляющие общность, должны обладать хотя бы одним общим для них качеством, обусловливающим виктимную предрасположенность (например, при геноциде это национальность);
- общность в целом должна обладать интегративной виктимностью;
- внутренняя структура общности, ее ролевые составляющие должны быть такими, при которых виктимизация общности невозможна иначе как причинением непосредственного вреда большинству или всем ее членам [7, с. 36].

Последствиями виктимизации некоторых этносов явились депортации их с родных мест в 1941, 1943 и 1944 году: «Наиболее яркий пример - так называемые «наказанные народы», причем наказанием, собственно говоря, и являлась депортация. Представителей этих народов выселяли целиком и не только с их исторической родины, но и изо всех других районов и городов, а также демобилизовывали из армии, так что фактически такими этнодепортациями была охвачена вся страна». Вместе с родиной у «наказанного народа» отбиралась, если она была, национальная автономия» [8, с. 46].

Факт депортации является основанием для возникновения комплекса жертвы на уровне колективного сознания у представителей депортированных народов. В то же время, наличие комплекса жертвы позволяет представителям крымскотатарской политической элиты сконструировать способ лоббирования своих интересов на уровне политических притязаний. Виктимность становится ресурсом, который используют национальные элиты в политической борьбе.

Влияние виктимных факторов прослеживается сегодня в социально-экономической, политико-правовой и культурной сфере жизнедеятельности крымского сообщества. Это влияние в социально-экономической сфере проявляется в борьбе за ресурсы (земельные, финансовые, экономические, властные и др.), диспропорциях в уровне жизни различных этнических групп, проблемах занятости населения из числа депортированных, нерешенности проблемы компенсации за ущерб, причиненный депортацией и т.д.

В политико-правовой сфере влияние виктимных факторов прослеживается в выдвигаемых крымскотатарскими репатриантами политических требованиях в области определения статуса крымскотатарского народа как коренного народа, обеспечения его представительства в органах власти различных уровней; предоставления статуса государственного крымскотатарскому языку и развития национального образования; в определении статуса Курултая и меджлиса крымскотатарского народа; в борьбе политических элит внутри крымскотатарского национального движения, в манипулировании этническими различиями; в попытках влиять на электоральные предпочтения представителей крымскотатарского народа и др.

В культурной сфере влияние виктимных факторов прослеживается в слабом обеспечении удовлетворения уровня культурных, образовательных, информационных предпочтений различных этнических групп, в спорах относительно культурно-исторических объектов, в межконфессиональных проблемах, в политизации религии и попытках привлечения ее национальными элитами как инструмента для достижения политических целей, в недостаточном внимании со стороны государства к сохранению национальных культур, исторических памятников, в заангажированности некоторых СМИ, формирующих негативное общественное мнение, в слабых возможностях для развития этнических средств массовой информации, в формировании негативных психологических стереотипов по

отношению к представителям других этнических групп, в сохранении и накоплении негативного багажа этнических мифов, страхов, слухов, установок.

Психологические последствия факта депортации сказываются на политическом поведении депортированных этносов, на межэтнических взаимоотношениях и на процессах интегрирования этносов в украинский многоэтничный социум. Сегодня крымскотатарские лидеры выдвигают требования признания депортации актом геноцида против крымскотатарского народа. Таким образом, практически будет закреплен статус жертвы на государственном и международном уровне, что позволит национальной элите конструировать новые способы лоббирования своих политических интересов.

Наличие виктимной ситуации, провоцирующей поведение жертвы у депортированных этносов; отсутствие преступника, который в сознании репатриантов ассоциируется, прежде всего, с государством СССР, а также отсутствие в украинском законодательстве механизмов возмещения ущерба жертвам политических преступлений выступают в качестве оснований для выдвижения политических требований и использования их в процессе этнического лоббирования политических интересов. Виктимные факторы оказывают непосредственное влияние на поведение, в том числе и политическое, представителей депортированных этносов, формируют установки и ожидания по отношению к власти и другим этносам, оказывают влияние на сценарии межэтнических взаимодействий, на формирование межкультурных коммуникаций и менталитет крымского социума.

Процесс репатриации депортированных в Крыму проходил стихийно, что привело к существенному разрыву между потребностями обустройства репатриантов и возможностями их удовлетворения. Проблемы взаимоотношений местной власти с меджлисами разных уровней, приобретение репатриантами украинского гражданства, представительство крымских татар в различных органах власти, а также проблемы приватизации земли способствовали возрастанию степени коллективной ущемленности крымскотатарского этноса и росту конфликтогенного потенциала региона в целом.

Комплекс жертвы сегодня позволяет крымскотатарским политическим лидерам сконструировать достаточно эффективную стратегию для лоббирования своих интересов и новые версии этнического лоббизма. В целом тактика и стратегия лоббирования национальных интересов пока состоит в активном поиске крымскотатарскими политическими силами различных способов и адресатов лоббирования.

Существенный вклад в рассмотрение влияния комплекса жертвы на политическое поведение репатриантов может внести использование положений трансактного анализа. Основатель трансактного анализа психолог Э.Берн утверждает, что каждый человек имеет свой жизненный сценарий, модель которого формируется в ранние детские годы. Важные социальные контакты людей также чаще всего протекают в виде игр. А поскольку политика

является инструментом реализации определенных отношений в обществе, достижения определенных целей, то она также осуществляется с помощью различных игровых сценариев. Многие жизненные сценарии людей имеют драматическую природу. Обычно, человек выступает в игровом сценарии в одной из трех главных ролей: Спасатель, Преследователь, Жертва. Когда наступает кризис, исполнители могут менять роли: Жертва может стать Преследователем. Подобный подход позволяет выявить политико-психологические основания одного из механизмов возникновения радикальных настроений в этнической среде.

Выводы.

1. Использование междисциплинарных исследований позволяет расширить предметное поле виктимологических исследований в этнополитологии, а также выработать новые стратегии и пути для решения проблем, связанных с проявлением массовой виктимности. Применение достижений виктимологии представляет собой перспективу для дальнейших исследований влияния виктимных факторов на этнополитическую ситуацию в Крыму и остается практически неизученной областью этнополитологического знания.

2. Депортации были использованы тоталитарной системой как механизм манипуляции целыми народами для достижения определенных целей и принесли помимо физических страданий, серьезные психологические последствия, повлияли на мировосприятие народов, на их политическое поведение.

3. Рассматривая виктимность как совокупность объективных и субъективных условий, которые приводят к появлению поведения жертвы, мы считаем, что депортированным этносам, обладающим высокой степенью интеграции и консолидации, было присуще явление интегративной виктимности, под влиянием которой на уровне коллективного сознания сформировался комплекс жертвы.

4. Наличие комплекса жертвы позволяет представителям крымскотатарской политической элиты конструировать новые способы лоббирования своих интересов. Виктимность становится ресурсом, который используют национальные элиты в политической борьбе.

Список литературы

1. Кабанов П. Виктимогенность криминогенных политических режимов как одно из направлений криминальной политической виктимологии // http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1160220. – 2007. – 12 сентября.
2. Кабанов П. Криминальная политическая виктимология как межотраслевое направление // http://sartraccc.sgap.ru/Pub/kabanov. – 2007. – 12 сентября.
3. Сенюшкина Т. Этнонациональная конфликтность в Крыму как виктимологическая проблема // Культурный обмен и формирование толерантности в многоэтничном гражданском обществе: Материалы семинара (17 июня 2003г.) – Симферополь: ЧП "Фактор", 2003. – С. 110-111.
4. Сенюшкіна Т. Попередження та врегулювання етнічних конфліктів: державно-управлінський вимір (проблеми теорії, методології, практики): Монографія. – Одеса: ОРІДУ НАДУ, 2005. – 367 с.
5. Скиннер Б. Что такое бихевиоризм? Введение // http://www.soc. pu.ru /materials/golovin/reader/skinner/r_skinner2.html. – 2007. – 12 сентября.

6. Кліманська Л. Радикалізм як тип політичної поведінки // Проблеми політичної психології та її роль у становленні громадянина Української держави: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції (29-31 травня 1995р.). – К.: АТ "Реклама", 1995. – С. 38-40.
7. Ривман В. Криминальная виктимология. – СПб.: Питер, 2002. – 304с.
8. Полян П. Не по своей воле. История и география вынужденных миграций в СССР. – М.: ОГИ, 2001. – 328с.

Л.С. Гаспарян

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА»

Что такое сила? Интуитивно мы чувствуем, что именно обозначается этим термином. Это понятие возникает из усилия, которое мы производим при толчке, броске или тяге, из того мускульного ощущения, которое сопровождает все эти действия. Но обобщение этих понятий выходит далеко за пределы столь простых примеров [1, с. 13]. Проблема со словом сила заключается в том, что оно не приобрело понятийного содержания, по крайней мере, в общественных науках. «В большинстве политологических работ, в том числе и западных, - пишет современный философ Алекс Бэттлер, - понятие силы формулируется на неверных научных парадигмах, поскольку никто не понимает ее онтологическую сущность» [2, с. 14]. Большинство авторов пользуется простейшими аналогиями с физическими силами – например, распространенные сегодня концепции «однополярного», «однополюсного» или, напротив, «многополярного», «многополюсного» мира, при всей их вариабельности, исходят из аналогии политической силы с магнитной силой, порождаемой изменениями электромагнитного поля. Однако подобная аналогия лишена каких бы то ни было оснований, – ведь все прекрасно представляют себе, что такое «однополюсный мир», но никто не в состоянии представить себе однополюсный магнит. Значит, эти силы имеют различную природу и разный характер [3].

Само понятие «сила» не имеет исторически постоянного значения и принадлежит к числу многозначных, то есть, тех, которые при употреблении часто меняют свой смысл и содержание. Так, в толковом словаре русского языка содержится более десяти значений слова «сила». При этом о силе говорится и как о физической величине, и как о материальном и духовном начале, выступающем в качестве источника движения; в качестве силы, по Ожегову, может выступать и любая общественная группа, общественный слой, обладающие какими-нибудь характерными для них признаками, здесь же сила толкуется как влияние, могущество власть [4]. Только одно последнее значение силы наталкивает исследователя на ряд вопросов: рассматривать силу как влияние, как могущество или как власть? Множественность трактовок одного явления говорит только о том, что явление не познано.

Еще труднее дело обстоит с феноменом «политическая сила», который в последнее время активно проявляется в украинском политическом пространстве. Однако прежде, чем

мы сможем определить сущность изучаемого явления нам необходимо, как справедливо отмечают П.Ф. Лазарсфельд и У. Бартон, «…выработать концепт этого явления» [5]. Поэтому **целью данной статьи** является построение концепта политической силы.

Концепт – это своеобразная рефлексия того, что выходит за рамки существующей научной теории, условное представление о том, как организованы явления действительности.

В научном дискурсе концепт обычно понимается как акт «схватывания» смыслов явления в единстве речевого высказывания. При этом горизонт таких смыслов может быть бесконечен. В этой связи задача исследователя заключается не в описании всех наблюдаемых признаков явления, а в «схватывании» лишь тех, которые наиболее существенно характеризуют исследуемое явление.

Любой концепт отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления, и которые отражают содержание его опыта и знания. Поэтому по своему характеру концепт есть не что иное, как общее представление, или, если быть более точным, – обобщенное представление. Каждый концепт отсылает к некоторой проблеме или проблемам, без которых он не имел бы смысла и которые могут быть выделены или поняты лишь по мере их разрешения» [6, с. 25-26]. Концепт, таким образом, не есть отдельная сущность, обладающая устойчивой субстанциональностью. Напротив, концепт, подчеркивают постмодернисты Ж. Делёз и Ф. Гваттари, - явление становящееся: «…это событие, а не сущность и не вещь. Он есть некая целостность. Концепт есть «мыслительный акт» как некая «неразделимость конечного числа разнородных составляющих [6, с. 32-33].

Проблеме сущности и природы концепта посвящена обширная литература. Обратившийся одним из первых к исследованию концептов С. А. Аскольдов писал, что концепт – это прежде всего «общее понятие», а наиболее существенная его функция – это «функция заместительства» [7, с. 267]. Он считал концепт «мысленным образованием, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [7, с. 271]. Эту идею развивает и основоположник учения о концептосфере Д.С. Лихачев, подразумевая под концептом мысленное образование, которое в индивидуальном или коллективном сознании носителя языка замещает значение слова, и при этом, - «оставляет возможность для сотворчества, домысливания» [8, с.3].

Существует проблема отождествления концепта и понятия. Между тем, эти два термина необходимо четко различать друг от друга. Понятие есть объективное единство различных моментов предмета, которое создано на основании правил рассудка или систематичности знаний. Оно непосредственно связано со знаковыми и значимыми структурами языка, выполняющего функции становления определенной мысли, независимо от общения. Это итог познания, подразумевающий совокупность существенных признаков объекта, отличающих его от сходных объектов. Концепт же – это понятие, погруженное в культуру;

он всегда национально специфичен [9, с. 238]. Концепт формируется речью. Он выражает не значение, а контекстуальный смысл, другими словами, актуализирует отраженную в понятии его онтологическую составляющую [10, с. 331].

По Д.С. Лихачеву, концепты, в отличие от традиционного «значения», представляют собой «потенции» значений, тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом. Концепт не только подменяет собой значение слова, он в известной мере расширяет значение, так как, будучи в основном всеобщими, концепты одновременно заключают в себе множество потенциальных отклонений и дополнений, то есть, являются незакрытыми образованиями.

О наличии в украинском политическом дискурсе такого незакрытого образования, превратившегося в журналистский штамп, высказывание ведущих украинских политиков и политологов, и даже в словосочетание, подменяющее, а порой и вытесняющее собою многие устоявшиеся понятия, свидетельствуют результаты, проведенного частотного контент-анализа. Так, газета «Зеркало недели», претендующая на статус наиболее авторитетного в Украине общественно-политического еженедельника, для характеристики субъектов политики наиболее часто использует словосочетание «политическая сила». Например, в сентябре 2007 года, месяце, на который приходился пик активности субъектов избирательного процесса – политических партий, словосочетание «политическая сила» употреблялось 74 раза, в то время как «политическая партия» – 15. В следующем, октябре месяце, в политическом дискурсе вообще не употреблялось словосочетание «политическая партия», за исключением имен собственных (Партия регионов, Коммунистическая партия Украины), зато словосочетание «политическая сила» как характеристика субъектов политики, прошедших в парламент, использовалось 56 раз. На вопрос, корректно ли такое отождествление, ответить достаточно трудно, ввиду того, что политической силы как общепризнанного понятия нет ни в одном отечественном энциклопедическом справочнике, ни в одном словаре по политологии.

Между тем, Ж. Делёз и Ф. Гваттари, пытаясь выявить различие между понятием и концептом, подчеркивают недостаточность понятия и вскрывают моменты, где понятие перерастает само себя [6]. То же самое происходит сегодня и с «политической силой»: наряду с широким употреблением, данное словосочетание не имеет ясного смыслового содержания и остается ускользающим от понимания. То есть, каждый вкладывает в него свой смысл: кто-то говорит о политической силе как о политической партии; кто-то как о влиятельной финансово-промышленной группе, оказывающей воздействие на общественно-политическую ситуацию в стране, а кто-то ассоциирует политическую силу с отдельными личностями, например, с президентом страны, подразумевая при этом, индивида, занимающего высокие статусные позиции. То есть, мы становимся свидетелями ситуации, когда словосочетание «политическая сила» начинает заменять многие устоявшиеся понятия.

Почему так происходит? Почему понятия, обозначающие объекты, с которыми они соотносимы, начинают аккумулироваться в словосочетании «политическая сила», которое в политической науке даже не операционализировано?

Косвенный ответ на этот вопрос дает Д.С. Лихачев, когда пишет, что «концепты возникают как своего рода обобщения различных значений слова, что позволяет общающимся преодолевать существующие между ними индивидуальные различия в понимании слов» [8, с. 5].

На самом деле, различия в понимании многих слов в условиях украинской политической реальности становятся все более и более значимыми. Так, например, политическая партия, под которой традиционно понимается объединение людей, сплоченных общей идеологией и активным стремлением завоевать власть посредствам выборов, перестает соответствовать своему классическому предназначению. Способность реализовывать не только свои узко корпоративные интересы, но и быть истинным выразителем ценностей той или иной части общества, присуще сегодня лишь немногим политическим партиям. Весьма сомнительным в рамках украинской партийной системы представляется и процесс достижения политической партией власти. Проведение выборов по пропорциональной системе жестких списков, когда избиратели ассоциируют партию, в лучшем случае, с первой пятеркой кандидатов в депутаты, а иногда и вовсе только с ее лидером, способствует прохождению во власть людей, занимающих места в списке исключительно согласно своим финансовым возможностям и имеющих, соответственно, весьма сомнительное отношение к профессиональной политике. Чрезмерная бюрократизация руководящего партийного органа трансформирует партии из классического института представительства в псевдопартийные образования. Другой пример с понятием «элита». Его дефиниция трактуется сегодня как лучшие, наиболее видные представители какой-либо части общества, однако в действительности оказывается, что люди, претендующие на статус элиты, являются далеко не лучшими, а порой, даже не отличающимися от других никакими выдающимися качествами.

Поэтому использование привычных терминов становится не всегда уместным. Происходит подмена смыслов в рамках устоявшихся понятий, в связи с чем, возникает необходимость использовать такое образование, которое в индивидуальном и коллективном сознании носителя языка замещает значение используемого слова. Причем новое образование, подчеркивает Д.С. Лихачев, «…возникает как отклик на предшествующий языковой опыт человека в целом - поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и всегда связан с предыдущим ценностным элементом деятельности человека» [8, с.6]. Это образование может иметь множество «входов», то есть единиц языка и речи, при помощи которых этот концепт превращается в осмысленное значение, однако именем концепта становится лишь та речевая единица, в которой он наиболее часто актуализируется. [11, с. 76]. Специфику «имени» концепта «политическая сила» определяет «когнитивная память», несущая культурно-

вербализованный смысл, где группировка вокруг силовой ценностно-акцентуированной точки сознания появляется как реакция на господствовавшие в недавнем прошлом принципы жесткого центризма, которые позволяли руководящим партийным органам распространять свое влияние на все сферы жизни общества и охватывать административно-бюрократическим контролем практически каждого человека. Данное обстоятельство делает неслучайным появление в украинском политическом дискурсе лексико-фразеологического словосочетания «политическая сила», указывающего, даже не по своим смысловым, а по ассоциативно-эмоциональным характеристикам, на могущество субъекта, на способность делать в политике то, что другим не позволено. Однако, пытаясь «ухватить» смысл концепта «политическая сила» именно в таком ключе, мы сталкиваемся с весьма серьезной проблемой: чрезмерным абстрагированием исследуемого концепта. Другими словами, мы оказываемся в ситуации, когда нам трудно установить пределы использования концепта «политическая сила». О субъекте, который обладает могуществом, можно говорить и в очень конкретном и в крайне абстрактном значении, и применительно к тем, кто имеет весьма отдаленное отношение к наблюдаемому пространству и со ссылкой на непосредственно наблюдаемые явления. То есть, в данном случае очень трудно создать универсальный конструкт, который позволял бы делать суждение о наличии силы у субъекта. Его могущество или силу мы можем оценить лишь при помощи интуитивной концептуализации, осуществив сравнение с другими субъектами политического пространства. В таком случае концепт «политическая сила» теряет эмпирический смысл, так как не имеет отличительных свойств и характеристик, а, следовательно, относится к разряду безграничных.

Решить возникшую проблему, то есть преодолеть неопределенность в отношении концепта «политическая сила», Джованни Сартори предлагает путем построения лестницы абстракции. Она представляет собой трехуровневую концептуализацию, на верхнем уровне которой находятся концепты-универсалии, которые поглощают все входящие в него виды, на среднем уровне расположены категоризации, которые не достигают универсального охвата, и низший уровень представляет собой точное содержание концепта, несущее контекстуальное определение [12, с. 157].

Таким образом, при определении концепта «политическая сила», нам необходимо пройти по лестнице абстракции, выделив те свойства, которые характерны для рассматриваемого явления. Для этого, первоначально нам необходимо выйти на такой уровень абстракции, где у политической силы будет прослеживаться хотя бы одно значение, с которым она четко соотносится. Наиболее универсальным значением для политической силы будет то, что она является группой, то есть всеобъемлющей категорией, которая характеризует совокупность индивидов, имеющих некоторый общий социальный признак. В данном случае концепт «группа» будет находиться на верхнем уровне абстракции. Спускаясь вниз по лестнице абстракции, мы переходим на средний уровень, где будет располагаться теория групп интересов,

то есть теория среднего уровня, показывающая видовое различие между просто группой и группой, которой присуще дополнительное свойство – наличие интереса. То есть мы конкретизируем концепт «группа» через добавление определенных свойств. И дальше, на низшем уровне находится концепт «политическая сила», то есть группа, обладающая интересом, но имеющая свои, отличительные свойства, проявляющиеся в конкретных условиях.

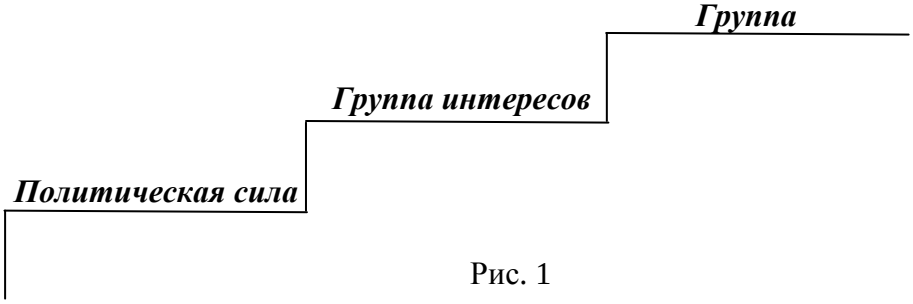


Рис. 1

Ввиду того, что эти свойства крайне трудно выделить без анализа специфики условий, в которых действуют политические силы, мы предлагаем применить редукционистский подход и адаптировать свойства силы, как онтологической категории, к сфере политики. Такими свойствами являются:

1) способность, возможность, потенция, которыми наделены все тела;

2) возбуждающее начало или точка приложения, из-за которой тело приходит в действие, движение;

3) направленность, то есть вектор движения тела.

Применяя данные свойства к «телам» в сфере политики (к ним мы будем относить субъектов политики), мы можем выделить следующие свойства политической силы:

1) наличие ресурсов у субъекта политики;

2) способность к целеполаганию, направленная на достижение власти;

3) способность осуществлять действия в направлении к поставленной цели.

Следует отметить, что каждое из трех перечисленных свойств может быть присуще любому субъекту политики. Особенность субъекта, который претендует на статус политической силы, заключается в том, что все эти свойства должны быть сгенерированы в нем одновременно. Поэтому концепт «политическая сила» носит статусный характер, то есть характеризует субъект не с точки зрения его сущностных особенностей, а с позиции его положения в политическом пространстве.

Представим, что каждый субъект политики обладает силой. Сила, во-первых, выражена в объеме реально и потенциально имеющихся у субъекта ресурсов. Вся совокупность ресурсов, или социальный капитал, как пишет П. Бурдье, направлены на овладение специфическими выгодами поля. Понятно, что когда мы говорим о политическом поле, то цели субъектов, обладающих ресурсами, направлены на завоевание власти. При этом очевиден и тот факт что, чем больше объем капитала и чем разнообразнее ресурсы, в него входящие, тем больше у

субъекта появляется возможностей занять более привилегированную позицию в политическом поле, а, следовательно, приблизиться или завоевать власть. В тот момент, когда субъект начинает задействовать свои, или привлекать новые ресурсы для достижения поставленной цели, - это третье свойство, которое мы выделяем в нашем концепте, субъект приобретает статус политической силы. Таким образом, политическая сила будет представлена как субъект, постоянно заботящийся о привлечении дополнительных ресурсов для завоевания власти.

Попытаемся встроить политическую силу в социальное пространство, которое представляет собой множество пересекающихся полей – политическое, экономическое, религиозное, культурное, научное и т.д. В каждом из этих полей существует группа интересов, которая по мере возрастания своего интереса уже не может реализовать его собственными силами, и вынуждена обращаться к органам власти, то есть, в поле политики. Многообразие интересов в обществе, возникающее вследствие трансформации и дифференциации социальной структуры, приводит к тому, что политическая власть, сосредоточенная в государственных органах, оказывается неспособной обеспечить сочетание и реализацию интересов всех социальных групп. Отсюда закономерно возникает стремление различных групп интересов воздействовать на поведение органов государственной власти с целью переориентации политики в свою пользу. Такое воздействие может осуществляться путем установления связей с политическими субъектами, наделенными правом формировать органы государственной власти. Эти связи можно представить в виде построения взаимовыгодных отношений, в рамках которых происходит обмен ресурсами: субъекты политики обеспечивают субъектам из других полей доступ к власти, в обмен на что получают дополнительную поддержку в виде голосов избирателей – ресурса субъекта из другого поля, а, следовательно, и больший объем властных полномочий. Таким образом, в процессе расширения и укрепления связей или сетей, происходит накопление ресурсов субъекта, претендующего на власть, то есть становление его как политической силы. Количество ресурсов определяют позицию политической силы в политическом пространстве, то есть задают ей статусный характер.

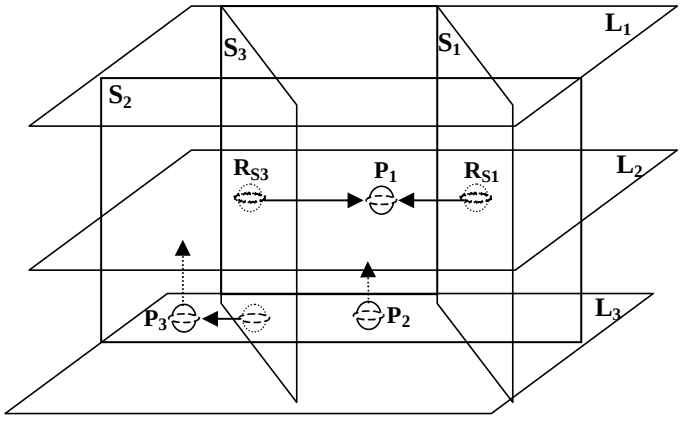


Рис. 2

На рисунке 2 графически изображено социальное пространство, в котором взаимодействуют субъекты разных полей. Допустим, что S_1 – это поле экономики, S_2 – поле политики, S_3 – поле культуры. Буквенные обозначения Р соответствуют позициям, которые занимают политические силы. Причем политические силы P_2 и P_3 находятся на одном уровне борьбы за власть, а политическая сила P_1 уже имеет определенный объем властных полномочий на региональном уровне и борется за власть общегосударственную.

Таким образом, для определения позиции силы нам необходимо ввести такую ее сущностную характеристику, как уровневость: утратив возможность быть политической силой на одном уровне, субъект может обеспечить себе возможность приобретения данного статуса на уровне другом. Уровни на нашем рисунке имеют обозначения L_1, L_2, L_3. Ресурсы, которыми пользуются политические силы, обозначены как Rs_1 и Rs_3. Получается, что политическая сила P_1 пользуется ресурсами из поля экономики и поля культуры, тем самым, обеспечивая себе более выгодную позицию в политическом пространстве. Политическая сила P_3 заручается ресурсами в виде поддержки только из поля культуры, что может ей обеспечить позицию, соответствующую длине стрелки – проекции на власть. Политическая сила P_2 не имеет дополнительной ресурсной базы, и хотя задействует собственные усилия для прохождения во власть, имеет на это весьма низкие шансы.

Таким образом, анализ ресурсного базиса политической силы позволяет представить ее сущность в виде многоуровневых взаимодействий, определить позицию в политическом поле и выявить степень влиятельности над другими субъектами поля.

Список литературы

1. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М.: Наука, 1965. – 242 с.
2. Бэттлер Алекс. Диалектика силы. Онтобия / Алекс Бэттлер. – М.: УРСС, 2005. – 316 с.
3. Олег Арин. «Мы сами себя хороним» // Газета «Завтра» No: 9(484) Date: 25-02-2003 http://zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/03/484/51.html - 28 января 2008.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., М., 1997. – 944 с.
5. Lazarsfeld P. F., Barton A. H., Qualitative Measurement in the Social Sciences: Classifications, Typologies, and Indices, in The Policy Sciences, a cura di D. Lerner e H.D. Lasswell, Stanford, Stanford University Press, 1951 - pp. 155-192.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии. Спб.: Алетейя, 1998. - 288 с.
7. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология /С.А. Аскольдов; Под ред. проф. В.П. Нерознака. - М.: Academia, 1997. - С. 267-279
8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка //Изв. РАН. Сер. лит-ры и языка. Т.52. - № 1. - 1993. - С. 3 - 9.
9. Стефанский Е. Е. К методологии изучения языковой концептосферы (на примере эмоциональных концептов в славянских языках) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск «Философия. Филология.» – 2006. – № 1 (4) С. 237-246.
10. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – М. : Изд-во В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
11. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. - Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75 – 80).
12. Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис, 2003, № 4. – С. 152-160.

С.А.Ефимов

ОТНОШЕНИЕ КРЫМЧАН К ЭЛЕКТОРАЛЬНЫМ ДЕФОРМАЦИЯМ: НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА

Настоящая публикация подготовлена на основе материалов исследования социологической службы «Крымсоцис» и посвящена анализу отношения крымчан к фальсификациям выборов. В 2006 году впервые в истории Крыма 16 республиканских организаций партий и блоков различной политической направленности, обсудив ситуацию, сложившуюся в ходе подведения итогов избирательной кампании, заявили о том, что результаты голосования на выборах депутатов Верховной Рады Крыма сфальсифицированы и потребовали установления истинной картины волеизъявления крымчан. Имевшие место серьезные недостатки в организации голосования на избирательных участках (явная нехватка кабин, недостаточное количество и нерасторопность членов участковых комиссий и т.д.) породили в крымском социуме атмосферу некоторого недоверия к озвучиваемым результатам. Отметим, что власти удалось удовлетворить запросы нескольких ключевых застрельщиков протестной акции и все сравнительно быстро вернулось на круги своя.

Социологический опрос был проведен 15-18 апреля 2006 года в 32 населенных пунктах 14 районов и горсоветов Автономной Республики Крым. Всего опрошено 1337 человек. Из них: мужчин - 44,5%, женщин – 55,5%, крымских татар – 11,3%, русских – 73,5%, украинцев – 13,9%. Высшее и незаконченное высшее образование получили 23,4% опрошенных; среднее и среднее специальное – 70,4%; начальное и неполное среднее – 6,2%. По возрасту респонденты распределены следующим образом: 18-24 года - 8,0% ; 25-29 лет - 11,2%; 30-39 лет - 19,2%; 40-49 лет - 24,6%; 50-59 лет - 15,8%; 60 лет и старше - 21,2%. Проживают в городах 41,3% респондентов, в поселках городского типа – 24,4%, в селах – 34,3%.

Среди опрошенных: квалифицированных рабочих - 10,5%; разнорабочих, подсобных работников – 7,3%; работников сельхозпредприятий – 1,7%; специалистов, занимающихся работой, требующей высшего или среднего специального образования – 11,4%; работник правоохранительных органов, военнослужащий – 0,3%; занятых индивидуальной трудовой деятельностью, предпринимателей, фермеров – 5,8%; студентов, учащихся, аспирантов – 7,6%; руководителей, заместителей руководителя предприятия, учреждения – 0,3%; руководителей подразделений (отделов, цехов) предприятий, учреждений – 0,1%; не имеющих постоянной работы, подрабатывающих в разных местах в зависимости от обстоятельств – 5,9%; не работающих и не имеющих никаких источников дохода – 3,6%; домохозяек – 15,5%; зарегистрированных безработных – 0,7%; неработающих пенсионеров – 28,5%.

Ниже данные опроса приводятся в процентах к числу ответивших.

В марте т.г. прошли выборы депутатов всех уровней. Скажите, пожалуйста, Вы лично приняли участие в них?				
	Крымские татары	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
нет, и не собирался	7,3	5,5	7,6	5,9
собирался сходить проголосовать, но помешали обстоятельства	3,7	4,9	3,8	4,6
сходил на участок, но из-за большой очереди не проголосовал	2,7	7,3	4,9	6,4
несколько раз ходил на участок, но из-за большой очереди не проголосовал	0,7	4,3	3,2	3,8
ходил на участок, но не смог проголосовать, т.к. меня не включили в списки избирателей	1,3	3,8	4,9	3,8
ходил на участок, но не смог проголосовать, т.к. в списках избирателей была неправильно записана моя фамилия	1,3	2,5	0,5	2,0
принял участие и проголосовал	83,3	71,7	75,1	73,4
Сколько времени Вы потратили на участие в голосовании?				
	Крымские татары	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
около получаса	9,2	11,5	9,9	11,0
около часа	33,1	26,0	21,1	26,1
примерно 1,5 часа	21,5	21,9	21,1	21,8
примерно 2 часа	11,5	14,7	13,0	14,1
примерно 2,5 часа	15,4	17,6	19,3	17,6
около 3 часов и более	9,2	8,3	15,5	9,4
Если Вы не меняли место жительства (регистрации), то скажите, пожалуйста, голосование происходило на том же участке, что и на выборах депутатов всех уровней в 2002 году?				
	Крымские татары	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
я поменял место жительства (регистрации)	3,6	2,0	6,4	2,8
в прошлых выборах депутатов всех уровней я не принимал участие	15,1	12,9	11,6	13,1
голосование осуществлялось на том же участке	77,7	81,4	76,7	80,3
голосование происходило на новом участке	3,6	3,7	5,2	3,9
Скажите, пожалуйста, а условия в помещении для голосования были в целом…				
	Крымские татары	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
лучше, чем в 2002 году	0	1,3	0,7	1,1
такие же, как и в 2002 году	84,2	74,3	73,2	75,2
хуже, чем в 2002 году	15,8	24,4	26,2	23,7
А площадь помещения для голосования была меньше, чем в 2002 году?				
	Крымские татары	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
меньше	2,6	8,3	9,5	7,9
больше	5,3	4,3	2,0	4,0
такая же	92,1	87,4	88,5	88,0
Некоторые избиратели утверждают, что раньше им не приходилось сталкиваться с такими большими очередями, как на последних выборах. Согласны ли Вы с ними?				
	Крымские татары	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
полностью согласен	37,4	38,8	37,9	38,7
скорее согласен	37,4	34,3	37,9	35,0
трудно сказать	22,1	22,3	20,5	22,0
скорее не согласен	0,8	2,8	1,2	2,3
категорически не согласен	2,3	1,8	2,5	1,9

Чего на Ваш взгляд прежде всего не хватало для обеспечения нормального (без длительных очередей) процесса голосования?				
	Крымские татары	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
кабин для тайного голосования	47,3	55-6,1	49,4	53,7
урн для бюллетеней	10,7	9,5	18,1	10,9
сотрудников участковой комиссии, которые выдавали бюллетени	38,2	30,3	28,9	31,3
другое	3,8	4,1	3,6	4,1

В своё время И.В.Сталин сказал, что в выборах важно не то, как проголосуют, а как подсчитают голоса. Скажите, пожалуйста, как Вы лично относитесь к возможной фальсификации итогов голосования?				
	Крымские татары	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
искажение итогов голосования недопустимо ни при каких обстоятельствах	69,1	62,6	68,5	64,4
если результаты фальсификации меня будут устраивать, то я против этого возражать не буду	20,1	24,9	17,4	23,0
если честно, то мне все равно	10,7	12,5	13,6	12,5

Впервые в истории Крыма 16 республиканских организаций партий и блоков различной политической направленности, обсудив ситуацию, сложившуюся в ходе подведения итогов недавних выборов, заявили о том, что результаты голосования на выборах депутатов Верховной Рады Крыма сфальсифицированы и потребовали установления истинной картины волеизъявления крымчан. Что Вы думаете в связи с этим?				
	Крымские татары	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
полагаю, что в ходе подсчета голосов были допущены существенные нарушения	32,2	38,0	36,6	37,2
полагаю, что допущенные нарушения существенно не повлияли на итоги голосования	30,2	28,4	27,3	28,3
полагаю, что в ходе подсчета голосов нарушений не было	12,1	12,9	14,2	13,0
трудно сказать	25,5	20,7	21,9	21,6

Никарагуанский диктатор А.Сомоса, сфальсифицировав итоги выборов, заявил своим оппонентам: «Вы выиграли голосование, а я – подсчет голосов». Как Вы думаете, должны ли нести ответственность лица, виновные в фальсификациях?				
	Крымские татары	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
виновные должны быть наказаны по всей строгости закона	62,7	53,9	62,5	56,5
для виновников фальсификаций достаточно морального осуждения	15,3	16,9	12,0	15,9
думаю, что правоохранительные органы не будут всерьёз искать виновников и они окажутся безнаказанными	22,0	29,1	25,5	27,5

Некоторых людей беспокоит то, что в списках отдельных партий есть кандидаты в депутаты, не имеющие к Крыму никакого отношения. Как Вы относитесь к этому?				
	Крымские татары	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
отрицательно, в Верховной Раде Крыма должны быть только крымчане	38,7	31,0	35,7	32,4
положительно, если партия включает таких людей в список, значит так надо	30,7	43,2	43,8	41,9
мне лично всё равно	30,7	25,9	20,5	25,7

Если будут назначены перевыборы депутатов Верховной Рады Крыма, примете ли Вы в них участие?				
	Крымские татары	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
обязательно пойду голосовать	33,3	31,1	22,8	30,1
скорее всего пойду голосовать	50,0	49,8	56,5	51,1
скорее всего не пойду голосовать	8,0	9,4	9,2	9,2
голосовать не пойду	8,7	9,7	11,4	9,7
Как Вы считаете, не лучше ли выборы в местные советы и в Верховную Раду Украины проводить в разное время?				
	Крымские татары	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
да, это позволит избирателям лучше определиться в своих предпочтениях	37,4	36,1	28,2	35,4
это делать не следует, нужно только нормально, без очередей, организовать процесс голосования	36,1	40,1	42,5	39,7
мне трудно судить об этом	26,5	23,7	29,3	24,8
Сейчас много говорят о формировании большинства в Верховной Раде Украины. А какой состав правящей коалиции для Вас наиболее предпочтителен?				
	Крымские татары	*Русские*	*Украинцы*	*АР Крым в целом*
БЮТ + «Наша Украина» + Соцпартия	93,0	24,2	33,3	34,8
Партия регионов + БЮТ	5,2	26,0	20,5	22,3
Партия регионов + «Наша Украина» + Соцпартия	1,7	49,7	46,2	42,7

И.Ф. Кононов

КРЫМ: ОБЩЕСТВЕННЫЙ ОРГАНИЗМ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА

Современное положение Крыма является проблемным. Это ощущают жители полуострова. Это ощущение присутствует и в рефлексии украинских и российских интеллектуалов и политических деятелей. К сожалению, ощущение проблемности не привело к их глубокой научной отрефлексированности за пределами Крымского полуострова. Скорее можно наблюдать даже обратное: интеллектуальный анализ в последнее время все чаще подчиняется манипулятивным целям. В силу острой политической важности данной проблематики изучение местного сообщества Крыма и системы его отношений с украинским национальным организмом является чрезвычайно актуальным.

Нельзя найти удовлетворительного решения для прикладных проблем, не решив связанные с ними фундаментальные проблемы. Одной из них является атрибутирование Крыма в территориальной структуре Украины. Является ли Крым регионом Украины? Как он включается в региональную систему Украины? От ответа на эти вопросы зависит и решение вопроса об автономном устройстве Крыма. Почему полуостров должен иметь автономный статус в составе унитарного государства?

При движении по намеченной траектории я буду опираться на работы социологов, политологов, историков и философов, которые занимались крымской проблематикой, на

крымскую прессу и на личные интервью, которые взял у крымских экспертов. Все интервью были проведены мной с октября по декабрь 2008 г. При цитировании я буду называть фамилию и инициалы эксперта, его социальный статус, а также указывать дату интервью. При повторном цитировании одного и того же интервью буду ограничиваться указанием фамилии и имени респондента.

Ощущение проблемности

Сейчас Автономная республика Крым живет по Конституции 1998 г. Первая её статья гласит: «Автономная республика Крым является неотъемлемой составной частью Украины и в пределах полномочий, определенных Конституцией Украины, решает вопросы, отнесенные к её ведению». Самая большая самостоятельность этого документа, наверное, закреплена в 10 статье. Тут говориться о защите и развитии украинского, русского и крымско-татарского языков, а также языков этнических меньшинств. О русском языке сказано: «В Автономной республике Крым русский язык как язык большинства населения и приемлемый для межнационального общения используется во всех сферах общественной жизни».

Верховная Рада Украины приняла Закон «Об утверждении Конституции АР Крым» 23 декабря 1998 г. По мнению крымского историка Игоря Евтюшкина это знаменовало завершение становления крымской автономии[1, с.80]. Автономия полуострова в её нынешнем виде стала результатом ряда компромиссов между крымской, украинской и российской политическими элитами. Эти компромиссы, одновременно, связаны с определенными социальными травмами местного крымского сообщества. Так, десятилетний юбилей нынешней Конституции Крыма заставляет вспомнить проект автономии, закрепленный в Конституции 6 мая 1992 г. Этот проект завершился фактически катастрофой.

В этом году крымчане будут отмечать и другую дату – 55 лет пребывания в составе Украины. 19 февраля 1954 г. Крымская область РСФСР была передана в состав УССР. Сейчас этот акт оброс легендами. Их активно используют в манипулятивных целях. Представители русского движения в Крыму часто оценивают акт 1954 г. прямо-таки в апокалипсических тонах. Например, Александр Мащенко показательно назвал свою статью «Русские: отступать некуда, позади Черное море». В ней есть такие слова: «Что действительно произошло в феврале – апреле 1954 года, крымчане поняли только много лет спустя, когда от «безграничного доверия» между нашими некогда братскими народами не осталось и следа. Именно тогда выяснилось, что парадный жест Никиты Хрущева исковеркал судьбы миллионов людей»[2, с.6].

Украинским аналитикам полезно зафиксировать, что в крымском обществе есть «проблема 1954 года». Она осознается даже самыми законопослушными гражданами Украины, проживающими в Крыму. Действия властей в 1954 г. были осмыслены как несправедливые в силу того, что никто не поинтересовался мнением самих крымчан. Очень

информированный крымский политолог, бывший секретарь по идеологии Крымского ОК КПСС Александр Форманчук говорит, что нет никаких документов, свидетельствовавших о том, что какая-либо инициатива исходила от крымского руководства. «*После войны возникла идея развития садов и виноградников. Необходимо было обводнение. Принималось во внимание удобство коммуникаций. Хрущев на основе экспертных оценок начал склоняться к тому, что Крыму целесообразно быть в составе Украины. Тема 300-летия воссоединения Украины и России подтолкнула решение. Но именно Хрущев инициировал его*». Крымский политолог продолжает: «*Нет документов, что Хрущев давал какие-то письменные распоряжения. На основе его устных распоряжений были подготовлены решения Верховных Советов СССР, РСФСР, УССР. Только когда состоялся февральский акт 1954 года, по Крыму организовали его обсуждения. До этого ничего не было. Затем началась кампания легитимизации. Обсуждения с последующим одобрением проходили во всех трудовых коллективах полуострова*» (10.10.2008 г.). Тогдашние события нанесли социальную травму территориальному сообществу, которая является фактором внутренней жизни Крыма. Травмы нельзя осуждать. Они нуждаются в социальной терапии, а не в порицании. Но, вместе с тем, социальная травма и юридическая легитимность – вещи разные.

Самая глубокая и самая осмысленная травма крымского сообщества связана с депортациями крымских татар, немцев, греков, армян и болгар. Фактически у каждого крымского татарина депортация оставила след в биографии. Чем старше человек, тем страшнее этот след. В Алуштинской мечети я взял интервью у 70 летнего Муззафара Меджитовича Даглы. Он – член совета мечети, председатель ревизионной комиссии. «*Помню, как во время депортации родители вышли из дому и закрыли его на ключ, чтобы больше никогда сюда не вернуться. 18 суток людей везли в товарных вагонах. Умерших просто выбрасывали на остановках. Мой старший брат по крышам вагонов бегал к паровозу, чтобы набрать воды и принести умирающим. В вагоне её делили ложками. В Узбекистане нас разместили в землянках, предоставив семье земляной топчан. Начался тиф. Многие умирали. Обессилившие люди рыли мелкие могилы. До сих пор не могу забыть, как шакалы вытаскивали мертвецов из могил и ели. Потом только белые погребальные простыни валялись на кладбище*» (11.10.2008 г.). Студентка философского факультета Таврического национального университета им. В.И.Вернадского (специальность «Политология», 5 курс) Зера Абдуллаевна Сейтаблаева говорит: «*Крымские татары, когда знакомятся, то спрашивают: - Откуда родители и где жили в ссылке? – Как будто родственники встретятся, когда жили в одной местности*» (18.12.2008 г.).

Непонимание киевскими чиновниками крымской реальности приводит к усугублению этих социальных травм. Одним из последних событий, проблематизирующих положение жителей Крыма, стало решение Национального совета по телевидению и радиовещанию

с 1 ноября запретить трансляцию российских телеканалов в кабельных сетях Украины. Своеобразным символом прошедшей осени в Крыму стала фотография человека, монтирующего на стене дома спутниковую тарелку, размещенная газетой «Первая крымская» с надписью «Крымчане устанавливают связь с космосом» (24 – 30 октября 2008 г, №41). Другая крымская газета в это же время сообщала о митингах на площади перед Верховным Советом Крыма, на которые собирались сотни активистов партии «Союз», Русского блока, Русской общины Крыма и других русских организаций. На плакатах митингующих были такие лозунги: «Телевидение Украины не должно быть только оранжевого цвета!», «Крыму – русский язык!», «Крым – за союз с Россией!». Один из лидеров «Русского блока» Олег Родивилов заявил, что решение Нацсовета «…показывают скорее отношение центральной власти к русскоязычному населению»[3, с.2].

Не менее бурную реакцию на полуострове вызвал Приказ №461 министра образования и науки Украины Ивана Вакарчука, требующий перевода преподавания ряда предметов сначала в двуязычный режим, а затем – исключительно на украинский язык. В перечень попали математика, география, история Украины. Крымская газета «Эхо» передала мнение севастопольских педагогов об этом приказе, который они расценили как «уничтожение русской филологии в городе, где 90 процентов населения считают русский своим родным языком. <…> Даже во время немецкой оккупации население Севастополя и Крыма сохраняло русскую речь, которую может потерять благодаря “нынешним усилиям независимой Украины» [4, с.2].

С момента получения Украиной независимости Крым для Киева также представляет проблему. Это автономия в составе унитарного государства. Отсюда постоянные поползновения свести автономию Крыма до положения обычной области. Это единственная часть Украины, где в этнической структуре населения преобладают русские. Согласно данным Всеукраинской переписи в 2001 г. на полуострове проживало 2млн.33 тыс. чел. Удельный вес основных этнических групп был таким: русские – 58,3%, украинцы – 24,3%, крымские татары – 12%, белорусы – 1,4%. Остальные этнические группы не набирали и 1% в этнической структуре Крыма.[5].

Русскость Крыма не вписывается в официальную культурную политику. Поэтому постоянно между Автономной республикой Крым и официальным Киевом возникают недоразумения

После августовской войны в Грузии тема Крыма вышла на первый план в украинских СМИ. Принятие депутатами Верховного Совета Крыма заявления в поддержку Абхазии и Южной Осетии в Киеве было оценено как мятеж[6, с.5].

Вопрос об автономии Крыма в 2008 г. неоднократно использовался маргинальными политическими силами Украины для поднятия своего рейтинга. 27 июня 19 съезд Всеукраинского объединения «Свобода» обратился к Президенту и Верховной Раде Украины

с требованием отменить автономию Крыма и специальный статус города Севастополя. 1 сентября Олег Тягнибок и глава Крымской организации ВО «Свобода» Эдуард Леонов провели в УНИАН пресс-конференцию с однозначным названием «Автономия Крыма – угроза национальной безопасности Украины». Она завершилась истерическими лозунгами: «Враг у ворот!», «Сегодня для всех очевидно, что каждый, кто отстаивает автономный статус Крыма, является агентом влияния Москвы!»[7]. Во всех областях началась возня с угрозами провести всеукраинский референдум и отнять у Крыма автономию. Но всю осень и начало зимы у крымской прессы был повод поминать Олега Тягнибока. Подспудно эта пропагандистская кампания для значительного числа крымчан подтверждала их худшие опасения, связанные с Украиной.

Высшие должностные лица РФ не выдвигают прямых территориальных претензий к Украине. Но современная российская элита использует Крым как её болевую точку. В составе российской элиты есть достаточно высокопоставленные деятели, которые специализируются на крымском вопросе. Например, Юрий Лужков публично советовал РФ не продлевать Большой договор с Украиной. Он писал: «Последствиями, вытекающими из выхода России из Договора, является признание проблемы Крыма и Севастополя, требующее обсуждения, а затем и справедливого, в интересах России, решения на основе международного права и тех базисных документов, которые принимались в СССР по статусу Крыма и Севастополя и которые были беззаконно перечеркнуты в период особо острого либерального обострения политики. В конце концов, то, что Крым хочет домой, в Россию, не является секретом ни для одного политика, социолога или просто честно мыслящего человека» [8]. Оставлю без комментариев стилистические особенности документа. Скажу только, что в этом случае политик все решает без самих крымчан. У моих крымских экспертов такие высказывания не встречали понимания. Милана Николко, кандидат философских наук, доцент кафедры политических наук и социологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского говорит: «Одно дело русскость в культуре и совсем другое – присоединение к России» (17.12.2008 г.).

В российском экспертном сообществе Наталья Нарочницкая. специализируется на поиске юридических аргументов, доказывающих неправомерность передачи если не всего Крыма, то хотя бы Севастополя в состав Украины. В связи с проблемой продления Большого договора в августе 2008 г. она высказалась следующим образом: «До ратификации этого договора не было никаких юридических актов, обосновавших сегодняшний статус-кво полуострова. Договор, не взяв с Украины никаких обязательств не вступать во враждебные союзы, как бы снял вопросы о границе. Но есть документы, признающие незаконной передачу Крыма Украине в 1954 году". Н. Нарочницкая ссылается на постановление Верховного Совета России от 21 мая 1992 года и на указ президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 года о выводе Севастополя из Крымской области. "Во время работы комиссии по

статусу Севастополя в 1993 году мы запрашивали в архиве Верховного Совета, что происходило с этим указом, когда Крым передавался Украине. И получили буквально следующий ответ: «При передаче Крыма Украине указ 1948 года отменен не был». Именно поэтому Верховный Совет 9 июля 1993 года принял указ о статусе Севастополя, в котором признается, что город не является частью Крыма. Об этих документах в Москве не вспоминали только по доброте душевной, рассчитывая на союзнические отношения с Украиной. Но теперь, очевидно, молчать уже больше не будут"[9]. Эксперт поступает не совсем честно. Официальные документы СССР, закреплявшие административное деление страны, относили Севастополь в состав Украины. Референдумы и голосования, в которых крымчане участвовали в составе граждан Украины, являются не менее важным юридическим аргументом в пользу нынешней принадлежности полуострова. Но об этом чуть дальше.

Возникает стойкое ощущение, что Крым выступает пространством политической игры, в которой противники на самом деле подыгрывают друг другу. Как для русских националистов в Крыму нужен Олег Тягнибок, так и для Юрия Лужкова нужен Борис Тарасюк. Первую часть симфонии сыграл Олег Тягнибок, а дальше пошла партия Русского блока, «Союза» и организации, назвавшейся Народным фронтом «Севастополь-Крым-Россия». По поводу последней СБУ еще осенью заявила, что она получает финансирование из России в размере 500 тыс долл. в год. Против нее в Генпрокуратуре заведено уголовное дело, связанное с посягательством на территориальную целостность Украины. И.о. главы СБУ Валентин Наливайченко даже сказал, что деятельность организации «Севастополь – Крым – Россия» запрещена на территории Украины[10, с.3]. Однако, 12 ноября в Симферополе Окружной административный суд приступил к рассмотрению иска координатора Народного фронта «Севастополь – Крым – Россия» Валерия Подъячего об отмене Конституции АР Крым 1998 г. и принятии Декларации о воссоединении Крыма с Россией[11].

Все в этой политической игре ссылаются на исторический опыт. К нему и следует обратиться.

Исторический опыт

В Крыму в XX в. накоплен уникальный политический опыт, полезный для всей Украины, а по ряду параметров имеющий мировое значение. Начну с того, что именно в Крыму 20 января 1991 г. был проведен первый в тогдашнем СССР референдум об определении его статуса. За восстановление в Крыму автономной республики высказались 1,5 млн. крымчан или 93,2% от принявших участие в голосовании[12, с.100]. Таким образом, крымская автономия получила высокую степень легитимности.

Подготовкой к референдуму в то время руководил Крымский обком КПСС, возглавляемый Николаем Багровым. Он видит несколько причин, толкавших крымское сообщество и, прежде всего, крымскую управленческую элиту к переопределению положения Крыма, который в то время был областью в составе УССР. Во-первых, это было

связано с процессом суверенизации Украины, возрастанием значения украинского национализма в жизни страны, что вызывало тревогу у большинства русских в Крыму. Катализатором выступил Закон УССР «О языках». Во-вторых, к переопределению статуса толкало и национальное движение крымских татар[12, с.93 - 94].

В этот период открыто начал обсуждаться вопрос о самопределении Крыма между Украиной и Россией. По заказу крымских властей группой экономистов был проведен анализ его связей с обеими в то время еще республиками Советского Союза. Николай Багров об этом исследовании пишет так: «Результаты проведенного исследования, когда для анализа были взяты в динамике 504 показателя, интегрированные в 28 факторов, разбитых на 4 группы по степени важности, показали, что Крыму выгоднее быть с Украиной»[12, с.104].

Поиск Крымом своего места в меняющемся мире привел к интенсивному осмыслению на полуострове своего прошлого, к попыткам определить крымскую идентичность. Новую актуальность приобрели опыты государственности в Крыму на протяжении XX века. Так, в период гражданской войны в Крыму дважды провозглашались советские республики, которые формально были самостоятельными, но, по словам крымского исследователя Игоря Евтюшкина, согласно секретному протоколу заседания Политбюро РКП (б) должны были действовать на правах губисполкомов и подчиняться ВЦИК РСФСР[13, с.80]. Особый интерес в плане отношений Крыма с Украиной представляет опыт провозглашения первой советской республики в Крыму 19 марта 1918 г. Она была создана в рамках Таврической губернии, которая кроме Крыма включала также три уезда материковой Украины. УНР заявляла претензии только на материковую Украину, так как руководствовалась этническим принципом определения границ государства. С этой точки зрения в состав УНР должны были войти земли, где украинцы составляли большинство[13, с.80].

Первая советская республика в Крыму просуществовала всего месяц. После оккупации Украины и Крыма немецкими войсками по условиям Брест-Литовского договора на полуострове появилось краевое правительство, возглавляемое царским генералом Сулейманом Сулькевичем[14]. С этим правительством связан первый опыт самопределения Крыма между Украиной и Россией. Руководитель Крыма симпатизировал белому движению и не желал входить в состав Украины. Павел Скоропадский же был убежден, что Крым – это часть Украины. Фактором убеждения послужила экономическая блокада Крыма со стороны Украинского государства. Осенью 1918 г. была достигнута договоренность о вхождении Крыма в состав Украины на правах территориальной автономии. Это многозначительный прецедент, который в современной полемике практически не обсуждается.

Николай Багров в уже цитированной книге привел интересный документ, опубликованный 3 октября 1918 г. в газете «Таврический голос». Это обращение представителей земских и городских самоуправлений Крыма к Председателю Совета министров Украинского

правительства. В нем в частности говорилось: «…Мы сознаем, что в экономическом отношении Крым не может жить самостоятельной жизнью. Он нуждается в широких рынках сбыта для своих продуктов, добываемых и перерабатываемых на Украине и, вообще, за пределами Крыма (*так в документе* – ***И.К.***). Однако, высказываясь за соединение Крыма с Украиной, мы не можем не указать на необходимость сохранить за Крымом автономных прав. Главнейшими народностями Крыма являются великороссы, татары и немцы. Украинцев в Крыму немного. И простое включение Крыма наравне с другими частями Украины в Украинское государство не соответствовало бы желанию большинства населения. При объединении Крыма с Украиной население Крыма должно получить гарантию свободы своего национального самоопределения и самостоятельного внутреннего самоуправления. Такой гарантией является автономное устройство края» [12, с.289 - 290]. Данный текст можно считать архетипическим. Выраженная в нем позиция в Крыму будет воспроизводится во время кризисных ситуаций

Дискуссии о модели автономии приводили к раздвоению точек зрения среди крымских интеллектуалов. Крымские татары устойчиво продуцировали модель национальной автономии, все остальные – модель территориальной автономии. Попутно замечу, что странным образом большинство современных украинских юристов почему-то именно национальную автономию считают «нормальной». В истории Крыма XX века в разных вариантах реализовывался принцип территориальной автономии, но, тем не менее, в реальной политике обязательно приходилось учитывать интересы крымских татар. Более того, именно крымско-татарский фактор придавал автономии Крыма специфику. Таким образом, в реальном государственном строительстве приходилось достигать компромисса между двумя моделями автономии в Крыму.

После окончания гражданской войны Крым входит в состав РСФСР. Республика по Конституции 1921 г. утверждалась как территориальная автономия. В ней прямо говорилось: «Крымская Советская Социалистическая Республика, утверждая равенство и право на свободное развитие всех национальностей Крыма, отменяет все существовавшие ранее национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения» [13, с.75]. Крымский обком РКП (б) отказывает крымским татарам в создании параллельных национальных профсоюзных, спортивных, молодежных организаций и телеграфа. Но в Крымской АССР были созданы национальные районы и даже национальные сельсоветы. В 1930 г. из 16 районов 5 были татарскими, 1 украинским, 1 еврейским, 1 немецким и 8 смешанными [13, с.76].. Как считает Николай Багров в 30-е годы была достигнута относительная этническая стабильность на полуострове, нарушенная в результате Второй мировой войны[12, с.107]. Первыми из Крыма были депортированы в августе 1941 г. ок. 50 тыс немцев. В 1944г. были осуществлены массовые депортации крымских татар, армян, греков и болгар. В 1945 г. была ликвидирована Крымская АССР. Крым стал областью в составе РСФСР. 19 февраля 1954 Крымская область была передана в состав УССР.

Весь этот опыт, включающий и смену политических форм, и даже смену государственной принадлежности учитывали крымские политики и интеллектуалы, разрабатывая модель автономии. К этому следует добавить опыт крымских татар. Целый народ пережил депортацию, сохранил свою идентичность, вырастил высокоразвитую интеллигенцию, выразившую его интересы, и снова вернулся на историческую родину. Наверное, с этим опытом можно сравнить только исторический опыт еврейского народа.

Однако в начале 1990-х годов отношения между славянскими и татарскими интеллектуалами в Крыму складывались очень сложно. Александр Форманчук, который был одним из разработчиков проекта крымской автономии, прямо говорит: «*Нужно было перехватить инициативу у крымских татар*»(10.10.2008 г.). В связи с эти следует сказать, что крымские татары еще в 1987 г. провели Первое Всесоюзное совещание инициативных групп и в июне делегировали своих представителей для предполагавшейся встречи с Михаилом Горбачевым. С ними встретился тогдашний заместитель Председателя Верховного Совета СССР П. Демичев. Крымско-татарская делегация не получила никаких конкретных обещаний относительно своих основных требований: возвращения крымско-татарского народа на историческую родину и восстановления крымско-татарской государственности. 6 июля 1987 г. группа из 120 крымских татар провела демонстрацию на Красной площади под лозунгами «Верните крымских татар на Родину», «Восстановите декрет В. И. Ленина, Крымскую АССР!» В течение 23 – 25 июля на Красной площади митинговали уже около 800 человек. После этих событий Политбюро ЦК КПСС принимает решение о создании Государственной комиссии по крымско-татарскому вопросу. Её возглавил тогдашний Председатель Президиума Верховного Совета СССР Андрей Громыко. Комиссия работала год и опубликовала выводы, сводившиеся к тому, что «для образования Крымской автономии нет оснований» [1, с.96].. Умер Куртмеметович Чабанов, депутат Алуштинского городского совета, начальник отдела межнациональных отношений Алуштинского горисполкома говорит, что эти выводы «подлили бензина в тлеющий костер». По его словам, на тот момент в Крыму уже проживало около 10 тысяч крымских татар. Но после этих выводов их не прописывали, не брали детей в садики. Иногда возвращавшихся просто вывозили за пределы Украины (09.10.2008 г.).

Крымский историк Игорь Евтюшкин пишет, что только конфликты в Нагорном Карабахе и Ферганской области Узбекистана заставили руководство СССР пересмотреть свою позицию по крымско-татарскому вопросу. В июле 1989 г. начала работать Государственная комиссия по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа, которую возглавлял памятный по событиям ГКЧП Г. Янаев. В ноябре того же года комиссия сделала вывод, что права крымских татар не могут быть восстановлены без восстановления Крымской АССР в составе УССР. В Крыму предполагалось создать территориальную, а не национальную автономию[1, с.83 - 84].. Уже после этого решения инициативу начал проявлять и Крымский

обком КПСС. Руководителей крымско-татарского движения это решение не устраивало. Татары не принимали участия в референдуме по восстановлению автономии. Началась долгая полоса конфронтации, когда вырисовалась возможность развития крымского общества по сегрегационной модели, предполагавшей, что на одной территории формируется два параллельных социальных организма.

Изменение позиции советского руководства по вопросу о восстановлении автономии Крыма было связано с подготовкой нового союзного договора. Поскольку союзные республики взяли курс на суверенизацию и все больше проявляли строптивость, то у М. Горбачева и его окружения возникла идея опереться на автономные республики. Предполагалось, чтобы они также стали субъектами нового союзного договора. Николай Багров пишет, что он ставил перед партийным руководством вопрос о прямом участии Крыма в выработке нового союзного договора. Иван Плющ вспоминает, что встретил в Ново-Огарево Николая Багрова, который, по его мнению, «вел себя как равноценный субъект, а не как руководитель автономии, которая входит в состав Украинской ССР» [Цит.по:1, с.93].. Николай Багров в свою очередь подтверждает, что у него была цель добиться для Крыма статуса участника союзного договора. С его точки зрения «Осознание Крыма как частицы большой Родины в определенной мере отодвигало на второй план вопрос о том, принадлежит ли Крым России или Украине»[12, с.149].

Если отвлечься от всех интриг, без которых нет реальной политики, то в сказанном Николаем Багровым о Крыме есть огромная доля правды. Крым не был простой областью в составе Украинской ССР. Такой областью и не мог быть полуостров, совмещавший функции непотопляемого авианосца, летней резиденции руководства СССР, всесоюзной здравницы и всесоюзного винного погреба. Крым в советское время не стал и не мог стать провинцией Украины. Он во многом был органом советского центра.

Милана Николко считает, что именно в то время были заложены многие крымские традиции. «*Регион привык быть дотационным. Мы – баловни!*». Она продолжает: «*Я долго размышляла, насколько в Крыму сохранилась советскость. Пришла к выводу, что крымская региональная идентичность – это советская идентичность. Пророссийскость и прокоммунистичность – отсюда. В России видят продолжение Советского Союза*» (17.12.2008 г.).

На короткий миг после распада СССР в крымском сообществе возникло то, что можно назвать собственным проектом общественного развития. Основой крымской экономики планировалось сделать, кроме рекреационного, финансовый сектор и международные перевозки. Николай Багров вел дело к созданию подлинной государственности Крыма в рамках Украины. В августе 1991 г. была принята Декларация «О государственном суверенитете Крыма». Там было записано, что носителем суверенитета и источником государственности является народ Крыма и от его имени может выступать только Верховный Совет. Утверждалось

стремление построить правовое демократическое государство в составе Украины. Закреплялось положение, что территория республики не может быть изменена без её согласия. Это положение прямо предполагало вырисовавшуюся проблему Севастополя. В этом документе также провозглашалось исключительное право собственности народа Крыма на землю, недра и экономический и научно-технический потенциал, созданный на полуострове. Милана Николко говорит, что «*Багровым создавался конструкт – крымчанин*»(17.12.2008 г.). Это означает, что для жителей полуострова, независимо от этнической принадлежности, главной в личном самоопределении становится крымская идентичность. Символическим выражением общей крымской идентичности стали флаг (авторы А. Мальгин и В. Трусов), герб (Г. Ефетов, А. Мальгин, В. Трусов, В. Ягупов) и гимн (композитор А. Караманов).

Однако, реальная история не была такой идилличной. В 1992 г. в Крыму возникла сложнейшая кризисная ситуация. С одной стороны, она была связана с кризисом в отношениях Украины и России по поводу Черноморского флота. С другой стороны, в самом Крыму недовольными были все. Республиканское движение Крыма начало требовать проведения нового референдума в Крыму. Начался сбор подписей за его проведение. Предполагалось, что таким образом Крым удастся отторгнуть от Украины и передать в состав Российской Федерации. Николай Багров пишет: «Так рождался новый миф о чудодейственном рецепте, о том, что все проблемы могут быть решены одноразовым механическим актом перехода Крыма из лона одного государства в другое» [12, с.220].

С этого года начался перманентный кризис внутри крымской элиты. Этот кризис привел к поражению в 1994 г. во время выборов президента Крыма Николая Багрова. Победил популист Юрий Мешков. Его правление закончилось отменой Конституции Крыма и ликвидацией поста президент на полуострове. Конституция 1998 г. закрепила нынешний статус Крыма.

Подводя итоги можно сказать, что история Крыма XX века отличается и от истории Украины, и от истории России, хотя и связана с ними. Предшествующая история тем более. Поиски политической формы общественной жизни на полуострове постоянно толкали Крым к поиску автономии. Без определенной степени самостоятельности Крым начинал стагнировать, теряя необходимые импульсы развития.

Самоописание крымского сообщества

Важную роль в жизни любого человеческого сообщества играют повседневные процедуры самоидентификации его членов. В частности, серьезную роль в этом играют практики самописания. В связи с этим я просил своих крымских экспертов рассказать о своем территориальном сообществе. Перед Николаем Николаевичем Кузьминым, кандидатом философских наук, доцентом кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Экономико-правового факультета Одесской национальной юридической академии (г. Симферополь) ставлю вопрос «Есть ли крымское общество?». Он на него отвечает сразу и с готовностью. «*С точки*

*зрения наличия общих проблем общество есть. С точки же зрения консенсуса об их решении – практически нет. Согласие существует только на самом общем уровне. Наподобие призыва жить дружно. Крымское общество – конгломерат дискриминированных. Крымские татары, само собой, так себя чувствуют, для пророссийских русских пребывание Крыма в составе Украины представляется несправедливым. Украинцы? Их практически не видно. Но если украинец решит отдать ребенка в украинскую школу, то ему нужно будет ездить на другой конец города. Русские говорят в свою очередь, что в Крыму нет русских школ, так как существующие не работают по программам Российской федерации. Многие не хотят сталкиваться с украинским языком. Вместе с тем, в ментальном типе крымчанина, независимо от этнической принадлежности, сосуществуют две несовместимые установки: мы лучшие и нас обижают. Вот и получается, что три самые большие этнические группы имеют комплекс неполноценности. Позитивной программы идентичности у них н*ет» (10.10.2008 г). Николай Кузьмин считает, что крымское общество во многом живет советскими проблемами: «*Поэтому улицы Либкнехта или Маркса в Симферополе смотрятся органичнее, чем, скажем, улица Губернаторская. Ведь всякая преемственность с дореволюционными традициями у нас разрушена*»(10.10.2008 г.).

Андрей Васильевич Клименко, главный редактор газеты «Большая Ялта» так передает свое восприятие специфики Крыма: «*Крым долго был в составе средиземноморской цивилизационной системы. Был её воротами, через которые шли зерно и рабы. Россия вырвала его из этого контекста. Полуостров стал военной крепостью. Это продолжалось и при Советском Союзе. После войны для иностранцев все закрыли. Кроме Ялты. Даже Евпатория из-за Центра космического слежения была закрыта. Это формировало у населения особый менталитет. Дальше двигаться некуда. Тупик. К тому же, понять менталитет населения можно, если вспомнить, как формировался его нынешний состав. После гибели огромной массы славянского населения в годы военных действий и фашистской оккупации, после депортации татар, армян, греков встав вопрос о новом заселении Крыма. Было несколько волн переселений. Переселяли по разнарядке. Но кого присылали? Далеко не лучших. Тех, кто был не нужен на родине. Еще один источник пополнения крымского населения – отставники. Это предрасполагало к развитию в такой среде ностальгии по СССР, вообще по прошлому*». По поводу попыток представить Крым потенциальной горячей точкой или мятежной провинцией он говорит следующее: «*Можно ли эту среду назвать конфликтной? В условиях паралича власти на полуостров возвращаются 270 тыс. депортированных жителей. И что? Были массовые стычки? Нет! Может быть, только несколько частных инцидентов. Так что, это говорит о конфликтности или о толерантности?*»(08.10.2008 г.).

Нарративы, которыми пользуются крымчане, во многом совпадают. Их разделяют как интеллектуалы, так и простые жители. Наталья Леонидовна Теплякова, студентка Алуштинского филиала Луганского национального университета им. Тараса Шевченко говорит: «*Крымчанин – специфическое существо. В нем все смешалось. Речь русская. Насильственное насаждение украинской мовы вызывает протест. Раньше любили Лесю Украинку, украинские песни пели. А сейчас закрыла полочку с украинскими книгами. Добились от нас отвращения!*» (09.10.2008 г.).

Мои респонденты отмечают, что крымское территориальное сообщество прошло путь от сегрегационной модели развития к относительной консолидации. Умер Чабанов о начале 1990-х годов вспоминает так: «*Я воспитывался в духе интернационализма. У нас в классе были представители десятка национальностей. Только приехав в Крым, я столкнулся с настоящим национализмом. Местное население зомбировали антитатарскими лозунгами*»(09.10.2008 г.). Про нынешние межэтнические отношения он говорит совсем иначе: «*Межнациональной напряженности нет. Все это враки. Это используется политиками, чтобы решить свои вопросы. Крымские татары как хозяева относятся к Крыму. Ведь никто из нас отсюда уже не уедет. Даже русские говорят, что теперь в Крыму будет порядок*» (09.10.2008 г.). Милана Николко тоже отмечает: «*В последнее время снизилась межнациональная напряженность. Ситуация с самозахватами земли стабилизировалась*» (17.12.2008 г.).

Зера Сейтаблаева говорит о межнациональных отношениях в Крыму: «*На бытовом уровне нет конфликтности между славянским населением и крымскими татарами. Но после каких-то резонансных событий в Симферополе начинаешь чувствовать, что к тебе, как к крымской татарке, начинают относиться по-особому. Патриотические, национальные чувства у людей – самое уязвимое место. Тут преобладают эмоции*» (18.12.2008 г.). Вместе с тем, улучшение межнациональных отношений стимулирует процесс ассимиляции крымских татар: «*Молодежь забывает свой язык. Разговаривают на русском языке. Идет ассимиляция*» (18.12.2008 г.).

Все это позволяет заключить, что крымское территориальное сообщество вполне жизнеспособно. Его уже не разорвут межеэтнические противоречия. В целом крымчане отличаются от жителей других украинских земель. Они не бросаются к гостю, хотя дружелюбны и корректны. Видимо, сказывается привычка к постоянному потоку приезжих, к постоянному калейдоскопу лиц. У них нет уверенности, что встреча может иметь продолжение. Но о Крыме, несмотря на все это, говорят сразу и охотно, как вроде бы ожидали этого вопроса. В большинстве случаев я не встречался с противопоставление Крыма Украине. Скорее заметно ожидание понимания специфики Крыма со стороны Украины. Татьяна Александровна Гучакова, первый заместитель главного редактора газеты

«Большая Ялта» выразилась так: «*Нельзя делать насильственных движений. Киев не должен доказывать, что Крым украинский, а вкладывать в него деньги*»(08.10.2008 г.).

Конечно, взаимодействие Симферополя и Киева зависит от обеих сторон. Мои респонденты отмечали, что крымская элита далеко не всегда оказывается на высоте в этом взаимодействии. Милана Николко говорит: «*Элита не разрабатывает модель коммуникации с Киевом. Скорее с Москвой. В отношениях с Киевом скорее отстаивают свои интерес*ы»(17.12.2008 г.). Николай Кузьмин еще категоричнее: «*Крым – не субъект, а объект, который используют. Крым не родил элиты. Те, кто так себя называют, делают бабки и деградируют на глазах*»(10.10.2008 г.). Эти выводы подтверждаются специальными исследованиями. Социолог А. Зоткин пришел к заключению, что крымская элита отличается от элитных групп других украинских регионов. Она не участвовала в борьбе за места в центральной власти, замыкая свои интересы Крымом. Он пишет: «…В Крыму за неполные десять лет трижды сменился высший эшелон управления. Можно увидеть, что властная элита Крыма за довольно короткий срок перешла от одной модели воспроизводства (циркуляции) к другой, по сути, противоположной (репродукции, закрытому самовоспроизводству)»[15, с.182].Общий вывод делается такой: «…Крымская властная элита все ещё не разработала собственные эффективные механизмы управления. Отсюда следует вывод, что Украинское государство пока не имеет по-настоящему эффективного и надежного института региональной власти в Крыму, а имеет только ряд проблем относительно его совершенствования» [15, с.183]. Соглашаясь с общей оценкой процессов внутри элитных групп Крыма, не могу разделить пафос последнего вывода. Вина лежит не только на крымской элите. Киев в свою очередь сделал все, чтобы её маргинализировать. Милана Николко говорит: «*В середине 90-х годов была попытка Киева навязать отношения с позиции силы. Конституция 98 года практически автономию нивелировала. С приходом к власти Ющенко никак не могут наладиться отношения «центр – регион*»(17.12.2008 г.).

В качестве **общего вывода** хочу заметить, что поискам модели развития Крыма в дальнейшем может помешать неправильное его атрибутирование как региона. Это на настоящий момент, как следует из всего предшествующего, является общим местом в дискурсе крымских авторов. По моему мнению, Крым – это маленькая страна, примыкающая к Украине и связанная с ней. Страной его в географическом отношении делают ландшафтное разнообразие и комплексность, отделенность от материка. В социальном отношении в страну его превращает особая история и геополитическое положение. История Крыма неоднократно прерывалась. Менялось население. Но даже после значительных миграционных вливаний крымское сообщество начинало искать возможности для автономного развития. Это ярко проявляется в настоящий момент. Осознание необходимости автономного статуса объединяет всех крымчан, несмотря на неконсолидированность крымского сообщества и слабость элитных групп. Само положение Крыма продуцирует соответствующие «объективные мыслительные формы». В силу этого для

обозначения Крыма в его отношениях с Украиной больше подойдет не термин «регион», а немецкое слово «хинтерланд» (Hinterland). Крым органично существует в составе Украины как автономная республика. Это следует подчеркнуть особо. Территориальная автономия Крыма обусловлена его спецификой как хинтерланда Украины. Автономия должна только наполняться реальным содержанием, что требует значительных умений, как от украинских, так и от крымских политиков. Но только на этом пути можно гармонизировать отношения Украины и Крыма. А эта гармония даст дополнительные импульсы развития для обоих.

Список литературы

1. Евтюшкин И. В. Автономизация Крыма и распад политической системы СССР // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Т. 19 (58), №3. Политические науки. – Симферополь, 2006. – С. 79 – 98.
2. Мащенко А. Русские: отступать некуда, позади Черное море // Крымское время, 2008, 9 октября. – С.6.
3. Кокорина А. Не закроют нам каналы Нацсовета генералы! // Крымское время, 2008, 25 октября. – С.1 - 2.
4. В школах Севастополя на украинский переведут даже физкультуру и уроки труда // Эхо, 2008, 2 октября. – С.2.
5. http://www.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality/crimea/
6. Светлова В. Мятежный Крым // Киевские ведомости, 2008, 19 сентября. – С.5.
7. УНІАН: Автономія Криму – загроза національній безпеці України // http://www.tiahnybok.info/diyalnist_podiya/dokument004670.html
8. Лужков Ю. Россия. Украина. НАТО. Крым // http://www.izvestia.ru/comment/article3114624/index.html
9. http://www.narochnitskaia.ru/cgi-bin/main.cgi?item=1r250r080829130528
10. СБУ: «Севастополь – Крым – Россию» финансирует Москва // Первая крымская., 2008, 17 – 23 октября. – С.3.
11. http://www.rosbalt.com.ua/2008/11/12/541059.html
12. Багров Н. В. Крым: время надежд и тревог. – Б.М., б.г., - 381 с.
13. Евтюшкин И. В. К вопросу о крымской модели региональной автономии// Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Т. 18 (57), №1. Политические науки. – Симферополь, 2005. – С.71 – 82.
14. Шарафутдинов Д., Гришин Я. Российский генерал Сулейман Сулькевич // http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonimous/main/?path=mg:/numbers/1999_1_2/06/06_2/
15. Зоткин А. Институт региональной власти на примере Автономной республики Крым // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2003. - №4. – С.175 – 184.

Н.Н. Кузьмин

ТУПИКИ КРЫМСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Справедливо будет сказать, что одной из наиболее популярных ассоциаций, всплывающих в сознании при упоминании Крыма в контексте возможностей развития, будет слово «потенциал». С тех пор как дискурс регионализма стал занимать значительное место при обсуждении путей и возможностей развития отдельных территорий украинского государства, данный термин постоянно звучит применительно к крымскому полуострову. Обсуждение потенциала Крыма, его раскрытия в последние два десятилетия, когда для территорий стало необходимым полагаться на собственные силы, уже успело набить

оскомину. Но, как известно, потенциал на хлеб не намажешь, тепло в доме от него тоже не станет и сам по себе он не раскрывается как цветок под солнцем.

С другой стороны, трудно спорить с тем, что серьезный потенциал в аспекте экономического, социального, культурного, политического развития в Крыму, безусловно, присутствует. Это и заезженное в многочисленных обсуждениях уникальное географическое положение, так называемый исторический опыт, многочисленные порты, рекреационные возможности, активные политические институты, взаимодействие культур, возможности международного политического сотрудничества, опыт политической борьбы и самоорганизации институтов, высокий образовательный уровень населения – это далеко не полный список всех крымских «потенциалов». Плюс необходимо добавить возможность синергии перечисленных и не перечисленных факторов, способствующих успешному развитию. Однако, как гласит известная восточная банальность, обсуждение достоинств какого-либо сладкого предмета мало влияет на реакцию вкусовых рецепторов.

Таким образом, можно констатировать наличие проблемы дисбаланса между явным наличным потенциалом и реальным результатом. Трудно спорить с тем, что современный Крым может похвастаться только периодическими скандалами и перманентными проблемами. Пенять на какие-либо внешние обстоятельства не приходится, поскольку за последние два десятилетия они радикально изменялись (достаточно сравнить различия во внутренней политике при трех украинских президентах, Россию позднего Ельцина и современную российскую политику, уровень интереса к черноморскому региону со стороны США). Серьезным образом трансформировалась и крымская элита, так что аргумент, типа, «не те нами правят» также не состоятелен. Поэтому актуальным становится анализ внутреннего потенциала крымского социума, состояния его социального капитала, поиск культурных и социально-антропологических детерминант, препятствующих так называемому «раскрытию потенциала». Такой анализ и является задачей нашего исследования.

При рассмотрении Крыма с точки зрения экономического, социокультурного и социально-политического потенциала в глаза сразу бросаются две его особенности. Первая – предрасположенность Крыма как отдельного региона украинского государства к высокому уровню самостоятельности. Это обусловлено спецификой географического положения, исторического развития, этнокультурного состава населения. Вторая особенность – это пограничность Крыма. В мире не много можно найти регионов, которые настолько бы ярко воплощали в себе специфические черты, свойственные пограничью, которое в данной статье понимается как социально-экономическое пространство, конституированное наличием государственной границы, в результате действия контактной функции которой формируются особые типы политических, экономических, культурных и социальных отношений, отличающиеся от сложившихся в центре и провинциях государства.

Именно пограничность с начала 90-х гг. XX в., когда резко ослабла барьерная функция государственной границы, и, наоборот, усилилась контактная, рассматривалась как основа потенциала развития крымского полуострова. Пограничность Крыма находит свое воплощение в его существовании на межцивилизационных границах (исламский и христианский мир, гипотетическая восточно-православная и западно-христианская цивилизации), на границе средиземноморья и континентальной Евразии как культурно-географических миров, славянского и тюркского мира. Пограничность Крыма обусловлена и наиболее сильным влиянием России по сравнению с другими украинскими регионами.

Рассмотрение пограничного положения как основы потенциала Крыма стало общим местом, своеобразным трюизмом, который не обсуждается, а принимается как самоочевидная истина. В качестве иллюстрации можно привести цитату их обычного крымского научного журнала, из статьи рядового ученого философа, то есть из источника, не претендующего на самобытность и оригинальность: «Своим пограничным географическим положением Крым делит историческое пространство на Запад и Восток, тем самым доказывает свое право на особый тип цивилизационного развития, синтезирующий восточный традиционализм и замкнутость с западным динамизмом и рациональностью. Приобщаясь к этим традициям, но не принимая ни одну из них, Крым сохраняет бытие-в-себе, самобытность и уникальность своего становления и утверждение многих субкультур в единой культуре» [1, с.227].

Такого рода высказывания в 90-е гг. XX в. можно было услышать часто. Этот набор цветистых словосочетаний рисует нам картину того, чем Крым мог быть в идеале. На самом деле реальность значительно отличается от глянцевых открыток, на которых действительно могут сочетаться минареты с ультрасовременными фасадами, военные корабли и круизные лайнеры, торговые ряды и научно-технологические достижения. Почему же Крым не смог стать реальным пограничьем, которое по определению должно представлять собой креативное пространство активного взаимодействия культур, быть местом формирования на данной основе новых качеств, особой динамики, регионом, выступающим своеобразным локомотивом развития по отношению к остальной территории государства.

В поиске ответа на данный вопрос мы будем исходить из тезиса, что само по себе пограничное положение не может стать основой развития. Еще один из основоположников современных исследований пограничья Ю. Хлебовчик выделял два типа данных регионов: стыковое и переходное пограничье [2, с.21-52], в которых по-разному осуществляется межкультурное взаимодействие. Специфику развития приграничных территорий определяет и преобладание одной из функций границ: барьерной, фильтрующей или контактной. Соответственно в разных ситуациях сообщества пограничных регионов могут приобретать разные качества, различаться по своими социально-антропологическим характеристикам.

В исследованиях проблем пограничья (Borderlands) часто приходится сталкиваться с понятием «пограничные люди» (Border People), которое было предложено американским ученым О. Мартинесом. Эта категория возникла в результате исследования социокультурных взаимодействий в районе американо-мексиканской границы и означала сообщество, социально-антропологические характеристики которого конституированы имеющейся государственной границей, разделяющей два общества и две культуры [3]. По мнению О. Мартинеса культура пограничных регионов характеризуется повышенной мобильностью и восприимчивостью к инновациям. Ее носители четко осознают свои особые интересы и способны бесконфликтно существовать в нескольких «культурных мирах» и социально-политических пространствах [там же].

Таким образом, в содержание понятия «Border People» как правило включают такие характеристики, как открытость к взаимодействиям, инновациям, высокая социокультурная компетентность в ситуации межкультурных контактов и даже одновременная принадлежность к разным культурам. По мнению В.А. Дергачева пограничье можно характеризовать как маргинальную коммуникативность, при этом маргинальность выступает не как негативное качество, но является важным культурным ресурсом [4, с. 6-33]. Такой подход к пониманию социально-антропологических характеристик пограничья можно признать вполне правомерным, поскольку именно в таком сообществе приграничный регион в полной мере может реализовать свой потенциал.

Если же обратиться к анализу крымского социума в данном контексте, то ответ почему Крыму не удалось реализовать свой пограничный потенциал лежит на поверхности: Borderlands есть, а Border People – нет. То есть отсутствует значительная критическая масса людей, способных реализовать себя в условиях интенсивных межгосударственных и межкультурных контактов, в условиях открытой экономики и высокой конкуренции. Да и откуда им было взяться. Современный крымский социум полностью сформирован советской действительностью, интенции которой были направлены на унификацию социального пространства, его закрытость. О влиянии дореволюционных социокультурных практик в современном Крыму говорить вообще не приходится. Крымское общество довоенного времени также оказалось полностью разрушенным депортациями и последующими переселенческими волнами.

Современное крымскотатарское сообщество также, как это не парадоксально звучит, сформировано советской эпохой. Оно живет проблемами, которые были заложены в период советской власти и не разрешены до сих пор. Лозунг восстановления исторической справедливости обращает крымских татар в прошлое, препятствует осознанию того, что представляет собой крымскотатарский народ в настоящем, формированию позитивной, а не реактивной и полемической идентичности.

Крымскотатарское сообщество, которое на первый взгляд должно было бы в значительной степени способствовать реализации Крыма как пограничья, большей открытости Крыма в целом по отношении к мусульманскому, тюркскому мирам, наоборот, замкнулось в себе. Его лидеры с большим недоверием относятся к эмиссарам их исламским стран, видя в них конкурентов в борьбе за влияние внутри крымскотатарского сообщества. Неприятие ими «нетрадиционного» для Крыма ислама практически вышло на уровень ксенофобии. Здесь можно привести некоторые высказывания лидера крымских татар Мустафы Джемилева по отношению к тем своим соотечественникам, которые стали сторонниками нетрадиционных для Крыма течений ислама, распространенных в странах ближнего востока: «серьезную опасность для единства нашего народа, если не предпринимать соответствующих мер, могут представлять различные религиозные сектанты из числа наших соотечественников»; «органы национального самоуправления должны предпринимать активные меры по нейтрализации их пагубной деятельности, ограждению наших людей и в первую очередь нашей молодежи от влияния этих сектантов»; «если окажется, что в каких-то мечетях сил Муфтията недостаточно, чтобы противостоять этим сектантам, то такие мечети должны немедленно переходить под контроль региональных меджлисов» [5]. Все эти цитаты взяты из одной речи, произнесенной в декабре 2007 г. Они указывают на формирование конфронтационного и изоляционистского дискурса по отношению к разнообразному исламскому миру. Отношения между Духовным управлением мусульман Крыма, подконтрольного меджлису крымскотатарского народа, и Духовного управления мусульман Украины, полностью открытого остальному исламскому миру в настоящее время мало отличаются от отношений, сложившихся между Украинской православной церковью Московского патриархата и Киевским патриархатом.

Таким образом, возвращение крымских татар из мест депортации никак не способствовало раскрытию пограничного потенциала Крыма ни в культурном, ни в экономическом аспектах, а только усилило внутренние конфликты и, следовательно, и более острожное отношение внешних акторов к крымскому полуострову. Вместе с тем реальная закрытость большей части крымскотатарского сообщества по отношению к исламскому миру остается практически незаметной для основной массы населения. В общественном мнении, наоборот, господствует представление о реальной возможности проявления в среде крымских татар исламского экстремизма, внедрения в Крым через крымскотатарское сообщество фундаменталистских течений ислама. Это, в свою очередь, способствует еще большей закрытости крымского социума в целом по отношению к исламскому миру.

Дискурс единства крымскотатарского народа поддерживается за счет акцентуации внимания на дискриминации. В этом плане действительно существуют реальные проблемы. Однако дискриминационная риторика присуща всем основным национальным группам

Крыма, она характерна не только для крымских татар, но и для русских и украинцев. В этом смысле крымское общество часто характеризуют как сообщество дискриминируемых. И, что самое интересное, каждая их основных этнических групп Крыма без труда находит примеры свое дискриминации. Крымские татары обращают внимание на не разрешенность земельных и культурно-языковых проблем, ксенофобию по отношению к крымским татарам, которая активно поддерживается СМИ. Русские жалуются на украинизацию и антироссийскую политику Украины. Украинцы – на практическое отсутствие украиноязычного образования и украинофобские настроения в СМИ и т.д. Данные исследования Центра Разумкова показывают, что 85% крымских татар считают, что их права обеспечены недостаточно или совсем не обеспечены, аналогичной позиции по отношению к обеспеченности прав русскоязычного населения придерживается 81% русских [6, с.48].

Таким образом, можно констатировать наличие у трех основных этнических групп Крыма «полемической идентичности», обладая которой группа не только отличает себя от других, но и «агрессивно» завышено себя оценивает или даже восстанавливает себя против других, приписывая им в основном негативные качества [7]. Очевидно, что это препятствует интеграции жителей Крыма в единое сообщество, формированию общего социального капитала, способствует закрытости не только по отношению друг к другу, ни и в коммуникации с внешними акторами. Закрытость этнокультурных сообществ, дезинтеграционное состояние социального капитала обуславливает закрытость, подозрительность к внешнему миру, низкую креативность элиты, потребительские настроения («нас дискриминируют, защитите нас»).

Осознание дискриминации создает жестко классификационный мир, разделенный на «мы» и «они». Вместе с тем в исследованиях современного пограничья подчеркивается, что оно должно представлять собой зону слома жестких классификационных структур, которая должна мыслится «не как аналитически пустая транзитная зона, но как место креативного культурного производства» (Р. Росалдо) [8, с.208]. Конечно, как показал Ф. Барт, этнические группы конституируются границами между сообществами [9, с.34], но по аналогии с функциями государственной границы можно сказать, что границы между основными этнокультурными сообществами Крыма выполняют в первую очередь барьерную, а не контактную функцию.

Примером закрытости крымского социума является практически полное отсутствие активного социального и культурного сотрудничества с Болгарией, лежащей всего в нескольких сотнях километров от побережья Крыма, несмотря на языковую близость, общность религии, что должно было бы способствовать возможности взаимопонимания. История же свидетельствует, что моря служили гораздо меньшим препятствием для контактов. Поэтому К. Хаусхофер и указывал на то, что «морская граница – вовсе ни линия, а переходная зона сильной пульсирующей жизни, которая и здесь устремляется во вне к противоположному побережью» [10, с.23].

Причерноморье в целом, и Крым в частности, обращенные одновременно к Евросоюзу, Восточному средиземноморью, Кавказу и России оказались слабо затронутыми трансграничным сотрудничеством. Лишь в 2006 г. начинается реализовываться проект черноморского еврорегиона и сейчас, спустя два года еще продолжается учредительная стадия, причем лидером этого движения со стороны Украины выступает Одесса, а не Крым. Показательно, что еврорегионы активно формировались сначала вдоль западных границ Украины (Карпатский Еврорегион, Еврорегион «Буг», Еврорегион «Верхний Прут», Еврорегион «Нижний Дунай») потом вдоль северных и восточных («Днепр», «Слобожанщина», «Ярославна») [11, с.175-179], и лишь затем это движение стало реализовываться в регионе, где пересекаются границы и интересы Евросоюза и России. В тоже время европейский опыт свидетельствует об успешности трансграничных еврорегионов, объединяющих территории, расположенные на противоположных берегах Адриатического и балтийского морей.

Учитывая тот факт, что большинство населения Крыма составляют русские и представители народов, проживающих в Российской Федерации, а также то, что значительная часть крымских украинцев фактически русифицирована, можно было бы ожидать, что Крым активно реализует свою пограничность в отношениях с Россией. Такая практика стала весьма распространенной в современном мире. Экс-президент Словакии Р. Шустер подчеркивает, что приграничные регионы являются связующим звеном в межгосударственных отношениях, что региональное трансграничное сотрудничество сегодня стало неотъемлемой частью дипломатии [12, с.55]. А, например, А. Пелинка указывает, что в современной Австрии интересы этнических меньшинств, проживающих на территориях, граничащих со Словенией и Италией, «вынесли эти провинции прямо и опосредованно на международную арену» [цит. по 13, с. 111].

Однако, пограничность Крыма по отношению к современной Российской федерации нашла свое выражение лишь в скупке новыми российскими капиталистами крымской недвижимости и бесконечным спорам по проблеме базирования Черноморского флота. В начале 90-х гг. XX в. был популярен лозунг, гласящий, что Крым – это «мост между Россией и Украиной», но практика показала, что этот мост играет периферийную роль в построении отношений между двумя странами. Контактные отношения русских организаций направлены в первую очередь на свое сообщество, а не на крымский социум в целом. Поэтому в настоящее время Крым для России лишь плацдарм в геополитической игре и не надо ее в этом обвинять, поскольку причиной такой ситуации является в первую очередь пассивное состояние крымского социума. Активизация крымской проблематики в контексте российско-украинских отношений в последнее время связана отнюдь не с метафорой моста, а с потенциальным конфликтом, в котором население Крыма будет не субъектом, а объектом внешнеполитических игр.

Таким образом, можно констатировать, что Крым практически никак не реализовал себя в качестве пограничного региона. Пограничность Крыма реализовалась на нулевом уровне, поскольку положительные и отрицательные факторы уравновесили друг друга, причем отрицательными факторами выступили существенные социально-антропологические характеристики крымского социума. Поэтому Крым вполне правомерно можно назвать «нулевым» пограничьем.

Список литературы

1. Новикова М.В. Национальная идентичность и проблемы этноэтики // Культура народов Причерноморья. - 1998. - N3. - С. 224-228.
2. Chlebowczyk J. Procesy narodotworcze we wschodneij Europie Srodkowej w dobie kapitalizmu. – Katowice; Warszawa; Krakow, 1975.
3. Martinez O. Border People: Life and Society in the U.S. – Mexico Borderlands. Tucson: The University of Arizona, 1998.
4. Дергачев В.А. Раскаленные рубежи: очерки маргинальной коммуникативности. – Одесса: Астропринт, 1998. – 104 с.
5. Обсуждение некоторых тезисов из доклада Мустафы агъа // http://maidan.org.ua/static/krymmai/1197210455.html
6. Суспільно-політичні, міжнаціональні та міжконфесійні відносини в Автономній Республіці Крим: стан, проблеми, шляхи вирішення. Робочі матеріали до фахової дискусії на тему “АР Крим сьогодні і завтра: територія ризику чи зона конфлікту?” 18 грудня 2008 р. // http://www.uceps.org/news.php?news_id=138
7. Камиллери К. Идентичность и управление культурными несоответствиями: попытка типологии // Вопросы социологии. – 1993. - №1/2. - С. 103-117.
8. Rosaldo R. Culture and Truth. The remaking of Social Analysis. – Boston, 1989.
9. Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта; [пер. с англ.]. – М.: Новое изд-во, 2006. – 187 с.
10. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. – М.: Мысль, 2001. – 426 с.
11. Ткач Д.И. Трансграничное сотрудничество: украинское измерение // Діалог цивілізацій: нові принципи організації світу: Матеріали всесвітньої конференції. Київ, 24 травня 2002 р. – К.: МАУП, 2002. – С. 175-179.
12. Шустер Р. Региональная политика как часть международной политики // Международная жизнь. – 2002. – №1. – С.53-57.
13. Фарукшин М.Х. Субъекты федераций в международных отношениях // Полис. – 1995. – С. 109-118.

Э.С. Кульпин-Губайдуллин

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ КРЫМСКИХ ТАТАР

“Крым является национальной территорией крымскотатарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение так, как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом. Политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымскотатарского народа возможно только в его суверенном национальном государстве. К этой цели будет стремиться крымскотатарский народ, используя все средства, предусмотренные международным правом”.

Декларация о национальном суверенитете крымскотатарского народа.

20 лет тому назад Декларация о национальном суверенитете крымско-татарского народа определила национальные цели лишь в самых общих чертах, не детально. В то же время очень четко было названо средство достижение цели. В результате, чтобы не произошло подмены понятий, прежде всего, нужно четко отделить одно от другого. Безусловно, что цели – политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымско-татарского народа, средство достижения целей - суверенное национальное государство. Эти цели и средство и являются основополагающими для меджлиса - нелегитимного с юридической точки зрения органа власти крымско-татарского народа.

Для многих исследователей не цели (никто без риска потерять лицо не выступит против целей), а средство их достижения – суверенное национальное государство относится исследователями к разряду виртуальных (мыслимо возможных), но практически неосуществимых и деструктивных. Не осуществимых потому, что игнорируются гражданские права других народов полуострова[94], и деструктивных, поскольку делает конфронтацию жителей Крыма морально оправданной и неизбежной[95]. Как известно, средства могут дискредитировать цель. Казалось бы, это очевидно для всех, поскольку прагматиков всегда больше, чем идеалистов разных мастей[96]. Но почему же и через 20 лет после публикации упомянутой декларации крымско-татарская оппозиция меджлиса, ориентированная отнюдь не на межэтническую рознь, а на достижение согласия и комлиментарности, как ни странно, имеет ту же самую стратегию и постулирует ее еще более жестко, чем в названной Декларации. В программе политической организации Милли Фирка «Крымские татары: Стратегия XXI века» утверждается: «Только наличие полноценной государственности является необходимым и достаточным условием сохранения, развития и будущности любого народа. Как показывает опыт человечества, никакая иная самоорганизация нации этого обеспечить не может. Без государственности народ обречен на медленную, но верную гибель. Поэтому, если крымскотатарский народ желает сохраниться как самобытный народ на земле, у него не может быть иной цели, как построение своей государственности. Нет и быть не может. Отсюда становится понятной, какой должна быть стратегия и национальная идея XXI века крымскотатарского народа –

[94] Лев Перепелкин и Николай Руденский, авторы исследования этнополитических проблем крымских татар, в частности, пишут: «Декларация недвусмысленно признает право на самоопределение не за всем населением Крыма, а только за крымскотатарской этнической общностью… Многие статьи анализируемого проекта Конституции предполагают, что реальная политическая власть в Крыму должна перейти к представительному органу крымскотатарского народа — Меджлису. Таким образом, большая часть населения Республики будет отстранена от политической власти. С точки зрения международного права, данный проект содержит все признаки “расовой дискриминации”» [3].

[95] По сути, создание такого государства – это реализация лозунга «Крым для крымских татар», что живо напоминает зеркальную сталинскую антитезу – «Крым без крымских татар».

[96] Один из известных политических лидеров крымских татар Надир Бекиров в интервью российскому изданию АПН заявил: "Крымские татары понимают, что независимое крымско-татарское государство будет недееспособным. Крым как самостоятельное государство не способен просуществовать и месяца" и детально аргументировал свою точку зрения. [4].

построение национальной государственности в границах этнической территории». На прямой вопрос в личных беседах руководители оппозиционной Милли Фирка, отвечали: «Иначе народ не поймет». Подобный ответ заставляет задуматься как о ментальной подоплеке ответа, так и о возможности или невозможности иных способов достижения целей. История показывает, что во все времена люди ищут разные пути достижения целей, а не останавливаются на каком-то одном.

Со времени принятия Декларации прошло 20 лет. Это не просто большой, это – огромный срок – время смены состава четырех парламентов, время демографической смены поколений. Длительность времени позволяет, не рассматривая попытки реализации целей иными способами, посмотреть на итог, на так сказать, сухой остаток. Прежде всего, попробуем обозначить ограничения - то, что делает политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение ограниченным или без чего оно в принципе становится невозможным, нереальным.

Политическое возрождение невозможно без участия представителей народа в процессе принятия основных решений относительно жизни этноса. Без долгих рассуждений ясно, что крымско-татарский народ на своей земле не может быть отстраненным от принятия основных, главных решений по Крыму. Формы участия могут быть разными, но его смысл во всех случаях идентичен: такое участие подразумевает (иного не придумано) работу в *законодательных* органах власти. Как говорит исторический опыт других стран и народов формы участия должны быть официально закреплены законодательными актами – конституционными положениями. Важно, чтобы в принципе участие было легитимным. Если нет легитимного участия, возникают формы нелегитимного. Не случайно меджлис – нелегитимен. За 20 лет легитимно крымские татары не вошли во власть, как официальные представители народа. Согласно украинскому законодательству, не составляя нигде на местах электорального большинства крымские татары не могут самостоятельно избрать своих депутатов в крымский парламент (не говоря уже об украинском), а гарантированных национальных квот, которые могут быть, к примеру, в двухпалатном парламенте, не предусмотрено. Более того, в унитарном государстве, каким является Украина, таких квот не может быть по определению. Следовательно, без изменения конституции страны этнос не имеет реальных инструментов такой формы защиты интересов народа, которая была бы закреплена законодательно. На сегодня чтобы желаемые изменения произошли, нужно иметь большинство в парламенте государства, что для малого этноса в принципе невозможно. О чем говорит политическая практика 20 лет? Голоса избирателей татар являются довеском к голосам русских и украинцев, отданных той или иной партии. Довеском после избрания можно пренебречь в пользу основных электоральных интересов, что и делается. 20 лет жизни показывают, что самостоятельно в рамках существующего правового поля крымские

татары не имели и не имеют возможности осуществить главные политические цели. Если подойти к проблеме не предвзято, то видно, что справедливое желание этноса быть активным участником процесса принятия основных решений не удовлетворено до сих пор.

Экономические процветание невозможно без участия этноса в развитии наиболее перспективной отрасли экономики региона. Для сегодняшнего Крыма – это рекреационный курортный бизнес. Для того, чтобы участвовать в этом бизнесе надо, прежде всего, иметь возможность жить там, где работаешь. Первостепенным, наиболее справедливым решением, не для всех, но хотя бы для части этноса могла бы быть реституция собственности лиц, депортированных с Южного берега Крыма. Конечно, это не простой в решении вопрос. Но здесь важно другое: в практическом ключе он вообще не рассматривался. В результате, за исключением восточного Крыма (Судака и Феодосии), репатрианты долгое время просто не допускались в основную курортную зону – южный берег Крыма, что породило нелегитимные формы решения проблемы - самозахваты.

Факт, что там, где была реализована возможность участия в рекреационном бизнесе (например, в Судаке), наблюдается рост экономического благосостояния репатриантов и стихийный внутренний миграционный поток репатриантов в эту зону относительного экономического благополучия. Но исключение из правила лишь подтверждает правило, и нужно констатировать существование официальной политической и трудовой дискриминации. Там, где нет административных ограничений, например, для сезонной трудовой миграции, мы видим, что крымские татары – трудолюбивый народ, с уровнем сложности рабочей силы вполне соответствующей определенным сегментам данной отрасли экономики, внес вклад в развитии курортного бизнеса.

Однако в целом, в рамках существующего правового поля народ не получил равные (естественно, с учетом интересов других народов) возможности для работы в наиболее перспективной отрасли экономики, т.е. в конкретных условиях Крыма все 20 лет мы видим серьезные ограничения процесса экономического возрождения.

Духовное возрождение реально в условиях гарантии официального права на этнические особенности, не только в частной жизни, но и общественной, права на национальную идентификацию: на свое имя, фамилию, национальность. В отличие от русских, у татар имена и фамилии не украинизировались, но официальная перспектива новых поколений татар (как и представителей всех остальных национальных меньшинств в унитарном государстве) – быть украинцами татарского происхождения, а не татарами. Таким образом, в течение 20 лет, процесс духовного возрождения если и шел, то не благодаря, а вопреки общественному климату, установленному и поддерживаемому государством.

С культурным возрождением дело обстоит, возможно, несколько лучше, однако и здесь многие успехи достигнуты не «благодаря», а «вопреки».

Факт, крымские татары пытаются решить вопрос не путем вооруженной борьбы и терроризма, как мы наблюдаем на Северном Кавказе, а политическими методами. При этом, они апеллируют к международному праву. Однако дает ли последнее цивилизованный «маршрутный лист» к намеченной цели? Существует ли общепризнанный рецепт легитимности новых государств?

Мировая практика создания новых национальных государств балансирует между Сциллой права наций на самоопределение и Харибдой незыбленности государственных образований. С одной стороны, есть право нации на самоопределении, которое в принципе, никто не отменял. Но с другой стороны, есть общая правовая установка на сохранение исторически сложившихся после Второй мировой войны границ и государств. С 1945 г. есть прецеденты самоопределения наций, так и недопущения их самоопределения. При этом историческая родина не обязательно является основанием для создания национального государства, а продолжительность проживания этноса на данной территории не имеет решающего значения. Для самого этноса значимо лишь самоощущение связи с землей: народ, пришедший на новую землю, начинает ощущать ее как родную в третьем демографическом поколении [5, с. 241-250]. Аргумент прародины стал решающим, например, в возникновении Израиля, но оказался не действенным при создании албанского Косова на исторической родине сербов. Создание Израиля породило непрекращающийся арабский терроризм в Палестине.

Существенным аргументом, при прочих равных, является численное преобладание этноса, проживающего на данной территории. В этом случае силовые аргументы, как правило (де-факто), признаются легитимными, во всех иных случаях силовые аргументы осуждаются мировой общественностью. Прецеденты, к примеру, Израиля и Косова, свидетельствует, что изменение национальных границ и в наши дни, как и в далеком прошлом происходит в соответствии с действием отнюдь не права, а силы.

В «сухом остатке» становится понятным, почему все крымские татары вне зависимости от своих политических убеждений полагают, что нет иных путей достижения национального возрождения, кроме создания национального крымско-татарского государства. Означает ли это, что иных путей в принципе не существует? Нет, *это означает, что проблема не может быть решена самими крымскими татарами, что решение находится не внутри этноса, а вне его, что этот вопрос должен быть поднят и решен общественностью как Крыма, так и Украины в целом.* Разумеется, с участием крымских татар. Несмотря на стилистическую жесткость положений Декларации, ее смысл не в самоизоляции, напротив, в приглашении к диалогу на языке международного права. И пусть этот язык не дает четких рекомендаций, *диалог* сам по себе подразумевает возможность цивилизованного решения проблемы.

Если смотреть в будущее, то ясно, что только в процессе диалога шаг за шагом можно найти приемлемые для всех этносов *легитимные* формы, как участия в процессе принятия

основных решений в политической и экономической жизни, так и нормы жизнедеятельности обязательные для всеобщего добровольного исполнения, т.е. *ответственность*. Отсутствие диалога провоцирует нелегитимные методы решения проблем, вплоть до крайних.

Литература

1. Декларация о национальном суверенитете крымскотатарского народа. Принята Курултаем крымско-татарского народа 28 июня 1991 г. http://www.qrim.ru/about/docs/QirimIndependence
2. Программа политической организации Милли Фирка «Крымские татары: Стратегия XXI века» http://millifirka.org/language/russian/#/content/GJGD/title/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%D0%9C%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%B8/#content6863
3. Перепелкин Лев, Руденский Николай. Этнополитические проблемы крымских татар. http://www.hrights.ru/text/b2/Chapter6.htm.
4. Бекиров Надир. Интервью АПН. Аргументы 18.01.11. http://www.nr2.ru/crimea/316637.html
5. Якупов Р.И. Тептяри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности. М.: Старый сад. 2001.

А.В. Мальгин

«РУССКИЙ КРЫМ» В ПОСТОРАНЖЕВОЙ УКРАИНЕ: НОВЫЕ РЕАЛИИ – СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ситуацию с русскими организациями, действующими в Автономной Республике Крым на протяжении последних 15 лет можно охарактеризовать как длительный процесс выхода из тяжелого кризиса, спровоцированного крахом победившего на выборах 1994 г. блока «Россия». Напомним, что всего за год нахождения у власти в автономной республике (тогда просто – Республике Крым). Политический блок, приведший к избранию собственного президента (Ю.Мешкова) и получивший значительное большинство в местном парламенте[97], сформировавший правительство автономии, оказался в состоянии глубокого кризиса, внутреннего раскола, что завершилось отменой уже в 1995 г. центральными украинскими властями Конституции Республики, упразднением поста президента, разделом территории автономии на два административно-территориальных образования (собственно АР Крым и Севастополь) и в целом существенным ограничением прав и полномочий республики.

Среди наиболее значимых причин этого мы бы выделили следующие:

1. Организационная незрелость, низкая политическая культура и существенный дефицит опыта постсоветской русской элиты Крыма.
2. Отсутствие у победившего блока «Россия» финансовых ресурсов, внятной стратегии и тактики.

[97] Блок «Россия», образованный Республиканской партией Крыма (партией Республиканского Двидения Крыма) – РДК/РПК и «Народной партией» завоевал на выборах 1994 г. 54 депутатских места из 100.

3. Отсутствие интереса к происходящим процессам со стороны России.

«Нисходящий тренд» российского влияния в новом зарубежье.

Всё это в сочетании с активными действиями украинских политических кругов и спецслужб предопределило быстрое крушение политической силы, пользовавшегося на момент избрания большим кредитом доверия со стороны электората. Не будет большим преувеличением сказать, что блок «Россия» пал жертвой своего слишком быстрого прихода к власти на фоне разочарования населения в политике украинского государства и фактического коллапса украинской экономики. Русские организации тогдашнего Крыма в силу того, что были созданы лишь за 2-3 года от описываемых событий оказались по-просту не готовыми к осуществлению элементарной государственной политики.

Что же изменилось за прошедшие 15 лет? Что представляет собой русское движение Крыма сегодня, в условиях, когда Крым и Украина вступили в новую полосу своей истории после выборов 2010 г.?

***

Распад в 1994 г. достаточно аморфного, как оказалось, «блока Россия»[98] привёл к возникновению целого ряда организаций, выступающих от имени и в защиту прав русского (русскоязычного) населения полуострова, насчитывающего по данным украинской переписи 2001 г. – 1 млн. 180тыс. чел.

Еще осенью 1994 г. 14 региональных организаций РПК/РДК из 18 вышли из партии в знак протеста против позиции ее руководства в конфликте с президентом Ю.Мешковым и зарегистрировали другую, под председательством депутата ВС И. Ерошкина Республиканскую партию Крыма "Россия" (РПК "Россия"), вскоре рассыпавшуюся.

Другая часть функционеров блока «Россия» «укрылась» в недрах «Русской общины Крыма» (В.Терехов). Основанная в 1993 г., она оказалась единственной формой для существования остатков РПК/РДК во главе с С.Цековым, который вошел в руководство РОК. В сентябре 1996 г. РПК/РДК и РОК поразил, правда, очередной кризис, приведший к образованию на базе общины г. Симферополя т.н. Российской общины Крыма «Отечество» (Б. Зажигаев). Как считают некоторые обозреватели – «До августа 2000 г. она была крупнейшей организацией соотечественников, вобравшей большую часть бывших филиалов РПК/РДК»[99].

Представители «Народной партии» В.Клычников и С.Савченко заявили о создании новой т.н. «Крымской партии». Однако этот период партийного строительства был остановлен в 1996 г. принятием Закона Украины, запрещавшего создание региональных партий. В этой ситуации для того, чтобы выжить русским организациям пришлось либо мимикрировать под общественные объединения (без формального права заниматься политической деятельностью),

[98] Он начался с конфликта между президентом Крыма Ю.Мешковым и спикером парламента, председателем РПК/РДК С.Цековым и затем приобрёл всеобъемлющий характер.

[99] Попов Э., Кожин Ю. О Российском движении Крыма //www.fondsk.ru/article.php?id=129

либо выбирать себе «политическую крышу» среди всеукраинских партий. Некоторые попытались сделать и то и другое. Наиболее успешно прошли процесс легализации активисты Народной, затем Крымской партий. В 1997 г. году они создали партию «Союз», которая прошла регистрацию как всеукраинское политическое объединение. Этот успех был обусловлен тем, что проект заинтересовал крупного крымского бизнесмена Л.Миримского, который использовал его в качестве своего политического представительства. Неформальным органом партии стала популярная газета «Крымское время».

РПК/РДК-РОК С.Цекова интегрировалась в Гражданский конгресс Украины (А.Базилюка), ставший в 1997 г. «Славянской партией».

Еще один герой политических баталий начала 90-х – один из претендентовна пост президента Крыма, создатель «Русской партии Крыма» С.Шувайников, в 1995 году возглавил Конгресс русских общин Крыма – дочернюю структуру российского Конгресса русских общин Д.Рогозина. Однако, более всего он тяготел к другому российскому политику - В.Жириновскому, которому длительное время подражал во внешних формах активности.

Еще одной заметной организацией на этом краю политического спектра была Российская община Севастополя, созданная в 1993. Р.Телятниковой. Деятельность РОС приобрела известностиь в связи с судебным процессом против её руководителя, начатый украинскими властями Севастополя в 1996 г. Кроме этого продолжали существовать Русское общество Крыма (А.Лось), Крымское общество русской культуры (В.Казарин) разнообразные местные (городские, районные) русские организации, как правило никого, кроме своих лидеров не представлявшие. Многочисленность русских организаций была оборотной стороной их слабости. К концу 90-х это были незначительные в количественном отношении группы. Обозреватель альманаха «ОстровКрым» Д.Синица отмечал в публикации посвященной их деятельности в конце 90-х годов: «невысокий авторитет ГКУ/РПК—РОК у населения и низкий уровень явки на их мероприятия. Так, 9 мая 1999 года, - отмечал он, - на демонстрации в Симферополе, посвященной Дню Победы, под флагом Русской общины было замечено всего несколько человек»[100]. Автор объяснял столь скромные результаты как «тактическими ошибками и неэффективной кадровой политикой», так и тем, что «социальные проблемы в глазах населения явно перевешивали национальные»[101].

Нишу политической силы, выступавшей в защиту как национальных, так и социальных интересов «русскоязычных крымчан» прочно занимала местная организация КПУ (Л.Грач). Кризисные 95-98 годы привели к существенному росту влияния коммунистов. На выборах 1998 г. компартия в Крыму получила значительное количество голосов, что привело к избранию её лидера Л.Грача спикером крымского парламента. Достаточно неплохие успехи демонстрировала

[100] Синица Д. К россии – с любовью. Кризис «русской идеи» в Крыму: причины и следствия // Альманах «ОстровКрым» №1//ok.archipelag.ru/part1/k-rossii.htm
[101] Там же

также партия Союз проведшая в местный парламент 4 своих депутатов. Что касается собственно «русских организаций», то в крымский парламент попал лишь один их представитель - О.Родивилов, в значительной степени из-за того, что не был в прошлом депутатом ВС и не связывался в общественном мнении с обанкротившимся блоком «Россия».

***

Анализируя причины неудачи блока «Россия» и последующего упадка русских организаций во второй половине 90-х годов руководитель института стран СНГ К.Затулин в качестве основной причины выдвинул отсутствие заинтересованности Москвы в поддержке «соотечественников» за рубежом и в частности в Крыму[102]. Действительно, хотя представителей Москвы в различные периоды новейшей крымской истории было немало, до самого конца XX в. говорить о какой-бы то ни было внятной политике России по отношению к соотечественникам, здесь и вообще на постсоветском пространстве, не приходится. Исключение составляли усилия мэра Москвы Ю.Лужкова, в отсутствие государственной политики, взявшего на себя роль главного покровителя русских на полуострове и защитника интересов России в регионе. При его участии отдельные российские политики, специализировавшиеся на защите прав русских в ближнем зарубежье и представлявшие преимущественно «патриотическую оппозицию» режиму Б.Ельцына предпринимали попытки установить связи с русскими организациями и инициировать их хотя бы какое-то их сотрудничество. 29 марта 1997 г. при содействии Ю. Лужкова был организован Первый съезд русских и российских общин Крыма (РиРОК). На съезде присутствовали 142 делегата от 19 организаций, представители Госдумы РФ С. Бабурин, Д. Рогозин, сотрудники Института диаспоры и интеграции (г. Москва). На съезде был создан единый координационный орган – Совет российских и русских общин Крыма (Совет РиРОК) во главе с Р. Телятниковой, который задумывался в качестве главного представительского института во взаимоотношениях России с соотечественниками в Крыму. Однако развития эта инициатива не получила, отчасти поскольку деятельность Совета (выступившего против украинской юрисдикции над Севастополем и за денонсацию большого договора Украины и России) никак не соотносилась с позицией официальной Москвы, отчасти из-за неготовности самих русских организаций Крыма к конструктивному сотрудничеству. В результате, этой структуре пришлось также пережить серию расколов, и, превратившись в «Русское движение Крыма», в конце концов влиться в Русскую общину уже на новом историческом этапе.

Большую роль имело учреждение в 1996 году Фонда экономических и гуманитарных связей Москва-Крым, представлявшим собой первую постоянно-действующую структуру по связям с соотечественниками. Однако по-настоящему новый период в развитии культурных связей между Россией и Крымом и соответственно в жизни русских организаций на

[102] См: www.ruscrimea.ru/rok/zatulin.php

полуострове наметился со сменой верховной власти в Российской федерации. Знаковым моментом, обозначившим определенный поворот в российской политике относительно соотечественников в Крыму стало открытие генерального консульства РФ в Симферополе в октябре 1999 г., одной из задач которого стало налаживание связей с русскими организациями полуострова. Постепенно в качестве «главного партнёра» РФ в Крыму вырисовывается «Русская община Крыма» (В.Терехов, С.Цеков). В 2001 году с созданием Совета российских соотечественников на первом конгрессе соотечественников были определены основные контуры российской политики по отношению к диаспоре. Важнейшим моментом стало вхождение лидера Русской общины в МСРС.

К этому времени относятся также и более или менее отчётливые попытки интеграции русских организаций политические партии на общеукраинском уровне. Первой организацией некоммунистического толка, поставившей своей целью защиту прав русского и интересов (русскоязычного) населения Украины и отстаивание «славянского единства», был созданный на базе русских организаций Донбасса и Харькова в 1992 году Гражданский конгресс Украины (А.Базилюк), в руководство которого в качестве сопредседателя входил лидер малочисленной в тот момент Русской общины Крыма В.Терехов. Сама партия также отличалась крайней малочисленностью, тем не менее, она смогла провести на выборах 1994 года в ВР Украины двух своих депутатов. Именно ГКУ стал в 1995 г. политической «крышей» общеукраинского уровня для переживших раскол структур РПК/РДК-РОК. К сожалению ГКУ были свойственны все те же недостатки и трудности, которые сопровождали становление русских организаций Крыма, поэтому каких-то особенных результатов деятельность ГКУ не имела, не смотря на то, что её лидер А.Базилюк участвовал в президентских выборах 1998 г. Сотрудничество РПК/РДК-РОК с ГКУ было недолгим. В 1998 г. (после выхода из него РПК/РОК) эта партия поменяла название и стала «Славянской партией Украины». Новым партнёром РОК стала партия «Русско-украинский союз» (И.Симоненко). В 1999 г. Оформилось т.н. «Русское движение Украины» (А.Свистунов), которое попыталось создать к выборам 2002 г. Предвыборный «Русский блок» в состав которого вошла и партия «Союз». Блок, однако, не преодолел 4-х% барьера (за исключением Крыма) и ни один его представитель в ВР Украины не попал. В этом же году в результате слияния партий «за Русь единую» (А.Свистунов) и «Русско-украинский союз» (И.Симоненко) образовалась политическая партия «Русский блок», которую возглавил А.Свистунов. В качестве составной части «Русско-украинского союза» в РБ вошли и представители РОК, для которой эта партия стала впоследствии главным политическим представительством.

***

Выборы в местные органы власти 2002 г. ознаменовали собой определённую «смену вех» в новейшей истории «Русского Крыма». Важнейшим фактом этих выборов стало серьёзное

снижение влияния коммунистов, связанное с непрекращавшейся острой политической борьбой между парламентом и правительством в автономии, спикером ВР АРК Л.Грачём и премьер-министром С.Куницыным (представителем провластной Народно- Демократической Партии). Не допустить коммунистов во власть стало главной политической задачей, как сил представлявших «новую буржуазию» на крымском уровне, так и официального Киева. В целом она была решена: коммунисты втрое сократили своё представительство в региональном парламенте. Упала также поддержка партии «Союз», которая стала целиком ассоциироваться с бизнес-корпорацией её «хозяина» бизнесмена и политика Л.Миримского.

Это увеличило шансы других русских организаций.

На региональных выборах 2002 г. Русская община сумела провести в крымский парламент 4 человек (из 100 депутатов) – С.Цекова (от партии «Русско-украинский союз»), О.Родивилова, Г.Гржибовскую и функционера из Ялты А.Черноморова (последний возглавлял т.н. «Русское движение Крыма» – трансформировавшийся СРРОК – которое через год влилось в Русскую общину). Из других русских организаций в парламент Крыма попал С.Шувайников, а также представитель «Союза» В.Клычников.

В условиях кризиса правящего режима Л.Кучмы и увеличения давления на него со стороны украинских националистических и «национал-либеральных» сил, русские организации вели хотя и оппозиционную, но достаточно сдержанную, если не вялую политику, однако у них был беспроигрышный козырь для поднятия своих ставок в политической игре – деятельность Меджлиса крымских татар и вообще ситуация напряженности в национальной сфере. Она начала вновь обостряться в связи с земельными проблемами, возникшими с началом процессов приватизации земли на Украине. В марте 2004 г. произошел инцидент в симферопольском баре «Коттон». Куда в поисках «скинхедов» ворвалась группа крымских татар и устроила избиения находившихся там посетителей. Этот и аналогичные факты вызвали серию заявлений Руссой общины, партии Русский Блок и др.организаций, которые наряду с резким осуждением «экстремизма», продемонстрировали готовность к силовому противостоянию нападающим. Впервые за многие годы митинг и небольшой марш русских организаций приуроченный к дню присоединения Крыма к Росиии (19 апрель 2004 г.) привлёк не только активистов, но и обычных граждан и прошел достаточно заметно. Еще в большей степени межнациональная напряженность сказалась на росте популярности казачьих организаций. К 2000 г. в Крыму существовало до десятка разнообразных формирований, среди которых выделялся «Крымский казачий союз» (Н.Черкашин). Хотя некоторые из этих групп апеллировали к традициям украинского казачества, идеология большинства была ближе к лозунгам Русской общины. Однако в целом, на закате «эры Кучмы» русские организации занимали всё еще довольно скромные позиции в ряду оппозиционных сил.

***

Новая эпоха для них началась с предвыборной президентской кампании 2004 г., положившей начало т.н. «оранжевой революции». Находившиеся в оппозиции к «режиму Кучмы», русские организации не без некоторых колебаний решили поддержать кандидатуру представителя «от власти» премьер-министра украинского правительства В.Януковича, с которым связывались надежды на сохранение позиций русского языка в общественной жизни Украины, а также на продолжение дружественных отношений Украины и РФ. Еще большую роль сыграло о, что к началу предвыборной кампании другой кандидат – от «демократических сил» В.Ющенко уже прочно ассоциировался с украинским национализмом. Впрочем, некоторые русские организации оказались ещё накануне выборов по другую сторону баррикад. Так Российская община Крыма «Отечество» (Б.Зажигаев) оказалась в составе Блока Юлии Тимошенко, как «единственной реальной силы, борющейся с антинародным режимом Кучмы»[103], как заявляли представители общины, правда деятельность её в этом блоке была не особенно яркой и быстро сошла на нет.

В условиях митингового характера предвыборной кампании, немногочисленные по-началу группы русских активистов оказались чрезвычайно востребованными, поскольку в это время провластные партии – Партия регионов и НДП не имели сколько-нибудь сильных местных организаций. В этих условиях сложился политический союз бывших оппонентов, оказавшийся впоследствии весьма важным для русских организаций. Благодаря ему, они окончательно из политической периферии перешли в авангард общественных процессов. Еще более их роль возросла после президентских выборов, победу на которых Верховный Суд Украины присудил В.Ющенко. В атмосфере деморализации многих сторонников ПР, НДП, СДПУ(о) и фактического прекращения ими активной деятельности, русские организации иногда оказывались единственными последовательными союзниками В.Януковича. Политика нового украинского президента и в особенности земельные самозахваты со стороны крымских татар, а не в меньшей степени и возросшая поддержка со стороны путинской России, привели к росту популярности русских организаций в преимущественно русскоязычном Крыму. В этот период наблюдается появление новых достаточно радикальных организаций: С.Шувайников объявил о создании «Русского фронта» своего имени, однако более шумно и напористо действовал созданный в 2005 г. т.н. Народный фронт «Севастополь-Крым-Россия» (В.Подьячий), который своими выступлениями под лозунгом «Украина – без Крыма!» привлёк такое внимание прессы, что заставил волноваться «главного русского Крыма» С.Цекова. В конце концов за «призывы к сепаратизму» СБУ возбудило против лидеров организации уголовное дело и вынудило их лидеров к бегству за пределы полуострова и Украины. Еще одной заметной группой

[103] Украинская Правда, 18 декабря 2001 г. www.pravda.com.ua/ru/news/2005/8/5/19324.htm

вызванной к жизни «оранжевой революцией» стала молодёжная организация «Прорыв» (А.Добычин), поставившее целью силовое противодействие «оранжевой оккупации» и также подвергавшееся преследованиям за экстремистские действия. В 2008 году возникла организация «Русский Крым» (С.Юхин) – все они так или иначе требовали более радикальных действий, нежели те, которые позволяла себе Русская община и её политическое «крыло» - крымская организация партии «Русский блок».

Последняя же в 2006 году совершила впечатляющий «прыжок во власть». В условиях торжества «оранжевой революции» при формальном отказе КПУ от сотрудничества как с «оранжевыми» так и с «бело-синими», ПР - партия Януковича - на местном уровне приняла решение о блокировании с Русской общиной точнее её политическим крылом – местным отделением партии «Русский блок». Накануне парламентских выборов 2006 г. обе организации создали избирательный блок «За Януковича!», получивший на выборах в Крымский парламент: 32,55% голосов и завоеваший 44 мандата из которых 68% досталось ПР, а 32% - РБ, что соответствовало 12 местам. Учитывая, что несколько членов РОК попали в парламент от ПР (в частности С.Цеков), всего у Русской общины оказалось по некоторым данным 17 мандатов[104], а вообще в ходе парламентских выборов 2006 года, согласно данным РОК, депутатами Верховного Совета Крыма, депутатами городских, районных, районных в городе, поселковых и сельских Советов, сельскими, поселковыми и городскими головами, председателями постоянных комиссий Советов всех уровней, было избрано более 300 человек — членов Русской общины Крыма[105]. Представитель РБ – А.Черноморов был избран в Верховную Раду Украины (по спискам ПР). Это был крупный успех, после более чем 10-летнего аутсайдерства. Он был закреплён и на административном уровне: из 15 мест в Президиуме ВС Крыма — 4 – получила РОК, в том числе С.Цеков занял пост первого заместителя Председателя ВС Крыма, а М.Бахарев издатель главной «пророссийской газеты» «Крымская Правда» - заместителя председателя, которым в свою очередь стал регионал А.Гриценко. РОК получила также ряд министерских постов в Совете министров АРК. (Правда, из-за того, что представители РОК пошли на выборы под брендом либо ПР, либо РБ, в дальнейшем община не смогла осуществлять эффективный контроль за всеми её ставленниками во властных структурах Крыма). Успех сопутствовал и другим организациям «пророссийской» или просто анти-оранжевой направленности, так «Союз» получил 10 мест, Блок Н.Витренко – 7, блок "Не Так!" - 4 мандата, коммунисты на этот раз удовольствовались 9 местами. Впоследствии ряд из этих сил образовали правящую коалицию в ВР АРК.

До сих пор в политологических кругах Крыма идёт дискуссия о том, в какой степени вхождение «русских организаций» во власть отражало их реальную популярность среди

[104] Статья «Русская община Крыма» в Википедии. См: ru.wikipedia.org/wiki/Русская_община_Крыма. Кроме этого, из 76 депутатов Симферопольского городского Совета — 13 являются членами Русской общины Крыма.
[105] См.: официальный сайт РОК-РЕ: www.ruscrimea.ru

электората Крыма. Ведь достаточно трудно спрогнозировать, имели бы РОК и РБ такой же результат, пойди они на выборы «самостоятельной колонной». Оппоненты РОК/РБ в Партии Регионов в 2009 г. отмечали, что ПР при голосовании в ВР Украины по Крыму набрала существенно больше голосов, чем был её результат (блок «За Януковича») в ВР АРК, относя это за счёт блокирования с РОК/РБ. Как бы то ни было, для русских организаций блокирование с ПР стало крайне удачным политическим ходом, позволившим им участвовать в наиболее важных событиях.

В 2009 г. РОК/РБ почувствовали себя достаточно сильными, чтобы выступить против Председателя ВР АРК А.Гриценко, который долго и небезосновательно обвинялся СМИ и общественными организациями Крыма в проведении политики в интересах узкой бизнес-группы, к которой сам и принадлежал. В результате парламентского кризиса осенью 2009 г. представители Русской общины вынуждены были покинуть большинство занимаемых ими постов и уйти в оппозицию к руководству Крыма (при сохранении поддержки В.Януковича), что привело к фактическому распаду коалиции «За Януковича» в парламенте АРК. Однако, победа В.Януковича на парламентских выборах 2010 г. и последовавшее вскоре отстранение им А.Гриценко, привело к возвращению русских организаций во власть, что было связано, прежде всего, с необходимостью восстановления парламентской коалиции «За Януковича» для осуществления новых кадровых назначений Януковича в Крыму.

Конфликт с А.Гриценко стал, между тем, катализатором новых важных процессов внутри русских организаций Крыма.

Еще в 2008 году совершенно вне всякой связи с русским движением, образовалась организация «Гражданский актив Крыма» (С.Аксёнов), не имевшая никакой «идеологической» окраски, и выступавшая против мэра Симферополя регионала Г.Бабенко, поддерживавшего его спикера крымского парламента А.Гриценко и ассоциировавшихся с ним депутатов (прежде всего А.Мельника), обвиняя их в коррупции и «узурпации власти». По утверждениям ее оппонентов, ГАК представлял интересы неких «бизнес-криминальных» структур, отстранённых Гриценко-Мельником от власти. ГАК действовал достаточно напористо, митинговыми методами, взяв по-существу симферопольскую власть в политическую «осаду». Аналогичный конфликт со спикером крымского парламента у русских организаций, сблизил позиции ГАК и РОК/РБ и вскоре после выхода представителей последних организаций из Президиума ВР АРК, ГАК и Русская община Крыма заявили о создании движения «Русское Единство». Оно было презентировано не более ни менее, как проект новой русской «мегаорганизации», призванной преодолеть фрагментарность русского политического движения в Крыму. Сопредседателями РЕ стали, соответственно С.Цеков и С.Аксёнов. В конце 2009 г. РЕ развернуло большую активность по

включению в свои ряды других русских организаций[106], причём, иногда довольно жесткими методами. Так, после отказа войти в РЕ руководителя Русского блока А.Свистунова, он был стремительно отправлен в отставку, и эта партия получила новое руководство. Эффективность действий по объединению русских организаций, оказалась настолько большой, что к РЕ присоединился даже всегдашний «оппозиционер» в русском движении С.Шувайников со своим «Русским фронтом». В конце 2009 - начале 2010 г. Многократно возросла информационная и митинговая активность РЕ, которое заявило о себе, в том числе и как о «независимой в финансовом отношении» организации. Подтверждением влияния РЕ стало возвращение русских организаций на свои позиции в парламенте автономии и правительстве АРК после победы В.Януковича на выборах в 2010 г. и отстранения им А.Гриценко от руководства Крымом.

***

Тем не менее, новая ситуация в украинской власти таит в себе и новые вызовы для русского политического движения и его будущее во многом будет связано с тем, найдёт ли оно адекватные ответы на эти вызовы. Серьёзность их не следует преуменьшать. Они связаны как со спецификой новой украинской власти, так и с ситуацией внутри русского движения.

По нашему мнению в какой-то степени для русских организаций воспроизводится ситуация 1994-95 гг. со всеми вытекающими отсюда последствиями. В самом деле, тогда в 1994 г. к власти пришел «пророссийский» президент Л.Д.Кучма, которого в Крыму поддержало рекордное число избирателей. Однако никто, включая антироссийского Ющенко, не наносил политическому статусу Крыма большего ущерба, чем Кучма. Именно репутация «пророссийского» лидера в огромной степени позволила Кучме «ввести Крым в правовое поле Украины» в результате которого автономия сохранилась как декоративное образование. Учитывая несомненные авторитарные амбиции президента Януковича, умноженные его популярностью нельзя исключить, что в Крыму действия президентской команды также будут направлены на ограничение и уменьшение влияния местной политической элиты, в том числе и русских организаций, являющихся несомненными конкурентами Партии регионов. «Пророссийская» риторика Януковича вовсе не исключает того, что в отношении Крыма он будет действавть в направлении обуздания местной политической «фронды». Собственно, это уже происходит. Одним из первых шагов Януковича

[106] Согласно официальному информационному сообщению: 7 октября 2009 г. был создан Координационный совет русских организаций Крыма “За русское единство в Крыму”. Сформировали его общественные структуры – “Русская община Крыма”, “Российская община Севастополя”, “Гражданский актив Крыма”, “Объединение казаков Крыма”, “Таврический союз”, “Русский Крым”, правозащитная организация “Вера”, “Русское движение Крыма” при участии еще ряда организаций. В состав Координационного совета вошли лидеры 16-ти организаций, в том числе таких как “Русская община Севастополя”, севастопольские – “За единую Русь”, “Благотворительный фонд Храмова”, “Гражданский контроль”, “Русское общество Крыма”. Затем к ним присоединилось еще 5, и до последнего времени Координационный совет “За русское единство в Крыму” насчитывал уже 21 организацию. См: rusblok.in.ua/2010/02/za-russkoe-edinstvo/

на новом посту стало фактическое назначение им (с согласия Верховного Совета АРК) премьер-министром автономии В.Джарты - куратора Крыма от ПР во время предвыборной кампашии представителя донецких бизнес-административных кругов. Вторым шагом, очевидно, станет в бижайшее время принятие ВР Украины специального закона «О совете министров АРК», которое по мнению ряда политиков и политологов может фактически вывести СМ АРК из подчитения ВР АРК и превратит последнюю в сугубо декоративный орган. Всё это ставит Русские организации, прежде всего Русскую общину и РЕ перед непростой дилеммой – или поддерживать все шаги новой администрации или уйти в оппозицию к правящей партии. Первое чревато тем, что «русские» вновь будут нести ответственность за сужение полномочий Крыма, второе отодвинет их на периферию политической деятельности, где они вполне могут «затеряться» между коммунистами и БЮТ.

Политологи отмечают опасность для русских организаций, здесь речь идет прежде всего об РЕ и РОК, того, что они могут оказаться и реально оказываются «в тени» Партии регионов[107]. Такие традиционные для русских лозунги как защита русского языка, неприсоединение Украины к НАТО и др. успешно освоены ПР. В этом не было бы ничего особенно трагичного, если бы не фактически неизбежный дрейф ПР и нового украинского руководства от известной «антинационалистической» позиции накануне и в период выборов к «умеренному» государственному национализму по мере укрепления режима. Этот путь уже проделывала администрация президента Л.Кучмы и нет никаких признаков того, что В.Янукович будет действовать иначе. Еще одна проблема – традиционный крымскотатарский вопрос. Если Янукович продолжит характерную для любой украинской власти политику односторонних уступок крымскотатарскому Меджлису, это сделает положение «русских организаций» рядом с властью чрезвычайно двусмысленным. Длительный союз с ПР для русских организаций, т.о. будет чреват неизбежным оппортунизмом, быстрый разрыв - вовлечённостью в конфликт властных элит, где у русских не такие уж большие шансы на победу. Дело в том, что победа Януковича и приход к власти в Крыму его ставленника В.Джарты привела к отстранению от власти местной бизнес-политической группировки А.Гриценко-А.Мельника, которая, однако, будет стремиться вернуть свои позиции. В этих условиях «русские» могут оказаться таскателями каштанов из огня для своих политических противников, что будет несколько напоминать ситуацию уже имевшую место в 1995-96 гг.

Самым неприятным является то, что у русских организаций нет необходимого запаса времени, чтобы сориентироваться. Новые местные выборы вероятнее всего пройдут в Крыму, как и по всей Украине в конце октября 2010 г. Главным фаворитом этих выборов, является, естественно, партия президента – ПР, на которую работает высокая степень популярности В.Януковича. Если РОК и РЕ пойдут на выборы самостоятельной «колонной»,

[107] Выступление А.Никифорова на конференции «Русский язык в поликультурном мире» Ялта, июнь 2010 г.

то у них сегодня не слишком большие шансы на убедительную победу, оптимисты говорят о 5-7%, пессимисты – максимум о преодолении 3%центного барьера[108]. Идя же в союзе с ПР, русские организации обрекают себя оказаться привязанными к победной «региональной колеснице» и в дальнейшем разделять ответственность за любую политику Киева в Крыму.

Впрочем, в настоящее время ПР не слишком заинтересовано в таком союзнике как русские организации Крыма, поскольку её популярность и так достаточно высока. Если такой альянс всё же состоится, то он будет существенно более в пользу ПР и менее выгоден РОК/РБ, чем это было в 2006 г.

Вторая группа вызовов связана с положением внутри русского движения и прежде всего РЕ. Несмотря на широко продекларированное «объединение», до реального единства внутри русского движения еще достаточно далеко. Это связано прежде всего с тем, что сегодня финансирование РЕ осуществляется ГАК и происходит из довольно непонятного источника. Противники ГАК и РЕ утверждают, что он находится в недрах вполне определённой теневой финансовой группы, участвовавшей в криминальных войнах 90-х. Так ли это на самом деле – сказать сложно, однако, несомненно, что разные участники РЕ преследуют разные цели. Это порождает ряд вопросов: как долго сохранится финансовая поддержка ГАКом РЕ? Не возобладают ли в конечном итоге финансовые интересы над политическими? Не окажутся ли вопросы финансирования РЕ ахиллесовой пятой этой организации? Как в дальнейшем будут складываться взаимоотношения «бизнесменов» и «политиков» внутри РЕ? Как поведёт себя в случае возможных проблем с финансированием сложный "коктейль" состоящий из С.Шувайникова, С.Цекова и С.Аксёнова? Не следует преуменьшать и опасность, которая может исходить от «неприсоединившихся» русских организаций. Практически любая из претендующих на лидирующие позиции политических сил в Крыму заинтересована в своей «карманной» русской организации. Так БЮТ использовал «Российскую общину Крыма «Отечество», Блок Куницына «Русский фронт Шувайникова». А.Гриценко создал в разгар кризиса власти в АРК в 2009 г. «Организацию за Русско-украинское сотрудничество». Любой намёк на возможный переход «русских» в оппозицию к партии власти приведёт к усилению действий в этом направлении и хотя сегодня русские организации демонстрируют впечатляющие успехи в достижении единства, ситуация может измениться в любой момент. Не следует также забывать, что в «русском движении» также как и в недрах других политических сил происходит смена поколений и «возрастные» противоречия вполне могут приобрести политический характер.

[108] Согласно опросу, проведенному в Симферополе Н.Киселевой в конце 2009 г. ПР на будущих парламентских выборах в ВС АРК были готовы поддержать - 33,6% респондентов, БЮТ - 8%, КПУ -7,9%, «Русское единство» -5,4%, Блок И. Богословской -4,6%, блок С. Тигипко -4,6%, блока Н. Витренко (4%) и партии «Союз» (3,9%). www.e-crimea.info 28.12.2001 г. В июне 2010 г. рейтинг РЕ «подрос» до 7%, при сохранении популярности ПР на уровне 40% www.e-crimea.info, 23.06.2010 г.

Немаловажную роль в судьбе русских организаций будет играть также позиция России. Не секрет, что Москва, поддерживая русские организации за рубежем преследут не только задачи помощи бывшим соотечественникам за границей, но прежде всего государственные интересы РФ во взаимоотношении с соседями. Сегодня Украина и Россия перживают новый «медовый месяц» после случившейся разлуки. Однако, до восстановления распавшихся в 1991 г. «семейных уз» дело вряд-ли дойдёт. Можно ожидать, и это уже происходит, что будут разрешены болезненные для отношений России и Украины вопросы – газового транзита через Украину, продления пребывания ЧФ в Крыму, невступления Украины в НАТО, однако на что-то придется взамен «закрывать глаза». Это что-то – то, что составляет «внутреннюю политику» Украины, в частности – вопрос о русском языке, политике украинского государства в Крыму и т.д. Пока отношения между Москвой и Киевом в стратегическом плане будут устраивать первую, она будет рекомендовать политически активным бывшим соотечественникам быть лояльными гражданами украинскогого государства и поддерживать его правящий режим, даже если партнёр забудет о некоторых предвыборных обещаниях. Русские организации будут вынуждены действовать с оглядкой на развитие диалога между Киевом и Москвой, однако здесь всем участникам процесса важно не забывать, что главной задачей русских организаций является все же не обслуживание межгосударственного диалога (который сегодня является часто диалогом «хозяйствующих субъектов»), а защита прав русского населения в бывших советских республиках. Для русских организаций Крыма, это актуально как ни для кого другого. Интересы местного сообщества не должны приноситься в жертву «внешнеполитической» конъюнктуре.

***

Итак, основная проблема с русским политическим движением выгладит следующим образом. При том, что русское население составляет в Крыму почти шестидесяти-процентное большинство, а с учётом русскоязычных украицев, составляет абсолютное большинство населения АРК и Севастополя, при том, что симпатии к России и «пророссийские» настроения господствуют в обществе, а положение русского языка, культуры и образования воспринимается в целом как «угрожающее», политические «русские организации» занимают довольно скромное место в региональной политической жизни. Их позиции до недавнего времени были слабее позиций Партии Регионов, КПУ, «оранжевого» БЮТ и даже таких второстепенных политических сил как «блок Куницына». Это положение объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, традиционно высокой ролью коммунистов, которые занимали господствующее положение в нише «протестно-пророссийских» сил. Во-вторых, идеологической, организационой и материально-финансовой слабостью «русских организаций», их количеством и ожесточённой конкуренцией. В результате, «пророссийский» электорат предпочитал всегда

голосовать за более «эффективные» в его представлении силы или лидеров, хотя в реальности, они также сплошь и рядом обманывали его надежды.

В последнее время, русские организации начали демонстрировать определённую позитивную динамику. Это было связано прежде всего с востребованностью темы защиты русского языка в условиях «оранжевого режима» на Украине, ухудшением Российско-украинских взаимоотношений и активизации «крымскотатарского» фактора в связи с земельными самозахватами. Важным моментом, также стало то, что определённую финансовую помощь русским организациям начали оказывать российские и международные фонды. Нельзя сбрасывать со счетов и дальнейший упадок влияния КПУ, связанный со старением её электората и неспособностью к гибким изменениям. В 2005-2010 гг. регистрируется явный рост, как самих русских организаций, так и рост симпатий к ним со стороны электората. Происходит и их известная консолидация и внутреннее структурирование, позволяющее говорить о неких элементах формирования более или менее целостного «русского движения» в Крыму.

В отличие от предшествующей ситуации крайнего количественного разнообразия и высокой конкуренции, теперь можно говорить об оформлении лидирующей силы, такой как «Русская община Крыма», вступающей в выгодные для себя союзы, в частности с Партией регионов в 2006 г. и создающее политические альянсы, такие как Русское Единство, стремящиеся включить в себя более мелкие русские организации. Можно отметить также более эффективную информационную политику «русских организаций» (прежде всего конечно РОК и РЕ) и попытки выработки более чёткой идеологии[109]. Весьма значительным результатом деятельности русских организаций можно считать высокий процент, полученный в Крыму кандидатом в президенты В.Януковичем на выборах 2010 г. в поддержку которого активно работали Русская община и Русское Единство.

Однако, одновременно, приход Януковича к власти создаёт для «русского Крыма» целый ряд проблем, от решения которых зависит то, станет ли русское движение по-настоящему серьёзной ведущей политической силой в автономии, или останется в статусе маргинальной оппозиции или второстепенного союзника «пропрезидентских сил».

Прежде всего, это проблема изменения структуры власти в АРК в пользу укрепления президентской вертикали по авторитаристскому сценарию. Вторая проблема – последовательность в осуществлении предвыборных обещаний новой власти в том, что касается обеспечения реального статуса русского языка в общественной жизни, образовании, культуре АРК и т.д. Третья проблема – решение земельного вопроса в АРК и вообще контроля сообщества автономии за использованием ресурсов Крыма.

[109] РОК также начинает примерять на себя и роль координатора деятельности в культурно-языковом направлении во всеукраинском масштабе, в течение трёх лет проводя фестиваль «Великое Русское Слово» на который собираются представители русских организаций из многих регионов Украины.

Всё еще весьма актуальным остаётся вопрос прочности достигнутого русскими организациями единства и проблема его финансовой независимости.

В конечном итоге, судьба «русского Крыма» зависит от того, окажется ли он способен предложить крымскому сообществу образ процветающего и безопасного Крыма на новом этапе его новейшей истории и продемонстрирует ли он эффективность в реализации собственной социально-экономической программы. Сегодня перед руководством русского движения в Крыму стоит задача пройти между Сциллой политической конфронтации и Харибдой оппортунизма. Первым решающим барьером на этом пути станут выборы в местные органы власти в октябре 2010 г. именно они реально покажут как то, чего в действительности достиг «русский Крым» за почти двадцать лет своего наполненного брьбой и противоречиями существования, так и то, на что он реально сможет рассчитывать на очередном витке нашей постсоветской истории.

Ю.М. Могаричев

ПАРАДОКСЫ КРЫМА

У нас, современных жителей Крымского полуострова и его патриотов, очень часто возникает иллюзия «крымоцентризма». То есть, что именно здесь находится ключ к решению чуть ли не всех мировых проблем. Подспудные мысли об этом то и дело проходят красной нитью в работах нынешних крымских политологов, экономистов и даже некоторых историков (как мне представляется не очень грамотных). Опыт же исторического развития свидетельствует об ином.

Первый парадокс Крыма заключается в том, что территория полуострова, несмотря на выраженную географическую изолированность, никогда не являлась территорией отдельного государства. Здесь или соседствовали несколько государственных образований (например, Позднескифское государство, Боспорское царство, Херсонесская республика в эпоху эллинизма и раннего римского времени или Мангупское княжество, итальянские колонии и Золотая Орда (позднее Крымское Ханство) во второй половине Х1У-третьей четверти ХУ в)) или территория полуострова (или его часть) входила в состав крупных государственных образований (например Византийская, Османская, Российская Империи).

Второй парадокс заключается в том, что для всех империй, которые включали в свой состав Таврический полуостров, он был всего лишь дальней провинцией. С той лишь разницей, что для Рима, Византии Крым – это северная окраина, некая Сибирь, куда ссылали важных политических преступников, а для Российской империи, Советского Союза – это курорт.

Третий парадокс, заключается в том, что в силу географических особенностей вплоть до Нового Времени, территория полуострова находилась в зоне влияния разных, часто

враждебных цивилизаций. Степи контролировались кочевниками с их специфической культурой, а в горной и южной части господствовали оседлые цивилизации.

Четвертый парадокс определяется тем, что несмотря на свою выраженную «провинциальность» Крым иногда становился местом, где решались мировые судьбы. В 63 г. до н.э. в Пантикапее (совр. Керчь) покончил с собой злейший враг Рима и разгромленный римлянами, царь государства Понт Митридат У1 Евпатор. С этого момента у Вечного города на долгое время не стало достойных врагов, что во многом определило его дальнейшую судьбу, уже буквально через тридцать лет Рим становится империей.

В начале У111 в н.э. сразу два императора Византии были посажены на константинопольский престол из Крыма. Сначала (705 г) это был свергнутый и отправленный в ссылку в Херсон Юстиниан 11, а затем и сменивший его и провозглашенный императором на крымской земле Вардан Филиппик (711 г.)

Именно во многом благодаря историческим событиям на крымской земле Киевская Русь стала православным государством, ибо именно отсюда в конце Х в. Владимир Великий принес новую религию на Русь и именно крымское происхождения имеют древнейшие древнерусские христианские реликвии.

Вероятно, отнюдь не случайно мирная конференция держав–победителей, определившая архитектуру мира практически до настоящего времени, проходила в феврале 1945 г именно в Ялте.

Итак было начертано историей, что после фактического кратковременного заточения последнего правителя крупнейшего в мире государства на даче в крымском Форосе, распался, казалось бы, незыблемый Советский Союз. Наверное, мои коллеги-историки могут привести еще примеры крымских парадоксов, но мне кажется, что и приведенных достаточно для осознания неповторимости и уникальности нашей с вами Родины.

А.В. Проноза

О НАВЯЗЫВАНИИ СВОЕГО ОБРАЗА МЫШЛЕНИЯ «ИНАКОМЫСЛЯЩИМ» И ОБ УКРАИНСКОМ ГОЛОДОМОРЕ

Удивительно извечное стремление людей к навязыванию друг другу своих мыслей, взглядов на жизнь, точек зрения, т.е., говоря современным языком – идеологии. Каждый хочет подвести другого под свою мерку.

Причем делается это не просто назойливо, а с жестокостью, граничащей с массовым умопомешательством. И это было всегда, с глубокой древности:

- Александр Македонский, под влиянием Аристотеля стремился распространить эллинизм на весь мир;

- Европейские христиане с азартом душевнобольных уничтожали коренное население Америки, у себя на родине устраивали религиозные войны, организовывали многочисленные крестовые походы;

- Утверждение мусульманства с самого своего зарождения было связано с борьбой за власть;

- А колониальные захваты и различные сопутствующие им теории, якобы подтверждающие неполноценность отдельных рас? Как ту не вспомнить любимого с детства Киплинга?

- А Великая Французская буржуазная революция, возведшая террор в ранг государственной политики?

- А революция и гражданская война в России - политика тотального террора одной части населения страны в отношении другой?

«Кто не с нами тот против нас!» – вот лозунг подавляющего большинства, подобных движений и процессов. Кто против – тот подлежит репрессии в том или ином виде!

И даже если реальных противников (оппонентов по-современному) нет – их стоит выдумать, поскольку страх перед врагом даже вымышленным (внешним или внутренним) консолидирует общество вокруг пропагандируемых ценностей. Ну, а когда есть враг, пусть даже вымышленный, нужен вождь, который всех поведет и приведет к победе, к светлому будущему, и т.д. Который лучше других знает - что делать и как быть, которого можно назвать великим кормчим, отцом нации, генеральным секретарем, фюрером, наконец.

А что до той части населения, которая не хочет быть ведомой? Ответ один – вот он, затаившийся до поры до времени враг. Его надо безжалостно искоренить еще до того, как он покажет свои зубы!

Как там по Макиавелли? Для достижения цели все средства хороши, если цель благородна. Но ведь понимание благородства цели у всех разное, не только у рядовых людей, но и у индивидов, претендующих на лидерство в национальных и государственных масштабах?

Вот пример - абсурдный, вопиющий, крамольный, но все же: а давайте Гитлера реабилитируем? А? Ведь его конечная цель была благородной – благополучие и благосостояние германской нации. Правда за счет всех других наций и народов, но это, по прошествии времени можно опустить, забыть, простить наконец, ведь главная его цель была все же благородна? Он же хотел добра для всех немцев!

Ну не хотят люди исповедовать чьи-то другие (всеобщие, доминирующие в данный момент и в данном обществе) взгляды, хотят жить сами по себе. Сыты «по-горло» демагогией коммунистов, новоявленных капиталистов, демократов и других, претендующих на идеологическое, политическое или национальное лидерство деятелей. Почему за такое

«вольнодумство», несогласные должны быть репрессированы, выгнаны, изолированы, преданы бойкоту и обструкции и даже поплатиться за это жизнью?

Почему так происходит: даже малая, незначительная часть населения, сотворив какие-то свои оригинальные идеи и идеологию сразу, пытается навязать их всем, всему обществу без исключения? Почему это происходит с большинством учений, не обязательно ставших впоследствии великими?

Взять хотя бы, к примеру, свидетелей Иеговы, создавших свой маленький мирок в нашем небольшом городе и чувствующих себя в нем довольно уютно. Их «эмиссары», с завидной периодичностью приходят в мою квартиру, ломятся в двери и назойливо предлагают стать одним из них. Почему они упорно не хотят понять, что им не место в моем доме, в моей семье и моей душе?

Ну да Бог с ними. Вернемся к Украине. Все что сказано выше вполне относится и к дискуссии о голодоморе. Ну не жил я тогда, и не знаю (извините за вынужденный цинизм) был ли он, этот голодомор, или нет. А даже если и был, разве я не имею личного, формального права на его признание или непризнание хотя бы потому, что мне так хочется, потому что я не хочу об этом думать и слышать. И что, из-за этого я должен нести уголовную ответственность? Кажется, мы такое в своей истории уже проходили. И не раз. Достаточно вспомнить знаменитую ст. 58 со всеми ее многочисленными пунктами и подпунктами, под которые подпадала добрая половина населения страны.

В преамбуле Конституции Украины зафиксировано: «Украинский народ – граждане Украины всех национальностей». В таком случае следует ли полагать, что голодомор украинского народа это политика геноцида в отношении *разнонационального* населения Украины, проживавшего в тот период на ее территории? Ведь понятия украинского гражданства тогда не существовало в принципе! Может в таком случае стоит еще раз уточнить – кого мы имеем ввиду, под «украинским народом», ведь понятие «украинский народ» выписанное в Конституции, мягко говоря, не совсем согласуется с понятием «геноцид украинского народа». Так что нужно или следовать Конституции, или ее менять. В противном случае подмена содержания одного понятия другим - это манипуляция на некомпетентности большинства людей.

Голодомор был не только в Украине. Может быть в Украине он был более масштабным, чем в других регионах СССР? Может быть, просто в силу исторической и географической близости мы о своем, украинском голодоморе больше знаем, ведь это наше, родное, пережитое, трагичное, ужасное, которое безусловно надо помнить и чтить. Но это вовсе не означает, что голодомор был геноцидом именно в отношении украинского народа (в смысле - украинской нации).

Мои предки по отцовской линии – из Кубанских казаков. Они испытали голодомор на Кубани. Слава Богу, никто не умер – спасла рыба, за которой моя двоюродная бабка ездила в Новороссийск менять на «шмутки».

Но как быть теперь со мной: у меня, гражданина суверенной Украины в паспорте не вписана национальность и я, естественно, с полным правом считаю себя представителем украинского народа. Могу ли я в таком случае считать себя, или даже не себя, а своих предков формально пострадавшими от голодомора и испытавшими геноцид украинского народа? Имею ли я, и они на это право? Непонятно… А если не имею, то почему? Ведь я теперь – тот же самый «украинский народ» только в единственном числе?

Понятие «голодомор украинского народа» попахивает тоталитаризмом, Богоизбранностью одной нации перед другими (если применительно к данному случаю так можно выразиться). Только тут почему-то мы следуем от противного: избранность одной нации проявляется не в ее предназначении повести за собой, стать примером для всех и т.д. и т.п., а в якобы перенесенных страданиях «за…», «во имя…» «из-за…». Как это символично и как это согласуется с нашим украинским менталитетом, привыкшим к самоуничижению, юродствованию типа «мы такие бедные, мы всеми обиженные, все кругом против нас…».

Несомненно, что признание голодомора геноцидом, а вместе с ним и введение уголовной ответственности за несогласие с такой точкой зрения, даст реальную возможность украинскому народу (в этническом смысле) почувствовать себя выше, значительнее, бравировать перенесенными страданиями и хвастаться этим. Как это похоже на сцену, когда юродивый на рынке, выставляет свои культи на всеобщее обозрение. В таком юродивом одновременно умещаются и просьба о помощи и глубокая ненависть ко всем, кто более благополучно живет по сравнению с ним. Попробуйте-ка такому что-нибудь сказать: мол, неприятно людям, все это видеть, брезгливо. В ответ, этот калека, и добрая половина случайных обывателей вас же самих и «съест» – прилюдно и громогласно обвинив в черствости, бездушии и в других тому подобных грехах обильно сдобрив их эмоционально окрашенной лексикой. А ведь эта самая, вставшая на защиту «добрая половина», никогда не подаст такому юродивому и копейки!

Так и здесь. В роли той самой «доброй половины случайных обывателей» планируется государство. И это очень удобно. Не надо стыдить, не надо убеждать кого-либо, что был голодомор. Кто не согласен – достаточно одной соответствующей статьи уголовного кодекса. Вот и все доказательства.

Так что давайте и дальше побольше разглагольствовать о геноциде в отношении украинского народа, пытаясь разжалобить богатую Европу – может что и перепадет нам от этого?

А что до того, что будет внутри страны? Так это и так вполне понятно. Проходили уже. Внутри нас ждет накатанная дорожка – бандеризация страны (великолепный термин, введенный в обиход В. Корниловым из газеты «2000») окончательное свержение с пьедесталов старых и безоговорочная канонизация новых «героев».

Вот только не понятно, одно – во имя чего все это. Хотя, если постараться, догадаться можно.

О.В. Романько

КРЫМСКОЕ СООБЩЕСТВО В 1941 – 1944: К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ В УСЛОВИЯХ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

В одном из последних романов Ю. Семенова – «Отчаяние» – его герой, знаменитый Штирлиц, говорит такие слова офицеру советской госбезопасности: «Допускаю: в сорок третьем надо было думать о той части страны, которую предстояло освобождать… А там в каждом городе выходили собственные нацистские газеты, которые редактировали наши люди, работала русская полиция, агентура, свои палачи, лютовали свои подразделения СД; надо было продемонстрировать тем, кто прожил в оккупации годы, что мы от комиссаров отступили к прежней России...» [1].

Талантливый писатель всего в нескольких фразах приоткрыл нам одну из самых трагических и, вместе с тем, неоднозначных страниц истории Второй мировой войны. Это – проблема немецкой оккупации на территории Советского Союза. Нельзя сказать, что эта проблема была «обойдена вниманием» ученых. В советской историографии она была одной из ключевых тем. Благодаря усилиям целого ряда историков мы достаточно много знаем о зверствах оккупантов на советской земле, об экономическом и культурном ограблении захваченных территорий, о партизанском движении и т.д. Но, одновременно, интересующийся проблемой нацистской оккупации, вряд ли нашел бы для себя внятные ответы на такие вопросы, как: военно-политическое сотрудничество советских граждан с врагом, национальная политика гитлеровской Германии на территории СССР, религиозное возрождение на оккупированных территориях и многие другие. Еще одним «родимым пятном» советской историографии было необоснованное упрощение темы оккупации и всех ее многочисленных аспектов, стремление представить их либо в белых, либо в черных тонах. Тогда как из уже простого перечисления некоторых ее сторон видно, что это очень сложный комплекс большого количества явлений, многие из которых попросту не доступны для понимания под таким двухцветным углом зрения.

Долгое время считалось, что все население оккупированных советских территорий было негативно настроено к захватчикам. Наиболее активная его часть ушла в

партизанские отряды, остальные вредили немцам по мере своих сил и возможностей. Были, конечно, и те, кто служил оккупантам. Но их было немного, и все они были «либо отщепенцами и деградировавшими личностями, либо уголовниками». Это, опять-таки, бинарное утверждение верно только отчасти. Действительно, значительная часть населения оккупированных территорий положительно относилась к советской власти, считая ее своей, и, действительно, некоторая его часть вступила в созданные этой властью партизанские отряды. Правда и то, что на другом полюсе стояли противники советской власти, однако ситуация с ними не была такой простой, как представлялось официальной точкой зрения. Теперь уже не является секретом, что перед началом войны в СССР существовало огромное количество недовольных, чьи настроения не мог не использовать такой осмотрительный враг, каким являлись немцы. А если прибавить еще и социальное недовольство, и нерешенный национальный вопрос, то ситуация приобретала просто угрожающие размеры. Среди тех, кто пошел на сотрудничество с немцами, были, конечно, и идейные противники коммунистической власти. Но, как и в случае с ее сторонниками, они представляли собой, хоть и активное, но меньшинство. Тем не менее, это были только два полюса, и своими, пусть и активными, позициями мировоззрение всего населения они не выражали. Основная же масса последнего (и этому есть много свидетельств, как с той, так и с другой стороны) занимала выжидательную позицию. И история оккупации, во многом, это борьба, как идейная, так и вооруженная, за эту нейтральную часть населения (фраза из романа Ю. Семенова характеризует сложившуюся ситуацию, как нельзя лучше).

Естественно, главными силами в этой борьбе были СССР и Германия, которые действовали непосредственно друг против друга на линии фронта. На оккупированных территориях основным противником нацистов была просоветская часть населения, наиболее активными из которой были партизаны. Противниками же последних были не только немцы, но и те, кто в силу различных причин встал на их сторону. Или только сделал вид, что встал, но, на самом деле, преследовал свои цели. А таких было тоже немало, так как туманные немецкие концепции по будущему устройству «восточного пространства» не оставляли им иного выбора.

Вслед за марксистской идеологией мы привыкли считать, что «гражданская война – это наиболее острая форма классовой борьбы за государственную власть между классами и социальными группами внутри страны» [2]. Однако это также один из примеров упрощения проблемы, когда в качестве единственной причины такого сложного явления, каким, безусловно, является гражданская война, берется только один социальный фактор. Тогда, как вся мировая история свидетельствует о том, что причины гражданского противостояния лежат гораздо глубже – в сфере ценностей. Гражданские войны возникают там и тогда, когда

одна часть общества перестает разделять те ценности, которые являются базовыми для другой части. И они не обязательно классовые или социальные [3].

Все это и дает нам основания утверждать, что некоторые события истории Второй мировой войны нельзя объяснить только немецко-советским противостоянием. По своим причинам они намного сложнее и имеют характер типичной гражданской войны, со всеми присущими ей основными особенностями. Этих причин, мелких и значительных, было много. Однако, зачастую, гражданская война на оккупированных советских территориях проходила в трех «измерениях»: политическом, национальном и военном. Обычно имело место сочетание не более двух таких «измерений», характерных для каждого из оккупированных регионов, и вытекающих из особенностей его исторического развития. Но только один из них является на этом фоне действительно уникальным. Это – Крым, где гражданская война в период немецкой оккупации протекала во всех трех «измерениях», которые, к тому же, настолько переплелись между собой, что понять причины одного не возможно без изучения другого.

Непременным атрибутом почти всех гражданских войн является иностранная военная интервенция, цель которой поддержать одну из противоборствующих сторон [4]. Гражданская война образца 1941-1944 гг. также происходила в условиях иностранного вмешательства. Однако в отличие, например, от конфликта 1918-1922 гг., она была вызвана этим вмешательством, являлась его следствием. Конечно, гражданское противостояние в ходе Второй мировой войны – это одна из страниц ее истории. Тем не менее, это, одновременно, и часть истории немецкой оккупационной политики на советских территориях, которая оказала существенное влияние на все «измерения» этого конфликта.

Одной из особенностей немецкой административно-политической системы на оккупированных советских территориях было то, что она, не была однородной. В целом, ее структура базировалась на реальной расстановке сил в нацистской Германии, где, несмотря на всю тоталитарность гитлеровского режима, их было как минимум три. И каждая из них претендовала на свое видение «восточной политики» Рейха, считая только себя, ее наиболее компетентным творцом и проводником. После начала войны эта ситуация получило свое отражение в сосуществовании на территориях СССР трех оккупационных администраций: гражданской, военной и полицейской. Каждая из них была практически автономной и только номинально подчинялась главной инстанции по проведению оккупационной политики – берлинскому Министерству по делам оккупированных восточных областей – и его главе А. Розенбергу [5].

Еще одной особенностью являлось то, что, уже начав создавать свою оккупационную администрацию, нацисты поняли: только немецкими кадрами при ее укомплектовании им не обойтись. В лучшем случае, своими чиновниками можно было заполнить все ключевые посты до районного уровня включительно. Ситуация аналогичная этой наблюдалась и в зоне деятельности военной и полицейской администрации. Поэтому, начиная уже с августа 1941 г,

каждая из этих ветвей власти начинает привлекать к сотрудничеству местное население. И в политико-административной сфере это вылилось в создание так называемых районных, городских и сельских управлений, которые собирательно стали называться «органами местного самоуправления» [6].

Нет нужды говорить, что никакой самостоятельной политики эти органы не проводили, а были обычными звеньями оккупационного режима. Однако следует подчеркнуть, что в ряде районов оккупированной советской территории самоуправление создавалось не по немецкой инициативе, а как раз, наоборот, – по местной (после отступления советских войск, но до прихода немецких). Иногда немцы мирились с этим фактом (как, например, в Смоленской и Брянской областях России), иногда жестоко подавляли такую инициативу населения (например, на Украине). И все-таки подчеркнем, практически до самого конца оккупации немцы не разрешали создавать местные самоуправления на уровне области или республики, обличенные какими-либо политическими полномочиями и, тем более, имеющими свои вооруженные силы (исключением, по целому ряду причин, является, разве что Прибалтика) [7].

***

В Крыму же, на фоне всех этих предварительных замечаний, ситуация сложилась следующим образом. Согласно указу Гитлера от 17 июля 1941 г. в ряде оккупированных советских областей вводилось гражданское управление. Его основной административно-территориальной единицей должен был стать рейхскомиссариат, поделенный, в свою очередь, на генеральные округа. 1 сентября 1941 г. был создан рейхскомиссариат «Украина», а в его составе – генеральный округ «Крым» (с центром в Симферополе). Фактически, этот округ должен был повторять границы дореволюционной Таврической губернии, так как в него планировалось включить не только земли т.н. Северной Таврии, но и Крым. Формально, вся полнота власти на этих территориях должна была принадлежать генеральному комиссару А. Фрауэнфельду. Однако, поскольку, на протяжении всего периода оккупации, Крым являлся либо зоной боевых действий, либо тыловым районом, реальная власть на полуострове принадлежала командующему расквартированных здесь частей вермахта. Сначала это было командование 11-й армии (октябрь 1941 – сентябрь 1942), затем – 42-го армейского корпуса (сентябрь 1942 – октябрь/ноябрь 1943), а на заключительном этапе борьбы за Крым эти функции выполняла 17-я армия (октябрь/ноябрь 1943 – май 1944). Полицейская администрация была представлена на территории Крыма аппаратом фюрера СС и полиции «Крым». Находясь, формально, в распоряжении генерального комиссара, эта администрация была полностью независимой как от гражданской, так и от военной власти, и по вертикали подчинялась главному фюреру СС и полиции «Россия-Юг» (с ноября 1943 г. – главному фюреру СС и полиции «Черное море») [8].

Создание местного самоуправления на территории Крыма началось в ноябре – декабре 1941 г., и проходило при непосредственном участии соответствующих военно-административных органов – комендатур разного уровня. В результате, все местные начальники районных, городских и сельских самоуправлений подчинялись только своим комендантам. Чиновники же генерального комиссариата «Крым» никакого влияния здесь не имели. В декабре 1941 г. при всех районных и городских управлениях начали создаваться отделы вспомогательной полиции порядка, состоявшей из местных добровольцев. В принципе, все они должны были подчиняться своему начальнику, а через него – соответствующему коменданту. Однако на деле, их высшей инстанцией являлся районный или городской фюрер СС и полиции [9].

Анализируя политическое «измерение» гражданской войны, нельзя не отметить, что в Крыму оно не получило такого развития, как, скажем, в Белоруссии. Здесь уже к концу 1943 г. был создан целый ряд органов местной администрации, которые претендовали на роль центральных и отвечающих за ситуацию на всей территории этого генерального округа. Только в начале 1944 г. немцы предприняли запоздалую попытку поднять имеющееся на полуострове самоуправление на более высокий политический уровень. В январе этого года командующий 17-й немецкой армией генерал-полковник Э. Йенеке приказал начать подготовку к созданию в Крыму местного полуавтономного правительства. По замыслу немцев оно должно было состоять из представителей трех основных национальностей, населявших полуостров: русских, украинцев и крымских татар. Основой для этого правительства должны были послужить органы местного самоуправления и разные национальные комитеты. В его компетенцию планировалось передать руководство (административное, но не политическое) органами гражданской власти, просвещением, судами, благотворительностью, а также командование вспомогательной полицией. К марту 1944 г. вся местная администрация была, в основном, переформирована согласно этому плану. Однако этим замыслам так и не суждено было исполниться, так как уже в апреле – мае Крым был освобожден частями Красной Армии [10].

***

Создаваемые немцами органы местного самоуправления должны были, в принципе, быть нейтральными в политико-идеологическом плане. Единственной идеологией, которая признавалась возможной для сотрудников самоуправления, был антикоммунизм в нацистском понимании, со всеми вытекающими из этого атрибутами (например, антисемитизм и т.п.). Выше говорилось, что одной из составляющих процесса создания самоуправления была местная инициатива. Как правило, в таком случае их формировали идейные противники советской власти, а не подобранные немцами лица. Нет необходимости говорить, что эти органы самоуправления имели значительные отличия от органов,

созданных немецкими инстанциями. И главное из них – та идеология, которая была положена в основу работы этих органов.

Как известно, и для Российской империи, и для Советского Союза основным условием их выживания как государств было правильное решение национального вопроса. События гражданской войны 1918-1922 гг. ярко показали, что любой внутренний конфликт приобретает здесь не только политико-идеологическую, но и национальную окраску. Более того, своя, окрашенная в национальные цвета, идеология является для участников этого конфликта основой для борьбы за политическую власть или социальное освобождение.

Этого не могли не понимать нацисты, для которых национальный вопрос в Советском Союзе стал одним из ключевых еще до подготовки плана «Барбаросса». Однако и здесь, как и в случае с оккупационной политикой, у германского военно-политического руководства не было единой национальной концепции. В целом, такая полярность мнений просуществовала на протяжении всей войны и привела к тому, что в каждом из оккупированных регионов каждая ветвь немецкой оккупационной администрации имела «свое» национальное движение. И если эта администрация была полностью доминирующей, она поддерживала, конечно, в определенных пределах, «своих» националистов, а другие национальные движения преследовала наравне с коммунистическим подпольем. Зачастую, представители доминирующего движения, которые занимали все ответственные посты в администрации и полиции, с не меньшим рвением уничтожали своих конкурентов. Если же в немецких силах наблюдался паритет, а взаимоотношения проживавших на этой территории народов были отягощены национальными или религиозными противоречиями, то гражданское противостояние приобретало здесь формы жестокой обоюдной резни, со всеми вытекающими отсюда последствиями (для Второй мировой войны классическим примером такого хода события является Югославия) [11].

Уже самим фактом того, что здесь действовало несколько форм немецкой оккупационной администрации и проживало значительное количество разных народов, Крым был просто обречен стать таким регионом, где гражданская война должна была неминуемо окраситься в национальные цвета. Естественно, что не все проживающие здесь народы могли претендовать на выражение своей национальной идеи. Поэтому, в силу разного рода причин, основными из них стали русская, украинская и крымско-татарская.

Процесс развития русского национального движения на полуострове можно условно поделить на два этапа: до и после марта 1943 г. До этого времени оно не было единым ни в идейном, ни в организационном плане, а представляло собой конгломерат групп и группок, исповедующих антикоммунизм и некоторые основы традиционной российской идеологии. Иногда дореволюционного образца. С марта 1943 г. ситуация меняется коренным образом. Прежде всего, это связано с так называемым Власовским движением, которое с осени 1942 г.

стало важным фактором, повлиявшим на изменения в немецкой оккупационной и национальной политике.

Столь поздний срок появления этого движения на территории Крыма можно объяснить лишь тем, что власовская программа - «Смоленский манифест» - практически осталась неизвестной на юге СССР, тем более в Крыму. Широкую же известность на территории полуострова имя бывшего советского генерала А. Власова получило в связи со следующим его пропагандистским выступлением – открытым письмом «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом?» (18 марта 1943 г.). Именно этому открытому письму, в котором он рассказывал «о своей жизни и своем опыте в СССР», объяснял причины, «побудившие его начать войну против сталинского режима», Власов был обязан своей популярностью в некоторых слоях населения [12].

В Крыму первым на это письмо публично отреагировал начальник городского управления Ялты В. Мальцев. Прочитав письмо Власова, он решил присоединиться к его движению и в марте 1943 г. подал рапорт о своем переводе в распоряжение генерала. Позднее, 4 июня 1943 г. в органе Симферопольского городского управления газете «Голос Крыма» был опубликован ответ Мальцева на письмо Власова. Ответ был написан также в форме открытого письма и озаглавлен «Борьба с большевизмом – наш долг». В этом письме он рассказывал, как он прошел путь от «коммунизма к борьбе с ним» и призывал всех последовать его примеру, отдав все силы на благо русского народа, то есть поддержать Власова и созданную им Русскую освободительную армию (РОА) [13].

Поддержка населения, конечно, играла существенную роль. Однако было ясно, что в условиях оккупации Власовское движение может действовать только при немецком покровительстве. Чтобы получить его, и Мальцев, и его сторонники должны были участвовать во всех мероприятиях оккупационных властей. В данном случае, они, главным образом, заключались в вербовке добровольцев в подразделения РОА (первые призывные пункты были открыты уже в июне 1943 г.) и в пропагандистском обеспечении борьбы против партизан.

Как известно, 1943 г. прошел под знаком ухудшения военного положения Германии на Восточном фронте. Это, естественно, не могло не сказаться, на ситуации с Власовским движением, и в Крыму в том числе. Наиболее ярко это выражено в отчетах немецких оккупационных властей, в которых отмечается неуклонное снижение энтузиазма населения в отношении этого движения. Одновременно с этим немецкие власти отмечали появление в среде определнной части крымчан так называемых «русских фантазий». Как правило, эти немецкие опасения были связаны с распространением идеи так называемой «третьей силы», которая заключалась в том, что русскому народу необходимо бороться как против коммунистов, так и против нацистов, отстаивая исключительно свои цели [14].

Первые попытки украинских националистов проникнуть в Крым, который они уже тогда считали сферой своих интересов, относятся к лету 1941 г. Все они связаны с деятельностью Организации украинских националистов (ОУН), которая в данный период была наиболее активной. Так, в это время в рядах наступавшей на Крым 11-й немецкой армии действовало несколько так называемых походных групп ОУН. В их задачи входило продвижение вдоль побережья Черного моря вплоть до Кубани. На всем протяжении пути своего следования члены этих групп должны были вести пропаганду украинской национальной идеи, а также пытаться проникать в создаваемые немецкими оккупационными властями органы местного самоуправления и вспомогательную полицию с целью их последующей украинизации [15].

Исследуя деятельность этих походных групп, нельзя не отметить, что до сентября – октября 1941 г. немецкие власти очень лояльно относились к проявляемой ими активности. Однако вскоре ситуация изменилась. Главным образом это было связано с попыткой бандеровского крыла ОУН провозгласить 30 июня 1941 г. во Львове «Независимую Украину». Это событие, в целом, заставило немцев очень настороженно относиться ко всем проявлениям украинской национальной идеи, вплоть до применения репрессий. Так, член одной из походных групп, проникших в Крым, был арестован еще по дороге в Симферополь. Другая походная группа, численностью в 14 человек, была в полном составе арестована и расстреляна в Джанкое в начале декабря 1941 г. В начале следующего года в Симферополе по приказу Службы безопасности (СД) был закрыт местный украинский театр, а ряд его актеров были арестованы за связи с ОУН [16].

Таким образом, ни одной из проникших в Крым походных групп ОУН не удалось создать здесь действенное и влиятельное националистическое подполье. Все попытки, направленные на это, беспощадно пресекались оккупационными властями. Единственным достижением украинских националистов стало создание местного Украинского комитета, в который вошли люди, не связанные с ОУН и находившиеся под полным контролем немцев. Комитет был создан 27 сентября 1942 г., а уже на следующий день в его ведение перешли все торгово-промышленные предприятия и открытое ранее Бюро помощи украинскому населению города. А чтобы дело «украинизации» шло успешнее, лидеры комитета открыли специальный «украинский магазин» и объявили, что «только украинцам будут выдавать муку и другие продукты». Деятельность комитета носила исключительно культурный и экономический характер. Что же касается политических вопросов, то об участии в их решении не могло быть и речи. Поэтому к концу 1943 г. комитет влачил жалкое существование, а его члены никого, кроме себя самого, не представляли, так как в Крыму украинскую национальную идею поддержали лишь единицы [17].

После оккупации большей части Крыма, немцы повели открытую политику заигрывания с татарским населением, используя националистические настроения в его среде, и создавая для него ряд материальных преимуществ по сравнению с остальными народами.

Оккупационные власти во многих случаях не подвергали репрессиям комсомольцев и коммунистов-татар, а разъясняли им, что они ошибались, а теперь с оружием в руках должны исправить свои ошибки, активно сотрудничая с новой властью [18].

Одной из форм такого сотрудничества стало создание мусульманских татарских комитетов. Так, уже в конце декабря 1941 г. в Бахчисарае при поддержке немцев был создан первый Мусульманский комитет, а затем, на его основе, комитет в Симферополе. По замыслу его основателя – Д. Абдурешидова – этот комитет должен был представлять всех крымских татар и руководить всеми сферами их жизни. Однако немцы сразу же запретила им называть комитет «крымским», оставив в его названии только слово «симферопольский». В этом качестве он должен был служить только примером районным мусульманским комитетам, которые стали создаваться в других городах и населенных пунктах Крыма в январе – марте 1942 г. В программу руководства комитета входило: организация крымско-татарского населения для борьбы с партизанским движением, восстановление старых традиций и обычаев, открытие мечетей, пропаганда и агитация в пользу создания под покровительством Германии крымско-татарского государства, помощь оккупационному режиму и немецкой армии людскими ресурсами и продуктами питания [19].

Несмотря на полное подчинение всей деятельности комитетов немецкой оккупационной администрации, лидеры крымско-татарских националистов не оставляли надежды получить более широкие полномочия. В связи с этим ими было предпринято несколько попыток. Так, в апреле 1942 г. группой руководителей Симферопольского комитета были разработаны новый устав и программа деятельности мусульманских комитетов. При этом были выдвинуты следующие главные требования: создание татарского парламента, создание татарской национальной армии и создание самостоятельного татарского государства под протекторатом Германии. Эти документы были поданы на рассмотрение в Берлин, однако их утверждения не последовало [20].

В ноябре 1942 г. один из старейших крымско-татарских националистов А. Озенбашлы подал на имя оккупационных властей меморандум, в котором изложил программу сотрудничества между Германией и крымскими татарами, основные положения которой были сходны с пунктами предыдущей. Однако выполнение подобных требований не входило в планы нацистского руководства, поэтому СД сочла «более благоразумным» не давать ход этому документу. Гитлер о нем так и не узнал [21].

Результатом такой политики явилось то, что уже к концу 1943 г. почти все мусульманские районные комитеты практически не функционировали. Так, даже Симферопольский комитет состоял, фактически, только из одного человека – своего председателя Абдурешидова. Хотя помимо него в комитете на тот момент числилось еще 11 членов, ни один из них участия в его работе не принимал [22].

***

Политическое и идеологическое «измерения» оказали, безусловно, существенное влияние на развитие гражданского противостояния на оккупированных территориях. Тем не менее, это были, скорее, пассивные, чем активные его формы. Наиболее же активным «измерением» гражданской войны (и одновременно, наиболее активной формой сотрудничества населения с оккупантами) следует признать участие в вооруженной борьбе. В данном случае эта борьба заключалась в создании и деятельности так называемых «восточных» добровольческих формирований германских вооруженных сил и полиции.

Процесс создания и использования «восточных» частей на территории Крыма, был, в целом, похож и имел в своей основе те же политические и военные причины, которые сыграли роль в создании подобных формирований в других оккупированных районах СССР. Однако он имел и свои отличительные черты, зависевшие от особенностей оккупационного режима в Крыму и его положения как многонационального региона. Эти особенности позволяют нам выделить здесь два этапа в процессе создания и использования добровольческих формирований. На первом из них (октябрь/ноябрь 1941 – октябрь/декабрь 1943) главной задачей немецких оккупационных властей было умиротворение полуострова. Этой задаче должны были быть подчинены все проводимые здесь мероприятия, включая и попытки по привлечению к сотрудничеству местного населения. Поэтому процесс создания и использования добровольческих формирований приобрел в Крыму, в первую очередь, форму организации «местных полицейских вспомогательных сил» для поддержания общественного порядка. Главной отличительной чертой добровольческих формирований этого периода было то, что практически все они создавались из представителей местного населения.

После ликвидации Кубанского плацдарма одной из главных задач для немецкого военно-политического руководства на южном участке Восточного фронта стала оборона Крыма. Ее должна была осуществлять эвакуированная сюда в октябре – декабре 1943 г. 17-я армия. Эвакуация этой армии на полуостров – начало второго этапа в создании и использовании «восточных» добровольческих формирований на его территории (октябрь/декабрь 1943 – май 1944). Главной характеристикой этого этапа является то, что в Крым вместе с 17-й армией прибыло большое количество добровольческих формирований, личный состав которых был укомплектован не местными жителями (всего же в этой армии проходило службу 28436 «восточных» добровольцев или 16% от ее общей численности).

Особенности немецкой оккупационной политики в Крыму, а также общая ситуация на Восточном фронте, привели к тому, что на территории полуострова было сформировано или побывало большое количество добровольческих частей, укомплектованных представителями разных национальностей. В связи с этим, можно выделить следующие их основные категории, оставившие заметный след в истории оккупированного Крыма:

- крымско-татарские формирования – 15-20 тыс. чел.
- украинские формирования – 2500 – 3000 чел.
- формирования Русской освободительной армии – 2000 – 4000 чел.
- формирования Восточных легионов, укомплектованные представителями народов Кавказа и Средней Азии – 5500 – 7000 чел.

Кроме этих групп в источниках также встречаются упоминания и о некоторых казачьих подразделениях. Однако численность их личного состава была незначительной и не превышала 500 – 1000 человек [23].

В целом же, за период с 1941 по 1944 г. на территории Крыма прошли службу около 90 тыс. «восточных» добровольцев. Для сравнения можно указать на тот факт, что вся немецкая группировка за тот же период насчитывала чуть менее 1 млн. человек [24].

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что основная масса организованных в Крыму добровольческих формирований появилась уже после окончания здесь активных боевых действий между немецкими и советскими войсками. Поэтому, ясно, что основной целью их создания было участие в поддержании общественного порядка, крайней формой которого была борьба с партизанами. Одним из отличий партизанского движения на территории Крыма от, скажем, Украины или Белоруссии, было то, что практически все его руководители и рядовые члены являлись местными жителями. О добровольческих формированиях можно, в принципе, сказать то же самое. Поэтому и борьба между ними и партизанами приняла на крымском полуострове, как нигде в другом месте, характер типичной гражданской войны. Если же учесть, что численность советских партизан за период оккупации равнялась примерно 12 тыс. человек, то между активными сторонниками советской власти и такими же ее противниками наблюдался явный паритет при общем нейтралитете населения [25].

***

Гитлер как-то сказал на одном из совещаний: «Война с СССР – это борьба двух идеологий» [26]. И в том, что не все советское население захотело поддерживать коммунистический режим, нет ничего удивительного. Достаточно вспомнить всю предвоенную историю СССР, чтобы понять: дело могло быть гораздо хуже и численность лиц, сотрудничавших с немцами, была бы гораздо больше. Однако не стоит думать, что все, кто волею судеб оказался на стороне нацистов, стали автоматически приверженцами их мировоззрения (хотя были, конечно, и такие). Многие из них вполне искренне поверили, что нацизм лучше, чем коммунизм, а немцы помогут освободить им Россию (Украину, Белоруссию и т.д.) от власти большевиков. Но и советское мировоззрение успело за послереволюционные годы пустить в народном сознании глубокие корни. И сторонников советской власти на оккупированных территориях было не меньше (а в некоторых местах гораздо больше), чем ее противников. И борьба между ними, в каком-то смысле, главное содержание всего периода оккупации.

Безусловно, этот период, с какой точки зрения на него не посмотреть, – одна из самых трагических страниц истории Второй мировой войны. Однако на наш взгляд, многие из ее сторон просто меркнут перед той братоубийственной войной, которая развернулась на оккупированных немцами территориях. По сути, эта война и есть главное «измерение» той трагедии, которую пережили народы СССР с 1941 по 1945 г. Более того, многие общественно-политические проблемы современного постсоветского пространства уходят своими корнями именно в эти годы. И Крым, в данном случае, не исключение.

Список литературы

1. Семенов Ю.С. Отчаяние: Романы, рассказы. – М., 1998. – С. 103.
2. Краткий политический словарь. – М., 1987. – С. 97.
3. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: В 2 кн. – М., 2002. – Кн. 1. – С. 297.
4. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. – Симферополь, 1997. – С. 4.
5. Казанцев А.С. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. – М., 1994. – С. 82.
6. Bundesarchiv-Militärarchiv (далее – BA-MA), RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte, RH 22/215, bl. 36-43.
7. Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. – М., 1993. – С. 53-56.
8. Романько О.В. Крым, 1941-1944 гг. Оккупация и коллаборационизм. – Симферополь, 2005. – С. 30; Осенью 1942 г., когда Крым был, фактически, изъят из ведения гражданской оккупационной администрации, эта административная единица стала носить наименование генеральный округ «Таврия», а ее центр был перенесен в Мелитополь.
9. Там же. – С. 16-19.
10. BA-MA, RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17, RH 20-17/257, bl. 108-110rs.
11. Alexiev A. Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941-1945. – Santa Monica, 1982. – P. 6.
12. Голос Крыма. – 1943. - №33. – 18 марта.
13. Голос Крыма. – 1943. - №66. – 4 июня.
14. Государственный архив Автономной Республики Крым (далее – ГААРК), ф. П-156, оп. 1, д. 26, л. 34.
15. Дуда А., Старик В. Буковинський Курінь в боях за українську державність. 1918 – 1941 – 1944. – К. – Чернівці, 1995. – С. 96.
16. Там же. – С. 99.
17. ГААРК, ф. П – 156, оп. 1, д. 31, л. 103.
18. ГААРК, ф. П – 151, оп. 1, д. 26, л. 40-41; ф. П-156, оп. 1, д. 37, л. 112.
19. ГААРК, ф. П – 156, оп. 1, д. 26, л. 57.
20. ГААРК, ф. П – 156, оп. 1, д. 40, л. 15.
21. ГААРК, ф. Р – 652, оп. 24, д. 16, л. 34.
22. ГААРК, ф. П – 151, оп. 1, д. 505, л. 210-в.
23. Романько О.В. Крым, 1941-1944 гг. Оккупация и коллаборационизм… – С. 6-7.
24. Романько О.В. Немецкая оккупационная группировка и силовые структуры на территории Крыма (1941-1944): организация, структура, численность // Military Крым. – Симферополь, 2006. - №3. – С. 49-50.
25. Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945. – М., 1987. – С. 228.
26. Гальдер Ф. Военный дневник. 1939-1942: В 3 т. – М. – СПб., 2003. – Т.2. – С. 522.

М.А. Сенюшкина

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В АРК

Введение. В условиях мирового финансового кризиса более четко просматриваются те перемены, которые постигли Украину в конце 80-х годов XX века. 1987 год вошел в историю как год, предсказавший в жизни страны развал советской системы общественных отношений и разрушение основ социалистической государственности.

Причины сложившейся ситуации следует искать в системе противоречий, проявившихся в конце XX столетия в недрах столкновения двух общественных систем в мировом масштабе: капиталистической и социалистической. Капиталистическая система, обусловленная монополизацией мирового производства, на базе интеграции частной собственности на средства производства, активно воспользовалась возможностью привлечения научно-технических новшеств в развитии производительных сил в интересах получения максимальной прибыли для осуществления экономической и финансовой политики. Столкновение двух типов общественных систем обусловило обострение противоречий в мировом сообществе.

Цель статьи. Раскрыть динамику противоречий в предпринимательской деятельности в современных условиях и обобщить их влияние на социально-экономические процессы в АРК, обусловившие ухудшение жизненного уровня населения и повышение уровня стагнации экономики.

Результаты исследований получены на основе использования эвристических методов исследований и системного подхода в обосновании действующих противоречий в различных аспектах общественных отношений.

Содержание исследований. Социалистическая революция, совершившаяся в октябре (по старому стилю) 1917 года, была обусловлена антагонизмом в нарождающемся капитализме в царской России. Производительные силы того времени были обусловлены преобладанием ручного труда, с минимальными техническими ресурсами в материальном производстве и безграмотностью населения, что способствовало высокой степени эксплуатации человеческого труда, основанного на экстенсивных методах организации производства. Стремление получения прибыли владельцами промышленных предприятий и обрабатываемой земли было основано на использовании продолжительного рабочего времени. Степень эксплуатации (по определению К.Маркса) выражалась отношением прибавочной стоимости к стоимости необходимого продукта, которая определяется величиной оплаченного труда $m:v$ (m –прибавочная стоимость, v – необходимый продукт). Трудовые доходы были настолько низки, что крестьянство и рабочий класс не могли обеспечить себе и своей семье достойного существования, которое вело к развитию бедности, нищеты среди трудового народа. Безграмотность, отсутствие культуры

компенсировалось доминированием религиозного влияния на разум и поступки людей, вырабатывающих в сознании бедного человека терпение и смирение к тем условиям жизни, которые дарованы трудовому народу, т.е. бедным слоям. Богатые же осознавали свое преимущество в сфере образования и культуры, что было обусловлено возможностью получения образования, ведения светского образа жизни для особой категории людей.

Противоречия между богатыми и бедными представлены антагонизмом, т.е. не совместимостью противоположных позиций, что проявлялось в выражении сопротивления, классового противостояния в обществе, ведущего к конфликтам, разрешение которых осуществлялось с применением силовых воздействий. Антагонистические противоречия обостряют систему отношений в связи с направлением части стоимости продукта труда, созданного рабочим классом и крестьянством на содержание силовых структур: армии, полиции и других элементов принуждения (судов, тюрем, следственных органов и т.д.). Продукт, созданный трудом в условиях капитализма, используется на разрешение противоречий и ведет к не рациональному потреблению богатых слоев общества и ухудшению жизненных условий социально ущемленных категорий населения. Разрешение антагонистических противоречий, проявившихся в России в начале XX века, произошло путем мобилизации ущемленных масс для совершения революции. Революция (*франц.- revolution)* – коренной переворот, глубокое качественное изменение [2, с. 263]. В данном случае революция совершила масштабный переворот по выводу из аномальных противоречий в жизни людей, что нашло сове отражение вреволюционном лозунге: «власть – народу, земля – крестьянам, заводы – рабочим».

Из приведенного анализа видно, что противоречия являются движущей силой в развитии классовых интересов мирового сообщества. Что же представляют собой противоречия в развитии мировой цивилизации?

Прежде всего, характерным признаком противоречий в мировой системе является несоответствие взаимоотношений отдельных элементов системы характеру ее развития при соответствующих ей условиях. В мировом развитии взаимодействуют крупные блоки систем: промышленные, аграрные, политические, экономические, финансовые, денежно-кредитные, культурные и т.п. Названные выше системы взаимодействуют между собой на разных уровнях: межгосударственном, национальном, региональном, на основе кооперации, интеграции и дезинтеграции. Кооперация означает объединение элементов системы для общего взаимодействия; интеграция представляет собой соединение элементов системы, представляющее единое целое, соединенных между собой ее элементов; дезинтеграция выражает замкнутую цепь разрушения связей между элементами внутри самой системы. В случае, если система в своих связях не выходит на внешние системы, государство или сообщество самостоятельно существует, используя внутренние механизмы регулирования. В этой связи противоречия также могут быть охарактеризованы с двух позиций, т.е. они

могут быть внутренними, возникающими внутри системы и внешними, привнесенными другими системами при внешнем воздействии.

Так, в начале XX века противоречия, вызванные неравномерностью развития государств и тенденцией колонизации слабо развитых стран крупными империалистическими державами, такими как США, Великобритания, Франция, Япония, Испания др., способствовали развитию масштабных антагонистических противоречий между трудом и капиталом, которые привели к первой мировой войне. В свою очередь, эти процессы вызвали новые противоречия, связанные с порабощением народов побежденных стран и извлечением максимально возможных доходов для развития производительных сил, для наращивания военной мощи в целях применения силы для предотвращения других противоречий. На базе пика роста противоречий между трудом и капиталом сформировались реальные условия для социалистической революции в царской России.

Динамика развития противоречий имеет определенное свойство, а именно: зарождение, динамичное развитие с эффектом возрастания, достижение кульминации в виде революционного взрыва и угасания, т.е. достижение цели в предотвращении их действия, путем устранения противоречий при помощи мер, повышающих эффективность системы, т.е. достижения рациональности. Так после победы Великой Октябрьской Социалистической Революции неравенство в формировании доходов отдельных социальных групп привело к тому, что были применены налоговые методы изъятия доходов по прогессивной шкале ставок. Эти же методы были использованы по отношению к доходам, полученным в результате предпринимательской деятельности в начале 90-х годов XX века при введении налога на прибыль с предпринимательской деятельности по ставке 50% от облагаемой прибыли, а затем ставка была уменьшена до 35 %.

Противоречия между прошлым опытом организации жизнедеятельности людей в Украине и будущим определяются действием соответствующих факторов, в частности, несоответствием отдельных элементов системы отношениям, формирующимся внутри самой системы. Так, начиная с 30-х годов XX века производственные отношения в Советском союзе были определены руководящей ролью коммунистической партии, которая объединяла людей в выполнении главных стратегических задач в развитии общества по преодолению отставания в развитии производительных сил. Для этих целей были проведены налоговые и кредитные реформы. Налоговая реформа была направлена на устранение частной формы собственности в сфере частного предпринимательства. Введение прогрессивных налогов способствовало развитию кооперации, объединению мелких товаропроизводителей в кооперативы (артели) для совместной трудовой деятельности по производству товаров, работ и услуг для нужд населения. Национализация частных промышленных предприятий привела к развитию государственной формы собственности, которая способствовала совершенствованию

банковской сферы в обеспечении денежного обращения и введения кредитных орудий обращения, взамен вексельного оборота в расчетах товаропроизводителей.

Противоречия, возникающие в системе производственных отношений, являются сигналом для разрешения конфликтных ситуаций. Научное обоснование методов, применяемых в разрешении противоречий, способствует поиску путей совершенствования отношений в обществе. На первый взгляд, создается впечатление, что противоречия имеют субъективный характер, что они возникают по воле субъектов общественных отношений, т.е. людей, причастных к какой-либо деятельности.

В этой связи в истории появляются личности, с именами которых связывают результаты негативных или положительных действий в реализации соответствующих мероприятий или событий. В этом случае действует *закон о необратимости эволюции*, который характерен для живой природы. Закон был открыт в 1893 году биологом Луи Долло. Суть этого закона заключается в том, что *организм никогда не возвращается к прежнему состоянию, даже тогда, когда он оказывается в условиях существования, схожих с теми, через которые он уже прошел* [1, с. 80].

Исходя из действия данного закона, можно сделать вывод о том, что противоречия вызваны действиями людей, вызвавшими какие – либо отклонения в системе данного типа отношений, происходящих в конкретных условиях времени и пространства. Эти изменения всегда необратимы, т.е. они могут быть схожими в процессе проявления, но не идентичны с подобными проявлениями в прошлом опыте, ибо действуют совершенно другие факторы, их вызвавшие. Поэтому невозможно применять одни и те же методы для разрешения противоречий, возникших в разных временных и пространственных условиях.

Выше мы рассмотрели применение мер по разрешению противоречий в 30-е годы XX века с помощью налоговой реформы к условиям, идентичным, возникшим в 90-е годы того же века в предпринимательской деятельности. Однако меры введения налога на прибыль с повышенной ставкой (50% от облагаемой прибыли) оказались не совместимыми с условиями данного времени и вызвали теневизацию в предпринимательской деятельности, что обусловлено противоречиями в системе распределительных отношений доходов между государством и предпринимательством. Следовательно, любые противоречия следует анализировать в контексте конкретного времени их возникновения, конкретных условий и механизмов их действия. При этом способы их разрешения должны быть обоснованы научными методами, позволяющими изучить ситуацию и найти модели их разрешения, применительно к тем условиям, в которых они протекают.

Современный глобальный финансовый кризис затронул всю мировую систему. На первый взгляд он воспринимается как результат многофакторных противоречий, среди которых отметим следующие:

- неравномерное развитие группы стран в мировой экономике;
- неравенство доступа к природным источникам;
- различия в политических системах отдельных стран;
- формирование групповых интересов в реализации коллективных объединений в продвижении товаров, денег, инвестиций для обеспечения экономического и социального развития в собственных странах.

При этом экономическая и политическая ситуация в мире представлена, с одной стороны, развитием всемирных объединений по целевым назначениям для решения общемировых задач по разрешению противоречий, имеющих глобальный характер, а с другой - возникновением тенденции ко всемирному тяготению, которая проявилась после второй мировой войны в 1939 - 1945г.г. Данные тенденции были обусловлены необходимостью разрешения глубинных противоречий между реальным социализмом и реальным капитализмом, основанных на противоположных друг другу формах собственности на капитал, труд, ресурсы.

В этой связи уместно вспомнить, что МВФ (Международный валютный фонд) был создан с целью оказания поддержки стабильности валютной системы в мире. Мировой банк сформировался для финансирования и кредитования стратегии развития экономики стран «третьего» мира, вышедших из под колониальной зависимости, а также стран «четвертого» мира – бывших стран социалистического содружества. С целью внедрения рыночных отношений в этих странах были трансформированы экономические и политической системы на основе установления приоритета частной собственности в виде трех самостоятельных форм:

- частная собственность в предпринимательской деятельности с наймом рабочей силы (малый и средний бизнес);
- частная собственность без найма рабочей силы (семейного типа предприятий в агропромышленном комплексе, сфере бытового обслуживания, торговле и других социально важных отраслях экономики;
- коллективная форма собственности, основанная на использовании ценных бумаг и паев в разделении общей собственности между участниками предпринимательских структур в стратегически важных отраслях экономики: машиностроении, обрабатывающей промышленности, строительной индустрии, транспорте и других отраслях экономики.

Развитие науки и техники ведет к росту номенклатуры выпускаемой продукции, внедрению новых материалов, созданных на основе достижений в области химии, физики и других естественно-научных знаний по внедрению заменителей природного сырья: кожи, хлопка, шерсти, шелка, а также пищевых добавок, витаминов и других изделий синтетического характера. Выпуск и продвижение такой продукции обусловлено высоким уровнем затрат на научно – исследовательские, опытно-конструкторские разработки и

внедрение их в производство, что не всегда доступно для отдельных стран. Международная специализация и кооперация производства обусловлена и географическими факторами, т.е. неравномерностью диверсификации природных ресурсов на Земле, а именно, растительного и животного мира, различиями в сельском хозяйстве, характерными климатическими условиями выращивания отдельных видов культур и т.д.

Противоречия в международном разделении труда обусловлены жесткой конкуренцией на мировом рынке, т.к. технический уровень национального производства, его организация, квалификация рабочей силы в стране, состояние научных исследований – это основные факторы возникновения противоречий в силу неравномерности развития отдельных стран. В развитых странах усиливаются меры, предпринимаемые государством по защите внутреннего рынка от притока извне более конкурентоспособных товаров. Протекционизм способствует изменению направленности в развитии экономики в отдельных странах. Так, для менее развитых стран Азии, Африки и Латинской Америки характерны аграрно-сырьевая направленность. Зависимое положение экономики аграрно-сырьевых стран привело к различиям в условиях экономического развития в разных регионах мира. На фоне высокого уровня промышленно развитых стран сформировались новые экономические типы государств, такие как развивающиеся страны, вышедшие из под колониальной зависимости, а также страны с переходной экономикой (бывшие страны социалистического содружества и страны СНГ).

Противоречия на глобальном уровне обусловлены финансово-кредитными отношениями, которые проявляются в концентрации финансовых ресурсов в крупных международных межправительственных и коллективных органах управления международными финансовыми потоками для решения глобальных стратегических планов развития мира. Противоречия глобального характера, обусловленные всемирным финансовым кризисом с использованием мировой денежной единицы - доллара США, привели к мощному переливанию капитала к крупным монополизированным странам «Большой семерки», которые способствовали банкротству мелкого частного предпринимательства, не выдерживающего конкурентной борьбы на рынке товаров, капиталов, денег из-за ухудшения доходной базы мелких производителей.

С начала 1992 года в Украине в целом, и в Крыму, в частности, активно проявились противоречия в свертывании отечественного производства в связи с приватизацией государственных имущественных комплексов. 1992 год вошел в историю как год начала активной приватизации, которая проводилась в соответствии с планами и программами, разработанными Фондом Государственного имущества.

Приватизация (от латинского *privatus – частный*), означает передачу государственной или муниципальной собственности (земельных участков, промышленных предприятий, банков, средств транспорта, связи, зданий, акций, культурных ценностей и других объектов) в частную собственность за плату или безвозмездно [3]. Приватизация как система отношений используется

и при капитализме при определенных условиях для поддержки частнокапиталистического сектора и представляет собой способ государственного финансирования монополий.

В условиях социализма в переходный период, предшествующий распаду экономики, использовалась скрытая форма приватизации, которая была проведена в виде аренды предприятий, производящих предметы народного потребления и сферы обслуживания населения в услугах и торговле. Объекты передавались трудовым коллективам на основе юридического закрепления прав и обязанностей сторон – арендаторов и арендодателей. Открытая форма приватизации основана на законодательной базе путем принятия программ и условий ее проведения.

Используются следующие способы приватизации: продажа государственных имущественных комплексов коллективу собственников, конкурсная продажа, продажа с аукционов и другие способы, предусмотренные законодательством. При любой форме приватизации возникают денежные отношения, вызывающие изменение стоимости авансированного капитала и стоимости продукта труда, которые приводят к существенным изменениям жизненных условий населения. Вместе с юридическим фактом аренды имущества или продажи (отчуждения имущества от одного собственника к другому) проявляются денежные отношения в виде арендной платы или платы стоимости имущества по существующей форме оценки. Если приватизация обусловлена арендной формой использования капитала, то арендная плата вызывает отношения по перераспределению стоимости продукта труда путем включения в себестоимость продукции или уменьшения прибыли, или уменьшения дохода, получаемого при использовании арендных имущественных прав. Следовательно, арендная плата вызывает повышение стоимости продукта труда ровно настолько, насколько действует ее величина. Вторая ее особенность заключается в том, что она способствует формированию нетрудовых доходов у собственника имущества, так как собственник возвращает себе ранее авансированную стоимость имущества в большей степени, чем она стоит в данный момент и этим аренда способствует иррационализации общественных отношений.

При открытой форме приватизации также проявляются элементы перераспределения стоимости, более жесткими, регрессивными методами. Действительная стоимость приватизируемых объектов может вызвать резкое перераспределение стоимости, так как прежний авансированный капитал имеет достаточно высокую величину, поэтому она не может быть полностью возмещена в момент акта приватизации. Для снижения реальной стоимости используются приемы и методы обесценения приватизируемых объектов путем накопления долгов, снижения уровня эффективности использования, морального и физического износа, либерализации цен на потребительские товары, обусловленные спадом производства, приводящих к изменению отношений собственности.

Так, по данным В.Семенюк отмечается, что широкое распространение приобрели схемы теневой приватизации государственного имущества. Законом Украины от 22 ноября 2001 года «О введении моратория на принудительную реализацию имущества» и сегодня продолжается отчуждение государственного имущества по теневым схемам – путем процедуры фиктивного банкротства, налогового залога и т.п. [4]. Обесценение государственного имущества, выраженного в государственной форме собственности, было проведено с использованием фактора инфляции в начале 90-х годов. Отсутствие собственной денежной единицы и введение карбованца, не имеющего знака стоимости, а обладающего свойством купона многоразового пользования, привели к гиперинфляции, способствующей полному обесценению имущественных комплексов государственных предприятий. Выданные гражданам имущественные сертификаты по стоимости один миллион карбованцев были обесценены инфляцией, составляющей соотношение в триста тысяч раз. С принятием Конституции Украины в 1996 году была введена собственная денежная единица - гривна. Введение гривны способствовало перерасчету балансовой стоимости имущества по отношению гривны к карбованцу как 1:100000, следовательно, имущественный сертификат утратил свое значение.

Процесс приватизации вызвал необходимость развития рыночной структуры, а именно фондовых и товарных бирж, в условиях которых нивелируются противоречия путем действия рыночных механизмов проведения сделок, способствующих активизации предпринимательской деятельности.

Предпринимательство как сфера деятельности расширяет возможности активизации рынка. Однако, в современных условиях состояния экономики, предпринимательство получило наиболее широкое развитие в условиях Крыма в сфере торговли, информационных услуг, банковской сфере, что обусловлено взаимной зависимостью в получении доходов, продвижении товаров и услуг, которые оказывают влияние на углубление противоречий в жизнеобеспечении населения за счет нестабильности цен и снижения уровня доходов, вызванного безработицей трудоспособного населения. Результаты противоречий в существующей системе отношений проявляются в показателях объемов изменения ВВП (Внутреннего валового продукта), уровня безработицы и инфляции [5].

Существует тесная зависимость этих показателей, которые выражают состояние экономики как на региональном, так и общегосударственном уровнях. В условиях современного финансового кризиса усиливается антагонизм в предпринимательской деятельности, сопровождаемый банкротством финансово неустойчивых субъектов и ростом безработицы. В этой связи возникает необходимость государственного регулирования экономики посредством создания ассоциаций предпринимательских структур с созданием условий для их взаимосвязи, как линейной, так и вертикальной, для выхода на согласование возникающих проблем с государственными органами управления в интересах развития отраслей обще-

государственного значения и регионального уровня. Особенно это важно для Крыма в связи с необходимостью подъема агропромышленного комплекса в целях возрождения сел, деревень, земель, других имущественных комплексов, заброшенных в условиях приватизации.

Выводы. Проведенный анализ показал, что характер развития противоречий в предпринимательской деятельности АРК обусловлен следующими причинами:

1. Противостоянием двух типов экономических и социальных систем (социалистической и капиталистической) на фазе перестроечных процессов в управлении экономикой. Социалистическая идеология выработала коллективизм в принятии управленческих решений, который не совпадал с целевыми функциями предпринимательства, для которого приоритетное значение в принятии управленческих решений имеет получение прибыли.
2. Переход от плановой системы организации деятельности предприятий к рыночной схеме ведения дел в предпринимательской деятельности вызвал стихийный характер функционирования экономических структур в интересах получения выгоды в короткий период времени без учета стратегии и долгосрочной цели развития.
3. Отставание социальной сферы развития, обусловленное введением платных услуг в образовании, медицине, культуре и других сферах, способствовало деморализации общества, особенно среди молодежи, вызвало безысходность в создавшейся ситуации для большей части населения, что привело к массовому проявлению алкоголизма, табакокурения, наркомании не только среди мужского населения, но и среди женщин. В результате действия негативных процессов в развитии общества, потрясенного законами рыночных механизмов регулирования экономических процессов, наблюдается рост беспризорности и общее падение уровня нравственности.
4. Отсутствие государственного регулирования предпринимательской деятельности привело к нарушению пропорций в развитии экономики между инвестиционной и потребительской деятельностью, отставанию и ослаблению деятельности предприятий в машиностроении, строительной индустрии и других стратегически важных отраслях. В свою очередь, это привело к старению и моральному износу техники, оборудования, технологий и организационных форм управления в малом и среднем бизнесе, за исключением высокодоходных и рентабельных отраслей бизнеса.
5. Нарушение принципов государственной поддержки агропромышленного комплекса привело к нарушению системы землепользования, ослаблению важнейших отраслей экономики в Крыму: садоводства, виноградарства, свертыванию перерабатывающей промышленности, что привело к возросшему уровню импорта плодоовощной продукции, стимулирующей развитие частных рынков, дестабилизирующих ценовой механизм и платежеспособность населения.

6. Устранение противоречий в сфере предпринимательской деятельности может способствовать активному прорыву в процессе возрождения экономики в Украине и Крыму.

Список литературы

1. Богорад В.Б., Нехлюдова А.С. Краткий словарь биологических терминов. – М.: Госучпедгиз, 1963. – 236 с.
2. Новый иллюстрированый словарь иностранных слов с приложениями /под ред. В.Бугромеева. – М.: ДЕКОНТ +, 1998. - 304 с.
3. Рыночная экономика. Учебник. В 3-х томах – М.: СОМИНТЭК, 1992.
4. Собственность определяет власть / Голос Украины, от 28.02.2003 г. № 39/3039.
5. Сенюшкина М.А. Социально-экономические последствия реформирования собственности в Украине и Крыму (Очерки теории и практики). - Симферополь, 2003. -119с.

Т.А. Сенюшкина

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КРЫМУ: АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ, ТЕНДЕНЦИИ

Характер этнополитической ситуации в Крыму определяется рядом факторов, среди которых целесообразно выделить следующие:

1. геополитические,
2. религиозные,
3. экономические,
4. социальные,
5. культурно-идеологические.

Безусловно, общая нестабильность политической ситуации в украинском государстве, также как и геополитическое соперничество, на фоне которого происходит борьба за ключевые политические ресурсы в Украине, оказывает влияние на межэтнические отношения в Крыму. Одним из неожиданных и непрогнозируемых ранее факторов можно также считать мировой финансовый кризис, который оказывает влияние, в первую очередь, на социальную и экономическую обстановку на полуострове. Однако, наблюдаются некоторые внутренние тенденции в развитии крымского сообщества, которые в определенной степени также можно считать этноконфликтогенными факторами.

В свою очередь, внутренние процессы в крымском сообществе подвержены религиозным, культурно-идеологическим и геополитическим влияниям извне, что не может не отражаться на развитии этнополитических процессов в автономии. Следовательно, всесторонний анализ, также как и качественный прогноз развития этнополитической ситуации в Крыму становится возможным при комплексном подходе к анализу «внешних» и «внутренних» факторов. Однако данная задача выходит за рамки нашей статьи и требует отдельного рассмотрения. В связи с этим в данной статье мы

ограничимся анализом некоторых из названных факторов и проанализируем наиболее острые конфликтные ситуации, возникшие в Крыму в последние годы.

Религиозный фактор

Анализ религиозного пространства крымского сообщества целесообразно рассматривать в контексте двух ключевых проблем: институционального конфликта внутри православной церкви и процессов, происходящих в мусульманской среде. Как известно, на сегодняшний день в Украине действует три православных церкви: Украинская православная церковь (Московский патриархат), Украинская православная церковь (Киевский патриархат) и Украинская Автокефальная церковь. Большинство приходов и, соответственно, православных прихожан в Крыму принадлежит к УПЦ Московского патриархата (УПЦ МП). Приходы УПЦ Киевского патриархата (УПЦ КП) не многочисленны, и объединяют, как правило, неассимилированных украинцев, активно отстаивающих принципы национального возрождения украинской культуры, и соответственно, собственной, независимой от «Москвы» церкви. Сколь-либо явных конфликтов между верующими УПЦ МП И УПЦ КП в Крыму не возникало, однако, в развитии межконфессиональных отношений фактор разделения церквей играет определенную роль. В частности, это проявляется в предпочтениях крымско-татарских религиозных лидеров, которые вступают в контакты преимущественно с иерархами УПЦ КП.

Мусульманская среда в Крыму также не является однородной. Во многом это вызвано тем, что в Украине действует несколько духовных центров мусульман: Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК) с 1991 г., объединяющее преимущественно крымских татар (326 общин и 601 незарегистрированная религиозная организация); Духовное управление Мусульман Украины (ДУМУ) с 1992 г. (63 общины); а также Духовный центр мусульманских общин Украины (ДЦМОУ) с 1994 г. (20 общин). Кроме того, в Украине существуют 65 независимых мусульманских общин.

Особый интерес представляет анализ функционирования мусульманских общин в Крыму, а также их отношений с государством и другими конфессиями. В Крыму мусульмане составляют 11% от всего населения и живут компактно. По состоянию на 1 января 2008 г. в Крыму было зарегистрировано 352 мусульманские общины, из них 318 входят в состав ДУМК, 33 автономных и 1 община входит в состав ДУМУ. Активную роль в возрождении ислама в Крыму играют зарубежные страны, в частности Турция и арабские государства. С помощью Турции в Крыму построено 15 мечетей. Около 120 крымских татар учатся в Турции с целью подготовки кадров духовенства.

В последнее время активизировалось влияние на крымских мусульман арабского ислама, которое привело к расколу среди местных мусульманских общин. Основными каналами арабского влияния на крымских мусульман в разное время выступали благотворительные

фонды “Бирлик” и “ Зам-Зам”, а также межобластная ассоциация общественных организаций “ Аль-Раид”. За счет арабских спонсоров было построено 7 мечетей, строится еще 8. В арабских странах также учатся крымские татары: 4 человека в Египте, 2 - в Судане, 1 - в Объединенных Арабских Эмиратах.

Сегодня на территории Крыма действуют представители трех радикальных фундаменталистских религиозно-политических течений: вахаббизма, партии “Братья-мусульмане”, а также партии “ Хизб-Ут-Тахрир” (Исламская партия возрождения). Фактически деятельность представителей этих религиозных общин не подконтрольна муфтияту и меджлису, что вызывает отрицательное отношение с их стороны. Следовательно, можно утверждать, что мусульманская среда в Крыму не является однородной и во многом зависит от внешних влияний [2].

На наш взгляд, тенденция к религиозному расслоению крымскотатарской мусульманской среды кроет в себе опасность актуализации внутриисламского противостояния, что способно вызвать обострение межконфессиональных и межнациональных отношений в Крыму.

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что фундаментализм как фактор самоидентификации и мобилизации широких слоев населения становится особенно эффективным именно в условиях прямого конфликта с иноверцами, когда внутриисламская полемика и его критика теряют смысл, вместе с тем становятся очевидными преимущества большей сплоченности и агрессивности исламских фундаменталистов. Также необходимо учитывать, что фундаменталистские идеи наиболее активно распространяются в экономически проблемных регионах, а также то, что фундаментализм является идеологией конфликта и для своей подпитки нуждается в постоянной поддержке конфликтности. Таким образом, можно предположить, что исламский фундаментализм представляет собой одну из возможных идеологий сепаратизма, способную привести к межэтническому и межконфессиональному конфликту на территории Крыма.

Не менее конфликтогенный потенциал содержится в отношениях крымских мусульман, с одной стороны, и местной власти и христианского окружения – с другой. На выбор приоритетов в межконфессиональных отношениях влияет политическая тактика меджлиса крымскотатарского народа. В подтверждение этого тезиса достаточно вспомнить факт выхода муфтия Крыма из Межконфессионального Совета “Мир - дар Божий” в знак протеста против политики Крымской Епархии Украинской Православной Церкви (Московского патриархата). Характерно, что решение о выходе из Совета впервые было озвучено главой меджлиса М.Джемилевым во время встречи с главой УПЦ Киевского Патриархата Филаретом в Симферополе. Через несколько дней после этого заявления Духовное управление мусульман Крыма распространило в СМИ заявление о прекращении своего членства в Межконфессиональном Совете. В заявлении речь шла о том, что руководство

АРК заняло деструктивную позицию и саботирует Указ Президента Украины о возвращении культового имущества, препятствует возрождению крымскотатарских культурных святынь и вместе с этим оказывает содействие строительству православных храмов [1, с. 124]. Кроме того, ряд религиозных лидеров направили заявления ультимативного характера в адрес руководителей местных органов власти в связи с “активизацией православия в Крыму”.

Борьба за земельные ресурсы

Географические и климатические особенности крымского полуострова определяют систему иерархии наиболее ценных ресурсов, за которые ведется борьба на уровне политических притязаний. Одно из ведущих мест в этой иерархии занимает земля, особенно на прибрежных территориях, где с экономической точки зрения представляется наиболее перспективным вложение инвестиций и капитала. В связи с этим земельная проблема в Крыму выступает в качестве катализатора этнополитической напряженности и «всплывает» на поверхность в зависимости от политической конъюнктуры более высокого уровня. Как правило, земельная проблема используется для разжигания межнациональной розни и дестабилизации обстановки на полуострове накануне выборов.

Главная причина актуализации земельной проблемы в Крыму связана с ее приватизацией. Значительное влияние на развитие событий оказывают также несовершенство законодательства в этой сфере, непрозрачность процесса выделения земли в наиболее престижных регионах – на Южном берегу Крыма и в предместьях Симферополя, а также внутренние миграции крымских татар, которые постепенно выезжают из степных районов, не привлекательных с экономической точки зрения.

Земельная проблема в Крыму часто обостряется. Периодически в Симферополе здание правительства автономии пикетируют крымские татары, которые требуют выделения им земли на Южном Берегу Крыма. Несколько лет назад в Тихой бухте близ Коктебеля возникло противостояние между репатриантами и славянским населением, что едва не привело к столкновению. Неоднократно земельную проблему рассматривали представители центральной власти и генеральной прокуратуры. В Симферополе проходили заседания межведомственной комиссии Совета национальной безопасности и обороны Украины (СНБОУ) по земельным проблемам автономии и проверке соблюдения требований законодательства, реализации государственной политики в сфере регулирования земельных отношений. Представители Генеральной прокуратуры Украины озвучивали десятки примеров злоупотреблений в земельной и имущественной сферах в Крыму и заявляли о причастности к этому крымских должностных лиц всех уровней. Как сообщали крымские СМИ, в результате прокурорских проверок в государственную коммунальную собственность были возвращены 197 га земель, в суд подано 173 иска на 1 млн. гривень. Как оказалось, земля незаконно отчуждалась всеми без исключения органами власти: от правительства Крыма до сельских советов.

В тоже время, в последнее время стали предприниматься определенные шаги в направлении решения земельной проблемы. Центральными органами власти была разработана Концепция формирования земельного кадастра, которая, однако, так и не дошла еще до стадии практического применения.

Явным признаком желания власти решать накопившиеся проблемы в этой сфере стал прецедент, в соответствии с которым суд обязал крымских татар освободить захваченные ими земли в пригороде Симферополя - селе Чистеньком. Симферопольский районный суд признал акцию протеста незаконной и обязал соответствующие службы принять меры к восстановлению законных прав собственника. Материалы о самозахватах, организованных крымскими татарами, побывали в Государственной архитектурно-строительной комиссии и административной комиссии райсовета, где были признаны нарушением закона. Правоохранители разъяснили участникам пикета юридические последствия их незаконных действий.

К решению земельного вопроса в Крыму подключилась также и Верховная Рада Украины, которая приняла Закон “О внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Украины относительно ответственности за самовольный захват земельного участка”. В соответствии законом Уголовный кодекс Украины был дополнен статьей 356-1 такого содержания: «Самовольный захват земельного участка карается исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года или штрафом от ста до двухсот пятидесяти необлагаемых налогом минимумов доходов граждан. Те же деяния, совершенные по предварительному соглашению группой лиц, караются лишением свободы на срок от трех до пяти лет. Организация групповых действий, направленных на самовольный захват земельного участка, а также личное участие в этих групповых действиях караются арестом сроком до шести месяцев или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на такой же срок. Действия, предусмотренные этой статьей, в случае, если они нанесли значительный вред предприятиям, учреждениям, организациям или отдельным гражданам, караются ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на срок до шести лет».

Однако попытки органов государственной власти применить новую законодательную норму по отношению к крымским татарам, незаконно захватившим землю, привели к еще большему обострению ситуации в регионе. Пиком конфликта стали события 1 ноября 2007 г. в г. Симферополе на ул. Балаклавской и инцидент на плато горы Ай-Петри 6 ноября 2007 года, когда на основании решения суда бойцы спецподразделения «Беркут» ликвидировали самозахваты и снесли незаконно установленные торговые палатки. Реакция крымских татар на эти события превзошла все прогнозы. Широкий резонанс в обществе вызвало применение со стороны крымских татар огнестрельного оружия в столкновениях с представителями МВД и спецназа, а также то, что впервые на официальном уровне была озвучена установка Меджлиса на подготовку к мобилизации крымских татар в оборонительных целях.

В частности, меджлис принял постановление, в котором указывалось не только на необходимость проведения акций протеста, но и рекомендовалось «приступить к формированию отдельных мобильных групп и отработать способы их оперативного оповещения для последующего сбора в определенном месте и в определенное время». В постановлении также рекомендовалось предложить местным органам национального самоуправления инициировать создание добровольных групп самообороны. Несмотря на то, что на данное постановление несколько позже было наложено вето председателя меджлиса М.Джемилева, документ попал в прессу, что способствовало распространению в крымском сообществе новых слухов и мифов.

Выводы

1. В целом анализ событий в Крыму показывает, что этнополитическая ситуация находится здесь на стадии “пульсации” межэтнической напряженности.
2. Анализ современного состояния и тенденций развития в религиозно-политической сфере развития Крымского сообщества позволяет утверждать, что религиозное измерение этнополитической ситуации определяется факторами, большинство из которых вызваны культурно-историческими и цивилизационными особенностями межконфессиональных отношений и условиями переходного периода общества.
3. Анализ государственных подходов к урегулированию земельной проблемы в Автономной Республике Крым подтверждает, что ситуация в автономии находится под пристальным вниманием и контролем центральных органов власти в Украине. Продолжается поиск наиболее эффективных механизмов решения этносоциальных проблем в автономии, в первую очередь, в сфере распределения земельных ресурсов. В то же время, следует учитывать, что на решение земельного вопроса в Крыму существенное влияние оказывают как конфигурация внутренних экономических и политических ресурсов, так и внешние факторы.
4. Дальнейшее развитие этнополитических процессов в автономии будет зависеть от политической конъюнктуры, складывающейся в украинском политикуме, степени остроты проявления мирового финансового кризиса в Украине, а в долгосрочной перспективе решающую роль будет играть демографический фактор.
5. Прогнозирование ситуации в Крыму должно учитывать использование политическими и этническими элитами этноконфессионального фактора в манипулятивных целях, а также высокую степень готовности крымских татар к этнополитической мобилизации.
6. Уровень стабильности в регионе в решающей степени будет определяться характером и интенсивностью геополитического соперничества.

Список литературы

1. Маліборський В. Про деякі особливості функціонування мусульманського релігійного середовища в Автономній республіці Крим: історичний аспект // Актуальні проблеми

державно-церковних відносин в Україні: Науковий збірник / гол. ред. В.Д.Бондаренко, А.М.Колодний. - К.: «ВІП», 2001. – С. 120-125.
2. Сенюшкіна Т.О. Попередження та врегулювання етнічних конфліктів: державно-управлінський вимір (проблеми теорії, методології, практики): Монографія. – О.: ОРІДУ НАДУ, 2005. – 368 с.

В.А. Темненко

ОТ СИЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ К СИЛЕ ЗАКОНА: О ЗАДАЧАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВЕРХОВНОЙ РАДЫ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В ВЕРХОВНОЙ РАДЕ УКРАИНЫ

Коммуникационный прорыв Автономии

Каждые региональные выборы оживляют, встряхивают крымскую элиту. После них наступает время крутых перемен для немногих и больших ожиданий – для остальных.

Однако и реальные управленческие перемены, и показные риторические бури бушуют после каждых выборов только внутри Крыма: Украина мало знает о них и, несомненно, живет другим. Как будто узкое горло Перекопского перешейка блокирует информационные потоки. Поставив весной 1995-го года мощную политическую заглушку на беспомощный, но конфронтационный Крымский парламент и ликвидировав пост Президента Республики Крым, политическое руководство Украины надолго утратило интерес к полуострову. Лишенный права на законодательную инициативу в Верховной Раде Украины, Крымский парламент в 1995-1998 г. г. мог только взывать к доброй воле Народных депутатов Украины, представляющих Крым, и надеяться на личные связи руководителей исполнительной власти Республики.

И только одно решение Верховной Рады Автономной Республики Крым свидетельствовало о намерении осуществить коммуникационный прорыв. Решением № 75-II от 27 мая 1998 года Верховная Рада уполномочила депутата Багрова Николая Васильевича «представлять интересы Верховной Рады Автономной Республики Крым в комитетах, комиссиях, других органах Верховной Рады Украины и Кабинете Министров Украины по вопросам о Конституции Автономной Республики Крым, проектах законов Украины, постановлений и иных актов Верховной Рады Украины, касающихся интересов Автономной Республики Крым».

Это было превосходное решение. Крымская общественность хорошо осознавала его значение. Однако оно вряд ли было замечено за пределами Крыма.

Это решение, легализующее лоббирование интересов региона в Центре, было принято регионом в одностороннем порядке. Sua Sponte, как говаривали юристы древнего Рима: по собственной воле, по собственным побуждениям. Необходима была его легитимация со стороны Центра.

Карибская метафора

Украинские и российские политики нередко убеждены в уникальности условий на постсоветском пространстве. Они опираются на личный опыт прежней эпохи, понимание

психологии прежней и нынешней элиты - и с раздражением отмахиваются от анализа зарубежного политического опыта, от поиска «политических аналогов». Да и сам этот поиск следует производить аккуратно. Многие в Крыму помнят молодого известного предпринимателя, который счел Мальту таким политическим аналогом для Крыма и настойчиво предлагал в 1992-93 г.г. позаимствовать для Автономии весь свод мальтийских законов. Однако свод законов – это не механическая конструкция. Скорей, это почти биологический объект, выросший в определенных условиях на определенной социальной почве. Вряд ли он способен прижиться в ином окружении.

И тем не менее, поиск и анализ политических аналогов полезен. Только они должны трактоваться не как объекты для заимствования, а как метафоры, стимулирующие политическое творчество.

В качестве аналога для Крыма можно рассматривать Пуэрто-Рико. Крым и «Содружество Пуэрто-Рико» имеют сравнимую величину населения, мощную туристскую компоненту в экономике и – что важно для целей этой статьи – особый статус в рамках большого и относительно однородного в остальном государства. Статус Автономии для Крыма в Украине. И статус «свободно присоединившегося к США государства с правами самоуправления» в случае Пуэрто-Рико.

Пуэрто-Рико оказалось одним из трофеев США после так называемой «великолепной маленькой войны» 1898 г. Другими трофеями американцев были Гуам и Филиппины. Сто лет назад считалось, что жители завоеванных США территорий не способны к самоуправлению и должны быть сначала подготовлены к демократии и самостоятельности.

С 1952 г. Пуэрто-Рико имеет свой нынешний статус и Конституцию. Этот статус, установленный «сверху», трижды (1967 г., 1993 г. и 1998 г.) подтверждался на пуэрто-риканских плебисцитах. Верховная законодательная власть принадлежит конгрессу США, в ведении которого находятся вопросы внешней политики, обороны, одобрение законов и т.д. Законодательная власть в рамках автономии Пуэрто-Рико осуществляется двухпалатным Законодательным собранием (27 сенаторов и 53 депутата палаты представителей), избираемым прямым голосованием на 4 года. Глава исполнительной власти – губернатор – также избирается прямым голосованием на 4 года.

Пуэрто-Рико представлено в Палате представителей Конгресса США так называемым комиссаром-резидентом. Не имея права голоса в Конгрессе США, комиссар-резидент обладает правом законодательной инициативы.

Аналогичной привилегией – иметь в Палате представителей своего депутата без права голоса – обладает также другая зависимая от США территория в Карибском море, Виргинские острова (США).

Несомненно, статус Представителя Верховной Рады Автономной Республики Крым в Верховной Раде Украины должен быть близок к статусу комиссара-резидента: без права голоса, но с правом законодательной инициативы. Возможно, Николай Багров – первый Представитель Верховной Рады Автономной Республики Крым – и не нуждался в подобном статусе. Один из немногих в Крыму политиков общегосударственного «надкрымского» масштаба, Николай Багров был способен содействовать в Киеве решению многих крымских вопросов в рамках личной инициативы и персональных контактов. Но подлинно правовое государство должно опираться не столько на отдельных сильных личностей, сколько на силу Закона. Даровать же своему Представителю право законодательной инициативы Крым – sua sponte, по собственной воле, - не может. *Необходима подготовка не только Закона Украины о Представительстве Верховной Рады Автономной Республики Крым в Верховной Раде Украины, но и подготовка соответствующих дополнений в Конституцию Украины*. Последнее связано не только с длительной процедурой, но и с преодолением долго державшегося в Украине политико-психологического барьера: «какая бы ни была «ночная» Конституция 1996 г., трогать ее пока не следует». Этот барьер, казавшийся несокрушимым в 1998 г., пал после выборов 2002 года. Ныне он не существует.

Пуэрто-риканская аналогия подталкивает также к вопросу о желательности прямых выборов главы исполнительной власти Автономной Республики Крым -возможно, без использования дискредитированного Юрием Мешковым термина «Президент». Это необходимо для стабилизации крымской исполнительной власти.. Никакое привлечение крупных капиталов в экономику Крыма невозможно в отсутствие политической фигуры, олицетворяющей стабильность регионального правительства. Губернатору Пуэрто-Рико, в частности, подчинена вооруженная милиция – и это не угрожает сепаратистскими поползновениями Вашингтону!

За рамками нашей статьи уместно оставить некоторые экономические выводы, которые можно почерпнуть из анализа этого государства-аналога. Заметим только, что пример Пуэрто-Рико демонстрирует (вопреки обывательскому мнению), что миллионы туристов вполне совместимы с миллионами тонн импортируемой для переработки нефти.

Но – прочь экономику. Для нас сейчас важней всего осознание того обстоятельства, что *прочная и легитимная связь по оси Симферополь – Киев обязательно должна завершаться правом на Законодательную инициативу*. Носитель этого права может быть персонифицирован в Представителе Верховной Рады Автономной Республики Крым. Его право должно быть пассивным, принудительным - на основе нормативно-правовых актов Верховной Рады Автономной Республики Крым.

Ищи аналоги поближе: регионализм и лоббирование

Нетрудно представить реакцию на подобные рассуждения в других регионах Украины. С какой стати такие привилегии Крыму? Согласно статье 2 Конституции Украина является унитарным государством. Интересы всех регионов должны быть представлены в Верховной Раде Украины с помощью одного и того же механизма. Разве не достаточно присутствия в парламенте полутора дюжин Крымских депутатов (10 от мажоритарных округов и остальные – по партийным спискам)? Пусть выступают с законодательными инициативами – кто им запретит?

Что возразить на подобные замечания? Можно отметить сам факт существования Автономии, отраженный в Конституции. В тексте основного закона есть раздел X, специально посвященный Автономной Республике Крым, но нет раздела, посвященного, например, Тернопольской или Волынской области. Тем самым политико-правовая сингулярность (особенность, специфичность) Крыма зафиксирована Законодателем. И неразумно вопрошать: как это может существовать правовая сингулярность в унитарном (однородном) государстве, - нет ли здесь логического противоречия? Логика такого сложного документа, как Конституция, не может быть формально-схоластической. Она опирается на живую ткань предшествующего исторического развития.

Политико-правовая сингулярность Автономии отражена не только в Конституции, но и в тексте других законов. Например, статья 6 Закона Украины «О международных договорах Украины» (№ 3767-XII от 22.12.1993 г.) давала право Автономии в лице ее высших органов законодательной и исполнительной власти подавать предложения о заключении международных договоров Украины. Ни одна другая территориально-административная единица Украины этим правом не обладает! Даже министерства и центральные органы государственной исполнительной власти могут проявлять подобную инициативу только по согласованию с министерством иностранных дел.

Итак, право на специфические формы защиты своих интересов Законодатель, несомненно, за Автономией признает. Но это не снимает аналогичную проблему для других регионов Украины. Как решается эта проблема в отсутствие закона о лоббировании? Законодатель рано или поздно должен признать право на лоббирование территориальных, отраслевых и групповых (конфессиональных, профессиональных, этнических и т.п.) интересов – только **частные** интересы не допустимы в парламенте. Однако пока этого Законодатель не сделал.

Читателю, несомненно, известны многочисленные намеки киевской прессы на клановo–территориальные интересы («днепропетровский клан», «донецкий клан»). Известны также попытки анализа влияния львовской элиты на идеологию государственного строительства (защита регионального интереса через превращение его в общегосударственный). Мы обратимся здесь к опыту Харьковской области.

В начальные годы независимости Украины харьковчане решали часть региональных проблем с помощью немногочисленного харьковского землячества в исполнительной власти (министры Суслов и Семиноженко). В середине девяностых годов, используя поддержку Президента и личные контакты тогдашнего харьковского губернатора Олега Демина и Премьера В.П. Пустовойтенко, регион сумел включить в программу правительства Украины более 20 предложений, позволяющих частично решать отдельные социально-экономические проблемы области. Областное руководство искало более эффективные способы лоббирования региональных интересов. Одним из них, по мнению обладминистрации могло бы стать более тесное сотрудничество с депутатами Верховной Рады от Харьковщины. Механизм такого сотрудничества - закрытые встречи губернатора с депутатами, на которых вырабатывалась не только региональная политика, но и новая концепция государственного устройства Украины, с существенным усилием роли регионов.

В чем-то это напоминает усилия, предпринятые в Крыму. Только кажется, что в Автономии использовалась несколько более цивилизованная политическая техника: вместо закрытой встречи главы региональной исполнительной власти с депутатами в Симферополе была проведена открытая встреча депутатов Верховной Рады АРК с народными депутатами Верховной Рады Украины, избранными в Крыму. Организовал встречу Николай Багров, официально назначенный (пусть и sua sponte, в одностороннем порядке) Представителем Верховной Рады АРК в структурных подразделениях Верховной Рады Украины. Главными задачами такого взаимодействия депутатов считались тогда доработка Конституции Автономии и реанимация Закона о разграничении полномочий между Крымом и Центром. Этот рациональный подход, апеллирующий к Праву, заметно отличался от харьковского. Чуть сгущая краски, «харьковскую» философию можно сформулировать так: дополнить персональное «подковёрное» губернаторское лоббирование полуофициальным депутатским. Кроме того, эта «философия» допускала и пересмотр государственного устройства – усиление роли регионов. А подобная федерализации (или квазифедерализация) унитарной Украины невозможна без радикальной переделки Конституции. Подобные замыслы не лелеет ни один серьезный крымский политик. Более того, конституционное усиление регионов было бы невыгодно политикам Автономии, так как подрывало бы ее политико-правовую сингулярность.

Были и другие не менее значимые политические отличия между двумя регионами. Губернатор Харькова Олег Демин, закаленный номенклатурный боец, воспитанный на принципах партийной ответственности и партийного подхода к расстановке кадров, возрождал тогда на Харьковщине партийно-государственную вертикаль власти. Только это была не вертикаль КПСС, а структура Народно-демократической Партии Украины. Несмотря на то, что на выборах 1998-го года в Харьковской области НДП получила лишь 6 процентов голосов, а левые партии – почти 50%, губернатор обеспечил необходимое

представительство НДП в местных органах власти всех уровней. В Харькове ожидали тогда, что Олег Демин примется за политическую чистку хозяйственных руководителей, в том числе и в негосударственном секторе. Мотивировалось это состоянием государственной власти в Украине, которое Збигнев Бзежинский назвал «почти полным параличом власти».

Эта мрачноватая картина харьковского стиля управления разительно контрастировала с корректным коалиционным подходом к формированию органов власти, который демонстрировал тогда в Автономии коммунист Леонид Грач, не менее, чем Олег Демин, отягощенный номенклатурным прошлым.

К какому же заключению подталкивает нас харьковский опыт?

Руководители регионов настойчиво искали пути лоббирования региональных интересов. Верховная Рада АРК, учредив пост Представителя ВР АРК в Верховной Раде Украины, возможно, нашла в 1998 г. наилучшее решение этой проблемы. Леонид Грач и Николай Багров, вероятно, на «пол-шага» опережали соответствующие инициативы других регионов. Верховная Рада АРК не должна была потерять это преимущество в политическом темпе.

Впрочем, практика показала, что надежды на действенность крымской инициативы 1998-го года были иллюзорными. Без конституционной легитимации Представительства Автономии его действия в Верховной Раде Украины были невозможны. Одновременно в Верховной Раде отсутствовали политические силы, заинтересованные в такой легитимации.

Необходимость конституционно-правовой основы

Цивилизованный разрыв с прежней – советской и постсоветской – практикой «подковёрного» лоббирования региональных руководителей возможен только в том случае, если компетенция и функции Представителя ВР АРК в Верховной Раде Украины будут определяться специальным Законом Украины.

Последовательное формирование фундамента под институтом Представителя ВР АРК требует также внесения дополнений в Конституцию Украины. Ведь Конституция не является священной коровой государства. Вполне уместен рузвельтовский взгляд на конституцию, как на легко приспосабливающийся инструмент, которым следует пользоваться так, как этого требуют национальные нужды и общее благо.

Уважая целостность Конституции, необходимые поправки следует внести так, чтобы не затрагивалась не только ее суть, но и ее структура - без введения новых разделов и статей. В данном случае это вполне возможно.

Так, право Представителя ВР АРК на законодательную инициативу может быть введено как расширение списка субъектов законодательной инициативы, приведенного в первом абзаце статьи 93 Конституции: «Право законодательной инициативы в Верховной Раде

Украины принадлежит Президенту Украины, народным депутатам Украины, Кабинету Министров Украины, Национальному банку Украины и *Представителю Верховной Рады Автономной Республики Крым в Верховной Раде Украины*».

Сужение прав Представителя, ограничение их законопроектами, «затрагивающими интересы АРК» было бы неуместно: любой Закон, принимаемый в Украине, так или иначе затрагивает все ее территории. Само слово «интерес», несомненно, имеющее ясный *политический*, смысл, вряд ли может приобрести какое-либо *правовое* содержание. Можно только сожалеть, что упомянутое ранее Решение ВР АРК о назначении Представителя ВР АРК дважды содержало это ненужное, избыточное слово («представлять *интересы* Верховной Рады АРК», ... «касающихся интересов АРК»). Добавим, что текст Решения суживал мандат Представителя ВР АРК до представительства в комитетах и комиссиях, а не в *Верховной Раде Украины*. Возможно, в этом проявилась известная политическая осторожность тогдашнего состава ВР АРК, приятно контрастирующая с базарной вспыльчивостью и самомнением его предшественников из эпохи Мешкова. Но в данном контексте эта осторожность чрезмерна.

Необходима также поправка в статью 136 Конституции Украины, излагающую, в частности, права ВР АРК. Второй абзац этой статьи должен быть дополнен фразой:

«Верховная Рада Автономной Республики Крым назначает из числа депутатов Верховной Рады Автономной Республики Крым Представителя Верховной Рады Автономной Республики Крым в Верховной Раде Украины, имеющего право на законодательную инициативу по вопросам, инициированным Верховной Радой Автономной Республики Крым».

Необходимо дополнение в окончании статьи 79 Конституции Украины о присяге народных депутатов Украины, распространяющее обязанность принесения присяги на Представителя Верховной Рады Автономной Республики Крым в Верховной Раде Украины:

«Представитель Верховной Рады Автономной Республики Крым в Верховной Раде Украины перед вступлением в должность приносит перед Верховной Радой Украины присягу, совпадающую с присягой народного депутата Украины. Полномочия Представителя Верховной Рады Автономной Республики Крым в Верховной Раде Украины признаются Постановлением Верховной Рады Украины после принесения им присяги».

Должна быть также дополнена статья 80 Конституции Украины с целью распространения гарантий депутатской неприкосновенности на Представителя Верховной Рады Автономной Республики Крым в Верховной Раде Украины:

« Представитель Верховной Рады Автономной Республики Крым в Верховной Раде Украины пользуется правом депутатской неприкосновенности в том же объеме, что и народный депутат Украины на время исполнения полномочий».

Раздел XIII Конституции предписывает весьма сложную и длительную процедуру внесения изменений в Конституцию. Целесообразно сначала фиксировать эти правовые

нормы в Законе о Представителе Верховной Рады Автономной Республики Крым в Верховной Раде Украины, а затем предпринять попытку продвижения соответствующих дополнений в Конституцию.

Эта конституционно-правовая база должна быть дополнена нормативно-правовыми актами Верховной Рады Автономной Республики Крым о Представительстве Верховной Рады и о компетенции и функциях Представителя Верховной Рады Автономной Республики Крым в Верховной Раде Украины. Кроме того, ежегодно в бюджет Автономии отдельной строкой должны быть записаны расходы на содержание Представительства. Очевидно, что Представитель ВР АРК в Верховной Раде Украины не имеет оснований пользоваться услугами ее аппарата и должен иметь собственный. Представительство также должно иметь возможность заниматься рекламно-издательской деятельностью и той деятельностью, которая в учебниках маркетинга называется словом promotion («продвижение») – национальным и международным «продвижением» Крыма» его туристского продукта, его промышленности и т.п.

Высказанное тогда Николаем Багровым намерение выполнять обязанности Представителя Верховной Рады Автономной Республики Крым в Верховной Раде Украины на общественных началах, совмещая их с работой в Таврическом университете, казалось наивным для столь опытного политика. Подобный образ действий, вероятно, был приемлем для «подковёрного» лоббирования по старой схеме советских времен (Крымский «Херес» и «Мускат» ящиками как решающий аргумент лоббиста). Однако основное в деятельности первого Представителя ВР АРК, по нашему мнению – это вовсе не протежирование отдельных крымских проектов. Основное – это подведение должного конституционно-правового фундамента под превосходное решение о введении должности Представителя ВР АРК. В этой ситуации, согласно известной английской поговорке, ловля рыбы (поддержка отдельных крымских проектов) - отнюдь не главное в рыбалке!

Крымскотатарская проблема: государство в государстве

Вряд ли можно сомневаться в том, что сам факт существования Автономной Республики Крым – это прихоть судьбы, каприз истории, подарок перестройки. Несомненно, также, что нерешенная крымско-татарская проблема – это трудный вызов истории, мрачный привет сталинской эпохи. Крымскотатарская проблема – это «сингулярность в сингулярности», это ядро, это корень, это нерв крымской специфичности. Далеко не все политики в Крыму понимают это. Мало кто с Крещатика способен рассмотреть остроту этой проблемы: очень далеко, да и других проблем хватает.

Одна из задач Представителя ВР АРК – неустанное разъяснение этой специфичности народным депутатам Украины. Трудность решения крымскотатарской проблемы отчасти порождается попытками уложить в нормы европейской представительной демократии уже возникшие национальные представительные институты – Курултай и Меджлис. Неся в себе

аромат Востока и Ислама, отпечаток военной родо-племенной демократии, они ускользают, не поддаются этому процессу «укладывания» в чуждые им европейские рамки. Где можно найти политические аналоги, модели для решения крымскотатарской проблемы?

Нам представляется, что возможной моделью является политическая технология, примененная в XX веке США в отношении индейцев. Статус индейцев отличается от положения других национальных меньшинств. Индейская национальная община признается в США особой формой местного самоуправления. На территориях резерваций действуют свои, индейские законы, своя полиция. Они не подчиняются правительствам штатов, на землях которых расположены, а находятся под федеральной опекой специального Бюро по делам индейцев при МВД США. Земля резерваций является собственностью индейской общины. Фирмы, действующие в резервациях, не платят федеральные налоги и налоги штата. Однако каждый индеец является полноправным гражданином США, волен покинуть резервацию, жить, где вздумается, и заниматься, чем захочет: особый статус имеет не отдельный человек индейского происхождения, а национальная община. Личность вольна в своем выборе: отождествить себя с общиной и принять ее особый статус - или покинуть общину, раствориться в американском «плавильном котле» и самостоятельно добиваться жизненного успеха.

Заметим, что подобный «внегосударственный» статус (хотя и в менее цивилизованной форме) имеет т.н. «территория племен» в Пакистане. Правительство Пакистана снимает с себя ответственность за жизнь и безопасность людей на этой территории. Там не действуют законы Пакистана, нет государственной полиции, не собираются государственные налоги. Подобно чеченцам, мужчины на «территории племен» получают автомат Калашникова в подарок при рождении.

Несомненно, американская модель кажется более понятной и приемлемой.

Следуя подобной политической технологии, необходимо внести дополнение в статью 140 Конституции Украины, определяющую понятие местного самоуправления:

Крымскотатарская национальная община является особой формой местного самоуправления.

Особенности осуществления местного Самоуправления в крымскотатарской общине определяются отдельным Законом Украины.

Органами местного самоуправления в крымскотатарской национальной общине является курултай крымскотатарского народа, меджлис крымскотатарского народа и территориальные меджлисы».

Такой подход позволяет трансформировать крымскотатарскую проблему от уровня потенциальных притязаний на национально-территориальную автономию к уровню внетерриториального общинного самоуправления. И это не является понижением уровня

проблемы. Напротив, только при таком внетерриториальном общинном подходе, она приобретает контуры, приемлемые для обсуждения в рамках СНГ по единой модели.

Уместно ли внимание к этой проблеме в статье, посвященной роли Представителя Верховной Рады Автономной Республики Крым в Верховной Раде Украины?

Нам кажется, что уместно.

Претендовать на создание лоббирующих механизмов для решения своих социально-экономических проблем Донецкая или Харьковская область могут не с меньшим основанием, чем Крым, а тяжело стагнирующая Закарпатская область – возможно, и с большим основание.

Но только представитель Автономной Республики Крым может добиваться разъяснения и решения этой исключительно Крымской проблемы, этой «специфики в специфике», этой «сингулярности в сингулярности».

От дележа к обменам

В советскую эпоху лоббирование территориальных интересов сводилось к умению «вырвать» у Центра большую долю ресурсов. Именно так оценивалась «хозяйская» хватка территориальных руководителей. Именно за это награждали.

Нам представляется, что при сильно суженной ресурсной базе такая модель поведения – «быть первым при дележе» – неперспективна. Более разумной кажется технология обменов.

Обмены могут быть разными.

Например, межрегиональными при невмешательстве Центра.

Как известно, крымский бюджет имеет сильную сезонную компоненту в скорости поступления доходов. В других регионах Украины также имеется такая сезонная зависимость. Если в пиках поступления доходов имеется сдвиг хотя бы в два месяца, то можно наладить взаимовыгодные межрегиональные трансферты. Дело Законодателя - легализация таких обменов.

Более сложная ситуация с бартерной торговлей Крыма и регионов России. При общей неприемлемости бартерной торговли дело легального лоббиста – убедить Законодателя в мерах и границах полезности его в конкретной крымской ситуации.

Возможны также обмены между регионом и Центром.

Например, по следующей схеме: дополнительные экономические *права* региона в обмен на *обязанности* упреждающего проведения непопулярных социальных реформ (в пенсионной сфере, жилищно-коммунальной, муниципальной и т.п.). Это трудные обмены. Они требуют подлинного искусства от политиков. Они требуют самоотверженных политиков, понимающих, что процветание народа весомей перед судом истории, чем любовь или нелюбовь этого же народа к политику. Неизвестно, есть ли в Крыму такие политики.

Ориентация на обмены должна превышать у Представителя ВР АРК естественную и простительную ориентацию на успех в межрегиональном дележе скудных ресурсов Украины.

Задачи Представителя Верховной Рады Автономной Республики Крым

Резюмируя изложенное, мы полагаем, что основными задачами Представителя Верховной Рады Автономной Республики Крым в Верховной Раде Украины являются:

• создание конституционно-правового фундамента для института Представителя ВР АРК;

• приучение политической элиты Украины к необходимости нестандартного решения крымскотатарской проблемы;

• переориентация механизмов регионального лоббирования от дележа к обменам.

* * *

Эти задачи не были решены в электоральное четырехлетие между 1998 г. и 2002 г.

После выборов 2002 г. Верховная Рада Автономной Республики Крым вновь подтвердила статус депутата Н.В. Багрова в качестве своего Представителя в Верховной Раде Украины. Однако ВР АРК вновь не удосужилась обсудить политическую технологию реализации этого решения…

Возможно, это невнимание к политическим технологиям демонстрирует понимание депутатами Крыма всей иррациональности, нетехнологичности политических процессов в Украине.

Возможно, это невнимание демонстрирует профессиональную непригодность депутатского корпуса Крыма. Один молодой председатель постоянной комиссии ВР АРК заметил в раздражении: «Я пришел сюда *с деньгами*, делать дело; многие же пришли сюда *за деньгами*, и первый вопрос у них – где моя доля?….»

И.Р. Умеров

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ[110]

Курултай крымскотатарского народа:
- ставя перед собой основную цель – добиться исполнения святой воли своего народа – жить на своей родине и самому определить свою судьбу, ПРОВОЗГЛАШАЕТ образование Меджлиса, как высшего полномочного представительного органа крымскотатарского народа и поручает ему действовать в соответствии с волей народа, выраженной в документах Курултая...»
Из Декларации о национальном суверенитете крымскотатарского народа, 1991 г.

Крымскотатарское национальное движение с самого начала своего существования имело две основных цели: возвращение на Родину и восстановление крымской автономии, существовавшей в период с 1921 по 1944 годы. Все силы крымскотатарского народа в течение нескольких поколений были направлены на достижение этих целей и сегодня мы

[110] Публикуемый материал представляет собой текст выступления И.Умерова на торжественном заседании, посвященном 60-летию М.Джемилева (2003 г.)

можем с уверенностью сказать, что главная цель - возвращение на Родину в основном достигнута. Однако для того, чтобы ее достичь, во-первых, понадобилось много времени - долгих полвека ссылки, во-вторых, нами была создана целая эффективно действовавшая против всей карательной системы Советского Союза система национального движения, в-третьих, у нашего народа было непреодолимое желание вернуться в Крым, домой, и это желание приводило в ряды национального движения все новые свежие силы, которые готовы были противостоять самой страшной карательной машине ради достижения цели.

Сегодня перед нами все отчетливее встает вторая цель - национальная государственность. В современных условиях крымскотатарскую государственность необходимо строить в рамках украинского государства в виде национально-территориальной автономии.

Крымскотатарское национальное движение. Исторический экскурс

Татарская нация сегодня заново рождается…
Из речи Нумана Челеби Джихана на открытии Курултая 26 ноября (10 декабря) 1917 г.

Структура Крымскотатарского национального движения, основы которой были заложены в конце 50 — начале 60-ых годов XX века, была максимально приспособлена к деятельности в условиях жесткого авторитарного коммунистического режима. Национальное движение состояло тогда из широкой сети инициативных групп, действовавших практически во всех регионах СССР, где проживали крымские татары. В инициативную группу мог войти каждый крымский татарин, желающий помочь своему народу в решении национального вопроса. Не имея единого руководящего центра, инициативные группы, тем не менее, координировали свою деятельность через регулярно проводившиеся областные, республиканские (в Узбекистане) и всесоюзные совещания. Если инициативные группы многие свои акции осуществляли вполне открыто и их деятельность можно назвать полулегальной, то место, время, состав участников совещаний инициативных групп всегда или зачастую были тщательно законспирированными.

Такой продуманный механизм децентрализации деятельности инициативных групп при их широкой народной поддержке не позволял власти, несмотря на различные формы репрессий, подавить Национальное движение крымских татар. В 70-80-ые годы в движении появились различные группы и течения, которые, имея общие задачи, придерживались различной тактики: от только петиционной деятельности и лояльности к властям до неприятия коммунистического режима, организации различных акций гражданского неповиновения и сотрудничества с правозащитными организациями в СССР. Парадоксально, но это обстоятельство тоже способствовало повышению его устойчивости. В такой форме движение, проходя через периоды подъема и спада, развивалось на протяжении более 30 лет.

Для этого периода движения стали руководством к действию слова известного правозащитника Петра Григоренко: «... Закон на вашей стороне. Но, несмотря на это, ваши права нарушаются.... Чтобы покончить с этим ненормальным положением, вам надо твердо

усвоить - то, что положено по праву не просят, а требуют. Начинайте требовать. И требуйте не часть, не кусочка, а всего, что у вас было незаконно отнято... Свои требования не ограничивайте писанием петиций. Подкрепляйте их всеми теми средствами, которые вам предоставляет конституция - использованием свободы слова и печати, митингов, собраний, уличных шествий и демонстраций... Перестаньте просить! Верните то, что принадлежит вам по праву, но незаконно у вас отнято».

В середине 80-ых годов в связи с некоторыми преобразованиями в СССР открылись возможности для активизации Национального движения через развитие новых организационных форм. В инициативных группах зрело понимание о необходимости создания постоянно действующего координирующего органа, состоящего из авторитетных представителей движения.

Можно считать, что. крымские татары одними из первых среди национальных движений СССР перешли к созданию организации с такими функциями. После нескольких лет перерыва было возобновлено проведение регулярных совещаний крымскотатарских активистов. 11-12 апреля 1987 года в г. Ташкенте состоялось Первое Всесоюзное совещание представителей инициативных групп, принявшее текст Обращения крымскотатарского народа на имя Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, в котором излагались основные требования крымских татар и приводился список 16-ти представителей для встречи с руководством страны для обсуждения путей и сроков решения крымскотатарского национального вопроса.

На Пятом Всесоюзном совещании представителей инициативных групп 29 апреля-2 мая 1989 г. в г. Янгиюле Ташкентской области подавляющим большинством голосов было принято решение учредить на базе существующих инициативных групп общественно-политическую Организацию Крымскотатарского национального движения (ОКНД). Новая организация стала преемником Центральной инициативной группы (ЦИГ), имела фиксированное членство, устав и программу. Центральный Совет и председатель организации (им стал Мустафа Джемилев) были избраны тайным голосованием сроком на один год.

Все последующие крупные форумы, съезды и заседания Центрального Совета ОКНД в дальнейшем стали проводиться в Крыму, куда стал перемещаться постепенно весь центр движения в связи с массовым возвращением крымских татар на свою родину. Участие ОКНД во всех основных событиях движения привело к стремительному росту его авторитета.

Вне ОКНД продолжала оставаться некоторая часть активных инициативных групп. К тому же, центральные и крымские власти, не желая в принципе решать крымскотатарскую проблему, ссылаясь на наличие в движении различных организаций и групп, всячески уклонялись от конструктивного диалога с ОКНД.

Эти основные причины, наложившиеся на тенденцию образования в стране общенациональных демократических политических движений и организаций, побудили лидеров движения искать взаимоприемлемую форму для объединения всех структур движения на более широкой платформе.

Конкретную форму такого объединения подсказал исторический опыт, который был осмыслен и трансформировался в идею проведения общенационального съезда - Курултая. Последующие события были подчинены этой логике.

Образование на заседании Центрального Совета ОКНД рабочей группы для изучения возможности проведения Курултая.

1 мая 1990 года. Рабочей группе поручено провести консультации с представителями всех течений Национального движения, а также иными заинтересованными группами крымских татар для совместной работы по созыву Курултая.

Цель созыва Курултая была обозначена как объединение всех интеллектуальных, духовных, экономических сил народа для скорейшего решения проблем, прежде всего, возвращение на свою Родину и восстановление его государственности. Основной задачей Курултая было названо определение путей решения национальных проблем и выборы постоянно действующего органа - Меджлиса.

Против проведения Курултая выступила немногочисленная группа активистов Национального движения, объединившаяся в группу; под руководством Юрия Османова и носящая название «Национальное движение крымских татар» (НДКТ). Эта группа вела усиленную агитацию на местах, призывая соотечественников саботировать выборы делегатов.

Второй Курултай крымскотатарского народа проходил 26-30 июня 1991 года в г. Симферополе во Дворце профсоюзов. Избранные делегаты представляли все слои народа и фактически весь спектр мнений, существующий в крымскотатарском национальном движении. Были сформированы рабочие органы Курултая: президиум, секретариат, редакционная и мандатная комиссии.

Курултай заслушал основных докладчиков - председателя Оргкомитета Сервера Омерова, председателя ОКНД Мустафы Джемилева, делегатов Рефата Аппазова и Фикрета Халилова. Состоялись яркие и содержательные выступления других делегатов по актуальным проблемам крымскотатарского народа.

Делегаты избрали высший полномочный представительный орган крымскотатарского народа, действующий в период между сессиями Курултая, -Меджлис в составе 33 человек и Ревизионную комиссию Курултая в составе 7 человек.

Председателем Меджлиса крымскотатарского народа был избран Мустафа Джемилев, его заместителем - Рефат Чубаров. Председателем Ревизионной комиссии утвержден Ремзи Аблаев.

Курултай принял "Декларацию о национальном суверенитете крымскотатарского народа", четыре обращения, резолюцию, два постановления и "Положение о Меджлисе крымскотатарского народа".

Большое внимание к Курултаю проявили представители общественности. Ход и результаты Курултая были прокомментированы в украинских и зарубежных средствах массовой информации.

6 июля 1991 года состоялось первое заседание Меджлиса крымскотатарского народа, на котором была утверждена его структура. На этом же заседании члены Меджлиса приняли решение о подготовке Положения о местных органах национального самоуправления. Эти органы образовывались в соответствии с поручением Курултая и призваны были реализовывать решения Меджлиса крымскотатарского народа, защищать интересы народа, во взаимодействии с местными органами государственной власти содействовать возрождению и развитию культуры, языка, религии, обычаев и традиций.

На всей территории Крыма в течение 1991-92 годов были избраны региональные и местные органы национального самоуправления крымских татар (меджлисы), среди них - 15 районных и 7 городских меджлисов, которые в последующем были переименованы в региональные.

Крымскотатарское национальное движение на современном этапе

Пусть знают все, что крымские татары не позволят никому установить какую бы то ни было гегемонию на крымском полуострове...
Из речи А.Озенбашлы на Конгрессе Федералистов, Киев, сентябрь 1917 г.

В 1991 году для формализации крымскотатарского национального движения и перехода на качественно новый уровень борьбы за достижение целей, стоящих перед крымскотатарским народом, была создана система национального самоуправления. Крымскотатарский народ создал поистине уникальную систему органов национального самоуправления, которая действует параллельно системе государственной власти и местного самоуправления в Крыму. Целью создания настоящей структуры явилась необходимость в представлении интересов крымскотатарского народа в период его активного возвращения и обустройства на Родине.

При формировании современной системы национального самоуправления крымские татары взяли за основу модель системы органов самоуправления крымских татар, созданную на в 1917 году на базе Основного Закона крымскотатарского народа (Национальной Конституции).

Современная система национального самоуправления крымскотатарского народа имеет следующую структуру: Курултай (Национальный съезд) крымскотатарского народа избирается всем крымскотатарским населением на пятилетний срок. Курултай определяет основные направления в решении проблем крымскотатарского народа, избирает из своего состава Меджлис крымскотатарского народа и Председателя Меджлиса. Меджлис крымскотатарского народа является в период между сессиями Курултая единым высшим

полномочным представительным органом крымскотатарского народа. Основной целью Меджлиса является ликвидация последствий геноцида, совершенного советским государством в отношении крымских татар, восстановление национальных и политических прав крымскотатарского народа и реализация его права на свободное национально-государственное самоопределение на своей национальной территории.

На местном уровне созданы и действуют местные органы национального самоуправления (региональные и местные меджлисы), которые являются организационной основой для деятельности Меджлиса крымскотатарского народа.

Сегодня Меджлис крымскотатарского народа является единственным представителем национального движения крымских татар как политической силы. Однако существуют организации, выросшие из крымскотатарского национального движения и сейчас оказавшиеся не у дел из-за выбранной ими тактики поведения. Национальное движение крымских татар (НДКТ) заняло откровенно деструктивную позицию и ничего не предлагая основной своей мишенью для критики выбрало Меджлис. Организация крымскотатарского национального движения (ОКНД) до 1991 года представлявшая большую часть национального движения, после образования единого представительного органа крымскотатарского народа в лице Меджлиса оказалась втором плане. В 1991 году были возможны два варианта решения, каждое из которых было бы по-своему логичным: самороспуск ОКНД, актив которой фактически переместился в Меджлис или формальное преобразование ОКНД в партию, которая бы действовала в новых условиях параллельно с Меджлисом, но выполняла бы в движении иные функции - политической партии, а не общенародной организации. Однако этого не произошло и ОКНД начало в какой-то мере дублировать деятельность Меджлиса и, не имея никакой программы, отличающейся от программы и целей Меджлиса, превращалась в его придаток. Сегодня обе структуры и НДКТ и ОКНД не имеют широкой поддержки крымскотатарского народа и продолжают существовать только по инерции. И мой прогноз на будущее этих структур неутешителен. Мне кажется, в последствие они будут реорганизованы самими членами этих структур и прекратят свое существование.

В последнее время озабоченность вызывает создание и деятельность так называемого Координационного совета общественно-политических сил крымскотатарского народа. Совет создан 20 июля 2002 года организаторами Совета являются в прошлом активисты национального движения, партия мусульман Украины, Всеукраинская партия межнационального согласия «Новий св1т», НДКТ, общественно-политическое движение «Миллет». Вся политика Совета построена на неконструктивной критике Меджлиса крымскотатарского народа также без предложения путей и вариантов решения проблемы.

Основной «конек» лидеров Совета - разговоры о полномасштабной и всеобъемлющей политической, социально-экономической и культурной реабилитации крымскотатарского народа и о соглашательской политике Меджлиса по отношению к украинскому государству.

Проект закона о реабилитации крымскотатарского народа представленный Советом носит абсолютно декларативный и утопический характер. Члены Совета осознают, что в таком виде проект не будет поддержан Верховной Радой Украины, однако, настаивают на своем, не идут на компромисс и собирают подписи под проектом, агитируя против Меджлиса. Такие действия кроме как провокацией в отношении крымскотатарского народа и его представительного органа назвать не представляется возможным.

Основные отличия от структуры меджлиса-курултая — отсутствие выборов для членства в Совете, достаточно заявления, т.е. система членства такая же, как в общественных организациях. Члены Координационного совета в своими высказываниями и действиями подтверждают, что данная организация не общенациональная, а просто общественная. Кроме того. Совет выступает не за отмену системы органов национального самоуправления или их реформирования, а фактически за замену членов Меджлиса и других структур своими людьми. Крымскотатарское национальное движение создало очень демократическую структуру национального самоуправления и у каждого крымского татарина есть возможность, используя существующий избирательный процесс, быть избранным в различные структуры национального самоуправления. Однако попытки членов Координационного совета участвовать в выборах в органы национального самоуправления не увенчались успехом, а значит с уверенностью можно сказать, что крымскотатарский народ доверяет свою судьбу не этим людям. Исходя из принципов, заложенных в программе и действиях данной организации, нетрудно предположить, что уже через достаточно короткий промежуток времени мы не увидим на крымскотатарской политической арене данной структуры так же как аксакалов Л.Грача и многих их предшественников.

Перспективы крымскотатарского национального движения

Крым является национальной территорией крымскотатарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение так, как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом. Политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымскотатарского народа возможно только в его суверенном национальном государстве. К этой цели будет стремиться крымскотатарский народ, используя все средства, предусмотренные международным правом...
Из Декларации о национальном суверенитете крымскотатарского народа, 1991 г.

Существующая система национального самоуправления прошла испытание временем и оправдывает себя вот уже в течение 12 лет. Однако как любая система, работающая в постоянно меняющихся условиях, наша система самоуправления нуждается в реформировании, и процесс этой реформации зависит от многих объективных причин.

В рамках данного доклада я попытаюсь раскрыть перспективы реформирования крымскотатарского национального движения исходя из двух основных факторов на него влияющих - политического и внутриорганизационного.

Учитывая оба влияющих фактора развитие крымскотатарского национального движения в ближайшее время, на мой взгляд, возможно в двух направлениях:

1. В случае получения Крымом статуса крымскотатарской национальной автономии - интеграция структур национального самоуправления в органы власти автономии.

2. В случае ухудшения отношений между властью центральной и региональной с одной стороны и национальным движением с другой - движение получит «новую» жизнь и переходит к активной фазе борьбы за права крымскотатарского народа.

В случае достижения цели восстановления крымскотатарской национальной автономии в Крыму национальное самоуправление и соответственно само движение будет интегрировано в систему государственной власти и местного самоуправления действующую на территории Крыма. В связи с этим необходимо вспомнить проект Конституции Крымской Республики представленный на рассмотрение органов власти в декабре 1991 года. В частности в данном проекте, на мой взгляд, достаточно хорошо расписан механизм интеграции органов национального самоуправления в систему органов власти Республики. Выглядит он следующим образом: на местном уровне существуют местные советы (сельские, поселковые, районные, городские, районные в городах), а в местах компактного проживания крымских татар местные меджлисы. У местных меджлисов и советов разграничены полномочия и расписана система взаимоотношений.

На уровне республиканском предлагалось создать двухпалатный парламент, где Меджлис крымскотатарского народа выполнял бы роль одной из палат и представлял интересы крымских татар, крымчаков и караимов. Предлагалось, чтобы Меджлис состоял из 50 депутатов избранных Курултаем крымскотатарского народа. Исполнительную власть в республике предлагалось возложить на Кабинет министров (Правительство) и не менее 1/3 членов Правительства назначать по представлению Меджлиса.

Проект Конституции разработанный Меджлисом крымскотатарского народа не нашел поддержки и понимания со стороны региональных властей того периода. Однако в случае создания в Крыму крымскотатарской национальной автономии идея интеграции во власть структур, созданных национальным движением, может быть использована.

Однако самой большой проблемой национального движения остается отсутствие четкой стратегической программы действий. Отсутствие такой программы приводит к тому, что органы национального самоуправления превращаются в своеобразных пожарных, которые пытаются затушить уже полыхающий пожар, вместо того чтобы предвидеть его за несколько шагов. Мы вынуждены констатировать тот факт, что отсутствие общей программы и

отсутствие системы наказаний за невыполнение решений Курултая или Меджлиса, дискредитация движения изнутри приводит к застою и конфликтам внутри движения.

Авторитет органов национального самоуправления в крымскотатарской среде возможен только при условии уважения и **беспрекословного выполнения** самими активистами решений органов национального самоуправления. Вам может не нравится решение меджлиса, вы можете иметь свою позицию и отстаивать ее на заседании, но после вынесения решения каждый должен приложить максимум усилий для его воплощения в жизнь. На этом должна строиться система. Кроме того, необходимо предусмотреть систему ответственности за невыполнение или саботирование решений меджлисов.

Крымскотатарское национальное движение существует уже 50 лет и в его истории были взлеты и падения и это нормальное состояние для столь долго живущего организма. Сегодня пришло время для проведения некоторых внутренних и внешних реформ в движении. Этого не надо бояться, а необходимо подойти взвешено как к работе, которая требует от нас максимум усилий и которая в конечном итоге имеет целью восстановление прав крымскотатарского народа.

Список документов

1. Национальная Конституция (Основной Закон) крымскотатарского народа, 1917 г.
2. Декларация о национальном суверенитете крымскотатарского народа 1991 г.
3. Положение «О Меджлисе крымскотатарского народа», 1991 г.
4. Типовое положение «Об органах национального самоуправления крымскотатарского народа», 1991 г.
5. Проект Конституции Республики Крым, представленный Меджлисом крымскотатарского народа, 1991 г.

Список литературы

1. Червонная С.М.., Губогло М.Н. «Крымскотатарское национальное движение» т. 1-4, М. 1992-1997 гг.
2. Алексеева Л. «История инакомыслия в СССР»
3. Официальный сайт Меджлиса крымскотатарского народа www.qurultay.org
4. Кримськотатарське питания випуск №2 (26) 2002 "Мустафа Джемільов. Доповіді на Курултаях кримськотатарського народу" Кримський центр незалежних пол1тичних досл1джень.
5. Крымскотатарский вопрос в документах ЦК КПСС «Исторический журнал», 1994 г.

А.Б. Швец

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОГО КРЫМА

Крымское региональное сообщество традиционно изучается как полиэтничное и толерантное. При этом подчеркивается, что возможные проявления социокультурной конфликтности, теоретически связанные с различиями в ценностных ориентациях разных

этносов, формируются под воздействием высокой степени политизированности всех социальных процессов в Крыму.

Сомневаться в этих рассуждениях не имеет смысла, поскольку Крым на переломе двух столетий не превратился в «горячую точку», но и не снизил свой латентный потенциал противоречий, способных вызвать появление конфликтности в межэтнических отношениях. Подтверждением сказанному может служить анализ эволюции форм протестного поведения различных этнических групп крымчан, которые фиксировались нами по сообщениям средств массовой информации в период с 1989 по 2008 гг.

Целью работы стало выявление предпосылок эволюции различных форм протестного поведения в межэтничной среде Крыма.

Латентный потенциал социокультурной конфликтности не может уменьшиться в современном Крыму, поскольку автономия по-прежнему представляет интерес для утверждения здесь государственнических позиций Украины. Именно в русскоязычном Крыму украинскому государству важно одержать победу в утверждении монолингвистичности регионов Украины. Именно на примере Крыма, с его пророссийской геополитической ориентацией, украинское государство планирует отработать методику слома ориентализма или нацеленности на Восток, характерную для большинства левобережных регионов страны. И, в конечном счете, именно в Крыму отрабатывается общеукраинская технология политического влияния на взаимодействие доминирующих этносов. Эта технология, как показывает опыт современного взаимодействия политических структур украинского государства с тюрками и славянами Крыма, внутренне конфликтна, поскольку сориентирована на поиск союзников в одном этническом окружении и врагов - в ином.

Тема социокультурных противоречий в межэтническом пространстве Крыма не нова. Ею давно занимаются представители исторической и географической наук, политологи и социологи. В источниковедческой среде этой проблемы выделим работы Абдураимова В.Э. [1], Айбабина А.И., Герцена А.Г., Храпунова И.Н. [2], Григорьянца В.Э. [3], Зарубина В.Г. [4,5], Киселевой Н.В. [6], Кислого А.Е.[7], Никифорова А.Р.[8,9], Мальгина А.В. [10] и др. В упомянутых исследованиях наиболее полно фиксируются цели и содержание этнических и конфессиональных процессов в различные исторические периоды развития Крыма, отмечаются субъекты этнических противоречий и те мифологемы, которые создают неоднозначное поле их общественного восприятия. Между тем, формы протестного поведения этнических групп анализируются лишь в работе А.Р.Никифорова [9]. Поэтому в *задачу* настоящего исследования была включена попытка расширения представлений о тех формах протестного поведения различных этнических групп Крыма, которые возникли под влиянием процесса политизации взаимодействия доминирующих этносов полуострова.

Термин «доминирующие этносы» лишен политической окраски и соответствует представлениям демографов о том, что какой-либо этнос имеет ярко выраженную тенденцию численного роста и повсеместного расселения по территории. Историческая ретроспектива Крыма демонстрирует устойчивое доминирование на территории полуострова двух этносов: славянского (в составе русских, украинцев и белорусов) и тюркского (в составе крымских татар). Эти этносы в совокупности составляют 94,6% общей численности населения Крыма. Они расселены по всем административным районам полуострова. Славянский этнос сегодня численно преобладает практически во всех административных территориях автономии, в пределах всех ландшафтных зон, характерных для Крыма: степной, предгорной и горно-прибрежной. Вместе с тем, в пределах контакта степной и предгорной ландшафтных зон Крыма сформировались территории с повышающейся степенью присутствия тюркского этноса и, прежде всего, крымских татар. В таких районах, как Бахчисарайский, Симферопольский, Белогорский, Кировский по результатам Всеукраинской переписи 2001 г. удельный вес крымскотатарского населения превысил отметку в 20%. Численность этого народа увеличилась в означенных территориях в четыре раза, по сравнению с последней советской переписью 1989 г.

Взаимодействие доминирующих этносов в современном Крыму проходит под влиянием разнонаправленных социокультурных установок. Это является одной из причин той легкости, с которой украинское государство может вмешиваться в процесс межэтнического взаимодействия в Крыму и политизировать его.

Каждый из доминирующих этносов полуострова имеет собственную социокультурную программу или сверхзадачу развития. Русские стараются сегодня *сохранить свою социокультурноую и политическую титульность* и возможность самостоятельно организовывать собственное пространство культуры, украинцы – *созидают политическую титульность*, находясь на полуострове в состоянии этнического меньшинства, а крымские татары *реинтегрируются* «компактным ядром», в «тело русско-культурного анклава» (термины В.Э.Абдураимова). Сегодня это включение происходит по изоляционистскому сценарию, написанному политической элитой этого народа. Одним из проявлений политического изоляционизма можно считать существование параллельных общекрымским этнических структур власти крымских татар в лице Курултай - Меджлиса крымскотатарского народа.

Ясно, что разнонаправленность социокультурных и политических устремлений этносов не может не порождать в межэтническом пространстве состояние определенного соперничества и конфликтности, поскольку политические задачи и цели различных этнических групп Крыма имеют тенденцию к взаимоисключаемости. Так например, стремление крымскотатарской политической элиты к созданию в Крыму национально-

территориальной автономии никогда не найдет поддержки в русско-славянской среде Крыма, имеющей собственную программу созидания на полуострове такой культурно-территориальной общности, в которой будет преобладать региональная, а не этническая идентичность в сознании населяющих её народов.

Политизация процесса взаимодействия доминирующих этносов в современном Крыму проявилась в двух конфронтационных вариантах. *Первый вариант* можно условно обозначить как самоутверждение элиты крымскотатарского этноса в межэтническом пространстве Крыма. Это самоутверждение проходило как конфронтационное взаимодействие элиты крымских татар преимущественно с властью. *Второй вариант* – носил характер конфронтации элиты крымскотатарского этноса не только с властью но и с «остальными крымчанами». Оба варианта политизации межэтнических взаимодействий формировались как результат устремленности крымскотатарской политической элиты к обретению политического статуса в республиканских органах власти и подробно проанализированы в работе А.Р.Никифорова [9].

Вариант конфронтации элиты крымскотатарского этноса преимущественно с властью датируется с 1989 по 1999 гг. Это время активного возвращения и обустройства ранее депортированных народов и определенной отлученности крымских татар от участия в официальных структурах крымской и украинской власти. Указанный период сопровождался нерешенностью множества социальных и экономических проблем крымских татар. В результате крымское региональное сообщество приобрело такие варианты протестного поведения крымскотатарского этноса, как *«самозахваты» («самовозвраты»* - по версии крымскотатарских СМИ*)* земельных участков. Эта форма протестного поведения сопровождалась предварительным перекрытием железных и автомобильных дорог, пикетами и брутальными проникновениями протестующих в здания центральных и районных органов власти. Такие проникновения были зафиксированы уже в ноябре 1991 г. в с.Дачное Судакского горсовета, где группа крымских татар произвела захват помещения этого органа власти сроком на три дня с требованием выделения 40 га земли, занятых виноградниками, под индивидуальное строительство. Самой резонансной попыткой овладения официальным зданием власти стали события октября 1992 г., когда митингующие против сноса самостроя в с. Красный Рай крымские татары попытались овладеть зданием Верховного Совета Крыма. Проникновение сопровождалось столкновением с бойцами ОМОН, в ходе которого были пострадавшие с обеих сторон. Эта манифестация неповиновения и протеста сопровождалась предварительным перекрытием крымскими татарами пяти автомагистралей, ведущих к Симферополю.

Во время митингов, подобных описанному выше, крымские татары нередко манифестировали свою религиозную принадлежность, украшая головы зелеными повязками с надписями из Корана, совершая публичную молитву, а также выкрикивая «Аллах акбар!».

Реакция славянского населения на протестные действия крымских татар в этот период была относительно спокойной, поскольку сами славяне, а также иные недоминирующие этносы Крыма, были заняты решением экономических и финансовых проблем, возникших вместе со сломом привычного, доперестроечного, уклада жизни. В это же время Крым втягивался в политические баталии с центральными органами власти за юридическое наполнение механизмов жизни крымской автономии.

С 2000 г. и по настоящее время характер протестного поведения доминирующих этносов Крыма меняется. Это связано с целым рядом причин, в числе которых можно выделить повышение уровня представительства крымскотатарского этноса в структурах региональной и центральной власти. С 1994 г. крымскотатарский народ получает квотированное представительство в парламенте АРК. В 1999 г. образован Совет представителей крымскотатарского народа при Президенте Украины. С 2002 г. Меджлис крымскотатарского народа получил гарантированную квоту в формировании Совета министров АРК.

Повышение уровня политической представленности крымских татар в структурах власти сопровождалось увеличением спектра и жесткости осуществлении ими протестных форм поведения. Самозахваты земельных участков становятся обширнее и перемещаются из степной в предгорную и горные части полуострова. Начинается переход к прямым самозахватам земельных участков без предварительных форм выдвижения каких-либо требований. На таких самозахватах ускоренно строятся жилые постройки, причем, в наиболее выгодных с точки зрения их будущей продажи или рекреационного использования регионах. Разворачивается кампания противодействия деятельности Крымской епархии Украинской православной церкви (Московского патриархата), завершающаяся уничтожением поклонных крестов в различных регионах Крыма. Возникают имущественные конфликты вокруг Бахчисарайского рынка и территории Свято-Успенского монастыря. На южнобережье появляются «поляны протеста» с требованиями предоставления земли в пределах заповедных или садово-парковых комплексов. В Симферополе возникает «информационный пикет» на месте строительства соборной мечети.

С начала 2000-х годов славянское население Крыма начинает постепенно реагировать на действия политической элиты крымских татар различными вариантами самоорганизации. В восточных регионах Крыма, где имел место наиболее активный «крестоповал», возникают казачьи общины, очень быстро и резко реагирующие на любые проявления протестной деятельности крымских татар. Крымскотатарские «поляны протеста» в бухтах Тихой и Капсель сопровождаются появлением в среде славянского населения такой формы самоорганизации как «славянский антипикет». «Славянские антипикеты» получили распространение в столице Крыма, в Судаке на территории детского оздоровительного дайвинг-центра «Шельф», а пикет жителей Партенита стал первым массовым мирным

вариантом противодействия территориальной громады поселка появлению крымскотатарских самозахватов на его территории.

Славянский «протест против протеста» или «славянские антипикеты» стали тревожным явлением крымской действительности начала 2000-х годов. Их появление свидетельствовало о том, что различные этнические группы в Крыму стали воспринимать власть как беспомощную или корыстную в экономической сфере. Это усилило правовой нигилизм в обществе и создало предпосылки для нарастания в нем межэтнического напряжения. Ведь, если представителям одного этноса возможно удерживать годами захавченные незаконным путем земельные участки, то у другого этноса срабатывает комплекс обиды за собственную обделенность.

Таким образом, на рубеже XX и XXI вв. Крым стал регионом, где социокультурные противоречия приобрели реальные проявления в различных районах полуострова и сферах жизни населяющих их этносов. Исследование эволюции форм протестного поведения этнических групп Крыма лишь начинается и здесь важно отмечать любые территориальные своеобразия их проявления. Это поможет провести пространственную типологию случаев возникновения социокультурных противоречий как вариант управленческого воздействия на эту форму латентной конфликтности.

Список литературы

1. Абдураимов В.Э. Некоторые особенности этнических процессов в современном Крыму // Этнография Крыма X1X – XX вв. и современные этнокультурные процессы. – Симферополь, 2002. - С.1-4.
2. Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // Материалы по истории, археологии и этнографии Крыма. Вып.3.- Симферополь, 1993. - С.211-222.
3. Григорьянц В.Е. О некоторых особенностях развития социокультурной ситуации в Крыму // Пилигримы Крыма. / Сб. науч. статей и материалов. Вып.2 (7). Новая и новейшая история Крыма. – Симферополь: Крымский Архив. - 2003. - С.28-35.
4. Зарубин В.Г. Межнациональные отношения и национальная политика государственных образований в Крыму (конец 1917-1920 г.). – Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. – Симферополь, 1999.
5. Зарубин В.Г. Об этнонациональном конфликте в Крыму (1918 г.).// Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып.2. – Симферополь, 2001.
6. Киселева Н.В. Этносоциологическая оценка конфликтогенного потенциала Крыма // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «география». – Т.17(56).- № 4. – 2004. – С.217-221.
7. Кислый А.Е. Историко-демографические предпосылки этноконфликтности // Межэтническое согласие в Крыму. – Доля, 2001. – С.108-120.
8. Никифоров А.Р. Этнические процессы в современном Крыму // Этнография Крыма X1X-XX вв. и современные этнокультурные процессы. – Симферополь, 2002. - С.94-99.
9. Никифоров А.Р. Этнополитические процессы в крымскотатарской среде в 2001-2008 гг.: ход развития и перспективы // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтничных и межконфессиональных отношений в Крыму. – Симферополь, 2008. – С.38-74.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бекиров Надир Валерьянович, кандидат философских наук, президент Фонда исследований и поддержки коренных народов Крыма

Вакулова Татьяна Владимировна, ст. преподаватель Севастопольского городского гуманитарного университета, аспирант ТНУ им. В.И. Вернадского

Велешко Елена Николаевна, кандидат политических наук, старший преподаватель Крымского гуманитарного факультета НПУ им. М. Драгоманова

Вуйченко Мария Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Уманского государственного аграрного университета

Гаспарян Людмила Сергеевна, ассистент ТНУ им. В.И. Вернадского

Горюнова Евгения Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений ТНУ им. В.И. Вернадского

Давыдова Виктория Рудольфовна, зам. директора Севастопольского морского колледжа КГАВТ, аспирант ТНУ им. В.И. Вернадского

Евтюшкин Игорь Владимирович, преподаватель Крымского государственного медицинского университета им. С.И. Георгиевского

Ефимов Сергей Алексеевич, председатель Крымского отделения Социологической ассоциации Украины, руководитель социологической службы «Крымсоцис», действительный член Крымской академии наук

Зарубин Вячеслав Георгиевич, магистр госуправления**,** зав. отделом Республиканского комитета АР Крым по охране культурного наследия

Зіятдінова Еміне Бахтіярівна, магістр соціології, випускниця Львівського національного університету ім. Івана Франка

Зоткин Андрей Алексеевич, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии НАН Украины

Каджаметов Лемар Рустемович, главный специалист ГУ внешних связей и межрегионального сотрудничества СМ АРК

Кальной Игорь Иванович, доктор фил. наук, проф., заведующий кафедрой социальной философии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского

Каповская Наталия Владимировна, старший научный сотрудник РФ НИСИ в г. Симферополе

Киселев Александр Сергеевич, магистр географии, аспирант кафедры экономической и социальной географии ТНУ им. В.И. Вернадского

Киселева Наталья Васильевна, кандидат политических наук, доцент ТНУ им. В.И. Вернадского, руководитель службы социологии фирмы «КБ-САМ»

Кононов Илья Федорович, доктор социол. наук, проф., зав. кафедрой философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко

Кузьмин Николай Николаевич, канд. фил. наук, доцент экономико-правового факультета Одесской национальной юридической академии в г. Симферополе.

Кульпин-Губайдуллин Эдуард Сальманович, доктор фил. наук, канд. эк. наук, проф., ак. РАЕН, гл. научн. сотр. Института востоковедения РАН, зав. кафедрой истории Московского физико-технического института, главный редактор журнала «История и современность»

Куртсеитов Рефик Джаферович, канд. социол. наук, декан Крымского инженерно-педагогического университета, член президиума Социологической ассоциации Украины

Лантух Наталья Андреевна, член Президиума Думы Русской общины Крыма

Мальгин Андрей Витальевич, канд. фил. наук, генеральный директор Центрального музея Тавриды, член-корреспондент Крымской академии наук

Могаричев Юрий Миронович, доктор исторических наук, профессор Крымского республиканского института последипломного педагогического образования

Никифоров Андрей Ростиславович, канд. ист. наук, доцент ТНУ им. В.И. Вернадского, член-корреспондент Крымской академии наук

Петроградская Анна Сергеевна, магистр географии, выпускник аспирантуры кафедры экономической и социальной географии ТНУ им. В.И. Вернадского

Проноза Андрей Викторович, канд. социол. наук, доцент Керченского экономико-гуманитарного института ТНУ им. В.И. Вернадского

Романько Олег Валентинович, доктор ист. наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук КГМИ им. С.И. Георгиевского

Сенюшкина Маргарита Александровна, кандидат экономических наук, доцент ТНУ им. В.И. Вернадского, член-корреспондент Крымской академии наук

Сенюшкина Татьяна Александровна, доктор наук гос. управления, профессор кафедры политических наук и социологии ТНУ им. В.И. Вернадского

Сомов Максим Витальевич, кандидат политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Университета экономики и управления, г. Симферополь

Темненко Валерий Анатольевич, к.ф.-м.н., доцент Таврического национального университета им. В.И. Вернадского

Умеров Ильми Рустемович, председатель Бахчисарайской районной государственной администрации

Филатов Анатолий Сергеевич, канд. фил. наук, доцент ТНУ им. В.И. Вернадского, директор Центра этно-социальных исследований

Хриенко Павел Андреевич, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой управления, социологии и права ЮФ НУБИП «Крымский агротехнологический университет», действительный член Крымской академии наук

Хриенко Татьяна Викторовна, доктор социологических наук, профессор ТНУ им. В.И. Вернадского, член-корреспондент Крымской академии наук

Шатохин Анатолий Николаевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой Уманского государственного аграрного университета

Швец Александра Борисовна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии ТНУ им. В.И. Вернадского

Шевчук Александр Гаевич, кандидат географических наук, доцент Крымского республиканского института последипломного педагогического образования

Шульга Николай Александрович, доктор социологических наук, профессор, зам. директора Института социологии НАН Украины

Эмирова Адиле Мемедовна, доктор филологических наук, профессор ТНУ им. В.И. Вернадского, действительный член Крымской академии наук

Яковлев Андрей Николаевич, магистр географии, аспирант кафедры экономической и социальной географии ТНУ им. В.И. Вернадского

2012: КРЫМСКИЕ ЮБИЛЕИ

24 января (5 февраля) 1887 г. - *125 лет назад* - в Симферополе учреждена Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК).

26 февраля 1992 г. - *20 лет назад* - по инициативе депутата С.А. Ефимова Верховным Советом Крымской АССР принят Закон Крымской АССР «О Республике Крым как официальном названии демократического государства Крым»: «Исходя из Декларации о государственном суверенитете Крыма и реализуя исключительное право выступать от имени народа Крыма, Верховный Совет Крымской Автономной Советской Социалистической Республики постановляет: одобрить название «Республика Крым» и считать его официальным названием». В этот же день Верховный Совет Крыма одобрил и музыкальную редакцию Государственного гимна Республики Крым (композитор А.С. Караманов), повсеместное исполнение которого вводилось с 5 марта 1992 г.

25 марта (7 апреля) 1917 г. - *95 лет назад* - в Симферополе открылось общее собрание мусульман Крыма, избравшее муфтием (духовным руководителем) революционного демократа поэта Ч. Челебиева (Челеби Джихана) (1885-1918). Под его председательством тогда же образован Временный мусульманский исполнительный комитет (Мусисполком). Лидеры Мусисполкома в этот период разделяли взгляды общероссийской демократии, акцентируя внимание на антифеодальных и просветительских задачах, ставили своими целями передачу «всей земли трудовому народу», отмену сословных привилегий, создание культурной автономии крымских татар и отдельных крымскотатарских воинских формирований.

2 апреля 1992 г. - *20 лет назад* - в соответствии с Законом Крымской АССР «О референдуме» в течение двух месяцев собрано 247 865 подписей крымчан под требованием провести референдум со следующим вопросом: «Принимая во внимание неправомерность актов 1954 года о передаче Крыма из состава России в состав Украины, учитывая волю народа Крыма, выраженную на общекрымском референдуме 20 января 1991 года и в связи с результатами голосования Крыма по вопросу общеукраинского референдума 1 декабря 1991 года: ВЫ ЗА НЕЗАВИСИМУЮ РЕСПУБЛИКУ КРЫМ В СОЮЗЕ С ДРУГИМИ ГОСУДАРСТВАМИ?» Поскольку число подписей граждан, имеющих право на участие в общекрымском референдуме, составило более одной десятой части (13,6%) от 1 818 931 граждан, внесенных в список голосования 1 декабря 1991 г., инициативные группы по сбору подписей направили Верховному Совету Крыма требование определить дату проведения этого референдума.

5 мая 1992 г. - *20 лет назад* - 7-я сессия Верховного Совета Крыма приняла Акт о провозглашении государственной самостоятельности Республики Крым: «Исходя из необходимости ускорения процесса становления государственности Республики Крым, в связи со сложившейся вокруг Крыма политической ситуацией, выражая огромную тревогу и обеспокоенность возрастанием напряженности между Украиной и Россией, стремясь стать консолидирующим фактором в их взаимоотношениях, основываясь на волеизъявлении крымчан на референдумах 1991 года, осуществляя Декларацию о государственном суверенитете Крыма, подтверждая приоритет общечеловеческих ценностей, приверженность общепризнанным принципам и нормам международного права, разделяя с другими государствами полноту ответственности за возвращение депортированных из Крыма народов, Верховный Совет Крыма провозглашает создание СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА РЕСПУБЛИКА КРЫМ», которая «будет строить свои отношения с другими государствами в соответствии с международным правом, на началах равноправия и взаимовыгодного сотрудничества. Территория Республики Крым в границах Крымского полуострова является неделимой и неприкосновенной. Настоящий Акт вступает в силу с момента его утверждения на общекрымском референдуме». В этот же день ВС Крыма принял постановление о проведении 2 августа референдума по вопросам: «Вы за независимую Республику Крым в союзе с другими государствами?» и «Вы утверждаете Акт о провозглашении государственной самостоятельности Республики Крым?». 21 мая крымский парламент постановил: «Учитывая политическую ситуацию в Крыму и

Постановление Верховного Совета Украины от 13 мая 1992 года, [...] считать реализованным Акт о провозглашении государственной самостоятельности Республики Крым в связи с принятием Конституции Республики Крым и отменить Постановление Верховного Совета Крыма от 5 мая 1992 года «Об Акте о провозглашении государственной самостоятельности Республики Крым», а 9 июля 1992 г. объявил бессрочный мораторий на проведение указанного общекрымского референдума.

6 мая 1992 г. - *20 лет назад* - 7-я сессия Верховного Совета Крыма приняла Конституцию Республики Крым, преамбула которой констатировала: «МЫ, СВОБОДНЫЕ И РАВНЫЕ В СВОИХ ПРАВАХ И ДОСТОИНСТВЕ ГРАЖДАНЕ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ НАРОД КРЫМА, соединенные многовековыми узами общей исторической судьбы, безоговорочно осуждая как преступные и антигуманные все акты, совершенные тоталитарным режимом против народа Крыма, признавая Всеобщую Декларацию прав Человека, исходя из стремления обеспечения социальных, экономических, гражданских прав личности и достойного уровня жизни всех, УТВЕРЖДАЕМ КОНСТИТУЦИЮ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ПРОВОЗГЛАШАЕМ ЕЕ ОСНОВНЫМ ЗАКОНОМ ПРАВОВОГО, ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО, СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА КРЫМ». В Конституции было зафиксировано, что Республика Крым обладает на своей территории «верховным правом в отношении природных богатств, материальных, культурных и духовных ценностей, осуществляет свои суверенные права и всю полноту власти...», «входит в состав государства Украина и определяет с ним свои отношения на основе договоров и соглашений». Устанавливалось гражданство Республики Крым, провозглашалось право на двойное гражданство, государственными объявлялись крымскотатарский, русский и украинский языки, а официальным языком и языком делопроизводства - русский. Высшим должностным лицом и главой государственной исполнительной власти в Республики определялся Президент Республики Крым.

19 – 31 (30 мая - 11 июня) 1787 г. - *225 лет назад* - Екатерина II в сопровождении Г.А. Потемкина, австрийского императора Иосифа II, послов Австрии, Англии и Франции совершила путешествие по Крыму.

4 июня 1937 г. - *75 лет назад* - IX Чрезвычайный Всекрымский съезд Советов принял Конституцию Крымской АССР. Конституцией предусматривалась публикация законов КрАССР на русском и татарском языках. На них же сохранялись и надписи «РСФСР», «Крымская АССР», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на гербе и флаге автономии. Судопроизводство в сельских районах, районах городов и поселках с большинством татарского населения могло вестись на татарском языке, русского населения - на русском; в сельских районах и поселках с большинством немецкого или еврейского населения - соответственно на немецком и еврейском языках, а в центральных судебных учреждениях - на татарском и русском языках. Гарантировалось обучение в школах на родном языке. По сравнению с Конституцией 1921 г. круг полномочий органов власти и управления автономии сужался, в случае расхождений между законодательством РСФСР и КАССР на территории республики действовали законы и распоряжения центральных ведомств РСФСР.

1 (13) сентября 1812 г. - *200 лет назад* - в Симферополе открыта мужская гимназия - первое в Крыму среднее учебное заведение.

11 - 12 сентября 1927 г. - *85 лет назад* - произошло самое сильное в новейшей истории Крыма землетрясение. Сила его толчков достигала на южном побережье 8 баллов.

24 сентября 1992 г. - *20 лет назад* - Верховный Совет Крыма принял Законы о Государственном гербе и Государственном флаге Республики Крым, утвердив проекты Г.Б. Ефетова, А.В. Мальгина, В.А. Трусова, В.А. Ягупова.

8 (20) октября 1802 г. - *210 лет назад* - указом императора Александра I создана Таврическая губерния. Она включала семь уездов: четыре крымских - Симферопольский, Евпаторийский, Феодосийский, Перекопский, два в Северной Таврии - Днепровский, Мелитопольский и один на Таманском полуострове - Тмутараканский, который в 1820 г. был выделен из ее состава. В 1803 г. образована особая административная единица - Феодосийское градоначальство (ликвидировано в 1829 г.), в 1821 г. создано Керчь-

Еникальское градоначальство, а в 1873 г. - Севастопольское. Они управлялись градоначальником, который одновременно являлся командиром порта и комендантом города. В 1838 г. учрежден Ялтинский уезд. Через четыре года Днепровский и Мелитопольский разделены на три уезда. Так появляется Бердянский уезд Таврической губернии. По III Универсалу Центральной Рады (7(20) ноября 1917 г.) три северных уезда включаются в состав Украинской Народной Республики. Но по декрету Таврического Центрального Исполкома от 19 марта 1918 г. все уезды Таврической губернии входят в состав Таврической Республики Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Однако тот же ЦИК декретом от 22 марта объявляет создание Советской Социалистической Республики Тавриды лишь в пределах Крымского полуострова. Этой же территорией управляло Крымское Краевое правительство М.А. Сулькевича (25 июня - 15 ноября 1918 г.), имевшее пограничные конфликты с Украинской Державой. Сменившее его Крымское Краевое правительство С.С. Крыма с 21 января 1919 г. пыталось установить свою юрисдикцию над тремя уездами Северной Таврии, но этому воспрепятствовала Добровольческая армия. Созданная в конце апреля 1919 г. Крымская ССР контролировала территорию Крыма без Керченского полуострова, удерживаемого белыми. После ее падения в конце июня 1919 г. восстанавливается Таврическая губерния, Бердянский, Мелитопольский и Днепровский уезд вновь включены в ее состав. С занятием полуострова Красной Армией в ноябре 1920 г. историю Таврической губернии можно считать законченной.

26 ноября (9 декабря) 1917 г. - *95 лет назад* - в Бахчисарае начал работу Курултай - национальный съезд крымских татар. В выборах его делегатов участвовало более 70% татарского населения Крыма, избрано 78 человек (в том числе 4 женщины). На первом же заседании Курултая выявились разные точки зрения на сотрудничество с различными политическими силами по созданию краевой власти. Если правые во главе с Дж. Сейдаметом предлагали работать вместе с антибольшевистским коалиционным Таврическим губернским советом народных представителей (СНП), то левые настаивали на коалиции между Курултаем, СНП и большевиками. К компромиссу с последними был склонен и Ч. Челебиев, муфтий, лидер национального движения.

Материал подготовлен В.Г.Зарубиным

Научное издание

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КРЫМА

Научно-практический
дискуссионно-аналитический сборник

Выпуск 16

Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы

Редакционная коллегия выпуска:
С.А.Ефимов (председатель), Н.В.Киселева (зам. председателя), П.А.Хриенко (зам. председателя), Н.В.Бекиров, И.В.Евтюшкин, С.Н.Киселев, Р.Д.Куртсеитов, А.В.Мальгин, А.Р.Никифоров, А.В.Проноза, Т.А.Сенюшкина, В.А.Темненко, В.А.Урсина, Т.В.Хриенко

Технический редактор О.Н.Колчевская

Свідоцтво ДК № 463 від 24.05.2001р.
про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції

Издательство «Сонат», 95050, г. Симферополь,
ул. Хабаровская, 48/41. Тел/факс (0652) 69-32-06
E-mail: sonat@crimea.com, http://www.sonat.com.ua

Подписано в печать: 27.04.2012 г. Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16
Гарнитура Times New Roman. 25,5 усл.-печ. л. Тираж 300 экз. Заказ N 3/042.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в типографии СПД Харитонов А.А.
г. Симферополь, ул. Самокиша, 30, оф.93
E-mail: faktor-mail@mail.ru Тел./факс (0652) 54-62-13